

ГЕАОДЕК

ДИКЛАДТУРЕ

Институт славяноведения РАН

Петрухин В.Я.

Русь в IX–X веках

**От призвания варягов
до выбора веры**

**ФОРУМ
НЕОЛИТ**

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)41
П30

Утверждено к печати Ученым советом
Института славяноведения РАН

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор С.А. Иванов,
доктор исторических наук, профессор Е.А. Мельникова

Петрухин В.Я.

П30 Русь в IX–X веках. От призвания варягов до выбора веры. — М. :
ФОРУМ; Неолит, 2013. — 464 с.

ISBN 978-5-91134-691-1

Книга посвящена проблеме формирования Русского государства в геополитическом контексте политических и этнокультурных процессов, проходивших в Европе в конце 1-го тыс. н.э., начиная с расселения славян. Особое значение придается исследованию исторических основ летописных известий о первых русских князьях, начиная с легенды о Кие и призвании варягов. Становление начальной русской государственности — городов, государственного права и культа, искусства — рассматривается с учетом взаимодействия разных этнокультурных традиций в Восточной Европе. Завершающий сюжет книги — выбор веры, характеристика начального русского христианства и отвергнутого язычества.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)41

ISBN 978-5-91134-691-1

© Петрухин В.Я., 2012
© Издательство «ФОРУМ», 2013
© Издательский дом «Неолит», 2013

Предисловие

Книга о начале этнокультурной истории Руси, подготовленная на основе докторской диссертации, была издана в 1995 г. (см. Петрухин 1995)¹. Работа во многом была направлена на преодоление стереотипов, сложившихся в официальной советской историографии как в отношении начального летописания (например, установка на недостоверность летописного предания о призвании варягов), так и в отношении начальных этапов русской истории, в том числе роли ее балтийского (балтского), варяжского и хазарского компонентов, каковая принижалась или сводилась к помехам в прогрессивном развитии исключительно русской (славянской) государственности.

За прошедшие десятилетия (материал для книги был собран в 1980-х гг.) многое изменилось, особенно в археологии. Так, продолжалось изучение роли варягов в истории Руси (с Е.А. Мельниковой — см. Мельникова 2011), была организована работа в рамках междисциплинарного «Хазарского проекта» — исследование крепостей и поселений хазарского времени на Юге Восточной Европы (И.А. Аржанцева, В.С. Флёров). Продолжению исследований способствовали международные конференции и археологические выставки, посвященные «Пути из варяг в греки» (Государственный исторический музей, 1996; РГГУ, 2006), два междисциплинарных коллоквиума по истории хазар (Иерусалим, 1999; Москва, 2002), в организации которых принимал участие автор.

Утрата учителей и коллег невосполнима, но вместе с тем требует продолжения работы. Не стало моего учителя в области археологии — профессора

---

¹ Книга подготовлена издательством «Русич» по инициативе А.Д. Кошелева, возглавившего издательство «Языки русской культуры». Программой для нового издательства стала серия «Из истории русской культуры», в составлении которой принимал участие автор. То же издательство (переименованное в «Языки славянских культур») выпустило собрание работ автора «Русь и все языки» (М., 2011).

МГУ Д.А. Авдусина (1918–1994), который руководил раскопками в Смоленске и Гнёздове. Не суждено было исполниться и планам автора подготовить работу о древних «варварских» истоках восточноевропейской средневековой культуры — книгу «Скифия и Русь», о которой автор размышлял со своим другом — крупнейшим отечественным скифологом Д.С. Раевским (1941–2004)². Не стало лингвиста и крупнейшего специалиста по финно-угорским и самодийским языкам Е.А. Хелимского (1950–2007), археолога Г.С. Лебедева (1943–2003), чья книга «Эпоха викингов в Северной Европе» демонстрировала единство исторических импульсов, объединявших Скандинавию и Русь. Книга по этнокультурной истории Руси (Петрухин, 1995) была подготовлена в отделе этнолингвистики и фольклора Института славяноведения (и балканистики) под руководством академика Н.И. Толстого (1923–1996), с которым постоянно обсуждались проблемы язычества и языческого наследия в русской культуре. Особое значение для понимания роли балтов и «восточного» — иранского и хазарского компонентов имеют исследования академика В.Н. Топорова (1928–2005).

По инициативе А.И. Комеча (1936–2007), возглавлявшего Институт искусствознания, автор продолжил заниматься проблемами пред истории русского искусства³. Интерес к хазарам и работы Хазарского проекта находили неизменную поддержку у крупнейшего археолога-хазароведа С.А. Плетневой (1926–2008). Автор планировал обсудить рукопись предлагаемой книги с коллегой по отделу средних веков Института славяноведения, крупнейшим отечественным византинистом, академиком Г.Г. Литавриным (1925–2009), с которым до последнего дня его жизни велась работа над очередным изданием знаменитого трактата Константина Багрянородного «Об управлении империей».

Автор продолжил работу в Институте славяноведения РАН, стремясь сосредоточиться как над проблемами начальной истории славян и Руси (в отделе истории средних веков, под руководством чл.-корр. Б.Н. Флори)⁴, так и над проблемами архаических истоков восточнославянской традици-

² Готовится третье издание пособия «Очерки истории народов России в древности и раннем средневековье», два издания были подготовлены автором и Д.С. Раевским в 1998 и 2004 г.

³ Первый том задуманной А.И. Комечем истории русского искусства — Искусство Киевской Руси. IX — первая половина XII в. (М., 2007) — вышел после смерти инициатора и составителя издания.

⁴ Отдел средних веков издает серийные сборники «Славяне и их соседи», характеризующие историческое место славян в окружающем мире; продолжается работа над темой «Общественная мысль славянских народов в эпоху средневековья» (см. Петрухин 2008).

онной культуры — фольклора (в отделе этнолингвистики и фольклора, которым руководит С.М. Толстая)⁵.

Сложности, которые испытывает академическая наука (в частности, малотиражность изданий, не ориентированных специально на широкого читателя), за прошедшие годы компенсировалась производством книжной продукции, нередко призванной заменить историческое знание примитивными мифами и потешить амбиции как авторов, так и дезориентированной массовым предложением публики. Здесь и «новая хронология», игнорирующая все проблемы источниковедения, и конструкции, считавшиеся анекдотическими в научной среде еще в эпоху шовинистической истерии конца 1940-х — начала 1950-х годов (вроде «этруски — это русские»), и т. п. Неким самостоятельным «жанром» историографической фантастики стали книги об арийском происхождении «русов» в каменном веке, их «арктической прародине» (примыкающие к мистификациям вроде Влесовой книги, Русских вед, тиражируемым неоязычниками) и прочие поделки.

Помимо историографических мистификаций постоянно переиздаются дореволюционные авторы, чей подход к проблемам русской (особенно начальной) истории подвергался существенной критике уже в современной им историографии (Н. Костомаров, Д. Иловайский и др.). Эти проблемы игнорируются издателями, вследствие чего у современного читателя формируется неверное представление о развитии исторической науки. Не лучше обстоит дело с переизданием старых книг, которое сопровождается не аналитическим, а формально апологетическим или просто эпигонским комментарием; к ним относится переиздание авторов XVII и XVIII вв., таких как первый русский учебник истории «Синописис»⁶, составленный И. Гизелем, русская история М.В. Ломоносова или собрание сочинений С. Геденова по варяжскому вопросу⁷ (о месте этих сочинений в отечественной историографии пойдет речь в книге).

Начало истории народа и страны всегда приковывало интерес историографии, публицистики и даже художественной литературы⁸. Для Руси — Русской земли этот интерес был задан самой Начальной летопи-

⁵ Отдел этнолингвистики и фольклора издает этнолингвистический словарь «Славянские древности»; в соавторстве с О.В. Беловой автор подготовил книгу «Фольклор и книжность: миф и исторические реалии» (М., 2008), продолжает работу над проблемами «народной религии».

⁶ Мечта о русском единстве. Киевский синописис [1674]. М.: Европа, 2006.

⁷ Геденов С.А. Варяги и Русь. — 2-е изд., комментированное. М., 2004.

⁸ Варяги и хазары стали специальной темой антиутопий В. Аксенова («Редкоземельные металлы») и Д. Быкова («ЖД»).

сью, сочетавшей начатки всех направлений зарождающейся русской словесности — «Повестью временных лет» (ее заглавный (и главный) вопрос: «Откуда есть пошла Русская земля»). С тех пор (с рубежа XI и XII в.) историография не раз пыталась дать самостоятельные ответы на этот вопрос, исправляя или просто игнорируя архаическое летописное предание о призвании варягов.

Уже в средневековой историографии (особенно польской) распространились конструкции, призванные продемонстрировать, по крайней мере, римскую древность славянской государственности (они были восприняты Иннокентием Гизелем, частично В.Н. Татищевым и М.В. Ломоносовым); на Руси в начале XVI в. было создано «Сказание о князьях Владимирских», где народ — племена, призывающие варягов, заменены легендарным правителем Гостомыслом, а призванная династия возводится прямо к императору Августу. В старой официозной историографии Российской империи, особенно в эпоху конфликтов с Пруссией и Швецией на Балтике в XVIII в., были свои задачи: варяги (а вслед за ними и немцы), равно как и «аборигены», призывавшие варягов, не воспринимались как значимые участники российской истории. Народу не дано было решать свою судьбу — то была забота правителей.

В этом контексте и «Повесть временных лет» традиционно воспринималась как официозный источник, далёкий от исторических реалий. Особое значение для понимания историзма летописи имеет археология: уже на смоленском семинаре, руководимом на кафедре археологии МГУ проф. Д.А. Авдусиным, участники раскопок гнёздовских курганов и поселения на Верхнем Днепре обратили внимание на принципиальное соответствие распространения скандинавских комплексов про пути из варяг в греки данным летописи⁹. Благодаря археологии очевидными стали исторические основы летописного предания о варяжской и хазарской дани — предания, с которого начинается повествование о русской истории (см. главу III). Проблемы соотношения данных письменных источников и археологии стали предметом «исторической археологии» и рассматриваются в предлагаемой читателю книге.

К позитивным переменам в науке и книгоиздании можно отнести появление переводов работ древних и современных зарубежных авторов. Взгляд извне всегда, начиная с Константина Багрянородного (X в.), был необхо-

⁹ См. к новейшей историографии «норманнской проблемы»: Клейн Л.С. Спор о варягах. СПб., 2008 (там же — информация автора и Т.А. Пушкиной о смоленском археологическом семинаре).

Предисловие

дим для понимания собственной истории, недаром книга одного из старейших исследователей русской культуры Л. Мюллера озаглавлена «Понять Россию»¹⁰. Автор имел возможность обсуждать проблемы начальной русской истории с английскими коллегами — С. Франклином и Дж. Шепардом, книга которых о начале Руси была издана по-русски¹¹. Актуальной представляется автору дискуссия о начальной русской истории с украинским и американским востоковедом О. Прицаком (1919–2006)¹², французским византинистом К. Цукерманом¹³.

Особое значение для понимания начальных этапов русской истории, в том числе русско-хазарских, имеют работы американского слависта и нумизмата Т. Нунана (1938–2001). Важными для автора являются контакты со скандинавскими археологами И. Янссоном и В. Дучко, американскими коллегами — гебраистом Н. Голбом, русистом М. Ходарковским, англо-немецким археологом-медиевистом Г. Харке, специалистом по венгерским древностям И. Фодором, специалистами по болгарским древностям И. Маразовым и Ц. Степановым, историком древней религии славян и скандинавов Л. Слупецким и многими другими.

Неизменным и постоянным остается участие коллег Института славяноведения, Института археологии, кафедры археологии исторического факультета МГУ, центра «Восточная Европа в античном и средневековом мире» Института всеобщей истории, кафедры истории России средневековья и раннего нового времени Историко-архивного института РГГУ в разработке проблем, интересующих автора. Вне научного сообщества¹⁴ и общения со студентами разных вузов работа была бы невозможна.

В современной науке преобладающей становится историко-антропологическая задача: не игнорировать информацию источников как недо-

¹⁰ Мюллер Л. Понять Россию: историко-культурные исследования. М., 2000. Рецензия Петрухина В.Я. (Славяноведение. 2001. № 4. С. 95–97). Ср. ставшие классическими работы итальянского слависта Р. Пиккио, например: Р. Пиккио. *Slavia orthodoxa*. М., 2003 и др.

¹¹ Франклин С., Шепард Д. Начало Руси. 750–1200. М., 2000. См. рецензию Петрухина В.Я. на английское издание (Славяноведение. 1998. № 2).

¹² См. комментарий автора к первому изданию книги: Голб Н., Прицак О. Хазарско-еврейские документы X века. М. — Иерусалим, 1997.

¹³ См.: Петрухин В.Я. Князь Олег, Хелгу Кембриджского документа и русский княжеский род // Древнейшие государства Восточной Европы. 1998. М., 1999. С. 222–229.

¹⁴ Особое значение для продолжения работы по этнокультурной истории Руси имели рецензии на книгу 1995 г.: Рождественская Т.В. Очерки по этнокультурной истории Руси // Живая старина. 1997. № 1. С. 51–52; Владимиров А. (Чернецов А.В.) // Вопросы истории. 1997. № 10. С. 167–169; Сендерович С.Я. // Славяноведение. 1998. № 2. С. 115–119; Даркевич В.П. // Российская археология. 1998. № 1. С. 212–219.

стоверную с точки зрения представлений исследователя об адекватности, или даже исправить исследуемый текст, но понять¹⁵ составителей летописи, равно как и людей, создававших памятники материальной культуры (в том числе произведения искусства, памятники культа — курганы в славяно-русской традиции)¹⁶.

---

¹⁵ Так понимал задачи истории Марк Блок (Апология истории. М., 1973. С. 76 и сл.). Ср.: понимание древнего и средневекового автора как «иного» с позиций антропологической истории: Антропологическая история: подходы и проблемы: Материалы российско-французского семинара. М., РГГУ, 2000; Анналы: на рубеже веков: Антология / Отв. ред. А.Я. Гуревич. М., 2002.

¹⁶ Книга писалась при поддержке проектов: «Хазарский каганат: взаимодействие с Византией, Востоком и Русью по археологическим и письменным источникам» Программы фундаментальных исследований секции истории Отделения историко-филологических наук РАН «Нации и государство в мировой истории», «История — миф — фольклор: книжные сюжеты в славянской устной традиции», по программе Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре».

Введение

Наука истории и миф о происхождении народа: потомки Ноя и потомки «змееногой богини»

В древнейшем из дошедших до нас в рукописной традиции памятнике русской словесности — «Слове о Законе и Благодати», проповеди, составленной Иларионом (будущим русским митрополитом) в первой половине XI века, новокрещеный русский народ именуется *новым*. Это восприятие народа, принявшего крещение в «последние времена», как нового, наделенного особой Благодатью, было свойственно христианской историософии: новый народ получал преимущество перед древним — «ветхим», Закон которого («Ветхий Завет») отошел в древнюю историю, точнее, предысторию нового христианского мира (Топоров 1995. С. 259 и сл.). Так младший сын библейского праотца Авраама Исаак получил преимущество перед первородным сыном рабыни Агари Исмаилом (см. издание «Слова» Илариона — БЛДР, т. 1).

Начальная русская летопись — «Повесть временных лет» (ПВЛ) воспринимает ту же историософию: описание крещения киевлян в 988 г. завершается цитатами из апостола Павла и пророка Исайи — «Ветхая мимоидоша, а се быша новая», крещеные — «новии людье хрестьяньстии, избрании Богомъ» (ср.: БЛДР, т. 1. С. 32; ПВЛ. С. 54). Другая цитата из Исайи у Илариона: «Работающимъ ми наречется имя ново» — соотносится с историческим известием ПВЛ о том, что Русь, Русская земля, стала прозываться с началом царствования византийского императора Михаила III (неточно датированного в летописи 852 г.; ПВЛ. С. 12). Имя Руси действительно воспринима-

лось как новое в греческой (византийской) историографии (о чем пойдет речь в главе II).

В эпоху петровских реформ, завершивших русское средневековье, первый светский поэт Антиох Кантемир также провозгласил русский народ новой эпохи новым, обновленным после петровских нововведений. При этом разрушитель древнерусской средневековой культуры — Петр сопоставлялся Феофаном Прокоповичем с одним из ее творцов — Владимиром Святым: тот и другой были просветителями Руси / России (ср.: Лотман 1996: 86)¹⁷.

Новый народ и его крещеная страна включались во всемирную историю. Как христианский Бог был «познан всеми концы земля» (цитирует Исайю Иларион), так и Русская («Руська») земля «ведома и слышима есть всеми четырьми концы земли» (БЛДР, т. 1. С. 42–44). Даже языческие предки Владимира Святославича, князя Святослав и Игорь Старый прославлялись Иларионом за «мужество и храбрость» и включались в историю нового народа. В пьесе петровского времени с характерным названием «Слава российская», посвященной Петру Первому, «из неславы славу российскую сотворившаго», говорится, что слава новой империи «мало не во вся концы вселенныя гласящи пролетела» (Ранняя русская драматургия: 265–257).

Иной была культурная установка книжников, отмечающих конец той или иной эпохи. Так, составитель Новгородской первой летописи младшего извода (НПЛ. С. 103–104) в предисловии, составленном во время монгольского нашествия, в XIII в., вспоминал о «древних» русских князьях, расширивших Русскую землю; сравнивал Киев, основанный легендарным Кием, с Александрией, основанной Александром Македонским, и Римом, созданным «царем Римом» (Ромулом). Эта конструкция основывалась на традициях средневековой греческой (византийской) хронографии, известной и на Руси (см. о Риме — ЛЕР, т. II: 22). Возведение рода Рюриковичей к Августу в «Сказании о князьях Владимирских» в XVI в. соответствует традициям средневековой генеалогии централизованных государств с их имперскими амбициями, хотя безосновательность генеалогических претензий Ивана Грозного вызвала неприятие уже у средневековых авторов (ср.: Мыльников 1996. С. 214–216; Бычкова 1997).

¹⁷ В эпоху средневековья, когда Россия очередной раз стояла перед «выбором веры», после Флорентийской унии, воспринимавшейся как отказ Византии от православия, русские книжники именовали Василия Темного «новым Владимиром» и «новым Константином», «боговенчанным царем», сохранявшим православие в отличие от императора (царя) Византии (Успенский 1994, т. 1. С. 259–260).

Конечно, у всякого народа, признающего Священное писание, была возможность усматривать свои корни в глубокой древности – во времена разделения «языков» (народов) при строительстве Вавилонской башни, но немногие народы Европы могли напрямую увязать свою историю с Ближним Востоком. Они, безусловно, могли считаться потомками сыновей Ноя, но при посредстве специальных ученых генеалогий (о такой генеалогии ПВЛ в отношении славян пойдет речь в главе I). Русский филолог А.М. Панченко называл такой архаический подход к истории «эхом» вечной (священной) истории (Панченко 1976. С. 62). Владимир Святославич, крестивший Русь, мог сопоставляться в ПВЛ с Константином Великим и библейским Соломоном, но его род не возводили ни к императору Рима, ни к библейскому царю. Новые генеалогии, создававшиеся для династий, монархически правящих своей страной, при всей их кажущейся примитивности, знаменовали новый подход к истории. «Если прежде история определяла судьбу человека», то в канун нового времени «человек предъявил свои права на историю, попытался овладеть ею» (Панченко 1976. С. 65).

Отсутствие упоминаний Руси в древней истории превращалось путем древнерусской христианской экзегезы в особое достоинство «нового народа». В западнославянской средневековой традиции, знакомой с опытами латинской хронографии, по образу библейской легенды о трех сыновьях Ноя была составлена книжная легенда о трех братьях: Лехе (первенце), Русе и Чехе (Великопольская хроника, XIV в.), предках славянских народов, происходящих из Паннонии потомках Пана и некоего Слава, бывших, в свою очередь, потомками библейского Иафета («Великая хроника»: 52–53). Представление о Паннонии — римской провинции на Дунае, которую заселяли славяне, а в X в. заняли венгры, было близко древнерусской традиции: ПВЛ выводила славян с Дуная, где во времена составления начальной летописи была Угорская — Венгерская земля.

Но «Повесть временных лет» была чужда подобных конструкций, ведь Русь была для нее «новым народом». Из патронимических имен восточнославянских племен вятичей и радимичей летопись еще выводила «от ляхов» родоначальников Радима и Вятко, но они не были предками целых славянских народов. В чешской, а затем и польской историографии XV–XVII вв. распространились представления об особом месте славянского мира в античной древности: славяне не были покорены Александром Македонским, завоеватель должен был признать власть славян на севере Европейского континента от Ледовитого океана до Итальянских краев, дав им грамоту («привилегию»); уже в XV в. был известен латинский архетип «грамоты».

Варианты этого «Александрова дара» получили разную редакцию у разных авторов. Польский книжник Оржеховский (1554) упомянул в грамоте трех полководцев: Александра Чеха, Леха и Роксолана; последний воплощал Россию (потомки Ноя Великопольской хроники здесь историзированы, превращены в полководцев, неведомый античным источникам Рус заменен Роксоланом — эпонимом сарматского союза племен, известного в Восточной Европе с начала н. э.).

В латинском варианте «грамоты» «привилегия» дается «роду Славян (*genti Slavorum*) или Москов» — «славному русскому роду» (*glorioso stemmati Ruthico*), чья власть распространяется от Варяжского до Каспийского моря. Три вождя этих Москов носят вызывающие недоумение с точки зрения славянской антропонимии имена Великосан, Хасан и Хауассан (уже Юрий Крижанич, хорватский книжник на русской службе, усматривал в них не славянские, а татарские имена — см. его сочинение «Политика», написанное в 1663–1666 гг.; Крижанич 1997. С. 373–374)¹⁸. Вступительная ремарка к «привилегии» гласит, что она «извлечена из рукописных анналов этих самых Москов». Мосхи, со времен Страбона известные в Армении, в средние века стали ассоциироваться с библейским потомком Иафета Мосохом и жителями Московского царства. Эти конструкции не могли не вызывать интереса русских книжников уже в XVII в. (подробный анализ истории знаменитого фальсификата — Александровой грамоты см.: Мыльников 1996. С. 45–94)¹⁹.

Переориентация привилегии Александра со славянского мира на Московию выдает русские истоки цитированного латинского текста. А.С. Мыльников предположил, что этот текст был составлен по-латыни Себастианом Главиничем, побывавшим в Московии в составе австрийского посольства и подготовившим «Донесение о Московии и москвитях» (ок. 1665 г.) (Мыльников 1996. С. 69–70). В древнерусской традиции близкий текст сохранен Мазуринским летописцем последней четверти XVII в., где пределы власти русских князей определяются «от моря Варяжского даже до моря Хвалынского» (ПСРЛ, т. 31. С. 13), в соответствии с древнейшей географической

¹⁸ Неясно, на основании какой «рукописи нач. XVIII в.» норвежский исследователь Х. Станг (2000. С. 41) признает эти имена весскими (словене, переместившиеся на Белоозеро, «стали называться Везью»).

¹⁹ Знатоки библейских текстов давно обратили внимание на нелепость этих ассоциаций: Мосох / Мешех ассоциировался в Библии с варварским народом. Царь Давид сетует в псалме 119 (5): «Горе мне, что я пребываю у Мосоха, живу у шатров Кидарских» (ср.: Гендерсон 2006. С. 20, сн. 1).

Наука истории и миф о происхождении народа

номенклатурой ПВЛ, где Каспийское море именуется Хвалынским. Синопис 1674 г., использующий «грамоту Александра», объявляет Мосоха «пра-родителем славеноросским».

Относительно ранним текстом (составлен не позднее начала 1640-х гг.), синтезировавшим идеи древности «славеноросского народа», мотив прародителей разных народов — потомков Ноя и «грамоту Александра», стало так называемое Сказание о Словене и Русе. Очевидно, сказание было составлено в Новгороде, ибо его зачин — «Написание о зачале в Славенорустей земли первоначального Великого Новгорода» отсылает к древней новгородской традиции, введению к Новгородской первой летописи. Сказание наследует и традицию, донесенную ПВЛ: в Начальной летописи Северное Причерноморье, где расселяются славяне — потомки Иафета, именуется по византийской и античной традиции Великой Скифией. Это давало возможность составителю Сказания о Словене и Русе объявить прародителей средневековых народов Восточной Европы — братьев Словена, Руса, Болгара (здесь — предка волжских болгар), Комана (предка куманов-половцев) и Истера (в имя предка было превращено греческое название важнейшей для начальной истории славян реки — Дунай; см. о дунайцах в главе I) и хозар (козары / хазары Начальной летописи) — относящимися к роду Скифа, правнука Иафета.

Научные концепции, увязывающие славян со скифами, дожившие до историографических конструкций XX в. (у Л. Нидерле, Б.А. Рыбакова и др.), имеют позднесредневековое происхождение. Но конструкция Сказания и его датировки далеки от исторических реалий и скифской эпохи, относящейся к I тыс. до н. э.: в Сказании Словен и Рус оказываются со своими народами на Севере Восточной Европы из-за распрей между потомками Скифа в 2409 г. до н. э.

На севере деятельность Словена и Руса Сказание связывает с древними топонимами и городами: от сестры легендарных братьев прозвалось озеро Илмерь (Ильмень), река Волхов получила название от сына Словена, сам же Словен построил Великий Словенск, ставший Новгородом; Русу приписывается основание Старой Русы. Согласно Сказанию, Волхов, название которого ассоциировалось с волхвами / волошбой, почитался язычниками как Перун — с этим именем славянского громовника увязывалось название урочища Перынь на реке Волхов (эта народная этимология вдохновляла исследователей на поиски языческого святилища на Перыни). Потомки Словена и Руса покорили весь север до Ледовитого океана и Зауралья — Сибири, а вместе с сородичами — болгарам и скифами контролировали земли до

Дуная. Александр Македонский пожаловал им грамоту на владение землями «от моря Варяжского до моря Хвалимского».

Завершается новгородская редакция Сказания о Словене и Русе сюжетом из Сказания о князьях Владимирских: Гостомysl, правивший в возобновленном после запустения Новгороде / Словенске, советует призвать «самодержца» из Прусской земли «от рода Августова»; в Новгород является «курфистр и князь великий» Рюрик. Исследователи Сказания о Словене и Русе (Буланin, Турилов 1998) указывают, что Сказание следует конструкции легенды о Чехе, Лехе и Русе Великопольской хроники, возвышая роль Руса как прародителя славянских народов. «Грамота» Александра также заимствована Сказанием из польской традиции — из Хроники Мартина Бельского (русский перевод 1584 г.).

Сказание о Словене и Русе вместе с «грамотой» Александра распространяется в книжности XVII в. не только на Севере. Густынская летопись, составленная в Густынском Троицком монастыре Полтавской губернии, в рассказе о происхождении Словенского народа в большей мере ориентирована на южную — балканскую предьсторию *Славян* (летописец употребляет этот этноним) или Руси. Эта летопись возводит славян к библейскому Мосоху — Москве, от каковой происходят «все Самарты (Сарматы. — В. П.), Русь, Ляхи, Чехи, Болгаре» (ПСРЛ, т. 40. С. 12–13).

Славяне произошли от смешения потомков Мосоха с потомками другого яфетида — Рифата, сына Гомера и внука Иафета²⁰. Библейская родословная соединяется здесь, как и у польских историографов, с позднеантичной латинской традицией, где предками славян считались венеты / венецы (см. главу I). С венетами сближались древние енецы, упомянутые еще Гомером как союзники троянцев: из-под Трои они отступили в Иллирик на Балканы и далее к Венидицкому морю, где и основали город Енецию / Венецию. Они же заселили Северное Причерноморье, прозавшись Сарматами или Аланами по имени своего воеводы «Аляна». Летописец прямо ссылается на западнославянские источники своего повествования о енетах — предках славян (ПСРЛ, т. 40. С. 14), именуя расселившихся в Причерноморье енетов «Роксоляны, аки бы Русь и Аляны». Балканская история славян в Густынской летописи имеет особое значение: славяне брали дань с самих македонян, «дар Александра» приобретает «историческую» обоснованность; «грамото-

²⁰ Библейские генеалогии тиражируются и в современной болгарской историографии, где болгары, как потомки Сима (семиты!), возводятся, однако, к восточноиранским предкам — несемитам (ср.: Българите 2001, 1–5).

та» Александра в Густынской летописи также восходит к хронике Мартина Бельского (ср.: Мыльников 1996. С. 84, 88).

Исторические основания Александровой грамоты заботили современников фальсификата: книжники предпринимали попытки отыскать греческий оригинал грамоты (латинские тексты не подходили в качестве доказательств подлинности документа), в эпоху Ренессанса особую роль приобрели археологические (эпиграфические) свидетельства — распространены были слухи о жертвенниках и алтарях Александра. С. Герберштейн еще в начале XVI в. безуспешно пытался обнаружить их на Дону — древнем Танаисе (Герберштейн 1988. С. 137). Даже кости мамонта, обнаруженные у знаменитой палеолитической стоянки Костенки под Воронежем, были восприняты как останки слона, принадлежавшего армии завоевателя. Доходило дело и до утверждения о славянском происхождении самих Филиппа и Александра (Мыльников 1996. С. 85–87)²¹.

Иным был взгляд на деяния Александра с Востока. В знаменитой поэме персидского автора Низами «Искандер-наме» (1201) Искандер-Александр отправляется в поход на Китай, но узнает, что полчища русов разграбили Азербайджан (в исламском мире помнили разрушительные походы руси на Бердаа в 944 г.), и вступает с ними в бой. В «Искандер-наме» — книге, опирающейся на достижения классической восточной географии X в., русы, а с ними хазары, аланы, буртасы и прочие племена Восточной Европы X в., живущие за Кавказским хребтом по дороге в землю библейских Гога и Магога (Яджудж у Низами), — варвары, обликом напоминаящие демонов, или, скорее, мифический народ с песьими головами — песьеглавец, кинокефалов античной традиции (см. главу 3, параграф 1). Одного из них — демонического вида воина — русы выпускают против Искандера, но герой заарканивает чудовище.

Русы были побеждены, прирученный героем демон приводит в дар красавицу-китайку (см. рис. 1, цв. вкл.), но более всего восточных поэтов (как и купцов) впечатляют русские меха — соболи и бобры (см. Зайцев А.К. 2003). Благородный Искандер освобождает «шаха русов», и тот признает его власть. Когда Искандер отправляется в страну Мрака в поисках напитка

²¹ К анекдотическим сюжетам в историографии относится конструкция Б.А. Рыбакова, призванная определить хронологическую глубину памяти славянского фольклора: «чудище хоботисто», с которым должен сражаться герой русской сказки на калиновом мосту, — воспринимается автором как мамонт, попадающий в палеолитическую ловушку (Рыбаков 1981. С. 131–132); автор не обратил внимания, что в архаической русской традиции слово «хобот» означало хвост (в древнерусских текстах — хвост мифического змея).

бессмертия, он создает город Болгар на Волге. Возвращается он через страну русов и достигает своей столицы Рума на кораблях. В своем следующем странствии к краю света Искандер воздвигает стену, отделяющую дикий народ яджудж от народов мира. Стена простоит до Судного дня (см. о стене Александра в более ранней иранской традиции: Harmatta 1996).

С развитием исторической науки в эпоху Ренессанса, естественно, зарождался и скептицизм в отношении фальсификатов: разные авторы отмечали, что славяне неизвестны источникам времени Александра (эпохи эллинизма). Уже упомянутый Юрий Крижанич призывал не верить постыдным «басням» «придворных баятелей» о скифском происхождении славян, об Александровой грамоте и Гостомысле, «не искать славы в лживых и всеми народами осмеянных и оплеванных баснях о роде Августа и не называть себя потомком монахини Сильвии и распутной богини Афродиты» (Крижанич 1997. С. 373–380). Традиция критического отношения к текстам эпохи Ренессанса — позднего средневековья была продолжена первым российским историком В.Н. Татищевым, характеризовавшим Александрову грамоту как «подложную» (Татищев, т. 1. С. 311)²². Но поиски «славы» в «лживых баснях» продолжались, особенно в официозной историографии начиная с Патриаршего летописного свода 1652 г. и Синописиса 1674 г. и, конечно, в последующих фальсификатах — от текстов Сулакадзева до «Влесовой книги» (ср.: Буланин, Турилов 1998. С. 446; Мыльников 1996. С. 93–94).

Синописис имел особое значение для последующей российской историографии: его составитель Иннокентий Гизель воспринял польскую традицию, возводившую славян к сарматам с соответствующими конструкциями о «народе роксоланстем» — славеноросском; прародителем же славеноросского — московского народа (праотцем «всей Руси») считался библейский Мосох (построения о Роксолане и Мосохе заимствованы в польской историографии — ср.: Карнаухов 2000; Гизель использовал и Густынскую летопись). Эти конструкции были достаточно бессвязными, обнаруживающими противоречия в претензиях Польши на всю «Сарматию» от Балтийского до

²² Ничего общего не имеют с исторической критикой текстов конструкции адептов «новой хронологии», наслышанных о ренессансных подделках. Напротив, А.Т. Фоменко и его последователи возвращаются к средневековым методам интерпретации источников, что развязывает им руки для мультипликации народно-этимологических и хронологических фантомов (см.: История и антиистория. М., 2000). Ср. примыкающие к фоменковским методы реконструкции древнейшей русской истории на основе средневековых генеалогий, конструкций Синописиса, Ломоносова и т. п. у А.Н. Сахарова, В.В. Фомина и других эпигонов традиционного антинорманизма (Мельникова 2009). См. также: Котляр 2000; Chekin 2003; Петрухин, Каменецкая 2008.

Черного моря и Московского государства на Восточную Европу. Москва претендовала на роль древнего центра славянского мира (Синописис: 59–60).

Естественно, Иннокентий Гизель, архимандрит Киево-Печерской лавры, не мог проигнорировать роль Киева и мотивы начального летописания, зародившегося в его монастыре на рубеже XI и XII вв. Специальные разделы он посвятил рассказу «о преславном верховном и всего народа российского главном граде Киеве» (Синописис: 12). Гизель привел летописную легенду о благословении Андреем Первозванным киевских гор, о поселении на горах Кия, Щека, Хорива и сестры их Лыбеди, создавших там города; дал и точную дату основания Киева — 431 г.

Гизель следует ПВЛ, за исключением даты и характерной перемены этнической атрибуции основателей Киева: в ПВЛ они названы полянами, Гизель же именует их князьями «российскими» или россами (Синописис: 66). Здесь составитель Синописиса следует не столько конструкциям Начальной летописи (летописец начала XII в. констатировал, что поляне в его времена зовутся русью: см. об этом далее — в главе 6), сколько польской средневековой историографии. Восточные славяне в польской историографии, как уже говорилось, считались потомками Руса, брата Леха и Чеха. Ян Длугош в Хронике второй половины XV в. изобразил Руса потомком Леха, что давало Польше «историческое» право главенства в Восточной Европе, особенно в Киеве, заселенном полянами, которых польский хронист отождествлял с поляками (Флоря 1990; Щавелева 2004. С. 218).

Гизель констатирует иную историческую реальность: Киевом правят московские — российские государи, наследуя власть древнерусских князей, начиная с Игоря Рюриковича. Легенду о происхождении Рюрика, использованную Гизелем в редакции «Сказания о владимирских князьях», этот автор также трансформировал по западному образцу, настаивая на балтийско-славянском происхождении варягов²³. Эта конструкция привела, как обычно, к невразумительному изложению истории: «иные» (не киевские, а новгородские) россы по совету Гостомысла призывают варяжских (славянских по языку) князей, но в изложении Гизеля сохраняется их атрибуция, характерная для русской книжности XVI в.: три князя происходят «от Немец» (Синописис: 68), но не от славян.

Синописис, оставшийся учебником русской истории на протяжении всего XVIII в., как и польская историография, оказывали сильнейшее вли-

²³ Гизель ссылаясь на германского историка и богослова начала XVI в. А. Кранца, который сближал немцев и славян, но считал германцев прародителями славян (Мыльников 1995. С. 39–41).

яние на развитие российской историографии и в период становления российской исторической науки, связанный с петровскими реформами и приглашением в Санкт-Петербург из Пруссии немецких ученых Г.З. Байера и Г.Ф. Миллера. Байер, обратившийся к исследованию истоков русской исторической традиции — варяжской легенде Начальной летописи, писал, что «баснь» о происхождении Рюрика от Августа была «достойна тогдашнего (средневекового) ума».

Его последователь В.Н. Татищев, первым предпринявший сравнительное исследование летописных сводов, указывал, что «в старых хрониках сего, чтоб род Рюриков от прусов и от цесарей римских пошел, нет» и предположил заимствование легенды из польско-литовской традиции (Татищев, т. I. С. 291, 293)²⁴. Татищев приводит традиционные библейские генеалогии народов (от Ноя) как «баснословные». Впрочем, он следовал и устоявшимся историографическим стереотипам и предполагал иранское (сарматское) происхождение имени *русь* (Татищев, т. I. С. 287), Киева и его основателей (Татищев, т. IV: 391). Вслед за Г.З. Байером Татищев принимал и средневековую интерпретацию термина *варяг*, сближая его с именем славянского племени *вагры* на Балтике. Правда, Байер настаивал на его скандинавском (германском) происхождении (ср.: Татищев, т. I: 303).

Тем не менее это был шаг к преодолению средневековых стереотипов в историографии. Продолжатель исследований Байера и Татищева, Г.Ф. Миллер, планировавший «исправить погрешности, находящиеся в иностранных писателях, писавших о Российском государстве» (Миллер 1996. С. 15 и сл.), столкнулся в своих исследованиях со сложностями отнюдь не историографического характера. Генеалогия относилась к традиционным областям исторической науки, и Миллер, занимавшийся генеалогией Рюриковичей,

²⁴ См. о вероятном воздействии польско-литовской традиции на древнерусскую (Флоря 2009). Польский историк начала XVI в. М. Меховский в «Трактате о двух Сарматиях» отождествлял Россию с Роксоланией и писал о Литве: «Старинные историки, рассказывая о древности, говорят, что некие италийцы, оставив Италию из-за несогласия с римлянами, пришли в землю Литовскую и дали ей имя родины — Италия, а людям — название италы; у позднейших земля стала называться, с приставкой буквы л в начале, Литалия, а народ литалы» (Меховский: 99). Еще в более ранние времена, во второй половине XII в., польский хронист В. Кадлубек восславлял польских правителей, которые одерживали победы над Александром, Юлием Цезарем и скифами (Липатов 1999. С. 273). Современные исследователи (ср.: Шукин 1998) пытаются соотнести подобные конструкции с данными о Янтарном пути, известном с античных времен и ведущем из Италии в Прибалтику; легендой позднейших «западнорусских летописей» о римлянинах Палемоне, якобы бежавшем в Литву от преследований Нерона с пятьюстами шляхтичами и осевшем на Немале, и т. п. (ПСРЛ, т. XVII: стб. 228–230).

получил на отзыв поданное в Сенат «Родословие» великих князей, составленное любителем истории, возводившим к Рюрику правящую династию Романовых. На отрицательный отзыв Миллера последовали донос и разбирательство в Сенате (см. Каменский 1996. С. 179 и сл.; Клейн 2008. С. 15–24).

Но увлеченного Миллера не остановили интриги: по случаю тезоименитства Елизаветы Петровны он решился подготовить речь «О происхождении народа и имени российского» для произнесения в Академии в 1749 г. Изучение источников, в том числе летописных, по проблеме происхождения славян привели историка к справедливому выводу о расселении славян с Дуная не ранее эпохи Юстиниана (VI в. н. э.). Этот тезис противоречил архаическим представлениям о глубокой древности славян. Миллер обосновал также скандинавское происхождение имени *варяг* (верно указав, что это не племенное, а нарицательное имя). Наконец, он следовал традиции Начальной летописи о тождестве руси и варягов: первые русские князья имели скандинавское происхождение. Последний тезис был весьма несвоевремен (см. анализ историографической ситуации у В.О. Ключевского — т. VII. С. 189 и сл.; Клейн 2008. С. 15 и сл.): Россия продолжала соперничать со Швецией на Балтике. Академическая комиссия, в которую входили Тредьяковский и Ломоносов, не допустила Миллера к выступлению с его речью (текст был уничтожен методами средневековой инквизиции).

М.В. Ломоносов аргументировал неприемлемость речи Миллера: академик не должен был вдаваться в спорную материю и обязан был использовать случай для восхваления «славянского народа». Этот случай Ломоносов относит к скифской эпохе: если скифы, отразившие самого Александра Македонского (знакомый мотив!), не выстояли против славян, которые заняли их земли, то здесь и следовало восхвалять славянскую славу (Ломоносов 2003. С. 446–453). В своей полемике с немецкими академиками Байером и Миллером Ломоносов использовал и довод, который не могли игнорировать власти. Историки не верили в историчность летописной легенды о миссии апостола Андрея на Руси — это задевало интересы православной церкви и официальных институтов государственной власти (статус ордена Андрея Первозванного, что было «всего несноснее» для Ломоносова (Ломоносов 2003. С. 455).

В «Рапорте» М.В. Ломоносова в канцелярию Академии используется старая кабинетная этимология — отождествление имен *россияне* и *роксоланы*. «Славяне и сарматы был один народ» (поэтому под своим именем ни славяне, ни русь, ни роксоланы с VI по IX в. н. э. не упоминались — они именовались сарматами) и т. д. вплоть до конструкций Синописа о славянском

происхождении Рюрика. То обстоятельство, что русские книжники и даже Иван Грозный утверждали, что Рюрик (и его династия) — «от Немца», Ломоносов преодолевает при посредстве народной этимологии: они пришли от реки Немана, то есть из той же Пруссии «Сказания о князьях Владимирских». В этих обличениях немецких академиков («недоброхотства ученых иноземцев») еще нет терминов «норманнская теория», «норманизм» (они распространились в XIX в.), но обвинение в том, что исследователи древнейшей летописной традиции стремятся принизить славу древнего славянского народа, и стремление подменить летописные известия о варяжском происхождении руси средневековыми этимологиями (россияне / роксоланы и т. п.) с этих пор стали свойственны для «антинорманизма».

Расправившись с Миллером и получив место придворного историографа, Ломоносов приложил немало усилий для того, чтобы обнаружить «дальнюю древность славянского народа»: широкое расселение славян в Европе позволяло ему усматривать в ареале славян грядущие границы Российской империи. Ломоносов был адептом «сарматской теории» происхождения славян, и проблемой для него, как и для средневековых историографов, было совмещение античной ученой традиции и библейской генеалогии народов. Ломоносов преуспел и в этом конструировании древней славянской истории, возведя (вслед за польскими историографами) славянских венетов (сарматов) Европы к енетам, участникам троянской войны в Азии²⁵, что облегчало соотнесение последних с мосхами Страбона и библейским Мосохом (Ломоносов 2003. С. 30–37). Реанимация средневековых стереотипов вызвала критическую оценку С.М. Соловьева и В.О. Ключевского, суровую оценку ей дал и В.Г. Белинский: Ломоносов «взялся явно не за свое дело», сведя изложение русской истории к «пустой риторике» (Белинский В.Г. Полн. собр. соч., т. 9, с. 196).

«Дальняя древность славянского народа» нужна была для обоснования имперских исторических претензий, как сарматская теория — для обоснования претензий Москвы или Речи Посполитой. Историографическая парадигма изменилась в конце Средневековья: русь — «новый народ» Илариона и Начальной летописи должен был стать древним, «античным», вос-

²⁵ Эти традиции сохраняются по сей день в научной и учебной литературе: даже в учебнике МГУ им. М.В. Ломоносова (История России с древнейших времен до конца XVII века / Под ред. Л.В. Милова. М., 2006, с. 38 и сл.) говорится о проникновении славян в Европу из Малой Азии в III тыс. до н. э. Их соседями в Европе были сарматы. У эпигонов историографии Ломоносова сохраняется и чисто апологетическое отношение к его сочинениям (ср. Фокин В.В. Ломоносов: Гений русской истории. М., 2006).

ходящим, по крайней мере, к той эпохе, когда народы Восточной Европы приняли участие в событиях всемирной истории — к скифской (скифо-сарматской) эпохе.

Геродот, включивший скифов во всемирную историю (и создавший науку всемирной истории), передал скифское предание: «Как утверждают скифы, из всех племен их племя самое молодое» (Геродот IV, 5). Далее следует миф о рождении трех первопредков скифов от первого человека Таргитая, сына Зевса (скифского Папая) и дочери реки Борисфен (Днепр). От братьев Липоксая, Арпоксая и младшего Колаксы произошли все скифские племена. Геродот уже не вполне доверял мифу, но привел понтийский греческий вариант этногонии скифов: Геракл, совершая один из подвигов (угоняя коров Гериона), уснул в холодной Скифии, завернувшись в львиную шкуру; кони из его колесницы были похищены обитавшей в пещере девой со змеями вместо ног. Змееногая богиня обещала вернуть коней, если герой вступит с ней в брак. После соития она предрекла, что родит трех сыновей, им Геракл оставил свой лук и пояс. Тот, кто сможет натянуть лук и препоясаться, должен править страной. Лук смог натянуть младший брат Скиф, от него ведут свой род скифские цари.

Этногонический миф скифов проанализирован Д.С. Раевским (2006): этногония начиналась с космогонии (ср.: Элиаде 1987), брака земли и неба (Геракл был сыном Зевса, змееногая богиня в пещере символизировала хтонический мир); три брата в индоевропейской традиции воплощали сферы космоса (библейская параллель позволяет считать этот сюжет универсальным). Мотив победы младшего брата в состязании за власть позволяет понять, почему Геродот приписывал скифам утверждение, что они — самое молодое племя. В действительности скифская этногония передает архаический миф о происхождении племени от божественного первопредка в центре мифологического космоса (от брака неба и земли). Скорее этому мифу соответствует предание, сохранившееся у позднего римского автора Юстина: «Скифское племя всегда считалось древнейшим; впрочем, между скифами и египтянами долгое время происходил спор относительно древности племени» (Геродот: 207, прим. 139). Племенной автохтонный миф помещает свое племя «настоящих людей» в центр мира, где совершается священный брак неба и земли, бога и хтонического существа (см. работы М. Элиаде, В.Н. Топорова и др.)²⁶.

²⁶ Пережитки хтонического (и антропогонического) мифа естественно обнаруживаются в славянской и более архаичной балто-славянской традиции, связанной с представлениями о матери-сырой земле (см. Eckert 1999), змее-любовнице хтонической девы преисподней

Этот примитивный миф не удовлетворял уже Геродота, создававшего историю и больше доверявшего преданию, повествующему о вытеснении скифами киммерийцев из причерноморского Боспора (Геродот, IV: 11–12). Всемирная история — взаимодействие народов мира, как варваров, так и эллинов. Так архаический миф из истории (этногонии) трансформировался в этнографию. Автохтонный племенной миф преодолевался в то же время (сер. I тыс. до н. э.) в библейской традиции, где три сына Ноя стали праотцами всех народов мира.

Заметим, что, в отличие от античной и средневековой польской хронографии, ПВЛ не обращается к античному наследию, хотя первым русским летописцам известны были Хронограф по Великому изложению, переводные Хроники Иоанна Малалы и Георгия Амартола: византийская хронография была ориентирована на проблемы соотношения библейской и античной (римской) истории (см.: Бибииков 1998; Водолазкин 2008)²⁷. Первые русские книжники отмечали особое достоинство нового крещеного народа. Библейская генеалогия потомков Ноя снимала проблемы мифической древности того или иного народа: все «языки» возникли в начале истории, после Вавилонского столпотворения, и поиски славян среди этих языков, естественно, занимали составителя Начальной летописи (см. главу I). Разыскания о происхождении собственно руси Начальная летопись основывала на преданиях о правлении первых князей, используя династическое предание и «официальные источники», в том числе договоры руси с греками X в.

Изучение официальной историографии в процессе становления исторической науки (методов критики источников) обнаруживало тенденциозность историков, особенно близких правящей элите. Облик «внимавшего равнодушно добру и злу» летописца, созданный А.С. Пушкиным, остался в истории романтической литературы. Знаменитый исследователь летописных сводов А.А. Шахматов писал накануне революционных событий 1917 г., что «рукой летописца управлял в большинстве случаев не высокий идеал далекого от жизни и мирской суеты благочестивого отшельника, умеющего дать правдивую оценку событиям, развертывающимся вокруг него, и ли-

(Евзлин 1999) и т. п., универсальный сказочный мотив «чудесного супруга» известен многим народам Европы (ср. русскую царевну лягушку, брак с которой связан со специальным испытанием — стрельбой из лука). Ж. Ле Гофф (2000) предположил архаичные истоки европейского средневекового мотива Мелюзинны — жены-змеи, образ которой восходит к представлениям о хтонической богине-матери.

²⁷ В Хронике Малалы библейские допотопные великаны отождествляются с античными змееногими гигантами: «человеки от земля роженны имоуща ноги змиины и дръзноюуша на нѣкия босккыя силы, еже нарече змеіногы» (Истрин 1994. С. 20).

цам, руководящим этими событиями, — оценку религиозного мыслителя, чающего водворения Царства Божия на земельной юдоли — рукой летописца управляли политические страсти и мирские интересы» (Шахматов 2003. С. 538). Не менее скептически звучат слова В.О. Ключевского о варяжской легенде как об историографической конструкции — «очень недурно комбинированной юридически постройке начала Русского государства» в летописи (Ключевский, т. 1. С. 155).

Заметим, однако, что тенденциозность начального летописания, ориентированного на библейскую традицию, принципиально иная, чем тенденциозность позднесредневековых сочинителей. Для первых русских летописцев недопустимым было творение неизвестных Библии потомков Ноя, вроде Леха, Чеха и Руса и т. п. Е.К. Ромодановская, вслед за Д.С. Лихачевым, исследовала историческую природу вымысла в древнерусской историографии, отчасти реабилитируя «романтический» образ летописца. Древнерусскому писателю было свойственно стремление к «правдивости». «Вымысел» был невозможен, пока существовали независимые политические оппоненты и противники (летописание велось в разных древнерусских центрах, с самого начала — в Киеве и Новгороде. — В. П.). «Как только Москва подчиняет себе последнее «вольное» княжество — Новгородское, оказывается сломанной система «правдивого» официального летописания. Придворная историография начинает фиксировать лишь то, что необходимо великокняжеской власти и впервые получает возможность вводить «государственный вымысел» (термин Д.С. Лихачева. — В. П.) в историю, политическую легенду, публицистику» — речь идет о «Сказании о князьях Владимирских», конструкциях, связанных с идеей «Москва — третий Рим», историческом повествовании XVI в. (Ромодановская 1994. С. 61–62; ср.: Прохоров 2010. С. 251–256)²⁸.

Неприемлемым для древнерусского летописца было и обращение к дохристианской мифологической традиции — этногоническому мифу об автохтонах: В.В. Иванов и В.Н. Топоров (1974) реконструировали «основной миф» балто-славянской традиции. Согласно реконструкции, праславянам (балто-славянам) был известен миф о женитьбе громовержца (в древнерусском пантеоне — Перуна) на женском персонаже, воплощающем землю / воду (в древнерусском пантеоне — Мокошь). В сюжет священного брака вмешивается мзеевидный персонаж (продолжением этого персонажа счи-

²⁸ Я.С. Лурье назвал традиции, воплощаемые новгородским и московским летописанием XV в., «двумя историями Руси» (Лурье 1994).

тается древнерусский Волос / Велес), стремящийся похитить супругу громовержца. Потомством этого брачного союза должны были быть люди — славянские племена, подобно скифским племенам — потомкам змееной богини. Естественно, монах-летописец не мог производить новый народ от древних автохтонных химер, языческая мифология была для него бесовскими «кощунами», славяне были потомками Ноя²⁹.

На поиски библейской генеалогии славян были направлены усилия первого русского историка, составителя «Повести временных лет».

---

²⁹ Иная генеалогия предлагается в «Слове о полку Игореве», где «русичи» названы «Дажьбожьими внуками» — потомками языческого бога Солнца; эта конструкция несвойственна древнерусской книжности (см. далее — в главе XI, а также Аничков 2009 г: 407–421). Как уже говорилось (см. сноску 25), змееногие персонажи античной мифологии были известны древнерусским книжникам по переводным византийским хроникам (в том числе Хронике Иоанна Малалы), но и там они относились к доисторической эпохе и были истреблены, не оставив нечестивого потомства. В византийской традиции змееногая богиня стала хтоническим демоном — «Сциллой», чей образ сохранился на амулетах — змеевиках (Коваль 2007).

Глава I

Начало русской истории. Славяне и летописная предыстория Руси

«От сих населились острова народов в землях их, каждый по языку своему, по племенам своим, в народах своих».

Бытие, X, 5

Начальная летопись (в разных редакциях) приступает к повествованию о русской истории со знаменитых слов: «Повесть временных лет, откуда есть пошла Русская земля, и кто в ней почал первее княжити, и откуда Русская земля стала есть» (ср. ПВЛ. С. 7; БЛДР, т. 1. С. 62). Продолжение темы выглядит несколько обескураживающе: «По потопе трие сынове Ноеви разделиша землю, Сим, Хам, Афет». Речь идет не о Русской земле, а о всемирной библейской истории, космографии, описании разделения ойкумены между тремя сыновьями Ноя после потопа, когда восточные страны достались Симу, южные — Хаму, северные и западные — Иафету. Лишь в описании части Иафета летописец находит место для словен (славян), а затем для руси, обитающей еще на Варяжском море, на краю ойкумены.

Космографическое введение, не относящееся прямо к Русской земле, кажется «посторонним», тем более что и начинается оно с истории «по потопе», а не от Адама, как начиналось историческое сочинение, на которое ориентировался составитель ПВЛ — Хроника Георгия Амартола.

Более уместным выглядит введение, предпосланное другому древнему летописному своду, повествующему о начальной истории Руси — Новгородской первой летописи (НПЛ), где речь сразу идет о центрах Русской земли — Новгороде и Киеве, приравниваемом к Риму и Александрии (см. главу II). Составитель НПЛ также пользовался данными византийской

хронографии (как уже говорилось во Введении, для нее свойственно было соотнесение данных античной традиции с библейской); но космографии — разделения земли сыновьями Ноя — своей летописи не предпосылал. Что заставило составителя ПВЛ начать русскую историю с библейской, да еще не с самого Адама, а с потомков Ноя?

Знаменитый исследователь летописных сводов А.А. Шахматов выделил в тексте ПВЛ источник начального летописания, не дошедший до нас в виде отдельного произведения и получивший название «Сказание о предложении книг на словенский язык». «Сказание», очевидно, было составлено в Моравии и повествовало о моравской миссии Константина (Кирилла) и Мефодия, создателей славянской письменности (грамоты). Этому тексту, естественно, был присущ особый интерес к языкам разных народов, поэтому «Сказание» включало библейский рассказ о вавилонском столпотворении и смешении языков (Шахматов 1940. С. 90–91). В ПВЛ рассказ о столпотворении изложен на основании другого (апокрифического) текста (о чем пойдет речь далее), но рассказ о 72 языках, разделившихся с крушением башни, требовал упоминания словенского языка и был включен в кирилло-мефодиевское «Сказание». «От сих же 70 и 2 языку бысть язык словенескъ, от племени Афетова, нарци (норци), еже суть словене» (ПВЛ. С. 8).

§ 1. «Нарци, еже суть словене»

Отождествление славян с нориками — жителями приальпийской римской провинции Норик (к западу от Паннонии)³⁰ на Дунае вызвала оживленную дискуссию. Немотивированность этого отождествления заставила лингвиста Е.А. Хелимского предложить конъектуру: один из отделившихся после вавилонского столпотворения языков — народов был «наречен словенами» (*нарци* — ‘то есть’) (Хелимский 2000. С. 333 и сл.; ср. Гиппиус 2002. С. 84–95). Действительно, сама летописная фраза не препятствует такой интерпретации: «нарци, еже суть словене». Однако, смысловой повтор — «нарци, еже суть», равно как и контекст космографического введения, заставляют вернуться к проблеме, поставленной еще В.Н. Татищевым (Татищев IV: 389). Новый ее аспект был выявлен О.Н. Трубачевым (Трубачев 2002. С. 333–334), обратившим внимание на латинскую эпитафию VI в. св. Мартину Турскому, уроженцу Паннонии, где перечисляются народы, сподобившиеся знамений

³⁰ Систематизацию источников по исторической ономастике см. в кн.: Буданова 2000.

чудес, явленных святым: это «аламани, тюринг, паннонец, рут, склав, норец, сармат, датчанин, острогот, франк, бургунд, дак, алан» (Свод, т. 1: с. 358; ср. также Авенариус 1993. С. 21).

Сочетание имен *Sclavus*, *Naga* в эпитафии действительно совпадает с летописным. Сам метод идентификации летописцем места славян среди «дунайских» народов указывает, что летописцу мог быть известен источник, содержащий подобный список. Несколько выше отождествления словен с нориками летописец находит место для словен в перечне балканских стран и языков в части Афета, заимствованном из Хроники Георгия Амартола: «Япиронья (Эпир), Илюрик, *Словене*, Лухития, Анъдриокия» (ПВЛ. С. 7) и т. д.

Проблема в том, что заставило летописца дважды (подряд!) отождествлять или сопоставлять славян с разными реалиями. Географического противоречия в этом отождествлении нет: римская провинция Норик в Альпах входила в префектуру Иллирик (летописный Илюрик), как и провинция Паннония и др. Иллирийцами принято называть древнее индоевропейское население северо-запада Балканского полуострова и Адриатики (включая венетов — см. далее), которое подверглось воздействию кельтов; затем, после римских завоеваний, было романизировано.

Что же касается различия в названиях, то среди балканских стран *словене* поименованы под своим именем, а среди 72 библейских языков — именем *нарцы*. Это различие существенно для ПВЛ и библейской традиции, которой следует летописец. Уже в библейской Таблице народов потомки Ноя упомянуты дважды: один раз — в генеалогическом смысле, другой — в «историко-географическом», по месту расселения (ср.: Петрухин, Раевский 2004. С. 251 и сл.). Переход к географическому «геристру» диктовался здесь образцом Хроники Амартола: ведь там речь шла не о народах, а об областях. Этноним «словене» в перечне потомков Иафета в летописи — очевидная вставка в перечень топонимов, балканских областей — вслед за Аркадией, Эпиром и Иллириком: «Аркадь, Япиронья, Илюрик, *Словене*, Лухития» (ПВЛ. С. 7).

Впрочем, генеалогические списки потомков Ноя и списки 72 народов, расселившихся после столпотворения, различались и в ранних хрониках, которые могли быть использованы «Сказанием о предложении книг на словенский язык». Так, в «Пасхальной хронике» анонимного автора VII в. норики упомянуты в списке 72 народов между жителями Паннонии и Далмации («Пасхальная хроника»: 111; ср. Шахматов 1940. С. 75; Ведюшкина 2003. С. 300–301). В «хронике» они не отождествлены со славянами — традици-

онная историография не помещала «пришельцев», только появившихся в Альпах, в устоявшиеся историографические схемы.

Противоположным был подход представителей кирилло-мефодиевской и летописной традиции: им необходимо было найти место славян среди народов мира, которым должно быть доступно Божье слово. Параллельно с летописцем этими поисками занимались древнерусские составители комментария к Ветхому Завету — Толковой Палее. В Палее комментарий получили не только словене, но и другие народы, неведомые Библии. В «Афетове роду» помещались, в частности, под номером 1 «галати, иже суть варязи, 2 руми (ромей — византийцы. — В. П.), иже суть греки, 3 армени, 4 норици, иже суть словене» и т. д. В этом перечне нет географической последовательности — смысл списка в другом: четыре народа из списка — греки, «латина», армени, словене — имеют «грамоту» (письменность) (Водолазкин 2006. С. 899).

О варягах, упомянутых в Палее и получивших известность лишь в XI в., еще пойдет речь специально — сейчас вернемся к списку народов в упомянутой эпитафии Мартина: славянам и нарцам там предшествует упоминание ругов (Rugi), германского народа, пришедшего в Норик с Балтики (VI в.) (Томпсон 2003. С. 112–116; ср. Житие св. Северина: 61–64). Имя ругов в соответствии со средневековой традицией (по созвучию) в средние века было перенесено на Русь (рецидивы этой традиции привели к гипотезе об изначальной «дунайской руси» в историографии XIX–XX вв.). Славяне действительно заняли северные области Норика (между Альпами и Дунаем) к VI в. (Slawen in Deutschland. S.: 44–46). Возможно, там они столкнулись не только с германцами ругами, но и с местным романизированным кельто-иллирийским населением, которое именовалось *нориками* (Страбон, VII, I, 5; IV, VI, 9); равно как и с вольками-текстосагами, романизированными кельтами, занявшими в Германии Геркинский лес, который простирался от истоков Дуная до Дакии (Карпат — ср. Цезарь VI, 24–25). Существенно, что кельтский этноним *Volcae* (вольки) послужил основой для праславянского наименования соседних романизированных народов — волохов, влахов (см. далее).

Среднеевропейский регион был той контактной зоной, которая породила много этнонимических традиций. Еще Иордан отождествил готов с гетами — германцы-готы действительно заняли на Нижнем Дунае земли этих иллирийских племен, описанных еще Геродотом. Эта этимологическая традиция распространяется в европейской хронографии XI в., причем традиционные имена как раз «дунайских» народов используются для обозначе-

§ 2. Венеты / веныды: историографическая традиция и этногенез славян

ния «новых» северных народов: датчанам (данам) приписывается имя иллирийцев-даков, норвежцам (Norwagenses) — имя нориков (Гене 2002. С. 203). Дунай — граница империи — оказывался «архетипическим» регионом не только для славян, но и для народов Балтики. Эти естественные рубежи играли важную роль в становлении самосознания народов Европы.

§ 2. Венеты / веныды: историографическая традиция и этногенез славян

Со времени становления славистики (П. Шафарик) проблема этногенеза славян решалась на основе «прямолинейного» понимания одной фразы Иордана (VI в.): «от истока реки Вистулы на огромных пространствах обитает многочисленное племя венетов. Хотя теперь их названия меняются в зависимости от различных родов и мест обитания, преимущественно они все же называются славянами (склавенами) и антами» (Свод, т.1. С. 107). Эта информация напрямую возводится к данным античных авторов (Плиния, Тацита, Птолемея) о венетах / венедах, населявших в I–II вв. Повисленье вплоть до Венедского залива (Птолемей: Свод, т. 1. С. 51) Сарматского океана, то есть Вислинского (?) залива Балтийского моря. Эти венеты и считаются предками антов и склавинов — славян, хотя ни с точки зрения исторической географии, ни с позиций исторической ономастики *венеты* античных авторов не могут однозначно претендовать на роль праславян.

Праславяне не могли обитать на море, так как в праславянском слово **morě* относилось скорее к пресноводным стоячим водоемам, болотистым местам (ср. ЭССЯ. Вып. 19. С. 227–230). Ср. характерное утверждение Иордана о том, что «болота и леса заменяют им (славянам) города» (Свод, т. 1. С. 107–109; Королук 1985. С. 109–114), и распространенное мнение о том, что болотистый бассейн Припяти был ядром славянской прародины³¹.

Еще больше проблем возникает с историей этнонима *венеты / веныды*, ибо славяне так себя не называли (ср. Свод, т. 1. С. 34; Трубачев 2002. С. 98). Это был этникон (условное наименование), характерный для античной

³¹ Ср. попытку локализовать славян-венетов в давней статье Д.М. Мачинского и М.А. Тихановой (Мачинский, Тиханова 1976) вдали от моря и гор, несмотря на упоминание Птолемеем Венедского залива и Венедских гор (Восточнопрусское приморское плато? — см. Свод, т.1. С. 56) и продолжающиеся попытки синхронизировать венетов, антов и склавинов, соотнеся их с культурами, восходящими к киевской — соответственно с колочинской, пеньковской и пражской (Эпоха Меровингов: 125–132).

историографии. Первоначально он обозначал (со времен Гомера) народ, переселившийся из Трои (!) на побережье Адриатики (см. обзор источников: Колосовская 1997). Имя этого «бродячего» народа было перенесено на другие «северные» этносы Европы и воспринято германоязычными народами, называющими славян *Winden*, *Wenden* и т. п. Может быть, от них был позаимствован прибалтийскими финнами (финск. *venäjä*, эст. *vene* — «русский») и венграми (ср.: Попов 1973. С. 20–24; Хабургаев 1979. С. 97).

Вопрос в том, когда в разные финно-угорские языки попало это заимствование: во времена Тацита и Птолемея (эпоху прибалтийско-финской общности), которые помещали венетов рядом с фенами / финнами (саами?) в Прибалтике, или значительно позднее, после обретения венграми родины в Паннонии и во время немецкого натиска на Восток. Ср. «венетскую» топонимику и «вендов» Юго-Восточной Прибалтики в «Хронике» Генриха Латвийского (XIII в.) и т. п. (ср.: Седов 2002. С. 9–13; Свод, т. 1. С. 132).

Почему этникон *венеты*, не будучи самоназванием славян, надолго закрепился в ономастике Юго-Восточной Прибалтики и славянской «экзонимии»? Помимо общих соображений в области исторической ономастики (ср. употребление этнонимов *скифы*, *сарматы* и т. п. применительно к обитателям северных регионов античной ойкумены вне зависимости от их этноса), в историографии в последние годы активно обсуждается конкретная приуроченность этих этнонимов в позднеантичный период к началу и концу Янтарного пути. Он соединял в античности Венецию Адриатики с Прибалтикой (с Вентспилсом и р. Вента) и интенсивно использовался в первые века н. э. (ср.: Шукин 1998). При этом мифическая «янтарная» река Эридан, отождествленная ранними античными авторами с венетской рекой По, нашла прибалтийский аналог в реке Рудон (Радуня), что позволило перенести имя венетов в бассейн Вислы (ср.: Свод, т. 1. С. 34–35, 57).

Эти позднейшие книжные конструкции делают затруднительными поиски реальных центрально-европейских древностей венетов, что позволило бы объединить венетскую топонимику Адриатики и Прибалтики уже в доантичную эпоху. Ср. попытку увязать древнюю венетскую (иллирийскую?) языковую общность с лужицкой культурой позднего бронзового века (ср.: Хенсель 1988; Трубачев 2002. С. 26)³². Характерно, что Страбон отмечал в

³² Еще Л. Нидерле (1956. С. 31 и сл.) сетовал на сложность этнической атрибуции культур «полей погребений» («полей погребальных урн»), к каковым относились лужицкая, ясторф, пшеворская, зарубинецкая, черняховская и другие культуры позднего бронзового — железного веков. Характерной чертой этих культур был погребальный обряд: остатки кремаций захоранивались в урнах на «полях погребений»: над погребениями не сооружали надмогиль-

§ 2. Венеты / веныды: историографическая традиция и этногенез славян

своей «Географии» (VII, 2, 4): «страны за Альбием (к востоку от Эльбы. — В. П.) у океана совершенно нам неведомы. Мы не знаем никого, кто бы ранее совершил плавание вдоль этих берегов к восточным странам, простирающимся до устья Каспийского моря; также и римляне еще не заходили по ту сторону Альбия; равным образом и сухим путем никто туда не путешествовал».

Более реалистична гипотеза, основанная на определенно датированных археологических свидетельствах контактов между Римом и Юго-Восточной Прибалтикой. Выходцы из дунайских имперских провинций (Паннония, Норик, Реция) занесли на Балтику венетскую ономастику, приписав сам традиционный этникон балтийским торговцам янтарем (Шукин 1998; ср. Curta 2009), или, скорее, сами прибалтийские торговцы восприняли этот этникон на римском лимесе. Тогда этот этникон мог стать известным не только германцам, но и финнам Прибалтики.

М.Б. Шукин сравнил историю подобного рода «блуждающих» этниконов с распространением таких названий, как *русь*, также связанным с транс-континентальным водным путем «из варяг в греки» (ср. также рус. диал. *варяг* — розничный торговец и т. п.: Даль, т. 1. С. 166). Имя *венеты* в таком случае могло характеризовать не собственно этнос, а определенный образ жизни, который и описал Тацит: «венеты... обходят разбойничьими шайками все леса и горы между певкинами и фенами», подобно кочевникам сарматам, но по культуре ближе германцам, так как строят постоянные жилища и сражаются в пешем строю (Свод, т. 1. С. 39). Та же ситуация характеризует венетов Галлии эпохи галльских войн Цезаря: племена океанского побережья — морины, белги, ремы, нервии, венеты — не относились к народам между кельтами и германцами (ср.: Nachmann, Kossack, Kuhn 1962; Колосовская 1997: 110).

Вероятно, эта подвижность позволяла позднейшим авторам, в том числе составителю Певтингеровой карты (Свод, т. 1. С. 70–71), соотносить вenedov

---

ной насыпи (хургана). Попытки отыскать среди культур полей погребений собственно праславянскую продолжают. В.В. Седов связывал с дифференциацией культур раннего железного века распад «древнеевропейской общности», выделение «этносов» кельтов илирийцев, германцев, балтов и славян (Седов 2002. С. 48 и сл.). К праславянам он относит памятники так называемой культуры подклёшевых погребений (урна после кремации накрывалась крупным сосудом — клёшем). Эта культура сформировалась между Одером и Припятским Полесьем и существовала в раннем железном веке (IV–II вв. до н. э.) в процессе проникновения носителей балтской (?) поморской культуры на территорию культуры лужицкой. В польской историографии проблема соотношения поморской культуры и культуры подклёшевых погребений остается предметом дискуссии (см. *Kultura pomorska*).

с сарматами (венеды-сарматы) и дублировать сам этникон, помещая собственно венедов к востоку от венедов-сарматов на Нижнем Дунае. Та же античная традиция позволяет и археологам, опираясь на находки римских импортов, выделять конкретные «венедские» культурные ареалы (ср.: Шукин 1998; ср. Козак 2008 и др.) при общей и вполне естественной невыявленности тех памятников, которые определенно можно было бы соотносить с венетами / венетами — праславянами первой половины I тыс. н. э. «Блуждающий» этникон соответствовал самой этнокультурной ситуации эпохи переселения народов, передвижений не только культур (и этносов) в целом, но и отдельных культурных элементов, в том числе провинциально-римских импортов в лесную балто-славянскую зону (ср. Седов 2002. С. 97 и сл., 350–351; Шукин 2005). Этот переселенческий пафос оставался актуальным и для Иордана — недаром его упоминание славян начинается с характерной цитаты из библейской Таблицы народов (ср. эпиграф к главе): «теперь их названия меняются в зависимости от различных родов и мест обитания» (об этом пассаже еще пойдет речь в связи с текстологией «Повести временных лет»).

После выхода в свет «Свода древнейших письменных известий о славянах» (Свод, т. 1–2) последовательный сравнительно исторический анализ этих известий, продемонстрировавший, в частности, то обстоятельство, что сведения Иордана о собственно венетах восходят к античным источникам и практически не содержат дополнительной информации, привел к еще большим ограничениям в области гипотез о славянском этногенезе. Тацит отличал венетов, певкинов и феннов от германцев и сарматов. Вслед за ним Иордан отнес к венетам те народы, которые населяли пространства между собственно Скифией и германцами, обозначив традиционным книжным этником новый современный ему этнос — славян (и антов) так же, как он именовал и собственно готов более архаичным иллирийским этнонимом — геты. В VII в. франкская «Хроника Фредегара», повествующая о конфликте франков со славянским «государством Само» на Дунае, говорит о славянах (Sclavi), именуемых винидами (Winidi: Свод, т. 2. С. 368–369): общим наименованием славян оказывается уже греко-латинский этникон *склавы* / *склавины*.

Выход именно славян, прозванных «своим именем», а не оставшихся на периферии Европы венетов, на исторический рубеж — дунайскую границу Византии — в VI в. продемонстрировал сложение праславянской этноязыковой общности.

§ 3. Дунай в начальной истории славян. Обретение имени

Начальная русская летопись — «Повесть временных лет», созданная в Киеве на рубеже XI и XII вв., опиралась на замечательный источник эпохи славянского (праславянского) единства — «Сказание о преложении книг на словенский язык», составленное учениками Кирилла и Мефодия, было положено в основу общеславянской истории в начале — космографическом введении к русской летописи. Там славяне именовались древним общим (праславянским) самоназванием *словене*, которое они сохранили на протяжении всей своей истории, расселившись от Дуная, где основу этого имени сохранили словенцы и словаки, до Новгорода, где обитали ильменские словене.

Составитель летописи — монах Киево-Печерского монастыря, задавая главный для него вопрос о том, «откуда есть пошла Русская земля», не мог ограничиваться констатацией сложения конкретного этноса — «племенного» происхождения населения своей земли, конкретного локуса — центра (города — родного для летописца Киева) или региона (племени полян, живущих в Киевской земле), откуда этнос мог происходить. Так начинали историю своего народа польский и чешский латиноязычные хронисты: Козьма Пражский возводил Чехию и чехов к «культурному герою» по имени Чех; Галл Аноним начинал польскую историю с рассказа о первых князьях Гнезно — древней польской столицы.

Русскому летописцу начало истории было «задано» как общеславянское: Кирилл и Мефодий создавали язык для всех славян, а не только для моравян на Дунае — русский летописец осознал это, ибо и сам пользовался письменным «словенским» языком и переведенными на этот язык книгами. Это были не только библейские книги, но и греческая «Хроника» Георгия Амартола. Однако ни в Библии (в «таблице народов» мира), ни в греческой хронике, в том числе в космографическом введении, использованном летописцем, славяне не упоминались. История, свидетелем которой был сам летописец, обязывала его искать истоки славянства в древности: ведь славяне были таким же народом (по-древнерусски — «языком»), как греки или евреи, им также было известно Священное писание, переведенное Кириллом и Мефодием. Значит, они, как и другие народы, должны были получить свой язык после вавилонского столпотворения, и к ним, как и ко всем 72 народам мира, упоминаемым Библией, должен был прийти свой апостол. Об апостолах славян свидетельствовало уже «Сказание о преложении книг на словенский язык»: то были апостол язычников Павел и его ученик Андроник. Павел проповедовал в Македонии (родом из столицы Македонии Со-

луни — Фессалоник были Кирилл и Мефодий). Андроник стал епископом в Паннонии — римской провинции, которую колонизовали в начале своей истории славяне, а на рубеже IX и X вв. захватили венгры (летописные угры, см. в главе VI).

Опираясь на свои источники, летописец без труда мог найти место для начального периода истории славян на Дунае. Он обнаруживает это место для древних словен в перечне балканских стран и языков, заимствованном из Хроники Георгия Амартола: «Япиронья (Эпир), Илюрник, Словене, Лухития (Лихнид, впоследствии Охрид в Македонии, один из древних центров славянской книжности), Анъдриокя (область на побережье Адриатического моря)» (ПВЛ. С. 7) и т. д. Иллирия, или Иллирик, — историческая область на Балканах и Дунае (частью Иллирии была Паннония), куда действительно доходил Павел. Таким образом, данные славянского «Сказания» и греческой «Хроники» были согласованы и было определено географическое положение древних славян в мире цивилизации. Выше говорилось, что через несколько пассажей в том же космографическом введении летописец пересказывает библейский миф о вавилонской башне и разделении языков, утверждая, что «от сихъ же 70 и 2 языку бысть язык словенеск, от племени Афетова (Иафетова), нарци, еже суть словене» (ПВЛ. С. 8). Традиционно предполагали, что имя «нарци» относится к жителям римской провинции Норик, располагавшейся выше Паннонии (и Иллирии) на Дунае.

Здесь монах-летописец должен был ориентироваться на библейскую традицию. В библейской «Таблице народов» (книга Бытия, глава X) перечисляются народы — потомки сыновей Ноя. Каждый народ упомянут там дважды: один раз — в генеалогическом ряду среди потомков первопредка, второй — в конкретном историко-географическом контексте. Этой системе и следовал летописец, найдя для славян географическое место среди перечисленных Амартолом античных провинций на Дунае, а затем указав, что они от «племени Афетова». Главной координатой начальной славянской истории был Дунай.

Собственно история славян начинается не с вавилонской башни — это еще общее мифологическое прошлое, эпоха творения мира, а с тех пор, когда по прошествии «многих времен» славяне «сели на Дунае, где ныне (то есть во время составления летописи. — В. П.) Угорская (Венгерская) земля и Болгарская земля». Русский книжник — летописец хорошо знал, что Болгарская земля, давний сосед Русской земли на пути из варяг в греки, издревле заселена славянами: оттуда на Русь приходили книги, писанные последователями Кирилла и Мефодия. Угорская земля была завоевана уграми-

§ 3. Дунай в начальной истории славян. Обретение имени

венграми на рубеже IX и X вв., когда Русская земля с центром в Киеве уже существовала. Об их походе напоминало урочище Угорское под Киевом, где венгры ставили свои шатры во время похода на Дунай в конце IX в. Венгры были не первыми степняками, которые стремились к Дунаю из Восточной Европы. Летописец знал об этом из хроники Амартола.

Разные объединения гуннов, затем болгар, бежавших от хазар, авары, наконец, венгры обрушивались на дунайских славян с VII в. — начиная с царствования византийского императора Ираклия. Летописец не знал, когда славяне появились на Дунае, и не это интересовало его в начальной истории славян. Важнее было, что именно дунайским славянам дана была письменность — та самая, которой пользовался и летописец. Кирилл и Мефодий были призваны славянскими князьями на Дунай, в Великую Моравию. Это древнее славянское государство объединило многие славянские племена: собственно моравов, чехов и даже часть ляхов (поляков), среди которых было объединение полян. Это многое объясняло первому русскому историку, ведь в Киеве тоже жили славяне, которых звали поляне, а значит, и им была дана та грамота, которой пользовался летописец. Тема единства славян, которых объединяли общие культурные традиции и общие исторические события (в том числе нашествия степняков), волновала летописца, ведь Русская земля была на восточной окраине славянского мира, на границе с бескрайней евразийской степью.

Современных историков волнует в славянской истории то, что не было доступно их древним предшественникам: когда сформировались славяне и откуда они пришли на Дунай. В научной литературе до сих пор распространены версии о происхождении славян, близкие средневековой летописной; популярны и представления о прародине славян прямо на Дунае (Трубачев 2002). Между тем само имя Дунай, известное всем славянам (и балтам), позволяет многое понять в их предыстории. Это имя было заимствовано славянами у германцев-готов; те прорвались к Дунаю с севера, из бассейна Вислы, в III веке н. э. и узнали имя реки Данувиус у местного кельтского и романоязычного населения.

Почему Дунай был вождеденной целью тех, кого в античной традиции принято было называть варварами? Река отделяла античные Балканы от варварской Европы: по Дунаю шел лимес, укрепленная граница Римской империи, через которую стремились прорваться «варвары», ведь на самой границе и за нею были древние города и концентрировались богатства, накопленные цивилизацией. Рим должен был воевать с готами на Балканах, но о славянах римляне не знали: в бассейне Вислы обитали некие венеты, о

которых писал еще Тацит: они отличались от германцев и степняков — сарматов, но славянами или словенами себя не называли. Лишь в VI в. готский историк Иордан поведал, что венеты стали называться склафинами и антами.

Первое достоверное упоминание о славянах / склафинах связано у Прокопия (Прокопий VI, 14) с рассказом о походах германцев на Дунай. Около 512 г. герулы потерпели поражение от лангобардов: одни из них заселили «иллирийские земли», другие не решились форсировать Истр и, пройдя через «все племена склафинов», миновав пустынные области, пришли к варнам, затем — к данам (дакам) (ср.: Свод, т. 1. С. 177), к ругам, которые вместе с готами уже переселились в Италию, и, наконец, получили разрешение императора Анастасия перейти Истр и «поселиться вместе с римлянами»³³. Итак, к рубежу V и VI вв. склафины обретались к северу от Дуная.

Сколько ни пытались археологи обнаружить к северу от Дуная некую культуру, которую можно было бы приписать славянам в римское время, прийти к единому мнению они не могли. Культуры народов «варварской» Европы испытывали сильное воздействие римской цивилизации и кельтов, романского — латинского языка; пользовались схожей посудой, украшениями; хоронили мертвых по обычаю кремации на полях погребений. Наметьте решение загадки происхождения славян помогает лингвистика.

Лингвисты давно обратили внимание на то, что славянские языки наиболее близки балтийским — языкам древних соседей славян балтов (они были предками литовцев, латышей и пруссов; ср.: Шахматов 1916. С. 26 и сл.). Балто-славянское единство может объяснить невозможность вычлениить «чистые» праславянскую или прабалтскую культуры: археологические культуры лесной полосы между бассейнами Вислы и Днепра были близки в первой половине I тыс. н. э. (ср. Мачинский, Тиханова 1976)³⁴, как и языки

³³ Об активной «варварской» политике Рима в правление Анастасия свидетельствуют многочисленные находки римских монет на варварской периферии вплоть до польского Поморья. Римская, а затем византийская монета шла на выплату федератам Рима (ср.: Godłowski 1981; Свод, т. II: 48). Видимо, вторжения славян привели к прекращению доступа монеты на территорию Польши (Bursche 2005).

³⁴ В построениях археолога В.В. Седова праславяне достигают даже Средней Волги (Седов 2002. С. 248–255). Проблемы балто-славянского взаимодействия остаются в стороне. См. дискуссию о праславянах в Поволжье в журнале «Славяноведение» (2006, № 2). В традиционных построениях германской историографии основные коммуникации от Дуная до Волги оказываются в руках готов Германариха (ср. из последних работ: Штрам 1997. С. 89–95). Недаром Иордан сравнивал создателя Готской державы Германариха с Александром Великим. На легендарность известий о державе Германариха у Иордана, в том числе известий о войнах готов со славянами, указывал еще М.С. Грушевский (Грушевский 1994. С. 148–150; ср.: Мельникова, Петрухин 1997).

§ 3. Дунай в начальной истории славян. Обретение имени

их носителей. Возможно, носителей балто-славянских языков, обитавших между германцами и ираноязычными сарматами, и именовали венетами античные авторы (Nowakowski 2005).

Как распалось балто-славянское единство? Вероятно, готы и другие германцы (ср. Нидерле 1956. С. 51), двинувшиеся к Дунаю из бассейна Вислы, раскололи былую общность. Недаром славяне стали называть германцев «немцами», противопоставляя себе этих людей, говорящих на чужом языке — как немые. Ведь само имя «словене» означало «владеющие словом, понятной речью»³⁵. Литовцы же стали ассоциировать своих славянских соседей (современных белорусов) с готами, называя их *гудас*. Латыши именуют славянских соседей древним племенным именем — *кривс*, кривичи; они жили по Западной Двине — Даугаве.

Славяне уже в древнерусский период знали балтских соседей под их собственными именами — прусы, литва, зимигола, летьгола, корсь, Земгалы, латгалы и курши — племенные группировки латышей (см. далее и ПВЛ. С. 8). Но соседних эстонцев именовали *чудью*: у них был «чуждой», непривычный для славян язык, и славяне Приильменя должны были «актуализировать» свое общее самоназвание («прозвались своим именем», — пишет Начальная летопись), которое получили на Дунае, — *словене*, владеющие словом³⁶.

В древний готский период, в III–IV вв. н. э. античные авторы еще не знали имени славян. Готы недолго господствовали на Дунае и в Причерноморье: орды с востока, отброшенные от Великой Китайской стены, в 375 г. обрушились на Готскую державу в Северном Причерноморье и вышли на Дунай. То были гунны, занявшие Паннонию и устремившиеся на Балканы и в Рим. Готы бежали от них на запад.

Огромная Гуннская держава с центром в Подунавье в Паннонии (будущей Венгрии), как и прочие «степные империи», стала быстро распадаться. Уже во второй половине V в. готы (остроготы) отчасти восстановили свои позиции в Центральной Европе и на Балканах. Об исторической ситуации в Паннонии поведал византийский дипломат и писатель Приск, который отправился к гуннам. Разноязычных варваров Подунавья он называл ски-

³⁵ Ср., однако: Шрамм 1997. С. 72–73 (немецкий филолог возводит самоназвание славян к предполагаемому славянскому имени Днепра — Словутч).

³⁶ Ф. Курта (Curta 2001) относит этот пассаж Начальной летописи к книжной конструкции, завершающей «создание славян» (Making of the Slavs) в раннесредневековой литературе: однако самоназвание *словене* заставляет отнести сюжет если не к началу праславянской древности, то к ранней кирилло-мефодиевской традиции — «Сказанию о преложении книг на словенский язык», использованному летописью (ср. далее в главе VI).

фами, как греки привыкли называть всех северных «варваров» со времен Геродота. Те «скифы», которые встретили Приска и перевезли его на долбленых челнах через Дунай, подавали гостям хлеб, испеченный не из пшеницы, а из проса, а вместо вина угощали медом. Хлеб из проса и мед — традиционные блюда славянской кухни, да и хмельной напиток Приск назвал по-славянски — «медос». Правда, имени славян Приск не упомянул, все варвары были для него скифами, но, судя по лексике, скифами в этих гуннских пределах грек называл славян (Свод, т. 1. С. 81).

Византийский автор Прокопий Кесарийский рассказывает о войне с готами весной 537 г., когда готы осадили Рим, а на помощь защищавшим Италию византийцам подошло войско, состоящее из «гуннов, антов и склавинов, которые обретаются за рекой Истром» (Свод, т. 1. С. 177). Истр — греческое название нижнего Дуная — считался с античных времен границей Скифии (Свод, т. 1. С. 122; ср. Шрамм 1997. С. 49), поэтому обретавшиеся за ним варвары могли именоваться скифами. Но Прокопий уже знает склавинов под своим именем, а тройственное упоминание гуннов, антов и склавинов становится характерным для ранних источников, повествующих о славянах. Дело было не только в том, что славяне и гунны (в VI в. гуннами греки звали уже болгар, или, как их принято условно именовать, протоболгар) стали федератами — союзниками греков в войнах с другими «варварами». Все чаще склавины и анты стали переходить Истр (Дунай), разоряя Иллирик и Фракию, угрожая Фессалоникам (Солуни) и дойдя однажды до самих Длинных стен, преграждавших путь к Константинополю (рис. 2). Прокопий писал, что склавины и анты сохраняют свой варварский «гуннский» нрав, а издревле носили имя «споры» — ибо строят свои жилища разбросанно. Филологи спорят, что может означать имя «анты», расселившиеся от нижнего Дуная до бассейнов Днестра и Днепра. Оно неславянское по происхождению, но ясно, что имя *склавины* на среднем и нижнем Дунае отражает самоназвание славян — *словене* в греческой передаче.

Войска императора Юстиниана еще могли остановить славян в первой половине VI в., греки укрепляли города на Дунае, но полчища славян скопились на левом берегу среднего и нижнего Дуная, и все новые отряды форсировали реку. Они не стремились осаждать города, довольствуясь необходимыми для земледелия полями³⁷. Их можно было рассеять (недаром тот же Прокопий именовал их «спорами», «рассеянными»), но нельзя было уничто-

³⁷ Ф. Малингудис (Малингудис 1987) отмечает распространение славянской сельскохозяйственной лексики на Балканах.

§ 3. Дунай в начальной истории славян. Обретение имени

**СЛАВЯНСКИЕ ПЛЕМЕНА И ВИЗАНТИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ В
КОНЦЕ VI – НАЧАЛЕ VII в.**

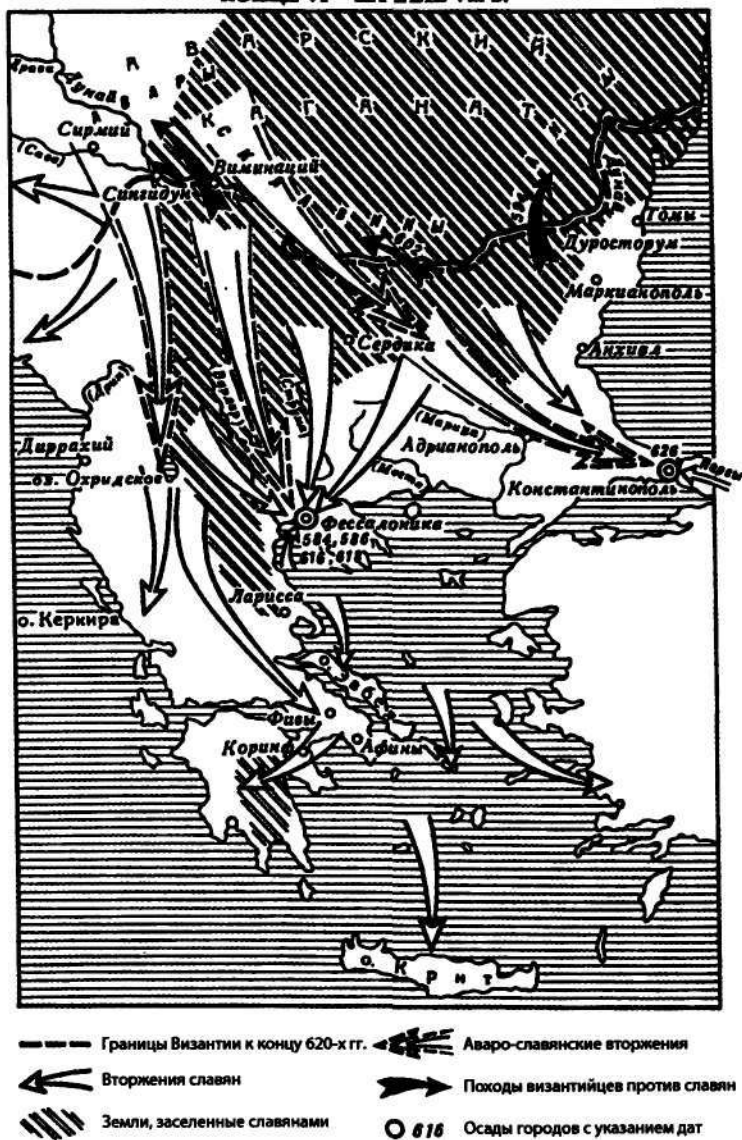

Рис. 2. Расселение славян на Балканах (по: Буданова 2000. С. 91).

жить. Так имя славян попало на страницы греческих хроник и историй — и во всемирную историю. Византийцы стремились, используя традиционный имперский метод «разделять и властвовать», натравить антов против склавинов или выставить антов как щит против степняков. Но натиск на Балканы не прекращался. В 551 г. славяне с союзными германцами — гепидами и степняками кутригурами дошли до Константинополя.

Вслед за гуннами из причерноморских степей продолжили вторжения гуннские объединения кутригуры и утригуры, с предгорий Алтая до Дуная дошла орда тюркоязычных аваров, подчинивших себе осевших в Паннонии славян. Славяне называли аваров обры, и в славянских языках это слово означало не просто врагов, а первобытных великанов, допотопных библейских гигантов, которые были «велики телом и горды умом» (см. главу III.1), как писала о них русская летопись. Не власть над славянами влекла аваров на Дунай — греки стремились использовать пришельцев против гуннов, а сами они рвались к византийским городам, Фессалоникам и Константинополю. Но здесь они уже не могли обойтись без помощи славян, знавших пути на Балканы. Славяне перевозили авар через Дунай, вместе с ними осаждали Фессалоники, а в 626 г. едва не взяли Константинополь.

Феофилакт Симокатта, византийский автор, рассказал о походе греков против аваров в конце VI в.: те заключили мир с Византией, но «натравили» на греков союзное племя славян, которое подступило к Длинным стенам; византийскому стратигу удалось рассеять «полчища» славян.

Характерен странный пассаж о встрече императора Маврикия со славянами, приводимый в связи с этой военной кампанией. К императору доставили трех славянских пленников, «не имевших при себе ничего железного и никакого оружия: единственной их ношей были кифары». Император учинил допрос: «какого они племени, где им выпало жить и почему они оказались в ромейских землях». Те «отвечали, что по племени они славяне (Σκλαυηροι), живут у оконечности Западного океана» (Балтийском море — в Венедском заливе Океана античных авторов); аварский хаган отправил их как послов собрать славянские войска, прислав старейшинам славян богатые дары. Вожди славян отказались идти в поход, сославшись на дальность предприятия (пятнадцать месяцев пути). Хаган же, вопреки закону, задержал послов, так что те попытались пробраться на родину через Фракию и Византию. Они показывали императору свои кифары, демонстрируя приверженность к мирным «мусическим упражнениям», но не к войне. Маврикий «восхитился их племенем» и оказал гостеприимство, подивившись, впрочем, размерами их тел и огромности членов» (Свод, т. II: 15–17).

§ 3. Дунай в начальной истории славян. Обретение имени

Смысл этого пассажа вызвал оживленную полемику. Американский исследователь Флорин Курта (Курта 2008. С. 161–162) настаивает на том, что пассаж представляет собой образец историографической конструкции, ориентированной на античные образцы (начиная с Геродота, писавшего о мудрых варварах), и не может использоваться напрямую как источник информации о славянской идентичности. Среди мотивов, связанных с полами-кифаредями, следует все же выделить один, который не связан с античными топосами и носит явно не праздный характер: это вопрос о «роде-племени», который в изложении того же Феофилакта Симокатты повторяли византийцы при столкновениях с варварами (ср.: Свод, т. II: 23). Это был один из центральных вопросов политики империи: нужно знать происхождение варваров, чтобы разделять и властвовать. Этой политике посвящен трактат Константина Багрянородного «Об управлении государством», но ближайшей параллелью сюжету кифаредов представляется рассказ о появлении послов другого народа при дворе другого императора, уже в 939 г.

Это знаменитый рассказ Бертинских анналов о первом появлении «народа Рос» при дворе франкского императора Людовика Благочестивого, разбор которого в контексте проблемы происхождения имени *русь* предлагается далее (глава V, параграф 1). Послы «Рос» появляются без кифар, но «ради дружбы», ссылаясь на власть своего (или хазарского) правителя кагана, обратной дороги им нет. Они просят Людовика пропустить их через землю франков. Император спрашивает, какого они рода, и те отвечают: от «рода свеонов». Распознав в них викингов, Людовик велит задержать послов как шпионов. Маврикий оказывается более гостеприимным, но вопрос о происхождении и «обретение имени» носят и в VI и в IX в. непраздный характер. Существенно при этом, что византийское *иноназвание* (экзоним) руси *Рос* и имя страны *Росия* / *Россия* отличались от самоназваний *русь*, *русские*, *Русская земля*, как греческое имя *склавены* / *склавины* отличалось от самоназвания *словене*.

Итак, в начале своей истории славянские племена, форсировавшие Дунай, колонизовали Балканы и обрели имя во всемирной истории, так что латинский автор из Испании Исидор Севильский писал в VII в.: «славяне захватили у ромеев Грецию» (Свод, т. II: 355). Славяне заселили Иллирик, Фракию и Македонию, добрались до Аттики и Пелопоннеса, переправились даже в Азию. Византийцы продолжали считать себя гражданами Римской империи — ромеями. Жители распавшейся Западной Римской империи не забывали, что на самом деле византийцы — греки, а не ромеи (римляне).

Греками именовали византийцев и славяне (вспомним комментарий в Толковой палее — «руми иже суть грекы»).

У славян был свой ответ на традиционный и архаичный племенной ригоризм греков, которые считали все народы, чуждые эллинской культуре и языку, «варварами», не владеющими понятной, артикулированной речью: славяне владели словом, поэтому именовались *словене*. Греки не могли точно воспроизвести самоназвание славян, ибо сочетание *-sl-* было неудобопроизносимым для римлян и греков, требовалось вставное *-k-* (Свод, т. I: 127–131), что дало этникон *скламены / склавины*.

Славяне не оставались один на один с греками на Дунае, после того как те усвоили их имя. Евразийская степь продолжала выплескивать кочевые волны на Дунай (см. рис. 3, цв. вкл.). На «вызов» степи ответила не только Византия, но и Западная Европа. Греки призвали на помощь против аваров другую тюркоязычную орду — болгар из Северного Причерноморья, ищущих спасения от агрессии хазар. В 681 г. они поселились во Фракии. С Запада начиналась экспансия государства франков. К началу IX в. франки Карла Великого разбили авар и подчинили славян, осевших на Дунае. В русской летописи франки именуется волохами; это имя не случайно очень долго сохранялось в дунайском именовании. Как уже говорилось, оно восходит к названию кельтского племени *вольки*. Эти кельты романизовались — перешли на разговорную провинциальную латынь (протороманский язык), которой пользовались в Иллирике и на границах Римской империи (долгое латынь сохранялась и в дунайских пограничных городах — Сирмие, Нове, Новиодуне и др.; см. о ситуации в Иллирике: Дзино 2008). Пользовались этой латынью жители Подунавья и тогда, когда там появились славяне; известна она была готам и франкам.

Славяне стали называть волохами, или влахами, все романоязычные народы (включая итальянцев и румын). Запомнилось им и имя франкского императора Карла: оно превратилось в славянских языках в титул европейского правителя — *краль, король*³⁸. Вторжения авар и франков способствовали тому, что славяне продолжили расселение не только на Балканах, но и в лесной зоне Центральной и Восточной Европы от восточногерманских областей, где осели лужицкие сербы до Поволжья, где славяне прозвались своим общим «дунайским» именем — *словене*, а также до верховьев Волги (*кривичи*) и бассейна Оки (*вятичи*).

³⁸ Ср. сходное значение франков и их империи (ал-Ифранджи) в географии арабского ученого ал-Мас'уди (Крюков 1987).

§ 3. Дунай в начальной истории славян. Обретение имени

О.Н. Трубачев вслед за И.И. Ляпушкиным (Трубачев 1976; Ляпушкин 1968. С. 161) заметил, что племенные имена славян, оказавшихся в разных регионах Европы, совпадают. Сербь известны на Балканах и в области Лужица в Восточной Германии (их имя первоначально означало «присоединившийся», «союзник»). Хорваты расселились рядом с сербами на Балканах, но племя с таким же именем известно в области, пограничной между чехами и мораванами. Имя хорватов дали славянам сарматы, оно означает «стерегущие скот». Предполагают, что сербы, как и хорваты, были союзниками ираноязычных кочевников в эпоху натиска на Дунай.

Племена с названиями «кривичи» («живущие на окраине») оказались в Греции, на Верхней Волге и в Мекленбурге — на южной, восточной и западной окраинах славянского расселения. На Балканах известны были и племенные названия, родственные восточноевропейским именам «древляне» и «дреговичи». Естественно было бы предположить, что Дунай был не только границей, которая притягивала славянские племена, но и центром, откуда эти племена расселялись по Европе, разделяясь и сохраняя свои древние имена. Свое же общее самоназвание *словене* (славяне) получили именно на Дунае, столкнувшись там с иными народами. В этом отношении Дунай можно считать «прародиной» славян, как он стал второй родиной для венгров в X в.

Славяне навсегда запомнили имя реки, за которой располагались удобные для земледелия и плодородные земли и возделанные, наполненные богатствами города. Псевдо-Кесарий, греческий автор VI в., описывает дикий варварский быт склавинов и фисонитов, «называемых также данувиями» — дунайцами: Фисон — одна из библейских «райских рек», которую Псевдо-Кесарий отождествляет с Дунаем: у романизированных «иллирийцев и рипианов она называется Данувий, у готов — Дунавт» (Дунав) (см. Свод, т. 1. С. 254–255). Имя Дунай сохранилось в фольклоре всех славянских народов, даже тех, которые оказались далеко от Дуная, на севере Восточной Европы (Топоров 1991; Цивьян 1999. С. 167–204). Дунай стал обозначением важнейшего водного пространства, главной границей в славянском фольклоре.

Предполагаются и балто-славянские истоки образа Дуная как реки (ср. литовск. *Dunojus* как обозначение водной стихии), связанной с главными событиями народной жизни: изобилием и браком. Литовская песня (рукописный сборник XVIII в. из собрания Межиниса) включает архаичные мотивы выращивания льна, ткань полотен: сестрицы стирают полотно в *Дунай-реке*, северный ветер сбрасывает одну девушку в реку, жених призывает ее приплыть к его дворику (Саука 1986. С. 138). В народной памяти это была не только военная граница — в свадебном фольклоре невеста встре-

чает жениха, когда тот поит коня на Дунае, свадебный поезд едет через мост на Дунае и т. п. Древнейшим фольклорным мотивом, связанным с Дунаем, оказывается плач Ярославны из «Слова о полку Игореве»: «зегзицей» (вещей птицей — кукушкой) собирается лететь «по Дунаеви» героиня «Слова» из Северской земли в поисках любимого.

Согласно русской былине, в реку Дунай превращается богатырь, погибший от несчастной любви. Наконец, один из поздних персонажей русского фольклора — Стенька Разин в русской исторической песне остается без дружины после тридцати лет «гуляния» и отправляется «ко синю морю, ко Дунай-реке», где просит у перевоза перевезти его «на ту сторону, на белый камешек» (Исторические песни, № 311; Рыбников, т. 2, № 218). Там его следует похоронить во всеоружии (и с конем у могилы) меж трех дорог — Питерской, Владимирской и Киевской. Дунай, таким образом, протекает в центре мира русского фольклора. В былине о Дунае река, рожденная из крови богатыря, течет к центру былинного мира, Киеву (Рыбников, т. 1, № 84)³⁹.

В начале славянской истории пересечение Дуная, столкновение с римской (византийской) цивилизацией способствовало формированию самосознания и общего самоназвания (этнической идентичности) новых народов, означало их «вторжение» во всемирную историю, на страницы хроник, что относится, в первую очередь, к славянам (балты оставались на периферии миграций) (ср.: Вернер 1972; Curta 2001; Петрухин 1995. С. 15 и сл., см. рис. 4, цв. вкл.). Начальной летописи известен и термин «дунайцы»: они не дали полянскому герою Киею, ходившему к царю в Царьград, закрепиться на реке, но сохранили память об основанном им городке, именуя городище Киевец (ПВЛ. С. 10).

Память о Дунае как о существенной границе между своим и чужим миром удерживалась не только благодаря летописной традиции, но и благодаря последующему (после гибели Византии) противостоянию России / славян Османской империи. «Сказание о роскошном житии и веселии», относящееся к русской «демократической сатире» XVII в., рассказывает о дороге, охватывающей весь балто-славянский ареал и ведущей в чудесную страну изобилия, откуда нет возврата: «А прямая дорога до тово веселья от Кракова до Аршавы (Варшавы. — В. П.) и на Мозовшу, а оттуда на Ригу и Ливлянд, оттуда на Киев и Подолеск, оттуда на Стекольнію (Стокгольм. — В. П.) и на Корелу, оттуда на Юрьев и ко Брести, оттуда к Быхову и в Чер-

³⁹ Москва имплицитно присутствует в этой фольклорной географии, ибо именно она располагается на пересечении трех дорог.

§ 4. Феномен пражской культуры

нигов, в Переяславль и в Черкасской, в Чигирин и Кафимской. А кого перевезут Дунай, тот домой не думай» (Адрианова-Перетц 1977. С. 33).

С охраной Дуная, который Византия продолжала считать границей империи и после возникновения Болгарского и Русского государств, связан также конфликт между Болгарией, Византией и Русью в 970-е гг.: император Никифор Фока требовал, чтобы болгарский царь Петр защищал землю от венгров, которые рвались через Истр, но царь уклонялся от войны на стороне Византии, так что грекам пришлось звать на помощь Святослава из Киева. Русские, однако, «пораженные прекрасным расположением местности», решили остаться в завоеванной Болгарии (Лев Диакон: 121–122). Согласно русской Начальной летописи, Святослав заявил: «хочю жити в Переяславци на Дунае, яко то есть середина земли моея, яко ту вся блага сходятся: от Грек злато, паволоки, вина и оwoщеве разноличья, изъ Чехъ же, из Угорь сребро и комони, из Руси же скоря и воскъ, мед и челядь» (ПВЛ. С. 32).

Отброшенный греками к Доростолу (Дристре) на Дунае, Святослав оказался в осаде и должен был хоронить погибших. Лев Диакон описывает варварские обычаи руси — жертвоприношения множества пленных при сожжении умерших: «они задушили несколько [грудных] младенцев и петухов, топя их в водах Истра» (История. Книга 9, 6). Сложный ритуал — кровавые / бескровные жертвы, «трехчастная смерть» с убиением, удушением, потоплением (ср.: Цивьян 1999. С. 181 — о мотиве погружения в Дунай), приуроченный к похоронам на Дунае как «обряду перехода», обнаруживает далекие перспективы в развитии славянской и русской «дунайской» традиции, о которых еще пойдет речь.

§ 4. Феномен пражской культуры

В междисциплинарных исследованиях по этногенезу славян все большее значение для формирования праславянской культуры придается эпохе противостояния славян и Византии на Дунае. Такая культура сформировалась в юго-западном пограничье балто-славянского мира: славяне выделились из балто-славянской общности, столкнувшись с Византией, выйдя «из лесов и болот» на «исторические рубежи».

Эта культура получила название пражской, или «Прага — Корчак», по памятникам, обнаруженным в столице Чехии и под Житомиром. Она считается самой ранней достоверно славянской не только потому, что ее дата

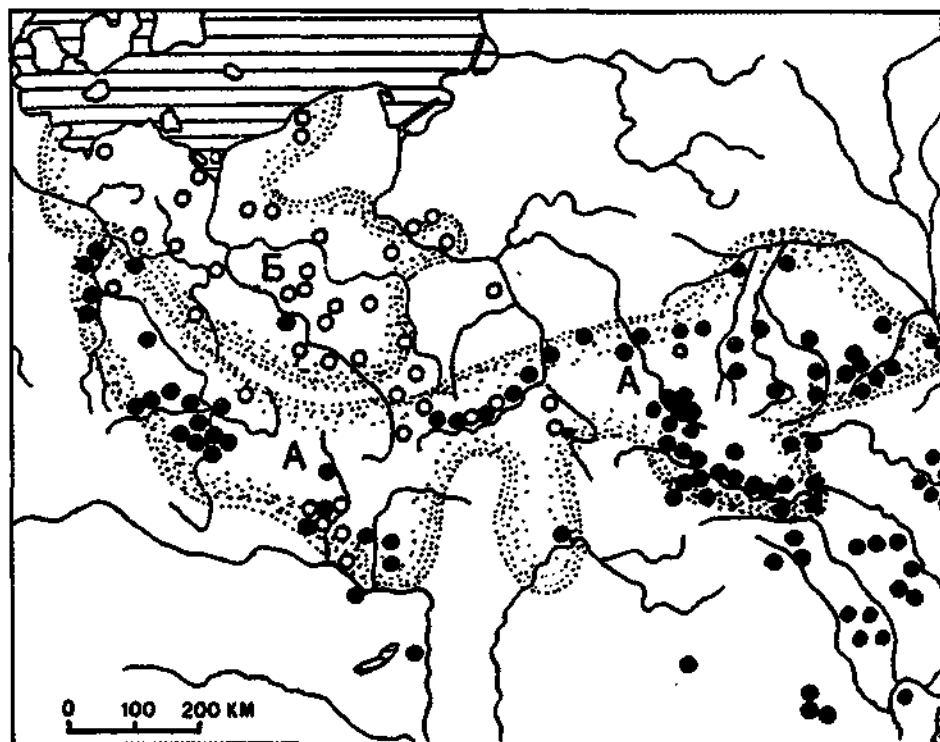
(VI–VII вв.) «совпадает» с первыми письменными известиями о славянах, но и потому, что археологически прослеживается ее связь с последующими достоверно славянскими историческими культурами Средней и Восточной Европы, чего нельзя сказать о предшествующих ей культурах (зарубинецкой в Верхнем Поднепровье, черняховской в Северном Причерноморье и др.) (см. классическую работу: Русанова 1976). Распространение этой культуры на широких пространствах Центральной и Восточной Европы, от Эльбы и Дуная до Среднего Поднепровья, соответствует данным письменных источников о расселении славян, которое вслед за В.Н. Топоровым можно назвать демографическим взрывом (ср.: Мачинский, Тиханова 1976. С. 90; Гавритухин 2009; Топоров 1988. С. 276–278).

Когда археологические исследования демонстрируют культурно-историческую общность группы памятников, связанных не только общими хозяйственными признаками (жилище, утварь и т. п.), но и собственно культурными — прежде всего, погребальным обрядом, то связи этих памятников, особенно в догосударственную эпоху, можно признать этническими. Это относится, в частности, к культуре пражского типа, для которой характерны устойчивые традиции домостроительства, производства керамики и т. п.

Небольшие, как правило, неукрепленные поселения состояли из полуземлянок с печью, расположенной в углу. Керамика — горшки характерных пропорций пражского типа — лепилась «вручную». Уже планировка примитивных жилищ показательна с точки зрения истории культуры: для германского (и кочевнического) традиционного жилища центром — и геометрическим, и сакральным — был открытый очаг; у славян (в традиционном русском жилище) — красный угол, располагавшийся напротив печи. Недаром само праславянское обозначение дома — *kotja — связано со словом «кут», «внутренний угол с печью» (Журавлев 1996. С. 130). На севере древнеславянского ареала, где в сырой почве нельзя было рыть полуземлянки, преобладали срубные наземные жилища, но и там печь размещалась (и размещается) в углу (рис. 5). Даже там, где на западе ареала пражской культуры известны были очаги, они располагались в углу жилища (Седов 1995. С. 11).

Керамика также оказывается важным культурным показателем. В археологическом жаргоне носители культур первой половины I тыс. н. э. делятся на «горшечников» и «мисочников», в зависимости от того, какая посуда характерна для той или иной культуры (рис. 6).

Показательно, что слово *миса* относится к германским заимствованиям в праславянский язык, в отличие от исконно славянских слов, обозначающих «горшок» (ср.: ЭССЯ, вып. 7, с. 210–212). Для пражской культуры

● а ○ б ● в

Рис. 5. Распространение славянских жилищ (по: Седов 2002. С. 306):

а — поселения с жилищами-полуземлянками; б — поселения с наземными домами с подпольными ямами; в — ареалы пражско-корчакской (А) и суковско-дзедзицкой культур (Б)

характерны именно горшки — их ставили в печь, и эта черта сохраняется в традиционной общеславянской культуре, где горшок оказывается одним из наиболее ритуализованных предметов, связанным, как и печь, с культом предков (см. СД, т. 1. С. 526 и сл.). Эту связь также можно считать исконной праславянской, так как в погребальном обряде пражской культуры господствовала кремация, и кости просто закапывались в ямку или собирались в горшок-урну, новое и вечное тело погребенного предка, недаром сам горшок с его горлом, плечиками, туловом в русском языке представляется антропоморфным (ср.: Петрухин 1995. С. 195 и сл.). Появляется обычай насыпать над погребением курган, что отличает пражскую культуру от предшествующих культур полей погребений. Надгробные памятники необходи-

Рис. 6. Распространение славянской керамики (по: Сотса 1970, S.1112)

§ 4. Феномен пражской культуры

мы были мигрантам — они демонстрировали, что им (и даже их предкам) принадлежат освоенные земли.

Такие связи, которые демонстрируют не только единство материальной культуры, но и черты духовной общности, отражают представления о единстве носителей пражской культуры — то есть *самосознание*, каковому справедливо приписывается конституирующее значение в сложении этноса, в данном случае — славян, точнее — общего предка всех славянских народов — праславян.

Очевидные внутренние (этнические) связи пражской культуры не отменяют естественного внешнего — позднеимперского и византийского — влияния. Как показал еще Любор Нидерле, характернейшие для славянской материальной культуры предметы — горшки с волнистым орнаментом и так называемые височные кольца (S-видной формы) — восходят к провинциально-римским образцам. Использование римских мер жидких и сыпучих тел сохранялось при производстве керамики пражского типа (Трубачев 2002. С. 8; ср. о раннеславянской керамике на Дунае: Ангелова 1980; о типах славянской раннесредневековой керамики: Comşa 1970).

Такое влияние прослеживается повсюду, где были контакты с Римской империей, включая и Восточную Европу, но то обстоятельство, что это общеевропейское влияние «вылилось» в специфическую форму — форму характерных горшков пражского типа, свойственных для вполне определенного ареала, — указывает на самостоятельность внутренних связей пражской культуры. Это еще раз заставляет задуматься о внешнем конституирующем влиянии позднеимперского — византийского мира на формирование славянской общности. Восприятие в праславянский период не только римских мер веса, различных реалий материальной культуры (в том числе обозначений предметов вооружения — «секира», «щит»; см. Иванов 1989. С. 26–27), но и наименований календарных циклов (таково происхождение слов «коляда», «купала», «русалии») и других форм духовной культуры обнаруживает воздействие этого мира на самые существенные стороны славянской народной жизни.

Славяне — носители пражской культуры — не только проникли на Балканы через Дунай, но стали расселяться и на север, в том числе на Вислу. На Средний Дунай, в Чехию и далее на Эльбу славяне также продвигались, судя по последним данным, не из Польши, а с юго-востока, из Моравии и юго-западной Словении. Импульсом для такого расселения послужила опять-таки укрепленная дунайская граница Византии — лимес, который славяне не смогли прорвать при Юстиниане, в первой половине VI в. (см. об армии Юстиниана и отношениях с «варварами»: Шувалов 2006).

Дунай действительно, в соответствии с повествованием русской Начальной летописи, оказывается центром расселения славян и к югу и к северу уже с VI в. Не менее показательны категории находок дунайского происхождения, охватывающих весь балто-славянский ареал и, шире, Восточную Европу. Характерная деталь женского славянского костюма VI–VII вв. — пальчатые застёжки-фибулы — была, видимо, заимствована у готов, обитавших в провинциях Византии на Дунае и в Крыму (Вернер 1972). Но их находки известны не только в Подунавье, в ареале пражской культуры, и на востоке вплоть до Среднего Поднепровья, но и на далекой периферии балто-славянского мира — в Южной Прибалтике (Curta 2009) и на Оке, на юге — на Балканах вплоть до Малой Азии (Babić 1997). Причем показательно, что и это заимствование было усвоено славянами на свой лад (Й. Вернер отметил этот обычай для праславянской эпохи, Г.Ф. Корзухина — для древнерусской): германские женщины носили застёжки парами — они могли скреплять бретели юбки и т. п.; славянский женский костюм представлял собой рубаху, и славянки носили только одну застёжку.

Еще один характерный атрибут традиционного женского костюма славян на протяжении всей средневековой эпохи — височные кольца, привески, вплетающиеся в волосы или крепившиеся к венцу у виска (иногда даже носившиеся как серьги). Славяне пражской культуры носили упомянутые височные кольца эсвидной формы, распространенные от Среднего Дуная до Балтики и Среднего Поднепровья. Отдельные же находки известны в Волго-Окском междуречье (Седов 1995. С. 31–35, 88–89). В.Н. Топоров отмечал исключительную проницаемость всего пространства между Дунаем и Балтикой, о чем свидетельствует, в частности, проникновение дунайской гидронимии в Литву (Топоров 1988. С. 297)⁴⁰.

Значение культуры «Прага — Корчак» как первой достоверно славянской — праславянской — культуры заключается еще и в том, что она объединяет те регионы славянского мира, которые с распадом праславянской общности стали ареалами самостоятельных славянских этнолингвистических групп — южных славян, западных славян и славян восточных. Памятники пражской культуры распространяются на Балканах (Врионис 1999), достигают Среднего Поднепровья и Киева (на территории города найдены комплексы, относящиеся к пражской культуре) — будущей Русской земли.

⁴⁰ См. также о распространении вещей VI–VIII вв. из Подунавья на северо-восток: Щеглова 2009.

§ 4. Феномен пражской культуры

Как уже говорилось, многочисленные попытки увязать происхождение пражской культуры с предшествующей (в ином ареале) черняховской не дали общепризнанных результатов. При том, что на поселениях пражской культуры встречаются фрагменты черняховской керамики, сделанной не от руки, а на гончарном круге, исследователи отмечают очевидную архаизацию культур, пришедших на смену черняховской и другим провинциально-римским культурам Средней и Восточной Европы: они сохраняют «внешние» импульсы, идущие с дунайской границы империи (форма и объемы горшков, фибулы и др.), но теряют технологические достижения, связанные с воздействием античной культуры — гончарный круг, производство стекла и др. (Терпиловский 2005).

В металлическом инвентаре пражской культуры — поясных наборах, украшениях выделяются серии подражаний изделиям провинциально-римской культуры, которые также распространяются по всему ареалу пражской культуры и даже шире — в ареале средневекового славянского расселения вплоть до Верхнего Поднепровья и Поволжья (это обнаруживает действенность речных коммуникаций лесной полосы Восточной Европы в эпоху великого переселения)⁴¹. Выше говорилось о «симметричности» названий славянских племен (сербов, хорватов, кривичей) по обе стороны Дуная.

Дунай в эпоху славянского этногенеза оказывается не просто естественным рубежом — географической границей, но контактной зоной — регионом передачи культурных импульсов, формирующих новую культуру на основе некоторых избираемых ею традиционных элементов. В современной культурной антропологии этот культурный механизм именуется «бриколаж», «игра с отскоком» (Леви-Строс 1994. С. 126–140; о подобном механизме в летописном повествовании см. в главе IV).

Американский исследователь Ф. Курта в недавних работах (Curtis 2001) продемонстрировал важность исторической реакции византийской стороны на вторжение славян. Византийские книжники «открыли» славян, дав им имя и место во всемирной истории (см. обсуждение монографии Курты в SSBP, 2008, № 2). Существенно все же, что это имя продиктовали им сами славяне; сами они обрели, вопреки усилиям византийцев, и место в Греции. Пражская культура, роль которой недооценивает Курта, отмечая, в частности, позднее упоминание славян в Моравии (и Чехии), связанное уже с противостоянием их франкам (Каролингам) в IX в., отражает этнокуль-

⁴¹ Распространившиеся в этих пределах украшения — трапециевидные привески стали характерны для культуры так называемых длинных курганов, традиционно приписываемых кривичам (Гавритухин 2005. С. 423).

турные процессы VI–VII вв., в том числе на территории Чехии и Моравии (Měřínský 2002), равно как в Нижнем Подунавье (Русанова 1976. С. 188 и сл.). Предполагается раннее (IV–V вв.) распространение славянских древностей в Сербском Подунавье (Седов 2002. С. 317–318), но их связь с пражской культурой неясна.

Наиболее сложной (как и для всякой археологической культуры) оказывается проблема формирования пражской культуры — ее генезис до VI в. Ранние памятники типа «Прага — Корчак» датируются гуннским временем (IV–V вв.) и исследуются в Полесье, в архаической зоне славянского мира в бассейнах рек Припяти, Днепра и Десны (Русанова 1976; Гавритухин 2009). Знаменитые полесские болота напоминают цитированную характеристику быта славян у Иордана: «болота и леса заменяют им (славянам) города». Редкие городища-убежища пражской культуры действительно располагались в заболоченных местах (Вергей 2005). Еще сложнее понять связь этих «глубинных» процессов с этногенезом — становлением славянской идентичности. Максима Флорина Курты о том, что славянская идентичность формировалась «в тени Юстиниановых крепостей, а не в припятских болотах» (Curtia 2001. С. 350), остается актуальной несмотря на конструктивную полемику (SSBP, 2008, № 2; ср.: Иванов 2008; Barford 2008).

Среди предшественников пражской культуры естественное внимание исследователей привлекает синхронная черняховской «киевская культура» римского времени в Поднепровье: она также не связана ни с черняховской, ни с пражской культурами, но ее ареал, достигающий киевского Поднепровья, вызывает естественные ассоциации с будущим Киевской Руси. О месте Киева в начальной русской истории еще пойдет речь, но ситуацию в Среднем Поднепровье в I тыс. н. э. действительно можно считать «прогностической» для формирования будущего центра Русского государства.

Происхождение киевской культуры определенно увязывается с распространением зарубинецкой культуры — так называемых позднезарубинецких памятников (ср.: Шукин 2005. С. 132–133). Исследователи продолжают полемику об этнической принадлежности зарубинецкой культуры — славяне или балты (ср.: Мачинский, Тиханова 1976. С. 78–79; Седов 2002. С. 134 и сл.)? М.Б. Шукин усматривает в ее носителях венетов (Шукин 2005. С. 210 и сл.), через земли которых и даже по их «тылам» пришлось пробиваться к пушным богатствам Севера дружинам Германариха. При этом сам Шукин признает условность границ «державы Германариха», созданных Иорданом. Отождествление упомянутых Иорданом «тиудос» с чудью, а «васинабронкас» с весью (упомянутых в космографическом введении ПВЛ) затрудняется

§ 4. Феномен пражской культуры

не только филологическими и текстологическими проблемами (Мельникова, Петрухин 1997), но и отсутствием археологических памятников, которые можно было бы относить к этим народам (Щукин 2005. С. 219).

Та же балто-славянская проблема остается актуальной и для атрибуции сменившей киевскую в Поднепровье колочинской культуры (ср.: Славяне и их соседи: 120–122). Выше сказано, что проблема балто-славянского единства оказывается общей проблемой славянского этногенеза. Для доистории киевского Поднепровья существенно, что в этом регионе столетиями взаимодействовали разные культуры: колочинская культура в Поднепровье сосуществовала с пражской в Правобережье Днепра; на юге в лесостепи сложилась пеньковская культура, синтезировавшая черты пражской и кочевнических культур степи (см. подробнее в главе III).

«Простой» интерпретацией этого культурного разнообразия кажется сведение трех культур к исторически знакомым «реалиям». Традиционным стало соотнесение пражской культуры со склавинами Иордана, пеньковской — с антами, колочинской — с балтами — вплоть до национально-романтических конструкций эпохи становления независимых государств (после распада СССР), усматривающих в первых — предков украинцев, во вторых (с учетом восточных областей) — русских, в третьих — белорусов (ср. Баран 1998)⁴². Такой подход⁴³ не учитывает, однако, дальнейшего развития культур Поднепровья, где формируется культура

---

⁴² На последнем (VI) Международном конгрессе славянской археологии с докладом «Древнерусская народность: реалии и миф» выступил белорусский археолог Г.В. Штыхов (Штыхов 1997). Он склонялся к мысли о том, что в древней Руси не существовало объективных предпосылок для сложения единой народности: могли складываться народности вроде ильменских славян, которые имели «город-государство» Новгород. Значение древнерусской книжности сводится к написанной «на церковнославянском языке Библии». Проблема единства — общего наименования населения древнерусского государства Русь обходится, равно как и проблема того, что в Новгороде и Киеве существовала единая летописная система.

⁴³ В другой работе В.Д. Баран (Баран 1997) соотносил пражскую культуру со склавинами, пеньковскую — с антами, венедам же приписывал синхронную (VI–VII вв.) дзедзицкую культуру Польши. Автохтонистская тенденция возводить современные исследователям этносы к древним восходит к работам М.С. Грушевского (ср.: Грушевский 1994. С. 176–177), который считал антов «предками украинских племен». Распространенным в современной украинской историографии стал тезис об отсутствии единой древнерусской культуры и связанной с ней в советской исторической науке «древнерусской народности» — предка русских, украинцев и белорусов (ср.: Баран 2006; Моця 2008), также восходящий к установкам Грушевского. Не столь прямолинейными (в отношении предков украинцев и белорусов) выглядят этнические реконструкции В.В. Седова, который относил к «антской группе» носителей пеньковской культуры и даже выделяемых им неких «русов» Приднепровья. Но и этот исследователь считает возможным говорить о предках словаков и румын в VIII–IX вв. (Седов 2002. С. 428–430,

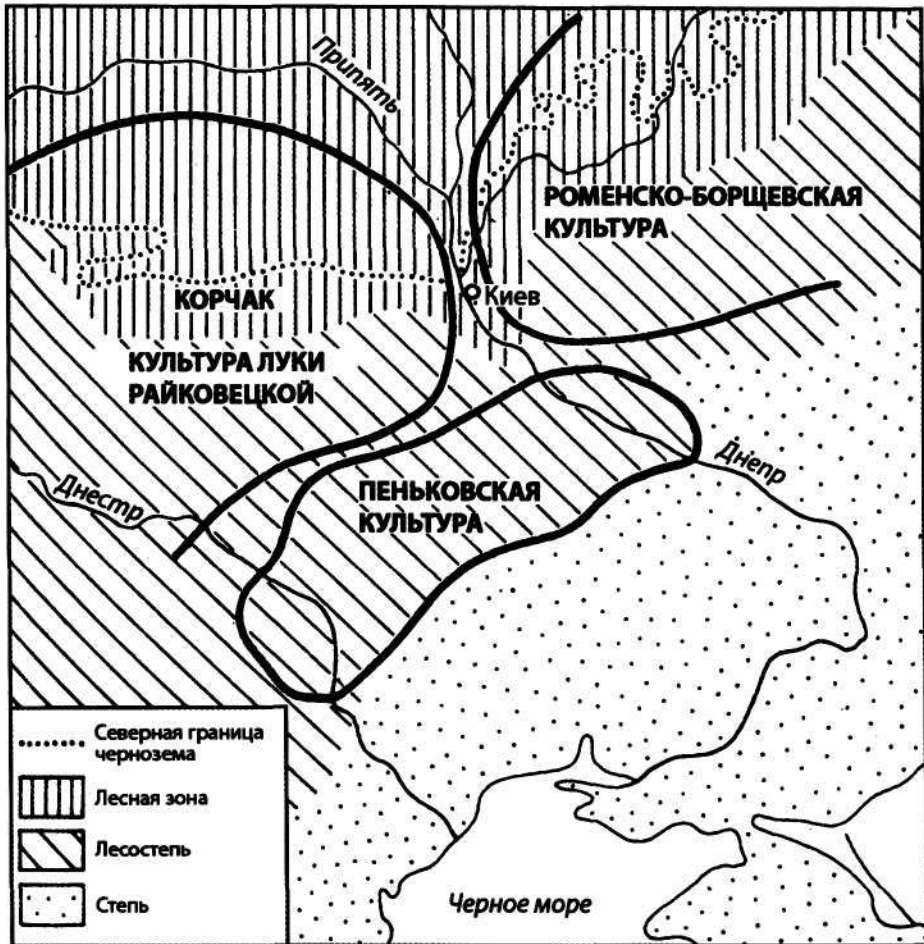

Рис. 7. Карта перекрестка культур (по: Hensel 1987. S. 423)

Луки Райковецкой — наследница пражской культуры в Правобережье, и роменская культура в Левобережье (ср.: Терпиловський 2006. С. 233–234). А главное, не учитывается формирование единой древнерусской культуры X–XI вв. и ее исторического центра Киева на традиционном для I тыс. н. э. перекрестке культур (Hensel 1987. С. 423 — рис. 7), что предопределяло его роль «матери городов русских».

458 и сл.). См. об архаических традициях поиска Urheimat (прародины) в современной археологии: Barford 2008.

Глава II

Начало Русской земли. «Русь и вси языци»

Несообразным в летописном повествовании кажется изначальное отсутствие нарративной последовательности. Главные вопросы обращены к проблеме становления Русской земли и государственности, следующее же за вводными вопросами космографическое введение рассказывает о расселении «языков» — потомков Ноя, среди них — о славянах и руси. Рассказ собственно о Русской земле начинается за пределами космографического введения, в части летописи, разбитой на погодные даты.

§ 1. Как начиналась Начальная летопись?

Д.С. Лихачев начинал историко-литературный очерк к академическому изданию «Повести временных лет» с утверждения о логической стройности и единстве летописного повествования, в котором сливались в единое целое произведения разных жанров. Это представляется очевидным уже из последующей истории «Повести» — она оставалась понятной и востребованной на протяжении всех последующих столетий русской историографии.

Между тем текстологические задачи изучения истории такого синтеза требовали членения этого логически стройного теста на «исторические» составляющие, в том числе выделения фрагментов гипотетических предшествующих ПВЛ сводов. И хотя «Повесть временных лет» традиционно именуется Начальной летописью, так как действительно представляет собой первое дошедшее до нас композиционно целостное летописное произведение, реконструированный А.А. Шахматовым свод, предшествующий «Повести», также с определенным основанием назван был Начальным.

Начальный свод в целом был надежно реконструирован на основе сравнительного анализа сходных текстов ПВЛ (прежде всего, в Лаврентьевской и Ипатьевской летописях) и Новгородской первой летописи (НПЛ). Согласно этой реконструкции, он завершался статьей 1093 г., не читавшейся в НПЛ, но имевшей ряд сходных мотивов с введением к Новгородской летописи. Так что введение к НПЛ, не читавшееся в ПВЛ, считалось все же введением к киевскому Начальному своду: «Временник, еже есть нарицается летописание князеи и земля Руския, и как избра Бог страну нашу на последнее время, и грады почаша быти по местом, преже Новгородчкая волость и потом Киевская, и о поставлении Киева, како во имя назвася Киев» (НПЛ. С. 103).

Далее следует рассуждение, основанное, как считалось (без особых оснований), на Хронографе по великому изложению⁴⁴ компиляции, использованной составителем Начального свода: как Рим был назван «во имя» царя Рима, Антиохия в честь Антиоха, и Александрия в честь Александра, «так о ж и в нашей стране зван бысть град великим князем во имя Кия, его же нарицают тако перевозника бывша; иней же: ловы деяше около города». Композиционная несообразность этого текста давно бросалась в глаза: после заявления о первенстве Новгородской волости следовало бы и рассказывать о Новгороде. Но А.А. Шахматов настаивал, что текст этот составлен как раз в Киеве, и усматривал даже в упоминании гор, где «древле погании жряху бесом», а ныне стоят церкви, киевские реалии. Конечно, этот библейский фразеологизм нельзя прямо относить к каким бы то ни было «реалиям», но противоречия в тексте введения к НПЛ, кажется, снимаются, если признать, что фраза о первенстве Новгородской волости вставлена позднейшим новгородцем-патриотом⁴⁵.

Однако все не так просто, ибо во введении к НПЛ наименование Кия «великим князем», а затем «первозчиком» и «ловцом» явно отсылает к некоему тексту, где это противопоставление было бы как-то прояснено. Этот

⁴⁴ Согласно древнерусским хронографам, в том числе и реконструируемому Хронографу по великому изложению, Рим был основан, естественно, Ромом (Ромулом), но не Римом (Ремом) (ср.: ЛЕР, т. 1. С. 78–82). Приводимая Шахматовым (Шахматов 2003. С. 410) параллель из Чудовского списка Еллинского летописца, где старшим братом, основавшим город, назван Рим, может прояснить источник введения к НПЛ, который, однако, не связан с начальным летописанием. Ср. указание того же Шахматова (там же: 408) на рассуждение составителя Тверского сборника: «Якоже древле Ром постави полату и нарече град Ром, потом преименова его Рим, убиения ради брата своего Рима».

⁴⁵ Ср.: Лихачев Д.С. Русские летописи. — С. 95. А.А. Гиппиус предположил, что вставка была произведена при составлении владычной новгородской летописи так называемого свода 1167 г. (Гиппиус 1997. С. 40 и сл.).

§ 1. Как начиналась Начальная летопись?

текст и содержится в легенде ПВЛ о Кие, Щеке и Хориве, где говорится, что Кий был князем, а не перевозчиком, и ходил на Царьград, — но этот текст был изъят из варианта киевской легенды новгородской летописи, где Кий князем не именуется. Можно понять, почему новгородец изъяс, казалось бы, актуальный для него рассказ о походе Кия в Царьград и получении им княжеских почестей от царя: ведь киевская легенда перемещена в НПЛ из вводной части в летописную — статью 6362 года, повествующую о царствовании Михаила III. Но при нем на Царьград ходил не Кий, а варяги Аскольд и Дир, о чем и рассказывается в той же статье НПЛ (ср.: Тихомиров 1979. С. 51–53).

Видимо, дело в том, что для новгородца — составителя НПЛ, имевшего перед собой Киевский Начальный свод, это хронографическое повествование о Киеве было все же отступлением от темы, о чем он и говорит сам после рассказа о «великом князе» Кие и благочестивом рассуждении о победе христианства: «Мы же паки на послѣдование возвратимся, глаголюще сице о начале Русьския земля и о князѣх, како откуду быша».

Правда, и далее составитель введения говорит не о начале Руси и не о происхождении князей, а призывает читателей прислушаться, «како быша древнии князи и мужие их, и како отбараху Руския земле, и ины страны придаху под ся; теи бо князи не збираху многа имения, ни творимых вир, ни продаж, въскладаху люди; но оже будяше правая вира, а ту возмя, дааше дружине на оружье» (НПЛ. С. 103–104). Соответственно и дружина кормилась, «воюя чужие страны», а не говорила: «мало есть нам, княже, двухсот гривен», довольствовалась серебряными, а не золотыми «обручами» для жен, «и расплодили были землю Русьскую». Во время же составления введения к НПЛ «за несытоство навел Бог на ны поганяя, а и скоты наши, и села наша и имения за теми суть».

А.А. Шахматов, настаивавший на принадлежности введения Начальному своду 1093 г., стремился увязать обвинения русских князей в «несытостве» с характеристикой вокняжившегося в 1093 г. Святополка Изяславича в одном из рассказов Киево-Печерского патерика. Но сам текстолог признавал, что собственно в летописных текстах такая характеристика отсутствует. Зато в большей мере упреки князьям НПЛ соответствуют тексту, который читается в ПВЛ под 1093 г. об оскудении земли «от рати и продаж» и нашествии «поганых» половцев⁴⁶. Само по себе это соответствие не

⁴⁶ Анализ предисловия к НПЛ провел еще С.А. Бугославский, настаивавший на том, что «весь текст Предисловия является сокращенным изложением материала, известного... по ПВЛ» (Бугославский 2006, т. 1. С. 294 и сл.).

противоречит шахматовской реконструкции, ведь ПВЛ также отражала Начальный свод.

Но далее в ПВЛ есть еще одно соответствие нашему введению: уже за границами, отводимыми Начальному своду: под 1097 г. (ПВЛ. С. 112) описываются распри между русскими князьями. Владимир Мономах намеревается отомстить Святополку Киевскому за преступление, но кыяне молят его: «Молимся, княже, тобѣ и братома твоима, не мозѣте погубити Русьскыѣ земли. Аще бо възмете рать межю собою, погании имуть радоватися, и възмутъ землю нашу, иже бѣша стяжали отци ваши и дѣди ваши трудом великим и храбрѣствомъ, побарающе по Русьскѣй земли, ины земли приискываху». И хотя Шахматов (Шахматов 1947. С. 158–159; ср.: Лихачев 1986. С. 175–176) предполагал, что эта фраза ПВЛ заимствована из введения к Начальному своду, текстологически обосновать такое заимствование затруднительно — слишком очевидна принадлежность самой идеи единства Русской земли перед половецкой угрозой тому летописному контексту, который связан с княжением Мономаха. Скорее здесь следует усматривать обратное влияние ПВЛ на Новгородскую летопись или «общие места» летописного и хронографического повествования. Введение к НПЛ, повествующее об избрании Богом Русской земли на «последнее время», явно перекликается с мотивами Толковой Палеи — «в последняя лета оставят сынове ваши простоту и прилепятся несытовъству» (СДЯ, т. 5. С. 374).

Проблема «общих мест» оказывается принципиальной именно в отношении введения к НПЛ, ибо остается неясным, вопреки обещаниям составителя новгородской летописи, кто же те «древние князи» и их мужи, что расплодили Русскую землю. В НПЛ нет (в отличие о ПВЛ) известий и о землях, куда послал Рюрик своих мужей по смерти братьев (см. главу III.2). Ясно, что к ним не может относиться Святослав Игоревич (не говоря уже о самом Игоре: Олег, по НПЛ, не был князем), которому был адресован упрек: «ты, княже, чюжеи земле ищещи и блудеши, своя ся охабив; мало бо нас не взяша Печенѣзи» (НПЛ. С. 119).

Остается Владимир Святославич, с которым связан характерный мотив начального летописания: дружина ропщет, что ест деревянными ложками, и князь «исковати лжици сребрены», ибо «сребромъ и златом налести не имам дружинѣ, а дружиною налѣзу злато и сребро, якоже дѣдъ мой и отецъ мой доискашеса злата и сребра дружиною» (НПЛ. С. 167). Этой дани традиционному дружинному этикету нельзя придавать буквальный исторический смысл — из летописи известно, чего «доискались» дружины Владимировых деда и отца — Игоря и Святослава.

§ 1. Как начиналась Начальная летопись?

Риторическое противопоставление героических древних времен «последним» временам может относиться к любой эпохе и любому этапу составления летописного свода⁴⁷. Но в риторическом введении к НПЛ имеются все же вопросы, на которые призван ответить последующий летописный текст. Это вопросы о становлении городов и волостей и, главное, повторяющийся вопрос о начале Русской земли, разделяющий рассуждения о победе христианства и древних князьях и завершающий само введение: «Мы же от начала Рускы земля до сего лѣта и все по ряду извъстьно да скажемъ, от Михаила цесаря до Александра и Исакья» (НПЛ. С. 104).

В последующей статье и говорится: «В лето 6362 (854). Начало земли Руской. Живяху кождо с родом своим на своих местех и странах, владеюща кождо родом своим. И быша три братия»... Далее текст об основателях Киева — братьях Кие, Щеке и Хориве, соответствующий космографическому введению «Повести временных лет» — фрагменту о киевском племени полян, но не говорящий ничего о руси. О руси говорится лишь потом, в связи с походом на Царьград, но это очевидная вставка из греческой хроники Амартола, так как она разрывает текст о полянах, который продолжается после описания поражения руси под Царьградом. «По сих летех братиа сии (Кий, Щек и Хорив. — В. П.) изгибоша», поляне же были «обижены» древлянами и другими соседями. Далее рассказывается о хазарской дани на полянах, приходе варягов Аскольда и Дира в Киев, и лишь затем — о варяжской дани с людей новгородских, изгнании варягов и последующем призывании варяжских князей с дружиной, от которых «прозвашася русь». Итак, в НПЛ очевидно внутреннее противоречие: начало Русской земли «формально» относится к повествованию о Киеве, а рассказывается о происхождении Руси в Новгороде.

Традиционно считалось, что в НПЛ и, стало быть, Начальном своде начало истории Русской земли отождествлялось с историей киевских полян. Эта конструкция не только не устраняла внутренних противоречий реконструируемого текста, ибо ни поляне, ни их земля не отождествлялись в НПЛ с Русью, но и игнорировала принципиально различное отношение

---

⁴⁷ Не вполне «заслуженные» похвалы «храбрости и мудрости» первых русских князей — Игоря и Святослава — свойственны риторике древнерусских книжников от Илариона до Вассиана Рыло (ср.: БЛДР, т. 7. С. 388–390). Возможно, во введении к НПЛ дается обычная для новгородской традиции «глухая» ссылка на некий престижный прецедент: в грамоте Новгорода тверскому князю Михаилу Ярославичу новгородцы ссылаются на обычай, по которому целовали крест Новгороду «първиим князи, и дѣдъ твои (Михаила. — В. П.), и отць твои» (ГВНП, № 7, с. 17).

к полянам в двух летописях. Действительно, в космографическом введении ПВЛ поляне противопоставлены прочим «поганым», в первую очередь — древлянам, как имеющие обычай «кроток и тих» — живущим «звериньским образом» (ПВЛ. С. 10–11). В НПЛ, хотя и говорится, что Кий, Щек и Хорив «беша мужи мудри и смыслене» и «наречахуся Поляне», но о полянах тут же сказано следующее: «бяху же погане, жруще озером и кладезем и рощением, якоже прочии погани» (НПЛ. С. 106).⁴⁸ Киевский этноцентризм явно чужд здесь новгородцу (Насонов 1969. С. 76).

Наконец, отнесение введения к НПЛ только к Начальному своду не вполне учитывает композицию самой НПЛ. Между тем концовка введения к НПЛ прямо отсылает к правлению Алексея и Исаака Ангелов, которыми и должно кончиться повествование. Эта концовка неслучайна, ибо НПЛ включает «Повесть о взятии Царьграда фрягами» (НПЛ. С. 103–104; ср.: Шахматов 1947. С. 131; ПВЛ. С. 367)⁴⁹. И падение «богохранимого» града Константина в правление упомянутых кесарей воспринималось в православном мире как предвестие грядущего конца света — «последних времен», о которых и говорится в начальной фразе введения к НПЛ. Показательно, что Константинополь не упомянут во введении к НПЛ среди мировых столиц. Существенно, что «Повести о взятии Царьграда» в НПЛ предшествует (под 1203 г.) рассказ о разорении Киева и разграблении его святынь русскими князьями и «погаными» половцами.

В этом контексте понятным становится пафос введения к НПЛ, обличение «несытства» русских князей и их дружинников, из-за которого «навел Бог на ны поганья»; и это не простой набег — ведь «и скоты наша и села наша и имения за теми суть». Речь здесь идет, вопреки Шахматову, уже о монголо-татарском нашествии, ниже описанном в НПЛ эсхатологическими красками «последних времен» (ср.: Плач Иеремии, 5.2): «Да кто, братье

⁴⁸ А.А. Шахматов признавал, что эти слова были вставкой в текст Начального свода и сравнивал их со сходной характеристикой язычников в «Речи философа» (Шахматов 2002. С. 86).

⁴⁹ Зависимость введения от «Повести о взятии Царьграда» явствует, в частности, из того, что Алексей Ангел назван во введении Александром, так как «Повесть» давала сокращенный вариант имени императора — Олекса (НПЛ. С. 240). Общим местом в отечественной историографии стали попытки отождествления различных исторических персонажей на основе совпадения их имен. Шахматов какое-то время усматривал в именах Олексы и Исаака представителей династии Комнинов, о которых не было речи в НПЛ. А.А. Гиппиус отыскивает схожие имена среди новгородских бояр конца XIV — начала XV в., которые мог вставить в текст составитель свода 1397 г. (Гиппиус 2009). О попытках отождествления Рюрика с Рориком Фрисландским, Вещего Олега — с Хельгу Кембриджского документа и т.п. см. далее.

§ 1. Как начиналась Начальная летопись?

и отци и дети, видевши божие попущение се на всей Руской земли; грех же ради наших попусти бог поганым на ны» (НПЛ. С. 289; ср.: Шахматов 2002. С. 383)⁵⁰.

Видимо, это событие заставило составителя НПЛ в середине XIII в. заменить раннее введение и переместить акцент с начала Русской земли на «последние времена». Следы этой замены очевидны в тексте НПЛ: повествование о начале Русской земли начинается там фразой «живяху кождо с родом своим на своих местех и странах, владеюща кождо родом своим» — и далее о трех братьях, Кие, Щеке и Хориве. А.А. Шахматов, вслед за А.И. Соболевским, отмечал невинность такой фразы в качестве начальной (Шахматов 1947. С. 154–155). Но оба они не обращают должного внимания на то, что фраза о живущих со своим родом по своим местам является парафразом из библейской Таблицы народов (ср. эпиграф к главе I). В ПВЛ этот текст действительно вводит повествование о поселении полян на Днепре, завершающее рассказ о расселении славян среди потомков библейского Иафета.

Значит, можно предположить, что Начальный свод имел космографическое введение, сходное с введением к ПВЛ⁵¹. Само по себе это введение

⁵⁰ Интересно, что А.А. Шахматов, отрицая принадлежность введения к эпохе монгольского нашествия, не находит, кроме того, «возможным допустить, чтобы Предисловие было написано во второй половине XII столетия лицом, видевшим продолжительную борьбу Юрия Владимировича с Изяславом Мстиславичем из-за Киева, почувствовавшим тот страшный удар, который нанес Киеву и всему старому укладу сын Юриев, Андрей Боголюбский» (Шахматов 2002. С. 384). Здесь текстолог вновь оказывается не в состоянии отказаться от современных ему историографических схем, в то время как новгородский летописец рассказывает о «страшном ударе», нанесенном Киеву, лишь следующее: «Иде князь Юрьи Андреевиць с новгородци и с ростовци Киеву на Ростилавица и прогнаше ис Киева, и стояше под Вышегородом 7 недель, и приидоша в Новгород вси здрави» (НПЛ. С. 223). Д.С. Лихачев предпологал, что в предисловии сознательно были опущены упреки в усобицах, ибо «Новгород в XII в. выигрывал от ослабления княжеской власти, но он существенно страдал от поборов, конфискаций, вир и других тягот» (Лихачев 1947. С. 96). Конечно, и беззакония новгородцев (под 1230 г.), и усобицы князей (под 1239 г.) привели, по летописи, к казням Божиим и нашествию поганых, но в контексте НПЛ это было именно монгольское нашествие.

К. Цукерман (2009. С. 284), в целом разделяющий подход автора к проблемам предисловия к НПЛ, увязывает фразу о «селах», но не городах, доставшихся поганым, с нашествием татар после битвы на Калке: поражение русских на Калке действительно потрясло Русь и Европу — было написано «Слово о погибели Русской земли», но «село» в древнерусских текстах означало, прежде всего, селение вообще.

⁵¹ А.А. Шахматов (Шахматов 2002. С. 183) предполагал, что перед словами о жизни «на своих местах» читался текст о расселении славянских племен, но не развил этой мысли. О.В. Творогов (Творогов 1976. С. 7) предположил, что в Начальном своде читался некий текст, опущенный в НПЛ. Этот текст и представлял собой космографическое введение. См. полемику по этому вопросу (Гиппиус 1997. С. 52 и сл.).

представляется естественным для средневековой хронографии, рассматривающей историю собственного народа (или мира) как продолжение священной истории. Так начинались и греческие хроники Малалы и Амартола, и Хронограф по великому изложению, известные русским летописцам и использованные ПВЛ (та же фраза из таблицы народов уже упоминалась в связи с рассказом Иордана о славянах)⁵².

ПВЛ, в отличие от этих хронографов, опускает сотворение человека, начинает «повесть сию» не с Адама и Сифа, а с нового творения — разделения земли сыновьями Ноя по потопе. Логика такой композиции в общем понятна: летописец стремится сразу найти ответ на главный вопрос своей повести — «откуда есть пошла Руская земля», и начинает прямо с описания стран, разделенных сыновьями Ноя, и «языков» — народов, от них произошедших.

Вместе с тем сюжет сотворения мира — «Шестоднев» — присутствует в ПВЛ, но в другом месте — в датированной части, под 986 г., в так называемой Речи Философа, обращенной к князю Владимиру. Князь выбирает веру, и греческий Философ выступает перед ним с катехизисом — кратким изложением библейской истории, ветхозаветных провозвестий пришествия мессии и символа веры. Один сюжет библейской — ветхозаветной — истории естественным образом повторяется в космографическом введении и Речи Философа: это упоминание тех же трех сыновей Ноя, умножения их потомства, строительства Вавилонской башни и разделения языков. Сами тексты, однако, не повторяют друг друга: в космографическом введении подробно дается мотив столпотворения и расселения языков, в первую очередь — славян, в Речи — ветхозаветная история евреев.

Существенно, что при взаимной дополнительности двух летописных текстов оба они использовали один источник. Для Речи Философа А.А. Шахматов (Шахматов 1940) считал этим источником не дошедший до нас в полном виде Хронограф по великому изложению, древнерусский хронографический свод конца XI в., использовавший византийские хронографические (в том числе упомянутые Хроники Амартола и Малалы) и апокрифические сочинения. Среди апокрифических источников летописных текстов, трактующих ветхозаветную историю, любитель русской книжности Г.М. Барац (Барац 1924, т. 2. С. 83–84) указал иудейский псевдоэпиграф — «Книгу юбилеев», или «Малое Бытие».

⁵² См. о Хронографе как о композиционной основе летописи: Истрин В.М. Замечания о начале русского летописания // ИОРЯС, 1921, т. 23, с. 45–102.

§ 1. Как начиналась Начальная летопись?

В специальной работе С. Франклин (Franklin 1982) продемонстрировал параллели между древнерусскими, в том числе летописными, текстами и их византийскими источниками, восходящими к «Книге юбилеев». Среди них — упоминавшаяся и чрезвычайно актуальная для раннего летописания и ранней русской истории заповедь, данная в «Книге» трем братьям — Симу, Хаму и Иафету: «не преступати никому же в жребий братень». Об исторической актуальности этой заповеди немало говорилось в историографии (Шахматов 2002; Алешковский 1971. С. 21 и сл.; Гиппиус 1994; Петрухин 2000. С. 122 и сл.) — она была повторена летописцем в связи с распрями трех сыновей Ярослава Мудрого, так же преступивших в 1072 г. завет отца, разделившего между ними Русскую землю.

Летописец — свидетель княжеских усобиц и изгнания старшего Ярослави́ча Изяслава младшими — настойчиво проводил идею братства князей. При этом он обращался и к авторитету преданий — не только варяжского, но и, прежде всего, библейского. Об этом свидетельствует дословное совпадение трех летописных пассажей:

Рассказ о сыновьях Ноя.

«Сим же и Хам и Афет, разделивше землю, жребьи метавше не преступати никому же жребий братень, и живяхо кождо в своей части».

Рассказ о смерти и «ряде» Ярослава.

«И тако раздели им грады, заповедав им не преступати предела братня...»

Рассказ о Ярославичах.

«...Святослав же и Всеволод... преступивша заповедь отню... А Святослав... преступив заповедь отню, паче же божию. Велий бо есть грех преступати заповедь отца своего: ибо сперва преступиша сынове Хамови на землю *Сифову*⁵³ и по 400 лет отмыщенье прияша от Бога, от племени бо Сифова

⁵³ Существенная «описка» летописца была замечена еще А.А. Шахматовым: Сим, один из трех сыновей Ноя, в чьи пределы вторглись сыновья Хама, был «перепутан» с Сифом — одним из трех сыновей Адама и Евы, который «очистил семя» Адама — он родился после убийства Авеля Каином. Мнимая оговорка русского книжника характерна: от Сифа, по Библии, происходят все народы (Бытие 4, 25; ср. в славянском переводе Хроники Иоанна Малалы, 19, где потомок Иафета причислен к «колену Сифову, сына Ноева»; Истрин 1994. С. 27, 39) и сам Иисус (Лк. 3.38). В Хронике Амартола, в соответствии с 1-й книгой Паралипоменон, родословие Адама, доведенное до Иисуса Навина, продолжает Сиф; в самой же «Повести временных лет», равно как и в Новгородской первой летописи Сиф упомянут в «Речи Философа» — греческого проповедника, излагающего Владимиру Святославичу основы христианского вероучения. После погребения Авеля «быв же Адам лет 200 и 30 роди Сифа и 2 дщери, и поядину Каин, а другую Сиф, и от того человеци расплодишася и умножишася по земли» — и далее о праведнике Ное и трех его сыновьях. Это замещение Сима Сифом, как первопродком всех народов, характерно для древнерусской историографии, ведь русь считалась потомком

суть евреи, иже избивше Хананейское племя, восприяша свой жребий и свою землю». Далее говорится о грехе Исава, который также преступил «заповедь отца своего».

С точки зрения летописной текстологии принципиально важно, что тексты — «жребии» и заповеди отца читаются и в ПВЛ, и в НПЛ. Стало быть, относятся к Начальному своду, как и космографическое введение, к которому они отсылают (ср.: Алешковский 1969), то есть Начальный свод представлял собой первую редакцию ПВЛ.

Фрагментом этого введения следует считать летописный рассказ о хазарской дани, сохранившийся и в НПЛ. Хазарские старцы в повествовании о хазарской дани с полян, приславших обоюдоострые мечи, предрекают, что славянам суждено брать дань на хазарах и на «инех странах». «Яко и при Фаравоне, цари еюпетьстем», — заключает летописец, — «погибоша еюптяне от Моисѣя, а первое быша работающе имъ. Тако и си владѣша, а послѣже самѣми владеють; яко же и бысть: володѣють бо козары русьскіи князи и до днешнего дня» (ПВЛ. С. 12). Таким образом, библейский сюжет «Исхода» в летописи связан с мотивом «хазарской дани» с земли полян. Фраза «володѣють бо козары русьскіи князи и до днешнего дня» совмещает, как показал в своих комментариях Д.С. Лихачев, не только славянскую историю с библейской, но и полянскую историю с русской (ср.: ПВЛ. С. 395)⁵⁴.

Историческая — датированная — часть летописи начинается с первого «реального» события русской истории, упомянутого в греческом хронографе, — повествования о походе руси на Царьград в царствование Михаила III.

При описании начала царствования Михаила III и в НПЛ, и в ПВЛ говорится о начале Русской земли — дан ответ на главный вопрос ПВЛ. При этом начальная фраза «Повести временных лет» (в лаврентьевской редакции): «Откуда есть пошла Руская земля, кто в Кieve нача первое княжити, и откуда Руская земля стала есть» — на первый взгляд представляется тавтологической. Таковой ее считали и первые редакторы Начальной ле-

---

Иафета, а не Сима. Но суть не только в этой (весьма информативной) «оговорке», а в том, что «Речь Философа» имеет тот же источник, что и библейские мотивы космографического введения, в том числе мотив «жребия братняя» — апокриф «Книга Юбилеев», или «Малое Бытие», где говорится (8.10–11), что на тридцать третий юбилейный год Сим, Хам и Иафет разделили землю на три части (Vanderkam 1989. С. 52; ср.: Franklin 1982. С. 6 и сл.).

⁵⁴ Существенно, что также воспринимает историю славян близкая летописной кирилло-мефодиевская традиция. В житийной полемике с хазарскими иудеями Константин Философ напоминает об обетовании, данном Иафету: «Да распространить Бог Иафета, да ся вселить в села Симовы» (БДЦР, т. 2. С. 44).

§ 1. Как начиналась Начальная летопись?

тописи, ибо в Ипатьевском и Радзивилловском списках «повтор» снят, причем в Ипатьевском — неудачно: «Откуда есть пошла Руская земля стала есть, и хто в неи почал первее княжити» (ПСРЛ, т. 2, стб. 2; ср.: Шахматов 2002. С. 515). Это и обнаруживает первоначальность «тавтологической» редакции.

В действительности эта кажущаяся тавтология задана Священной историей — библейской традицией, — которую воспроизводила в своей композиции и ПВЛ. Как уже говорилось в параграфе о нарцах (глава I.1), в библейской Таблице народов каждый «язык» упомянут дважды: первый раз — в связи с его происхождением от конкретного потомка Ноя, второй — в связи с «реальным» историко-географическим положением. Этому принципу соответствует двойное упоминание Руси в космографическом введении ПВЛ и исторической части — сначала на Варяжском море в связи с варяжским происхождением, потом — в Восточной Европе, где «стала есть» Русская земля (нераспознавание этого принципа космографического описания привело в современной историографии к необоснованным конструкциям о «двух концепциях» происхождения руси и т. п.; ср. далее в главе VI).

Проблема того, насколько летописец мог прямо следовать библейской традиции, снимается повсеместным обращением хронистов к Таблице народов. В хрониках Малалы и Амартола, Толковой Палее и близким текстам в древнерусской традиции сохраняется структура Таблицы, содержащей сначала описания «племени Афета», а затем «Афетовой части». См. там же рассказ о вторжении потомков Хама в «жребий Симов» и т. д. (ср.: ЛЕР: 202–203; Водолазкин 2006. С. 899), в Палее, очевидно, заимствованный из ПВЛ (ср.: Вилкул 2007. С. 49 и сл.).

Итак, «начало» Русской земли также описано в ПВЛ дважды. Первый раз — под 852 г., открывающим историческую часть летописи: «в лето 6360, индикта 15, наченшу Михаилу царствовати, нача ся прозывати Руска земля. О семь бо уведахом, яко при семь цари приходиша Русь на Царьгород, яко же пишется в летописаньи гречьстемь» (ПВЛ. С. 12). Второй раз о начале Русской земли говорится под 862 г. в легенде о призвании варяжских князей в Новгород: «И от тех варяг прозвася Руская земля» (ПВЛ. С. 13). Здесь библейский принцип инвертирован: конкретная историческая приуроченность Руси — описание ее появления в центре раннесредневекового мира, Царьграде, предшествует описанию происхождения от варягов, призванных в Новгород.

Показательно, что та же инверсия имеет место и в НПЛ: после главки о начале Русской земли и походе на Царьград в первой летописной ста-

тье говорится о призвании варяжских князей: «И от тех Варяг, находник тех, прозвашася Русь, и от тех словет Руская земля; и суть новгородские людие до днешнего дня от рода варяжска» (НПЛ. С. 106, см. о смысле этой фразы главу IV.5). А.А. Шахматов настаивал, что эта фраза в НПЛ вставлена из ПВЛ, но не учитывал, что единства структуры текста обеих летописей, дважды специально повествующих о происхождении Руси. Более того, создается впечатление, что и ПВЛ, и НПЛ отвечали на один главный вопрос.

Это впечатление усилится и конкретизируется, если учесть характерную черту ранней хронографии в целом. Так, В.Н. Топоров в статье «О космологических источниках раннеисторических описаний», опираясь на работы М. Элиаде (ср. подборку работ, озаглавленную «Космос и история»: Элиаде 1987), показал, что для большой группы текстов, включающей ПВЛ, характерно не только космографическое введение в историю, но и вопросно-ответные формулы, предопределяющие структуру последующего текста (Топоров 1997). Эти формулы действительно были присущи древнерусской риторической традиции (воспринятой из Византии), начиная со «Слова о Законе и Благодати» (ср. Лихачев 1947. С. 51 и сл.), свойственны были древнейшему и важнейшему пласту летописных текстов в сюжете выбора веры князем Владимиром, который завершается настоящим катехизисом — Речью Философа (см. главу XI).

Во Введении к книге на примере скифского «логоса» Геродота говорилось, что в архаических мифопоэтических традициях история племени начинается с космогонического мифа (ср. Петрухин 1995. С. 41–61): летописцу, опиравшемуся на библейскую традицию, был чужд этот подход, русь и славяне имеют историческое, а не мифологическое происхождение. Образцом для космографического введения были византийские хроники и основанный на них (и библейской традиции) Хронограф по великому изложению, а не славянский (или скандинавский) этногенетический миф. И в этом смысле повествование о начале Русской земли должно было быть вписано в «готовую историографическую схему» (Еремин 1966. С. 54–55; Водолазкин 2008).

Но ответа на главный для летописца вопрос эта историография не давала. Напротив, первое упоминание Руси у Продолжателя Амартола было исключительно негативным: «безбожная русь» осмелилась напасть на Константинополь. Рассказ о начале Русской земли должен был опираться на собственную эпическую традицию. Русская история в летописании начинается с ответов на начальные вопросы: «Откуда есть пошла Руская земля» и «откуда Руская земля стала есть». Однозначный ответ на эти вопросы со-

§ 2. «Кто в Киеве нача первее княжити?»

держат и НПЛ и ПВЛ: от призванных из-за моря «варяг прозвася Руская земля», обосновавшиеся в Новгороде, а затем в Киеве уже словене и варяги Олега и Игоря «прозвашася русью».

§ 2. «Кто в Киеве нача первее княжити?»

Один из главных вопросов ПВЛ (в лаврентьевской редакции), как уже говорилось, разрывает вопрошание о начале Русской земли — «откуда есть пошла Руская земля» и «откуда Руская земля стала есть». Ответ на вопросы о Русской земле содержится в тексте, непосредственно следующем за «вопрошанием», — рассказом о разделении земли между сыновьями Ноя, основанном на Хронографе по великому изложению и Хронике Амартола. Русь «пошла» в Иафетовой части от заморских варягов, и «стала есть» в Восточной Европе среди народов — чудских и балтских данников Руси, как государство.

Ответ же на вопрос о первом киевском князе содержится в ином летописном «дискурсе» — повествовании о расселении словен от Дуная «по мнозех временах» после библейского разделения языков. Сам этот текст осложнен разнообразными вставками, в том числе глоссой о пути из варяг в греки, разрывающей повествование о полянах, живущих на днепровских горах. По сути, подобной глоссой является и комментарий летописца о княжеском достоинстве Кия.

После изложения топонимической легенды о горах, прозванных в память о Щеке и Хориве, и об основании ими города, поименованного в честь старшего брата Кия, летописец вступает в полемику с топонимическим преданием, по которому Кий был «перевозником» с «оной стороны Днепра». Летописец приводит иное предание, согласно которому Кий «княжаше в роде своем» и «ходил к Царюгороду», где принял великую честь «от царя». В Лаврентьевском списке текст об этом царе явно сокращен. В Ипатьевской и Радзивилловской летописях сохранилось признание летописца о том, что этот цесарь — неведомый, «не свемы» (ПВЛ. С. 10, 390; ПСРЛ, т. 2, стб. 8). Главным доводом в пользу достоверности этого «княжеского» предания оказывается опять-таки топонимика: Кий пожелал после встречи с неведомым царем остановиться на Дунае, где срубил «градок мал», «и не даша ему ту близь живущии», но «дунайцы» и донныне зовут это «городище Киевець». Кию пришлось возвращаться в свой град на Днестре, где он и кончил свою жизнь вместе с братьями.

«И по сих братъи, — продолжает летописец, — держати почаша род их княженъе в полях, а в деревьях свое» и т. д. о племенных княжениях⁵⁵ у полян, древлян и прочих славян. Эти события приурочиваются к дохазарскому периоду славянской истории. Ибо, продолжает летописец после вставок о славянских княжениях, вторжении болгар на Дунай, обычаях славян и прочих языков, поляне «по смерти братъе сея быша обидимы древлями и инеми околними. И наидоша я козаре, седящая на горах сих в лесех, и реша козари: „Платите нам дань“».

Ремарка о полянах, «обидимых» традиционными супостатами Киева, древлянами в Правобережье Днепра, существенна, во-первых, для понимания того, почему «левобережным» хазарам удалось подчинить себе полян, а во-вторых, для уяснения того, почему в фольклоре Кий предстает перевозчиком. И на Дунае славяне оказывали тюркам-кочевникам такие услуги, поставляя для них лодки. Территория же Киева, по данным археологии, в VIII в. представляла собой анклав левобережной волянцевской культуры, развивавшейся под очевидным хазарским влиянием.

Летописца, однако, интересовали не эти исторические обстоятельства. Далее он приводит рассказ о полянской дани мечами, завершающий космографическое введение к ПВЛ: «властители оказались сами рабами, так как «володеють бо козари русьскии князи и до сего дни» (ПВЛ. С. 12).

Космографическое введение продолжается датированной частью летописи, повествующей о начале Русской земли. Со времен Шахматова признается, что тексты преданий о Киеве и трех братьях относятся к древнейшим пластам русского летописания. В первую очередь, это явствует из Новгородской первой летописи (НПЛ), отражающей — вместе с ПВЛ — более ранний Начальный свод. Однако новгородская редакция преданий о Кие существеннейшим образом отличается от редакции ПВЛ: в ней отсутствует рассказ о княжеском достоинстве Кия, истекающего из «факта» его похода на Царьград.

Можно было бы предположить, что этот мотив был сознательно изъят новгородцем, который заявлял во вступлении, что расскажет о том, как «преже» была Новгородская волость, и потом Киевская — ведь именно в Новгород были призваны первые — варяжские — князья. Правда, принятие

⁵⁵ Рассуждения о том, что поляне, древляне и прочие в летописи не именуется прямо племенами и могут считаться предгосударственными объединениями (в советской историографии «союзами — племен») (ср.: Горский 2004), едва ли релевантны в отношении летописи. Летописная терминология отражает естественный язык, наименование в летописи плативших дань варягам словен, кривичей, чуди и мери «родами» не отражает их родовой структуры.

§ 2. «Кто в Киеве нача первее княжити?»

этого довода осложняется последующим пассажем, где говорится о том, что Киев был назван в честь «великого князя», как Рим — в честь «Рима» и т. д. В предыдущем параграфе говорилось, что это введение было составлено не ранее XIII в., так как (в полном соответствии с композицией) НПЛ обещает довести изложение до Алексея (Алексы) и Исаака Ангелов.

Очевидно, что новгородец сокращал текст ПВЛ, часто неуклюже — ибо и легенде о призвании варягов он предпослал анахроничное введение, относя призывание ко «временам» Кия, Щека и Хорива, хотя сам же перед этим рассказал о хазарской дани с полян, которую те собирали по смерти братьев. Однако не менее очевидно, что и в ПВЛ рассказ об основании Киева, смерти братьев и нашествии хазар был «распространен» вставками. Вставной характер носит, как мы уже предполагали, и полемика летописца о княжеском достоинстве Кия.

Зачем летописцу понадобился этот рассказ? Конечно, можно предположить, что основанием для него были сведения о городище Киевец на Дунае. Составителю ПВЛ было известно, что распорядиться городами на Дунае мог лишь «царь» или «великий князь», как это произошло при Мономахе (ПВЛ под 1116 г.: ср. Алешковский 1971. С. 43–44). Идея о том, что топонимика оказывалась основой исторической памяти и историографических конструкций, возникала и у Б.А. Рыбакова: «Может возникнуть мысль, что весь рассказ Нестора о Кие (или по крайней мере та его часть, которая повествует о Киевце) навеян наличием созвучного города на Дунае» (Рыбаков 1963. С. 30–31). Но от этой мысли Рыбаков отказался, оставшись сторонником «исторической школы», напрямую усматривающей за каждым книжным сюжетом исторические или археологические «реалии».

Летописец говорит о княжении «рода» легендарных братьев у полян, не помянув, однако, никаких князей в эпизоде, связанном с хазарской данью, — по смерти братьев поляне были обижены соседями. Последнее свидетельство не случайно, ибо та же ПВЛ, рассказывая о походе Аскольда и Дира, именуемых боярами призванного в Новгород Рюрика, свидетельствует, что на вопрос варягов: «Чей се градок?» — поляне ответили: «Была суть 3 брата, Кий, Щекъ, Хоривъ, иже сделаша градоко съ, и изгибоша, и мы съдим, родъ ихъ, платяче дань козаромъ» (ПВЛ. С. 13). Аскольд и Дир остались в этом «выморочном» городе и «начаста владети польскою землею» как князья⁵⁶.

⁵⁶ На статус Киева как «выморочного» города без «законных» правителей (после смерти Кия) обратил внимание К. Цукерман (Цукерман 2001. С. 64).

Далее происходит известная коллизия, «легитимистские» основания которой очевидны в ПВЛ и неясны в НПЛ: законные наследники Рюрика Олег и Игорь (или один Игорь — в НПЛ) являются из Новгорода в Киев и убивают Аскольда и Дира как узурпаторов, не принадлежащих княжескому роду. Стремление усмотреть вторичность текста ПВЛ по отношению к тексту НПЛ, якобы в большей мере отражающему некий Начальный свод, обосновательны по той причине, что оба эти текста «вторичны». Так, фраза НПЛ — «рече Игорь ко Асколду: «вы неста князя, ни роду княжа, нъ аз есмь князь, и мне достоить княжити»» — свидетельствует не о том, что в первоначальном тексте один Игорь противостоял одному Асколду, а о том, что новгородец переиначил текст, известный по ПВЛ, где Олег, как представитель княжеского рода, обращается к двум узурпаторам: об этом свидетельствует двойственное число — «вы нѣста князя» (НПЛ. С. 107)⁵⁷.

Историческая же реальность (точнее, реалии) являет себя там, где она подлежит «коллективной проверке»: это традиционная для ранних летописных текстов этиологическая концовка, призванная подтвердить достоверность описываемых событий (вспомним о городище Киевец и о самих киевских урочищах). «И убиша Асколда и Дира... и погребоша и на горѣ, еже ся ныне зоветь Угорьское, где ныне Ольмин двор; на той могиле поставил Ольма церковь святаго Николу; а Дирова могила за святою Ориною» (ПВЛ. С. 14). Могилы Аскольда и Дира, в отличие от могил легендарных Кия, Щека и Хорива, были хорошо известны в Киеве, во всяком случае, еще в эпоху составления Начального свода. Поляне — «кыяне», не принимавшие участия в призвании варяжских князей по новгородскому обычаю, помнили о курганах Аскольда и Дира, как о могилах своих князей — для

⁵⁷ Такому разведению судеб Олега в новгородской и киевской версии, равно как судеб Новгорода и Киева, видимо, способствовала информация о могиле Олега, которая, согласно НПЛ, находилась в Ладого (киевские летописцы знали эту могилу у горы Щекавица: см. Петрухин 2000а. С. 222–229). Текст НПЛ о смерти Олега явно представляет собой неудачное сокращение текста ПВЛ, ибо фраза о возвращении Олега из похода на греков (заимствованная из ПВЛ): «И прозваша Олга вешии; и бяху люди погани и невегласи» (НПЛ. С. 109) — лишена смысла. Новгородцем исключен текст о смерти от коня, а ведь именно он был призван разоблачить невежественность почитателей Олега. Неясно, насколько основательной была традиция о могиле Олега в Ладого: позднейшее приурочение этого названия к одной из ладожских сопок вторично — скандинавы не хоронили в словенских сопках. Впрочем, для фольклорной традиции можно предполагать варианты преданий с разными локализациями могил одного и того же героя или несколько могил, приписываемых одному и тому же лицу (ср.: Ловмянский 1985. С. 143; книжный сюжет о могилах Хальфдана в «Круге земном», Снорри Стурлусон: 42). Тем не менее известие о могиле Олега в Ладого давало новгородскому летописцу основания для создания собственной версии истории Олега.

§ 2. «Кто в Киеве нача первее княжити?»

бесписьменного периода характерна такая фольклорная память (Рогов 1988; Петрухин 2008).

Значение этих данных не было оценено, в частности, в текстологических штудиях А.А. Шахматова: исследователь исключил из своей реконструкции Древнейшего киевского свода упоминание конкретных «адресов» этих киевских урочищ — Аскольдовой и Дировой могил (Шахматов 2002. С. 362). Между тем именно информация, которую содержала историческая память о княжеских могилах, позволяет понять те проблемы, с которыми столкнулись первые русские летописцы при воссоздании самого темного периода начальной русской истории — периода вокняжения первых князей.

Фольклорная «генеалогическая» память материализовалась, воплотилась в топонимии, в урочищах. Наследники Олега и Игоря должны были передать летописцам легенду о призвании варягов — легитимных князей во главе с Рюриком, но в эпоху составления первых сводов в Киеве еще помнили о курганах Аскольда и Дира — урочищах, где они располагались (недаром НПЛ и ПВЛ приводят их точные координаты). И киевляне знали, что то были могилы древних князей (ср.: Ловмянский 1985. С. 143).

Кем бы ни были Аскольд и Дир — варяжскими князьями, обосновавшимися на Среднем Днепре до призвания Рюрика, или боярами новгородского князя (ср. в главе VIII.2), киевским князьям и киевскому летописцу (НПЛ вообще не интересовало происхождение Аскольда и Дира) важно было продемонстрировать легитимность правления династии Рюриковичей в Киеве. Для этого необходимо было превратить фольклорную фигуру основателя города — Кия — в первого князя, не оставившего наследников, и поместить рассказ о нем в предысторическую хронографическую часть летописи.

В новгородской версии киевская легенда связана не с дунайской пра-родиной славян, рассказ о которой был изъят вместе с космографическим введением, а со временем призвания варягов — то есть с началом истории Новгорода, ибо «Новгородская волость» была прежде киевской, как сказано во введении к НПЛ. Отсюда несообразность и сбивчивость первой статьи НПЛ (6362 г.): главка «Начало русской земли» предваряет там киевскую легенду о братьях Кие, Щеке и Хориве, где о Русской земле ничего не говорится, сама же легенда вводится лишней смыслом библейской фразой «живяху каждо родом своим» и т. д., вырванной из контекста космографического введения ПВЛ. Поход руси на Царьград никак не увязывается ни с Киевом, ни с Аскольдом и Диром, хотя и разрывает рассказ о киевской предыстории — предшествует повествованию о смерти Кия и хазарской дани с полян

(ср.: Шахматов 2002. С. 83–84; Творогов 1975. С. 71) (рассказ о походе руси заимствован из Хронографа по Великому изложению).

М.Н. Тихомиров специально обратил внимание на несообразность текста в этой вставке (Тихомиров 1979. С. 52–53): поход руси отнесен ко времени Михаила III и его матери Ирины, в то время как матерью императора была Феодора, которая действительно возвестила «поклоняние иконам» (конец иконоборческого периода), о чем сообщает НПЛ. Тихомиров предположил, что имя Михаила появилось во вставке в результате работы компилятора, первоначально же речь шла об Ирине (видимо, матери Константина VI, также императрице иконопочитательнице, но правившей после 780 г.). Это предположение Тихомиров обосновывал не текстологически, а исходя из исторического, точнее — предысторического контекста киевской легенды: ведь Кий должен был править во времена начальной славянской истории, в эпоху расселения с Дуная, в новгородской же редакции получалось, что он жил во времена призвания варягов в середине IX в. Если так, то новгородский «компилятор» действительно в своей конструкции ориентировался на киевскую легенду ПВЛ, повествующую о древнем князе Кие, и сама конструкция не может относиться к гипотетическому Начальному своду.

Далее в НПЛ говорится о призвании в Новгород варяжских князей и, наконец, о Русской земле, что прозвалась «от варягов». Эта фраза из ПВЛ в новгородской летописи также лишена смысла, ибо русь включалась в число варяжских народов в изъятном новгородцем космографическом введении. Текст НПЛ об Аскольде и Дире очевидно отсылает к тексту ПВЛ, где Аскольд и Дир «придоста» в Киев из Новгорода по пути из варяг в греки. Но новгородцу требовалось развести новгородскую и киевскую историю, о чем он заявлял во введении к летописи, противопоставляя Новгородскую волость Киевской. Этот текст НПЛ не раз использовали сторонники исконной династии «Киевичей», к которой приписывали варягов Аскольда и Дира (начиная с польского хрониста XV в. Яна Длугоша).

При этом в хронологической статье о начале Русской земли «от Адама» — первой погодной статье ПВЛ (852 г.) — первым «историческим» киевским князем назван, естественно, не Кий, а Олег. Могила же Аскольда и Дира ставили перед киевским летописцем сложную проблему первенства князей (Тихомиров 1979. С. 51–62). Очевидно, что киевские урочища заставили составителя ПВЛ сконструировать книжный сюжет о доисторическом (дорусском) походе на Царьград и изобразить Кия первым князем — основателем города, в соответствии с традициями средневековой этимологии (используя информацию о Киевце на Дунае и название самого Киева). Сход-

§ 2. «Кто в Киеве нача первее княжити?»

ным образом существование урочища Угорского под Киевом позволило летописцу увязать продвижение венгров в Паннонию с эпохой Олега (см. главу VI.2).

Не могилы князей, а название Киева и киевских горок — Хоревицы и Щекавицы стали основой для реконструкции имен трех киевских братьев — обычная для средневековых хроник этимологическая традиция⁵⁸ (Гене 2002). В явном виде они содержатся в не раз упомянутом введении к НПЛ: «якоже древле царь Рим, назвася и во имя его город Рим... тако ж и в нашей стране зван бысть град великим князем во имя Кия, его же нарицают тако перевозника бывша». Для дискуссии о времени составления этого введения (ср.: Гиппиус 2006; Цукерман 2009) существенно, что полемическая формулировка НПЛ явно отсылает к легенде о княжеском достоинстве Кия в ПВЛ, ибо новгородская летопись такой информации не содержит. Кроме того, наименование Кия «великим князем» связано с традицией «удельного периода», когда (с конца XII в.) формализуется этот титул. Князь Кий нужен был составителю ПВЛ для легитимации княжения Олега и Игоря, убийц Аскольда и Дира.

***

В зачине «Задонщины» — повести о Куликовской битве, написанной вскоре после знаменитого Мамаева побоища 1380 г., великий князь Московский Дмитрий обращается к своему брату, князю Владимиру Андреевичу: «Пойдем, брате, тамо в полунощную страну — жребия Афетова, сына Ноева, от него же родися русь православная. Взыдем на горы Киевския и посмотрим славного Непра и посмотрим по всей земле Руской. И оттоле на восточную страну — жребий Симова, сына Ноева, от него же родися хиновя — поганые татаровя, бусормановя. Тъ бо на рекъ на Каяле одолъша родъ Афѣтов. И оттоля Руская земля съдитъ невесела; а от Калатьския рати⁵⁹ до Мамаева побоища тугою и печалию покрывшася...» (ПЛДР. XIV — середина XV в. Л., 1981, с. 96).

---

⁵⁸ Этимологические конструкции характерны и для ПВЛ: имя города Переяславля увязывается с типичной топонимической легендой о победе над печенегом, у которого богатырь «перял славу» (ПВЛ. С. 55); имя города Туров возводится в варяжскому имени Туры (ПВЛ. С. 36).

⁵⁹ Р. Каяла, где князь Игорь Святославич потерпел поражение от половцев в 1185 г., отождествляется здесь с Калкой.

Киев давно перестал быть столицей некогда единого Древнерусского государства, не существовало и политического единства древнерусских земель, разделенных между Ордой и Литвой. И все же Киев оставался центром мира в русской средневековой культуре.

Средневековая культура основывалась на традиции, и «Задонщина» следовала Начальной летописи — «Повести временных лет»: события на Руси — средоточие всемирной истории, где сходятся судьбы — «жребии» — потомков сыновей Ноя. Жребий Иафета, от которого произошла Русь, автор «Задонщины» вслед за Нестором помещает в полнощной — северной — стороне. Таков традиционный библейский взгляд на мир — взгляд из Иерусалима. Но историческим центром, откуда смотрят на этот мир герои «Задонщины», остаются Киевские горы. Реальный исторический рубеж, определяющий судьбы Руси — битва на Калке-Каяле, где татары именуются древним именем гуннов (хиновя). Легендарный Боян поет в «Задонщине» славу первым киевским князьям, Игорю Рюриковичу, Владимиру Святославичу и Ярославу Владимировичу — предкам Дмитрия Донского. Пространство и история (включающая происхождение московского княжеского рода) сходятся в одном центре — Киеве, при том, что сам этот центр реально находился под властью Литвы.

Удивительно то, насколько при общем непонимании ценности и отсутствии живого интереса к памятникам древнерусской культуры в послепетровскую эпоху сохранился этот взгляд в русской культуре нового времени. Через четыре с половиной столетия после «Задонщины» Н.В. Гоголь, не разделявший в своих произведениях малоросское — украинское — и собственно русское, так же видит из Киева весь свет, как видел его Нестор-летописец.

Сравним текст из гоголевской «Страшной мести»: «За Киевом показалось неслыханное чудо. Все паны и гетманы собирались дивиться сему чуду: вдруг стало видимо далеко во все концы света. Вдали засинел лиман, за лиманом разливалось Черное море. Бывалые люди узнали и Крым, горою подымавшийся из моря, и болотный Сиваш. По левую руку видна была земля Галичская. «А это что такое?» допрашивал собравшийся народ старых людей, указывая на далеко мерещившиеся в небе и больше похожие на облака серые и белые верхи. «То Карпатские горы!» говорили старые люди».

Ю.М. Лотман в работе о пространстве у Гоголя писал в связи с этим пассажем о свойстве вогнутого волшебного пространства, периферия которого как бы поднимается, обнаруживая дальние дали перед наблюдателем, располагающимся в его центре (Лотман 1988. С. 260–261). Но и сам Киев

§ 2. «Кто в Киеве нача पहले княжити»?

расположен на горах, и чудо, открывающееся за Киевом взорам народа в «Страшной мести» в начале самой развязки — гибели колдуна, означает, что событие происходит в центре мира, откуда видно все стороны света.

Сторонний наблюдатель XVI в. — писавший по-латыни Михалон Литвин (Михалон Литвин, фрагм. 9) — приводит подлинное фольклорное свидетельство такого отношения к Киеву, «народную поговорку роксоланов» (характерное для польско-литовской позднесредневековой традиции наименование сарматским этнонимом русских, именуемых также рутенами, русинами и обитающих на землях, подвластных Речи Посполитой): с холмов крепости Киева «можно видеть многие другие места». Киевские горы, на которых, по летописной легенде, предрек славу будущему городу Андрей Первозванный, очевидно, в православном сознании (ср. русь православную «Задонщины») соотносились со Святыми горами: Святая земля — это место, возвышающееся над всем миром, в эту землю и библейский центр мира — Иерусалим паломники совершают «восхождение».

В зачине поздней русской былины о монголо-татарском нашествии в Киеве также открывается зрителям «чудо чудное, диво дивное»: «душа красна девица» выходит из Божьей церкви и из городских стен, спускается под «круту гору» по колени в синее море (!), кладет книгу на алтын-камень, читает ее и плачет о грядущей судьбе Киева, осажденного татарами. В былине объясняется, что красна девица — это сама «мати Божья — Богородица»; в других вариантах былины плачет «стена мать городовая».

В.Я. Пропп возводил этот былинный мотив к образу Богоматери на апсиде Святой Софии Киевской (византийская мозаика XI в.) — «нерушимой стены» и Градодержщицы (Пропп 1958. С. 306). Синее море и алтын-камень также не случайны, ибо алтын, или алатырь, «бел-горюч камень» русского фольклора, «всем камням отец», стоящий посреди моря-океана — это русский вариант пупа земли, где происходят главные события, определяющие судьбы мира (и человека), где растет мировое древо, стоит престол Господень, пребывает сам Господь со святыми и апостолами (ср. параграф 1.2), который в некоторых фольклорных текстах течет к Киеву). Совмещение «пупа земли» и Киева, перемещение алатыря и моря к подножию Киевских гор — чудо русской былины, записанной на реке Мезени в начале XX в., и чудесное видение в повести Гоголя объединяются тем механизмом передачи или, точнее, удержания традиции, который ранее относили к сфере архетипического, в современной же науке принято именовать «ментальностью».

Конечно, этот архетип формировался исторически, прежде всего — в трудах и сознании древнерусских книжников и правящего Русской землей

княжеского рода. Текст Начальной летописи, рассказывающий о жребиях сыновей Ноя, сходящихся на Руси, восходит к апокрифической «Книге юбилеев» или Малому Бытию. Суть этого текста — в чрезвычайно актуальной для раннего летописания — и древнерусской истории — заповеди, данной в Книге трем братьям — Симу, Хаму и Иафету: «не преступати никому же в жребий братень» (об этом уже говорилось выше). Эта заповедь была повторена летописцем в связи с распрями трех сыновей Ярослава Мудрого, преступивших в 1072 г. завет отца, который разделил между ними Русскую землю и три города ранее неделимого княжеского домена в Среднем Поднепровье — Киев, Чернигов, Переяславль (Петрухин 2008а).

Киев должен был оставаться в руках старшего представителя княжеского рода — старшего брата, и это право подтверждала традиция — записанная Нестором киевская легенда, которая связывала само основание города со старшим братом. Вопрос: «Кто в Киеве нача первее княжити» — вводит первый собственно «исторический» сюжет русской истории. Легенда об основании Киева призвана ответить на один из главных вопросов летописи. При этом сама легенда помещена в лишнюю летописных дат вводную — космографическую — часть летописи, которая начинается повествованием о расселении потомков трех сыновей Ноя, среди них — славян, в том числе киевских полян, потомков Иафета, от Дуная. Космографическое введение к летописи насыщено легендарными мотивами, в том числе и очевидно фольклорного происхождения. К таковым относится общеславянское предание о Дунае как главном мифопоэтическом рубеже, об аварах-обрах, которые угнетали славян, были горды и велики телом, и Бог истребил их, как библейских допотопных великанов. «Обры» действительно стали древними великанами в славянском фольклоре.

Итак, во введении к НПЛ, которое А.А. Шахматов считал принадлежащим Начальному своду, предшествующему ПВЛ, Кий именуется «великим князем», а затем «перевозчиком» и «ловцом», что явно отсылает к некоему тексту, где это противопоставление было бы как-то прояснено. Этот текст и содержится в легенде ПВЛ о Кие, Щеке и Хориве, где говорится, что Кий был князем, а не перевозчиком, и ходил на Царьград, но, как уже отмечалось, этот текст был изъят из варианта киевской легенды новгородской летописи, где Кий князем не именуется. Можно понять, почему новгородец изъясил, казалось бы, актуальный для него рассказ о походе Кия на Царьград и получении им княжеских почестей от царя: ведь киевская легенда перемещена в НПЛ из вводной части в летописную — статью 6362 года, повествующую о царствовании Михаила III, но при нем на Царьград ходил не Кий,

§ 2. «Кто в Киеве нача первее княжити?»

а русь Аскольда и Дира, о чем и рассказывается в той же статье НПЛ (ср.: Тихомиров 1979. С. 51–53 и § 1 этой главы).

Во введении к НПЛ мы имеем дело не с изначальным «фольклорным мотивом», а с характерной для древней книжности этимологической конструкцией: как Рим был назван «во имя» царя Рима, Антиохия в честь Антиоха, и Александрия в честь Александра, «тако ж и в нашей стране зван бысть град великим князем во имя Кия, его же нарицают тако перевозника бывша; иней же: ловы деяше около города». Напомним, что среди столиц не назван Царьград — Константинополь, хотя Константин был образцом правителя в конструкциях русских книжников: предисловие, как и пишет его автор, было составлено после царствования «Александра и Исакия» (НПЛ. С. 104) — взятия Царьграда фрягами в 1204 г.

Исходным для новгородского летописца был текст ПВЛ — но был ли он «фольклорным», а не результатом традиционной этимологической конструкции, производящей из топонима Киев его эпонимического основателя Кия? Опирался ли этот текст на «былинный» мотив похода на Царьград и попытку Кия закрепиться в Киевце на Дунае, чего ему не позволили «дунайцы», так что лишь городище Киевце сохранилось от этого деяния?

Исторические «реалии» данного текста волновали уже редакторов ПВЛ: в киевской легенде Ипатьевской летописи, вместо неуклюжего текста Лаврентьевской, где Кий «велику честь приял от царя, при котором приходив цари» (ПВЛ. С. 9), редактор признается, что Кий «велику честь приял есть от царя, которого не вем» (ПСРЛ, т. 2, стб. 8). Отметим, что Ипатьевская редакция концентрировалась на вопросе не о том, кто первым княжил в Киеве, а о том, кто первым начал княжить в Русской земле, и проблема основания Киева не была для нее настолько актуальной, насколько она была значима для Лаврентьевской. Для НПЛ мотив дунайского похода был нерелевантен, поскольку Кий и так приравнивался Ромулу («Риму») и Александру.

Общим местом современной историографии остается признание за легендой об основании Киева одновременно фольклорных и исторических истоков. Эта традиция восходит к средневековью, по крайней мере, к «Синописису», где предлагается и точная дата основания Киева (431 г.). Тиражируются и средневековые этимологические конструкции, в том числе возведение имен основателей Киева к скифо-сарматскому периоду, восходящие еще к домыслам средневековой польской историографии (ср. во Введении о Яне Длугоше), продолженным еще В.Н. Татищевым (Татищев, т. II: 198, прим. 12). При том, что как раз Татищев считал имя эпонимического героя

Кия вымышленным, а название города восходящим к топониму — Киевской горе (т. I: 352). Эти конструкции игнорируют собственно летописный контекст киевской легенды, что дает свободу для «историко-фольклорных» спекуляций.

Исторические «факты» для реконструкции деяний и самого образа Кия остаются во всех вариантах киевской легенды стереотипными для средневековой хронографии: как правитель он должен был основывать города (ср.: Коновалова, Перхавко 2000. С. 28–29; Мельникова 2003. С. 70–72). Киевец (городище) на Дунае и Киев на Днепре свидетельствуют о его деяниях. Эти построения целиком соответствуют вполне очевидной для ПВЛ тенденции — стремлению увязать историю киевских полян с Дунаем, где они должны были среди прочих дунайских славян получить письменность от Кирилла и Мефодия (анахроническая статья 898 г. — см. далее).

Тем не менее в историографии множатся схемы, продолжающие конструкции средневекового книжника: киевская легенда считается наследием древнего славянского фольклора, передаваемого какими-то «языческими волхвами» (Коновалова, Перхавко 2000. С. 32), или отражением исторических реалий, сохраняемых исторической памятью на протяжении столетий (в построениях «исторической школы» Б.А. Рыбакова). При этом большая часть исследователей сходится на том существенном обстоятельстве, на которое указывал еще С.М. Соловьев: основой летописной конструкции были известия о городище Киевец на Дунае, сохранявшемся до начала XII в., когда составлялась ПВЛ.

Как уже говорилось, и Б.А. Рыбаков уловил «хорографическую» систему, на которую мог опираться летописец (параллелизм болгарско-дунайской столицы Преслав, Переяславца на Дунае, где хотел основать центр своей державы Святослав, Переяславля на Днепре и соответственно Киевца на Дунае и Киева на Днепре), но он прямо отнес эту систему в праславянскую древность, связав дунайские города с походами антов VI в. на Византию. Указал Рыбаков (вслед за В.Г. Васильевским) и на наиболее созвучный Киеву пункт на Нижнем Дунае — город *Cius* (Рыбаков 1963. С. 30–31).

Попытки напрямую соотнести данные киевской археологии с летописными, неоднократно предпринимавшиеся и после работ Б.А. Рыбакова, не выдерживают критики: ранние додревнерусские поселения или монетные находки на территории Киева не имеют прямого отношения к истории города. Эти остатки не могут свидетельствовать о существовании Киева за полтысячелетия до возникновения других русских городов, прежде всего — с точки зрения теории общественно-экономических формаций, которой

§ 2. «Кто в Киеве нача первее княжити?»

придерживались исследователи, праздновавшие в советские годы 1500-летний юбилей Киева (ср. из последних работ: Комар 2005; Sahaidak 2005).

Более реалистично мыслящие исследователи признают, что эта система не могла быть известна в Киеве до походов Святослава в 970-е гг. В.Б. Перхавко подробно изучил историографию проблемы и материалы, известные из Киуса / Циуса — исходно римской крепостцы на Дунайском лимесе, основанной в III в. на месте гето-фракийского поселения. Однако по археологическим данным этот город продолжал существовать в VIII–XI вв. (Коновалова, Перхавко 2000. С. 27–29) — то есть не стал городищем, упомянутым ПВЛ. Впрочем, прямолинейное соотнесение данных археологии с историческими «реалиями» рискованно.

Возвращаясь к летописи, нельзя не заметить, что информация о Киевце отсутствует в НПЛ, а стало быть, и в реконструируемом А.А. Шахматовым Начальном своде конца XI в. Если городище Киевце стало известно лишь составителю ПВЛ, то информация о нем могла достичь его только во время дунайских деяний Мономаха (захват городов на Нижнем Дунае в 1116 г.). Созвучие имен дунайского городища и Киева, подкрепленное известной летописцу ассоциацией Переяславец — Переяславль (город на рубеже собственно Русской земли), равно как и договор Святослава с греками, способствовали конструированию летописного текста о дунайском походе Кия. Летописец должен был дезавуировать фольклорную легенду о Кие-перевознике (ср.: Смирнов 1997. С. 372–373). Вместе с тем очевидно, что летописец не следовал собственным домыслам или некоему фольклорному тексту: ранняя история, точнее — предыстория Киева, является плодом научной этимологической конструкции.

Раскопки последних лет в Киеве показали, что традиционное отнесение начального города к поселению «на горе» не имеет определенных исторических оснований. На горе располагался киевский некрополь X в. Как уже говорилось, древнейшие городские кварталы обнаружены на Подоле. Насколько анахроничным в таком случае следует считать летописный рассказ о древлянском посольстве к Ольге, которое прибыло по воде к Боричеву спуску, «бе бо тогда вода текущи въздоле горы Киевьския, а на подольи не седяху людье, но на горе» (ПВЛ. С. 27)?

Последующий летописный текст (уже под 980 г.) по киевской топографии проясняет ситуацию: Владимир ставит кумиров «на холму вне двора теремного» (ПВЛ. С. 37). На горе рядом с дружинным некрополем располагался лишь княжеский двор. Вероятно, не случайно и Ярополк должен был укрываться от варягов Владимира не в самом Киеве, а в более укреп-

пленном Родне на крутом мысу в устье Роси (городище Княжья гора). Это позволяет вернуться к дискутируемому в науке значению скандинавского наименования Киева *Koenugarđr* с формантом *garđr*, «укрепленный двор», и значению наименования всей Руси — «Гарды»: возможно, это наименование обязано своему появлению не только топографии Новгорода и поселений Поволховья (Джаксон 2001. С. 57–58). Историческую основу обнаруживает и другая традиционная этимология скандинавского наименования Киева: от *кена* — «лодка особого вида», *Koenugarđr* — «укрепленный двор, к которому прибывали лодки» (ср.: Томсен 1891. С. 74; Джаксон 2001. С. 58); ситуация, соответствующая последним открытиям на Подоле, который регулярно заливался при разливах.

Итак, летописец (или его информанты) отказался от образа Кия как традиционного фольклорного первопоселенца — перевозчика, превратив его в князя, ходившего на Царьград. Зачем ему понадобилось такое превращение?

Летописца принято обвинять в тенденциозности, часто без особых оснований. Как раз в изложении киевской легенды некие основания для подобных претензий имеются, ибо киевским наследникам Рюрика важно было продемонстрировать легитимность своей княжеской власти жителям города, которые еще помнили о своих первых князьях Аскольде и Дире и видели их могилы во время составления летописи. Для этого понадобилась книжная легенда о древнем князе Кие, не оставившем потомков. С чем могло быть связано несуразное сокращение исходного текста в НПЛ и что могло заставить редактора этого текста переиначить судьбу Олега, настаивая на его смерти в Ладоге? Если исходить из самого текста НПЛ, то таким основанием могла быть известная ему и альтернативная киевской легенда о могиле Олега в Ладоге.

Представляется неоправданной реконструкция Начальной летописи, при которой начало истории оказывается оторванным от главных вопросов⁶⁰ и тем более от космографического введения. Космографическое введение и главные вопросы о происхождении Русской земли и первом князе в Киеве читались во вводной части Начального свода. Если опираться на на-

⁶⁰ Отметим в связи с этим, что и введение к НПЛ в целом соответствует последующему изложению: «Новгородская волость» действительно предшествует киевской, ибо варяжские князья пришли туда еще «во времена Кия, Щека и Хорива» (НПЛ. С. 106), а Аскольд и Дир — после смерти полянских братьев. Некоторую проблему представляет фраза введения о «градах», что «почаша бывати по местом»: НПЛ специально рассказывает лишь об основании Киева. До определенной степени эту проблему проясняет фраза из варяжской легенды: изгнавшие варягов-наильников словене, кривичи, меря и чудь «начаша владети сами себе и города ставити» (там же). Очевидно, речь идет о новгородских «пригородах», сепаратизм которых всегда волновал новгородцев.

§ 3. Русь и вси языци. Этногеография летописи

блюдения Шахматова и Истрина и признавать, что Начальный свод использовал компилятивный Хронограф по великому изложению, но не Хронику Амартола (Творогов 1976), то это введение должно было включать сюжеты разделения земли тремя сыновьями Ноя по жребию, строительства Вавилонский башни (из «Малого Бытия»), расселение славян среди 72 языков и потомков Иафета, рассказ о котором завершался упоминанием полян и расхожей библейской фразой «и живяху кождо с своим родом и на своих местех». Далее следовала полная киевская легенда (включая мотив Кия-перевозчика, отраженный во введении к НПЛ) и, наконец, сюжет о хазарской дани на полянах.

Характерно, что Начальный свод завершается (в шахматовской реконструкции) пространным повествованием о поражении трех русских князей — Святополка киевского, Владимира черниговского и Ростислава переяславского от половцев в 1093 г. (ПВЛ. С. 91–95)⁶¹. Мотив трех братьев оказывается, таким образом, лейтмотивом первой редакции Начальной летописи — «Повести временных лет».

§ 3. Русь и вси языци. Этногеография летописи

Главным образцом и источником для построения космографии — картины мира средневековых книжников оставалась Библия с ее преданием о расселении потомков сыновей Ноя и «Таблицей народов» (Бытие X). Начальная летопись использовала основанные на той же традиции греческие хронографы: Хронику Малалы (в древнерусском переводе — в составе так называемого Хронографа по Великому изложению, согласно А.А. Шахматову) и Хронику Георгия Амартола. Но ни в Библии, ни в Таблице народов греческого хронографа не было упоминаний ни славян, ни руси. Здесь-то и понадобились приведенные ранее построения: используя Хронику Амартола, где перечисляются полунощные и западные страны в «Афетовом колене»,

⁶¹ Уже говорилось, что в НПЛ (ср. с. 202) этот текст отсутствует: там есть лишь скупое сообщение о вокняжении в 1093 г. Святополка и только его (или его и некоего Мстислава — в Синодальном списке) поражении от половцев: новгородца здесь не интересовали киевские события. При этом текст ПВЛ, включающий мотив оскудения земли «от рати и продаж», близкий мотиву введения к НПЛ о «творимых вирах и продажах», содержит также основной сюжет — о княжеских распрях, которые и приводят к нашествиям «поганых». Заметим (вслед за Д.С. Лихачевым), что введение к НПЛ не содержит сюжета княжеских распрей и поэтому не может рассматриваться как риторическая параллель к завершающей статье Начального свода.

летописец помещает словен вслед за упоминанием Иллирика — ведь в этой римской провинции учил Павел, эту область, по приведенным свидетельствам латинских авторов, «захватили у ромеев» славяне еще в VII в. В соседней провинции — Паннонии, напоминает далее Нестор, епископом был уже другой апостол — Андроник, а его «наместником» на паннонской кафедре стал первоучитель славян Мефодий.

При описании славянского расселения после вавилонского столпотворения летописец отождествляет славян с жителями соседней с Иллириком и Паннонией римской провинции — Норика: «*нарци, еже суть словени*». Норик расположен к северо-западу от Паннонии в предальпийской области, там, где на крайнем пределе славянского расселения в Каринтии жили летописные хорутане (ныне — словенцы). Легенды о расселении славян и происхождении у них христианства стали известны Нестору благодаря кирилло-мефодиевской традиции («Сказание о преложении книг на словенский язык» — см. в главе VI), определявшей место славян во всемирной истории и всемирной империи — Риме.

Ситуация с *русью* была гораздо сложнее. Во-первых, русь обитала в той части «полуночных стран», которая не была известна Амартолу. Восточная Европа к северу от Сарматии и Скифии описана самим русским летописцем. Во-вторых, начальная *русь* не принадлежала «словенскому языку». Поэтому летописец помещает ее среди прочих неславянских народов Восточной Европы: «В Афетове же части седять русь, чюдь и вси языци: меря, мурома, весь, мордѣва, заволочьская чюдь, пермь, печера, ямь, угра, литва, зимѣгола, корсь, летьгола, любь» (ПВЛ. С. 8).

Русь не случайно оказывается рядом с чудью: в широком смысле так назывались в древнерусской традиции все неславянские — «чужие» народы севера Восточной Европы, в узком — прибалтийско-финские племена Эстонии. Эта чюдь, согласно летописи, «приседит» к «морю Варяжскому» вместе с ляхами-поляками и пруссами, западнобалтским народом, а сама русь имеет варяжское происхождение. Тут же среди варягов помещает ее уже второй раз летописец: «Афетово бо и то колено: варязи, свеи, урмане, готе, русь». Далее следуют «агняне, галичане, волхѣва, римляне, немци, корлязи, веньдици, фрягове и прочии».

Этот список, на первый взгляд, представляет собой простое перечисление северо- и западноевропейских этниконов, известных летописцу: от варягов до итальянцев — венецианцев и фрягов-генуэзцев. Более того, явной несообразностью в цитируемом фрагменте кажется повторение имени *русь* — сначала среди восточноевропейских, затем среди северноевропей-

ских народов. Это давало повод для бесконечных уличений Нестора в тенденциозном сочинительстве и вставках в более раннюю и «достоверную» летопись: якобы русь он вставил в перечень варяжских народов потому, что ему стала известна занесенная извне легенда о призвании варягов-руси, в то время как «исконная» русь обитала в Восточной Европе, и т. п.

При внимательном чтении мы уже сейчас можем убедиться, что не только русь (как и словене) дважды упомянута в космографическом введении к «Повести временных лет». Дважды упомянута и волхва, достаточно точно помещенная между галичанами — галлами и римлянами, жителями Рима. Заметим, что римская географическая номенклатура — Норик, Галлия, Германия — сохранялась в латиноязычной анналистике раннего средневековья (см. Немецкие анналы. С. 129, 243, 237, 403, 447) и была известна кирилло-мефодиевской традиции, для которой германцы стали немцами и романоязычные франки — волохами. Франки — волохи, которые, как говорится далее, «нашедши на словени на дунайския» и сели среди них, творя насилие (ПВЛ. С. 8). Такими же «находниками» впоследствии изображает летописец и варяжскую русь в Восточной Европе, среди славянских и финно-угорских племен. Здесь же становится ясно, почему для обозначения франков летописец использовал архаичный праславянский этникон волохи: ведь франками — фрягами в его времена называли уже гетуэзцев (некогда входивших в состав империи франков и завершающих список волошских народов).

Сама структура списка этнонимов позволяет усмотреть некую иерархию в перечислении народов: варяги — это не отдельный народ, а общее наименование всех скандинавских племен, которые и перечислены следом, — свеи-шведы, урманы (норманны, под которыми понимались норвежцы и датчане?), готе-готландцы; завершает список русь. Далее следуют агняне-англы, которые, казалось бы, уже не относятся к скандинавским народам. Однако далее, в легенде о призвании варяжских князей, летописец включает и англо в число варягов. Возможно, это отражало знания о политической ситуации в Западной Европе, когда Англия сначала входила в состав государства датского конунга Кнута Великого, а затем была завоевана норманнами Вильгельма, герцога Нормандии в 1066 г. Скорее летописец использовал здесь упомянутое «Сказание о преложении книг на словенский язык», которое воздействовало и на еврейскую хронику второй половины X в. — «Книгу Иосиппон», помещавшую русь рядом с англами и саксами, живущими «на великом море». Это совпадение с Иосиппоном тем более разительное, потому что еврейский хронограф также упоминал русь дважды в своей таблице народов: один раз — на море рядом с англами, другой — на реке «Кива», в ко-

торой исследователи справедливо видят наименование Киева, перенесенное на реку Днепр (ср.: Петрухин 1995. С. 25–35; Рашковский 2009).

Иосиппон прямо следовал библейской Таблице народов, отождествив Мешех (Мосох) с саксами, а соседних Фирас (Тирас) — с русью; славяне, как в большинстве раннесредневековых традиций, отнесены к «сынам» другого потомка Иафета — Доданим и размещены на Дунае от Болгарии до Венеции и на север до саксов. Летописец упоминал лишь трех сыновей Ноя, распределив между ними, вслед за Амартолом, все известные ему земли и языки. Но и летопись, и Иосиппон и вся средневековая историография (ср. из последних работ: Мыльников 1996 — об отождествлении Мосоха / Мешеха с Москвой и т. д.) следовали структуре библейской таблицы: имя народа (языка) называлось сначала в числе первых потомков трех сыновей Ноя, затем повторялось в начале перечня следующего поколения; дальнейшее изложение было уже не «генеалогическим», а историко-географическим, о том, где «заселились» потомки Ноя в «народах своих». Так находят объяснение повторы имен руси, словен и волхвы в генеалогическом и конкретном историко-географическом значении.

Понятной становится и структура самих списков народов: возглавляет этот список этникон, обозначающий группу родственных народов. Таковы варяги в начале списка варяжских народов, а также «чудь и вси языци» — слова, предваряющие список неславянских народов Восточной Европы. Вспомним, что славянский этникон *чудь* и был обобщающим, относящимся ко всем «чужим» народам.

Однако в списке западноевропейских народов нас поджидает следующая проблема: где кончается перечисление варягов и начинается перечень народов собственно Западной Европы?

Следующий за англами, причисленными к варягам, этникон — *галичане*, в которых обычно видят галлов, уэльсцев (гэлов) или испанских галисийцев (см. ПВЛ. С. 384). Так или иначе, этникон, передающий имя древнего галльского этноса, оказывается пограничным между двумя группами современных летописцу народов, потеснивших и ассимилировавших (романизовавших или германизовавших) кельтов / галлов.

В летописном повествовании варяги сидят по морю к западу до «земле Агнянски и до Волошьски». Значит, список народов Западной Европы открывает *вольхва*. Мы уже выяснили, что волохи «Повести временных лет» — это франки. Тогда становится понятным и последующий список народов, даже загадочные *корлязи*. Этот этникон восходит к династическому имени *Каролинги*, правителям из династии Карла Великого. На сохранение этого

имени претендовали и Капетинги, короли современной летописцу Франции (ср.: Тихомиров 1975. С. 34–35; Немецкие анналы. С. 127, 131, 146). Волохи — это римляне, немцы и прочие народы, входившие в состав населения «Римской империи» Каролингов, а затем, при летописце — Германской «Римской империи», к восстановлению которой стремились уже германские короли.

Итак, выясняется, что перечни народов в летописи имеют структуру, аналогичную собственно библейской Таблице народов. Список родственных народов в «Афетове колене» вводится обобщающим этниконом: варяги — свеи, урмане и т. д., волхва — римляне, немцы и т. д.; словене — это моравы (от них началась кирилло-мефодиевская миссия), чехи и т. д. Наконец, чудь и «вси языци» — меря, мурома и т. д. Этот принцип перечисления — этногенетический, а не географический, как у Амартола, и этот принцип введен летописцем не случайно.

Вместе с тем перечисление народов все же соотносится с их географическим размещением: русь и чудь сидят на Варяжском (Балтийском) море; «вси языци» живут на Волге (меря, мурома, мордва) и севернее до утры — уральских утров; затем перечень «поворачивает» назад к Балтике — балтским народам, начиная с литвы (характерный для средневековья хорографический принцип описания «по кругу»). В этом «круге» отсутствуют славяне, и сторонники исконно славянской руси готовы утверждать, что русь и представляет здесь славян — последующее ее размещение среди варягов есть нелепая вставка редактора-«норманиста». Проблему разрешает обращение к контексту летописи: летописное повествование о словенах (праславянах) на Дунае (в Иллирике) и руси на Варяжском море (рядом с чудью) предшествует рассказу о расселении славянских племен. Словене еще пребывают на «дунайской прародине», поэтому место между прибалтийской чудью и верхневолжской мерей (будущими участниками призвания варягов) «пустует», словене и кривичи еще не пришли на север Восточной Европы.

Следующая задача летописца, подчиненная «заглавной» цели, — выяснить, «откуда есть пошла Русская земля», и указать место руси уже среди славянских народов. Для этого ему нужно было перейти от статичного географического описания, где славяне помещены рядом с Иллириком, далеко от Руси, к «историческому» расселению славян от Дуная. Поэтому вслед за этногенетической частью («Афетова колена»), содержащей проанализированные списки народов Европы, где славяне не упомянуты, вводится мотив вавилонского столпотворения (основанный на «Хронографе», включавшем фрагменты ветхозаветного апокрифа «Малое бытие») и рассеяния народов, среди них — словен, которые «по мнозъхъ времянъхъ» сели на Дунае (кос-

мографическое введение не знает абсолютных дат), «где есть ныне Угорьска земля и Болгарьска». «И от тех словен разидошася по земле и прозвашася имены своими, где седше на котором месте», — завершает летописец цитатой из Таблицы народов этот пассаж (ПВЛ. С. 8).

Начинается список с сидящих на реке «Маравя» и прозавшихся моравя, ведь к ним была направлена миссия Кирилла и Мефодия. Далее географическое описание расселения совмещается с этногенетическим: ср. о западных славянах — «и от тех ляхов прозвашася поляне (польские поляне. — В. П.), ляхове друзии лутичи, ини мазовшане, ини поморяне (далее «от ляхов» производятся и восточнославянские племена радимичей и вятичей. — В. П.)... Тако же и ти словене пришедше и седоша по Днепру и нарекошася поляне, а друзии древляне» — и т. д. о дреговичах, полочанах, словенах новгородских, северянах на Десне.

Далее снова говорится о киевских полянах (характерный повтор), в рассказ о которых вставлено повествование о пути «из варяг в греки» (описание пути начинается с упоминания Киевских гор) и об апостоле Андрее. Затем говорится об основании Киева, «племенных» княжениях восточных славян и расселении иных «языков». Эту информацию и подытоживает летописец, вводя упоминание Руси, но не в этногенетическом смысле (так как в этом смысле русь у него — варяжская), а в географическом, государственном: «Се бо токмо словѣнескъ языкъ в Руси: поляне, деревляне, ноугородьци, полочане⁶², дреговичи, сѣверъ, бужане /.../, вельняне. А се суть инии языци, иже дань даютъ Руси: чюдь, меря, мурома» и т. д. (ПВЛ. С. 10) (см. рис. 8). Все эти изыскания помещены во вводной космографической части «Повести временных лет», не разбитой на погодные записи: так традиционно начинались средневековые хронографы и раннеисторические описания вообще. Собственно историческая часть начинается с даты (начало царствования императора Михаила — 852 г.), которую летописец вычислил (правда, неточно — см. комментарий ПВЛ. С. 395–396), опираясь на первое упоминание руси в Хронике Амартола.

Но «дунайская» история славян не прерывается в космографической части летописи, а имеет непосредственное и до сих пор обескураживающее исследователей продолжение в части датированной. Рассказав о призвании руси — варяжских князей (862 г.) и захвате Олегом Киева (882 г.), летописец возвращается под 898 г. (!) к судьбам «словен» на Дунае (см. главу VI).

⁶² В списке нет кривичей, зато есть полочане, сидящие на реке Полота в верховьях Западной Двины — в области кривичей, центр которой — г. Полоцк.

Глава III

Восточная Европа и конец Великого переселения народов. Варяжская и хазарская дань со славян. Хазары, аланы, венгры и русь

«И было ко мне слово Господне: Сын человеческий! Обрати лице твое к Гогу в земле Магог, князю Роша, Мешеа и Фувала и изреки на него пророчество. И скажи: так говорит Господь Бог: вот Я — на тебя, Гог, князь Роша, Мешеа и Фувала! Я поверну тебя и вложу удила в челюсти твои и выведу тебя и все войско твое, коней и всадников, всех в полном вооружении, большое полчище, в бронях и со щитами, всех вооруженных мечами».

(Иезекииль 38. С. 1–3)

Расселение славян происходило в VI–X вв. в столкновениях с франками (летописными волохами) на Западе, греками (византийцами) на Балканах и степняками (гуннами, аварами, болгарами, хазарами), идущими с Востока. Естественными путями их расселения, отмеченными летописью, были реки — главные дороги в лесной зоне Центральной и Восточной Европы. Это была земледельческая колонизация, и даже города, включая Новгород и Киев, возникали на полях (Киев — в земле полян, что «в поли съдяху»; ПВЛ. С. 16) — расчищенных от леса и распаханых пространствах (следы пахоты обнаруживаются во время археологических раскопок). Освоение Восточной Европы славянами-пахарями предопределил историческое и культурное развитие региона.

В последнее десятилетие много было сделано для исследования процессов расселения славян в Восточной Европе — процессов, связанных с той

земледельческой колонизацией⁶³, без которой немислимо становление государства. Пути этой колонизации были различными, о чем свидетельствуют как археологические культуры — культуры длинных курганов и сопок на севере Восточной Европы, культуры «Прага — Корчак», пеньковская и «производные» от них на юге (см. главу I).

В фольклорной памяти русского крестьянства былинный пахарь (Микула Селянинович — тезка самого популярного русского святого — Николы) сильнее князя-чародея Вольги и его дружины, ему подвластна сила Матери сырой земли. Богатырскими пахарями в славянском фольклоре считались не только представители трудового сословия, крестьяне — богатырской пахотой занимались и первые святые русские князья начала XI в. Борис и Глеб. В украинском предании они выковали первый плуг, в который заковали чудовищного Змея и пропахали на нем Змиевы валы — так именовались древние укрепления в лесостепной зоне⁶⁴.

«Дунайские» и — шире — центрально-европейские импульсы становятся все более очевидными в археологических свидетельствах и на севере Восточной Европы: лунничные височные кольца дунайского происхождения (в инвентаре длинных курганов кривичей — ср.: Седов 1995. С. 323–234), кольца со спиральным завитком (Рябинин, Добушанский, 2002. С. 202; Кирпичников 2002. С. 247–248), равно как и технология производства ювелирных изделий (Щеглова 2009), распространяются в лесной полосе Восточной Европы вплоть до Ладоги и Изборска.

Памятники, близкие пражской культуре, выявлены в ареале культуры сопок — в бассейне Мсты (Исланова 1997; Исланова 2004). На севере материальная культура эпохи славянской колонизации обнаруживают следы того единства, память о котором сохранялась в летописном предании о дунайской прародине славян. Характерной чертой славянской колонизации на северо-западе Восточной Европы оказываются обнаруживаемые в последнее время «западнославянские» (моравские) параллели в материальной культуре поселений. Таковы хлебные печи на «Рюриковом» городище (Носов 1990. С. 55–58), система укреплений VIII в. и другие находки на Любшанском городище под Ладогой (Рябинин, Добушанский 2002. С. 202–203).

Проблемы формирования культуры сопок и новгородско-псковских длинных курганов во многом остаются нерешенными, но очевиден процесс

⁶³ См. из работ по северо-западу Восточной Европы: Носов, Плохов, 2002.

⁶⁴ Конечно, исторические князья не занимались пахотой: их связь с пахотой и хлебом определялась календарными сроками их церковного почитания, временем сельскохозяйственной страды (2 мая и 24 июля старого стиля — СД-3, с. 650).

Рис. 8. Народы Восточной Европы (по: Муравьев А.В., Самаркин В.В. Историческая география эпохи феодализма. М., 1973. С. 79)

взаимодействия с середины I тыс. н. э. в будущей Новгородской земле двух культурных традиций, которые увязываются (со времен А.А. Спицына) с кривичами (длинные курганы) и ильменскими словенами (сопки — см. обзор Конецкий 2007). Традиции связаны с разными ландшафтными зонами: длинные курганы располагаются в зоне сосновых лесов, распространившихся там, где практиковалось архаичное подсевное земледелие. Более прогрессивное пашенное земледелие тяготело к зоне широколиственных и еловых лесов, где располагались сопки (Янин 2007. С. 206–207).

Проблематичным остается и соотнесение данных археологии с лингвистическими реконструкциями, указывающими на «западославянское» влияние в древненовгородском диалекте (Зализняк 2004): воздействие западославянской традиции гончарства на ремесло центров северо-запада

Руси и Балтики характерно для сложившейся раннегородской сети X–XI вв. от Новгородского Рюрикова Городища до городища Гнездилово под Суздалем (Горюнова 2007), но не для эпохи славянской колонизации VI–IX вв.⁶⁵

В не меньшей мере эти материалы соответствуют летописной традиции, опирающейся, очевидно, на более древнюю кирилло-мефодиевскую (моравскую) традицию о расселении славян, руси и других народов Европы (см. главу VI). В «Повести временных лет» (ПВЛ, космографическое введение: 8 и сл.) говорится о нескольких импульсах, так или иначе повлиявших на судьбы славянства и приведших к передвижениям славянских племен от Дуная в Польшу и Восточную Европу: вторжения аваров-обров (конец VI в.), белых угров — хазар (в VII в.), волохов-франков, победителей авар (в начале IX в.), наконец, черных угров — венгров (в конце IX в.).

Итак, освоить Центральную и Восточную Европу стремились не только славяне: жители кочевой степи нуждались в хлебе и богатствах лесной полосы (мехах). Гуннская эпоха остается «темным временем» в истории Европы и славянства (см. из последних работ: Обломский 2002). Попытки проследить развитие славянской культуры от позднеримского (черняховского) времени до эпохи исторических миграций VI в. и реконструировать (вслед за Б.А. Рыбаковым) древнюю антскую общность IV в. с «королем Божем» и т. п. (ср.: Седов 2002. С. 186 и сл.) не встречают сочувствия источниковедов — комментаторов Иордана, который упоминает о казни антского короля по имени Боз готским конунгом в конце IV в. (Свод, т. 1. С. 159–160).

Столь же гипотетической оказывается и «автохтонистская» конструкция непрерывного развития «древностей антов» от гуннского времени до VIII в. с точки зрения археологов: ср. формулировку Б.М. Щукина относительно принадлежности черняховской археологической культуры в Северном Причерноморье — «готы или анты?» (Щукин 2005. С. 152 и сл.).

Первым попытался увязать древности Северного Причерноморья с антами знаменитый основатель отечественной «исторической археологии» А.А. Спицын. Еще в начале XX в. он назвал «древностями антов» многочисленные клады VI–VIII вв. драгоценных украшений, посуды и т. п., как правило, случайно обнаруженные при земляных работах в Среднем Поднепро-

---

⁶⁵ Стремление напрямую увязать воздействие западнославянской ремесленной традиции с политическими событиями в области ободритов (Горюнова 2007. С. 80) — военной кампанией Людовика Немецкого в середине IX в. представляется малообоснованным: экономические и культурные связи внутри складывающейся городской сети носят системный характер (ср.: обзор И. Хермана в кн. «Славяне и скандинавы», с. 8 и сл.) и оказываются устойчивыми на протяжении раннего средневековья.

вые комплексы (Спицын 1928; ср. об этих древностях — Эпоха Меровингов: 128–131). Археологической основой атрибуции Спицына было то очевидное обстоятельство, что клады содержали массу вещей «дунайского» (византийского) происхождения: именно анты были тесно связаны с Византией. И хотя ни хронологически, ни географически приписанные антам древности не соотносились с данными об антах источников (ср.: Курта 2008. С. 133 и сл.), атрибуция Спицына пришлось «кстати» в советской историографии середины XX в., ориентированной на поиски древнейшей автохтонной руси в противовес «космополитической» летописной трактовке.

Б.А. Рыбаков переименовал древности антов в «древности русов», даже произвел само имя *анты* от имени *венеты*, измыслив в духе народной этимологии «диалектную» форму *вянты*: *вятичи* тоже становились «видоизменением общеславянского наименования «венеты»» (Рыбаков 1953), и простор для конструкций праславянской и особенно древнейшей русской истории открывался от Дуная до Оки.

В 1960-е гг. к этой конструкции Б.А. Рыбакова присоединился П.Н. Третьяков (Третьяков 1968), который отнес к племени русов (вспомнив росомонов и роксоланов) древности волынцевской культуры в Левобережье Среднего Днепра, считая свойственный этой культуре обряд трупосожжения славянским. Правда, ознакомившись со сходной обрядностью носителей салтовской культуры Хазарского каганата, Третьяков отказался от «преждевременного вывода» (Третьяков 1970. С. 108–109). Уже в 1990-е гг. традицию поисков славянской руси в Приднепровье продолжил В.В. Седов, который свободно перемещал древнейшую русь от Дуная и Верхнего Поднепровья до Поволжья (!), в «антском» ареале, установив исторический рубеж для этих миграций уже в Левобережье Днепра, где этот ученый искал «Русский каганат» IX в. (см. далее о «Русском каганате»).

Поскольку все эти построения никак не соотносятся со всем, что известно о древнейшей руси, то летопись игнорируется — и воспроизводится (без ссылки на не вполне авторитетных для официозной историографии средневековых и «несоветских» предшественников, Д.И. Иловайского, Г.В. Вернадского и др.) сарматская этимология имени *русь* / *рос*. Благо, сарматы (аланы) продолжали жить в Восточной Европе и в средние века. Сарматский компонент характерен и для черняховской культуры — здесь и усматривается начало воздействия иранской традиции на праславян (ср.: Рыбаков 1982. С. 86; Седов 2002. С. 189 и сл.). Но, несмотря на многолетние усилия, обнаружить преемственность между черняховской культурой III–IV вв., «древностями антов» и достоверно славянскими культурами VI–VII вв. не удается.

Б.А. Рыбаков применял для характеристики «древностей антов» термин «дружинная культура», и эту характеристику, несмотря на отсутствие вкладах оружия, можно считать справедливой: клады содержали вещи, отражающие воздействие разнообразных традиций — готской, аварской, византийской. Основой связей, которые объединяли «древности антов», были не племенные кровно-родственные узы, а межэтнические отношения, свойственные культуре эпохи великого переселения народов. Те же связи характеризуют и культуру немногочисленных поселений, увязываемых с древностями антов, прежде всего — Пастырского городища (производственного центра, расположенного в лесостепи вне зоны славянского расселения — Приходнюк 2005. С. 98; ср. главу X.1).

Воссоздать социальный строй и дружинные отношения у носителей «древностей антов» сложно: неясен исторический и археологический контекст, в котором формировались «клады». Ф. Курта (2008) обратил внимание на специфическую связь евразийских погребальных комплексов и «кладов» с мужским и женским (детским) инвентарем в VI–VII вв., в том числе — на женские погребения с оружием, выделив «гендерную», но не этническую составляющую в развитии евразийской элиты.

Современная историография подчеркивает особую роль воинской (дружинной) элиты в формировании этнических — надплеменных связей, в формировании собственно «народов» (см. из отечественных работ на эту тему — Сванидзе 1995). Вероятно, такую роль на юго-востоке Восточной Европы играли и анты, но анты не оставили своего имени в истории, в отличие от руси. Их имя исчезает (после 612 г. — Свод, т. 1. С. 260) с истреблением элиты, после разгрома антов аварами⁶⁶.

Уже в 1955 г. Г.Ф. Корзухина показала, что клады с древностями антов были зарыты не в результате победоносных походов славян на Дунай, а в периоды угрозы, которая исходила от степняков (Корзухина 1955), в конечном для «древностей антов» итоге — от хазар (от хазар погибло и поселение на Пастырском). Однако первыми, с кем пришлось столкнуться населению Восточной Европы VI в. вслед за гуннами, были болгары. «Столкновение» не сводилось к конфликтам: в главе I мы видели, что гунны, склавины и анты вместе атаковали дунайскую границу Византии.

---

⁶⁶ См. полемику по поводу целей и масштаба похода аваров против антов в 602 г., который завершился, по словам Феофилакта Симокатты, «уничтожением племени антов» (Литаврин 1999. С. 568–578). Отнесение неких «руссов» к «антской группе» славян (Седов 2002. С. 255 и сл.) — очевидный анахронизм.

§ 1. Амазонки между «русами» и песьеглавцами..

В Причерноморье в VI–VII вв. сложилась пеньковская культура, достигающая лесостепной полосы Среднего Поднепровья; на ее поселениях, наряду с характерными квадратными в плане славянскими полуземлянками с печами, обнаруживаются юртообразные круглые в плане жилища с очагами — свидетельство присутствия носителей кочевнических традиций (ср.: Флёров 1996. С. 33–35; Горюнов 1981. С. 81–82; Рашев 2000. С. 48–52). М.И. Артамонов склонен был считать пеньковскую культуру болгарской, как и культуры VII–VIII вв. Среднего Поднепровья (Артамонов 2002. С. 515 и сл.). «Великая Болгария» византийских источников занимала в построениях Артамонова историческое пространство между Боспором (Таманским полуостровом) и Паннонией, захваченной аvaraми. Славяне, как он считал, не могли продвигаться к Днепру навстречу *номадам*. Ныне ситуация выглядит иначе: участие славян в сложении пеньковской и других культур Поднепровья в VI–IX вв. общепризнано (ср.: Горюнов 1981; Гавритухин, Обломский 1996. С. 140 и сл.).

При этом комплексы («клады»), превосходившие прочие богатством и размерами, в том числе знаменитый Перещепинский клад (который Рыбаков и др. стремились приписать славянам / антам — русам), комплекс у Вознесенки были определены как тюркские — хазарские. Кроме того, как показал А.К. Амброс (1982) и другие исследователи (Айбабин 1985; Рашев 2000. С. 37–48), в лесостепной и степной зоне, в том числе в Поднепровье, в VII — начале VIII в. формируется целая иерархия погребальных памятников, включающая как перечисленные поминальные комплексы, принадлежавшие высшей тюркской кочевой знати, вероятно, самим каганам, так и могилы «военных вождей разных рангов» (Ясиново, Келегеи, Новые Сенжары, Тополы и др.). Специальный интерес представляет аналогичный комплекс — «могила всадника» — у села Арцыбашева в Верхнем Подонье, ареале, примыкающем к земле вятичей (Монгайт 1961. С. 80–85; см. о характерном для этих комплексов оружии — палашах: Атавин 1996).

§ 1. Амазонки между «русами» и песьеглавцами: историографический миф о начальной руси

Анты, которых еще Иордан помещал между Днестром и Днепром, традиционно считались предками восточной ветви славянства. А.А. Шахматов называл их предками «русского племени», имея в виду под «русскими» все

славянские племена Восточной Европы, а не «русь» в узком смысле и, конечно, не предков одних украинцев (к чему склонялись Л. Нидерле и М.С. Грушевский — см. Шахматов 1919. С. 10–12). Хотя известия об антах исчезают из источников с начала VII в. (см. Свод, т. I. С. 262; т. II: 43, 63), древности VI–VII вв., обнаруженные в лесостепной зоне, включающей Среднее Поднепровье, как уже говорилось, были названы А.А. Спицыным (1928) «древностями антов», а нынешними исследователями относятся к так называемой пеньковской культуре, также приписываемой антам.

Эти древности содержали, в частности, вещи византийского происхождения, которые считались трофеями — свидетельствами удачных походов на Византию. Однако сами анты оказывались все же на периферии собственно восточнославянской истории: их связь с Киевом и Русью была неясна (хотя Среднее Поднепровье — Киев и р. Рось — входили в ареал «древностей антов»). Поэтому счастливой находкой казалось упоминание сирийским автором середины VI в. Псевдо-Захарией, или Захарией Ритором, компилятором, использовавшим хронику греческого автора Захарии Митиленского, некоего «народа рус» или ерос.

Собственно «Хроника» Псевдо-Захарии была известна давно. Еще Маркварт в начале века обратил внимание на имя *roc* (*hros*) или *rus* (*hrus*) в сирийском источнике. Но, будучи сторонником традиционной концепции скандинавского происхождения названия *русь*, он предпринял попытку связать упоминание этого имени с германцами — выходцами из Скандинавии, осевшими в причерноморских степях, — герулами (ср.: Станг 2000), или росомонами. Действительно, герулам (эрулам) приписывалось мощное телосложение — их не могли носить кони. Германцы (вслед за сарматами у античных авторов и готами у Иордана) стали ассоциироваться с амазонками. Ряд античных авторов подчеркивает их высокий рост и обычай сражаться пешими.

Эта «германская» концепция не могла удовлетворить сторонников исконно славянского происхождения руси. Н.В. Пигулевская, издавшая комментированный перевод сирийской хроники (Пигулевская 1941. С. 84, 166; Пигулевская 1952; ср. переиздание: Пигулевская 2000. С. 361–369), а затем А.П. Дьяконов отождествили «народ рус» со славянами, известными по описаниям византийских авторов, точнее — с антами. Это и дало основание Б.А. Рыбакову переименовать древности антов в «древности русов» (Рыбаков 1953; Рыбаков 1982), а В.В. Седову — сузить ареал этих древностей до Среднего Поднепровья, максимально приблизив их к центру будущего

§ 1. Амазонки между «русами» и песьглавцами...

древнерусского государства Киеву⁶⁷. Дальнейшая «реконструкция» истории не представляла проблемы: поскольку русь известна в Среднем Поднепровье с VI в., то, стало быть, она выстояла в борьбе с гуннским и аварским нашествием (при этом часть ее оказалась с аварами на Дунае!⁶⁸), создала могучий союз руси, полян и северян — начальной Русской земли и т. д. вплоть до образования древнерусского государства.

Естественно, направление такой «реконструкции» целиком зависело от общей точки зрения исследователя: адепты славянского происхождения руси не выходили за пределы Среднего Поднепровья или выводили оттуда русь. «Евразиец» Г.В. Вернадский (а до него — Д.И. Иловайский), настаивавший на особом значении иранских («асских») связей антов, помещал неких «росов» — тоже иранцев по происхождению — в Приазовье, где искал исконную «Приазовскую Русь» среди роксоланов и прочих иранских племен (Вернадский 1996. С. 172 и сл.; см. также Введение). При этом еще П.Н. Милюков (1993. С. 396) отказывал в доверии средневековым авторам, свидетельствующим о многочисленности и могуществе антов, отмечая господство кочевников в областях, отводимых антам, и исчезновение антов в источниках после 602 г. «Широкий антский союз... вообще не успел создаться», — писал Милюков. Этот скепсис разделяется исследователями, отрицающими славянскую принадлежность приписываемой антам пеньковской культуры.

Решающим, однако, является обращение к контексту источника, который игнорировали исследователи, обнаружившие вожделенное сочетание нескольких букв в имени народа, напоминающее имя русь⁶⁹. Сирийский

⁶⁷ Впрочем, в недавней работе (1999. С. 65, 87) В.В. Седов уже не опирается на данные Захарии Ритора (ссылаясь на вероятные библейские истоки к имени Русь в контексте его истории), в последней же монографии вообще не упоминает данных этого автора (Седов 2002).

⁶⁸ В.В. Седов еще размещал русь рядом с баварами на Дунае в работе 1995 г. (Седов 1995. С. 125–126).

⁶⁹ Мифологический контекст упоминания «росов» в хронике Захарии Ритора был не раз исследован специально (ср.: Thulin 1981; Петрухин 1995. С. 42–47). Однако в научной литературе продолжают появляться конструкции, основанные на созвучии имен в сирийском тексте и славянской традиции (Максимович 2006). Р.Н. Кривко (2004) отрицал связь упоминания народа рос у Псевдо-Захарии с пророчеством Иезекииля, ошибочно приписав построения А.П. Дьяконова (1939) о «народе рос» как антском племени И.М. Дьяконову. При этом Кривко игнорировал контекст упоминания этого «народа». Целый выпуск сборника «Древнейшие государства Восточной Европы» (ДГ 2003), посвященный мнимым реальностям в античных и средневековых текстах, значительно расширил возможности понимания и интерпретации текста Захарии Ритора (см. далее о работах: Вуд 2005; Юрченко 2005, Рыбаков 2005).

автор пополняет традиционное описание народов, данное еще Клавдием Птолемеем, и помещает за Каспийскими воротами к северу от Кавказа «в гуннских пределах» народы «анвар, себир, бургар, алан, куртаргар, авар, хасар» и др.⁷⁰ «Эти 13 народов, — пишет он, — живут в палатках, существуют мясом скота и рыб, дикими зверьями и оружием. Вглубь от них [живет] народ амазраты и люди-псы, на запад и на север от них [живут] амазонки, женщины с одной грудью; они живут сами по себе и воюют с оружием и на конях. Мужчин среди них не находится, но если желают прижить, то они отправляются мирно к народам по соседству с их землей и общаются с ними около месяца и возвращаются в свою землю... Соседний с ними народ *ерос* (рос, рус, согласно Пигулевской. — В. П.), мужчины с огромными конечностями, у которых нет оружия и которых не могут носить кони из-за их конечностей. Дальше на восток у северных краев еще три черных народа» (Пигулевская 1941. С. 165–166).

Совершенно очевидно, что этот пассаж делится на две части — этнографическое описание, опирающееся на реальные известия, полученные, по сообщению самого автора, от пленных, попавших в «гуннские пределы», и традиционное мифологизированное описание народов-монстров на краю ойкумены (см. подборку переведенных латинских текстов: Горелов 2004); среди последних оказывается и «народ рус».

Конечно, эта традиция, свойственная еще мифологической картине мира, противопоставляющей освоенную территорию, «свой мир», космос окружающему, потенциально враждебному, хаотическому, населенному чудовищами, и в трансформированном виде унаследованная раннегеографическими и историческими описаниями, была хорошо известна и исследователям сирийской хроники. Упоминания фантастических существ —

⁷⁰ Захария Ритор — автор-христианин сначала перечисляет пять христианских народов Кавказа, к которым относит и гуннов, затем следует описание варваров-кочевников. «Анвар, себир, бургар, алан, куртагар, авар, хасар, дирмар, сиртургур, баграсик, кулас, абдел, ефталит — эти 13 народов живут в палатках» и т. д. (Пигулевская 1941. С. 165). «Гуннские пределы» у Захарии даны чрезвычайно широко, если он включает в них и среднеазиатских эфталитов («белых гуннов»), но хазары (хасар) замыкают список кочевых народов северо-причерноморских степей: себир — савиры, бургар — болгары, алан — аланы, куртагар — куртигуры, авар — авары, хасар — хазары. Это положение хазар в целом соответствует началу их истории на западной окраине Западнотюркского каганата: тюрки подчинили эфталитов и стали угрожать Ирану, в том числе в Закавказье — недаром Сасаниды стали укреплять Дербент, чтобы тюрки не прорвались в подвластную Ирану Армению через Каспийские ворота. В 626 г., когда славяне и авары осадили Константинополь, хазары уже были включены в геополитическую систему — ситуацию борьбы двух великих держав — и выступили в Закавказье на стороне Византии.

карликов-амазратов, песьеглавцев (в греческой традиции — кинокефалы), амазонок — в античных источниках, начиная, по крайней мере, с Геродота, приводятся этими исследователями при комментировании текста Захарии Ритора. Почему же контекст, в котором оказывается «исторический» народ рус, не настораживает их?

Дело здесь, видимо, в тенденции, не изжитой еще в исторической науке и характерной, прежде всего, для представителей так называемой исторической школы, согласно которой цель историка — обнаружение соответствий в данных источника (фольклорного и даже мифологического) тем конкретным фактам, которые имеются в распоряжении исследователя, или просто его общей концепции. В данном случае хватило одного этникона, напоминающего имя *русь*. Этой тенденции соответствует и деформирующий взгляд на источники — будь то хроника или эпос, — содержание которых должно в более или менее завуалированной форме отражать те же реальные факты. Таким образом, игнорируется собственный взгляд на мир древнего историка. Это, естественно, заслоняет логику самого исторического повествования.

Так, Маркварт специально обратил внимание на то, что народ женщин-амазонок соседствует у сирийского автора с народом мужчин («рус»), но из этого он делает чисто «исторический» вывод о том, что так и было на самом деле: дружинники скандинавского происхождения могли появляться в Причерноморье без женщин и искать подруг на стороне; и что этот «факт» привел к актуализации легенды об амазонках (Marquart 1903. S. 383–385). Впрочем, так рационалистически объясняли легенду об амазонках еще в позднесредневековой историографии, где амазонки считались «женщинами готов» (ср. Мыльников 1996. С. 99) и т. д.⁷¹

⁷¹ С.А. Плетнева (1988) напрямую определила амазонок как «социально-политическое явление», посчитав, что легенда о народе воительниц связана с теми периодами жизни (прежде всего, кочевых обществ), когда мужчины уходили в поход и на защиту кочевий должны были стать женщины... Исторических примеров подобных событий исследовательница не приводит, зато приводимые ею фольклорные мотивы, в том числе сражение былинных русских богатырей с поляницами, кажется, ассоциируются с контекстом истории Псевдо-Захарии. Однако поляницы в русском эпосе не представляют женский народ, а богатыри встречают их в полном вооружении и на конях. Археологические погребальные комплексы, где знатных дам сопровождал не только богатый инвентарь, но и предметы вооружения, известны в донских степях в скифо-сарматское время, в эпоху викингов — в Скандинавии (ср. о «валькириях»: Петрухин 2011. С. 90–100). Но погребенных с такими почестями лишь условно можно именовать амазонками, или валькириями и т. п. «Историческое» свидетельство об амазонках можно усматривать в описании триумфа императора Аврелиана, в 271 г. разгромившего готов: так именовали римляне десяток

Не смущали амазонки и А.П. Дьяконова, поскольку можно свести их упоминание к пережиткам матриархата, которые существовали у относительно отсталых племен евразийских степей до сер. I тыс. н. э. Зато локализация их еще Геродотом (!) между Танаисом и Меотийским озером позволяет более или менее определенно локализовать народ рус (Дьяконов 1939. С. 88), живущий поблизости, но тысячелетием позже. Описание же народа «русов» как богатырей, которых не носят кони, можно согласовать со сведениями о росте и слабой вооруженности антов у Прокопия и других писателей VI в. (Пигулевская 1952. С. 46). Отыскивание такого рода совпадений⁷² позволяет игнорировать «несовпадения», относить их на счет фантастических деталей повествования. Так, исследователей «древностей русов», которые, по справедливому определению Б.А. Рыбакова, характеризует специализированная воинская «дружинная культура», не смущает известие сирийского автора об отсутствии у «народа рус» оружия.

Такого рода поиски совпадений в духе исторической школы можно было бы продолжить, увязав, в частности, информацию о трех черных народах, обитающих к северо-востоку от «русов», с северянами (благо этот этноним можно этимологизировать из иранского как «черный»), их городом Черниговом и т. д., после чего «русы» обрели бы вполне исторический контекст.

Главная сложность, даже с последовательных позиций исторической школы не позволяющая безоговорочно принять подобную реконструкцию для этнической истории Восточной Европы VI в., заключается в том, что аутентичным источникам по Восточной Европе народ *рус* или *рос* неизвестен. Зато имя «Рос» хорошо знакомо греческой — византийской традиции и восходит к неточному переводу Септуагинты: еврейский титул *наси-рош* в книге Иезекииля (38, 2; 39, 1) — «верховный глава» — был переведен как «архонт Рос» («князь Рош» в славянском переводе). Получилось, что пророчество Иезекииля относится к предводителю варварских народов севера — «Гогу, в земле Магог, архонту Роса, Мосоха и Тобела» (Иезек. 38, 2, см. эпиграф к главе).

женщин, сражавшихся вместе с готскими воинами и уцелевших после разгрома (Вольфрам 2003. С. 87, сноска 55). На этих воевательниц было перенесено имя мифического женского народа — Иордан (О происхождении и деяниях готы: 51–57) писал, что готские женщины, покинутые мужьями, ушедшими в поход, стали амазонками, избрав себе правительниц; с ними сражался Геркулес, они пришли на помощь Трое и т. д.; Александр заключил их за Каспийскими воротами. Так или иначе, мифологические истоки мотива народа воевательниц игнорировать невозможно (ср.: Маразов 1994. С. 139–143; Калинина 2010).

⁷² Исследователь сюжета Гога и Магога в европейской традиции замечает, что в «культуре Запада Гог и Магог воспринимались как псевдонимы любой политической угрозы — от готы Алариха до советов Брежнева» (Westrem 1998. P. С. 55).

§ 1. Амазонки между «русами» и песьеглавами...

На этот «факт», привлекаемый в русской историографии со времен Синопсиса 1674 (с. 55), обратил внимание и А.П. Дьяконов, но парадоксальным образом объяснил «интерпретацию» переводчика Септуагинты тем, что тому уже был известен некий народ рос⁷³. Здесь ученый не оригинален — он следует традиционным толкованиям Библии с позиций исторической школы (ср. в церковном словаре — Дьяченко 1993. С. 556–557, где и титул русского князя в арабской передаче X в. — *хакан-рус* — трактуется как калька евр. *наси-рош*). Но точно так же шведский дипломат Петрей в начале XVII в. трактовал титул соперника Швеции — «великого князя» Московского как потомка «гносного и жестокого» Мосоха (Мыльников 1996. С. 32).

С Гогом чаще всего в эпоху Великого переселения отождествлялись (по созвучию) готы (Вольфрам 2003. С. 50–53). В связи с реальными варварскими вторжениями — гуннским нашествием первой половины V в., пророчество Иезекииля и библейские имена Гога, князя Рос, Мосоха и Тобела упоминаются константинопольским архиепископом Проклом (434–447 гг.: Сократ Схоластик 7, 43): появлению князя Рос способствовало здесь имя предводителя гуннов Роугас, Роас (ср.: Станг 2000. С. 18). Это позволило Г.В. Вернадскому (опиравшемуся на А.П. Дьяконова) еще на два столетия углубить историю «народа рус» — «славяно-иранского» (антского) клана «рухсасов», или роксоланов, обитавшего в Приазовье по крайней мере с IV в. и принявшего участие в гуннских походах и т. д. (Вернадский 1996. С. 155–156, 268). Здесь опять-таки игнорируется контекст источника, упоминающего имена Гога и Магога, которые прилагались древними и средневековыми авторами к варварским народам Севера от киммерийцев и скифов до готов и славян (ср. Свод, т. 1. С. 281–282) и монголо-татар — вне зависимости от реальных этнонимов (Anderson 1932; Westrem 1998).

Позднесредневековая историография XVI–XVII вв., как уже говорилось во Введении, продолжила эту традицию, отождествив Мосоха с Москвой (Мыльников 1996. С. 32 и сл.) и даже Товал / Тобал (Фувал) с Тобольском. Многочисленные книжные легенды были синтезированы уже в польской хронике М. Стрыйковского (1582 г.), где некий Рус, предок-эпоним русских, объявляется братом или потомком Леха (предка поляков) и Чеха, общим праотцем которых и оказывается Мосох, сын Иафета (правда, здесь Мосох

⁷³ Это подход опять-таки основывается на игнорировании контекста источника, ибо у Иезекииля к Гогу в земле Магог относятся прежде всего персы, эфиопляне и ливийцы (38.5) — народы Ближнего Востока, угрожающие Израилю, и лишь потом Гомер (киммерийцы) «со всеми отрядами его, дом Фогарма, от пределов севера» (38.6).

не отождествляется с Москвой, ибо это означало бы старшинство Московского государства над Польшей; ср. во Введении).

Большая часть исследователей (см. обзор: Thulin 1981; ср. из ранних работ — Вестберг 1908. С. 376) возводит «народ рос» у Захарии Ритора и других раннесредневековых авторов к библейским реминисценциям и, естественно, не видит в именах «Гога и Магога, князя Рос» реальных этнонимов и обозначений исторических народов. Впрочем, иная интерпретация «народа рос» как передачи греч. Ἠρώες (сирийским *eros*) со значением «герои мифических времен» (ср.: Maquart 1903. P. 359, 360) в большей мере соответствует античной традиции об амазонках. Вместе с тем следует отметить, что библейские предания и античные легенды об амазонках легко контаминировались в сирийско-византийской традиции (особенно с распространением «Романа об Александре» Псевдо-Каллисфена)⁷⁴. Кавказ и «Каспийские ворота» как раз ассоциировались со стеной Гога и Магога и железными воротами, воздвигнутыми Александром. Правда, ко времени Захарии Ритора «дикие народы» уже прорвались через эти ворота в мир цивилизации и обрели свои исторические имена на страницах хроник. Зато за «историческими народами» оставался неизведанный простор, населенный традиционными монстрами.

Мифологический пассаж Захарии Ритора имеет вполне самостоятельную структуру: женский народ противопоставлен соседнему мужскому, конный — пешему, вооруженный — безоружному⁷⁵. Возможно, великаны-рос противопоставлены карликам-амазратам, но вероятно, что препятствием для конной езды у них было не богатырское сложение, а (если буквально следовать тексту) длина конечностей (и это еще одно несоответствие «народа рос» у Захарии народам Гога у Иезекииля, где речь идет о конном войске — ср. эпиграф к главе). Если так, то «народ рос» оказы-

⁷⁴ В еврейской версии романа Александр сталкивается на Ближнем Востоке с теми же категориями монстров, которые перечислены у Захарии Ритора: мужской народ, живущий в лесах и покрытый шерстью (вариант кинокефалов), неуязвимый, ибо ловит стрелу руками, соседствует с черными людьми, уже в Африке царь встречает амазонок (Гаркави 2000).

⁷⁵ Бинарные оппозиции, свойственные архаической мифологии, характерны для описаний народов монстров и амазонок: в позднем (конец XIV в.) описании путешествия в Индию и страну Амазония, где жители были черного или белого цвета, имели два лица наподобие Януса и т. п. (Westrem 1998. P. 54). Ср. русский перевод: Итинерарий Иоанна де Хесе, пресвитера маастрихского диоцеза (ПВЦ. С. 87 и сл.). Немецкий пресвитер, повествующий о паломничестве к земле легендарного пресвитера Иоанна, христианизирует амазонок — они навещают мужей трижды в год на церковные праздники и даже слушают мессу; мужское потомство не убивают, а отправляют к мужьям.

§ 1. Амазонки между «русами» и песьеголавцами...

вается «автохтонным» не в историческом⁷⁶, а в мифологическом смысле: длинные конечности указывают на хтоническую (змеиную) природу. Ср. змееногую богиню — родоначальницу скифов (Геродот IV, 9: см. также Введение) и т. п. Автохтонистский историографический миф смыкается здесь с автохтонным первобытным. Очевидно, перед нами не исторический народ рос, а очередной народ-монстр. Недаром список продолжают три черных народа «у северных краев»: их чернота может быть интерпретирована в соответствии с распространенными космологическими и цветовыми классификациями, по которым север — страна тьмы, связанная с черным светом, Сатурном и т. п.

Следует отметить, что амазонки в разных традициях (восходящих к античной) отмечают не историко-географические реалии, а напротив, неосвоенную часть ойкумены в пространственном отношении или доисторическую (мифологическую) эпоху (уже у Геродота, где амазонки считаются прародительницами реальных савроматов) во временном отношении. В частности, легенду об амазонках, не имеющих мужей, пересказывает, ссылаясь на Амртола, и Нестор, составитель «Повести временных лет»: в космографической части они упомянуты среди прочих народов, живущих «беззаконным», «скотским» образом (ПВЛ. С. 11). Эти легенды, не вызывавшие доверия уже у Птолемея, были широко распространены не только в силу необходимости целостного описания мира, включая его неосвоенную и поэтому оставляющую место для традиционной мифологической фантазии часть, но и в силу общей приверженности древней и средневековой науки к книжной традиции, соблюдение которой и было залогом целостности описания мира — а стало быть, и целостности мироощущения.

Характерен, однако, сам метод соотнесения реалий и традиции у средневековых авторов. В «Космографии» Равеннского Анонима (конец VII–VIII вв.) амазонки размещаются рядом с *роксоланами* на берегу Северного океана, но за землей амазонок располагается «пустынная Скифия» (Свод, т. II. С. 403). В описании мира («Книга путей и стран») у арабского географа XI в. ал-Бакри амазонки оказываются соседями народа *ар-рус*. Но поскольку *ар-рус* — историческая русь — хорошо известны мусульманскому Востоку с IX в., то соседи меняются местами (по сравнению с хроникой Захарири Ри-

⁷⁶ Впрочем, если считать «народ» великанов традиционной для средневековья реминисценцией библейских допотопных гигантов (ср. о обрах-аварах в славянской традиции — глава I.3), то «исторически» он относится к доистории (русской доистории в Начальной летописи).

тора и т. п.): амазонки помещаются дальше народа *ар-рус*, к западу от него (с точки зрения восточного наблюдателя) (Куник, Розен 1878). *Ерос* Псевдо-Захарии также оказывается соседом амазонок.

Датский хронист XII в. Адам Бременский, который по традиции отождествлял с *Югом* шведский народ *ётов* (готов), помещает «Край женщин» к северу от Руси у берегов Балтийского моря: между Руссией и амазонками живут те народы, которые Начальная летопись именует чудью — весь, меря и др. Амазонки чудесным образом рожают (как подозревает Адам, от соития с чудовищами) кинокефалов — людей с песьими головами; этих людей часто берут в плен в Руси (см. Немецкие анналы. С. 430–431; Рыбаков 2008. С. 225 и сл.). Руссия и здесь включена в человеческую ойкумену — вне этой страны может происходить смешение чудовищных народов — кинокефалов и амазонок.

Люди с песьими головами обрели особое место в раннесредневековой христианской историографии, ибо миссионерам, до которых доходили слухи о таких народах, нужно было решить, были ли они потомками Адама, и, стало быть, имели душу, нуждающуюся в спасении. Их «реальность» и место в исторической ойкумене обсуждались не только средневековыми авторами, но и современными историками, считающими, что за кинокефалов древние авторы могли принять воинов в звериных масках и т. п. (ср.: Вуд 2005. С. 31–30).

Один из таких рассказов приводит Павел Диакон (1.11): во время переселения в Италию лангобарды встретили превосходящее их войско и распространили слух, что среди них есть кинокефалы, пьющие кровь врагов во время битвы; враги не решились вступать в сражение. Действительно, речь могла идти о воинах типа скандинавских берсерков, подобных бешеным псам и волкам на поле боя (ср. о мифологизации их образа в историографии — Либерман 2005; см. о псах и волках оборотнях в воинских ритуалах — Иванов 1975; Lincoln 1991. P. 131–136 и далее — в главе VIII).

Не менее примечателен иной предрассудок, наделяющий собачьими чертами носителей чуждой культуры: «варварская» речь сопоставлялась с собачьим лаем, чужой народ уподоблялся псам. Яркий пример такого уподобления относится к VII в. — эпохе расселения славян: франкский король Дагоберт отправил к государю славян Само заносчивого посла, который в ответ на предложение дружбы, заявил Само: «Невозможно, чтобы христиане и рабы Божьи могли установить дружбу с псами». Само же возразил: «Если вы Богу рабы, а мы Богу псы, то, пока вы беспрестанно действуете против Него, позволено нам терзать вас укусами» (Свод, т. II: 369). Сюжет

§ 1. Амазонки между «русами» и песьеглавами..

народа-«псов» приобретает здесь обертон, характерный для противопоставления «носителей культуры» (христиан) и варваров: носителям диких языков недоступно было слово Божие, в том числе и договор о дружбе, скрепляемый божественной клятвой (ср. далее в главе VIII, а также с точки зрения византийцев — Иванов 2003. С. 339–340).

Однако прежде чем соотносить это известие Павла Диакона и прочие рассказы о псоглавцах с некими историческими «реалиями» или предрассудками, полезно обратить внимание на схожий мотив, распространенный в другом конце ойкумены и повествующий о войске Чингис-хана в Земле псов. Согласно рассказам европейских путешественников, войско монгольского завоевателя за пределами Индии достигло земли, где мужчины были псами и охраняли остров женщин. Эти псовидные мужи выполняли еще одну прагматическую функцию: от них женщины зачинали потомство, и мужское потомство принимало вид собак, девочки же имели человеческий облик.

Мотив кинокефалов разворачивается в целый сюжет о сожителстве народов-монстров, схожий с тем, который известен был скандинавским авторам. А.Г. Юрченко справедливо полагает, что мы имеем дело с литературным вымыслом квазиисторического характера, близким сюжетам романа об Александре⁷⁷ (Юрченко 2005. С. 304–305). Восток и Запад давали сходные описания монстров: в восточных миниатюрах — иллюстрациях к поэме об Искандере — сражавшиеся с Александром русы изображаются темнокожими великанами со звериными мордами, синтезируют черты народов-монстров, описанных Захарией Ритором (см. о сюжетах, связанных с русами у Низами во Введении: Зайцев 2003. Рис. 1, цв. вкл.). Параллели, которые отыскивает А.Г. Юрченко в шаманских ритуалах у тюркско-монгольских народов, которые могли породить представления о людях-псах, кажутся столь же излишними, как и рассуждения о ряженных берсерках.

Эти и другие известия восточных авторов приурочивают амазонок — «город женщин», остров женщин, расположенный рядом с «островом мужчин», и т. п. к Западному морю, Балтике (Косвен 1947. С. 45–46) или границам Индийского царства, все дальше отодвигая пределы мифического

---

⁷⁷ Ср., однако, разделение мужского и женского потомства в рассказе Плиния о кинокефалах (*Naturalis historia*, VII.3.2): эфиопы, к северу от которых обитали кинокефалы, выпасали стада этих чудовищ, сохраняя лишь женское потомство, чтобы получать молоко. Космограф начала VIII в. Эрик Истрийский также подчеркивает различие в облике женских и мужских особей народа кинокефалов: мужчины у них — великаны, голова которых похожа на собачью (ср.: Вуд 2005. С. 15–16).

царства (ср. о «перемещении» амазонок к краю ойкумены со времен Геродота — Джаксон и др. 2007. С. 20)⁷⁸.

Соотнесение реальных знаний с традицией, тем более с сакральной традицией, — не только метод, но и цель работы средневековых книжников. Однако фантастические существа вроде песьеглазцев, великанов (Исидор Севильский сравнивает всех этих чудовищ с допотопными великанами — *Etym* XI. 3. 12), карликов, географические диковинки и тому подобные объекты, в реальность которых вполне мог верить средневековый книжник, все же, как правило, отделялись от реалий временными или пространственными границами (ср.: Вуд 2005). Собственно, такой границей и была легендарная стена Гога и Магога, воздвигнутая, по широко распространенным средневековым преданиям, Александром Македонским против диких народов севера. «Прорывавшиеся» за эту стену народы — будь то готы, гунны, «народ рос» или монголо-татары, реально угрожавшие цивилизации, осуществляли и «прорыв» в историю, хотя их продолжали ассоциировать с Гогом и Магогом.

Как показал И. Вуд (2005), кинокефалы (и амазонки), будучи пограничными народами почитаемой античной традиции, вызывали особый интерес миссионеров, особенно латинских, которые помещали их на Балтике, в крайних северных пределах западноевропейского христианского мира, открытых для проповеди: для Захарии Ритора они оставались монстрами, обитающими за Каспийскими воротами, Кавказской стеной Александра.

Итак, «народ рус» сирийского источника остается за «стеной», в царстве фантастических существ на краю ойкумены. Пассаж о фантастических народах у Захарии Ритора не удревает русской истории. Однако этот пассаж все же существен для понимания тех исторических событий, которые отмечают появление вполне реального народа *рос* — руси в границах Хазарии и Византии уже в IX в.

---

⁷⁸ Любопытна инверсия мотива амазонок в позднесредневековой русской историографии: в трактате «Историческую древнее описание и сказание» Т. Каменевича-Рвовского рассказывается, как «славеноросские предки» — «старики новгородские холопы», желая поискать славы и расширить «во все концы вселенной» пределы своей земли, завоевывают царство амазонок и затем обрушиваются на исторические страны — «на тройския и ельланския державы», Трою и Элладу. Они покоряют весь мир и доходят до противоположных пределов ойкумены, где близ блаженного Рая расположена земля мифических рахманов (брахманов). Тогда сам Александр Македонский и отправляет к ним «Грамоту», где просит о мире (как просили о мире русь византийские императоры) и уступает земли от «моря Варяжского до моря Хвалынского» — Каспийского и далее (см. Мыльников 1996. С. 71–72 и Введение).

§ 2. Варяжская и хазарская дань со славян

Во введении к главе говорилось, что в Среднем Поднепровье и в ареале вятичей археологи обнаружили отнюдь не представителей «народа ерос», которого не могли носить они, а могилы всадников (см. о раннесредневековых могилах всадников в восточноевропейской степи — Атавин 1996). Вооружение всадников — палаши — напоминает о предании о хазарской дани в «Повести временных лет», которую хазары «доискахом оружьем одиноку стороною, рекше саблями».

История Русской земли в «Повести временных лет» начинается (под 859 г.) с рассказа о дани, которую брали с народов Восточной Европы варяги и хазары: «Имаху дань варязи из заморья на чюди и на словѣнх, на мери и на всѣхъ кривичѣхъ. А козари имаху на полянѣх, и на сѣверѣх, и на вятичѣхъ, имаху по бѣлѣ и вѣверицѣ от дыма» (ПВЛ. С. 12). Затем (ПВЛ под 862 г.) в Новгород были призваны править «по ряду» (договору) варяжские князья, и Рюрик, сделавшись единовластцем, распространил свою власть на «всех кривичей» в верховьях Волги и Западной Двины, а также на мурому на Оке. Действительно, упомянутые памятники тюркской знати примыкают к ареалам славянских племен Среднего Поднепровья — полян, северян, а на востоке — к ареалу вятичей (см. карту), именно тех славянских объединений, с которых, согласно летописи, брали дань хазары.

Показательно, что одновременно, с VIII в., начинается интенсивное развитие славянских культур — роменской, относящейся к северянам, в Среднем Поднепровье, на Левобережье, и боршевской, приписываемой вятичам, на Дону. Можно считать провидческим взгляд В.О. Ключевского на «хазарское иго» как на отношения, способствовавшие развитию экономики славян⁷⁹. На юге, в лесостепной полосе славянская колонизация очевидно проходила под эгидой Хазарского каганата. Славянская в основе, волынцевская культура Левобережья Среднего Днепра включает элементы салтовомаяцкой (алано-болгарской) культуры Хазарского каганата: на некоторых поселениях отмечены и прямые свидетельства пребывания степняков — следы юртообразных жилищ. Остатки больших (до 40 кв. м) юртообразных жилищ обнаружены и на крупнейшем городище волынцевской культуры у села Битица на реке Пселл.

---

⁷⁹ Ключевский (т. 1. С. 259). О близких взглядах Любавского и Грушевского на роль хазар см.: Новосельцев А.П. Образование Древнерусского государства и его первый правитель // ДГ. 1998. С. 434–435.

Один из первых исследователей этих памятников Д.Т. Березовец (Березовец 1965; ср. новые исследования — Приймак 2007) считал, что Битица — это административный центр каганата в глубине славянской территории. В том же левобережном ареале обнаружены два центральных памятника, связываемых с кочевым миром, — комплексы у Малой Перещепины и Новых Сенжар (в бассейне Ворсклы) (ср.: Флёров 1996. С. 33–36, 68–69).

Кому бы ни принадлежал знаменитый «Перещепинский клад» — болгарскому хану Кубрату (Залесская и др. 1997) или хазарскому правителю (сходный комплекс у села Вознесенка в Запорожье, обнаруженный внутри прямоугольного вала, имеет явные аналогии в заупокойных храмах правителей Тюркского каганата: Амброс 1982; ср. Комар 2006. С. 233 и сл.) — остается очевидным традиционное (с VII в.) «центральное» значение этого региона для «кочевых империй»: господство над ним давало власть над лесостепью Восточной Европы. Характерен предполагаемый анклав волынцевских памятников вокруг Киева в Правобережье (ср. Петрашенко 1990): благодаря этому анклаву проясняется и устойчивость легенды о Кие, основателе Киева, как о перевозчике через Днепр (с которой полемизировал Нестор — сторонник княжеского происхождения легендарного основателя Киева). В самом Киеве обнаружены остатки «салтовского» (волынцевского?) могильника с трупосождениями (Каргер 1958. С. 137).

Одновременно на Дон попадают даже выходцы с Правобережья Днепра, носители культуры Луки Райковецкой (Винников 1998). Понятно, почему под эгидой хазар велась эта колонизация лесостепи: степнякам нужен был хлеб. Система крепостей на Дону и в бассейне Северского Донца, видимо, призвана была контролировать эти важные для Хазарии регионы, в том числе донских «вятичей» (носителей так называемой боршевской культуры) и северян в Левобережье Днепра (показательно, что само их имя связано с гидронимом «Северский Донец») (ср.: Винников, Плетнева 1998. С. 38–39).

При сопоставлении с данными Начальной летописи (ПВЛ. С. 12, 14) можно предположить, что волынцевская культура характеризует тот ареал славянских племен — «конфедерации» полян, северян и, возможно, части радимичей, с которых брали дань хазары (ср.: Щеглова 1987; Комар 2005). Кроме среднеднепровских славян данниками хазар, по летописи, были вятичи.

По данным археологии, на юге в первой половине IX в. происходят серьезные культурные и экономические перемены. В Левобережье Днепра формируется роменская культура племени северян, сменяющая волынцевскую. На ее восточной периферии появляются монетные клады (Нижняя

Сыроватка, Новые Млины, Новотроицкое и др.), импортные бусы, по составу сходные с салтовскими; начинается производство украшений из серебра (Григорьев 2000. С. 180 и сл.). Одновременно клады появляются в Посожье у соседних радимичей и далее к северу — на Верхнем Днепре (ср.: Кропоткин 1978. С. 112–114). Другим славянским регионом, где концентрируются ранние клады, оказывается бассейн Оки (Кремлевское, Борки, Муром и др.), территория летописных вятичей (Нунан, Ковалев 2002).

На монетах некоторых кладов (Нижняя Сыроватка, Кремлевское) читаются руноподобные граффити, напоминающие скандинавские руны (Мельникова, 2001. С. 120–121). Существенно, что в летописной статье (882 г.), повествующей о присвоении Олегом хазарской дани с радимичей, говорится, что радимичи платили хазарам по «щьяльгу»: такую же дань — «по щьяльгу от рала» — платили хазарам вятичи до 964 г. (ПВЛ. С. 14, 31). «Щьяльг» — очевидно, «шэлэг», еврейское обозначение дирхема (Новосельцев 1990. С. 117). Дирхем приравнивался в древнейшей русской денежно-весовой системе куне — шкурке куницы (Назаренко 2001. С. 157), а если следовать летописи — белой веверице (белке) или черной куне (кунице).

В древнерусской традиции и «куна», и «бель» стали означать не только меха, но и серебро (ср. комментарий в ПВЛ. С. 387, 595). Поэтому трудно сказать определенно, чем платили славяне дань хазарам — мехами или звонкой монетой. Важнее, что часть звонкой монеты оседала в кладах (и отливалась в украшения) на периферии Хазарского каганата. И в Левобережье Днепра, и на Оке, очевидно, происходит процесс перераспределения богатств, поступающих с Востока, между хазарами и данниками — славянами (ср.: Ляпушкин 1968. С. 151–152; Григорьев 2000. С. 180 и сл.; ср. ситуацию в курском Посемье — Енуков 2005. С. 178–190).

В тот же период на севере, на поселениях в Приладожье (Старая Ладога, Любшанское городище), Поволховье (Холопий городок — Носов, Горюнова, Плохов 2005. С. 146 и сл.), Изборске (Гайдуков, Фомин 1986), Верхнем Поволжье (Углич, Сарское, Угодичи, Выжегша и др. — Кропоткин 1978. С. 112–113; Леонтьев 1988; Фомин 1988) в середине VIII — первой половине IX в. появляются скандинавские комплексы и вещи; в первой половине IX в. — клады куфических монет. Существенно, что клады включали скандинавские вещи, граффити (Угодичи, Выжегша), или монеты попадали в культурный слой одновременно со скандинавскими вещами (Леонтьев 1988. С. 97).

Показательна и серия ранних кладов в Верхнем Поднепровье — Орша, Лучеса, клад у деревни Кислая, где наряду с руноподобными граффити обнаружен брактеат из Хедебю, а также более сотни хазарских подражаний

восточным монетам (Нахапетян, Фомин 1994. С. 168; Мельникова 2001. С. 114, 121 и сл.); и Подвинье (в том числе Добринский клад, содержащий готландскую шейную гривну и хазарскую монету) — в землях летописных кривичей (Фомин 1988. С. 111; ср.: Кропоткин 1978. С. 112–113). Одновременно с рубежа VIII и IX вв. восточная монета стала поступать в Скандинавию и на побережье Балтики (ср.: Кропоткин 1978; Noonan 1994).

Ареал перечисленных находок на севере Восточной Европы в целом соответствует племенным территориям кривичей, словен и мери, которые, по летописи, платили дань варягам (ср.: Леонтьев 1988. С. 98). Варяги, безусловно, изначально участвовали в распределении восточного серебра — об этом свидетельствуют не только скандинавские вещи в одних комплексах и слоях с монетами, но и граффити, известные уже на монетах одного из древнейших Петергофского клада начала IX в. (Мельникова, Никитин, Фомин 1984; Мельникова 2001. С. 115 и сл.), равно как на монете клада из Элмеда в Среднем Поволжье (ср.: Нунан 1987–1991; Мельникова 2001. С. 121) и др. (Нахапетян, Фомин 1994; Мельникова 2001). Существенно при этом, что восточная монета в больших количествах поступала не только в Скандинавию (св. 1300 монет первой половины IX в.), но и на территорию Германии и Польши (св. 3000 монет), что позволило Т. Нунану (1994. С. 226) предположить участие «западнславянских купцов» в восточной торговле. Как уже говорилось, археология подтверждает связи Восточной Европы с Южной Балтикой в IX в.

Вопрос о путях распространения восточного серебра в Восточной Европе остается дискуссионным (ср. полемику: Леонтьев 1986; Нахапетян, Фомин 1994. С. 141–142; Кирпичников 2002). Очевидно, что серебро поступало через Хазарию (Кропоткин 1978). Хазарские граффити на монетах подтверждают участие хазар в распределении серебра, как скандинавские — указывают на участие варягов (Нахапетян, Фомин 1994). Парадоксальной представляется топография монетных находок: монеты выпадают в клады на славянской (меньше — болгарской) периферии Хазарии; на территории собственно Хазарии монет мало, хотя самые ранние целиком сохранившиеся клады начала IX в. концентрируются на Северном Кавказе и Дону (Кривянская, Правобережное Цимлянское городище) (Кропоткин 1968). При этом на одной монете из Цимлянского городища обнаружено руноподобное граффити (Мельникова 2001. С. 120).

Магистральным направлением является путь с Северного Кавказа (через Дарьяльское ущелье) на Дон и далее на Оку, Верхнюю Волгу и север Восточной Европы (ср.: Кропоткин 1978; Леонтьев 1986) — восточное серебро

оседает не только в кладах, но и в культурном слое поселений (см. о монетах на славянских поселениях Среднего Дона — Винников 1995. С. 68 и сл.). Периферийными оказываются пути на Нижнюю и Среднюю Волгу («Великий Волжский путь») и на Верхний Днепр и Двину. При этом монета не поступает в Среднее Поднепровье, на Правобережье Днепра и далее на запад (Кропоткин 1978. С. 114)⁸⁰.

Что касается монетных находок в Восточной Европе, то выпадение кладов не есть прямое свидетельство даннических отношений между хазарами, скандинавами и славянскими племенами Восточной Европы. Напротив, оно свидетельствует о перераспределении на местных поселениях богатств, поступающих с Востока, — хазары и скандинавы должны были делиться с местным населением прибылью. Видимо, варягам приходилось платить не только за «корм», но и за меха, которые шли на восточные рынки. Если верить летописи, то конфликт, приведший к изгнанию варягов за море, мог возникнуть при перераспределении этих богатств.

В середине IX в. ситуация на севере Восточной Европы меняется: наряду с Ладогой, где скандинавское население известно с середины VIII в., появляется центр скандинавского присутствия на Новгородском (Рюриковом) Городище (Носов 1990). Эти археологические реалии традиционно увязываются с пространной (ипатьевской) редакцией легенды о призвании варяжских — русских — князей (под 862 г.), согласно которой Рюрик сел сначала в Ладоге и лишь по смерти братьев, вокняжившихся в Изборске и Белозере, срубил город над Волковом, который прозвали Новгородом (ПСРЛ, т. 2, стб. 14)⁸¹. К 860-м гг., видимо, относится и формирование Тимеревского комплекса памятников в Верхнем Поволжье и сходных с ним, где очевидно

---

⁸⁰ Показательно, что летопись отмечает различие в форме дани, которую назначил среднеднепровским славянам Олег: с правобережных древлян он берет по черной куне, с левобережных радимичей — по «щлягу», как они платили хазарам. Отсутствие монет IX в. в Среднем Поднепровье (равно как и в Нижнем Поволжье) объясняется энтузиастами развитого монетного обращения на юге Восточной Европы быстрым прохождением серебра через эти регионы: монета оседала в «тупиках» торговых путей. Эта гипотеза явно не работает в отношении Среднего Поднепровья и особенно Киева: в X в. там насчитывается несколько тысяч монет, но нет никаких оснований считать столицу Руси «тупиком» — напротив, именно в X в. Киев, по данным всех источников, становится центром международной торговли (ср.: Нунан 1987).

⁸¹ Ср.: Мельникова, Петрухин 1995; Мачинский 2002 и др. С точки зрения лингвистики (Гиппиус 2002. С. 89–90; Гиппиус 2007) «новгородская» редакция (или редакция Начального свода в реконструкции А.А. Шахматова), согласно которой Рюрик сел в Новгороде, является более архаичной, что, впрочем, не отменяет гипотезы о большей исторической достоверности «ладожского» варианта.

присутствие скандинавских переселенцев (ср.: Дубов 1999; Леонтьев 1989; Янссон 1987). Об этом свидетельствуют, в частности, два клада восточных монет со скандинавскими граффити.

Существенно, что в 860-е гг. увеличивается приток восточной монеты в Восточную Европу и Скандинавию, что опять-таки связывают с призванием варяжских князей (руси) в Новгород (Потин 1970; Noonan 1994. С. 226 и др.), Швеция же начинает доминировать в восточной торговле (более 10 тысяч монет во второй половине IX в. — Noonan 1994. С. 226).

Не менее важны для понимания роли варягов — летописной руси во второй половине IX в. данные летописного предания. Уже говорилось (см. Петрухин 1995. С. 116 и сл.; и далее — глава 4), что прямо переносить летописные известия о власти варяжских князей в Белоозере и Изборске на исторические и археологические реалии второй половины IX в. (в духе романтической традиции XIX в.) рискованно. Но очевидно, что и Изборск (ср.: Седов 2007), и Белоозеро (Захаров 2004), при всей малочисленности там скандинавских находок (в сравнении с Ладогой и Рюриковым Городищем), были форпостами словенской⁸² и древнерусской колонизации в чудских и весских землях, и летописец конца XI в. не случайно сделал их столами легендарных братьев Рюрика (см. рис. 9, цв. вкл).

Не случайным было и распределение городов между мужами Рюрика: по смерти братьев князь раздал мужам «овому Полотескъ, овому Ростовъ, другому Бѣлоозеро. И по тѣмъ городомъ суть находници варязи, а перьвии насельници в Новѣгородѣ словѣне, въ Полотьски кривичи, в Ростовѣ меря, в Бѣлѣ-озерѣ весь, в Муромѣ мурома; и тѣми всѣми обладаша Рюрикъ» (ПВЛ. С. 13). Ростов, как и Верхнее Поволжье в целом, с первой половины IX в. входил в сферу интересов «находников», оставивших следы своего пребывания на Сарском городище. Во второй половине IX — начале X в. рядом с Сарским существует «лагерь гостей» с дружинным инвентарем (Леонтьев 1996. С. 99–103; обращает на себя внимание находка здесь салтовской поясной гарнитуры, указывающей на контакты с Хазарией).

Показательны при этом два летописных города, власть над которыми значительно расширяла сферу влияния первого русского князя. Полоцк в верховьях Западной Двины давал власть над «всеми кривичами» (которые платили дань варягам); Муром располагался в низовьях Оки — выше по течению была земля вятичей, которые платили дань хазарам. Оба города дава-

⁸² В средневековой топонимии на территории к западу от Кубенского озера отмечается значительное число топонимов, возникших на основе этнонима словене — оз. Словенское, с. Волок Словенский, р. Словенка — приток Шексны, д. Словенка (АСЭИ, II).

§ 2. Варяжская и хазарская дань со славян

ли выход на торговые пути, освоенные еще в первой половине IX в. В целом сеть городов и разноплеменных центров, оказавшихся под властью первых русских князей, очерчивала границы Русской земли (ср. раннее скандинавское наименование Руси — Гарды, «укрепленные поселки», «города») — государственного образования, которое стало формироваться на севере Восточной Европы, но одновременно распространяло свои интересы и на юг.

Собственно с раздачей княжеским мужам городов связано и то событие, которое привело к захвату русской дружиной Киева. По летописи (ПВЛ. С. 13 под тем же 862 г. — годом призвания варяжских князей) дружинники Рюрика Аскольд и Дир «испросились с родом своим» в поход на Царьград. На Днепре они увидели городок, где сидели поляне, платившие дань хазарам. Видимо, освобождение полян от хазарской дани позволило русской дружине осесть в Киеве и овладеть «польской землею».

Дальнейшие события засвидетельствованы уже не только русской начальной летописью, но и греческими хрониками: в июне 860 г. русская флотилия из 200 судов едва не взяла Царьград. В «Повести временных лет» поход отнесен к 866 г. в соответствии с источниками летописца, датирующими лишь время царствования Михаила III, но не сам поход⁸³. Из конечной даты царствования Михаила (866 г.) летописец вывел и год призвания варяжских князей: если в 865 г. русская дружина обосновалась в Киеве, куда отпросилась «по двюю лету» после призвания, то призвание относится к 862 г. (ср. в главе VIII.2). Два года оставалось на изгнание варягов-данщиков за море и призвание руси, что давало дату для летописной статьи 859 г. о варяжской и хазарской дани.

860 г. — время первого похода руси на Царьград — можно считать *terminus post quem* для описываемых событий эпохи призвания варягов. «Совокупить многих варягов» (ПВЛ. С. 13) и собрать двести ладей, проведя их первый раз по пути из варяг в греки, можно было только имея прочный славянский тыл с одной стороны, и возможность пройти через степь, в том числе днепровские пороги? — с другой.

Это положение Гнёздова на перекрестке международных путей между Киевом и Новгородом провоцирует исследователей на отождествление его с загадочной Арсой восточных рассказов о трех группах руси (ср.: Новосельцев 1965. С. 419; Горский 2004. С. 64–65). Гнёздово никоим образом не «подходит» для такого отождествления: дело не только в том, что его расцвет, позволяющий сопоставлять этот центр со «столицами», относится к сере-

⁸³ См. об источниках комментарии к ПВЛ. С. 406, 598.

дине X в. (а информация о трех центрах руси восходит к IX в.), но и в том, что поселение было открыто для иноземцев — как скандинавов, так и мораван (см. из последних публикаций: Смоленск и Гнёздово. М., 1991; Гнёздово: 125 лет исследования памятника Археологический сборник ГИМ. — Вып. 124. М., 2001; Гнёздово. Результаты комплексных исследований памятников. СПб., 2007).

Письменные источники, прежде всего — данные Константина Багрянородного (1991), позволяют проследить динамику проникновения руси на юг. Она связана, не в последнюю очередь, с динамикой хазаро-венгеро-славянских отношений. Примечательно, что первое появление руси в 838 г. в Константинополе (в 839 г. — в Ингельгейме) произошло после первого появления венгров на Дунае. Венгры были призваны на помощь дунайскими болгарами, когда те хотели удержать византийских пленников, устремившихся на родину в 836 или 837 г. Это может свидетельствовать о самостоятельном положении венгров на западе Северного Причерноморья (Цукерман 1998).

Важность этих обстоятельств становится очевидной при обращении к тексту Бертинских анналов, под 839 г. повествующих о появлении руси в Ингельгейме — столице франкского императора Людовика Благочестивого на Рейне (Назаренко 1999. С. 288 и сл.). Византийский император Феофил с греческим посольством прислал также неких людей, «утверждавших, что они, то есть народ их, называется Рос (Rhos); король их, именуемый хаконом, направил их к нему (Феофилу. — В. П.), как они уверяли, ради дружбы». Феофил просил, «чтобы по милости императора с его помощью они получили возможность через его империю безопасно вернуться [на родину], так как путь, по которому они прибыли в Константинополь, пролегал по землям варварских и в своей чрезвычайной дикости исключительно свирепых народов, и он не желал, чтобы они возвращались этим путем... Тщательно исследовав [цели] их прибытия, император узнал, что они из народа (рода) шведов (свеонов), и, сочтя их скорее разведчиками и в этой стране (Византии), и в нашей, чем послами дружбы, решил про себя задержать их...»

Судьба этого посольства, как и его маршрут в Константинополь, остаются неизвестными. Подозрительность же Людовика имела все основания: он принужден был без конца сражаться с викингами. Подозрительность эта оказалась провидческой и в отношении Византии: через двадцать лет в 860 г. русь напала на Константинополь как раз тогда, когда император Михаил был в походе — видимо, у руси действительно была неплохая «разведка».

§ 2. Варяжская и хазарская дань со славян

Что касается варварских народов, через земли которых лежал путь руси в Византию, то очевидно, что Феофил не мог обвинить в чрезвычайной дикости хазар, с которыми Византия находилась в союзнических отношениях и которые пропустили в Константинополь русское посольство. Скорее всего, венгры, находящиеся в конфликте с Византией, были теми «дикими племенами», что перекрывали дорогу русскому посольству (ср.: Новосельцев 1990. С. 206 и сл.), вынужденному искать обходной путь на родину за море, к «своему роду» — своенам через империю франков по Рейну.

Значит, венгры могли в это время контролировать не только загадочную Леведию Константина Багрянородного (глава 35) к западу от Дона (?), но и проникать в междуречье Ателькузу между Днестром и Карпатами. Естественно предположить, как это делают многие исследователи, что путь русского посольства в Царьград вел по Днепру, пограничной магистрали Хазарии. Однако и донской путь — «осевая» магистраль Хазарского каганата, оказывается в это время под угрозой: хазары в 839 г. отправляют посольство в Византию с просьбой построить крепость на Дону. Саркел был построен там ок. 840 г. (Цукерман 1998), в регионе, где, видимо, уже существовала крепость на другом берегу — Правобережное Цимлянское городище с упомянутым кладом (см. рис. 12, цв. вкл). Напрашивается предположение, что Саркел должен был контролировать переправу через Дон (ср.: Флёров 2011. С. 32–35), подобно днепровскому Киеву.

Существенно, однако, что собственно Киев в это время (830-е гг.) неизвестен ни письменным источникам, ни археологически. Успевшее стать общим местом предположение о том, что из Киева и направлялось в Константинополь русское посольство 838 г., ни на чем не основано. Не более обоснованы и попытки реконструировать некий Русский (Росский) каганат с опорой на утверждение послов народа Рос о том, что их правитель именуется хаканом. Исследователи, привлекающие данные восточных источников X в. (ибн Русте и др.) и более поздних о хакане русов, основываются на предположении о том, что эти данные восходят к IX в., но игнорируют контекст самих источников: ведь они помещают ар-рус где-то на болотистом острове, откуда русы совершают походы на славян. Эта информация не дает оснований для реконструкции «каганата» в Восточной Европе (ср.: Петрухин 2011. С. 101–112 и § 3 данной главы).

Историографическая проблема «Русского каганата» сводится, по преимуществу, к вопросу о том, насколько «реальными» были претензии русских правителей на титул кагана, то есть насколько эти претензии могли быть признаны правителями соседних государств. В связи с этим в совре-

менной историографии распространен тезис о признании высокого титула за русским правителем, основывающийся на единичной фразе из письма франкского императора Людовика II, отправленного в 871 г. византийскому императору Василию I: Людовик утверждал, что «хаганом мы называем государя авар, а не хазар (в письме они именуются *Gasani*. — В. П.) или норманнов (*Nortmanni*. — В. П.), или князя болгар». Фраза свидетельствует о том, что в империи франков, во-первых, мало что знали о хазарах, во-вторых, со времен появления «россов» Бертинских анналов, прочно ассоциировали русь с норманнами, но не признавали заявленных в 838–839 гг. претензий на титул кагана.

Сторонники киевского «Русского каганата» делают из этой фразы парадоксальный вывод о том, что дипломатический довод Людовика направлен против византийской традиции: якобы в «византийской канцелярии» правителя Руси продолжали именовать «хаканом» (допуская норманнское происхождение киевских правителей Аскольда и Дира; ср.: Назаренко 1999. С. 290–291; Горский 2004. С. 54 и сл.). Этот вывод имел бы некоторое право на существование, если бы в той же канцелярии «хаканом» именовали и болгарского князя, но правитель Болгарии в IX в. оставался для империи «архонтом», каковыми оставались для нее и русские князья. Признанным в Византии носителем титула каган был только правитель Хазарии (ср.: Литаврин 2000. С. 41).

Очевидно, в Ингельгейме *русью* себя звали еще «заморские» (не призванные княжить «по праву») варяги, которые, однако, уже освоились на речных магистралях Восточной Европы (о чем свидетельствуют упомянутые клады со скандинавскими руническими граффити). Более того, их предводитель претендовал на хазарский титул «хакан» (каган)⁸⁴ и, стало быть, на власть хазарского кагана. Или, напротив, росы объявляли себя подданными хазарского кагана — союзника Византии.

С этой властью руси пришлось столкнуться, по данным письменных источников, как в самой Хазарии, где, согласно автору IX в. Ибн Хордадбеку, с русских купцов, идущих по славянской реке (Дону?), брал десятину их правитель в Хамлидже (Итиле — см. Калинина 1986), так и в подвластных ей славянских землях, в том числе в «польской земле», где обосновались, по летописи, Аскольд и Дир. Можно считать, что подчинение Рюриком муромы в низовьях Оки, на границе вятичей, данников хазар, и овладение Киевом

⁸⁴ На этот титул, впрочем, претендовали едва ли не все правители государств Евразии, возникших после распада Тюркского каганата.

§ 2. Варяжская и хазарская дань со славян

русской дружиной Аскольда и Дира отражают единую тенденцию в процессе становления Древнерусского государства, выступающего соперником Хазарии в Восточной Европе.

Появление руси в польской (полянской) земле, как и первое ее появление в Западной Европе (839 г.), очевидно связано с евразийским геополитическим контекстом.

Кризис в каганате возник в связи с вторжением печенегов и вытеснением ими венгров — возможно, инспирированным самой Хазарией, опасавшейся усиления венгров (Цукерман 1998); к венграм примкнули кавары. Время вторжения печенегов и отступления венгров за Днепр в Ателькузу неясно. Традиционно (с эпохи раннего средневековья) за дату изгнания венгров из Леведии принимают 889 г., под которым в Хронике продолжателя Регинона рассказывается о жесточайшем народе венгров, вышедшем из бесконечных болот, образованных разливом Танаиса — то есть от устья Дона. Однако, как справедливо полагает А.В. Назаренко (1993. С. 107, 109), это известие связано с вторжением венгров в Центральную Европу, а не с изгнанием из Леведии: исход венгров увязывается с традиционной географической номенклатурой — «скифские» варвары выходили откуда-то из болот Меотиды.

У нас имеются, однако, источники, которые могут несколько прояснить общую геополитическую ситуацию. В первую очередь, это русская Начальная летопись, рассказывающая под 859 г. о дани, которую берут со словен новгородских, кривичей и мери варяги из-за моря, и о дани хазарской с полян, северян и вятичей. Этот рассказ совпадает с упомянутыми данными Ибн Русте, который рассказывает о господстве над славянами (ас-сакалиба) народа ар-рус на севере — они приходят на кораблях с «острова русов» (ср.: Новосельцев 1965. С. 397 и сл.; Lewicki 1977. Р. 39 и сл.), стало быть, не из Восточной Европы, а из-за моря. На юге же, согласно арабскому автору, дань со славян собирают не собственно хазары, а венгры — вассалы хазар.

К 860-м гг. ситуация в степи приводит к очередным далеким передвижениям венгров. Под 862 г. Бергинские анналы описывают первое вторжение венгров в Восточнофранкское королевство. В это время Киев и Днепровский путь, в том числе и пороги, которых так опасалась русь из-за угрозы печенегов в X в., видимо, оказались свободными. Вероятно, руси удалось утвердиться в Киеве к 860 г. в период венгеро-печенежского конфликта, на что указывал еще Й. Маркварт (Marquart 1903. Р. 33–35), но Левобережье Днепра еще оставалось под номинальной властью Хазарии (и некогда союзных ей венгров).

Очевидно, к этому времени относятся и данные т.н. Баварского географа по этногеографии Восточной Европы, составленного во второй половине IX в. В этом контексте перечисляются Кациры (хазары) с их 100 городами, Руци (русь), неясные славянские племена — Форсдерен лиуды, Фреси-ты, Серавицы, Луколане; и за ними — *Унгаре* (показательно, что этникон, передающий имя венгров, дан в славянизированной передаче), Висляне — польское племя в бассейне Вислы — и другие западные славянские племена. Ясно, что речь идет о времени до «обретения Родины» венграми, когда русь уже соседствует с хазарами, захватив Киев (ср.: Назаренко 1993. С. 7 и сл., комментарий на с. 45–46), а венгры пребывают в Ателькузу.

«Повесть временных лет» сообщает о движении венгров мимо Киева лишь под 898 г., чтобы увязать это движение с вторжением венгров в Моравию и рассказом о начале славянской письменности (см. далее в главе VI, а также Петрухин 1995. С. 80 и сл.). Однако ранее, под 882 г., говорится о том, что князь Олег, наследник Рюрика, со своей русской и словенской дружиной, идущей из Новгорода и взявшей Смоленск на Верхнем Днепре, остановился перед взятием Киева на урочище Угорском, которое получило название после того, как венгры стояли там вежами. Олег выманивает на торг Аскольда и Дира, притворившись купцом, идущим в греки (первое упоминание «пути из варяг в греки» в историческом контексте), убивает их, как узурпаторов, провозглашает Киев столицей («матерью городов русских»). Тогда же варягами и словенами Олега было принесено в Среднее Поднепровье имя «Русь, Русская земля».

Затем (под 883 г.) летописец рассказывает, как князь «примучивает» правобережных древлян и берет с них дань (по черной куне), присваивает дань с левобережных северян (884 г.) и радимичей (885 г. — по щялягу), заявляя о своей вражде к хазарам (ПВЛ. С. 14). Летописные даты, как уже говорилось, условны, но геополитическая ситуация обрисована верно: примечательно, что в 881 г. венгры с частью вышедших из-под власти кагана хазар (кавары) совершают очередной поход дальше на запад, в Центральную Европу (на Вену — Шушарин 1997. С. 168). Олег смог свободно присвоить хазарскую дань со славян Левобережья Днепра, воспользовавшись кризисом в Хазарии, после ухода венгров из Леведии, занятой печенегами (которые отделили приднепровских славян от Хазарии), на запад в Ателькузу и далее.

Заметим, что и после обретения венграми родины на Дунае, в Паннонии, византийская политика Руси соотносилась с активностью венгров: князь Игорь решил на реванш — поход на Царьград в 944 г. (после поражения в 941 г.), когда под стенами его в 943 г. побывали венгры (ПВЛ. С. 23). Походы

Святослава (968–971) на Византию также чередовались с нашествиями венгров, которые присутствовали и в войске Святослава (ср. Лев Диякон — VI. 12 — именовал их гуннами, а русских — скифами / тавроскифами).

Геополитические перемены опять-таки сказались на денежном обращении в Восточной Европе IX в.: на последнюю четверть этого столетия приходится кризис в поступлении восточного серебра в Восточную и Северную Европу. Еще И.И. Ляпушкин (1968. С. 152) связывал этот кризис с вторжением печенегов в южнорусские степи (ср.: Noonan 1985). Однако кочевники едва ли могли так прочно перекрыть речные пути, которые еще контролировались хазарскими крепостями. Скорее торговую блокаду устроила Хазария в ответ на экспансию Руси (Петрухин 1995. С. 93).

Русь готова была к конфликту: Ибн Хордадбех сообщает, что русские купцы добирались не только до Багдада через столицу хазар, но и до Константинополя по Румийскому (Черному) морю. Это известие можно датировать 880-ми годами⁸⁵, временем окончательной редакции «Книги путей и государств». Но Византия не могла насытить рынки Восточной и Северной Европы монетой: в империи существовали ограничения на вывоз драгоценных металлов, а серебра недоставало самим грекам — они должны были перечекивать арабскую монету (Нахапетян, Фомин 1994).

Кроме того, для подписания выгодного договора с Византией (911 г.) Руси необходимы были чрезвычайные усилия — поход всех подвластных Олегу племен на Царьград, описанный в летописи под 907 г. В результате торговые экспедиции руси в Константинополь стали ежегодными — такими описывает их Константин Багрянородный в середине X в. Приток же монеты в Восточную и Северную Европу возобновился ранее — в начале X в. из державы Саманидов через Волжскую Болгарию — в обход Хазарии. Тогда монеты появляются и в Киеве.

Еще одной загадкой IX в. остаются древности Киева и других городских поселений, упоминаемых той же летописью в связи с событиями второй половины IX в. Ни в Киеве, ни в Новгороде, ни в Белоозере, Полоцке, Ростове, Муроме и Смоленске не обнаружено слоев IX в. И если проблема начальной новгородской истории традиционно решается с опорой на саму новгородскую топонимику, и Городище со слоями второй половины IX в. признается начальным Новгородом (Носов, Горюнова, Плохов 2005. С. 29–31), то в округе Киева таких памятников нет (ср. в главе VII и Зоценко 2010).

⁸⁵ Томас Нунан (Noonan 1994) обратил внимание на то, что восточные источники с 880-х гг. не упоминают о торговой активности руси в Закавказье: наступает время военных походов, контролируемых той же Хазарией.

Сходный с Новгородским Городищем памятник есть под Смоленском — это знаменитое Гнёздово, но и в Гнёздове нет комплексов IX в. Это дает некоторым исследователям свободу в обращении с летописью, датировки и известия которой признаются лишенными исторических оснований: в соответствии с теми или иными тенденциями исследовательского поиска, Киев может быть объявлен столицей пресловутого Русского каганата уже в начале IX в. (Седов 1999) или, наоборот, передатировать все летописные известия, отнеся вокняжение Олега к началу X в. (Цукерман 2000) и т. п.

Собственно археологические проблемы, в том числе сложнейшая проблема начального формирования городского культурного слоя, не могут служить прямым основанием для исторических реконструкций. Вместе с тем новые археологические исследования в Киеве обнаруживают специфические черты, сближающие первоначальный город с ранними поселениями Северной и Восточной Европы IX–X вв. «Город Владимира» на киевской Горе в X в. был занят курганным могильником — видимо, за исключением небольшого детинца или княжеского двора; городская жизнь сосредоточивалась в низменной части на Подоле. Планировка этого поселения напоминает его исследователям планировку Хедебю и подобных ему балтийских викингских поселений. Сходную планировку, впрочем, имеет начальная Старая Ладога и Гнёздово, что было связано с ориентацией ранних городских поселений на «средства коммуникации», берег реки или моря, торговлю и т. п. (ср. Сагайдак, Мурашева, Петрухин 2008; Славяне и скандинавы; Леонтьев 1989. С. 80). Кстати, эта ориентация, если верить летописи, позволила Олегу без труда выманить Аскольда и Дира «на торг».

Помимо северно-европейских традиций два главных центра X в. на Днепровском пути — Киев и Гнёздово, Среднее и Верхнее Поднепровье — связывает также традиция славянская в широком смысле: помимо роменских черт в материальной культуре двух центров и регионов обращает на себя внимание влияние Великой Моравии (Петрухин, 2011. С. 236–240; ср. о киевских древностях — Зоценко 2010. С. 462–463)⁸⁶. Характерно, что «Повесть временных лет» увязывает историю начальной Руси с этими регионами во

⁸⁶ Помимо приведенных в указанной работе параллелей, касающихся керамики и височных колец, характерны также находки в скандинавских комплексах Гнёздова (Л-47) и Киева (камера 920-х гг. из новых раскопок) вещей, произведенных в позднем «аварском» стиле. Попытки реконструировать связи Верхнего и Среднего Поднепровья с опорой на суммарные датировки вещей, без учета комплексов, и отнести начало этих связей к середине IX в. представляются малообоснованными (см. о нижних датировках Гнёздова — Каинов 2001).

§ 3. Хазария, Русь и славяне: контроль над международными коммуникациями

временных рамках княжения Вещего Олега, когда князь присваивает хазарскую дань, а угры-венгры проходят мимо Киева в Моравию (см. подробнее в главе VI).

Константин Багрянородный отмечает (глава 41, комментарий: 399), что после вторжения венгров (896 г.) население Моравии «разбежалось» — и это является важным датирующим фактом. Видимо, при Олеге для представителей славянского мира в широком смысле действительно открываются пути в Верхнее Поднепровье. Это помогает объяснить и отсутствие ранних находок IX в. как в Киеве, так и в Гнёздове: городские поселения начинают интенсивно развиваться *после* подчинения их Олегом и включения в формирующуюся городскую сеть Древнерусского государства. Тогда же Среднее Поднепровье, с Киевом и «северянским» Черниговом (в конце X в. к ним добавился построенный при Владимире Переяславль), становится доменом киевского князя и Русской землей в узком смысле — центром, к которому «тянут» все остальные земли, подвластные русским князьям (см. главу VIII).

§ 3. Хазария, Русь и славяне: контроль над международными коммуникациями

Источниковая база по истории Хазарии чрезвычайно скудна собственно историческими известиями. Еврейско-хазарская переписка велась по правилам риторики, в ней не было места датам. Данные по исторической географии в письме хазарского царя Иосифа обнаруживают стремление описать идеальные пределы его царства. Включение списка крымских городов в пространную версию письма Иосифа может быть связано с энтузиазмом А. Фирковича, открывшего этот документ. В пространной редакции письма царь перечисляет подвластные ему «многочисленные народы» у реки Итиль (Волги), называя их имена: это Бур-т-с, Бул-г-р, С-вар, Арису, Ц-р-мис, В-н-н-тит, С-в-р, С-л-виюн. Далее в описании Иосифа граница его государства поворачивает к «Хуваризму» — Хорезму, государству в Приаралье, а на юге включает С-м-н-д-р и поворачивает к каспийским «Воротам» (Баб-ал-Абвабу) и горам (см. Коковцов 1932. С. 98 и сл.). Далее граница Хазарии идет к «морю Кустандины» — «Константинопольскому», то есть Черному, где Хазария включает местности Ш-р-кил (Саркел на Дону), С-м-к-р-ц (Таматарха — Тмутаракань), К-р-ц (Керчь) и др. Оттуда граница поворачивает на север к племени Б-ц-ра, которые кочуют до границ области Х-г-риим.

Многие имена народов, которые, по Иосифу, платят дань хазарам — буртасы, болгары, достаточно надежно восстанавливаются и имеют соответствия в других источниках. Так, Ц-р-м-с — черемисы, средневековое название марийцев, финноязычного народа в Среднем Поволжье. Описываемая ситуация очевидно восходит к эпохе расцвета каганата в первой половине IX в.: в 60-е гг. X в., когда составлялось письмо царя Иосифа, едва ли была возможна какая бы то ни было зависимость народов Среднего Поволжья, прежде всего — принявших ислам болгар, от гибнущего каганата. За черемисью следует список славянских данников. В этниконе *В-н-н-тит* видят имя *вятичей / вентичей*, которые жили по Оке (сближаемые с вятичами славяне — носители боршевской культуры — в верховьях Дона). Следующий этникон — *С-в-р* — означает *северян*, живущих на Десне. Термин *С-л-виюн*, завершающий эту часть списка данников (Коковцов 1932. С. 98), относится к общему названию славян: здесь можно подразумевать всю совокупность славянских данников, включая левобережных *радимицей* и правобережных киевских *полян* (радимицей упоминает как данников хазар летопись под 885 г. — ПВЛ. С. 14).

Еще сложнее — с конкретным историко-археологическим приурочением тех или иных «реалий» письменных текстов. Наибольшую полемику в литературе вызвала локализация города «Вантит»: этот город (*мадина*) арабских источников, упоминаемый в разных огласовках (Ва.ит, Вабнит) на окраине славянских земель, вызывает ассоциации с *В-н-н-тит* письма Иосифа. Хотя хазарский царь имеет в виду народ данников, а арабские авторы — город, контекст упоминания этих «реалий» практически идентичен: Вантит — город в крайних пределах славян где-то у границ печенегов и/или венгров. Отсюда разброс в локализации города между востоком и юго-западом восточнославянского ареала — между вятичами и древнерусским городом Витичевым на Днепре (по версии Д.Е. Мишина — Мишин 2002. С. 54–58; ср.: Калинина 2003. С. 207 и сл.).

Как мы видели, письмо Иосифа помещает народ *В-н-н-тит* рядом с народами Поволжья. Еще Б.А. Рыбаков, опираясь на поздние данные ал-Идриси (XII в.), предположил, что Вантит расположен на пути из Киева в Болгар. Рыбакова впечатлил комплекс «роменско-боршевских» памятников на правом берегу р. Воронеж к северу от города, прежде всего — городище «Михайловский кордон» (9 га), и воронежские исследователи обозначили этот комплекс именем «Вантит» (ср.: Пряхин и др. 1997/1; Винников 1995. С. 69–72), подчеркивая условность наименования и необходимость создания охранной зоны и комплексного исследования памятников.

Без систематического исследования невозможно представить себе историческое место этого действительно уникального комплекса, в том числе и в отношении проблемы даннической зависимости от Хазарии. Еще в XIX в. краеведы обратили внимание на название одного из городищ — «Козарское», что вызывало ассоциации с летописным обозначением хазар (*козаре*) и хазарским присутствием в регионе (см. Пряхин и др. 1997/1. С. 3)⁸⁷. Материалы раскопок немногочисленны: на городище Белогорское-1 обнаружена типично славянская «боршевская» керамика вместе с керамикой «смешанного славяно-салтовского облика» и собственно салтовская посуда. Есть она и на городище «Михайловский кордон» (Пряхин и др. 1997/2. С. 25; ср.: Винников 1995. С. 81–84; Винников, Синюк 2003. С. 175).

А.З. Винников (1995. С. 128–148) рассматривает славяно-хазарские отношения на Дону в широком контексте этнокультурного взаимодействия славянской и салтово-маяцкой культуры, включая проблему керамического производства, взаимовлияния в сфере домостроительства, торговли, отмечая, что сходные проблемы археологические источники позволяют ставить и в отношении Среднеднепровского региона. Действительно, на воронежских памятниках встречается волынцевская керамика (Винников, Синюк 2003. С. 224), характерная для той среднеднепровской культуры, которая развивалась в VIII — начале IX в. под непосредственным воздействием салтовской.

Можно ли говорить, вслед за арабскими авторами, о городах в степном и лесостепном регионе? С.А. Плетнева (Плетнева 2002) в работе о городах Хазарии (с характерным примечанием — «к постановке проблемы») выделяет несколько зон градообразования: под властью Хазарии стали возрождаться античные города Боспора — Фанагория, Таматарха (Самкерц), Керчь⁸⁸. Еще одну зону можно считать «контактной» — это был Дагестан со старыми «столицами» Хазарии Семендером и Беленджером, прямыми контактами с зоной влияния городских цивилизаций Ирана (Дербент) и Закавказья. Иной была ситуация в степи, где возникли укрепленные поселения на новом месте. С.А. Плетнева считает, что они должны были контролировать коммуникации — дороги, связывающие новую столицу Хазарии в дельте Волги Итиль и Дербент — поселения у ст. Шелковская и Некрасов-

⁸⁷ Заметим, что в славянской топонимике топонимы с основой «козар» весьма многочисленны (вплоть до Польши), но не свидетельствуют о хазарском расселении, а восходят к обозначению пастуха коз (Альтбауэр 1991. С. 13–14).

⁸⁸ Раннесредневековое поселение открыто и на территории Танаиса (Нидзельницкая, Ильященко 2007).

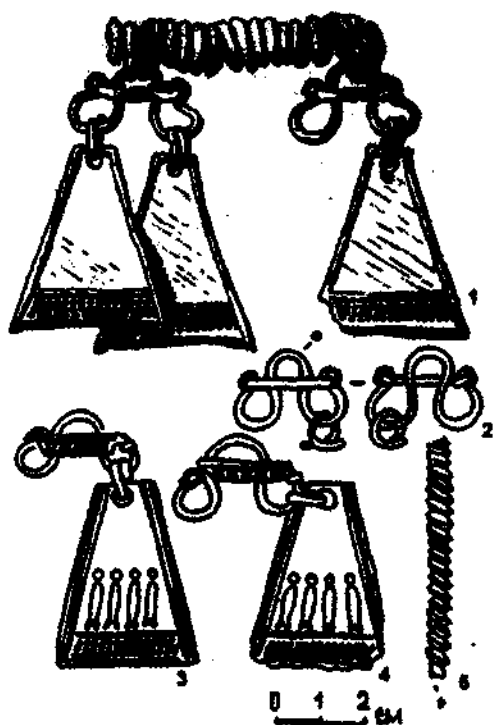

Рис. 10. Трапециевидные подвески из салтовских погребений (по: Аксенов, Лаптев 2009)

ская на Тереке (где, по Плетневой, могли находиться караван-сарай и таможи).

«Степные города» должны были контролировать домен кагана, простиравшийся от Итиля в дельте Волги до городов Нижнего Дона с Саркелом, Правобережного городища на противоположном берегу, городища Семикаракоры в низовьях Дона. Сеть поселений с белокаменной крепостью в Верхнем Салтове возникла западнее на Северском Донце. Эпонимическая для салтово-маяцкой культуры крепость в Верхнем Салтове ныне практически разрушена современным поселком. Между тем в некрополе — Верхнесалтовском могильнике обнаружен комплекс, проливающий дополнительный свет на хазаро-славянские отношения.

В одной из аланских катакомб могильника (№ 93) вместе с военным предводителем — всадником была похоронена женщина в типичном для смоленских длинных курганов уборе (венчике с трапециевидными подвесками; рис. 10 — Аксенов, Лаптев 2009). Неясно, была ли она пленницей салтовского командира, но она вынуждена была последовать за ним на тот свет, и совершавшие погребальный обряд помнили, что чужестранка могла быть опасной после смерти. Прошло время, и в погребальную камеру проникли люди, которые удалили коленные чашечки у костяка, уже лишенного мягких тканей, чтобы покойник «не ходил», нанося вред живым (ср. об отношении к смерти и «постпогребальных обрядах — в главе XI).

Среди важнейших памятников, свидетельствующих о хазаро-славянском взаимодействии — городище Битица на реке Псел (приток Днепра), центр волянцевской культуры в левобережье Днепра, с юртообразными

жилищами⁸⁹ и комплексами салтово-маяцкой культуры (Комар, Сухобочков 2000; Приймак 2007). В славяно-хазарском пограничье, подконтрольном Хазарии, расположена целая сеть городищ, включая Маяцкое поселение с элементами славянских домостроительных традиций (Плетнева 2002. С. 119–122).

Недавно открытое поселение IX в. со славянскими материалами в левобережье Северского Донца позволяет поставить вопрос о переселении не только алан, но и славян (вятичей) в Нижнее Подонье (Прокофьев 2007; см. также о схожей ситуации в районе Верхнего Салтова и на городище Мохнач — Колода 2007). Исследование славянских памятников в этом хазарском регионе заставляет по-иному рассмотреть вопрос о славянах, которых пленил в Хазарии «на реке славян» арабский полководец Марван в 737 г.: едва ли он добирался до племен именьковской культуры на Самарской Луке Волги (ср. Кляшторный, Савинов 2005. С. 68–72), да и Дон больше подходит для того, чтобы именоваться «рекой славян» (ср.: Джаксон и др. 2007. С. 158–163).

Восточные источники ориентированы на описательные принципы арабской географической школы с упоминанием диковинок быта и т. п. (Новосельцев 1990. С. 122–134). Едва ли не единственным «историческим фактом», связанным с городским строительством и данным в некоем историческом контексте, оказывается упоминание Саркела Константином Багрянородным. Саркел был построен византийцами по просьбе правительства Хазарии — хакана и бека при императоре Феофиле в 840 г. Этот факт «оброс» массой историографических конструкций, продолжающих дискурс Константина: исследователи гадают, против кого была построена крепость на Дону, опираясь на геополитическую ситуацию в Причерноморье, описанную византийским императором в его трактате. Более того, эта крепость вписывалась в целую сеть крепостей хазарского времени в бассейне Дона. Оборонительная система должна была быть направлена против массивной угрозы, каковую исследователи усматривали в славянах, угнетаемых хазарами (С.А. Плетнева), или, по большей части, в венграх (М.И. Артамонов и др.), которые рвались из-под контроля Хазарии на Запад.

Неясность ситуации и, главное, недостаточная исследованность хазарских поселений (сам Саркел не был раскопан целиком; в рамках «Хазарско-

---

⁸⁹ Можно относить это поселение к тем городам, что «выросли из стойбищ» хазарских аристократов (ср.: Плетнева 2002. С. 123). Ср.: к сходным проблемам в связи с соотношением «аула и града» в дунайской Болгарии (Рашев 1994).

го проекта»⁹⁰ продолжаются спасательные работы на гибнущем Правобережном Цимлянском городище напротив затопленного Саркела — Флёров, Петрухин 2004) способствуют умножению квазинаучных построений, основанных на недобросовестном изложении взятых из вторых рук текстов средневековых авторов и произвольном толковании данных археологии и этнической ономастики (см. Галкина 2002; отрицательная рецензия — Мишин 2003).

Е.С. Галкина, стремящаяся поведать широкому читателю о «тайне Русского каганата», приписывает этому историографическому фантому салтово-маяцкую культуру⁹¹. Она опирается при этом на полемическую статью Г.Е. Афанасьева (Афанасьев 2001), отрицающего интерпретацию салтово-маяцкой культуры как государственной культуры Хазарского каганата. Статья не дает, однако, ответа на главный вопрос: почему выделяется эта культура, какие коммуникации (кроме государственных) оказываются в основе ее целостности, если в этническом отношении эта культура явно гетерогенна? Галкину не интересуют эти проблемы: все сводится к гипертрофии аланского компонента салтово-маяцкой культуры и поискам историографических конструкций, которые позволили бы соотнести эту культуру с изначальной русью.

Такие конструкции обнаруживаются без труда, ибо они были разражированы энтузиастами исконных корней руси в Восточной Европе: в 1950-е гг. Д.Т. Березовец считал принадлежавшими руси памятники VIII–IX вв. на правобережье Среднего Днепра. Надо отдать должное украинскому археологу — у него были основания предполагать славянские (в его понимании — древнерусские) основы правобережной волынцевской культуры, ибо эта культура была предшественницей северянской роменской, хотя и развивалась под прямым воздействием салтово-маяцкой культуры. Уже говорилось, что изначальную славянскую русь стремился соотнести с волынцевской культурой и В.В. Седов, посчитавший её ареал «Русским каганатом».

В действительности, ареал этой культуры, сочетавшей славянские и хазарские традиции, соотносится с областью летописной хазарской дани с северян (ср.: Петрухин 2005. С. 70–71), но Галкина игнорирует летопись и не может принять концепцию славянской принадлежности исконной руси, ведь цитируемые ею восточные источники противопоставляют славян и

⁹⁰ См. о проекте: Восточная коллекция, лето 2006; Флёров, Петрухин 2004.

⁹¹ См. обсуждение проблемы в журнале «Славяноведение» (2004, № 4); Петрухин 2004.

русь. Здесь и пригодились аланы как носители салтово-маяцкой культуры. Эта конструкция также имеет давние традиции — сама Галкина указывает на их истоки в отечественной историографии, определившие историографические схемы М.В. Ломоносова и его последователей: это средневековый «учебник» русской истории «Синописис». Русь возводится там к сарматам, точнее к сарматскому народу *роксоланы*, «аки бы Росси и Аланы» (Галкина 2002. С. 238). Эта конструкция воспроизводит польскую средневековую этимологическую схему, возводящую поляков к сарматам (об этой схеме шла речь во Введении). Те же средневековые этимологические приёмы наследует Галкина — роксоланы, росомоны для неё все равно что русь: у неё есть непосредственный предшественник, имя которого Галкина упоминает вскользь, ввиду его одиозности даже для науки XIX в. Это Д.И. Иловайский — для простоты ассоциаций он переименовал роксоланов в роксаланов и даже гуннов считал славянами⁹², ведь они тоже создали целую империю (Иловайский 1996. С. 70 и сл.).

Вновь явленная «тайна Русского каганата» сводится к исконности этого государства, которое неведомо как стало славянским, но противостояло Хазарскому каганату. Последнему автор «тайны» отводит роль, определенную Б.А. Рыбаковым в эпоху борьбы с космополитизмом (рубеж 40–50-х гг. XX в.), небольшое объединение в Дагестане и дельте Волги достигало Дона, но на Дону господствовал аланский Русский каганат. Его столицей Галкина назначает Верхний Салтов — недостаточно исследованную и ныне гибнущую в процессе строительства современного поселка крепость⁹³.

Правобережное Цимлянское городище и белокаменные крепости в бассейне Дона строятся, чтобы защитить Русский каганат от Хазарии и т. д. и т. п. Формирование сети поселений в интересующем Галкину регионе представляется в современной науке совершенно иначе (см. из последних обзоров — Тортика 2006), никаких соответствий конструкции Русского каганата в источниках нет (Мишин 2003). Проблема переселения аланов с Северного Кавказа в бассейн Дона не решается сейчас однозначно как результат приказа хазарского кагана, но фиксируется появление хазарских юртообразных жилищ на аланских поселениях Северного Кавказа (Аржанцева 2007).

⁹² Предшественником подобного рода историографических конструкций можно считать романтического предтечу славянофилов Ю.И. Венелина (первая треть XIX в.), относившего к славянам не только гуннов и протоболгар, но и этрусков.

⁹³ Исследователи Салтова считают его форпостом Хазарского каганата на западе (ср.: Аксенов 2006).

Рис. 11. • — каменные или кирпичные крепости и города;
 ◦ — городища с земляными валами (по: Комар, Сухобоков 2000)

Начало IX в. было эпохой укрепления каганата: строительство крепостей отмечало возросшие возможности усилившегося Хазарского государства. Главным возмущающим фактором был конфликт венгров с наступающими с востока печенегами. Передвижение венгров в 830-е гг. традиционно считается связанным со временем строительства Саркела: их вмешательство в конфликт Византии и Болгарии на Дунае заставляло греков обеспокоиться укреплением позиций сюзерена венгров — Хазарии — в их тылу. Не менее примечателен и тот факт, что в это же время — в 838 г., согласно Бертинским анналам, *русь* впервые прорывается к Константинополю и в Западную Европу. Русское посольство оказывается в столице франков на Рейне, но не может вернуться прежним путем через Константинополь в Восточную Европу, ибо дикие племена (венгры? — см. выше) преграждают им дорогу.

Речные пути в IX в. пребывали под властью хазар: Ибн Хордадбех сообщает, что хакан брал с купцов *ар-рус* десятину (таможенную пошлину) в своей столице Итиле, в дельте Волги.

С.А. Плетнева считала, что Саркел стоял на караванном пути, ведущем через столицу Хазарии вглубь Восточной Европы, то есть контролировал перекресток коммуникаций — брод через Дон, речные и степные дороги (ср.: Артамонов 1962. С. 299–300). Понимание исторических судеб этого транспортного узла зависит от хронологического соотношения Саркела и Правобережного Цимлянского городища (основанного на рубеже VIII и IX вв.? — Флёров 2011. С. 65 и сл.), но можно заметить, что на главных речных магистралях поселенческая сеть развивалась на перевозах — по обоим

берегам рек. Таковы Итиль на Волге (разделенный на собственно Итиль и Восточный Хазаран с перевозом — понтонным мостом), Верхний Салтов на Северском Донце и селище на противоположном берегу (ниже расположен комплекс памятников с характерным названием «Каганский перевоз» — Плетнева 2000. С. 26) и крайний западный пункт, контролируемый Хазарией в Среднем Поднепровье, — Киев на правом берегу Днепра.

Интересно, что память об этом пограничном положении Киева сохранила как древнерусская киевская легенда, именующая основателя города Кия перевозчиком, так и еврейско-хазарская традиция, ибо, согласно Константину Багрянородному, киевская крепость и в середине X в. именовалась *Самватас* — именем пограничной реки талмудических легенд. На киевском правобережье Днепра есть анклав памятников вольтынецкой культуры, распространенной на территории Среднего Поднепровья, с которой брали дань хазары (Петрухин 2002). Продолжается дискуссия о происхождении имени Киев: иранская этимология имени Киев была предложена О. Прицаком (Голб, Прицак 2003. С. 75–77) и подвергнута критике (О.Н. Трубачев и др.). С.Г. Кляшторный предложил тюркскую этимологию, опираясь на ранние формы наименования *Куйаба*, *Киоава* в арабском и греческом (Кляшторный 2009). Аппелятив *аба / оба* — поселение, при том, что в древних тюркских языках *qij* означало «предградье, посад» (Nagrodzka-Majchrzyk 1978. P. 24; ср.: СГТЯ: 493–494).

В целом археологическая характеристика славянских культур Среднего Поднепровья, а также верховьев Дона и Оки соответствует данным письменных источников — русской летописи и письма Иосифа о даннических отношениях между славянами и Хазарией (см. обзор литературы — Тортика 2006. С. 365 и сл.). Культуры славянских данников Хазарии как в Среднем Поднепровье, так и в бассейнах Верхнего Дона и Оки оказываются связанными единными этнокультурными импульсами, как внутренними, так и внешними (салтовскими — хазарскими). На севере развитие культур варяжских данников также было взаимосвязанным: словене (культура сопок) и кривичи (культура длинных курганов) расселялись с ориентацией на разные ландшафтные зоны и соответствующие традиции землепользования. Заметим при этом, что кривичи, подчинившиеся призванным варяжским князьям, занимали верховья Днепра и Волги, хазары контролировали среднее течение и устье этих рек.

Таким образом, в Хазарии формировалась сеть поселений, призванная контролировать не только речные магистрали, но и пути, ведущие с востока на запад. Можно ли считать хазарские крепости городами? Сеть

хазарских крепостей была «подключена» к тем поселениям, которые, безусловно, были древними городами. Таковы таманские Фанагория и Таматарха (Плетнева 2002). Как уже говорилось, городами (*медина*) с точки зрения восточных географов были кавказские Семендер и Беленджер, равно как и столица, Итиль (описание которой, как заметил Бейлис, близко описанию Семендера). Но бедность культурного слоя хазарских крепостей следами «городской» деятельности — ремесла и торговли на «посаде» — заставляет сводить их значение к функциям таможен и караван-сараев (С.А. Плетнева), ставить под сомнение их городской статус (Флёров 2011; см. дальнейшее обсуждение проблемы в послесловии Петрухина, а также Колода 2009).

Можно заметить, что стереотип Хазарии как «торговой державы» с ее таможенными пунктами основывается как на традиционном представлении о роли евреев-торговцев в раннесредневековом мире, отчасти — на данных Ибн Хордадбеха о десятине, которую брал в своей столице хахан с купцов, называемых *ар-рус* (десятину брал с них и император ромеев). Вариантами того же стереотипа можно считать упомянутую интерпретацию Хазарии Б.А. Рыбаковым как мелкого паразитического ханства и отчасти — историографическую конструкцию о функционирующем чуть ли не с VIII в. пути из «немец в хазары» (А.В. Назаренко). Между тем еврейские общины Европы практически ничего не знали о Хазарии, о чем свидетельствует письмо Хасдая Ибн Шапрута в 60-е годы X в.: его эмиссары и открыли маршрут в Хазарию через Европу, Русь и Волжскую Болгарию. В IX в. еврейские купцы — *ар-разанийа*, естественно, обходили европейские пути — на них свирепствовали венгры (Ибн Хордадбех 1986. С. 123). С походами венгров можно увязать выпадение дирхемов, в том числе хазарских подражаний арабскому чекану, в Средней Европе в X в. (ср.: Фомин 1988. С. 196). Ибн Шапрут услышал об иудейском царстве хазар от хорасанских (иранских) купцов, но поверил лишь официальным послам из Византии, которые рассказали о купцах из Хазарии, привозящих на своих кораблях «рыбу, кожи и другие товары» (Коковцов 1932. С. 63–64).

Между тем с рубежа VIII и IX вв., по окончании арабо-хазарских войн, восточноевропейские речные пути стали трансконтинентальными: восточное серебро достигало по ним Скандинавии, что демонстрируют клады дирхемов (Т. Нуан). Хазария контролировала главные торговые пути — Волгу, Дон и Днепр, но, как уже отмечалось, парадоксальным образом клады практически не «выпадали» на ее территории. Византийские монеты, обнаруженные на территории каганата, также не являются прямым свидетель-

ством торговли — как и Римская империя, Византия выплачивала деньги федератам, состав кладов свидетельствует о связи распространения монет с военными, а не торговыми операциями (ср.: Круглов 2002). Периферия раннесредневековых цивилизаций в Восточной и Северной Европе не нуждалась в денежном (монетном) обращении: хазарский чекан, судя по относительно малочисленным подражаниям дирхемам, был «престижным» (как и древнерусский при Владимире — Ярославе).

Хазария нуждалась в «богатстве» — серебре: недаром и в Скандинавии эпоху викингов называют «серебряным веком», многочисленные украшения производятся из ввозимого серебра. Те же процессы происходят в Хазарии: многочисленные серебряные украшения поясов, узды и т. п. известны из материалов могильников, но не из кладов (хотя такие украшения входят в состав кладов Восточной и даже Северной Европы). Концентрация таких богатств известна, в частности, в районе Верхнего Салтова (ср.: Аксенов 2006): очевидно, что там происходило перераспределение серебра.

Напомним, что доминантной функцией города с точки зрения классической политэкономии является перераспределение прибавочного продукта, и концентрация серебра вокруг центров, не претендующих на развитые торгово-ремесленные функции, как в Хазарии, так и в становящемся государстве Руси (Ладога, «Рюриково», Гнёздово и др.), свидетельствует о становлении городской сети.

Распределение серебра в Восточной Европе и колебания рынка в IX в. позволяют обнаруживать конфликты, не отмеченные прямо письменными источниками. Интересно, что единичные монеты, демонстрирующие выбор веры, — куфические дирхемы с легендой «Муса расул Алла» / «Моисей — посланник Божий», обнаруженные на Готланде (Г. Рисплинг, см. Kovalev 2005, рис. 13), датируются концом 830-х гг. — временем, когда велись переговоры о строительстве Саркела и происходил конфликт с болгарами и венграми на дунайской границе Византии (тогда же русские послы

Рис. 13. Дирхемы с легендой «Муса расуль алла» (по: Kovalev 2005)

впервые появились в Константинополе). Следует отметить, что ранние клады восточного серебра выпадают на границах Хазарии, в землях хазарских данников — славян, у северян и вятичей, в районе перехода из бассейна Дона в бассейн Оки (Кропоткин 1978. С. 112). Очевидно, что хазары должны были делиться с данниками, допуская их к распределению поступающих монет. Русь уже в середине X в., по данным Константина Багрянородного, платила славянам-данникам за поставляемые лодки: клады восточного серебра распространяются на речных коммуникациях севера Восточной Европы значительно раньше, с начала IX в.

Ранние клады неизвестны в киевском Правобережье. Киев стал центром концентрации монет в X в., когда там обосновались пришедшие с севера русские князья. Это вторжение, согласно Начальной русской летописи («Повесть временных лет»), сопровождалось присвоением хазарской дани с полян, северян и радимичей. Русь не могла атаковать хазар на главных магистралях Хазарии — на Дону и Волге: она смогла прорваться к мировым рынкам в обход, по западной пограничной реке Днепру, в том регионе, который контролировали венгры, находившиеся в сложных отношениях с бывшим сюзереном — Хазарией. Уже говорилось, что русь смогла обосноваться в Среднем Поднепровье тогда, когда венгры уходили в походы на запад: в 860-е гг. Киев был захвачен русью Аскольда и Дира. В 882 г., когда венгры с союзными каварами дошли до Вены, Вещий Олег утвердился в Среднем Поднепровье (см. о Руси как посреднике при распространении венгерских древностей в Скандинавии — Hedenstierna-Jonson 2009). Источники не сообщают о реакции хазар на вторжение Олега, но Т. Нунан показал, что в последней четверти IX в. восточная монета не поступает в Восточную и Северную Европу. Кризис может быть объяснен хазарской блокадой Руси: монета вновь начинает поступать в Европу в начале X в., когда устанавливается связь с Волжской Болгарией и рынок наполняется монетой среднеазиатского саманидского чекана (в обход Хазарии).

Известны попытки реконструировать путь из Киева в Болгар (Б.А. Рыбаков, А.П. Моця, А.Х. Халиков), очевидно, что им воспользовались послы Хасдая ибн Шапрута в начале 960-х гг., а вслед за ними в 965 г. — князь Святослав. Русь уже не зависела от речных коммуникаций, но смогла выйти на Волгу, в «тыл» Хазарии. Удар был нанесен по хазарскому «граду» — столице Итилю (?), за ним последовали Тамань и аланские регионы — Северный Кавказ и бассейн Дона.

Вероятные свидетельства военного разгрома и присутствия дружины Святослава обнаруживаются на городищах в бассейне Десны и в Белой Веже

§ 3. Хазария, Русь и славяне: контроль над международными коммуникациями

(Петрухин 1995. С. 103). Комплексы (клады), отражающие присутствие славянских скандинавских и хазарских древностей, известны в бассейне Оки (Зарайский клад — Макарова 2005, Супруты — Мурашева 2008а). На городище Самосделка в дельте Волги исследуется мощный культурный слой, в котором присутствуют следы пожара, но нет характерных вещей, которые оставляли войны Святослава на местах походов, в том числе — в дунайской Болгарии (Йотов 2003). Нет их и в хазарской Таматархе, разрушенной пожаром во второй половине X в. (ср.: Чхаидзе 2008. С. 285).

Глава IV

Легенда о призвании варягов

Древнерусское летописное «сказание» (легенда) о призвании варяжских князей оставалось в центре внимания отечественной историографии на протяжении тысячелетнего ее развития, несмотря на смену идеологий и даже общественных формаций. Особое значение сказание приобретало в периоды идеологических кризисов: начало Русского государства следовало привести в соответствие с его настоящим. Эта потребность привела к трансформации летописного сказания и созданию «Сказания о князьях владимирских», в котором неизвестный Европе Рюрик должен был стать потомком Августа, в эпоху сложения централизованного государства. Его варяжское (скандинавское) происхождение не устраивало власти в эпоху борьбы Российской империи за господство на Балтике, что породило «анти-норманизм», утверждение о славянском этносе варягов и т. п. (см. Введение).

Западники и славянофилы, в зависимости от собственных представлений о путях развития России, готовы были ассоциировать призвание варягов с исконной необходимостью европейских преобразований или с незыблемой привязанностью к славянским и православно-византийским корням: тогда главным было обоснование славянского происхождения варягов и призванных князей. Господство марксистских схем в советской историографии приводило к утверждению о приоритете «автохтонных» начал (базиса) в развитии государственности, формированию феодальных отношений в Восточной Европе в VIII в. (до призвания варягов)⁹⁴ и т. п.

---

⁹⁴ Рассуждения об исчезновении племенных традиций у восточных славян в эпоху расселения, формирования предгосударственных общностей — союзов племен (в советской историографии), образований вроде балканских «Славиний», вождеств, о появлении бигменов (в терминах социальной антропологии) и т. п. (ср.: Горский 2004. С. 20–35; Шинаков 2002. С. 138 и сл.; Curta 2001) продолжают носить преимущественно риторический характер. См. недав-

В шовинистической идеологии послевоенного периода летописное сказание стало ассоциироваться с нацистскими идеями о неспособности славянской «расы» к самостоятельному развитию. Сам летописный текст воспринимался как чуждый «патриотической» русской летописи, свидетельствующей об исконно славянских (киевских) истоках государственности. Еще в 1980-90-х гг. Б.А. Рыбаков утверждал, что «чья-то рука изъяла из «Повести временных лет» самые интересные страницы (об исконной славянской руси. — В. П.) и заменила их новгородской легендой о призвании князей-варягов» (Рыбаков 1982. С. 142).

Эта «рука» принадлежала редактору князя Мстислава / Харальда, сына английской принцессы Гиды Харальдовны (и Владимира Мономаха) и мужа шведской принцессы Кристины, связанного с варягами (см. о скандинавских связях Мстислава — Литвина, Успенский 2006. С. 341–342). Действительно, в тексте варяжской легенды ПВЛ очевидны англо-саксонские мотивы: под 862 г. рассказывается об изгнании варягов, берущих дань «на словѣнх, на мери и на всѣхъ кривичѣхъ» за море, усобицах, начавшихся у племен, ставших «сами в собѣ володѣти» и решении поискать себе князя, «иже бы володѣль нами и судиль по праву» — «рядил по ряду по праву» (добавлено в ипатьевском списке ПВЛ: ПСРЛ, т. II, стб. 14).

Послы отправились «за море к варягомъ, к руси». Далее ПВЛ дает комментарий, соответствующий космографическому введению, характеризующему варяжские народы (см. главу II): «сице бо ся звазху тѣи варязи русь, яко се друзии зъвуться свие, друзии же урмани, ангългяне, друзии гѣте (готландцы. — В. П.), тако и си» (ПВЛ. С. 13). Англы включены здесь в число варяжских народов, что соответствует ситуации XI в. (после датского и норманнского завоевания Англии), но этого космографического мотива нет как раз в Новгородской летописи: там послы от словен, кривичей, мери и чуди идут за море к варягам, не именуемым в тексте самого призвания русью. Сторонники неваряжского происхождения руси считают (вслед за А.А. Шахматовым) новгородскую версию исконной, игнорируя контекст новгородской версии легенды, которая завершается утверждением «от тѣхъ Варягъ, находникъ тѣхъ, прозвашася Русь» (НПЛ. С. 106).

Новгородский летописец, сосредоточившийся на исторический судьбах Новгорода и Киева и изъявший космографическое введение, сокращал

ний историографический обзор: Алимов 2008. Заметим, что термин «племя» относится к «естественному» русскому (и древнерусскому) языку, и значение его связано с доминантой кровнородственных отношений над государственными (в историческом контексте). В этом смысле его употребление в историографии едва ли может вызвать возражения.

текст предшествующего свода (первой редакции «Повести временных лет»). Он стремился разделить судьбы вечаемого Новгорода и княжеской «киевской» Руси, но не мог игнорировать варяжского происхождения имени *русь* и предполагал даже варяжское происхождение самих новгородцев (см. далее § 2). Он не удалил, однако, еще один «англо-саксонский» мотив из текста призвания, который звучит одинаково в разных редакциях легенды: послы говорят призываемым князьям — «земля наша велика и обильна, а наряда у нас нѣту» (НПЛ. С. 106). ПВЛ вторит: «а наряда в ней нѣтъ» (ПВЛ. С. 13).

Еще К. Тиандер в специальном исследовании показал, что слова о великой и обильной земле находят полное соответствие в легенде о призвании саксов бриттами (в V в.) у хрониста Видукинда Корвейского (Видукинд; 69, 128; Тиандер 1915). Впитала ли русская княжеская традиция англо-саксонский мотив, занесенный свойственниками из Англии, или мы имеем дело с «общим местом» в эпическом наследии формирующихся государств раннего средневековья (ср.: Петрухин 2008), — не суть важно для понимания варяжской легенды, ибо легенда опиралась все же на местные традиции.

Об автохтонистских («примордиальных») конструкциях в историографии славянского (славяно-русского) этногенеза уже говорилось во Введении и главах I и III: они восходят к подходам, сформировавшимся в науке XIX в., поискам «прародины» (Urheimat) народа в этнической истории, поискам «пратекста» (Urtext) в источниковедении.

Развитие исторической и филологической науки, в области славяно-русских исследований, прежде всего, массовый археологический материал требовали осмысления источников вне сложившихся или навязываемых официозных тенденций и стереотипов.

Осознание этих требований привело уже в 1970-е гг. к инициативе по изданию зарубежных источников по истории народов СССР, в том числе скандинавских, призванных пролить свет на русско-скандинавские отношения. Инициатор этого направления в историографии В.Т. Пашуто охарактеризовал призвание варягов как результат договорных отношений между предгосударственной конфедерацией племен севера Восточной Европы и дружинами варягов: договор — «ряд», по которому призванные князья должны были подчиняться законам (правде) призывающих племен, стал основой развития русской государственности (Пашуто 1965. С. 86; Пашуто 1974. С. 103, 110)⁹⁵.

⁹⁵ О подчинении варягов вечаемому порядку славян писал еще «норманист» Н.А. Полевой (1829) — ср. обзор историографии: Вилкул 2009. С. 19 и сл.

§ 1. Призвание варягов: историко-археологический контекст

К близким заключениям пришел тогда же В.Л. Янин, усмотревший в призвании варягов победу исконной (родоплеменной) вечевой традиции над амбициями агрессивной княжеской власти. Это заключение основывалось на археологическом исследовании культуры Новгорода: ее самобытность была очевидной (см. переиздание работ — Янин 2004. С. 11–12). Параллельно археологические источники по «норманнской проблеме» исследовались на семинарах при кафедрах археологии ЛГУ (рук. Л.С. Клейн) и МГУ (Д.А. Авдусин) (см. Клейн 2008). Уже в 1990-е гг., когда стало возможно открытое обсуждение спорных проблем русской истории, Е.А. Мельникова и автор опубликовали работы, посвященные проблемам договора («ряда») в становлении государственности и месту легенды о призвании варягов в формировании древнерусской историографии (Мельникова, Петрухин 1991; 1995; Мельникова 2011).

§ 1. Призвание варягов: историко-археологический контекст

За прошедшее десятилетие появились принципиально новые исследования упомянутых в варяжской легенде древнейших русских городов — Новгорода (Городища) (Янин 2001; Носов, Горюнова, Плохов 2005), Ладоги⁹⁶, Белозера (Захаров 2004) и Изборска (Седов 2007), а также Гнёздова и Киева, без учета которых трудно представить начальное развитие городской сети и государственности (см. главу VII). Расширились исследования скандинавских древностей в бассейне Балтийского моря, в том числе в славянском мире (работы И. Янссона, В. Дучко и др.)⁹⁷. По-новому стали интерпретировать отношения внутри собственно славянского мира, в том числе между славянами севера Восточной Европы (словенами) и балтийскими славянами (А.А. Зализняк, В.Л. Янин, ср. в главе III). Особое значение приобретают данные нумизматики, позволяющие представить циркуляцию ценностей в формирующейся городской сети (работы Т. Нунана, Р. Ковалева, А. Фомина и др.). Систематизированы новые данные по памятникам рунической пись-

⁹⁶ См.: Ладога и ее соседи в эпоху средневековья (СПб., 2002); Старая Ладога — древняя столица Руси: каталог выставки (СПб., 2003).

⁹⁷ Cultural Interaction between East and West (Stockholm 2007), там же — список работ И. Янссона; Duczko W. Viking Rus: Studies on the Presence of Scandinavians in Eastern Europe (Leiden, Boston, 2004).

менности, ранней картографии (Е.А. Мельникова), значительно расширившие источниковую базу «варяжской» проблемы.

Наряду с этим введением в научный оборот новых данных сформировалась тенденция к реанимации традиционного антинорманизма — включающая как тиражирование без научного комментария работ Д.И. Иловайского и С.А. Гедеонова, так и составление эпигонских сочинений, пытающихся подменить исторический анализ старыми догадками о происхождении названий «русь» и «варяги» конструкциями вроде «Русского каганата» — варианта Приазовской Руси Иловайского и т. п.⁹⁸ Эти казусы современной историографии получили своевременную оценку в научной литературе⁹⁹.

Собственно сюжет легенды о призвании князей в научной литературе интенсивно обсуждается в связи с традиционной проблемой: насколько книжная легенда (и разные ее варианты), зафиксированная на рубеже XI и XII вв., соотносится с историческими реалиями IX в. Принципиальное соответствие мотивов варяжской легенды исторической ситуации IX в. не вызывает сомнения у исследователей, знакомых с источниками. Ясно, что разноплеменное население, концентрирующееся в городских («предгородских») пунктах на трансконтинентальных водных путях, прежде всего в Новгороде и Ладоге, должно было договариваться с дружинами скандинавов, идущими на ладьях по этим путям. Исследователей интересует, где состоялся договор и сел вначале призванный князь — в Ладоге (как говорит «ладожский вариант легенды в Ипатьевском списке «Повести временных лет»), или в Новгороде (на чем настаивает Новгородская первая летопись, отражающая «начальный» летописный свод)? Была ли Ладога «первой столицей Руси» и что в этот период представляла собой Русь?

Вторая и более существенная для понимания начальной истории Руси проблема — хронологическая: материалы Ладоги и Городища содержат синхронные летописным датировкам древности середины — второй половины IX в., но схожих скандинавских древностей нет ни в Изборске, ни в Белоозере. Более того, в гнёздовских курганах и в Киевском некрополе скандинавские дружинные древности относятся к X в. Хронологический разрыв между дружинными древностями севера и юга Руси «совпадал» с теми периодами княжения Рюрика и Олега (Игоря), которые были лишены точных

⁹⁸ См. во Введении. Ср. также: «Антинорманизм»: Сборник Русского исторического общества. М., 2003.

⁹⁹ Котляр Н.Ф. В тоске по утраченному времени: Рецензия на Сборник Русского исторического общества «Антинорманизм» // Средневековая Русь. Вып. 7; Мельникова 2009; Мишин Д.Е. Рец. на кн.: Галкина Е.С. Тайны русского каганата. М., 2002 // Славяноведение. 2003. № 4.

§ 1. Призвание варягов: историко-археологический контекст

дат и определенных «событий», что провоцировало на прямолинейные конструкции по-новому датированных исторических событий («деконструкции» летописной истории).

Недавним энтузиастом такой «перестройки» древнерусской истории выступил К. Цукерман (Цукерман 2007). Если варяжская русь обосновалась на днепровском пути лишь к X в., значит, призвание должно было состояться незадолго до рубежа IX и X столетий, а достоверные даты княжения Игоря (поход 941 г. на греков) приближаются ко времени начала династии. Цукерман не отрицает последовательности событий, описанных в летописи: более того, он причисляет к своим заслугам сопоставление летописных данных с нумизматическими. К. Цукерман считает, что кризис в поступлении восточного серебра в Европу, который Т. Нунан датировал последней четвертью IX в., отражает летописное известие об изгнании варягов, собиравших дань со славян, за море (в летописной датировке — 862 г.; мотив, предшествующий призванию). Летопись не оставляла данникам времени на раздумье — изгнание варягов описывается в той же статье, что и призвание (правда, введение дат в летописное повествование разбивало более ранний текст, и летописец обозначил «пустыми годами» время, которое прошло между рассказом о варяжской и хазарской дани с восточноевропейских племен — под 859 г.). Цукерман (признавая за варягами монополию на доставку серебра в Европу?) уделяет размышлениям о призвании четверть века.

Уже говорилось, что для рассматриваемого сюжета существенно наблюдение В.М. Потина, высказанное во время первого обсуждения варяжской проблемы в советской историографии в 1970-е гг. Потин отмечал спад поступления восточного серебра в Скандинавию в 850-х гг. (Потин 1970. С. 68–69), что «не соответствует» летописным данным о варяжской дани, зато в 860–870-е гг. приток серебра усиливается, и это напрямую ассоциируется с «призванием варягов» (Noonan 1994. P. 3, 226).

Отнесение последующего кризиса в поступлении монеты к изгнанию варягов ставит перед К. Цукерманом еще одну проблему. Летопись напрямую увязывает призвание князей с последующим в 866 г. первым походом руси на Царьград, в действительности поход имел место в 860-м, но при условности ранних летописных датировок разница незначительна: к 860 г. у руси достало сил отправить значительную флотилию (200 ладей) на саму столицу Византии. Кто мог организовать такую экспедицию, если до формирования государственности, озаменованного актом призвания, дело не дошло?

К. Цукерман обращается к пресловутому Русскому каганату, историографическому предшественнику Русской земли первых Рюриковичей. Не-

внятность этого историографического фантома заставляет К. Цукермана апеллировать к некоей традиции: не он «открыл» Русский каганат (Цукерман 2007. С. 343). Впрочем, не всякая традиция его устраивает, в том числе и конструкция главного энтузиаста Русского каганата в современной историографии — В.В. Седова, которому французский исследователь приписывает утверждение о существовании Русского каганата в Среднем Поволжье, в то время как Седов настаивал на его локализации на Среднем Днепре в ареале волынцевской (а не поволжской — именьковской) культуры.

Действительно, здесь не место вдаваться в историографические поиски истоков Русского каганата (никаким источникам он не известен, в отличие от титула каган, на который претендовали русские князья, — см. в главе 3) и поминать «Русское каганство» Иловайского, но концепция одного из историографов явно повлияла и на построения К. Цукермана, и на убеждения его непосредственного предшественника по «перестройке» русской истории в 1990-х гг. (Прицак 1991). Г.В. Вернадский придавал особое значение Русскому каганату в Приазовье, правда, он основывал свои датировки сего «политического образования», как и Цукерман, исходя из общих соображений, и датировал его конец (839 г. — Вернадский 1996. С. 270) тем временем, к которому Цукерман относит его начало. «Перестройка» последующей русской хронологии носит у Вернадского шадящий характер: он исходит лишь из шестилетнего запаздывания летописи (датировка похода 860 г. 866-м в летописи). Радикальный характер носит «перестройка» у О. Прицака, который передатирует правление Олега и Игоря, а Русский каганат помещает не в Приазовье (как у Вернадского), а в Верхнем Поволжье¹⁰⁰. Какие основания есть у этого калейдоскопа мнений?

Увы, общим основанием является поверхностное совпадение дат и имен: в первую очередь, совпадение имени некоего «царя (*мелех*) Руси» Хельгу еврейского Кембриджского документа с именем вещего Олега русской летописи. Хельгу вступил в конфликт с Хазарией и Византией в правление Романа Лакапина — Новгородская первая летопись (НПЛ) датирует поход на греков 920 г. Олега НПЛ отправляет на греков еще позже — в 922 г. Значит, Олег не умер в 912 г. (как рассказывала ПВЛ), а правил позднее и погиб за морем после неудачного похода (941 г.) на Царьград, отступив куда-то в сторону Персии (по Кембриджскому документу). Уже указывалось, что начальные даты НПЛ столь же условны, как и даты ПВЛ: они основывались на одних

¹⁰⁰ Обзор и критику этих построений содержит недавняя монография: Тортика 2006. С. 191 и сл.

§ 1. Призвание варягов: историко-археологический контекст

и тех же известных летописцам из греческого хронографа данных — датах правления императоров (концом правления Михаила III был датирован поход 866 г., началом правления Романа — поход 920 г.). Вещий Олег не погиб за морем, так как могила его была хорошо известна в Киеве (не только ПВЛ) (Петрухин 2011. С. 119–126).

Совпадение имен и дат в этой традиции — рецидив подхода «исторической школы»: начальную русскую историю характеризует особая концентрация таких совпадений и историографических штампов, привлекаемых (с первой трети XIX в.) для тех или иных конструкций: Рюрик, призванный в Новгород, и Рорик Фрисландский¹⁰¹; Гостомысл новгородской книжной традиции и Гостомысл — правитель полабских славян вдохновляет на реконструкцию древнейшего фольклорного героя, благодаря чему сказание о князьях владимирских не только «фольклоризируется», но и становится старше древнейших летописных сводов: «устная история» древнее книжной традиции (Азбелев 2007).

Отождествление Олега и Хельгу дает возможности для конструкций все новых датировок: по Прицаку, Олега вообще не было в Киеве и он сгинул между 920 и 928 гг. в каспийском походе, правда, не отступая из Царьграда. По Цукерману, он заключал договор 911 г. (не ходя для этого в поход) и правил в Киеве до злополучного похода в Византию 941 г. Тридцатилетнее правление киевское Олега исследователь переносит с 882–912 гг. на 911–941... Датировка должна соответствовать археологическим данным — времени дружинных погребений киевского некрополя.

Соответственно скандинавские материалы Ладоги и Новгородского Городища должны относиться к центрам Русского каганата в Поволховье, на роль столицы, все же, претендует в построении Цукермана Городище. Здесь «суммарный» подход к источникам дает очередной сбой: утверждать, что присутствие скандинавов «прекрасно засвидетельствовано в Поволховье именно в 830–860-е гг.» (Цукерман 2007. С. 349), можно в отношении Ладоги, где скандинавские материалы характеризуют слои города с эпохи формирования — 760-х гг. Но скандинавские комплексы первой половины IX в. на Городище практически не выявлены (Носов 1990. С. 147–149; Янссон 1999. С. 36–37). Суммарные датировки удобны для «перестройки» русской истории потому, что исследователи давно обратили внимание на особый период в жизни Городища, связанный с концентрацией древностей и сере-

¹⁰¹ Совпадение имен этих правителей до сих пор провоцирует на поиски южнобалтийских и даже балтийско-славянских истоков русской государственности (ср.: Горский 2004. С. 37; Янин В.Л. О начале Новгорода // У истоков русской государственности: 209).

бра в 860-е гг. — время летописного призвания князей. Цукерману нужно, чтобы Рюрик появился позже — в конце IX в.; для этого нужно подобрать археологическое «свидетельство» — и оно обнаруживается уже в Ладогe, в материалах скандинавского могильника в урочище Плакун.

Могильник в Плакуне, до появления дендродат имевший суммарную датировку (IX в.), породил немало романтических интерпретаций: открытие камерного погребения (№ 11) при наличии не только шведских, но и датских аналогий, вызывало воспоминание о Рорике Фрисландском (Цукерман не склонен отождествлять с этим персонажем новгородского Рюрика). Курган № 6 (кенотаф!) вообще ассоциировался с могилой Рюрика. С уточнениями датировки могильника выступил К.А. Михайлов, который отнес начало функционирования могильника к началу X в., отвергнув романтические интерпретации его погребений (Михайлов 2003). К. Цукерман же считал возможным в своих целях удревнить датировку до конца IX в.

О датировках можно спорить (если основания для спора не исключительно спекулятивные). Но исследователи Ладоги, основываясь на тех же материалах, совершенно по-иному видят начальную историю Ладоги и Руси. А.Н. Кирпичников считает возможным, что «еще до 839 г. (прибытия послов хакана Рос в Ингельгейм. — В. П.) Ладога была центром русского каганата» (Кирпичников 2003. С. 43): если увязывать начало этого «раннегосударственного образования» с появлением скандинавов в Ладогe, то даты каганата окажутся ближе конструкции Вернадского (он датирует каганат 737–839 гг.), чем «перестройке» Цукермана.

А.Н. Кирпичникову вторит Д.А. Мачинский: иного центра для русского кагана не найти — ведь Городища на Волхове в 830-е гг. еще нет. Оно, по Мачинскому, появляется в последней трети IX в. на болотистом «острове русов» арабских авторов, в связи с которым упомянут и «хакан русов» (Мачинский 2003. С. 22), но этот «нездоровый и сырой» (по Ибн Русте) остров не место для «перестройки». Цукерман предпочитает его не поминать. Впрочем, хронологически дата островного каганата «подходит» для построения Цукермана: «к началу IX в. в Поволжье и на Сяси археологически выявлены все необходимые элементы для того, чтобы правитель этой области... «в пику» хазарскому кагану мог гордо именовать себя тем же титулом»¹⁰². Звучит эффектно: крайний северо-запад Восточной Европы противостоит крайнему юго-востоку; но эффект снижается, если вспомнить, что помимо

¹⁰² Мачинский 2003. С. 28. Хронология поселений в указанном регионе — предмет дискуссии (см. Богуславский 2006; см. также главу VII).

§ 1. Призвание варягов: историко-археологический контекст

столицы в устье Волги власть Хазарского каганата воплощала целая система каменных крепостей в бассейне Дона, Северского Донца, на Северном Кавказе, Кубани и Боспоре.

Дальнейшее построение Мачинского принципиально расходится с конструкцией Цукермана: в 860–870-е гг. возникает Новгородское городище, а в Ладоге — могильник на Плакуне. Могильник не связан напрямую с прибытием Рюрика, хотя Мачинский и предполагает, что тот мог быть там похоронен, зато богатое скандинавское погребение на соседней сопковидной насыпи «заставляет» Д.А. Мачинского вспомнить новгородское летописное предание о могиле Олега в Ладоге (несмотря на датировку погребения серединой X в.).

«Олегова могила» в Ладоге позволяет переиначить судьбу Олега в том виде, в каком она описана ПВЛ. Повествование НПЛ сбивчиво: прерывая повествование о триумфе Олега после похода на Царьград, летопись отправляет героя в Новгород, затем — Ладогу. Неясно, имеет ли следующая фраза о пути за море, на котором Олега «уклюну» змея, отношение к Ладоге, или это вставка, и последующая констатация «есть могила его в Ладозе» продолжает рассказ о пути к Новгороду, или варяги Олега действительно вернулись за море через Ладогу — скандинавские памятники, которые можно было бы отнести к началу X в., редки в Восточной Европе. Так или иначе, можно согласиться с Д.А. Мачинским и его предшественниками в том, что повествование НПЛ о первых русских князьях сокращало текст предшествующего (Начального) свода.

Это касается и новгородской версии легенды о призвании варягов: составитель НПЛ, изъясный из «начального» свода космографическое введение, где рассказывалось о расселении славян и других народов, в том числе словен, кривичей и мери и об основании словенами Новгорода, начинает рассказ о призвании с упоминания новгородских людей, волостей словен, кривичей и мери без поминания собственно Новгорода и мест расселения племен (ср. главу II). Упоминание Новгорода как места, где первоначально сел призванный Рюрик, в контексте НПЛ выглядит неуместным, но при этом отражает чтение сокращенного «начального» свода (Гиппиус 2007. С. 217). Первоначальность «новгородской версии» не означает, однако, ее полного соответствия исторической действительности. Разыскания о начале Руси продолжались и после составления Начального свода, преобладающая в списках ПВЛ «ладожская версия» о первоначальном пребывании Рюрика в Ладоге может быть результатом этих исторических разысканий летописцев.

Тематика первоначального княжеского стола в Ладоге была актуализирована поисками в новейшей российской историографии альтернативной «матери городов русских» — столицы Руси (ибо Киев стал столицей иностранной державы). Пока в историографии утверждалась версия первоначальной столицы в Ладоге, в Киеве были сделаны принципиально важные для понимания развития сети древнерусских городов открытия. Раскопками М. Сагайдака на Подоле были открыты древнейшие городские кварталы, ориентированные на речной путь и обслуживание проходящих днепровским путем ладей: планировка этих кварталов повторяла планировку, характерную для балтийских «виков»; схожую планировку имели прибрежные кварталы Ладоги и Гнёздовского поселения¹⁰³.

Остатки стен городища на Старокиевской горе были близки по конструкции укрепления Новгородского Городища. Старокиевское городище существовало в первой четверти X в. (см. реконструкцию — Михайлов 2010), позднее там располагался некрополь и княжеский двор (предшествовавший городу Владимира). Эту топографическую ситуацию отражает скандинавские наименование Киева — *Koenugarðr*, «лодочный двор (гард)» (ср.: Джаксон 2001. С. 86).

К. Цукерман (Цукерман 2007. С. 348) характеризует эти открытия как «скромные зачатки городской жизни» в Киеве 880-х гг., риторически сводя проблему к очередной конструкции — фантастическим акциям Русского каганата, якобы приведшим к гибели волянцевской культуры еще в 830-е гг. в построениях А. Комара (очередное наследие историографии Русского каганата в «евразийском» варианте Г. Вернадского). Олег, однако, появился с варягами и другими жителями Прибалтики в Киеве в 882 г., согласно летописи, — и это мешает «перестройке» русской истории.

Открытие «варяжского вика» времен Олега в Киеве, конечно, не решает всех историко-археологических проблем формирования русской государственности. Главной археологической проблемой остается отсутствие некрополей — погребальных комплексов IX в. как в Киеве, так и в Гнёздове, возле Городища и в Ладоге. Романтические попытки увязать отдельные находки монет или вещи центральноевропейского происхождения с посольством хакана росов при Феофиле (839 г.) или с походом Аскольда и Дира при Михаиле III (С.С. Ширинский, Г.С. Лебедев и др.) вырывали эти находки из более позднего археологического контекста (X в. — Каинов 2001).

¹⁰³ Сравнительный материал к статье М.А. Сагайдак «К истории градообразования на территории древней Руси» был дан В.В. Мурашевой (раскопки к Гнёздове) и В.Я. Петрухиным при подготовке «Истории русского искусства» (т. 1, под ред. А.И. Комеча, М., 2008).

§ 1. Призвание варягов: историко-археологический контекст

Не выглядят убедительными и попытки интерпретировать обряд волховских сопок как результат синтеза скандинавских и местных финских и славянских традиций в некрополе древней Ладоги (Еремеев 2007; см. также главу IX). Но это археологические проблемы, напрямую использовать их для решения хронологических или демографических вопросов ранней истории нельзя (заметим, что и в Скандинавии комплексы ранней эпохи викингов немногочисленны — это естественно для эпохи становления всякой археологической культуры). В целом материалы Ладоги и Городища достаточно полно демонстрируют начало проникновения скандинавской руси в бассейн Волхова и формирования там сети городских центров с дружинными древностями, концентрация которых на Городище в 860-е гг. сопоставима с данными летописи о призвании варяжских князей¹⁰⁴. Ни письменные, ни археологические источники не дают оснований для «перестройки» русской истории.

Е.Н. Носов деликатно характеризует комплекс скандинавских находок с Городища как «вуаль» — термин призван продемонстрировать, что скандинавские находки лишь «прикрывают» восточноевропейскую основу культуры Городища. Вместе с тем концентрация находок в слое поселения схожа, по компетентному мнению И. Янссона, с ситуацией в главном скандинавском городе на пути из варяг в греки — Биркой (Янссон 1999). Находки характеризуют яркие черты скандинавского убора и религиозного быта (амулеты, в том числе привески с руническими надписями, рис. 14). Более того, обнаружены следы производства скандинавских вещей. Обитатели Городища демонстрировали свою причастность к варягам из-за моря.

В.Л. Янин признает Городище первоначальным Новгородом, где сел, опираясь на «прецедентный договор» (ряд), призванный князь Рюрик. После смерти первого князя его наследники обратились к поиску центра, где они не были бы связаны договором: Игорь и Олег переместились в Киев (где могли претендовать на власть кагана над Средним Поднепровьем). Варяжская дружина осталась на Городище без князя, что и означает летописная фраза, заключающая легенду о призвании: «новгородцы от рода варяжска» (русский княжеский род переместился на юг — Янин 2007; см. также главу IV.5).

Показательно, что центры, в которых останавливались варяги, становились притягательными для окрестного населения — возле Городища форми-

¹⁰⁴ Ср. одну из последних прижизненных публикаций Г.С. Лебедева (Лебедев 1994), стремившегося увязать и ранние материалы Изборска с данными летописи о Труворе.

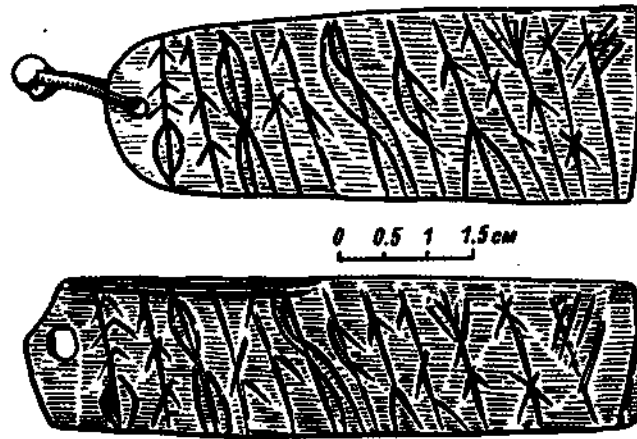

Рис. 14. Подвески с руническими надписями (по: Носов 1990. С. 124).

руются предшественники новгородских концов, Ладога является межплеменным центром (где вызревала потребность в призвании князя?); Гнёздово привлекает не только жителей среднеднепровской Руси, но, вероятно, и беженцев из Моравии (Петрухин 2011. С. 236–240).

Это относится к городской сети, формирующейся на пути из варяг в греки. Но в городах, упомянутых как столы призванных варяжских князей — в Изборске и Белоозере, в отличие от Новгородского Городища и Ладоги, очевидных скандинавских древностей, синхронных летописному призванию, не обнаружено. В.В. Седов, последняя монография которого посвящена изданию материалов Изборска, отрицает историчность братьев Рюрика, ссылаясь вслед за А.А. Шахматовым, на фольклорность, а не на историчность мотива трех братьев. Правда, апелляция Шахматова к фольклорным истокам представлений о трех братьях-князьях неубедительна: Шахматов приписывал позднейшей книжной легенде о Труворовом Городище и даже романтическому наименованию Новгородского Городища Рюриковым древние фольклорные истоки, но их источником было летописное предание, а не наоборот (Петрухин 1995. С. 53 и сл).

Другой безосновательной посылкой Шахматова следует признать утверждение о том, что Изборск не был значительным городом, для того чтобы помещать в нем один из первых княжеских столов в начальном летописании. В.В. Седов продемонстрировал, что Изборск был важнейшим форпостом славянской (кривичской) колонизации на границе чудских земель в VIII–X вв. Столь же ярких, как на Городище и в Ладоге предметов

§ 1. Призвание варягов: историко-археологический контекст

скандинавского убора и амулетов, в Изборске не обнаружено; нет и ранних кладов, хотя фрагмент коромысла весов и весовые гирьки свидетельствуют, что горожане в раннем средневековье принимали участие в распределении серебра (Седов 2007. С. 395–396). Серийными являются и находки вещей, свойственных как Восточной Европе, так и Юго-Восточной Прибалтике и Скандинавии (односторонние гребни, ключи, кресала, кольцевидные булавы, подковообразные фибулы, ланцетовидные стрелы, ледоходные шипы и т. п.). Показателен ранний (конец II тыс. н. э.) погребальный комплекс в округе Изборска, относящийся к кругу «чудских» древностей и содержащий инвентарь скандинавского происхождения (Лопатин 2004).

Что касается Белоозера, то проблема сводится не только к тому, что в регионе нет древностей, синхронных летописному призыванию (Захаров 2004. С. 107–108). В тексте легенды говорится, что Синеус сидел «на Белоозере», — это позволило Д.А. Мачинскому предположить, что речь шла не о городе, а об озере, причем Ладожском, которое скандинавы именовали «Белым» (Мачинский 2003. С. 18). Правда, это построение не учитывает контекста варяжской легенды, где Рюрик по смерти братьев раздает «мужам» *грады*, «овому Полотеску, овому Ростову, другому Белоозеру» (ПВЛ. С. 13). Город, где сидел бы летописный Синеус, не обнаружен. Зато неподалеку на Шексне раскопано поселение на всхолмлении с соответствующим названием Крутик (поселение было лишено искусственных укреплений), где были найдены куфические монеты, весовые гирьки и чашечки весов, вещи скандинавского происхождения, обнаружены следы бронзолитейного производства, но более всего — следы пушной охоты на бобра (остеологический материал и охотничьи стрелы), относящиеся к IX в.

Как и в случае с Изборском, было бы наивным искать в материалах Крутика прямую «иллюстрацию» варяжской легенды. Но материалы всех перечисленных памятников служат пониманию исторической ситуации, предопределявшей, среди прочего, и содержание варяжской легенды. Комплекс скандинавских находок Белоозерской округи описан С.Д. Захаровым, но он датируется в пределах второй половины X в. — так датируется большинство скандинавских комплексов Восточной Европы. Дело, однако, не в каталогизации скандинавских вещей, хотя она (в отношении всей Восточной Европы) остается актуальной и расширила бы источниковую базу древнейшей русской истории. Дело в том, что в древнем некрополе Белоозера открыты остатки трупосожжений, включая женские, в одном из которых — остатки скандинавской скорлупообразной фибулы второй половины IX–X в. И хотя открытый памятник представляет собой остатки

разрушенного некрополя, его исследователи усматривают в этих остатках свидетельства «культурной метисации, скрещения финских славянских и скандинавских культурных элементов на Белом озере» (Макаров, Новикова 2002. С. 119–133).

Ситуация в некрополе Белоозера соответствует ситуации в Верхнем Поволжье, связанном с Белозерьем системой водных путей. Сарское городище — племенной центр мери, принимавшей, по летописи, участие в призвании и входившей в племенную конфедерацию кривичей и словен. На Крутике и в регионе Белоозера очевидно присутствие мерянского этнического компонента (Захаров 2004. С. 123 и сл.). Если учесть, что Верхнее Поволжье, как и Белозерье, Поволховье и бассейн Великой (на границе с чудью — Изборск) были зоной кривичско-словенской колонизации, в процессы колонизации включались и группы скандинавов¹⁰⁵. Присутствие этих этнических групп на одних и тех же поселениях, участие в дележе добываемых и поступающих богатств приводили к ситуациям, описанным летописной легендой о призвании варяжских князей.

§ 2. Первое вече. «Рѣша сами в себе:
„Поищем собе князя, иже бы володел нами
и судил по праву“»

Формулировка, приписываемая ПВЛ (Лавр. вариант) собранию изгнавших варягов и враждующих племен (чудь, меря, словене и все кривичи), идентична формуле, содержащейся в тексте НПЛ: «И рѣша к себе: «Князя поищем, иже бы владел нами и рядил ны по праву» («по ряду, по праву» — уточняет Ипат. вариант). Сама формулировка соответствует позднейшим описаниям новгородского веча: когда новгородцы, уже изгнавшие князя, посаженного из Киева, добились права избирать архиепископа, «в нихъ паки распря бысть немала, и ркоша к себѣ: «да сице положим три жребиа», вытянув один из которых посланный с веча слепец должен был указать на избранника (НПЛ. С. 231–232; ср.: Лукин 2008. С. 79–80).

¹⁰⁵ Уникальное свидетельство существования отдельного сезонного лагеря таких «гостей» (ср. погост — как обозначение стана для дружины, собирающей дань) обнаружено А.Е. Леонтьевым возле Сарского городища. Лагерь, возможно, и просуществовал один летний сезон в начале X в. Его инвентарь — предметы вооружения (в том числе скандинавского происхождения), весовые гири, серебряные восточные монеты — свидетельствует о занятиях «гостей» (Леонтьев 1996. С. 99–103).

§ 2. Первое вече...

В ином регионе — Ростово-Суздальской Руси убийство самовластного князя Андрея (Боголюбского) завершилось распрями: «Не разумеша правды Божья исправити ростовци и суждалци», хотя и считались «старейшими». «Нови же людье мѣзинии володимерьстии оуразумвеше, яшася по правьду крѣпко и *рекоша вси собѣ* (курсив мой. — В. П.): «любо Михалка князя собѣ налѣзем, а любо головы свои положим» (ПСРЛ, т. 1, стб. 377–378;). Правда оказалась здесь у представителей младшего города (мезинных людей) владимирцев.

Конечно, сам сюжет отсутствия порядка и приобретения его с усовершенствованием права (правды) можно считать распространенным «этиологическим» (см. следующий параграф). Но нельзя не учитывать правовой контекст летописных текстов: конфликт и его преодоление — установление порядка, правды; мотив, традиционный для *обычного права*, в том числе славянского (ср.: Иванов, Топоров 1978; Петрухин 1995. С. 116 и сл.; Лукин 2008. С. 93). А.А. Гиппиус (2001) продемонстрировал, что для древнейших пластов летописания (Древнейшего свода?) свойственно употребление архаичной формы *ръша* (о владимирцах говорится уже *рекоша вси собѣ*). Собрание племен, изгнавших и затем призвавших варягов, не именуется в летописных текстах вечем — этот термин не всегда употребляется для обозначения собраний («советов»), принимающих решение о судьбах княжеской власти в том или ином русском городе (см. Гранберг 2006).

Взаимодействие разных этнических общностей — славян, прибалтийских и волжских финнов с варягами в зоне славянской колонизации севера Восточной Европы, как уже говорилось в предыдущем параграфе, представляется естественным. Сложнее представить себе это взаимодействие как исторический факт: «вечевое решение» о призвании князей, акт «межплеменной конфедерации» (В.Т. Пашуто). Естественно, лексика, связанная с «речением», никоим образом не связана с некоей «фольклорной» устной традицией: она характерна для книжного летописного повествования. Но первое упоминание в летописи собственно *веча* связано с типичным фольклорным сюжетом.

Это знаменитая «притча» о белгородском киселе, которую ПВЛ содержит под 997 г. Существенно, что первое упоминание *веча* в начальном летописании не связано с одним из древнейших (племенных или межплеменных) центров: вече собирается в киевском Белгороде, городе Владимира Святославича (в нем он держал часть своего знаменитого «гарема»). Город осаждают печенегы, знавшие, что у князя нет воинов — он отправился «по верховниѣ воѣ» к Новгороду (ПВЛ. С. 56–57). В Белгороде начался голод,

«и створиша вѣче в городѣ и рѣша: «Се уже хочемъ померети от глада, а от князя помочи нѣту... Выдадимся печенѣгомъ»... И тако совѣтъ створиша. Бѣ же единъ старецъ не былъ на вѣчи томъ». Он и дал спасительный совет: собрать по горсти зерен и отрубей, сварить кисель и поставить в кадке в колодец. В другой колодец поставили добытого на княжем дворе меду. Изумленные печенежские послы убедились (см. рис. 15, цв. вкл.), что горожане кормятся от самой земли, и сняли осаду.

Рассказ содержит два распространенных фольклорных мотива. Первый связан с киселем как традиционным славянским обрядовым блюдом (СД, т.2. С. 496–497), в первую очередь — блюдом поминальным (в поминальные дни его выливали на землю, жертвуя предкам), которым могли угощать и потенциально вредоносных персонажей (Мороза, диких зверей и т. п.). Второй мотив относится к не участвовавшему в вече старцу-спасителю. Он связан с этиологическими сюжетами о почитании престарелых родителей. Согласно этому сюжету, некогда принято было убивать недееспособных стариков, пока не нашлись сердобольные дети, спрятавшие старого отца. Во время разразившегося голода, когда запасы зерна истощились, старец посоветовал использовать зерно из соломы, которой покрыты были крыши. Мудрый совет стал спасительным, и варварский обычай убийства стариков отменили¹⁰⁶.

Если вернуться к проблеме веча, то очевидно, что практика народных собраний (если судить по древнейшим летописным воспоминаниям о ней) была связана не столько с традициями племенной архаики (эпохи «военной демократии» и т. п.), сколько с новыми реальностями эпохи славянской колонизации и строительства государства, когда необходимо было устанавливать «ряд», договариваться с соседями и врагами.

§ 3. «И идоша за море к варягомъ, к руси»

Призвание варяжских князей было, согласно летописи, осуществлено чудью, словенами, кривичами (и мерей) по ряду — по праву. Ряд в древней Руси — традиционный договор «народа», «вечевого города» с князем, который должен был «судить и рядить» по праву, как справедливо замечал

¹⁰⁶ Н.Н. Велецкая (Языческая символика славянских архаических ритуалов. М., 1978), обратившая внимание на эти сюжеты, в духе «исторической школы» трактовала их как свидетельства ритуального убийства стариков — жертвоприношений родителей в славянской языческой традиции.

§ 3. «И идоша за море к варягомь, к руси»

В.Т. Пашуто (Пашуто 1965. С. 34–35; ср.: Мельникова, Петрухин 1991). Проблема, однако, заключается в том, как формулировки ряда попали в летопись: сохранила ли их традиция, или они были интерполированы летописцем начала XII в. в соответствии с современной ему практикой или даже с амбициями двора Владимира Мономаха.

Определенные основания для таких предположений, безусловно, есть. Главным «противоречием» летописного текста, обнаруживавшим в глазах его критиков «искусственность» легенды о призвании, было сообщение об изгнании за море насильников-варягов, собиравших дань со словен, кривичей и мери: что заставило те же племена обратиться к тем же варягам с призыванием? Рассказ об усобицах между освободившимися племенами и отсутствии у них «правды» выглядел слишком наивным, чтобы объяснить обращение к бывшим насильникам, — его склонны были приписывать сочинительству (Рыдзевская 1978. С. 165), в радикальных вариантах интерпретации — сочинительству клеветническому, призванному продемонстрировать неспособность славян создать свое государство (см. о нацистской пропаганде — Клейн 2009. С. 115).

В.О. Ключевский стремился объяснить противоречие примерно так же, как это сделал летописец (в Ипатьевской редакции варяжской легенды): «Туземцы прогнали пришельцев... — писал он, — и для обороны от их дальнейших нападений наняли партию других варягов, которых звали русью (курсив мой. — В. П.). Укрепившись в обороняемой стране, нарубив себе «городов»¹⁰⁷, ...наемные сторожа повели себя как завоеватели... Наше сказание о призвании князей поставило в тени второй момент и изъяснительно изложило первый как акт добровольной передачи власти иноземцам туземцами. Идея власти перенесена из второго момента, с почвы силы, в первый, на основу права, и вышла очень недурно комбинированная юридически постройка начала Русского государства» (Ключевский 1987. С. 155). Историк отрицал «народные» истоки легенды о призвании, считая ее летописной «притчей» о происхождении государства.

«Искусственность» этой «притчи» в общем подтверждается и тем, что, согласно А.А. Шахматову и другим исследователям, отождествление призванных варягов с русью — поздняя вставка в текст легенды. Шахматов сконструировал даже исторический эпизод с полчищами скандинавской руси, которая как-то овладела Киевом, минуя Новгород: русский князь со-

¹⁰⁷ В Ипатьевском варианте Рюрик сел сначала в Ладоге, «срубив» там город, затем создал город в Новгороде (ПСРЛ, т. II, стб. 14).

брался в поход на северный город, когда узнал об изгнании варягов — тогда испугавшиеся северные племена призвали других варягов из-за моря (см. об этой конструкции далее). Однако тогда возникает естественный вопрос: если легенда о призвании варягов — сочинение летописцев конца XI — начала XII в., почему в этом сочинении исходно содержались противоречивые мотивы изгнания и призвания варягов? Ведь эти мотивы осознавались как противоречивые, иначе не понадобилась бы вставка — комментарий о варягах, называвшихся русью, равно как формулировка «идоша за море к варягомъ, к руси» (упоминание руси также традиционно считается вставкой в первоначальный текст).

Отметим сразу, что в контексте международных отношений эпохи викингов изгнание и последующее призвание тех же варягов — кажущаяся проблема: правители разных стран призывали норманнов и заключали с ними соглашения о том, чтобы те защищали их земли от своих же соотечественников (Мельникова, Петрухин 1991; ср.: Роэсдаль 2001. С. 193). Значит ли это, что мотив усобиц, предшествующих призванию варягов, должен был лишь «закамуфлировать» варяжское завоевание? Существовала ли реальная договорная основа отношений древнейшей руси и славян, или летопись лишь прикрывала традиционным мотивом общественного договора процесс завоевания, и дань платилась варягам лишь в качестве откупа «мира деля»?

Такая постановка вопроса для раннефеодального периода представляется не вполне корректной. Государственная власть и воплощавшая эту власть княжеская дружина оказывались «завоевателями» формирующейся государственной территории вне зависимости от того, существовали ли принципиальные различия в этническом составе дружины и подвластных ей земель. Так, и в раннесредневековой Чехии дань именовалась *tributum racis*, то есть платилась «мира дѣля» (Пресняков 1993. С. 323). От нее шла десятина церкви, как и на Руси (см. Флоря 1992. С. 11 и сл.). Если мир и покупался подвластным княжеской дружине населением, то и дружина была заинтересована в мире, чтобы кормиться на подвластных землях, пользоваться услугами по поставке судов и т. п. Недаром лейтмотивом ранних летописных рассказов является конфликт князя и его дружины со славянскими (и другими) племенами и способы его правового разрешения: после изгнания варягов заключается «ряд» о призвании руси, после убийства Игоря Ольга устанавливает систему погостов и т. д. (см. далее — в главе VIII).

Сравнительный анализ мотивов легенды о призвании варягов и других традиций о призвании правителей (проводившийся начиная с Тиандера,

§ 3. «И идоша за море к варягомь, к руси»

1915) в целом показал, что «варяжская» легенда вполне соответствует традиционному «мифологическому» сюжету о происхождении государственной власти, правящей династии и т. п. Уже говорилось, что исследователи возводили легенду о призвании варягов к легенде о призвании саксов в Британию, опираясь на совпадение самих формул призвания. «Чюдь, словѣни и кривичи и вси» говорят руси: «Земля наша велика и обильна, а наряда в ней нѣтъ. Да поидѣти княжить и володѣти нами» (ПВЛ. С. 13)¹⁰⁸. В «Деяниях саксов» упоминается та же великая и обильная земля; послы бриттов говорят саксам: «Обширную, бескрайнюю свою страну, изобилующую разными благами [бритты] готовы вручить вашей власти» (*Terram latam et spatiosam et omniam reram copia referentem vestrae mandant ditioni parere*) (Видукинд I.8). Однако «англосаксонская» легенда не содержит мотива внутренних распрей: бриттам грозили «внешние» враги.

Другую аналогию мотиву русской летописи указал Г.М. Барац (Барац 1924, т. 2. С. 108): согласно ветхозаветной I Книге Царств, состарившийся пророк Самуил поставил своих сыновей судьями над Израилем, но те судили несправедно: «И собрались все старейшины Израиля, и пришли к Самуилу [...] и сказали ему: вот, ты состарился, а сыновья твои не ходят путями твоими; итак, поставь над нами царя, чтобы он судил нас» (1-я Царств, 8. 4–5). Самуил призывает на царство Саула¹⁰⁹. Естественно, библейский сюжет призвания царя оказал существенное влияние на формирование раннеисторических традиций, в том числе славянских. Согласно Козьме Пращскому, у чехов сначала также были судьи¹¹⁰ — Крок и его дочь Либуше, но неразумный народ требовал себе князя, и Либуше указала на пахаря Пшемисла. Послы от народа говорят ему: «Госпожа наша Либуше и весь наш

¹⁰⁸ Лаврентьевский, Ипатьевский и Троицкий списки ПВЛ позволяют чтение «вся земля наша велика и обильна», но соединительный союз и («Чюдь, словѣни и кривичи и вся») позволял со времен Г. Миллера безосновательно превращать обозначение совокупности всех племен, призывавших князей, в «дополнительное» племя весь (ср.: Приселков 2002. С. 58).

¹⁰⁹ Тот же автор (Барац 1924, т. 2. С. 108 и сл.) указывает библейскую параллель и варианту варяжской легенды в НПЛ: там освободившиеся племена «начата владѣти сами собѣ и города ставить. И вѣсташа сами на ся воевать /.../ и вѣсташа град на град» (НПЛ. С. 106). В пророчестве Исайи (XIX, 2) о расприх египтян говорится: «и будут сражаться /.../ друг против друга я город с городом». Ср. парафраз у Георгия Амартола (346): язычники «несыти быша грѣхы творяща, градъ бо на градъ крамолу имяше, и языкъ на языкъ сташе». После распрей, согласно пророчеству Исайи, к египтянам явится «жестокий властитель».

¹¹⁰ Очевидно, что та же библейская традиция воздействовала на рассказ о происхождении власти хазарского кагана у Кембриджского анонима: люди Хазарии поставили одного из мудрецов судьей над собою — его по-хазарски называли каганом, царем же стал удачливый полководец, способствовавший обращению хазар (Коковцов 1932).

народ просят тебя поскорей прийти к нам и принять на себя княжение» (Козьма I. 6).

Однако возводить весь сюжет призвания к Библии невозможно: так, мотив призвания пахаря, согласно комментаторам Козьмы, имеет античные истоки. Более того, обращение к традициям, не связанным явно или вообще изолированным от культур средиземноморско-европейского круга, показывает, что мотивы интересующего нас сюжета о призвании правителя создавали вполне определенную и непротиворечивую структуру.

Особое значение имеют параллели некоторым мотивам нашей легенды в фольклоре. В эрзянских песнях говорится о том, как верховный бог Нишке создал мордовский народ. «Тот народ сильно умножился. Семь поселений народились... Не распределить им леса, не разделить луга... Теперь они ругаются, дерутся» (ср. в ПВЛ: «и вьста род на род, и быша у них усобице» и т. д.), так как «нет у эрзян держателя». По совету старейшин, народ избирает достойного правителя, в ряде вариантов песен — пахаря Тюштяна, по слову которого сухая палка пускает ростки (полная аналогия Пшемыслу у Козьмы Пражского) и т. д. Тюштян — типичный культурный герой архаического эпоса (Маскаев 1964. С. 180–185), если и допускать влияние книжной (славянской или библейской) традиции, то оно явно вторично.

Архаические истоки мотивов, используемых в раннеисторических описаниях, — родовых неурядиц с последующим призванием правителя — становятся еще более очевидными в сравнении с данными такой отдаленной традиции, как корейская. В хронике XII в. «Самгук юса» рассказывается об основании государства Силла: «Старейшины шести родов, каждый с сыновьями и братьями сошлись... и стали держать совет. Они сказали: «У нас нет государя, править народом некому. А люди забыли устои, и всяк творит, что вздумается. Давайте найдем достойного духом мужа и позовем его в государи, чтобы он основал царство и построил столицу» (Корейские предания: 44). Далее следует миф о чудесном рождении — нахождении правителя.

Наконец, образец сюжета призвания на царство справедливого судьи дает сам отец истории Геродот (1.96–100): мечтавший о царской власти в Мидии Деиок, в эпоху царившего там беззакония добился признания соотечественников как самый праведный судья. На собрании мидийцы решили избрать себе царя, чтобы избежать беззаконий, и единодушно избрали Деиока. Тот собрал телохранителей и велел построить для себя крепость с дворцом и сокровищницей; стены крепости не уступали афинским. Царь ограничил доступ к своей особе, разослал повсюду «соглядатаев и наушников», но соблюдал законность. Интересно, что Геродот, завершая рассказ,

§ 3. «И идоша за море к варягомь, к руси»

перечисляет мидийские племена, что еще более сближает его сюжет с летописной легендой.

В приведенных параллелях нет призвания правителя извне, из-за моря — в летописной традиции возможно усматривать влияние англосаксонской, где правители Хенгист и Хорса прибывают в Англию из-за моря на трех (!) кораблях, но у монаха-летописца речь не может идти о божественном происхождении культурных героев — правителей; Хенгест и Хорса изображаются потомками самого Вотана / Одина, Рюрик, Синеус и Трувор — князья, предводители своих «родов» и дружин (Петрухин 2008). Смысл летописной легенды отнюдь не в том, чтобы отрицать способность призывающих племен к установлению государственного порядка: как и в других текстах, посвященных первым русским князьям, речь идет о смене племенного права государственным «русским законом» (см. далее об Олеге, Игоре и Ольге). «Языческие» племенные обычаи с отвращением описывает летописец в космографическом введении, противопоставляя их универсальному христианскому закону.

Разительные параллели легенде о призвании варягов подтверждают ее фольклорные истоки и делают неубедительными любые (не основанные на прямых текстологических изысканиях) предположения об искусственности легенды. Мотив «недостачи» (отсутствия порядка) и восполнения этой недостачи — один из универсальных этиологических мотивов фольклора, перешедших в раннеисторическую традицию. Ближайшая в этом отношении параллель варяжской легенде содержится в той же ПВЛ: это рассказ (содержащийся под 898 г.) о призвании Кирилла и Мефодия. В нем уже бесспорно исторические лица получают функции культурных героев. Сказание посвящено включению «руси» в число славянских народов, обретших просвещение — письменность, то есть вошедших в христианскую семью народов. Три славянских князя, Ростислав, Святополк и Коцел, «послаша ко царю Михаилу, глаголюще: «Земля наша крещена и несть у нас учителя /.../ Се слыша царь Михаил, и созва философы вся, и сказа им речи вся словенских князь». Те указали — избрали — Кирилла и Мефодия, которых и послали в славянскую землю (ПВЛ. С. 15).

Естественно, ставить легенду о призвании варягов в прямую зависимость от этого текста было бы столь же опрометчиво, как и возводить ее к англосаксонскому преданию или прямо к библейской традиции: налицо, прежде всего, общая «формульность», свойственная древнерусской, а может быть, и общеславянской традиции (ср. призвание Пшемысла). Недаром в «Житиях» Константина (XIV) и Мефодия (V) — очевидных источниках

«Сказания о преложении книг» — мотив призвания связан не только с «учительством», наставлением в правой вере, но и с правдой-законом, который должен исполнить («исправить») призванный учитель (ср.: Флора 1981. С. 86, 96, 147).

Однако очевидна тенденция, объединяющая оба пассажа ПВЛ: и в призвании варягов, и в призвании первоучителей инициатива принадлежит призывающей стороне — «славянству». Эта единая тенденция еще раз обнаруживает тщету поисков «двух концепций» начала русской истории в летописных текстах (ср. главу VI).

Учитывая универсальность мотива недостачи (конфликта) и ее восполнения (исчерпания конфликтной ситуации), следует подходить и к проблемам поиска летописных источников легенды о призвании. Л.В. Черепнин выявил повествовательную структуру, сходную с «варяжской легендой», в летописных статьях 1015–1016 гг., когда Ярослав после конфликта новгородцев с варягами дает им «Правду» (Черепнин 1948, I. С. 247–248). Черепнин склонен возводить и легенду о призвании к тому же конфликту, вслед за А.А. Шахматовым, который писал: «Новгороду необходим был князь, который владел бы и рядил бы «по праву», причем последние два слова переносят нас, может быть, именно ко времени Ярослава, давшего новгородцам... правду и устав» (Шахматов 1904. С. 350).

В дальнейшем Шахматов (2002. С. 229) предполагал, что легенда о призвании сложилась в Новгороде на основе преданий об обращении Владимира и Ярослава за помощью к варягам (для последующего захвата Киева). Но Б.А. Рыбаков (Рыбаков 1962) справедливо указал, что данная Ярославом «Правда» урегулировала отношения отнюдь не с варягами — они упоминались уже лишь в «периферийных» статьях, посвященных иноземцам. «Русская Правда» Ярослава регулирует отношения в первую очередь между княжескими дружинниками и новгородцами: это «русин» и «словенин» в 1-й статье «Правды» (см. главу VIII).

Д.С. Лихачев предполагал, что на «ряд» варяжской легенды повлияло летописное «завещание» Ярослава Мудрого: князь «наряди сыны своя», заповедав им братнюю любовь и раздав города (ПВЛ. С. 70). Он считал, что мотивы варяжской легенды соответствовали политической идее этого завещания, а сам термин *ряд* относил к позднему княжескому праву.

Однако ряд Ярослава Мудрого не имеет прямого отношения к призванию князей. Приглашение же князя в Новгород упомянуто в летописи задолго до ряда Ярослава. В 970 г. «новгородские люди» обратились к Святославу Игоревичу с требованием дать им князя: «Аще не поидете к намъ,

§ 3. «И идоша за море к варягомь, к руси»

то налѣземъ князя собѣ» (ПВЛ. С. 33). Святослав сажает в Новгороде малолетнего Владимира. Этот текст не мог быть «сочинен» летописцем — в ПВЛ (и Начальном своде) нет соответствующего прецедента? за исключением самого призвания варяжских князей. Зато такие прецеденты не раз упоминаются в позднейшем летописании. Так, в 1199 г. «идоша люде съ посадникомъ /.../ к Всеволоду; и прия е съ великою честью и вда им сынъ Святославъ /.../ и обрадовася *въсь Новѣгородъ*» и т. д. (НПЛ. С. 44–45; ср.: Водов 1989). Схожие формулы характерны для договорных грамот Новгорода с князьями: к Ярославу Ярославичу в 1264 г. обращаются с поклоном «от посадника Михаила, и от тысяцьского Кондрата, и от всехъ соцьскихъ, и от всех старѣишихъ, и от *всего Новагорода*» (ГВНП, № 1, с. 9; ср. с. 16, где упомянуты и «меньшие» люди). О схожих формулировках от имени правомочных категорий населения — «всех сотских, всех псковичей» и т. п. — ср.: Кучкин 2008. С. 404–412)¹¹¹.

О безусловной древности традиции сажать в Новгород сына у киевских князей свидетельствует Константин Багрянородный: в Новгороде-Немогарде при жизни Игоря сидел сам Святослав. Можно считать, таким образом, что с момента заключения ряда с Рюриком отношения Новгорода с русскими князьями были постоянными и зиждились на традиционной правовой основе: первый государственный акт Олега — наследника Рюрика, принятый после захвата им Киева, князь дает «устав» тем же «новгородским людям», словенам, кривичам и мере. Очевидно, прав В.Л. Янин (2004. С. 10–11), утверждающий, что вечевой строй был древнее княжеского.

Термин *ряд* («творить ряд», «ряды рядити» и т. п.) принадлежит древнему пласту русского и славянского (вероятно, праславянского) права (ср.: Колесов 1989. С. 140 и сл.) и долго сохраняется в русской фольклорной традиции. Е.А. Рыдзевская (1978. С. 166–167) приводит в качестве параллели варяжской легенде былинку об Илье Муромце, которого приглашают в спасенный им от татар русский город «суды судить да ряды рядить».

Если обратиться к лексике легенды о призвании варягов в целом, то обращает внимание наличие в ней значительного пласта славянской правовой терминологии, имеющей истоки в обычном праве (Иванов, Топоров 1978.

¹¹¹ Т.Л. Вилкул (2009. С. 40 и сл.) отмечает соответствие этой лексики церковно-книжной топике, в том числе библейской: «И собра царь Соломонъ вся старѣишины Израилевы» (3 Царств, 8.1–2) и т. п. Отсутствие в древнерусской традиции «выделенной» социальной лексики (включая и лексему дружина — ср.: Вилкул 2009. С. 72 и сл.) делает еще более существенным исторический контекст — употребление подобных формул в правовых текстах, особенно относящихся к дохристианскому периоду (договорах с греками и т. п.).

С. 230–231): «правда», «володеть и судить по праву», «наряд», «княжить и володеть». Помимо правовой лексики в тексте легенды имеются и лексические параллели с договорами руси и греков. Как уже говорилось, согласно новгородскому варианту легенды, призванные князья берут с собой «дружину многу и предивну» (НПЛ), которая в ПВЛ именуется «вся русь». То же выражение известно по договорам с греками. Договор Олега (911 г.) заключается от имени «всех иже суть под рукою его сущих руси» (ПВЛ. С. 18); договор Святослава (971 г.) — «со всіми людьми вашими (греками. — В. П.) и иже суть подо мною русь, боляре и прочии» (ниже — «боляре и русь вся») (там же: 34).

Подобная формула сохранялась в русском летописании и позднее — в 1147 г. Изяслав созвал на вече «боляры и дружину всю и Кияне» (ПСРЛ, т. XXV: 40) и т. д. вплоть до XV в.: смерть Ивана Даниловича Московского оплакивали «все мужи москвичи, игумены и попы [...] и все народы, и весь мирь христіаньскыи и вся земля Роусскаа» (ПСРЛ, т. 15, стб. 52–53).

При позднейших описаниях ряда с князем в летописях, как правило, указывалось, что в заключении договора принимали участие «все люди» — «все кияне», «весь Новгород» и т. п. (ср.: Пашуто 1965. С. 40–51; Водов 1989. С. 53–58). В.Т. Пашуто подчеркивал условность этих летописных выражений, упоминающих всех жителей «от мала до велика». Можно предположить, однако, что эта условность имела особый правовой характер, указывала на правомочность отношений, установленных от имени всей общины, «всего мира».

Но наиболее показательны для нас именно договорные формулы, традиционные для русского средневековья в целом: договор руси с греками 944 г. заключается «от всѣх людий Руския земля (ср.: «люде вси рустии» в том же договоре), с одной стороны, «с самими цари (и) со всѣмъ болярством и со всѣми людьми гречьскими» — с другой (ПВЛ. С. 24). А.Е. Пресняков реконструирует и греческий текст договора, опираясь на слова Константина Багрянородного «о всех росах»: «все люди русской земли» πάντων τῶν ρωσ (Константин Багрянородный, Глава 9; Пресняков 1993. С. 317–318)¹¹². НПЛ (с. 46), упоминающая о претенденте на царство в Византии Алексея IV в «Повести о взятии Царьграда фрягами» (той, которой обещает завершить

¹¹² Контекст трактата Константина Багрянородного, где говорится о договорных отношениях — «пакте» руси («всех росов») с пактиотами-славянами не позволяет, на взгляд комментаторов (Мельникова, Петрухин 1991), игнорировать летописную формулировку о дружине как «всей руси» и сводить оборот «все росы» к общим местам греческой книжности (ср.: Назаренко 2009. С. 265).

§ 3. «И идоша за море к варягомь, к руси»

летопись новгородский автор во введении к НПЛ), приводит его слова о том, что «*вся град Костянтинъ хотять моего царьства*» (ср. об этих формулах в древнерусской, византийской и библейской традициях — Вилкул 2009. С. 101–103).

Проблема происхождения подобного рода «публичного» утверждения властных полномочий требует специального исследования. Для Европы существенна каролингская традиция — завещая престол Людовику Благочестивому, Карл Великий «призвал к себе своего сына Людовика со всем войском (*cum omni esercitu*), епископами, аббатами, герцогами, графами, наместниками: он с миром и честью держал всеобщий совет с ними в аахенском дворце, призывая их пообещать быть верными его сыну и спрашивал их *всех от мала до велика* (курсив мой. — В. П.; ср. древнерусские формулировки — Вилкул 2009. С. 68), будет ли им угодно, чтобы свой императорский титул он передал своему сыну Людовику» (Теган. 6). Комментарий (А.И. Сидоров — Теган: 78) возводит эту традицию к варварскому праву. Но есть не меньше оснований обратиться к римской имперской традиции утверждения императорской власти сенатом, армией и всем римским народом (см. о римских истоках имперской традиции: ССК: 179–187; Славяне и их соседи 1998).

Для собственно русской традиции характерна договорная грамота Новгорода с Готским берегом (1189–1199 гг.), которая гласит: «Се язъ, князь Ярослав Володимѣричь, сгадав с посадником /.../ и с *всьми новгородъци*, подтвердихомъ мира старого /.../ съ всеми нѣмьцкыми сыны, и съ гты, и съ *всемь латиньскимь языкомь*» (ГВНП: 55; ср. те же формулы в грамотах 1262–1263 гг. — там же, с. 56; и 1316 г. — там же, с. 23).

При этом формула «подтвердити мира» соответствует формуле «построити мира» в договорах с греками 911 и 944 гг. (Колесов 1989. С. 124). Эта формула, как показал Б.А. Ларин, в свою очередь имеет болгаро-византийское происхождение: в собственно русской традиции ей соответствует формула «положити ряд» (Ларин 1975. С. 43). В преамбуле к договору 911 г. обе формулы помещены вместе: «Посла Олег мужи свои построити мира и положити ряд межю Русью и Греки» (ПРП, I: 6).

Таким образом, становится очевидной и неслучайность употребления термина *ряд, наряд* в легенде о призвании, и структура договорного текста, опирающегося на те же формулы: «*русь, чюдь, словени, кривичи и вси*» (Лавр., в Ип. — «*вся*») призывают для наряда «*всю русь*». Соответственно по-иному звучит и преамбула к легенде, согласно которой варяги взирали дань с чуди, словен, мери и всех кривичей (ПВЛ): и здесь формула *все*

кривичи указывает на договорную лексику. Из последующего текста ясно, почему все кривичи в буквальном смысле интересовали князей: они жили в верховьях рек, ведущих к главным морским бассейнам: на Западной Двине, Днепре и Волге. Первым государственным актом Рюрика, совершенным после таинственной смерти его братьев «по дъвою лету», была раздача «мужам своим» городов (ПВЛ. С. 13) — «овому Полотескъ, овому Ростовъ, другому Бълоозеро». Полоцк в бассейне Двины и Ростов в верховьях Волги были городами кривичей (в ростовском регионе живших с мерей — финским участником призвания князей).

Конечно, можно было бы предположить, что летописец, поместивший в ПВЛ тексты договоров с греками, использовал их лексику при составлении варяжской легенды. Однако, как уже говорилось, такому предположению противоречит употребление выражения «все росы» в сочинении Константина Багрянородного «Об управлении империей» (глава 9): в ноябре архонты выходят «со всеми росами» из Киева для сбора полюдья со славянских племен, являющихся их пактиотами. «Все росы» (πάντων των ρως) информатора Константина соответствуют «всей руси» ПВЛ и обозначают дружину киевского князя, собирающую *полюдье* и кормящуюся у своих данников-славян: ситуация, соответствующая той, которую описывает для севера Восточной Европы легенда о призвании варягов. Недаром призванные князья садились в славянских городах, а после смерти братьев Рюрик раздает города своим мужам — это традиционный для русской княжеской власти акт раздачи городов на «покорм» дружине (ср.: Пашуто 1965. С. 51–53).

Итак, в легенде о призвании варягов сохранилась славянская (и даже праславянская) правовая и социальная терминология: «ряд», «правда», «володеть», «княжить» (*князь* — праславянский термин, заимствованный из германского), — очевидно, указывающая на то, что славяне были активной стороной в установлении ряда и формировании государственной власти. Ставшее расхожим мнение о том, что в ряде сохранилась и «варяжская» лексика, высказанное еще в начале XIX в., основано на недоразумении — «народной этимологии» имен скандинавских князей: Рюрик якобы прибыл с верной дружиной (тру-вор) и своим домом (синехус) (ср.: Рыбаков 1982. С. 286).

В действительности призванные варяжские князья носили обычные скандинавские имена (Мельникова 2011. С. 201–216). Напротив, скандинавы активно воспринимали славянский язык, славянскую лексику (а затем и славянские имена в самой княжеской семье — ср. имена Святослав, Володислав, Передслава — уже в договоре 944 г., Ярополк, Владимир и т. д.) и,

§ 3. «И идоша за море к варягомь, к руси»

стало быть, славянское право. Датский славист А. Стендер-Петерсен (1953. Р. 157–164) специально обратил внимание на восприятие в скандинавской (древнеисландской) среде славянского слова «полюдь» (*polutasvarf* — ср. однако: Джаксон 2000. С. 139) — обозначение той системы сбора дани, в которую скандинавы включились на Руси. Это еще раз указывает на то, что «ряд» устанавливал договорные отношения скандинавов и славян: чтобы «прокормиться», скандинавская дружина первых князей должна была опираться на поддержку славянских «людей» и городов.

Теперь можно вновь вернуться к вопросу, поставленному выше: с кем же заключался «ряд» легенды о призвании варягов — с «варягами» по НПЛ или «всей русью», как сказано в ПВЛ? Если исходить из договорной лексики — со «всей русью»; если придерживаться традиционных текстологических построений — с варягами, так как упоминание *руси* считается позднейшей вставкой. Впрочем, А. Стендер-Петерсен (1953. С. 67) утверждал, что «вставлено» как раз упоминание варягов, и именно это упоминание было необходимо во время составления летописи, так как значение имени «русь» в корне изменилось с эпохи призвания и это имя уже относилось к восточнославянскому народу (киевской Русской земле, ср. далее параграф 5).

Следы, обнаруживающие такую трансформацию значения, прослеживаются в самом тексте легенды. В Лаврентьевском, Ипатьевском и Троицком списках ПВЛ к призываемой руси обращается «русь (!), чюдь, словѣни и кривичи и вси». Получается, что сама русь обращается к той же руси, что истолковывалось исследователями как свидетельство присутствия какой-то части руси в Восточной Европе (Ладого) и участия ее в акте призвания (Д.А. Мачинский и др.). Но в Академическом и Радзивилловском списках сказано: «Рѣша руси чюдь, словени и кривичи и вси». Видимо, эти разночтения связаны с упомянутой «двойственностью» локализации руси в летописи — переписчики Лаврентьевского и других списков «исправили» текст, перечислив «русь и чюдь» так же, как они были перечислены в космографическом введении.

Наиболее гипотетичными оказываются представления о «призывающей» стороне — «конфедерации» словен, кривичей, мери и чуди. Как могла эта «конфедерация», объединявшая огромные территории севера Восточной Европы от Поволжья до Верхнего Поволжья, принимать «согласованные решения» и где мог располагаться межплеменной «вечевой» центр, в котором такое решение принималось (ср.: Янин 2004. С. 10–11; Носов 1990. С. 185 и сл.)?

Несмотря на всю дискуссионность проблем происхождения Новгорода (в самом городе нет напластований более древних, чем первая половина X в.), едва ли есть серьезные основания целиком отвергать летописную трактовку событий эпохи призвания варягов. Согласно летописным источникам (и ПВЛ, и НПЛ), таким центром был Новгород, что подтверждается и последними изысканиями в области исторической диалектологии: Новгород и прилегающие к нему районы находились в «зоне контактов» двух групп говоров — западной (псковские кривичи) и восточной (ильменские словене). Эти контакты, по заключению А.А. Зализняка (ср.: Янин, Зализняк 1993. С. 192–193), начались не позднее IX в.

В.Л. Янин справедливо отмечает существенность для судеб племенных группировок восточного славянства того факта, что они различными путями заселяли Восточную Европу. И здесь информация летописца о том, что «словѣни же съдоша около езера Илмеря, и прозвашася своимъ имянемъ, и сдѣлаша градъ и нарекоша и Новъгородъ» (ПВЛ. С. 8), может многое прояснить в исторической ситуации на севере Восточной Европы, ведь из контекста летописи явствует, что словене приняли участие в общеславянском расселении, после того как волохи (франки) стали чинить им насилие. Это происходило на рубеже VIII и IX вв. Волна переселенцев, очевидно, усугубляла и без того сложную этнополитическую ситуацию на севере Восточной Европы, и межплеменные конфликты, о которых повествует та же летопись в «варяжской легенде», были в этой ситуации естественны.

Итак, можно вполне определенно предполагать, что конфликт с варягами-норманнами действительно завершился рядом — договором со «всею русью», русской дружиной призванных князей, а не варягами «вообще»: ведь эта дружина уже знала водные коммуникации Восточной Европы. И та же ситуация действительно повторяется в Новгороде при Ярославе Мудром: конфликт новгородцев с варяжскими наемниками завершается установлением новых правовых норм — «Правды» Ярослава, регулирующей отношения «словен» и «русинов». Но под русинами понимается уже не «заморская» русь, не варяги, а княжеская дружина.

Как уже говорилось, «параллелизм» двух конфликтов в начальной русской истории — изгнание варягов, описанное под 862 г., и расправа с ними новгородцев под 1015 г. — не позволяет просто возводить летописный текст легенды о призвании к домыслам летописцев, реконструировавших ряд с русью на основе хронологически близких им событий. Но можно понять, как и почему этот ряд уцелел в устной передаче до времени составления летописи. Причиной тому не только традиционные формулы этиологи-

§ 4. «И избрашася 3 брата». Сага и история

ческого сказания — в сохранении этого ряда (в летописной традиции и в рамках обычного права) была заинтересована «вся русь» и, прежде всего, сами князья.

§ 4. «И избрашася 3 брата». Сага и история

Несмотря на то что вся внутривосточная история древней Руси есть, по существу, история отношений между князьями — «братьями», к очевидно легендарным известиям в легенде о призвании варягов обычно относят прибытие трех братьев на княжение и размещение их в трех городах.

В целом «фольклорные» истоки легенды о призвании, точнее — взаимодействие фольклорных и книжных традиций в формировании сюжета, были продемонстрированы еще К. Тиандером (Тиандер 1915), отнесшим летописный пассаж к «переселенческим сказаниям» о двух или трех братьях, возглавлявших переселение *трети* своего племени в далекие земли, делящих эти земли на три части, основывающих три города и т. д. К таким сказаниям можно отнести и дошедшие до восточных авторов рассказы о трех видах руси IX — X в., их трех центрах — Арсе, Славе и Куйабе, по крайней мере один из которых — Куйаба-Киев — «историчен», два других точно не идентифицируемы (Новосельцев 1965. С. 408 и сл.; Петрухин 1995). И исследователи продолжают подбирать «подходящие» троицы городов, которые могли бы претендовать на три древнейших «центра» Руси — Новгород (Слава), Ростов (Арса), Киев; Киев, Чернигов и Переяславль и т. д. Эти поиски практически «смыкаются» с фольклорными представлениями о трех русских столицах и трех «сторонах», куда ведут три дороги от белого камня на Дунае (в упомянутых исторических песнях)¹¹³.

Так или иначе, три призванных князя и «тернарное деление» начальной Руси идеально вписывались и в контекст «Повести временных лет», которая

¹¹³ Показательно, что поздние исландские саги нередко делят Русь — Гардарики — на три части, при этом иногда дополняют реальное деление — Новгородскую землю (Хольмгардарики) и Киевскую землю (Кэнугарды) — мифологическим, помещают там Етунхейм — страну великанов (см. Мельникова 1986. С. 210), что естественно для скандинавских книжников, ведь Русь была для них краем ойкумены. Достаточно ясны глубокие космологические — мифопоэтические — корни такого тернарного деления, в частности, в скандинавской традиции, согласно которой мировое древо Иггдрасиль имело три корня, простиравшихся к трем мифическим царствам — богов, великанов и преисподней. Таким образом, мировое древо моделировало тернарное деление пространства не только в вертикальной, но и в горизонтальной проекции.

начиналась с общего космографического введения — расселения потомков трех сыновей Ноя, а также с легенды об основании Киева тремя братьями. Показательно, что в эту легенду вставлен рассказ о пути из варяг в греки и главных речных путях Восточной Европы, которых оказывается три: три главных реки — Днепр, Двина и Волга — вытекают из Оковского леса и ведут в три жребия сыновей Ноя; Иафетов — на юг, Хамов — на «полночь» и далее через море Варяжское по пути в Рим, Симов — на восток, через Хорезм-Хвалисы (ПВЛ. С. 9).

«Фольклорный» мотив варяжской легенды — как и библейский о жребиях сыновей Ноя — в летописи соотнесен с географическими и историческими реалиями: братья носят не мифологические, а реальные имена, сядят в реальных городах. Упорное стремление разделить здесь «историю и сагу» заставило критиков текста легенды о призвании без достаточных оснований постулировать искусственность этого соотнесения легенды с историей. Но исторический контекст легенды, конечно, не дает оснований впадать и в другую крайность — буквально следовать летописному тексту.

Цели раннеисторического описания, каковым и была «Повесть временных лет», состояли в том, чтобы включить исторические реалии в традиционную космологическую (в основе мифологическую — сакральную) картину мира, систематизировав реалии на основе общепринятой космологической схемы (Топоров 1973). Разделять в этих описаниях традицию и реальность нельзя, так же как нельзя и механически подчинять их действию «фольклорных законов», хотя «ряд» легенды о призвании и передавался в устной традиции до начала составления первых летописных сводов: суть здесь как раз в переходе от фольклора к истории.

Итак, в контекст легенды включены исторические реалии: не только древнерусские договорные формулы «ряда», но и города, а также имена трех братьев, имеющие отчетливое скандинавское происхождение. Проблема заключается в отборе этих реалий, принципе вычленения главного из общеисторического контекста в древнерусской истории.

Означает ли это, что исторические реалии здесь искусственно «подведены» под традиционную космологическую (или этногоническую) структуру, как подчинена вводная часть «Повести временных лет» и других раннеисторических описаний библейской традиции расселения колен трех сыновей Ноя и т. п.? Возможен ли вообще ответ на этот вопрос, ведь даже «самоописания» и «иноописания», взгляд «изнутри» и «извне», могут привносить совпадающие стереотипы, как, например, универсальное в средневековых описаниях мира деление Земли на три части (Европа, Азия, Африка — Ли-

§ 4. «И избрашася 3 брата». Сага и история

вия), совпадение преданий о трех братьях в библейской и иранской традиции (Тразтаона / Феридун, три сына которого делят мир), воспринятой многими восточными авторами. По их модели строятся, в частности, восточные сюжеты о братьях Хазаре и Русе (Новосельцев 1965. С. 401), упоминавшиеся западнославянские книжные легенды о Чехе, Лехе и Русе (Великопольская хроника и др.) и т. п. О славянских книжных легендах и о скифской этногонии шла речь во Введении. При этом, конечно, фантастичность для современного исследователя не была фантастикой для составителей средневековых хроник — подобного рода «артефакты» были не чем иным, как главным способом описания, включения в систему и, стало быть, познания новых фактов (ср. выше о венецах в римской традиции, «народе рус» и амазонках сирийской хроники).

Следует отметить при этом, что средневековыми авторами фиксировались и исторические факты, не приводимые ими в систему в соответствии с той или иной традицией, вне прямой связи с космологической моделью, особенно в тех случаях, когда описания ставили иные цели. Эти «факты» и представляют особый интерес для проблемы «история и сага» (см. Гуревич 1973; Джаксон 1993).

Так, одна из исландских королевских саг (точнее — «прядь», фрагмент «Саги об Олаве Святом») — «Сага об Эймунде» — повествует о подвигах варяга-наемника в далекой стране, на Руси (Гардарики). Это главное в ее сюжете, как и в сюжетах других подобных саг. И здесь не обошлось, как указал Тиандер, без мотивов переселенческого сказания: Эймунд — один из трех сыновей мелкого норвежского князька — бежит от преследования конунга Олава; число его дружинников — 600 (кратно трем). Так же варяг Шимон во второй половине XI в. бежит от преследований своего родича Якуна на Русь «со всем домом своим, около 3000 душ» — ПЛДР, XII в. С. 418) и т. п.¹¹⁴

Исторический фон, к которому приурочены подвиги Эймунда, близок к тому, что мы знаем о русской истории начала правления Ярослава Мудрого (Ярицлейва саги), у которого Эймунд оказывается на службе. Русь, согласно саге, поделена между *тремя сыновьями* Вальдамара (Владимира Святославича): Ярицлейв правит в Хольмгарде-Новгороде, старший брат Бурислейв / Бурицлав — в Кэнугарде-Киеве, где, как известно по русским источникам,

¹¹⁴ Эпическое число дружинников — 30 (33) — в русском былинном эпосе обнаруживает индоевропейские истоки и связь с административным делением в раннегосударственных образованиях (ср. Прохоров 1996). Ср. летописные данные о трехстах «золотых поясах» в Новгороде, 30 старейшинах, управлявших в Полоцке в отсутствие князя (ПСРЛ, т. 32. С. 20–21), и т. п.

сидел старший сын Владимира Святополк; им был убит младший брат — будущий святой князь Борис, чье имя сопоставимо с именем Бурислейв. Здесь начинается область догадок, ибо имя *Бурицлав / Бурислейв* сходно и с именем тестя и союзника Святополка в борьбе с Ярославом — польского князя Болеслава. Важнее для нас, однако, что сага делит Русь на три части, принадлежащие трем братьям, и третий правитель — Вартилава-Брячислав — княжит в Палтескья-Полоцке. Правда, Брячислав был не братом, а племянником Ярослава, но в русском княжеском *братском* роде это различие считалось относительным¹¹⁵. Варяги действительно принимали участие в княжеских распрях на стороне Ярослава. Распределение земель после усобиц изображено сагой тенденциозно: после гибели Бурислейва Киев переходит не Ярицлейву, а Вартилаву, сам же главный герой — Эймунд получает Полоцк (ср.: Рыдзевская 1978. С. 89–104; Джаксон 1994. С. 87 и сл.).

Получение Эймундом *третьего* центра Руси сближает этот мотив саги с мотивами переселенческих сказаний и даже с практикой распределения добычи в эпохе великого переселения народов. Тернарная структура деления страны или войска актуализировалась как раз в контексте переселенческих сказаний, как показал еще К. Тиандер: призванные в Британию два вождя саксов прибыли на трех боевых кораблях — сказание сохранило традиционное членение саксонского войска. Захваченные области Британии также были разделены на Эстсакс, Сутсакс и Мидельсекс (Ненний. История бриттов 46, с. 184). Ближайшую аналогию представляет готское переселенческое сказание у Иордана (О деяниях гетов, 94): на трех кораблях готы во главе с Беригом вышли из загадочной прародины Скандзы и добрались до материка, разделившись на остроготов, везеготов и гепидов.

Вероятно, сходная традиция сохранилась и в варяжской легенде, кроме того, в тех рассказах о трех видах руси, которые слышали от русских купцов арабские авторы, о выплате Ярославом трети собираемых с новгородской земли доходов варягам и т. п. Этот устойчивый тернарный мотив переселенческих сказаний связан, очевидно, не только с универсальными космографическими и социальными схемами (вроде трехродовых союзов и т. п. — Мисюгин 2009); дело также в том, что переселившиеся на территорию империи племени, получавшие статус федератов, получали и право на одну треть заселенных земель (или доходов с них) и две трети хозяйствен-

¹¹⁵ Ср. характерные слова «ряда» между дядей Вячеславом Владимировичем (сыном Мономаха) и племянником Изяславом Мстиславичем: «Ты мой еси отец, а ты мой и сын, у тебе отца нету, а у мене сына нету, а ты мой сын, ты же мой брат» (ПСРЛ, т. 2, стб. 418; ср.: Колесов 1986. С. 55 и сл.).

ного инвентаря (*tertiatio*, см. Петрухин 2008; Прокопий. Война с готами. I, 5, 8, 16): в русской традиции на три части делилась и дань, получаемая, согласно раннему летописанию, Ольгой и Ярославом Мудрым (см. далее).

На основании фактических неточностей — разделения Руси в Эймундовой саге можно было бы отнести ее известия к вымыслу, способствующему возвеличиванию скандинавского героя, если бы не особая роль в истории Руси конца X — первой половины XI в. именно Полоцка, наряду с Новгородом и Киевом. В окраинном «кривичском» Полоцке, до подчинения его Владимиром Святославичем, правит норманн Рогволод, Владимир оставляет его в «отчину» насильно взятой в жены Рогнеде Рогволодовне и старшему сыну Изяславу. Это был естественный правовой акт — Рогнеде было возвращено ее вено, после того как Владимир вступил в христианский брак с царевной Анной. Но по летописному преданию, подученный матерью младенец Изяслав вступился за Рогнеду, подняв оружие против отца. С тех пор «Рогволожи внуки» — потомки Изяслава, комментирует киевская летопись (ПСРЛ, т. 1, стб. 300–301), «мечь взимають» — претендуют на наследие потомков Ярослава, то на Новгород, то на Киев. В Полоцке, как в Киеве, а затем и в Новгороде, строится храм Святой Софии.

Таким образом, три центра Руси в XI в. претендовали на то, чтобы моделировать центр мира, сам Царьград со Святой Софией¹¹⁶. Здесь нельзя не вспомнить о реках, текущих, согласно «Повести временных лет», в жребии сыновей Ноя: Полоцк и в географическом смысле соперничает с волховским Новгородом, также ориентированный на полнощные страны. Видимо, не случайны в этом отношении и известия «Саги об Эймунде» — Западная Двина была хорошо освоена скандинавами. По русской летописи, Владимир, отправляющийся в поход из Новгорода на Киев — повторяющий деяние Вещего Олега, присоединяя со своими варягами и словенами Полоцк, воссоздает исходное единство славянских племен, призвавших варягов — словен и кривичей.

При этом автор, представляющий совершенно иную традицию, — Титмар Мерзебургский, описывая распри князей после смерти Владимира, упоминает лишь трех его сыновей: летописец насчитывал их двенадцать (число опять-таки символическое, но очевидна его связь с представлениями о «равноапостольной» миссии Владимира Святого: число сыновей равно числу апостолов, сыновей Иакова — колен Израилевых и т. п.). Лишь двух

¹¹⁶ Наследник Владимира Мономаха Мстислав в 1129 г. отправил все семейство полоцких князей в ссылку в Царьград (ПСРЛ, т. 1, стб. 301), предельно приблизив их к вождьенному образу.

сыновей — Святополка и Ярослава — Титмар знает по имени; Святополка отец заключил в темницу, так как тот по наущению тестя, польского короля Болеслава, готовил заговор; Святополк бежал к Болеславу, который помог ему на время вернуть Киев, доставшийся Ярославу (Назаренко 1993. С. 166 и сл.; Титмар, VII, 72; VIII, 73).

Еще один источник, византийская хроника Скилицы, также упоминает трех сыновей Владимира. Правда, известия хроники относятся к 1036 г., когда многие сыновья князя — Борис, Глеб, Святослав и сам Святополк — погибли в распрях, но и здесь по имени названы лишь два сына из упомянутых трех — Мстислав и некий Зинислав (ср.: Назаренко 1993. С. 167), которого сопоставляют со смоленским («кривичским») князем Станиславом, упомянутым поздними летописями. Так или иначе, разным источникам было известно, что на Руси в начале XI в. правят три князя.

Следует учесть, что сам Владимир Святославич первоначально делил власть с еще двумя сыновьями Святослава — Олегом Древлянским и Ярополком Киевским. Наконец, текст так называемого завещания Ярослава Мудрого, содержащийся в Новгородской Первой летописи под 989 г., после известий о крещении Руси и разделе городов между сыновьями Владимира Святославича, гласит: «И преставися Ярослав, и остахася три сына его: ветшии Изяслав, а средний Святослав, меншии Всеволод. И разделяша землю, и взяша болшии Изяслав Киев и Новгород и иные города многи киевськия во пределах; а Святослав Чернигов и всю страну вьсточную и до Мурوما; а Всеволод Переяславль, Ростов, Суздаль, Белоозеро, Поволжье» (НПЛ. С. 160).

Полоцк здесь не назван, так как он является отчиной Брячиславичей (при Ярославичах — знаменитого Всеслава Полоцкого), однако выделены новые три центра Руси, к которым «тянут» окраины, — Киев, Чернигов и Переяславль, связанные опять-таки с тремя братьями князьями. Историки указывали на парадоксальность такого выделения трех братьев: ведь у Ярослава было в год кончины (1054 г.) пять сыновей, которым он и оставил упомянутый ряд — «наряди сыны своя»: «имѣйте в собѣ любовь, понеже вы есте братья единого отца и матере. Да аще будете в любви межю собою, Богъ будет в васъ, и покорить вы противные подъ вы. И будете мирно живуще. Аще ли будете ненавидно живуще, в распряхъ и которающесе, то погыбните сами и погубите землю отецъ своих и дѣдъ своих, юже налѣзоша трудомъ своимъ великымъ; но пребывайте мирно, послушающе брат брата. Се же поручаю в собе мѣсто столь старѣйшему сыну моему и брату вашему Изяславу Киевъ; сего послушайте, якоже послушасте мене, да той вы будеть в

§ 4. «И избрашася 3 брата». Сага и история

мене мѣсто; а Святославу даю Черниговъ, а Всеволоду Переяславль, а Игорю Володимерь, а Вячеславу Смолинескъ». И тако раздѣли им грады, заповѣдав им не преступати предѣла братня...» (ПВЛ. С. 70; ср.: НПЛ. С. 181–182).

Текст «ряда» содержится в той же Новгородской летописи, что и «завещание» Ярослава — он же читается в «Повести временных лет» и, значит, был уже в предполагаемом Начальном своде (первой редакции ПВЛ). Недаром «пределы братни», как указано в главе II, были прямо соотнесены с жребиями сыновей Ноя космографического введения к начальной летописи.

Реконструируемый Шахматовым свод 1073 г. завершается опять-таки библейским комментарием, непосредственно связанным с историей Русской земли в целом: распри трех Ярославичей ассоциируются с преступлением потомков Хама — «преступиша сынове Хамове на землю Сифову и по 400 лѣт отъмьщение прияша от Бога; от племени бо Сифова суть еврѣи, иже избиша Хананѣйско племя, въсприяша свои жребии и свою землю; паки преступи Исав заповѣдь отца своего и прия убийство; не добро бо есть преступати предѣла чужого» (ПВЛ. С. 79). Этот комментарий, как уже говорилось (параграф 2.1), напрямую отсылает к «заповеди» Ярослава сыновьям, который, по А.А. Шахматову, также составлен Никоном: С. Франклин показал, что заповедь эта цитирует слова Исаака (брата Исава), сказанные 12 сыновьям в известном псевдоэпиграфе «Книга юбилеев» (или «Малое бытие», XXXVI, 1–12). Но «Книга юбилеев» цитируется также в другом, не менее показательном для истории Ярославичей фрагменте — в космографическом введении, где «Сим же и Хам и Афет, разделивше землю, жребьи метавше, не преступати никому же в жребий братень».

Летописцу не была известна собственно «Книга юбилеев» — он пользовался хронографической компиляцией, которую В.М. Истрин назвал Хронографом по великому изложению. Тот же Истрин усматривал в Хронографе образец для Начальной летописи, составленной в княжение Изяслава Ярославича в 1050-е гг. Очевидно, что Хронограф действительно был образцом для текста, завершающегося летописным известием 1073 г. и актуализировавшего «исторический» мотив трех братьев — от деления земли между сыновьями Ноя до правления трех Ярославичей: комментарий из Хронографа дан и к «киевской» статье о знамениях 1065 г.

Эти наблюдения в целом подтверждают давно обнаруженное единство летописных текстов, связанных с Ярославичами и композиционное единство летописного текста в целом, именуемого со времен А.А. Шахматова Начальным сводом, который и завершается статьей 1093 г. с характерной

«авторской» фразой: «Се бо аз грешный и много и часто Бога прогневаю, и часто согрешаю по вся дни» (ПВЛ. С. 95). В сравнении с шахматовской реконструкцией, ныне «Начальный свод» — или Печерский свод, составлявшийся неким черноризцем или черноризцами Киево-Печерского монастыря в княжение трех Ярославичей Изяслава, Святослава и Всеволода, — должен быть пополнен космографической частью с повествованием о жребиях трех сыновей Ноя. То была первая редакция «Повести временных лет».

Композиционная завершенность реконструируемого текста этой редакции представляется очевидной, потому что его концовка — мотив казней Божиих — «риторически» соотносится с началом, Введением, которое сохранила Новгородская первая летопись. Проблема «Введения» к Начальному своду выглядит ныне более сложной, ибо собственно введение к НПЛ содержит отсылку к некоему тексту, повествующему «о начале Русской земли и о князех, како откуда быша» (см. главу II). Этот вопрос — не праздный в отношении рассматриваемых текстов о трех Ярославичах, так как в княжеских «каторах» речь шла о праве «причастия в Русской земле» (ПВЛ. С. 85): хазарская Тмутаракань (а затем и отнятые у «ляхов» Червенские города) — удел изгоев. Парадигма единовластия, свойственная эпохе, по летописи, эпохе первых князей — от Рюрика до Владимира Святославича и Ярослава, сменилась при Ярославичах представлениями о коллективном созеренитете братнего рода над Русской землей; для третьего Ярославича важен был исторический основополагающий прецедент. Вероятно, свод, составлявшийся при Всеволоде Ярославиче, начинался знаменитыми словами «Откуда есть пошла Руская земля» и содержал легенду о призвании *трех* варяжских князей, то есть представлял собой первую редакцию «Повести временных лет».

Закономерен вопрос: не отражает ли текст завещания, скорее представления новгородского летописца (составлявшего перечень киевских князей в середине XII в. — Гиппиус 1994) об идеальном состоянии волостей и согласии триумvirата Ярославичей, нежели историческую действительность (Насонов 1969. С. 48–49; ср.: Ключевский 1987. С. 182; Пресняков 1993. С. 35–41)? Здесь можно обратить внимание на взаимную дополнительность «ряда» и «завещания»: по завещанию три сына Ярослава получают те города, которые остались без князей после распрей между потомками Владимира Святославича — Борис должен был княжить в Ростове, Глеб — в Муроме и т. д. Ростов, а с ним и Ростово-Суздальская (Северо-Восточная) Русь действительно оставались во власти линии переяславских князей — потомков Всеволода и его сына Владимира Мономаха, Муром — под рукой чернигов-

ских князей и их потомков (о судьбах Белоозера в связи с переделом отчин Ярославичей в 1170-х гг. — см. Кучкин 1984. С. 60 и сл.).

Наконец, сами три центра Среднего Поднепровья — Киев, Чернигов и Переяславль — впервые были отданы сыновьям именно Ярославом: Владимир Святославич не посадил там своих сыновей. Эти города, расположенные в древней области хазарской дани, оставались под властью киевского князя, входили в его домен — Русскую землю (в узком смысле) в Среднем Поднепровье (см. Насонов 1951 и главу III), составляли ядро Русской земли в широком смысле, к которому «тянули» окраины. С тех пор князья — потомки Ярослава, далекие от Киева, имевшие уделы в Ростово-Суздальской или Галицкой землях, требовали себе «части» в Русской земле, самого Киева или Переяславля: очевидно, без этого их положение, будучи достаточно прочным в собственных «отчинах», представлялось все же недостаточно легитимным. Не эти ли центры Русской земли — Киев, Чернигов и Переяславль — определяли число «главных» сыновей Ярослава?

Напомним, что сведения таких несхожих и явно независимых от русского летописания источников, как хроники Титмара и Скилицы, а также «Сага об Эймунде» повторяют сведения о трех братьях — князьях на Руси, при том, что у Владимира, как и у его сына Ярослава, было больше сыновей. Показательно, что именно три старших Ярославича, по летописи, решают судьбу меньших братьев и их столов.

Похоже, что правление трех князей было некоей «парадигмой» древнерусского престолонаследия, сохранявшейся и при перемене столиц. В целом эта парадигма вписывалась в ту систему «родовых отношений» князей Рюриковичей, которую обстоятельно исследовал еще в 1847 г. С.М. Соловьев, настаивавший на том, что с эпохи призвания князей и до середины XII в. «все князья суть члены одного рода, вся Русь составляет нераздельную родовую собственность» (Соловьев, Кн. XIX: 6). Специально на эту парадигму — в отношении «лествичной» системы престолонаследия, сложившейся после смерти Ярослава Мудрого — вслед за Соловьевым обратил внимание В.О. Ключевский. «В Сказании о Борисе и Глебе [...] читаем, что Ярослав оставил наследниками и преемниками своего престола не всех пятерых своих сыновей, а только троих старших. Это известная норма родовых отношений, ставшая потом одной из основ местничества. По этой норме в сложной семье, состоящей из братьев с их семействами, то есть из дядей и племянников, первое, властное поколение состоит только из трех старших братьев, а остальные, младшие братья, отодвигаются во второе, подвластное поколение, приравниваются к племянникам: по местническому счету старший

племянник четвертому дяде в версту (уравнивается в правах. — В. П.), причём в числе дядей считается и отец племянника» (Ключевский 1987. С. 182).

Виднейший исследователь русского княжого права А.Е. Пресняков (1993. С. 24–25) считал, однако, что построения Ключевского основываются на одном лишь примере трех Ярославичей (что, как мы видели, не вполне справедливо), и что понятие «генеалогической отчины» у Ключевского «столь отвлеченно, что едва ли могло быть усвоено конкретным мышлением древнерусского князя».

В принципе скепсис Преснякова в отношении генеалогической отчины, равно как и в отношении «родовой теории», оправдан, во всяком случае, в том смысле, что «родовые отношения» старшинства регулярно нарушались во время княжеских усобиц (не говоря уже о местничестве — позднейшей феодальной иерархии «думных людей» при царском дворе в XVI–XVII вв., которая лишь по форме напоминала княжий двор домонгольской Руси). Верно, что, когда в 1073 г. «въздвиге дьявол котору в братьи сей Ярославичих» и Святослав с Всеволодом изгнали Изяслава из Киева, у власти оказалось два брата: Всеволод занял черниговский стол, оставив за собой Переяславль, но в этом и заключалось «преступление против заповеди отней» и Божьей.

Представления о самостоятельном значении столов — Киевского, Черниговского и Переяславского — частей Русской земли в узком смысле, вне зависимости от того, кто из князей занимал тот или иной стол в данный момент, сохранялось на протяжении всего древнерусского периода. Более того, увековечить эти жребии стремились сами Ярославичи: единая киевская митрополия была разделена на три: Киевскую, Черниговскую и Переяславскую (ср.: Шапов 1989. С. 56 и сл.; Назаренко 1995. С. 87 и сл.).

Это разделение было упразднено при единодержавном княжении Всеволода, но и формировалось оно, судя по первому упоминанию *двух* митрополитов в связи с последним совместным деянием трех Ярославичей, не сразу: о перезахоронении мощей Бориса и Глеба в Вышгороде (1072 г.) говорится, что «совокупивъше ся вься братия Изяслав, Святослав и Всеволод, митрополит Георгий кыевьскый и другый Неофит чьрниговскый, и епископ Петр переяславьскый» (Усп. сб.: 62). Давно предполагалось (Л. Мюллер), что разделение митрополии на Киевскую и Черниговскую было связано с разделением Ярославом и Мстиславом Черниговским Русской земли «по Днепру» в 1026 г. (ПВЛ. С. 65; напомним о неясной судьбе — и «жребии» — третьего уцелевшего в «кривичском» Пскове брата Судислава). Показательно при этом, что Переяславская митрополия была выделена после 1072 г. — тогда,

когда Всеволод княжил уже в Чернигове. Тем не менее «жребий» Всеволода сохранялся — вместе с «тянущими» к нему землями в Поволжье, в Ростове и Суздале, относящимися к переяславскому диоцезу (ср.: Шапов 1989. С. 61–62).

В процессе передела «жребиев» — формирования лествичной системы наследования столов — тернарная структура отчин Ярославичей продолжала существовать уже независимо от претензий тех или иных князей на конкретный стол. Однако лествичная система воспроизводила старые отношения между братьями уже внутри отдельных отчин. С.М. Соловьев специально обратил внимание на то, что представитель третьего поколения Ярославичей ростово-суздальский князь Юрий Долгорукий, *четвертый* сын Владимира Всеволодовича Мономаха, занял киевский стол, оттеснив старших племянников — сыновей Мстислава Владимировича. Правда, Киев был захвачен в процессе беспрестанных усобиц — племянники и *третий* сын Мономаха Вячеслав боролись за киевский стол с Юрием. Только после смерти Вячеслава (1155 г.) Юрий Долгорукий был признан племянником Ростиславом «во отца место», сам же назвал Ростислава «братом и сыном» и после крестного целования утвердился в Киеве.

Архаичное «родовое» право и связанное с ним «конкретное мышление» (к которому апеллировал А.Е. Пресняков), судя по данным культурной антропологии, как раз и порождали сложнейшие системы родства (и соответственно наследования) в архаичных обществах, по сравнению с которыми те ограничения, которые возникали в системах наследования в ранних государствах, можно считать предельным упрощением родоплеменных генеалогических традиций. Эти ограничения были необходимы ввиду того, что у правителей ранних государств — в том числе и у Владимира Святославича, славившегося своим женолюбием (о чем сообщает не только летопись, но и Титмар Мерзебургский) — было многочисленное потомство от разных жен и наложниц (сам Владимир был сыном наложницы Святослава).

В.М. Мисюгин обратил внимание на то, что не только в Библии и у индоевропейских народов существуют предания о трех братьях — наследниках. В архаичных африканских (оромо) и других традициях титул наследника также переходил сначала по очереди к трем старшим сыновьям, а затем — минуя других братьев — к старшему племяннику. Эта система диктовалась традицией возрастных классов: в один «класс» наследников могло попасть не более трех потомков правителя (Мисюгин 2009). Знаменитый русский историк предварял эти данные современной культурной антропологии, когда писал о том, что «объяснение такому счету (на Руси. — В. П.) можно

найти в самом физическом старшинстве между членами семьи, ибо почти всегда в многочисленной семье только три старшие брата сохраняют некоторое равенство между собою» (Соловьев, Кн. XIX: 18),

Мы уже видели, что русские князья не следовали строго этому правилу, но можно понять «правовую» основу их претензий и усобиц, в частности, почему уже при Ярославе Мудром его старший племянник Брячислав Полоцкий претендует на Новгород, после того как Ярослав оставил этот город, заняв Киев. Видимо, не случайно в Эймундовой саге полоцкий князь принят за брата князей киевского и новгородского. Но в этом контексте предание о трех призванных князьях — братьях Рюрик, Синеусе и Труворе «с роды своими» получает не фольклорную или библейскую ретроспективу, а историческую перспективу. Призванные варяги расселяются не в землях, как прочие «роды» на «своих местах», а в исторических городах.

В тексте «Повести временных лет» есть рубеж, которым летописец разделяет «сагу и историю», точнее, космологическое введение и предания о расселении славянских племен, основании Киева — с одной стороны, и начало Русской земли («начаса прозывати Руска земля») — с другой. Этот раздел — введение летописных погодных дат — относится к тому же 852 г. царствования императора Михаила, при котором, как уже говорилось, приходила Русь на Царьград, что и было отмечено в греческом хронографе. О том, что эта дата условна, писалось не раз (см. ПВЛ. С. 395–397). Для нас важен не выбор даты, а связь начала отсчета истории летописцем именно с началом Русской земли. При этом предание о призвании варягов помещено им в исторической части (под 862 г.), то есть введено в актуальный исторический контекст, а не в область прочих преданий, примыкавших к космографии. Приводимые выше соображения позволяют заключить, что у летописца были основания для введения в исторический контекст именно этого предания с последующим повествованием об Олеге, провозгласившем Киев матерью городов русских и поименованным первым киевским князем (ПВЛ. С. 12), а не предания о Кие, Щеке и Хориве, отнесенного к эпическому — доисторическому прошлому:

Конечно, нельзя упускать из виду, что летописец — свидетель княжеских усобиц и изгнания старшего Ярославича Изяслава младшими — при составлении «Повести временных лет» настойчиво проводил идею братства князей. При этом он обращался и к авторитету преданий — не только варяжского, но и, прежде всего, библейского. Об этом свидетельствует дословное совпадение трех приведенных (в главе II.1) летописных пассажей о разделении земли между сыновьями Ноя и сыновьями Ярослава.

§ 5. Новгородцы от «рода варяжска»?

Библейская традиция вела летописца не к вымыслу, а к исторической реальности, к пониманию русской истории как продолжения истории всемирной. Эта традиция была не только способом описания и познания, но и действенной силой истории — достаточно действенной не только для того, чтобы вразумлять нарушавших «отни заповеди» князей, но и для осмысления новых событий русской и всемирной истории. Так, космографический принцип (заимствованный из ПВЛ) очевиден в повестях о Куликовской битве, где Русь и Орда — измаильтяне оказываются в разных «жребиях» — потомков Иафета и Сима («Задонщина»). Ясен и мотив молитвы Дмитрия Донского, слышавшего о похвальбе Мамаю пойти «на всю землю Рускую, яко же при Батыи было»: «Господи, не повелел еси в чюжь предел преступати, аз же, господи, не преступих» (ПКЦ: 112).

Заповедь «братней любви» не относилась просто к религиозной риторике по поводу распадающегося триумvirата Ярославичей. Она имела более глубокие и, казалось бы, вполне очевидные истоки в собственно древнерусской традиции — русские князья действительно составляли единый род.

§ 5. Новгородцы от «рода варяжска»?

Загадочная фраза, завершающая легенду о призвании в Новгород варяжских князей в Новгородский Первой летописи: «И от тѣх Варягъ, находник тѣхъ, прозвашася Русь, и от тѣхъ словет Руская земля; и суть новгородстии людие до днешняго дни от рода варяжска» (НПЛ. С. 106) — оставалась непонятной уже для первых редакторов этого текста. Составитель лаврентьевского варианта «Повести временных лет», для которого неясным было и место, где сидел старейший призванный князь Рюрик, вторил НПЛ: «И от тѣх Варягъ прозвася Руская земля», — но сопровождал это утверждение невнятным синтаксическим комментарием: «Новугородъци ти суть людье Ноугородъци от рода Варяжска преже бо бѣша Словѣни» (ПСРЛ, т. 1, стб. 20).

Комментарий «преже бо беша Словѣни» отсылает к космографическому введению, где утверждается, что словене, в древности расселявшиеся от Дуная, основали Новгород на озере Ильмень (ПСРЛ, т. 1, стб. 6). Составитель ипатьевской редакции (ср.: Гиппиус 2007; Вилкул 2008) включил ладожскую версию легенды о призвании, согласно которой Рюрик сначала сел в Ладоге, а затем «срубил» Новгород: он также свидетельствовал, что в восточноевропейских городах «суть находницѣ Варязи, первии наслѣдници в Новѣгородѣ Словѣне» и т. д. (ПСРЛ, т. 2, стб. 14). О том, что новгородцы «от рода варяж-

ска», здесь речи нет. Опустил отнесение новгородцев к «роду варяжьску» и составитель позднейшей Никоновской летописи, настаивавший, что и новгородцы прозвались русью «от варягъ» (ПСРЛ, т. IX: 9).

Летописная конструкция, возводившая новгородцев к варягам, не находит прямого объяснения в летописных текстах. А.А. Шахматов, настаивавший на первичности новгородской редакции варяжской легенды, понимал очевидную несообразность возведения имени *русь* к варягам, равно как и отнесения новгородцев к «роду варяжьску» в НПЛ: ведь в новгородском тексте нет отождествления руси с одним из варяжских народов — это отождествление свойственно ПВЛ. Воспринимая конструкцию НПЛ как последовательное отражение реальных исторических событий, Шахматов разделил историю руси и варягов, первую (начальную русь) связав с водворением Аскольда и Дира на киевском юге (откуда они отправились в поход на Царьград в 860 г.), вторых (варягов) — с призванными затем (в 862 г.) варяжскими князьями, обосновавшимися в Новгородской земле. Шахматов предложил конъектуру, которая призвана была устранить противоречия в летописных текстах: «И от техъ Варягъ, находъникъ техъ, прозъвашася *Варягы*, и суть Новгородъстии людие до дньшняго дъне от рода Варяжьска» (ср.: Шахматов 2002. С. 432, 210, 218). На неприемлемость этой конъектуры (уже в силу того, что Аскольд и Дир названы той же НПЛ варягами, а не русью) уже указывалось (Петрухин 1995. С. 77 и сл.).

А.А. Шахматов строит на основе первой гипотезы вторую: из реконструированной фразы «от тех варяг прозъвашася варягы, и суть новгородстии людие до днешняго днья отъ рода варяжьска, преже бо беша словене» он делает вывод о том, что варягами прозвались... словене новгородские, подобно тому, как на юге поляне восприняли от скандинавов название «русь». Варяги действительно составляли часть населения Новгородской земли, и, судя по скандинавским именам, сохранившимся не только в среде новгородского боярства, но и в новгородской глубинке вплоть до XIV в., память о варяжских «находниках» в Новгороде была актуальной не только во время составления гипотетического Начального свода в конце XI в., но и во время составления Новгородской первой летописи и позже. Но конъектура Шахматова все же неприемлема. Если поляне действительно восприняли название *русь*, как об этом прямо сообщает Нестор, то словене не только никогда не назывались варягами, но в аутентичных источниках XI в. противопоставлялись им: уже в «Русской правде» *словенин* — местный житель, *варяг* — иноземец (см. далее). И если, открыто отождествляя русь и варягов, а затем русь и полян, составитель «Повести временных лет» прибегает

§ 5. Новгородцы от «рода варяжска»?

к специальным разысканиям и комментариям, то для поисков подобного отождествления словен и варягов в источниках оснований нет.

Историческая интерпретация этих летописных текстов осложняется тем, что названия *варяги* и *русь* для летописей с конца XI в. означали имена народов — потомков Иафета, в то время как исторически они восходили к обозначению воинских контингентов — наемников (см. о варягах — Мельникова, Петрухин 1994) и княжеской дружины, в начальном значении — «гребцов» (Мельникова, Петрухин 1989)¹¹⁷. Посему понимать летописный текст как отражение генеалогических представлений о варяжском происхождении новгородцев, пусть даже наиболее представительных боярских родов (ср.: Гиппиус 2001)¹¹⁸, едва ли допустимо. Вместе с тем место варягов в «родословной» новгородцев и в истории формирования самого Новгорода становится все более очевидным благодаря раскопкам Е.Н. Носова на новгородском Городище. Представляется убедительной трактовка полученных материалов (в том числе скандинавских) как свидетельство того, что варяжская дружина призванного князя остановилась на Городище после призвания князей IX в. Вокруг этого княжеского стола, где делились доходы — дань, начало концентрироваться словенское население, создавшее

---

¹¹⁷ А.А. Горский (2004. С. 36 и сл.) попытался обойти летописную конструкцию о варяжском происхождении имени русь ссылкой на временное значение предлога «от» в исследуемом контексте: якобы здесь предлог означал, что со времен появления варяжских князей государство, возникшее в Киеве (?), стало именоваться Русской землей. В летописи в этом значении используется предлог оттоле (ср.: Перухин 1995. С. 77 и ниже). Как название русь распространилось из Киева, автор не объясняет (на невразумительность схожих построений еще в Синописе указывалось во Введении). Игнорирует Горский и общую для начального летописания формулу «от рода» (и «от»), обозначающую генезис, а отнюдь не время становления общности: возвращаясь к рассказу о киевских полянах, ПВЛ (с. 10) напоминает, что они «сущее от рода словѣньска... а древяня (древляне. — В. П.) же от словѣн же» и т. п. «Росы» Бертинских анналов, признающиеся, что они «от рода свеонов» (шведов), равно как и послы «от рода русского» со скандинавскими именами в договорах Олега и Игоря с греками традиционно (для антинорманистского дискурса) объявляются норманнами на русской службе и т. д. (Горский 2004. С. 45 и сл.). См. о формулах договоров с греками и «всей руси» в § 2.

¹¹⁸ См. критику построений А.А. Молчанова и А.А. Гиппиуса в отношении варяжской генеалогии новгородских боярских родов (Стефанович 2008. С. 241 и сл.). Характерный для раннесредневековой историографии переход из социального в этнический «регистр» часто сбивает с толку исследователей: русь «от рода свеонов» в Бертинских анналах или «от рода франков» («варяжска» в славянском переводе) в Хронике Амартола приводили к поиску соответствующего «племени» в составе приводимых в источниках народов, в то время как речь шла о дружинном объединении (ср.: Бибииков, Мельникова, Петрухин 2000). Вероятность воздействия перевода Хроники Амартола о руси «от рода варяжска» на начальное летописание нуждается в дополнительном исследовании.

Новый город (ср. работы Е.Н. Носова, в том числе последнюю монографию, посвященную Городищу, — Носов, Горюнова, Плохов 2005. С. 11).

Эти материалы позволили В.Л. Янину предположить «политический механизм возникновения Новгорода», где Старым городом оказалось Городище — княжеская резиденция; но князья (при Олеге), перебравшись в Киев, покинули первую столицу, оставив там лишь варяжскую дружину, которой «новгородские люди» должны были платить дань по уставу Олега. Впрочем, этой дружине пришлось делить власть и доходы с местной верхушкой — формирующимся боярством и вечевыми институтами (Янин 2004. С. 72 и сл.). Можно предположить, вслед за А.А. Молчановым (Молчанов 1997) и А.А. Гиппиусом (Гиппиус 1997а), что властные исходные группировки быстро консолидировались, и местные боярские роды получили варяжские корни. С варяжским родом, однако, увязываются новгородские «люди», то есть платящие дань (словене, кривичи и меря, призывавшие князей и обязанные платить дань по уставу Олега), а не бояре.

Послы киевских князей, заключавшие договоры с греками, действовали от имени княжеского «рода русского». Действительно ли судьбы «русского» Киева и «варяжского» Новгорода настолько разошлись в X в.? НПЛ (под 921 / 922 г.) описывает войско Игоря и Олега, которое те «пристроиста» на Царьград: «и Варягы, и Поляне, и Словене, и Кривичи». Редактор ПВЛ, которому стал известен договор Олега с греками 911 г., исправил дату похода на 907-й и по-другому описал состав войска: князь взял «множество Варяг и Словен, и Чудь, и Словене, и Кривичи, и Мерю, и Поляны, и Северы» (лаврентьевский вариант, ПСРЛ, т. 1, стб. 29) и прочие славянские племена юга. Бросается в глаза повторное упоминание словен — в ипатьевском варианте ПВЛ упоминание словен после чуди отсутствует. Но дело не просто в описке: лаврентьевский вариант перечисляет участников призвания варягов. В том же порядке они перечисляются в войске Олега, идущем на Киев (под 882 г.) и в лаврентьевском, и в ипатьевском варианте.

В НПЛ (с. 107) войско, приписываемое занявшему Киев Игорю, описано иначе: «и беша у него Варязи мужи Словѣне, и оттолѣ (прочии. — *вставлено на полях, В. П.*) прозвашася Русью». Более внятный (лаврентьевский) вариант относится к войску Олега в Киеве: «и беша у него варязи и словѣни и прочи, прозвашася Русью» (в ипатьевском варианте на первом месте упомянуты словене, в утраченном Троицком списке стоит просто «Варязи Словене» — ср.: Шахматов 2002. С. 211). Варяги и словене представляют собой единство, княжескую дружину (старшую дружину?), которая и именовалась Русью, заключая договор 911 г. по «закону русскому». Редактор ПВЛ, утверждавший,

§ 5. Новгородцы от «рода варяжьска»?

что «словенский языкъ и руский одно есть, от варягъ бо прозвашася Русью, а первое бѣша словене», и опиравшийся на славянский язык известных ему договоров руси с греками, фиксировал это единство варягов и словен¹¹⁹.

Не менее существенным для киевских летописцев и князей было то, что словене при Олеге оставались данниками варягов: киевский князь «устави дани словѣномъ, кривичемъ и мери, и устави (повтор читается не во всех списках ПВЛ. — В. П.) варягомъ дань даяти от Новагорода гривень 300 на лето мира деля, еже до смерти Ярославлѣ даяше варягомъ» ПСРЛ, т. 1, стб. 23–24). Шахматов считал конструкцию ПВЛ искусственной, свидетельствующей о выплате дани варягам за море, хотя сам Ярослав платил треть дани своей варяжской дружине в самом Новгороде, а две трети отсылал в Киев.

НПЛ (с. 107), напротив, констатировала: Игорь «дани устави Словѣномъ и Варягомъ даяти, и Кривичемъ и Мерямъ дань даяти Варягомъ, а от Новгорода 300 гривен на лѣто мира деля, еже не даютъ» (курсив мой. — В. П.). Повтор имени варягов, как и повтор имени словен в предыдущих фразах о войске, делает неясной летописную формулировку: то ли речь идет о дани кривичей и мери объединению словен и варягов, то ли слова «и Варягомъ даяти» являются вставкой (ср.: Шахматов 2002. С. 213, 228), и данниками были словене, кривичи и меря, призвавшие князей. Вероятно, новгородский летописец стремился подчеркнуть независимость словен от варяжской дани, идущей дружинникам киевского князя: дань варягам «мира деля» новгородцы больше не дают (НПЛ. С. 107; ср.: Шахматов 2002. С. 227 и сл.).

Это различие представляется принципиальным, отражающим позицию составителя НПЛ в XIII в. НПЛ была воспринята древняя традиция начальной летописи (Начального свода — первой редакции ПВЛ), но неприемлемым и непонятным было прямое отождествление призванных князей и их дружины с русью («всей русью» начальной летописи). Отсюда замена «всей руси» в тексте варяжской легенды НПЛ на «дружину многу и предивну» и стремление развести русь и варягов в начале новгородской истории¹²⁰.

¹¹⁹ Шахматов (2002. С. 211–212) настаивал, что Словене в неудобочитаемой конструкции «Варязи мужи Словене» является вставкой раннего новгородского сводчика (в реконструируемом своде 1050 г.), и сводил все к известной конструкции «и беша у него мужи варязи, и отголе прозвашася Русью», исходя из своей гипотезы о происхождении имени русь от киевских скандинавов.

¹²⁰ Как уже говорилось, непонятным выражение «вся русь» оставалось и для А.А. Шахматова; при этом он считал «недоразумением» характеристику дружины как «предивной» (Шахматов 2001. С. 227). Действительно, определение относится к церковнославянской лексике. П.С. Стефанович в последней работе о дружине игнорирует проблему дружинного значения имени русь, сводя ее к «некоторым общим соображениям» (Стефанович 2009. С. 13–16).

Русь для составителя ПВЛ — один из варяжских народов. Так воспринимал летописный текст и А.А. Шахматов: фразу варяжской легенды о трех призванных князьях, которые «пояше по собѣ всю русь», текстолог интерпретировал «напрямую» — летописец знал, что среди варягов нет народа по имени *русь*, и изобразил дело так, что этот народ целиком взяли с собой призванные князья. Авторитетный исследователь летописных сводов не обратил внимания на то, что договор Олега 911 г. был заключен князем от имени «всѣхъ иже суть под рукою его Руси» (ПВЛ. С. 18; ср. в § 3).

Неприемлема и конъектура, принятая издателями ПВЛ в отношении данников варягов: те брали дань на чюди, на словенѣх, на мери а на всѣхъ, кривичѣхъ» (ПВЛ. С. 12). Запятая, разделяющая всѣхъ и кривичей, призвана ввести в список данников финское племя весь — ведь Белоозеро, ареал веси, оказалось во власти призванных князей. Речь же в летописи идет о «всех кривичах» — это племенное объединение жило разбросанно в верховьях Западной Двины, Днепра и Волги. Соответственно со словами призвания к варяжской руси в летописной легенде обращаются «чюдь, словѣни, и кривичи и вси» (ПВЛ. С. 13): перед нами распространенная (см. выше о франках) архаичная традиция (известная славянам)¹²¹, когда правовые решения принимались всей совокупностью субъектов права — «всем миром». В конце древнерусского периода, когда в 1207 г. князь Константин явился из Новгорода во Владимир к своему отцу Всеволоду (Большое Гнездо), его встречали «вся братья его... и вси мужи его, и горожане вси от мала и до велика» (ПСРЛ, т. 1, стб. 428–429).

Нелетописный текст, относящийся к циклу произведений о Борисе и Глебе, «Сказание о чудесах св. Романа и Давыда», описывает неурядицы в Киеве после смерти киевского князя Святополка Изяславича и призвание на стол Владимира Мономаха (1113): «свѣзкупивъше ся вси людие, паче же большии и нарочитии моужи, шедшее причетьмъ всѣхъ людии и моляхоу Володимира, да въшедь оуставить крамолоу соущую в людѣхъ» (Усп. сб.: 69). Мономах дает «устав», очередной раз реформируя русское право после неурядиц (ср.: Петрухин 2000. С. 195 и сл.).

¹²¹ Упомянутая чешская легенда о призвании на стол пахара Пшемьсла, передаваемая Козьмой Пражским (Чешская хроника 1.6), содержит формулу призвания, обращенную к Пшемьслу: «Госпожа наша Либуше и весь наш народ просят тебя прийти поскорей к нам и принять на себя княжение». Впрочем, близкие параллели известны и неславянской — германской традиции: наследник лангобардского престола явился из морского путешествия к своему народу и нашел там «всех дворцовых слуг и всю королевскую дружину, затем «всеми лангобардами был возведен на трон» (Павел Диакон, V. 33).

§ 5. Новгородцы от «рода варяжьска»?

Слова «вся русь», фрагмент договорной лексики — ряда с призванными князьями, был уже непонятен новгородскому летописцу (НПЛ неизвестны договоры руси с греками). «Русь», «Русская земля» для Новгорода — это, прежде всего, Среднее Поднепровье с Киевом, Черниговом и Переяславлем. Когда сформировалось это противопоставление Новгородских «верховских» земель и «киевской Руси» — во время «новгородской революции» 1136 г. (см. НПЛ. С. 208 и сл.), или с обоснованием Олега и Игоря в Киеве; когда Новгородская земля стала считаться «внешней Росией» — особая проблема¹²².

Новгородская тенденция противопоставления варягов и руси (разделяемая А.А. Шахматовым) не могла быть проведена последовательно: в древнерусской официальной (княжеской и летописной) традиции укоренилось предание о варяжском происхождении имени *русь*, но можно было противопоставить этой традиции утверждение, что «суть новгородстии людие до днешняго дни от рода варяжьска», но не «от рода русского», и не дают дани дружинникам киевского (русского) князя.

Почему же призванная скандинавская дружина называла себя «вся русь»?

---

¹²² Во «Внешней Росии» (в Немогогарде — Новгороде) при Игоре сидел Святослав. Существенно при этом, что, согласно информаторам Константина, «все росы» локализовались в Киеве (Константин Багрянородный. Об управлении империей. Гл.9.).

Глава V

Викинги на Западе и варяги на Востоке. Речные дороги, восточное серебро и происхождение имени русь

Господи, спаси нас от неистовства норманнов!

Средневековая молитва

§ 1. Русь: имя и начало истории

Русский летописец дал вполне однозначный ответ на вопрос, сформулированный им в начале «Повести временных лет»: «Откуда есть пошла Русская земля» — от призванных в 862 г. (лето 6370 от сотворения мира по летописной датировке) «варяг прозвася Руская земля» (ПВЛ. С. 13). Это утверждение вошло во многие летописные своды и стало общим местом русской средневековой историографии. Почти та же фраза читается в Новгородской первой летописи младшего извода (НПЛ), составленной позднее — видимо, в XIII в.: «От тѣхъ варягъ, находник тѣхъ, прозвашася Русь, и от тѣхъ слово Руская земля» (НПЛ. С. 106). Казалось бы, летописи не дают серьезных оснований для споров, по крайней мере, о происхождении названия *русь*. Но именно разночтения между «Повестью временных лет» и Новгородской летописью привели к противоположным трактовкам начала руси.

Как уже говорилось (см. главу II), ПВЛ сразу в космографическом введении, где перечисляются народы мира, относит русь к варягам, а затем в начале легенды о призвании повторяет, что призывающие отправились за море «к варягам, к руси»; «сице бо ся зваху тыи варязи русь, яко се друзии зовутся свие (свечи — шведы. — В. П.), друзии же урмане (норманны —

норвежцы. — В. П.), англыне, друзии — гъте (готы — жители Готланда. — В. П.), тако и си», — комментирует летописец (ПВЛ. С. 13). Новгородская летопись, однако, не имеет подобного космографического введения, хотя в цитированном вступлении Киев сопоставляется с Александрией и Римом, то есть вводится во всемирно историческую ретроспективу.

Текст же самой легенды о призвании варягов в новгородской летописи не содержит отождествления их с русью. А.А. Шахматов, опираясь на сравнительно-текстологический анализ «Повести временных лет» и Новгородской Первой летописи, предположил, что та сохранила предшествующий «Повести» летописный свод, составленный в Киеве в конце XI в. (1095 г.). Этот свод исследователь назвал Начальным. Там, по реконструкции Шахматова, русь не отождествлялась с варягами: это отождествление сделал составитель самой Новгородской летописи, учитывая известную ему «Повесть Нестора» (Шахматов 2002). В целом построение Шахматова, согласно которому Начальный свод предшествовал составлению «Повести временных лет» и Новгородской летописи, стало практически общепринятым в современной науке. Однако последовательное применение методики самого Шахматова показывает, что именно тексты о начале руси подверглись в Новгородской летописи определенной деформации, и целостной концепции происхождения руси эта летопись не дает.

Чтобы понять принципы работы летописцев, приходится сопоставить тексты по шахматовской методике, не занимаясь историческими событиями, описываемыми в них, но обратив внимание на их последовательность. После космографического введения, не содержащего дат, в ПВЛ говорится: «В лето 6360 (852 г.)... наченшу Михаилу царствовати, нача ся прозывати Руска земля. О семь бо увѣдохом, яко при семь цари приходиша Русь на Царьград, яко же пишется в лѣтописаньи гречьстѣм». Начальная дата правления Михаила III указана летописцем неверно, но она была чрезвычайно важна для него, ибо действительно указывала на *начало* русской истории — первое упоминание Руси на страницах византийской, а значит и всемирной, хроники. (Кроме того, в царствование того же Михаила была осуществлена и моравская миссия Кирилла и Мефодия, так же ставшая центральным событием начальной русской истории — см. главу VI.) Здесь Нестор приводит заимствованную из греческого хронографа (Хронограф по Великому изложению) хронологическую таблицу всемирной истории, перечисляя годы от Адама (сотворения мира) до главных событий ветхозаветной истории, правления Александра Македонского, Рождества Христова, воцарения Константина, Михаила, и дополняет ее датами правления киевских князей, от

Вещего Олега до смерти Святополка Изяславича. Его смертью и вокняжением Владимира Мономаха кончается «Повесть временных лет».

Далее в тексте летописи следуют сведения из «греческого летописания» — хроники Амартола о походе Михаила на болгар и их крещении (под 858 г.), повествование о дани, которую брали «варяги из заморья» под 859 г. Под одним 862 г. даны сведения об изгнании варягов и легенда о призвании варягов, то есть о происхождении руси, походе двух варягов, бояр призванного князя Рюрика — Аскольда и Дира — в Киев. Поход руси на Царьград в изложении хроники Амартола, приписан летописцем Аскольду и Диру и помещен под 866 г. (о принципах датирования см. в главе IV). Под 882 г. рассказывается о том, как Олег, родич Рюрика, с его малолетним сыном Игорем отправляются с войском из варягов и словен из Новгорода в Киев и там расправляются с провозгласившими себя князьями Аскольдом и Диром.

В НПЛ главка «Начало Русской земли» вводит киевскую легенду, где о руси не говорится, а известие о походе руси на Царьград в царствование Михаила оказывается вставкой в текст предшествующего изложения (первой редакции ПВЛ или Начального свода — см. главу II).

При этом греческие источники, свидетельствующие о походе руси (см. Кузенков 2003) и «начале» Русской земли, рисуют это «начало» не столь престижным, чтобы летописцы сразу описывали неудачу «безбожной руси» (Аскольда и Дира) под Царьградом — в ПВЛ описание отделено от упоминания о начале руси и приведено под 866 г.

Константинопольский патриарх Фотий описывает первую осаду столицы Византии флотилией «росов» как знамение Божьего гнева, с эсхатологическим пафосом ветхозаветных пророков: «народ незаметный, народ не бравшийся в расчет, народ, причисляемый к рабам, безвестный, но получивший имя от похода против нас [...] народ, поселившийся где-то далеко от нас, варварский, кочующий, имеющий дерзость [в качестве] оружия, беспечный, неуправляемый, без военачальника, такую толпой, столь стремительно нахлынул, будто морская волна, на наши пределы, [...] не щадя ни человека, ни скота» и т. д. (Вторая гомилия на нашествие росов — Кузенков 2003. С. 57; ср.: Ловягин 1882. С. 432–436).

Фотия нельзя понимать буквально: имя народа Рос (Ῥωσ) уже было известно в Византии не только из Септуагинты, недаром, как заметил М.Я. Сюзюмов, тот же Фотий в другом месте назвал народ рос «пресловутым» (Сюзюмов 1940. С. 122). В начале IX в. флотилии росов атаковали византийские порты на черноморском побережье — Амастриду и Сутдею (др.-рус. Сурож). При этом в «Житии Георгия Амастридского», повествующем о

§ 1. Русь: имя и начало истории

походе росов, также явственным ассоциации с «архонтом Рос» Септуагинты — росы названы «губительным на деле и по имени народом» (Бибилов 2009. С. 136; ср.: Сюзюмов 1940. С. 122; см. также главу III.1). Эта ассоциация прочно закрепляется за русью в византийской традиции: в «Житии Василия Нового», повествующем о походе руси Игоря на Царьград в 941 г. И через сто с лишним лет после Фотия Лев Диакон видит в походах князя Святослава сбывающееся пророчество Иезекииля: «Вот, я навожу на тебя Гога и Магога, князя Рос» (IX.6).

Может быть, византийские авторы, включая Фотия, плохо знали новоявленных врагов, неожиданно нападающих и удаляющихся на своих кораблях, и ничего, кроме мифического имени и ореола библейского пророчества, не могли им приписать? Видимо, нет, ибо уже у Фотия имеется конкретная этнографическая привязка: росы — это «скифский и грубый, и варварский народ» (Первая гомилия на нашествие росов — Кузенков 2003. С. 36). У Льва Диакона (История, IX, 6. С. 182) росы называются *скифами* или *тавроскифами* (затем это отождествление встречается и у других византийских авторов, равно как отождествление просто с таврами и киммерийцами — ср.: Карышковский 1960. С. 44 и сл.; Бибилов 2004. С. 680 и сл.), то есть относятся к кругу «реальных» и давно известных варварских народов Северного Причерноморья¹²³.

Можно заметить, впрочем, что реальность эта кажущаяся. «Скиф» — это обозначение «надменного и гордого варвара», как обозначается народ «рос» в византийских загадках X в. (Успенский 1997. С. 266–267). Этнографическая конкретизация — отнесение народа рос к тавроскифам — также очевидно связана с переживанием античной традиции. Безжалостное истребление населения тех мест, которые подвергались набегам руси — «убийство девиц, мужей и жен» (точно так же вели себя и викинги на Западе, не

---

¹²³ К.К. Акентьев вслед за многими авторами (ср.: Флоровский 1925 и др.) сводит первые упоминания руси в восточных и византийских текстах к эсхатологическим коннотациям. Впрочем, все народы севера, начиная с эпохи Великого поселения, вызвали эсхатологические ассоциации с Гогом из земли Магог, князем Рос и т. п. Норвежский филолог Х. Станг, выдвинувший «герульскую версию» происхождения имени русь, обратил особое внимание на связь эрулов / герулов с признаком «красный (цвет волос)», могучим телосложением и т. п., что было присуще и ранним описаниям руси. Характерна распространенная книжная этимология, возводящая имя русь к красному (рыжему / русому) цвету волос (Станг 2000; ср. близкую конструкцию — Максимович 2006 и критику этимологических подобных построений — Кулешов 2009). Заметим, что те же апокалиптические конструкции возникали в средневековье в связи с совершенно иным этнокультурным феноменом: представлениями о «рыжих (красных)» евреях, запертых Александром за Каспийскими горами, и т. д. (Гау 1999).

щадя «ни человека, ни скота»). Уже автор «Жития Георгия Амастридского» сравнивает «с древним таврическим избиением иностранцев» (Бибиков 2009. С. 136) — принесением людей в жертву в храме Артемиды Таврической, описанным еще Еврипидом.

Лев Диакон считал также, что «скифы почитают таинства эллинов, приносят по языческому обряду жертвы», когда описывал принесение русскими войнами Святослава в жертву пленным, мужчин и женщин. Впрочем, древнерусские языческие реалии здесь смыкаются с античными: в жертву Артемиде приносили девиц и юношей — согласно русской летописной традиции, в жертву по жребию так же выбирали девицу или отрока (см. в главе XI.1). В византийской историографии «реалии» подчинены традиции: «тавроскифы» — не более чем метафора язычников, приносящих человеческие жертвы, но язычники-росы всё же получают конкретное место в традиционной этнической номенклатуре, среди северных варваров, скифов, тавроскифов. И естественно, что в «Житии Георгия Амастридского» наряду с античной (языческой) мифологической ассоциацией зверств росов и жертвоприношений в храме Артемиды Таврической приводится христианская (ветхозаветная) параллель: упоминаются «беззакония», которые «много раз испытал Израиль».

Сходство в описании варварского народа рос и славян у древних авторов (в частности, характеристика их «безначалия», как у славян в тексте Прокопия Кесарийского) побуждала энтузиастов славянского происхождения имени *русь* настаивать на славянском этносе руси, атаковавшей Царьград при Фотии (см. комментарии — Кузенков 2003. С. 42–44).

Однако известность и «реальность» народа *рос* уже в IX в. не сводилась к античным реминисценциям. Напомним, что, согласно Бертинским анналам, в 839 г. из Константинополя в Ингельгейм к Людовику Благочестивому прибыло посольство, в состав которого входили люди, утверждавшие, «что они, то есть их народ, зовется *рос*» (*Rhos*) и что их правитель по имени Хакан послал их к византийскому императору Феофилу ради дружбы. Людовик выяснил, что в действительности они принадлежали к «народу свеонов» — были выходцами из Швеции (*Annales Bertiniani*. P. 19–20). Обеспокоенный император франков отправил Феофилу письмо, в котором просил подтвердить благонадежность людей «рос» — тогда он готов дать им охрану для возвращения на родину. В противном случае Людовик намеревался вернуть этих людей в Константинополь.

Можно, конечно, предположить, что причина, по которой Фотий игнорирует ранние столкновения Византии с народом *рос*, заключена просто в

особенностях жанра — в эсхатологическом пафосе его «бесед». Но Фотию вторит и ПВЛ: «В год 6360 (852) ...когда начал царствовать Михаил, стала называться Русская земля». Узнаём мы об этом потому, что при Михаиле «приходила Русь на Царьград, как говорится об этом в летописании греческом». Последнее может показаться странным, ибо та же «Повесть» на изначальный вопрос «откуда есть пошла Русская земля» дает иной ответ: русью назывались призванные из-за моря варяги, «и от тех варяг прозвася Руская земля».

Очевидно, что именно первый поход на Константинополь, вторжение руси в самый центр византийского мира означал ее «легитимацию», включение в историю (как это произошло со славянами тремя столетиями раньше — см. в главе I), и для византийского патриарха, и для русского книжника. Этот путь «легитимации» русские князья повторяли на протяжении первых двух веков русской истории регулярно: практически каждые тридцать лет русь совершала общегосударственный поход на Константинополь или в пределы Византии (торговые предприятия были, согласно Константину Багрянородному, ежегодными). Эта периодичность военных кампаний, видимо, определялась традиционным для византийской дипломатии сроком действия договора о «вечном мире».

И походы, и особенно договоры с греками имели отнюдь не только прагматическую — экономическую — значимость для Руси. В этих походах Русь действительно приобретала имя, наделенное более широким и вполне историческим значением по сравнению с полумифологизированным византийской историографией названием «рос». О разноплеменной войске Игоря, включавшем в 944 г. и варягов, и славянские племена, корсунцы (жители византийского Херсонеса) и болгары, согласно ПВЛ (с. 23), сообщали византийскому императору: «Идутъ Русь». В договорах 911 и особенно 944 гг. русь — «людье вси рустии» — противопоставляется грекам («всем людем гречским») (см. в главе IV). Это противопоставление отражает формирование нового народа, равного народу древнему, носителю цивилизации (ср. Насонов 1951. С. 41). Не потерял своего значения для Руси (равно как и для Византии) Дунай: на Дунае, как на традиционной границе (см. о Дунае главу II), останавливается войско Игоря в 944 г. и войско Владимира Ярославича в 1043 г. в ожидании выгодного мирного договора с греками. Заключением договоров русь добивалась признания греками нового народа и нового государства.

Однако сам акт «признания» руси получил, естественно, принципиально различную оценку в Византии и на Руси: для Византии рос — варвар-

ский народ, чьи нашествия актуализируют эсхатологические пророчества; для русских книжников появление имени Руси в греческих хрониках равнозначно включению во всемирную историю. Так «далекий» и «неизвестный» народ обрел свое имя у стен Константинополя, в центре цивилизации.

Начало этой истории оценивалось по-разному — по-разному звучало и имя народа. При явной ориентации на византийскую традицию Русь тем не менее не называлась Россией (или Росией, как называет ее в сер. X в. император Константин Багрянородный) до XV в., когда это название было воспринято Московской Русью; а русь — «русские люди» не звали себя ни росами, ни иными именами, предлагаемыми сторонниками «иранского» происхождения имени русь. Можно понять, в частности, ПВЛ, которая использует «Житие Василия Нового» при описании похода 941 г., но не приемлет уничижительного византийского наименования: оно пригодились позднее, когда уничижительный смысл стерся, а термин «Великороссия» стал соответствовать великодержавным устремлениям Москвы¹²⁴.

Но что тогда заставило выходцев из Швеции называть себя «народом рос» в Ингельгейме в 839 г.? Ответ на этот вопрос давно, с начала XIX в. (работ А.Г. Розенкампа), был предложен сторонниками традиционного — летописного — происхождения названия русь: финноязычные прибалтийские народы — финны и эстонцы (летописная чудь) называют Швецию Ruotsi, Rootsi, что закономерно дает в древнерусском языке русь. Последние историко-этимологические разыскания показали, что эти названия восходят к др.-сканд. словам с продуктивной основой на *rofs-, типа rofsmadr, rofskarl со значением «гребец, участник похода на гребных судах».

Древнейшая фиксация термина в рунической надписи из Упланда (Средняя Швеция) относится к первой половине XI в. (ср.: Мельникова, Петрухин 1989. С. 27; Екбо 1981). Очевидно, именно так называли себя «росы» Бертинских анналов и участники походов на Византию, и именно это актуализировало образ мифического народа Рос у Фотия (Бибииков, Мельникова, Петрухин 2000)¹²⁵. Не случайно у Фотия отсутствует упоминание

¹²⁴ Библейские и античные пейоративные реминисценции еще долго использовались в средневековой историографии. Ср. уже упоминавшиеся слова шведского дипломата и историка Петрея (1615 г.) о Московии, которую он отождествлял с Мосоком: «гнусным и жестоким нравами и привычками, также и своими грубыми и отвратительными делами». Он поселился «между реками Танаисом, Борисфеном, Волгою и Москвою, где еще и ныне живут его потомки» (Петрей 1997. С. 215; ср.: Мыльников 1996. С. 32 и Введение).

¹²⁵ Эта этимология, предложенная еще в XIX в., принятая В. Томсеном, М. Фасмером и большинством лингвистов (в том числе современными толковыми словарями русского языка), была многократно ошельмована, но никем не опровергнута. Не обращается к словарям

§ 1. Русь: имя и начало истории

эсхатологических всадников Гога и Магога — народ рос на своих ладьях вырывается из мифологического контекста описаний окраин ойкумены и включается в исторический контекст у «врат Царьграда».

Нас не может удивлять, почему участники рейдов на византийские и другие города называли себя походным, а не племенным именем: ведь и в походах на запад скандинавы именовали себя викингами, а корабль был важнейшим символом в культуре Скандинавии начиная, по крайней мере, с бронзового века (Grumlin-Pedersen, Thye 1995). Важнее то обстоятельство, почему на Востоке скандинавы

не называли себя викингами. Шведский археолог Э. Нюлен, много времени посвятивший плаванию на воспроизведенном им «викингском» судне по рекам Восточной Европы, отметил, что там невозможно использовать «длинные» корабли, идущие в основном под парусом (Nylen 1987; ср.: Dagfeldt 1983): часто приходится плыть против течения рек, используя весла. Недаром Вещий Олег, согласно описанию его легендарного похода на Царьград — Константинополь в 907 г., заповедал дать грекам дань «на ключь» — уключину каждого боевого корабля, в котором сидело по 40 мужей (ПВЛ. С. 17) (рис. 16).

и В.В. Фомин; не будучи лингвистом, он предлагает в полемической заметке устаревшие соображения по этимологии имени русь («Родина», 2009, № 10).

Недоумение вызывает подход к этой этимологии В.В. Седова: «Археолог не может согласиться с такими построениями. Если Ruotsi / Rootsi является общезападнофинским заимствованием, то оно должно было проникнуть из древнегерманского не в вендельско-викингское время, а раньше — до распада западнофинской общности, то есть до VII–VIII вв., когда уже началось становление отдельных языков прибалтийских финнов» (Седов 1999. С. 66). Исследователь смешивает здесь позиции археолога и филолога: с точки зрения археолога, контакты с германцами на Балтике были постоянными, начиная с бронзового века, что соответствует раннему проникновению обозначения шведов в прибалтийско-финские языки.

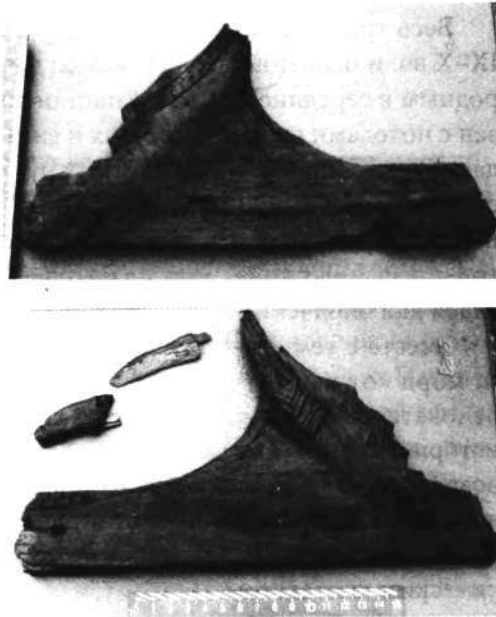

Рис. 16. Уключины из Гнёздова.
Раскопки В.В. Мурашевой

Весь традиционный быт руси, как он описан в восточных источниках IX–X вв. и особенно византийским императором Константином Багрянородным в середине X в. (см. Константин Багрянородный, глава 9) был связан с походами на гребных судах и ежегодным сбором этих судов из земель данников — славян в подвластных руси городах и в столице Руси-государства — Киеве. Кнут-Олуф Фальк (Falk 1981) заметил, что сбор однопалубных на Руси середины X в. и даже летописная формулировка, согласно которой три призванных князя «*поляша по собѣ всю русь*», напоминают *ледунг* — сбор ладей для ополчения в средневековой скандинавской традиции.

Вместе с тем становится ясным, что летописец, выведивший русь из-за моря «от варяг», руководствовался не просто поисками престижных основателей государства (в таких случаях, в том числе и в древнерусской историографии — начиная со «Сказания о князьях владимирских», их род возводили, по меньшей мере, к Августу), а преданиями, так или иначе отражающими историческую действительность. Но предание о происхождении руси из Скандинавии летописцу нужно было согласовать с общим этноисторическим контекстом. Поэтому, как уже говорилось, в космографическом введении к «Повести временных лет» о заселении земли потомками сыновей Ноя летописец помещает изначальную русь среди племен Скандинавии в «колоне Афетове», составляя список: «варязи, свеи, урмане, готе, русь».

Таковы были методы и цели средневековых книжников вообще. Но по этому же пути пошли и многие современные исследователи, занятые поисками изначальной руси. Поскольку народа русь, равно как и рос, в Скандинавии не обнаруживалось, то появлялась возможность, во-первых, объявлять все построение летописца тенденциозным сочинительством, а во-вторых, искать изначальную русь где угодно, в зависимости от того, насколько совпадали отыскиваемые аналогии с названием *русь*: на Рюгене или на Дунае у ругиев, у кельтов-рутенов, иранцев-роксоланов, даже у индоариев (см. Введение и обзор: Константин Багрянородный, комментарий к главе 9; Агеева 1990. С. 116–153; вариант одной из таких находок — «народ рус» сирийской хроники VI в. — приведен в главе III).

Естественно, все эти поиски могли осуществляться лишь при решительном абстрагировании от контекста летописи, в частности, от того хрестоматийного пассажа, который (в отличие, скажем, от приведенного пассажа сирийской хроники) воспринимается как заведомо легендарный, внеисторический, и по давней научной традиции носит название «легенда о призвании варягов» (см. главу IV). Игнорируется при этом и историко-археологический контекст — свидетельства появления руси на речных коммуникациях Восточной Европы.

§ 2. Путь из варяг в греки: летописная конструкция и трансконтинентальные магистрали

В тексте ПВЛ описание «пути из варяг в греки и из грек» представляет собой вставку в текст космографического введения о полянах, обитающих на киевских горах в эпоху расселения славян от Дуная. Место для вставки было выбрано не случайно: редактор летописи, использовавший текст ПВЛ, основанный на кирилло-мефодиевском «Сказании о преложении книг на словенский язык» и предыстории славян (см. главу VI), продолжил разыскания об апостольской миссии, но уже не у славян (о миссии у них Павла и Андроника шла речь в «Сказании о преложении книг»), а в Русской земле. На роль апостола, побывавшего у северных народов, идеально «подходил» в средневековой христианской традиции Андрей, добравшийся до Причерноморья и основавший престол в Константинополе (Дворник 2007).

Показательно, что легенды о миссии Андрея были популярны на периферии европейского мира, на Британских островах (Андрей — св. покровитель Шотландии). Конструкция летописи, включавшей Британию (Англию) в варяжский мир, очевидно, основывалась на общих для раннесредневекового мира представлениях (ср.: Франклин, Шепард 2000. С. 15 и сл.; Джаксон и др. 2007)¹²⁶. Андрей в летописи следует по пути «из грек в варяги» и далее в Рим, огибая европейский континент.

Не менее существенным был космографический контекст описания кружного (огибающего Европу) пути «изъ варягъ в греки и из грек по Днѣпру и верхъ Днѣпра волокъ до Ловоти, и по Ловоти внити в Ылмерь озеро великое, из него же озера потечеть Волховъ и вътечеть в озеро великое Нево, и того озера внидеть устье в море Варяжское. И по тому морю ити до Рима, а от Рима прити по тому же морю ко Царюгороду, а от Царюгорода прити в Понтъ море, в не же втечет Днѣпръ рѣка». Кружной маршрут вокруг европейского континента соотносился здесь с системой речных коммуникаций в Восточной Европе: три реки, текущие из Оковского леса, региона в центре восточноевропейской равнины, соединяли глубинку материка с тремя частями света древнерусской космографии — «жребиями» Иафета, Сима и Хама.

¹²⁶ Итоги археологических исследований на восточноевропейской части пути подведены в комментариях к материалам каталога «Путь из варяг в греки и из грек» (М., 1996). История западноевропейских трансконтинентальных путей рассматривается в книге: Hodges, Whitehouse 1989.

Специально отмеченным здесь оказывается опять-таки путь «по Двине в варяги, из варяг до Рима, от Рима же до племени Хамова». Рим, как один из главных центров на пути из варяг в греки, нужен был летописцу, чтобы провести по нему Андрея. Но насколько реальным был этот маршрут в раннем средневековье, не был ли он книжной конструкцией летописца?

Интерес к духовным ценностям христианской цивилизации не заслонял для варварской периферии давнего интереса к перераспределению накопленных ею богатств. Традиционным объектом варварской экспансии были земли Римской империи, как Восточной, так и Западной. В раннесредневековом мире богатства оказались сосредоточенными в Арабском халифате, и археология (нумизматика) свидетельствует об интенсивном перераспределении этих богатств в Европе Восточной и Северной. Это перераспределение осуществлялось благодаря трансконтинентальной торговле европейскими мехами и рабами на восточных рынках.

Такая торговля стала возможной с прекращением арабо-хазарских войн на Кавказе в последней трети VIII в. (Нунан 2001. С. 46). Хазария контролировала рынки мехов в бассейне Верхней Волги и хлынувшие на рубеже VIII и IX вв. в Восточную и Северную Европу потоки арабского серебра, ибо в ее руках оказались основные речные магистрали, ведущие из бассейнов Черного и Каспийского морей — Волга, Дон, Днепр. Судя по находкам кладов куфических монет, главной магистралью оказывалась центральная — Дон. Безопасность плавания по Дону была гарантирована Саркелом и системой хазарских крепостей IX в. Переправу через Дон и коммуникации, ведущие с востока на запад, контролировала белокаменная крепость, расположенная напротив Саркела (Правобережное Цимлянское городище — см. в главе III.2)¹²⁷.

Иной была ситуация на Волге, где Хазария контролировала устье (Итиль), отношения с болгарами и буртасами были сложными; на Днепре крайним опорным пунктом Хазарии был полянский Киев, но Среднее Поднепровье практически выпадало из системы распределения восточного серебра (Кропоткин 1978. С. 114). Стоянки речных судов на берегах рек, не контролируемых государственной властью, были опасны (вспомним гибель русского войска, возвращавшегося Волгой из похода на кавказских мусульман ок. 910 г., истребленного мусульманскими наемниками кагана в устье и добитого буртасами и болгарами-мусульманами выше по Волге (см. также

¹²⁷ На Правобережном Цимлянском городище во время раскопок С.А. Плетневой (1958) был обнаружен ранний клад дирхемов, включающий хазарское подражание первой трети IX в. (Быков 1974).

§ 2. Путь из варяг в греки: летописная конструкция...

археологический комментарий — Пушкина 2007). Путь с Дона вел к Оке, оттуда — на Верхнюю Волгу и далее — в бассейн Волхова и на Балтику к варягам. Ока (и сидевшие на ней подвластные хазарам вятичи) аккумулировала уже в IX в. значительную часть серебра (Кропоткин 1978. С. 111–117) за «услуги по транзиту». Входящие в состав кладов вещи включали артефакты салтовских типов (серьги, поясные наборы, перстни — Григорьев 2010; ср. Супрутский клад, сочетающий салтовские и скандинавские вещи, — Мурашева 2008а).

Показательно, что летопись приписывает первому русскому князю, призванному в Новгород, попытку установить контроль над бассейном Верхней Волги и Оки в 860-е гг. Рюрик посадил своих мужей в Ростов и Муром. Прямой конфликт с Хазарией относится, однако, к деятельности Олега, который в 882 г. овладел Киевом, присвоил хазарскую дань от левобережных северян и радимичей, а затем пошел на Царьград. Путь из варяг в греки продолжает постоянно функционировать, ежегодные походы руси (росов) упоминает Константин Багрянородный, каждые тридцать лет после договора Олега (при Игоре и Святославе) совершаются общерусские походы на Балканы, призванные подтвердить завоевания Руси на византийском рынке.

Западная часть пути «из варяг в Рим», как правило, оказывались вне пределов актуальных интересов исследователей, во всяком случае, до тех пор, пока не встали проблемы, связанные с походами викингов в Средиземноморье. Рим и города Западной империи оставались традиционной и вожделенной целью экспансии, но традиционные (с эпохи Великого переселения) маршруты были перекрыты империей Каролингов¹²⁸, воевавшей как с викингами, так и с сарацинами. Первая попытка мирного проникновения на речные маршруты империи «послами народа Рос», явившимися из Константинополя в 839 г., была воспринята каролингским правителем Людовиком, разглядевшим в них норманнов, как разведывательная акция.

Главной магистралью с римского времени был Рейн, на котором располагались каролингские столицы Аахен и Ингельгейм, а устье — выход в Северное море — контролировал «вик» Дорестада. Оставался кружной маршрут, отмеченный походами норманнов в IX в. Таков знаменитый рейд 844 г. на Севилью норманнов — ал-маджус. Другие флотилии викингов про-

¹²⁸ См. Hodges 1989. P. 154 ff.; Randsborg 1991. P. 137 ff. Денежная система Каролингов была ориентирована на византийскую имперскую традицию, исламская монета практически не имела хождения в государстве франков (ср. Гарпизанов 2000), хотя весовые системы Халифата естественно воздействовали на развитие мирового рынка, в том числе на реформу денежной системы франков при Карле Великом (Hodges, Whitehouse 1989. С. 6–8, 118).

ходили Геркулесовы столпы, захватывали чернокожих рабов; одна из них, по преданию, устремилась к самому Риму. И хотя данные об этом морском походе Бьёрна и Хастена (Хастингса) легендарны и обросли историческими анекдотами, в их устремлении разграбить сам Рим едва ли можно сомневаться. Во всяком случае, им удалось разграбить Пизу и Луну в Италии, прежде чем в 861 г. они столкнулись с арабским флотом, заставившим отступить к устью Луары¹²⁹.

Последняя акция была синхронна первому походу руси на Царьград (860 г.). Видимо, не случайно латинский историк XI в. Иоанн Диакон в «Хронике Венеции» свидетельствует, что на Константинополь напали при Михаиле III норманны. В последующей латинской традиции возобладало мнение, что эти норманны явились из Аквитании (с «Британского моря»), разграбленной во время рейдов на Францию. Уже ренессансный автор Марк Сабеллик критиковал эту интерпретацию, сомневаясь в возможности похода из Британского моря на Константинополь, через Балтику (Сарматское море) к Меотиде и Босфору, то есть по пути из варяги в греки (Кузенков 2003. С. 150–155). Интересно, что арабский автор XIII в. Ибн ал-Хатиб считал ал-маджус 844 г. англами и франками.

Важнее для нас, что более ранние арабские авторы отождествили норманнов — ал-маджус в Севилье с ар-рус Восточной Европы. И хотя это отождествление сделано в соответствии с традициями средневековой науки, наблюдения средневековых авторов за акциями «островного и корабельного народа» (ал-Бакри) демонстрируют актуальность пути, который воспринимается ими как маршрут, ведущий в Андалусию «из пролива, соединявшего Понт и Меотис с Окружающим морем» (ср.: Калинина 2001. С. 206; Минорский 1964). Этот маршрут близок летописному пути из варяг в греки: свидетельства о путях через Восточную Европу на Восток и в Византию приводили к географическим конструкциям вроде «Русской реки» ал-Идриси или Восточного пути исландских саг (Джаксон и др. 2007).

Кружной маршрут «из варяг в греки и из грек» сбивал с толку и средневековых и современных авторов. Так, два восточных автора свидетельствуют, что поход на Севилью в 844 г. ал-маджус совершили из «Румийского (Средиземного) моря» (Калинина 2001. С. 202). В современной историографии существовали попытки приписать поход руси 860 г. норманнам, также пришедшим из Средиземноморья. Очевидно, путь в Андалусию из Восточ-

¹²⁹ Джонс 2003. С. 214–215. Арабы оказались более удачливыми, атаковав Рим в 846 г.: им удалось подняться к вечному городу от Остии по Тибру (Кардини 2007. С. 33).

§ 2. Путь из варяг в греки: летописная конструкция..

ной Европы был известен ар-рус: Ибн Хаукал рассказывал, как после разорения прикаспийских городов в 968 / 969 г. войско руси двинулось к стране ар-Рум (для участия в походе Святослава) и в Андалусию (Калинина 2001. С. 207). На синхронную активность норманнов и руси на востоке и на западе указывали многие авторы (М.И. Артамонов, Г.С. Лебедев и др.).¹³⁰

На Западе Европейского континента норманны столкнулись с той же проблемой, что на Востоке: они не могли чувствовать себя на речной сети коммуникаций так же свободно? как на море. В 844 г/ в Севилье, узнав о приближении арабской конницы, завоеватели попытались скрыться на кораблях, но пришедшие в ярость местные жители принялись забрасывать их с берегов камнями и костями животных. Грабителям пришлось вступить в переговоры (Калинина 2001. С. 192). К переговорам должен был прибегнуть и Роллон во Франции (получивший в результате Нормандию — см. Бодуан 2010; ср. о договорах с норманнами — Мельникова 2008).

Функции, сходные с антинорманнской политикой империи Каролингов, на Востоке приобрел Хазарский каганат: еще в 960-е гг. его правитель Иосиф утверждал, что его главная заслуга перед миром цивилизации — сдерживание на границах Хазарского каганата руси. Каганат удерживал главные магистрали Восточной Европы — Дон и Волгу (по ним нанес удар Святослав сразу после реляции Иосифа). Днепр оставался пограничной рекой, Киев именовался в хазарской традиции Самватасом — пограничным «заречным» пунктом. На овладение Днепровским путем и Киевом бросило все силы формирующееся Русское государство в IX в.

Ладьи русских дружинников — «гребцов» были главным средством коммуникации как внутри, так и вне Русской земли. Ладьи не могли пройти по рекам (особенно по волокам и против течения) без поддержки местного населения¹³¹. Такая поддержка была достигнута благодаря договоренности — «ряду», отраженному легендой о призвании варяжских князей, относимому летописью к 860-м гг.: призывавшие князей кривичи и меря должны были способствовать контролю руси над верховьями Днепра и Волги (ср. договоры о «мире» с варягами в Ладоге¹³²). Уже это было вторжением в сферу

¹³⁰ Ср.: Франклин, Шепард 2000. С. 89 и сл.; Калинина 2001.

¹³¹ Речной путь оказывался ловушкой для тех, чья безопасность не была обеспечена по маршруту. Об этом свидетельствует судьба князя Глеба Владимировича, опасавшегося убийц на Днепре у Смоленска и пытавшегося держаться в своем корабле «посреди реки». Убийцы, однако, «имше корабль за ключи» (уключины) и расправились с князем. См.: Чтение о житии и погублении Бориса и Глеба (Милютенко 2006. С. 374).

¹³² Джаксон и др. 2007. С. 326 и сл. Ср. предположение о связи наименования главных пунктов на пути из варяг в греки — Новгорода, Киева и Константинополя — «гардами» в

влияния Хазарии (Иосиф считал верхневолжскую черемись хазарскими данниками). Каганат ответил торговой блокадой. Томас Нунан продемонстрировал кризис в поступлении серебра в Восточную и Северную Европу в последней четверти IX в.¹³³ Это активизировало активность руси на пути из варяг в греки: Олег обосновывается в Киеве в 880-е гг. и совершает поход на Царьград, завершившийся заключением договора 911 г.

Сеть древнейших русских городов была ориентирована на обслуживающие ладей: приречные кварталы Ладоги, Гнёздова под Смоленском, киевского подола (с последней четверти IX в.) были распланированы таким образом, что могли принимать ладьи практически на самих усадьбах, подобно балтийским «викам» и Дорестаду¹³⁴. На Востоке Хазария также оказалась обойденной несмотря на расправу с русским войском около 910 г. Приток восточной монеты возобновился в 910-е гг. из державы Саманидов через Болгарию Волжскую, достигнув и русского Киева. Напомним, что Волга, согласно космографическому введению ПВЛ, вела в «предел Симов» (Петрухин 2011).

Массовый археологический материал демонстрирует, что через Восточную Европу в Скандинавию и на Балтику в целом в IX–X вв. шло как восточное серебро (многие тысячи монет), так и византийские монеты и вещи (из грек). Численность дирхемов, естественно, убывала в странах, удаленных от восточных рынков — Норвегии, Ирландии и Британских островов, но достигали они и этих регионов (см. Noonan 1997. P. 756), демонстрируя определенное единство североευропейского мира, включая англоv, в соответствии с ПВЛ¹³⁵.

Более сложными могли быть маршруты проникновения на север других не менее массовых изделий — ближневосточных стеклянных бус, до-

---

скандинавской традиции с договорными отношениями дружин руси с жителями главных городов (см. в главе VII).

¹³³ Noonan 1987. С. 182 ff. Поступление монеты могло быть затруднено также передвижением венгров и печенегов в степи, равно как и кризисом в самом Халифате (ср.: Callmer 2000. P. 75).

¹³⁴ Сагайдак, Мурашева, Петрухин 2008. С. 81–108. Ср. планировку Дорестада (Hodges, Whitehouse 1989. P. 99).

¹³⁵ Замечательно раннее подражание аббасидскому динару, чеканенное в Англии при короле Оффе (до 796 г. — Франклин, Шепард 2000. С. 28). Показательна находка саманидского дирхема (898 г.) в англосаксонском Винчестере, планировка которого напоминает планировку «виков», хотя город противостоял в X в. нашествиям «датчан» (Biddle 1970). Обнаружен саманидский дирхем и в викингском Йорке (Vikingerne. S. 130; ср.: Müller-Wille 2009. S. 466–467). Интересен с точки зрения распределения восточного серебра на северо-западе Европы клад X в. из Neble в Дании, содержащий болгарские и хазарские подражания арабским монетам (Treadwell 1993).

§ 3. Викинги на западе и русь на востоке: сходство и различие

стигавших Скандинавии (варягов) уже с VIII в. как через Восточную, так и через Западную Европу из летописного «предела Хамова» через Сицилию и Италию (будущее Сицилийское королевство норманнов! — Callmer 1995. С. 49–54). Путь из варяг в греки потерял трансконтинентальное значение с возобновлением торговых связей в Средиземноморье, когда европейские страны овладели морскими коммуникациями в эпоху крестовых походов (и со взятием Константинополя крестоносцами в 1204 г.)¹³⁶. Так или иначе, космографические «пределы Сима, Хама и Иафета» начальной русской летописи были действительно связаны трансконтинентальными путями, и исследование этих путей нуждается в систематическом междисциплинарном исследовании. Русь стремилась освоить их, и история распространения имени *русь* связана с этим освоением.

§ 3. Викинги на западе и русь на востоке: сходство и различие

Рассматривая феномен движения викингов в контексте исторических и культурных процессов, охвативших раннесредневековый мир от исламского Востока до Исландии, А.Я. Гуревич (Гуревич 1966) отмечал специфику отношения скандинавов со странами и народами, которые оказывались объектами их натиска: вторжение в пределы сложившихся государств на западе Европы отличалось от походов скандинавов в Восточную Европу, где они включились в процессы государствообразования.

Книга повлияла на начавшуюся в 1960-е гг. дискуссию о месте норманнов и норманнских древностей в истории и археологии Восточной Европы. Полемика о роли варягов / норманнов остается актуальной не только для собственно научной, но и для общественной мысли России начиная с XVIII в. (см. Клейн 2009 и Введение)¹³⁷. Полемика в российской науке 1970-х гг. порвала с господствовавшими советскими стереотипами эпохи борьбы с космополитизмом — наделением внешних влияний на развитие

¹³⁶ См. Бродель 2008. С. 503. Восстановление трансконтинентальных магистралей стало задачей России уже в московский период истории (ср.: Бродель 2002. С. 263–267).

¹³⁷ Международная общественность намеревалась обсудить «варяжские проблемы» на междисциплинарном симпозиуме в Дании в октябре 1968 г.; материалы симпозиума были опубликованы (*Varangian problems. Copenhagen, 1970*), но исследователи из Восточной Европы (стран Варшавского блока) не участвовали собственно в дискуссии, ученых разделили чехословацкие события 1968 г.

России исключительно негативными свойствами. Обсуждалась «норманнская проблема» и на Скандинавской конференции в Москве в 1973 г.

В своем докладе академик Б.А. Рыбаков говорил о принципиальном различии в натиске норманнов на Западе и варягов на Востоке: побережье западных стран было открыто для неожиданных атак викингов с моря, путь в глубинку Восточной Европы был сложнее; русские «богатырские заставы» должны были остановить продвижение варягов еще на реках Прибалтики. Лишь хитростью и обманом могли отдельные отряды проникнуть вглубь Восточной Европы, как это сделал Вещий Олег, захвативший Киев, прикинувшись купцом.

А.Я. Гуревич, выступавший в прениях, напомнил, что Карл Простоватый не смог остановить викингов Роллона / Рольфа на «заставе» — и тот добрался до сердца Франции, вполне открыто и даже «простодушно» потребовав Нормандию в лен (рейды викингов вверх по Сене продолжались с середины IX в.). Король Карл, очевидно, рассчитывал, что Роллон будет защищать Францию от других викингов. Любопытно, что предводитель викингов получил Нормандию в 911 г. (ср.: Гуревич 1966. С. 132; Роэдсаль 2001. С. 179) — тогда же, когда предводитель варяжской Руси Олег заключил знаменитый договор с греками в Константинополе. Норманны были, по словам Гуревича, «далеки от восприятия франкских феодальных порядков»¹³⁸. Варяги были не менее далеки от тонкостей византийской дипломатии, но договор давал беспрецедентные права руси в Царьграде (см. анализ договора — Литаврин 2000. С. 61 и сл.). Русь держалась за эти права, и через тридцать лет, когда истекал «вечный мир» византийской правовой традиции, преемник Олега Игорь сосредоточил все силы своего государства, чтобы заставить греков возобновить договор.

Норманны на Западе, как и варяги на Востоке, хорошо учились в мире цивилизации. Специфика исторической ситуации требует специального исследования. Заметим, что на западе Европы норманны овладевали землями, как правило, освоенными еще в римское время со сложившейся системой коммуникаций, сетью поселений и т. п. Границы Нормандии определялись давно сложившимися границами римской провинции и диоцеза Руан (Дуглас 2003. С. 46 и сл.).

Иной была ситуация в Восточной Европе: еще не закончился процесс колонизации ее лесной зоны славянскими племенами; выходцы с Балтики,

¹³⁸ Впрочем, эти порядки были впервые продемонстрированы как раз норманнам, когда датский конунг Харальд Клак в 826 г. получил от своего союзника Людовика Благочестивого плодородные земли и виноградники, совершив оммаж и принеся присягу (см. Ле Гофф 2000. С. 226, 238).

§ 3. Викинги на западе и русь на востоке: сходство и различие

из Швеции и с Аландских островов колонизовали Верхнее Поволжье одновременно со славянами — словенами и кривичами (Jansson 1987); главными средствами коммуникации оставались реки; начальная русь, по данным восточных и других источников (включая данные нумизматики — распределение монет и кладов), стремилась утвердиться на этих коммуникациях, которые вели к центрам византийской и ближневосточной цивилизации (рис. 17). Для безопасного прохождения по рекам Восточной Европы необходима была договоренность с местными племенами. Летописная легенда о призвании варяжских князей передает договор — *ряд*, заключенный в Новгороде варяжской дружиной и князьями с племенами словен, кривичей и мери, регулирующих отношения между властью и данниками (см. в главе IV)¹³⁹.

Эта система отношений распространилась к середине X в. по пути из варяг в греки, которым овладели русские князья. Ее подробно описывает Константин Багрянородный в знаменитом трактате «Об управлении империей» (глава 9): русь («все росы» в трактате) выходит зимой из столицы Киева в полюдь, чтобы кормиться у славян — данников (пактиотов) до весны, когда реки освобождаются ото льда и открывается путь «в греки». Существенно, что перед походом в Византию «росы» *покупали* у славян корабельный лес для оснащения ладей (Константин Багрянородный, глава 9. С. 45–51)¹⁴⁰. Этот «обмен услугами» характерен для той эпохи, которая при формационном подходе к исторической периодизации именовалась «варварской». Впрочем, Маркс характеризовал эту политическую структуру как «вассалитет без ленов или с ленами, существовавшими только в форме сбора даней»¹⁴¹.

Замечательные археологические находки свидетельствуют о единых методах сбора (точнее — концентрации и перераспределения) дани в городах, связанных с экспансией скандинавов в эпоху викингов: это деревянные пломбы-цилиндры (рис. 18), которыми запечатывались мешки с мехами.

¹³⁹ Мельникова, Петрухин 1991. С. 219–229. Х. Ловмянский писал, что викинги повсюду вынуждены были договариваться с местными властями, благодаря чему могли добиться некоторых успехов (Ловмянский 1985. С. 92). Власти империи франков жаловали викингам лены в устьях рек с тем, чтобы они охраняли империю от других пиратов (ср.: Розсдаль 2001. С. 173; Джонс 2003. С. 228).

¹⁴⁰ Руси важно было удержать славянские племена под своей властью: из древнейшего летописания известен случай, когда данники уличи, «примучанные» воеводой Игоря, отошли из бассейна Днепра в междуречье Буга и Днестра.

¹⁴¹ Маркс 1989. С. 4. По Марксу, эта система была «естественным следствием примитивной организации норманнских завоеваний».

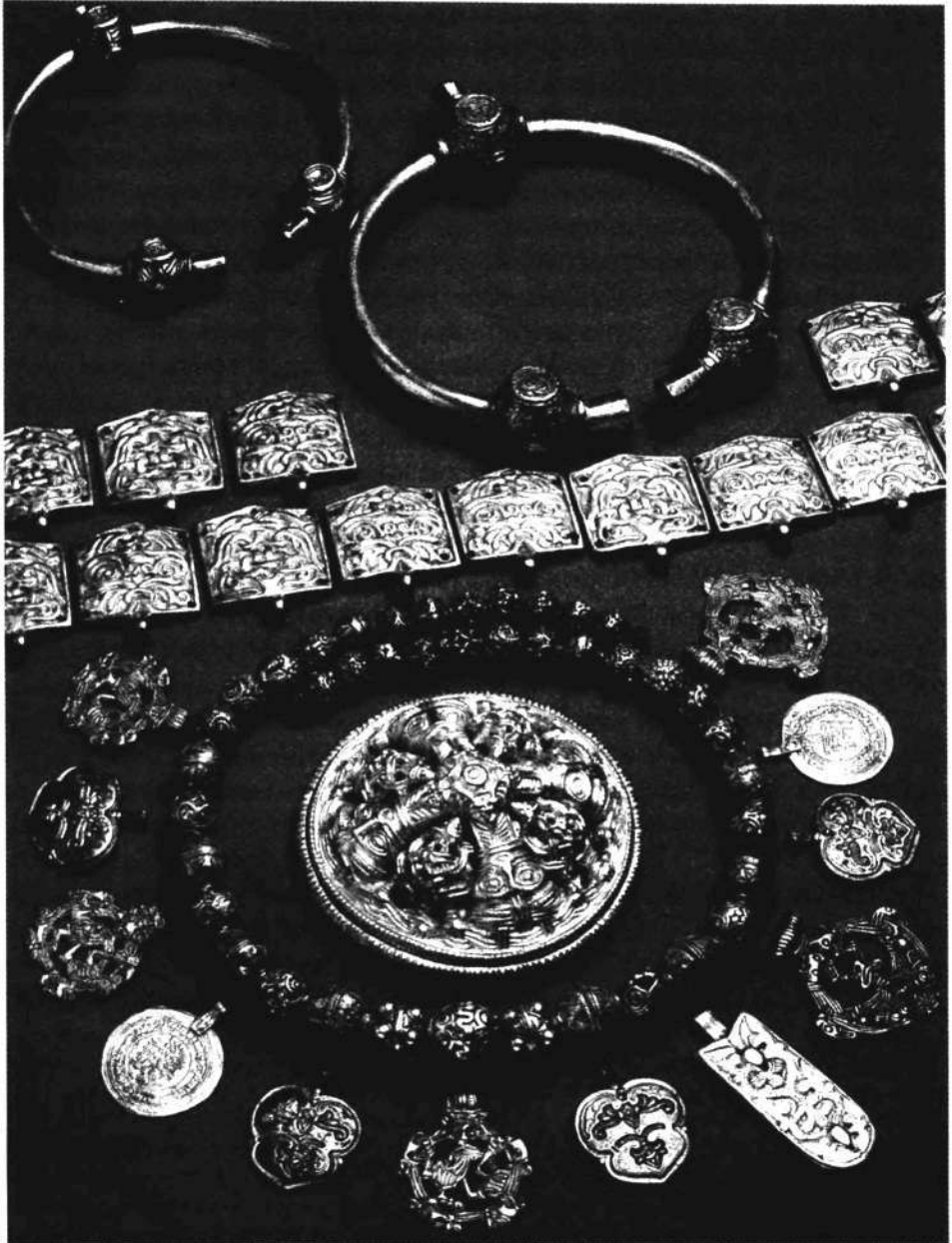

Рис. 17. Клад с восточными монетами и поясными бляшками из Ворбю. Швеция (по: From Viking to Crusader/ Paris – Berlin, Copenhagen, 1993. p. 79)

§ 3. Викинги на западе и русь на востоке: сходство и различие

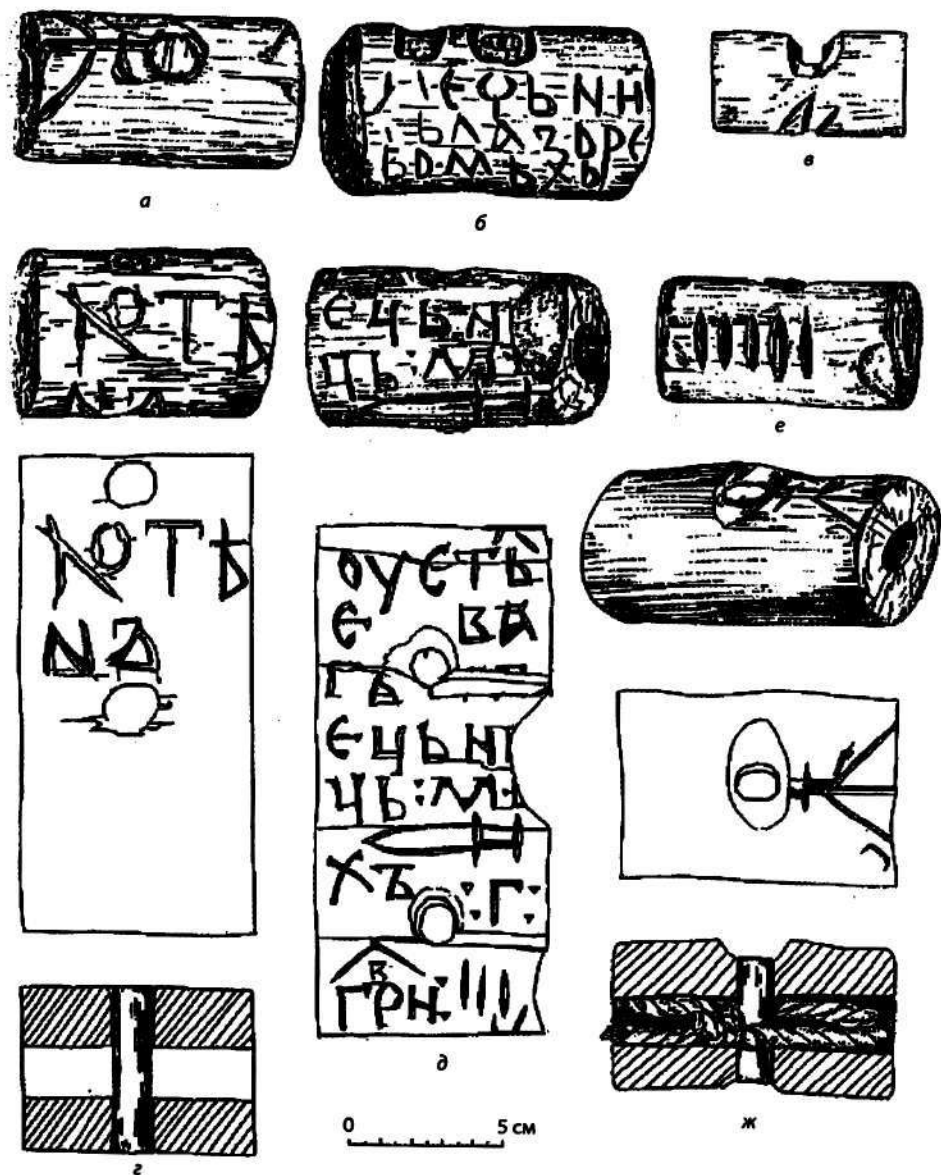

Рис.18. Новгородские пломбы-цилиндры (по: Янин)

Больше всего их обнаружено в раннесредневековом Новгороде, один — в Белоозере, один — в славянском Волине на Балтике, несколько — в Дублине (Ирландия); образцы из Волина и Дублина украшены скандинавским орнаментом (см. Янин 2001).

Существенно, что обладатели этих «ленов» в виде даней именовали себя (в договорах с греками и в информации, данной Константину Багрянородному) «всеми росами», *русью* или «всей русью», как именовала себя княжеская дружина, согласно летописной легенде о призвании варягов. Термин *варяг* возник на Руси тогда, когда стало необходимым отличать контингент скандинавских наемников от *руси* — «местной» княжеской дружины (Мельникова, Петрухин 1994). Проблема происхождения имени «русь», как уже говорилось, была осложнена многочисленными поисками народов со схожим именем, как среди славян, так и среди скандинавов. Поиски эти результатов не дали (если не следовать средневековым «этимологиям» и не отыскивать начальную русь по созвучию — среди германцев ругиев на Рюгене или даже на Дунае, среди аланов — роксоланов и т. п.).

Эти поиски «спровоцированы» самой летописью, ибо летописец конца XI в. воспринимал слова «русь» и «варяги» уже как этнонимы: русь была включена им в число варяжских народов, среди «свеев», «урманов» (так именовались норвежцы и датчане) и прочих. Данные исторической ономастики давно прояснили происхождение слова «русь»: прибалтийские финны, жители Восточной Прибалтики, именуют Швецию *Ruotsi* (по-фински), *Rootsi* (по-эстонски). Предки этих народов, которых славяне звали чудью, принимали, по летописи, участие в призвании варягов / руси — от них славяне и восприняли слово «русь» как обозначение выходцев из Швеции. Об этом значении свидетельствовали они сами уже в первом упоминании «людей Рос» в Бертинских анналах (839 г.): на расспросы франкского императора эти люди признались, что они — «от рода свеонов». С начала XIX в. предложено и объяснение термина «русь» — «гребцы, участники похода на гребных судах» (<*roþeR — Мельникова, Петрухин 1989, см. выше глава V.1)¹⁴².

Корабль и ладья были для скандинавов не только транспортными средствами — особую роль они играли в обряде и мифологии. Прежде всего — в погребальном культе. Погребения (кремации) в ладьях характерны для

¹⁴² Обстоятельный филологический анализ дан еще Вильгельмом Томсеном. Ср. переиздание: Томсен В. Начало Русского государства // Из истории русской культуры, т. II. М., 2002, с. 196–197. Правда, датский филолог настаивал на том, что имя *русь* было племенным названием; и даже термин *варяги* имел, по его мнению, «этнографическое» (географическое) происхождение (там же, с. 207–208).

§ 3. Викинги на западе и русь на востоке: сходство и различие

всего пространства Северной и Восточной Европы от Бретани до Приднепровья: схожие черты характеризуют кремации в ладье в Иль-де-Груа (Бретань) и в Черной могиле (Чернигов, см. подробнее в главе IX).

Показательно, что по соседству со Скандинавией и Русью, в Юго-Восточной Прибалтике, Пруссии и соседних землях балтийских славян скандинавы не называли себя «гребцами». Одно из скандинавских заимствований относится к обозначению высшего слоя прусского общества — *витингам*, которое отражает скандинавское название участников морского похода — *викинг*, как и древнее славянское *vitędzь, др.-рус. *витязь*, «герой», «дружинник» (Фасмер 1986, т. 1. С. 322–323). Очевидно, что заимствование распространилось в Польше и на Руси при посредстве балтийских славян, имевших дело с викингами, но термин «витязь» не стал распространенным обозначением дружинника на Руси.

Дружинное название гребцов было воспринято и в Византии: греческое наименование скандинавской дружины *Ρως* стало известно со времен посольства, упомянутого Бергинскими анналами, причем не при посредстве славян, а от самих носителей этого дружинного имени. Франки хорошо знали к началу IX в. норманнов / викингов, но имя *Rhos* им ничего не говорило. Поскольку в столице империи франков Ингельгейме опасались, что послы «народа рос» могли быть шпионами, пришлось расспрашивать их о происхождении и задержать, когда выяснилось, что они — скандинавы «от рода свеонов».

Можно считать очевидным то обстоятельство, почему скандинавы называли себя в Восточной Европе «гребцами», а не «викингами»: здесь они не могли пробиваться по рекам, тем более — волокам, на длинных кораблях (см. рис. 19, цв. вкл); соответственно на восток, по «Восточному пути» скандинавы ходили, согласно формулировке рунических надписей, «в русь» (*i giđi*), на запад — «в викинг». В Ладого, по данным исландских саг и археологии, скандинавы должны были переоснащать суда для путешествия вглубь континента по Волхову (Джаксон 2001. С. 113 и сл.).

Неплеменные (надплеменные) наименования — *варяги*, *норманны*, *русь* — были популярны за пределами собственно скандинавского мира и, безусловно, были удобны для «пользователей»: отряды викингов включали выходцев из разных народов. Остается неясной племенная принадлежность Роллона: был ли он легендарным норвежцем Хрольвом Пешеходом, или датчанином, каковым его изображает Дудон Сен-Квентинский в повествовании о герцогах Нормандии (Джонс 2003. С. 228–230; Мельникова 2008). В Англии норвежцев и датчан именовали *данами*; в начальной русской ле-

тописи даны не упоминаются, вслед за свеями в списке варяжских народов легенды о призвании названы «урмане», под каковыми, видимо, следует усматривать и норвежцев — норманнов, и датчан (Норвегия находилась под властью Дании в эпоху составления начальных летописных сводов). Норманны («северные люди») — общее обозначение викингов, выходцев с Севера. Осев в Нормандии, они сами восприняли это данное извне название, которое около 1000 г. было перенесено и на данную им в лен землю (*terra Normannorum, Nortmannia*). Сами викинги в Нормандии усвоили имя «норманны» в процессе языковой ассимиляции — потомки Роллона носили уже французские имена (Розсдаль 2001. С. 182)¹⁴³. Западноевропейский наблюдатель Лиутпранд (V, XV) отождествил с норманнами и *русь* 940-х гг. (время князя Игоря), известную в Константинополе: «в северных краях есть некий народ, который греки по его внешнему виду называют Ρουσιος, мы же по их месту жительства зовем нордманнами (*Nordmanni*)». Существенно, что Лиутпранд отнес имена «русиос» и «нордманны» к экзонимам — наименованиям, данным извне.

Форма Ρουσιος, *русь*, может свидетельствовать уже о славянском посредстве: дело в том, что именно при Игоре, согласно начальной русской летописи, *русь* как дружина киевского князя стала отличаться от варягов — наемников, которые были призваны Игорем из-за моря, чтобы совершить новый поход на Византию. Имя *русь* в славянской форме было принято самими выходцами из Скандинавии в Восточной Европе, как и имя *норманны* в Западной. Языковая ассимиляция скандинавов и на Западе, и на Востоке привела к закреплению этнически нейтральных терминов для обозначения земель, оказавшихся под властью пришельцев («находников» русской летописи), — *Русская земля и Нормандия*.

Как уже говорилось, языком населения Нормандии стал французский, языком Русской земли — «словенский», или русский, чему посвящено специальное разыскание летописца.

¹⁴³ Название *норманны* соотносимо с древнескандинавским обозначением норвежцев — *ногдтадг* (Фасмер 1987, т. III. С. 84).

Глава VI

Русский язык и начало славянской письменности

§ 1. «Поляне, яже ныне зовома Русь»

Эгоцентрическая система описания окружающего мира — описание «изнутри» — со всей очевидностью проявляется у составителя ПВЛ: поляне были для киевского летописца «своим» племенем, он описывает расселение и даже нравы прочих славян со своей, полянской точки зрения. Та же точка зрения была несколько замутнена в новгородской летописи, но она сохранилась в пассажах, возводимых к Начальному своду. Из отброшенного новгородцем космографического введения эти пассажи были перемещены в историографическую часть (и снабжены неточными датами). Но в этих пассажах отсутствует линейная хронологическая последовательность в изложении событий: здесь очевидно циклическое возвращение к исходному историографическому мотиву — такое построение текста свойственно византийским хронографам.

Между тем именно такую хронологическую последовательность усматривал вслед за новгородским летописцем А.А. Шахматов, считая эти сведения восходящими к Начальному своду и даже еще более древнему (и совершенно гипотетическому) «Древнейшему своду». И хотя по изложению новгородца получалось, что по смерти легендарных полянских братьев хазары обложили полян данью и тогда же провозгласили себя князьями в Киеве Аскольд и Дир, а «во времена Кия, Щека и Хорива» новгородские люди платили дань варягам, затем изгнали их и вновь призвали варяжских князей (все это описано под одним 854 г.) — Шахматов выстраивал «линейную» схему русской истории: вслед за Кием в его городе обосновались

варяги Аскольд и Дир, и это произошло до призвания варяжских князей в Новгород. Механически следуя изложению Новгородской летописи, Шахматов предположил, что и собственно *русь* появилась в Киеве раньше (с Аскольдом и Диром, которых НПЛ именует варягами!), чем *варяги* Рюрика в Новгороде.

Этому появлению руси, а затем новгородских варягов в Киеве, описанному в «Повести временных лет» под 882 г. — годом похода Олега и Игоря на юг, а в Новгородской летописи описанному под тем же 854 г. (под ним описано и «начало Русской земли»), Шахматов придавал особое значение. Чтобы объяснить, каким образом скандинавская *русь* оказалась на юге, в Киеве, прежде варягов, Шахматов принужден был «переписать» летопись и домыслить ряд эпизодов русской истории. Вопреки известиям «Повести временных лет», равно как и Новгородской летописи, он предположил, что варяги, которые собирали дань с новгородских людей и были ими изгнаны, в действительности назывались *русью*. «Полчища» этой руси, однако, успели до того овладеть Киевом. «Русский» князь, узнав об отложении новгородского севера — изгнании сборщиков дани, собрался в поход против новгородцев (как это сделал в 1015 г. Владимир Святой, узнав об отложении сына Ярослава, сидевшего в Новгороде), тогда те и призвали варяжских князей. Варяги же восприняли название *русь* лишь в Киеве, где они появились с князем Игорем (или Олегом).

В Новгородской первой летописи о вокняжении Игоря сказано: «бѣша у него Варязи мужи Словенѣ, и оттолѣ прочи прозвашася Русью» (НПЛ. С. 107). Фраза вроде бы свидетельствует о том, что название *русь* распространилось с варягами (и словенами новгородскими) на «прочих» — в первую очередь, на киевских жителей — полян. Однако «прочих» в рукописи Новгородской первой летописи (Комиссионный список) — вставка на полях, и Шахматов считал это слово также заимствованным новгородским летописцем из описания тех же событий в «Повести временных лет». Там говорится об Олеге, обосновавшемся в Киеве: «И бѣша у него варязи и словѣни и прочи, прозвашася русью» (ПВЛ. С. 14) (см. рис. 20, цв. вкл.).

«Вставка слов «и прочи», — писал А.А. Шахматов о Новгородской летописи, — весьма характерна именно для Повести вр. лет, которая проводит тенденциозно историю варяжского происхождения руси: теория эта находила себе опровержение в соответствующем месте Начального свода, ибо оказывалось, что варяги прозвались *русью* только после перехода в южную Русь, но вставка слов «и прочи» устраняла возникшее было затруднение. Следовательно, Начальный свод сообщал о том, что варяги (или варяги и

§ 2. Хронотоп «Сказания о преложении книг на словенский язык»

словене) назвались русью только перейдя, осевши в Киеве» (Шахматов 2002. С. 208–209).

Эта конструкция на разные лады воспроизводится и в современной историографии, пытающейся обойти проблему скандинавского происхождения имени *русь* и следовать традиционному антинорманистскому стереотипу — настаивать на исконности полянской руси в Киеве (ср.: многочисленные работы А.Г. Кузьмина; Рыбаков 1982; Горский 2004. С. 41 и сл.; и др.)¹⁴⁴.

Отождествление полян и начальной руси в этих конструкциях основывается на вырываемой из контекста летописи фразе: «поляне, яже нынѣ зовомая Русь» (ПВЛ. С. 15). Между тем именно летописный контекст оказывается решающим для ее понимания, ибо сама фраза представляет собой комментарий летописца к «Сказанию о преложении книг на словенский язык», отсылающий к космографическому введению ПВЛ.

§ 2. Хронотоп «Сказания о преложении книг на словенский язык»

Проблема хронотопа — сконструированного автором пространственно-временного континуума, который преобразовывал реальность в художественном тексте, имеет особое значение для исследования средневековой книжности в силу отличного от современного «нелинейного» отношения средневекового человека к пространству и времени. В наибольшей мере данное отличие бросается в глаза там, где сам жанр повествования предполагает «линейность» — в летописях и хрониках. Это относится и к Начальной русской летописи в связи с чрезвычайно важным для летописца «начальным» сюжетом — рассказом о моравской миссии Константина и Мефодия. Рассказ об этой миссии А.А. Шахматов назвал «Сказанием о преложении книг на словенский язык». Тексту приписывается моравское (чешское) или болгарское происхождение (см. Шахматов 1940. С. 80–92; Флоря 1985), но нас, прежде всего, будет занимать место «Сказания» в композиции ПВЛ.

«Сказание» помещено в летописи в статью 898 г., которая начинается с рассказа о походе угров — венгров мимо Киева на Дунай вплоть до Селуня —

¹⁴⁴ О тенденциозности этих конструкций на примере работ А.Г. Кузьмина писал А.А. Зимин (Зимин 1974. С. 460).

Фессалоник (ПВЛ. С. 15–16). Происхождение погодных записей — особая текстологическая проблема: давно отмечена неточность датировки венгерского похода 986 г., равно как и ошибки летописца в определении начала царствования византийского императора Михаила III и т. п. (см. в главе IV). Но все это не устраняет главной проблемы: летописец включает рассказ о миссии, которая отправляется в «Словенскую землю» при Михаиле III, но в погодной записи 868 г. он сам сообщает о царствовании Василия, сменившего Михаила, а под 887 г. — о воцарении Льва, сына Василия, и его брата Александра.

Уже указывалось, что царствование Михаила не было для составителя ПВЛ простой хронологической вехой, почерпнутой из греческого хронографа: в его правление Русь совершила первый поход на Царьград и после этого события, попавшего в греческий хронограф, «стала прозываться Русская земля». Поход, по летописи, был совершен после призвания русских (варяжских) князей в Новгород: князья принесли с собой варяжское имя Русь, и «от тех варяг прозвася Русская земля» — так отвечает летопись на главный вопрос ПВЛ «откуда есть пошла Русская земля» под 862 г.

«Сказание о предложении книг» летописец завершает сходным утверждением: «А словенский язык и русский одно есть, от варяг бо прозвашася Русью, а первое беша словене». Казалось бы, место Сказанию и содержательно, и хронологически — рядом с легендой о призвании варяжских князей, тем более что и сюжетно эти повествования близки друг другу. Действительно, три восточноевропейских племени (чудь, словене, кривичи) призывают трех варяжских князей из-за моря; три славянских князя посылают к Михаилу в Грецию за учителями. Характерны сами формулы призвания: «Земля наша велика и обилна, а наряда в ней нѣтъ. Да поидѣте княжити и володѣти нами», — говорят послы варягам. «Земля наша крещена, и нѣсть у нас учителя [...]». И послѣте ны учителя, иже ны могутъ сказати книжная словеса и разумѣ их». Но что-то заставляет летописца отделить сказание о призвании варягов от сказания о призвании учителей вопреки его собственной хронологии.

Летописец был историком — не просто фиксировал доступные ему события в хронологическом порядке, но анализировал их в соответствии с задачами, сформулированными им в начале ПВЛ: он должен был ответить на вопросы, «откуда есть пошла Русская земля» и «откуда Русская земля стала есть». Ответ на первый вопрос был дан при изложении легенды о призвании варягов: Русская земля стала прозываться от варяг, но заморские варяги, а стало быть, и русь, не были славянами. Откуда пошли славяне (словене) летописец знал из того же «Сказания о предложении книг»: в начальной космографической части ПВЛ содержится фрагмент «Сказания» о словенах,

которые «по мнозѣхъ временѣхъ» сели на Дунае, где ныне (при летописце) земля Угорская и Болгарская. На Дунае поселились моравы, чехи, хорваты (белые) сербы и хорутане: они попали под власть неких волохов. Другие словене пришли и осели на Висле, и прозвались «ляхове, а от тех ляхов прозвашася поляне, ляхове друзии лутичи, ини мазовшане, ини поморяне».

Далее следует рассказ о расселении славян в Восточной Европе, и их перечень начинается снова с полян, но уже днепровских, а не польских. За ними упомянуты древляне и прочие, расселявшиеся по рекам, среди которых — словене, прозавшиеся «своим» — то есть дунайским — именем на озере Илмер (Ильмень). Им — единственным в этом списке — была дана городская топографическая примета: они основали Новгород. Далее с характерной географической последовательностью летописец возвращается на Днепр, но уже не на правый, а на левый берег, где живут северяне. «И тако разидеся словѣньский язык, тем же и грамота прозвася словѣньская» (ПВЛ: 8), — заключает летописец. Это заключение демонстрирует, однако, что рассказ о расселении восточноевропейских славян является вставкой русского летописца, ибо рассказ о словенской грамоте, волохах и дунайских словенах продолжается далее лишь под упомянутым 898 г. До того летописец повествует о пути из варяг в греки, по которому идет Андрей Первозванный, благословляющий еще незаселенные киевские горы и дивящийся парной бане словен на месте будущего Новгорода; говорит об основании Киева, цитирует хронику Георгия Амартола, не забывая упомянуть о походах болгар и угров на Дунай, но откладывая повествование о них до рассказа о князе Олеге¹⁴⁵; завершает космографическое введение рассказом об обычаях народов и о хазарской дани с днепровских славян.

Далее следует датированная часть летописи с призыванием варягов, походом руси на Царьград при Михаиле, наконец (под 882 г.), о походе Олега из Новгорода в Киев с малолетним Игорем и войском из варягов, чуди, словен и всех кривичей. Прежде чем занять город, Олег, прикидываясь купцом, останавливается на урочище Угорском. Захваченный полянский Киев становится столицей — «матерью городов русских». «И бѣша у него варязи и словѣни и прочи, прозвашася русью» (ср. выше — глава V.1. — о комментарии А.А. Шахматова), — комментирует события летописец.

¹⁴⁵ Ипатьевский вариант ПВЛ в космографическом введении сообщает, что «придоша Оутри Бѣли и наследиша землю Словѣньскую, прогнавше Волохи, иже беша преже приять землю Словеньску» (ПСРЛ, т. 2, стб. 10). Неясно, кого имеет в виду летописец под «белыми уграми», ибо далее говорится о венграх, как о «черных уграх», пришедших на Дунай при Олеге.

Комментарий летописца симптоматичен: в войске Олега присутствуют призванные варяги и призывавшие их племена, но русью называются, прежде всего, варяги и словене — это приготавливает читателя к завершающему «Сказание о преложении книг» утверждению, что «словѣньскый языкъ и рускый одно есть».

Урочище Угорское также задействовано в рассказе о походе угров под 898 г. — как и прочие топографические приметы летописи, оно должно свидетельствовать о достоверности описываемых событий. Угры шли мимо Киева, останавливаясь на Угорском (см. рис 21, цв. вкл), прошли через Угорские горы — Карпаты и «почаша воевати живущая ту волохи и словени». Они «прогнаша вольхи, и наследиша землю ту». Ясно, что под волохами летопись — и предшествующая кирилло-мефодиевская традиция — подразумевает франков, утвердившихся на Дунае при Карле Великом (Шахматов 1940. С. 84; Петрухин 2000. С. 64 и сл.). Важнее последующий маршрут венгров, которые начали войну с греками, дойдя до Селуня — города Константина и Мефодия — в Македонии, а затем обратившись против моравы и чехов.

Этот этногеографический контекст и позволяет летописцу естественным образом возвратиться к «Сказанию о преложении книг». «Сказание» оказывается здесь не некоей хронологической вехой, а историческим комментарием к распространению славянской грамоты. «Бѣ единъ языкъ словенескъ, — продолжает цитировать «Сказание» летописец: словѣни, иже сѣдяху по Дунаеви, их же прияша угри, и моравы, и чеси, и ляхове, и поляне, яже нынѣ зовомая Русь» (курсив мой. — В. П.). Последние слова — ремарка летописца, ибо он отождествил польских (ляшских) полян «Сказаний» с полянами киевскими, которых в его изложении уже подчинил Олег со своими «варягами, словенями и прочими, прозванными русью» и которые в его эпоху зовутся Русью. Создав эту историческую конструкцию, летописец уже может утверждать: «Симъ бо первое были преложены книги моравѣ, яже прозвася грамота словѣньская, яже грамота есть в Руси и в болгарѣх дунайскихъ»¹⁴⁶.

¹⁴⁶ ПВЛ. С. 15. А.А. Шахматов (1940. С. 85–86) не обратил внимания на этногеографический — «хронотопический» — контекст фрагмента о походе угров до Солуня, посчитав, что летописец неумело сократил «Сказание о преложении книг» в той части, где должно было говориться о судьбах кирилло-мефодиевской традиции после венгерского завоевания. В реконструкции Шахматова «Сказание о преложении книг» здесь опиралось на другое сочинение — «Сказание о русской грамоте», где уничтожение кирилло-мефодиевской традиции в конце X в. приписывалось чешскому латинскому миссионеру Войтеху. Дальнейшие исследования (В.М. Истрин и др. — см. Живов 2000. С. 552–585) показали, что соотношение двух «Сказаний» было как раз обратным: Войтех не был гонителем последователей Константина и Мефодия, а «Сказание о русской грамоте» опиралось на текст ПВЛ или напрямую — на

§ 2. Хронотоп «Сказания о преложении книг на словенский язык»

Далее следует рассказ о миссии Константина и Мефодия. Летописец прибегнул тут к традиционному методу средневековой «этимологии» (Гене 2002. С. 212 и сл.), отождествив на основании не просто созвучия, а полного совпадения племенных названий «польских» и днепровских полян. «Полями же прозвани быши, зане в поли съдаху, а язык словенски един», — добавляет летописец этимологический и этнографический комментарий.

Очевидно и вполне естественно стремление летописца выяснить пути проникновения славянской грамоты на Русь — ведь для составления летописи он пользовался тем самым языком, который создали на Дунае Константин и Мефодий. Конечно, летописец знал, что письменность пришла на Русь с христианским просвещением — книги должны были привезти Владимиру Святославичу наряду с церковной утварью священники в свите царицы Анны, сам он специально повествовал о «прилежании» к книгам Ярослава Мудрого и т. д. Позднейшие летописцы легко решали эту проблему, отождествляя летописного греческого Философа, пришедшего к Владимиру с речью — катехизисом накануне крещения в 986 г. с «философом» Константином. Но передавший Речь Философа составитель ПВЛ был чужд такому анахронизму. Кроме того, что-то заставляло его сконцентрироваться именно на эпохе Олега как времени распространения на Руси славянской грамоты вне связи с крещением.

Это «что-то» и было первым русским писанным документом — открытием составителя ПВЛ: в княжеском архиве он получил копию договора Олега с греками, заключенного в 911 г. Договор был заключен Олегом после легендарного похода на Царьград 907 г., когда в своем войске Олег объединил, помимо варягов и словен (прозвавшихся русью), все подвластные ему племена Восточной Европы. Договор был составлен от имени «всей руси» и русских князей на славянском языке¹⁴⁷.

«Сказание о преложении книг». Существенно при этом, что перечень народов, которым была дана славянская грамота, совпадает в ПВЛ и «Сказании о русской грамоте»: это моравы, чехи и ляхи. При этом в «Сказании о русской грамоте» этот перечень не конкретизируется — Константин научил «мораву и ляхы и чехы и прочая языки» (Живов 2000. С. 584). В ПВЛ, напротив, важен список ляхских народов, потому что он включает полян, которых летописец сближает с полянами днепровскими. Судьбы кирилло-мефодиевской традиции у дунайских славян после венгерского завоевания уже не волнуют летописца после того, как он может обратиться собственно к Руси.

¹⁴⁷ Ср. о договорной лексике, включающей формулировку «вся русь» (все росы) у Константина Багрянородного — глава IV.3. К. Цукерман (2008) предположил, что включение договоров в текст «Начального свода» вообще привело к составлению новой летописи — «Повести временных лет».

Летописцу была задана историческая проблема: как Русь получила письменный язык при Олеге, и он решил эту проблему «хронотопически», объединив в едином пространственно-временном континууме Русь, дунайских славян и Солунь при посредстве маршрутного описания угорских завоеваний¹⁴⁸. Для этого ему пришлось расчленить «Сказание о преложении книг на словенский язык», прибегнув к методу анахронического комментирования исторического текста.

Решив эту конкретно-историческую задачу, летописец одновременно решил и «сверхзадачу» — проблему обретения письменного словенского языка всей Русской землей, ибо Олег объединил Киев и Новгород — в первую очередь, словен, полян и русь, но также и все прочие племена, ходившие с ним на Царьград.

§ 3. Славяне и Русь: идентификация и самоидентификация в начальном летописании

В 1725 г. академик-востоковед Готлиб Зигфрид Байер начал критическое изучение источников по русской истории и, исследовав традиционную российскую историографию, показал, что в позднесредневековой хронографии историко-географический подход подменялся генеалогическим. Жившие на территории России народы древности — скифы и сарматы — «автоматически» оказывались предками славян. Это построение подкреплялось библейской генеалогией, происхождением народов Евразии от потомка Иафета Мосоха (с его именем ассоциировалось и имя Москвы) и т. п. (ср. Ловмянский 1985. С. 59). При этом Байер разделил мифологические и исторические генеалогии в русском летописании, указав на очевидное скандинавское происхождение варягов и имени *Русь*, в соответствии с летописным преданием о призвании из-за моря руси и варяжских князей.

С тех пор «норманнская теория» стала жупелом для официально-«патриотической» историографии, что и понятно: гораздо удобнее апеллировать к

---

¹⁴⁸ Заметим, что угорская тема «окаймляет» рассказ о миссии славянских первоучителей. Под 902 г. летопись содержит рассказ из Амартола о том, как император Лев нанял угров против болгар; затем говорится о том, как Олег привел наследнику Игорю жену Ольгу из Пскова (903 г.); далее (907 г.) — о легендарном походе Олега на Царьград. В результате похода и был заключен упомянутый договор 911 г. Ср. координаты, которые дает для описания размещения венгров (турок) Константин Багрянородный (глава IV.2): они пребывают в Моравии за Дунаем, путь от которого до Фессалоник занимает 8 дней.

§ 3. Славяне и Русь: идентификация и самоидентификация...

концепции естественного происхождения государственной власти и «генеалогическим», если не генетическим единством подданных, чем вспоминать о призвании заморских варягов. Эта концепция, восходящая к риторической историографии М.В. Ломоносова, получила развитие и в наши дни с характерным политически злободневным как для XVIII, так и для XXI в., мотивом: если уж и призывать варягов, то это должны быть родственные по крови славяне, к тому же из Пруссии (см. во Введении).

Конечно, все эти построения далеки от задач летописной текстологии. Но Начальная летопись, казалось бы, сама дает повод для различных интерпретаций происхождения Руси, ибо уже в космографической части ПВЛ русь упоминается дважды. Первый раз русь помещается на Варяжском море рядом с чудью, среди финно-угорских и балтийских племен севера Восточной Европы; второй раз — за Варяжским морем, среди заморских варягов-скандинавов, между жителями Готланда и англичанами. Далее, под 862 г. в легенде о призвании князей русь, естественно, вновь помещается среди варягов, но под 898 г., в рассказе о «преложении книг на словенский язык» — моравской миссии Константина и Мефодия, отождествляется с полянами, причем неясно с какими — киевскими или польскими (см. параграф 6.2).

Вся эта очевидная на первый взгляд неразбериха приводит исследователей либо к пессимистическому выводу о том, что летописец, создававший свой свод — компиляцию из разных источников, не вполне справился со своей задачей и оказался не в состоянии создать стройную концепцию происхождения Руси и обнаружил даже «раздвоение» собственного самосознания (ср.: Живов 1998); либо — к более «оптимистическому» выводу, согласно которому первоначально — в Начальном или даже предшествующем ему своде такая концепция содержалась и повествовала о славянском происхождении руси, если угодно — на Балтийском море рядом с чудью, а скорее в полянском Киеве, но злостный редактор-норманист вычеркнул эту концепцию, заменив ее загожей легендой о призвании варягов (Б.А. Рыбаков). Правда, и этот редактор, судя по всему, «не доработал», ибо оставил в летописи единственную фразу, которая призвана свидетельствовать о славянстве Руси: «поляне, яже ныне зовомая Русь».

В последние годы удалось разобраться в текстологической природе этой двойственности, когда русь помещалась одновременно за Варяжским морем и в Восточной Европе. Эта двойственность была задана начальными вопросами «Повести временных лет» — «откуда есть пошла Русская земля» и «откуда Русская земля стала есть», то есть о «генеалогическом» происхождении варяжской Руси (из-за моря) и о становлении Русской земли — государства

в Восточной Европе. Здесь нельзя еще раз не вспомнить основателя научной российской историографии — Г. Байера, указавшего на различие «генеалогического» и историко-географического методов историографического описания, и нельзя не отметить, что первый русский летописец различал эти методы.

Конечно, не русский летописец создал эти методы — он следовал общей традиции, восходящей к библейской историографии: в библейской «Таблице народов» потомки Сима, Хама и Иафета перечислены сначала в соответствии с генеалогическим родством, потом — в соответствии с расселением в Средиземноморье. В летописи, начинающейся с описания стран — «окреbieв» потомков Ноя, эта система инвертирована: сначала говорится — «в Афетовъ же части съдят» разные народы, в том числе русь рядом с чудью, а затем «Афетово бо и то колыно», где русь помещается уже среди варяжских народов (ПВЛ. С. 7–8). Заметим, что в «географическом» отношении здесь нет противоречий: ведь чудь (эстонцы) сидит на Варяжском море.

Перед летописцем стояла сложная историографическая задача по идентификации руси и славян — поиску их места среди народов мира. Они не могли быть упомянуты в Библии (если не отождествлять с русью «князя Рос» в греческом переводе Иезекииля, см. главу III.1), а в греческих хронографических источниках Начальной летописи, прежде всего в Хронике Георгия Амартола, ни для руси, ни для славян — новых «северных варваров» — не нашлось места в традиционном космографическом описании: географическом перечне провинций — областей, а не собственно народов. Летописец справился с этой задачей благодаря собственно славянскому — моравскому источнику, который А.А. Шахматов (1940) назвал «Сказанием о предложении книг на словенский язык»: в этом источнике были перечислены славянские племена, которые оказались под властью франков — волохов на Дунае, где ныне, как замечал летописец, Угорская и Болгарская земля. Язык славянских племен был единым, хотя звались они по-разному — моравы, чехи, ляхи, поляне. Мораве и были первым «предложены» книги, и так возникла славянская грамота — которая «есть в Руси и в болгарех дунайских», — комментирует свой источник летописец.

Далее следует повествование о миссии Константина и Мефодия к дунайским славянам, князья которых сами *призвали* себе учителей при императоре Михаиле III. Моравская миссия изображалась как продолжение апостольской миссии Павла и Андроника в Иллирике (в соответствии с апостольским преданием — Рим. XV, 19). Эти данные и послужили дальнейшей исторической конструкции летописца, ибо Иллирик бы упомянут

§ 3. Славяне и Русь: идентификация и самоидентификация...

среди других балканских провинций Иафетовой части в Хронике Амартола. В описание этой части, заимствованное у Амартола, летописец и включает имя *Словене*, помещая его между Иллириком и Лухитией — областью вокруг Охрида (центром древнеславянской книжности) в северо-западной Македонии. Далее составитель летописи дополняет описание Иафетовой части перечнем народов Европы Восточной, Северной и Западной Европы, дважды упоминая, как уже говорилось, русь — среди варягов на Севере и рядом с чудью на Востоке. Затем, в соответствии со структурой библейского повествования, говорится о строительстве Вавилонской башни и смешении 72 языков, среди которых оказываются «словени от племени Афетова», но летописная ремарка здесь же гласит: «нарци, еже суть словѣне» (см. главу I.1).

При этом дальнейшее летописное повествование о том, что «по мнозѣх времянѣх» после столпотворения словене сели на Дунае, где «ныне Угорьска земля и Болгарьска», указывает на вполне определенный историко-географический контекст, заставляющий внимательнее отнестись к отождествлению словен с нориками. Действительно, Норик располагался на Дунае к западу от Паннонии, эти земли в самом деле были заселены славянами (летописные хорутане). С начала IX в. их контролировали франки-волохи, а с конца этого столетия Паннония, Норик и Моравия оказались под властью завоевателей — венгров.

В гуннскую эпоху (V в.) в Норик переселилось германское племя ругиев, имя которых надолго вошло в латинскую традицию: собственно о ругах — германском народе в Верхней Паннонии нет упоминаний после середины VI в., но сам этникон сохранился и уже в X в. стал употребляться германскими авторами в отношении Руси (Назаренко 2001. С. 11–50). Правда, наименование «руги» было перенесено на русь на основе методов средневековой латинской «этимологии» — по сходству имен (ср. так же в средневековой историографии датчане могли именоваться даками, и норвежцы — нориками; Гене 2002. С. 203).

Латинская традиция, относящаяся к ругам, осталась неизвестной летописи — у летописца были собственные источники о происхождении руси. Но отождествление дунайских словен и «нарцев» оказалось весьма подходящим для идентификации славян в соответствии с библейской историографией: в географическом пространстве они помещались рядом с Иллириком, где и располагался исторический Норик; в «генеалогическом» смысле — были отождествлены с нарцами. Проблема источника этого отождествления — общего, как показал А.А. Шахматов, для ПВЛ и Толковой

палеи — особая проблема (ср.: Ведюшкина 2003. С. 300): напрашивается предположение, что этим источником, синтезирующим греческую и латинскую традиции, могло быть моравское «Сказание о преложении книг».

Значение кирилло-мефодиевской традиции считается очевидным для создания летописной концепции этногенеза славян. В отношении Руси она, по крайней мере, не очевидна. Давно известен, однако, редко используемый источник, который дает удивительно близкую летописной картину расселения славян и народов Северной Европы. Это еврейский хронограф «Иосиппон», составленный в Италии в 960-е гг.: уже основатель российской иудаики А. Гаркави показал, что в «Таблице народов» этого хронографа названия славянских племен в Иафетовой части — Морава, Харвати, Сорбин, Лучанин, Ляхин и т. д., именуемые Склава, — даны в славянской передаче. Они обитают от границ Болгарии до Венеции и Саксонии, но не на Дунае (Дунай также поименован по-славянски), ибо на Дунае — в полном соответствии с летописной традицией — обитают народы Угр (!) и Булгар. Иосиппон только добавляет к ним (в соответствии уже с исторической реальностью X в.) печенегов.

Наконец, разительным сходством с летописным отличается контекст хронографа, в котором упомянута русь. Окраинные народы Европы Иосиппон знает плохо, и естественно, что он отождествляет их с Мешехом — Мосохом греческого перевода саксов. За Мешехом в библейской «Таблице» упомянут Фирас / Тирас, и Иосиппон отождествляет с этим потомком Иафета народ «Руси». «Саксини и Энглиси живут на Великом море, — продолжает Иосиппон, Руси живут на реке Кива, впадающей в море Гурган». Русь таким образом оказывается одновременно рядом с саксами и англами, живущими на Великом море (Балтийское море считалось заливом океана), и на реке Кива, в имени которой видят название днепровской столицы Руси — Киева. То, что Днепр у Иосиппона впадает в Гурган — Каспийское море, можно списать на отдаленность итальянского книжника от Восточной Европы. Интересно, однако, что в ПВЛ варяги, среди которых упоминается русь, обитают «ко вѣстоку до предела Симова», а «к западу до земли Агнянски и до Волошьски» (ПВЛ. С. 8; см. также главу II.3). Предел Симов в ПВЛ начинается в Персии, за Каспийским — Хвалиским морем: такое растяжение окраинных народов по хорде круга земного характерно для раннесредневековой космографии.

Но, пожалуй, главным совпадением оказывается упоминание руси рядом с англами: в летописном списке варяжских народов это выглядит особенно странным, но если признать, что летописец следовал авторитетному

источнику (как в случае с нарцами), то эта странность найдет объяснение. Соблазнительным было бы предположить, что летописцу был известен перевод Иосиппона, тем более что хронограф был популярен в раннесредневековом мире (есть арабский перевод), а в ПВЛ был действительно включен фрагмент еврейского хронографа, в котором говорится об ангеле, явившемся Александру Македонскому (ПВЛ. С. 121–122). Однако «Таблица народов» Иосиппона все же существенно отличается от летописного списка: в летописи отсутствуют далекие от Дуная саксы, Иосиппон не знает никаких волохов — он упоминает хорошо известных еврейской диаспоре франков, знает народ Даниски — датчан, не известных под своим именем ПВЛ, и т. п.

С большим основанием можно полагать, что Иосиппон использовал некий славянский источник, которому была известна и греческая ономастика: об этом свидетельствуют имена печенегов — *Пецимак*, *Толмац*, воспроизводящие греческие формы. Наконец, имя *козар* в Иосиппоне воспроизводит этникон, характерный для кирилло-мефодиевской традиции — собственно для Жития Константина, Шестоднева Иоанна Экзарха и собственно ПВЛ. Это может означать, что Иосиппон использовал кирилло-мефодиевскую космографическую традицию, сходную с той, что была известна летописцу. Как эта космографическая традиция соотносилась со «Сказанием о преложении книг» и с еще одним источником летописи — Хронографом по великому изложению — особая проблема. Как бы то ни было, «двойственное» размещение руси на Варяжском море и в Восточной Европе отражает достаточно раннюю космографическую традицию, предшествующую составлению первых летописных сводов (Петрухин 1995. С. 36–41).

Работа по идентификации руси — обнаружению ее генеалогического места среди варяжских народов и историко-географического — среди народов Восточной Европы была выполнена летописцем достаточно последовательно. То же можно сказать и о славянах, но славяне — летописные *словене* занимали принципиально иное место в этнографической иерархии летописи. Словене сами были группой народов, подобной летописным варягам, или волхве — волохам, и процесс расселения этих народов из единой прародины — Дуная, где они звались своим общим именем, более всего интересовал летописца в космографической части ПВЛ. Показательно при этом, что в космографической экспозиции — перечне потомков Иафета словене, в отличие от руси, помещенной рядом с чудью, еще отсутствуют в Восточной Европе, ведь они еще сидят на Дунае.

Заметим, что космографический список народов, перечисляющий «русь, чудь и все языци», явно зависит от другого списка — перечня племен, при-

зывавших варягов в легенде о призвании князей. Легенда помещена уже в собственно летописной части ПВЛ, почти сразу за космографическим введением. В космографическом списке сразу за прибалтийской чудью следуют все финно-угорские «языки», начиная с верхневолжской меры: между чудью и мерей обнаруживается географическая лакуна — там в легенде о призвании обитают новгородские словене и кривичи. Стало быть, на построения летописца, помимо космографических источников, оказывало воздействие княжеское предание о призвании «всей руси» — княжеской дружины во главе с варяжскими князьями чудью, словенами, кривичами и мерей. «От тех варяг», согласно легенде, *прозвалось* государство, Русская земля, и таков был ответ на первый заглавный вопрос ПВЛ: «откуда есть пошла Русская земля».

Ответу на второй вопрос посвящена, собственно говоря, вся летопись, повествующая об истории Русской земли, но в космографической части этот ответ также обозначен. Уже после описания процессов расселения славян от Дуная в Восточной Европе и легенды о киевских полянах летописец утверждает: «Се же токмо словенск язык в Руси: поляне, дреговичи, ноугородьци, полочане, дреговичи» и т. д. Обратим внимание на то, что здесь русь не отождествляется с полянами; напротив, летописец частично переходит от этнического к географическому «регистру» — вместо словен и кривичей «в Руси» у него упомянуты новгородцы и полочане. О том, что речь идет уже о государственной этногеографии, ясно из следующей фразы: «А се суть инии языци, иже дань даютъ Руси: чюдь, меря» и т. д. в соответствии с предыдущим космографическим списком (ПВЛ. С. 10). Ясно, что Русь идентифицирована здесь с государственным объединением славянских «языков» и противопоставлена иным языкам как данникам. Заметим, что этот географический регистр задан летописцу не только Амартолом, перечисляющим страны в своей космографии, но и начальным вопросом «Повести временных лет» о *Русской земле*: ср. переход «от тех варяг прозвася *Русская земля*».

Но этой «формальной», «политической» — государственной идентификации Руси и словенского языка в широком смысле было явно недостаточно для самоидентификации, понимания того исторического процесса, который привел к тождеству Руси и славян. Ведь летописец конца XI — начала XII в. считал русь одним из варяжских народов, а не «профессиональным» названием княжеской дружины, как это следует из современных историко-лингвистических реконструкций. Дело осложнялось еще и тем, что славяне и русь противопоставлялись вплоть до XI в. не только «зарубежными» источниками, но и собственно русскими: в летописном предании о походе Олега

на Царьград словене оказываются в униженном положении по сравнению с русью (см. главу VIII.2) — им даны непрочные паруса. Наконец, в «Русской правде» Ярослава Мудрого (начало XI в.) *словенин* еще противопоставлен *русину* (Петрухин 1995. С. 108 и сл.).

Конечно, монах-летописец хорошо осознавал и специально отметил обширным летописным текстом то событие, которое привело к становлению «нового» русского народа. Это было крещение Руси при Владимире Святославиче, отмена племенных обычаев, введение единого культа и единой культуры с единым словенским языком богослужения во всей Русской земле. Но в распоряжении летописца были источники, которые свидетельствовали о роли на Руси словенского языка — словенской грамоты задолго до крещения. Это были договоры руси с греками, первый из которых — договор Олега 911 г. — был заключен от имени «всей руси», послы которой носили явно неславянские имена, но составлен на славянском языке.

Этот источник и другие исторические соображения летописца предопределили известный парадокс летописной композиции. Уже говорилось, что одним из источников ПВЛ было моравское «Сказание о предложении книг на словенский язык», и славянская грамота интересовала летописца уже в космографическом введении, где рассказывалось о расселении славянских племен после нашествия франков — волохов, в том числе в Восточной Европе (ПВЛ. С. 8). Как эта грамота распространилась у восточных славян, оставалось неясным. Летописец знал из сказания, что Константин и Мефодий были призваны славянскими князьями к дунайским славянам при императоре Михаиле III. Летописцу было известно, когда правил этот император, он знал из греческого хронографа, что при Михаиле после похода Аскольда и Дира стала «прозываться» — получила известность Русская земля, и в его царствование состоялось собственно призвание варягов. Казалось бы, здесь и место для текста «Сказания о предложении книг». Однако летописец, несмотря на явную несообразность с хронологией, помещает рассказ о моравской миссии солунских братьев под 898 г., вслед за рассказом о походе угров мимо Киева на Дунай и Балканы (вплоть до Солуны!). Само повествование о походе угров, изгнавших с Дуная волохов и подчинивших тамошних славян, относится к моравскому «Сказанию», но включение Киева в их маршрут принадлежит летописцу: уграм не нужно было во время своего похода форсировать Днепр и идти мимо Киева — они уже обитали в Ателькузу, междуречье Днепра и Днестра (Константин Багрянородный, глава 38). Но летописцу важно увязать этот поход с Киевом, что можно было сделать, ибо под Киевом было известно урочище Угорское. Правда, оно упо-

минается раньше, под 882 г., где рассказывается о том, как Олег остановился на Угорском, чтобы захватить Киев. Но это как раз и нужно летописцу, чтобы совместить в едином «хронотопе» правление Олега и происхождение словенской грамоты.

Итак, на пути от Киева к Солуню угры подчиняют себе дунайских словен, воюя «на мораву и на чехи». «Бѣ единъ языкъ словѣнскъ», — продолжает цитировать «Сказание» летописец, — словѣни, иже съдяху по Дунаеви, их же прияша угри, и морава, и чеси, и ляхове, и поляне, яже ныне зовома Русь». Последние слова, как уже говорилось, — ремарка летописца, ибо он отождествил польских (ляшских) полян «Сказания» с полянами киевскими, которых в его изложении уже подчинил Олег со своими «варягами, словенами и прочими, прозававшимися русью» (ПВЛ. С. 14), и которые в его (летописную) эпоху зовутся Русью. Создав эту историческую конструкцию, летописец уже может утверждать: «Симъ бо первое были преложены книги моравѣ, яже прозвася грамота словѣнская, яже грамота есть в Руси и в болгарѣх дунайских» (ПВЛ. С. 15).

Летописец прибегнул тут к традиционному методу средневековой «этимологии», отождествив на основании совпадения племенных названий «дунайских» и днепровских полян. Рассказ о моравской миссии славянских первоучителей, продолжившей миссию Павла в Иллирике, он завершает утверждением, что и «словенскому языку учитель есть Павелъ, от него же языка и мы есмо Русь, тѣм же и нам Руси учитель есть Павел. [...] А словенский язык и русский одно есть, от варягъ бо прозвашася Русью, а первое бѣша словене; аще и поляне звахуся, но словенскаа рѣчь бѣ».

Нельзя не заметить, что летописец ощущал некоторую искусственность своего построения, несмотря на то, что исторический его итог был вполне документирован: договор Олега, в войско которого входили и поляне, был составлен на словенском языке. Характерна, однако, завершающая рассказ о словенском языке ремарка о полянах: «Полями же прозвани быши, зане в поли седяху, а язык словенски един» (ПВЛ. С. 16). Ремарка как бы лишает полян этнографической специфики, апеллируя к «ландшафтному» значению этнонима.

Показательно, что в киевской легенде летописец характеризует полян как мужей «мудрых и смысленых» (ПВЛ. С. 9) в противоположность древлянам и прочим племенам, живущим «звериньским образом». Отказ от рецидивов племенного сознания в пользу общеславянского и, наконец, общерусского — русско-славянского самосознания, и есть определенный итог работы летописца в поисках самоидентификации или самопознания

§ 3. Славяне и Русь: идентификация и самоидентификация...

(если пользоваться терминологией Н.С. Трубецкого и Н.И. Толстого — см. Толстой 1993; ср.: Ведюшкина 2003. С. 304 и сл.).

Крещеная Русь, объединившая славянские языки в новый народ, уже не противопоставляла себя грекам, как это было свойственно древним словенам на дунайской границе Византии (см. параграф 1.3) и языческой руси в договоре Олега. Напротив, возникает тенденция к сближению и даже отождествлению Руси и Греции в скандинавской литературе (ср.: Успенский 2002. С. 286 и сл.): ср. прорицание волхва в ПВЛ (с. 75) — «статѣ Гречьскы земли на Руской, а Русьскѣй на Гречьской». В ПВЛ, однако, подробно описывается и многократно упоминается европейский «поганый» (языческий) народ¹⁴⁹, не отнесенный в космографическом введении к потомкам Иафета, но постоянно противопоставляющийся христианской руси. Это половцы, обычай которых «нечист», как и происхождение от Измаила: они — «безбожные сыны Измаиловы» (ср.: Чекин 2000, Ведюшкина 2004). Обретающая христианское самосознание Русь имела на границах собственных варваров.

---

¹⁴⁹ В славянских переводах слово «поганый» служит эквивалентом греческого *barbaros* (Франклин 2010. С. 447).

Глава VII

Начало русских городов

§ 1. К проблеме формирования городской сети в Восточной Европе. Легенды и данные археологии

Представления о начале истории городов в Восточной Европе связано с легендарными известиями средневековых хронистов и географов. В начальном русском летописании доминирует представление о призванном в Новгород (по ряду — договору) роде князей, старший из которых, начиная с Рюрика, является главой княжеского рода, распределяет между своими мужами дани, города и волости (см. главу IV). С летописным рассказом о призвании трех князей-братьев соотносится сюжет группы восточных источников, повествующих о трех группах руси, имеющих три центра, в каждом из которых правит «царь» (*малик*). Главной считается группа ас-Славийя, которая традиционно в современной историографии отождествляется со словенской волостью новгородского князя. Другой центр, ближайший (с точки зрения восточных географов) к Болгару на Средней Волге, — Куйаба-Киев. Третья группа — ар-Арсанийя — куда не пускают чужеземцев, остается загадочной, хотя опять-таки традиционно отождествляется с Ростовом (Арса, Артаб) в волости кривичей и мери на Верхней Волге.

Если попытаться соотнести этот сюжет с летописными данными, то можно признать вслед за А.П. Новосельцевым (Новосельцев 1965. С. 419), что рассказ о трех группах руси сформировался тогда, когда Новгород был главным городом Рюрика, посадившего своих мужей и в Ростове, а Киев оказался во власти руси Аскольда и Дира, но не стал еще «матерью городов русских» — не был захвачен новгородским князем Олегом. Если так, то в соответствии с летописными датировками сложение рассказа можно отнести

§ 1. К проблеме формирования городской сети в Восточной Европе...

к 860–870-м гг. (время Анонимной записки, которой пользовался в X в. Ибн Руста).

Последние десятилетия развития восточноевропейской «поселенческой археологии» отмечены определенным «прорывом» в понимании начальной истории городов. Это касается как традиционных объектов исследования, связанных с началом истории Руси — поселения на пути из варяг в греки (шведская Бирка, Ладога, Новгородское Городище, Гнёздово, Киев), так и сопредельных с Русью территорий, прежде всего — поселений хазарского времени, ряд которых исследовался в рамках «Хазарского проекта» (крепости Горное эхо в Кисловодске, Правобережная Цимлянская на правом берегу Дона / Цимлянского моря — ср. главу III.2).

Расположение древнейших городов на торговых магистралях позволяло считать торговлю главным импульсом для формирования торговых поселений — городов. В.О. Ключевский, которому были известны и данные нумизматики о торговле в Восточной Европе, именовал древнейшие русские города «торговыми». Правда, великому историку были доступны лишь суммарные данные о монете, появившейся в Восточной Европе: Ключевский знал, что преобладающая часть монет датируется VIII–X вв., и заключил, что «торговые города» возникли в VIII в. (Ключевский, т. 1. С. 138 и сл.).

В советской историографии, основывавшейся на формационном подходе к проблеме градообразования, эта теория была признана антима르크систской, ибо город должен был воплощать становление классового общества, противоположность деревне и т. п. Естественно, в разных исторических условиях та или иная функция города могла быть доминирующей: само праславянское обозначение *город* — «град» свидетельствовало о важности укреплений, оборонительной функции, но отнюдь не все крепости были «торговыми городами» и центрами ремесла, и не все города имели укрепления, хотя наделялись городскими функциями — таковым было летописное Белоозеро (Захаров 2004. С. 128).

В начале раскопок поселений, на которых фиксировались дружинные древности IX–XI вв. (аналогичные курганным) — Гнёздова, Городища, Тимерёва, Шестовицы (в 1970-х гг.) некоторым археологам представлялось, что те лишены выраженных укреплений — они получили наименование «открытых торгово-ремесленных поселений» (ОТРП — ср.: Булкин, Лебедев 1974), что позволяло относить их к некоей «предгородской» стадии развития. Ныне исследованы укрепления на большей части этих поселений (ср.: Седых 2007; Коваленко, Моця 2010). Доминирующей функцией ОТРП считалась торговля. Показательно (при негативном отношении к торговой те-

рии Ключевского), что в советской историографии была принята датировка сложения городов и даже предпосылок феодализма в VIII в. Удобно было хронологически отделить эти процессы от времени появления норманнов и продемонстрировать беспочвенность «норманнской теории».

С возникновением дифференцированного исторического подхода к данным нумизматики выяснилось, что в поступлении монеты выделяются определенные периоды, а ее распределение различается в разных регионах (ср.: Янин 1956 / 2009; Нулан 2004). В Восточную Европу монетное серебро стало поступать с конца VIII в., но монетные потоки могли содержать монеты более раннего чекана — VIII и даже VII вв. О том, что древнейшие города и торговые поселения действительно были центрами перераспределения восточного серебра, уже говорилось в главе IV. В историографии сохраняется и представление о доминанте торговли в начальном развитии русских городов, хотя не следует забывать, что освоение коммуникаций Восточной Европы было связано со славянской земледельческой колонизацией, а перераспределение серебра стало одним из стимулов урбанизации (см. Noonan 2000).

В результате археологических исследований со второй половины XX в. очевидным стало взаимосвязанное развитие городских поселений в пределах целостной *сети* на реках — международных коммуникациях, особенно на пути из варяг в греки. Перечисленные поселения в IX–X вв. развивались синхронно, некрополи поселений, насчитывающие многие сотни комплексов (в Бирке, Гнёздове, Киеве), явно относятся к одной «археологической культуре». Сенсационным стало открытие приречных кварталов в Гнёздове и Киеве (на Подоле): планировка этих кварталов была ориентирована на речной путь, прием идущих по этому пути ладей (см. в главе V о раннем дружинном значении имени *русь* — «гребцы, участники похода на гребных судах»). Эта планировка принципиально отличается от традиционной планировки славянских поселений и аналогична планировке прибрежных поселений («виков») Балтики и Британских островов, ориентированной на гавань (Дорестада, Рибе, Хедебю — Карнап-Борнхайм и др. 2010; см. также обзор: Сагайдак, Мурашева, Петрухин 2008) и Атлантики (Ирландия — см.: Город, т. 4. С. 85, 283–284)¹⁵⁰.

Приоритетную функцию обслуживания судов исследователи усматривают также в материалах Городища и Шестовицы (Коваленко, Моця 2010).

¹⁵⁰ Новый этап в исследовании планировки раннегородских портов бросается в глаза в сравнении с обзорами, восходящими к ситуации 1990-х гг. (ср.: Clarke, Ambrosiani 1995; Петрухин 1995. С. 154–169).

Рис. 1. Рус приводит китайянку к Александру. Миниатюра. Бухара, 1648. (по: Зайцев 2003. С. 107)

Рис. 3. Тюркский лучник (Соловьев А.И. Оружие и доспехи. Сибирское вооружение от каменного века до средневековья. Новосибирск, 2003. С. 137)

Рис. 4. Балтские украшения с выемчатыми эмалями, подражающие римским (по: Петрухин 2007. С. 44)

Рис. 9. Призвание варягов: князя садятся в Новгороде, Белоозере и Изборске. Миниатюра Радзивилловской летописи

Рис. 12. Правобережное Цимлянское городище. Реконструкция О.В. Федорова

Рис. 15. Печенеги в Белгороде. Миниатюра Радзивилловской летописи

Рис. 19. Корабли норманнов с ковра из Байе
(по: Bernstein D.J. The Mystery of the Bayeux Tapestry. London, 1986. P. 73)

Рис. 20. Кирилл и Мефодий. Миниатюра Радзивиловской летописи

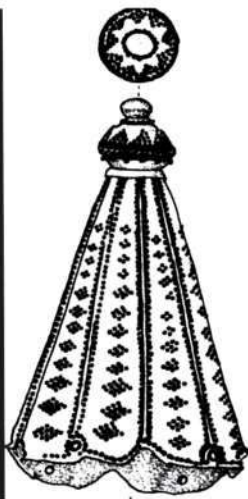

Рис. 21. Навершия венгерских шапок.
 Слева — Национальный исторический музей, Будапешт (по: The Ancient Hungarians. Budapest, 1996. P. 132); справа — Шестовица (по: Коваленко, Моця 2010)

Рис. 22. Дружинник из Гнёздова.
 Рис. О.В. Федорова

Рис. 23. Большой гнездовский клад (по: From Viking to Crusader/ Paris – Berlin, Copenhagen, 1993. p. 20)

Рис. 26. Воин из Шестовицы.
Рис. О.В. Федорова

Рис. 27. Аскольд и Дир
отправляются в поход.
Миниатюра Радзивилловской
летописи

Рис. 28. Убийство Аскольда и Дира. Миниатюра Радзивилловской летописи

и великоу воемъ своимъ - колсаи гдѣ ланнѣ
 и ставаша тима колса корабля - и вышю по ко
 му вѣтроу - въсплара оу съспола - и идѣше къ рѣ
 и идѣше трициноу боиша - и рѣша выслати ко
 мѣши - и поговѣла и градъ имѣи по дѣльа ко
 муши - коу спати и мѣи вѣ боа -

и соше мѣу брашнѣи и по и петри дѣ - бѣ бо
 трѣвено со шѣ травои - и оубо и шѣ трици - и рѣ
 и рѣ та съ мѣи гѣ - по стѣмъ дѣ митрѣ и гѣ гла гѣ
 и рѣ та съ мѣи гѣ - по стѣмъ дѣ митрѣ и гѣ гла гѣ

Рис. 29. Поход Олега на Царьград. Миниатюра Радзивилловской летописи

Рис. 30. Воины Олега клянутся Перуном. Миниатюра Радзивилловской летописи

Рис. 31. Смерть Олега от коня. Миниатюра Радзивилловской летописи

Рис. 32. Убийство Игоря. Миниатюра Радзивилловской летописи

ко слава брѣла по рекущи гници . сѣоу же ндоу кѣва . да при
 тронѣ меды мпоты . въ грядѣ же оуби стѣ моу жамое .
 а плачь ма гробъ его . и го творю три зно моу свое му
 и ни то слышавше со ве зоша меды мпоты зѣло . и въ зва
 нша . и ага же пои мши млада рѣ жны . и ле гко ндоу же
 и ридѣ ко гробу е . и плака по му жи свое мѣ . и по вѣль
 ко де сѣоу ти мо тило вѣ нко . и на ко ссы па ша . и по вѣль
 три зноу творити .

Рис. 34. Мечь Ольги. Миниатюры Радзивилловской летописи

Рис. 35. Волховские сопки

Рис. 36. Большие курганы Старой Уппсалы (по: From Viking to Crusader/ Paris – Berlin, Copenhagen, 1993. P. 156)

Рис. 58. Русский конный дружинник из Киева. Рис. О.В. Федорова

Рис. 59. Русский дружинник. Рис. О.В. Федорова

Рис. 71. Языческие игрища славян (центральная фигура с жезлом в руке). Миниатюра Радзивилловской летописи

рѣшмико: на поимѣ холмѣхъ и се стоятъ. стпо
ль аѣ: ꙗкоже послѣднѣ кажемъ: →

Рис. 74. Киевская гора с кумиром. Миниатюра Радзивилловской летописи

Рис. 75. Пирь князя Владимира. Миниатюра Радзивилловской летописи

Рис. 76. Посольство хазарских иудеев. Миниатюра Радзивилловской летописи

Рис. 78. «Запона» (икона) с судищем Господним. Миниатюра Радзивилловской летописи

Неже видѣвши дѣла е. мнози крѣпшиш. крѣпше сѣвѣри
 сто ебши. не цркви стоѣши. вкоре сѣмн гдѣм гв стипа
 сѣ гдѣ. ндѣ гв по рѣзѣ. полта в олодн мрд вѣ краіцкѣ
 стоитъ. н до сѣ днѣ аурчма пала та гдѣ оларѣ. покре
 щении сѣтпри вѣ цркви о мѣ в роуча ннѣ :

Рис. 80. Крещение князя Владимира. Миниатюра Радзивилловской летописи

Рис. 82. Дружина Игоря клянется в церкви Ильи и у идола Перуна.
Миниатюра Радзивилловской летописи

Рис. 90. Инвентарь киевской камерной гробницы, содержащий крест, скандинавские фибулы и славянские серьги

Рис. 91. Христианское погребение Ольги. Миниатюра Радзивилловской летописи

Рис. 92. Избиение варягов новгородцами в 1016 г. Миниатюра Радзивилловской летописи

§ 1. К проблеме формирования городской сети в Восточной Европе...

Согласно недавней реконструкции, произведенной на основе материалов из раскопок Д.В. Милеева (начало XX в. — Михайлов 2010), стены городища на Старокиевской горе были близки по конструкции укреплениям Новгородского Городища. Старокиевское городище существовало в первой четверти X в. В X в. на горе располагался киевский некрополь; рядом с ним находился княжеский двор.

Несколько иной была ситуация в Хазарии IX в. Каганат, как и Русь, стремился контролировать речные пути, по которым с конца VIII в. (с завершением арабо-хазарских войн) стали продвигаться торговые караваны. Осевой магистралью Хазарии был Дон, на излучине которого, направленной к Волге, были построены крепости Саркел на левом берегу (с использованием кирпича и византийской техники) и белокаменная крепость — на правом (новейшими раскопками В.С. Флёрова и здесь обнаружено воздействие византийской строительной технологии). Обе крепости должны были контролировать перевоз через Дон. Те же функции контроля над дельтой Волги, видимо, имело и поселение на острове Самосделка, в котором видят остатки столицы Хазарии Итиль (Атил). Важным центром Хазарии на другой речной магистрали, Северском Донце, была белокаменная крепость Верхний Салтов на левом и селище на правом берегу (ср.: Флёров 2011 и послесловие В.Я. Петрухина).

Наконец, на крайнем западе территории, которую контролировала Хазария, располагался Киев — центр полян (дань с них брали хазары). Ареал хазарской дани отмечен памятниками так называемой волынцевской культуры, сочетающей элементы хазарской салтовской и славянской роменской культур в Левобережье Днепра. Киев и его округа были анклавом волынцевской культуры на правом берегу. В самом Киеве не обнаружено хазарских памятников, лишь иудейское название киевской крепости Самватас, донесенной в середине X в. Константином Багрянородным, и письмо киевской общины X в. свидетельствуют о хазарском присутствии (Голб, Прицак 2003). Существенной в контексте развития городской сети на юге Восточной Европы представляется летописная легенда о Кие (основателе Киева) как перевозчике через Днепр. Вещий Олег со своей русской дружиной захватил Киев в 880-е гг., этим временем датируется начало регулярной застройки киевского Подола: археология подтверждает данные начальной летописи, связанные с «легендарным» Вещим Олегом.

Ранняя городская сеть Восточной Европы в IX–X вв. мало связана с Западной Европой: более очевидны связи с мусульманским Востоком и Византией. Вопреки предположениям о раннем (к IX в.!) формировании пути

«из немец в хазары», из Регенсбурга в Восточную Европу и т. п. (ср. давние работы М.Н. Тихомирова — Тихомиров 1947 о происхождении имени русь от ругов на Дунае и продолжающие эти построения работы А.В. Назаренко), путь этот едва ли мог функционировать до разгрома венгров Оттоном I при Лехе в 955 г. и попыток их «приручения» (ср.: Ле Гофф 2007. С. 75).

В Гнёздове несомненно существование местного ремесла, причем изготавливались и вещи скандинавских типов. Ювелирное ремесло характеризует комплекс из одной постройки, включающий медную матрицу для производства полусферических розеток — декора скорлупообразных фибул и др. и каменную литейную форму для отливки височных колец «нитранского» типа, происходящего из Моравии, скандинавскую статуэтку-амулет в виде «валькирии» из листового серебра и др. Найдены фрагменты разъемных глиняных литейных форм для производства скандинавских скорлупообразных и трилистных фибул (Ениосова 1999). В Гнёздове обнаружено также свыше 900 металлических предметов для украшения ремней — конской узды и пояса. Эти украшения производились в соответствии со скандинавскими и хазарскими (салтовскими) традициями, но преобладали украшения, характерные для Волжской Болгарии (свыше 500 образцов).

Обнаруживаются более ранние связи с Моравией — вещи моравского производства найдены в Гнёздове, Ладоге и Бирке (ср.: Петрухин 2001а, Duczko 2003 и новые данные о находках на Волини и в земле древлян — Androschuk 2009). Но и распространение моравских традиций связано, видимо, с вторжением венгров в Моравию в начале X в. С передвижениями венгров (ср. в главе III.3) очевидно связаны и немногочисленные находки кладов дирхемов X в. в Центральной и Юго-Восточной Европе (в том числе хазарских подражаний арабскому чекану — Фомин 1988). После того как экспансия венгров в Европе была остановлена (955 г.), посланники Хасдая ибн Шафрута смогли добраться из Кордовы до хазарского Итиля через Германию, Венгрию, Русь и Волжскую Болгарию в 60-е гг. X в. Следом, по летописи, прошел русский князь Святослав, разоривший болгарские (?) и хазарские города.

Преимущественные связи Восточной и Северной Европы с Востоком и Византией обнаруживают и материалы международного коллоквиума, проходившего в Париже в 1997 г. Материалы изданы в 2000 г. (*Les centres proto-urbains*); коллоквиум был посвящен «протогородским центрам». Осторожный термин *протогород* принят и в российской науке. Во многом эта осторожность связана с тем, что часть исследованных археологами поселений со следами развитого ремесленного производства и международных

связей не «перерастает» в города, превращается в сельские поселения (как Гнёздово, а позднее и Ладога) или затухает. Продолжается полемика и по поводу того, можно ли считать поселения Хазарии городами (Флёров 2011), хотя о наличии городов (*медина*) в каганате писали арабские авторы.

Продолжаются споры о признаках, которые должны характеризовать «настоящий» город. Релевантным для городов раннего средневековья представляется признак, отмеченный еще классической политэкономией: в городе концентрируется и перераспределяется «прибавочный продукт». Эта концентрация очевидна в упомянутых русских городах — там, по данным археологии, концентрируется восточная и (в меньших количествах) византийская монета и драгоценные товары. На территории Хазарии клады монет редки (хотя есть византийские золотые в погребениях), зато многочисленны изделия из привозного серебра (поясные наборы, украшения сбруи и т. п.).

В центрах сосредоточения богатств концентрировалось и многочисленное население. Крупнейшим из таких центров на Руси стало Гнёздово, с поселением площадью св. 16 га. Соответственно археологи отмечают и смертность, связанную с вероятной «перенаселенностью» притягательных для жизни пунктов — в округе Гнёздова насчитывалось ок. 4000 курганов. Гнёздово контролировало переход из волховской («новгородской») в днепровскую («киевскую») водную систему — отсюда его роль в сосредоточении богатств (многочисленные клады, см. рис. 23, цв. вкл.) и населения¹⁵¹. Среди хазарских поселений выделяется городище Самосделка на острове в дельте Волги. Его исследования в 2000-х годах были предприняты в рамках Хазарского проекта с целью проверить возможности отождествить городище с остатками хазарской столицы, расположенной в дельте Волги. Для определенных исторических заключений работы пока оснований не дают, но исследованные конструкции, в частности юртообразные жилища из камня, свидетельствуют о концентрации населения на площади около 2 кв.

¹⁵¹ Это положение Гнёздова на перекрестке международных путей между Киевом и Новгородом провоцирует исследователей на отождествление его с загадочной Арсой восточных рассказов о трех группах руси (ср.: Новосельцев 1965. С. 419; Горский 2004. С. 64–65). Гнёздово никоим образом не «подходит» для такого отождествления: дело не только в том, что его расцвет, позволяющий сопоставлять этот центр со «столицами», относится к середине X в. (а информация о трех центрах руси восходит к IX в.), но и в том, что поселение было открыто для иноземцев — как скандинавов, так и моравян (см. из последних публикаций: Смоленск и Гнёздово. М., 1991; Гнёздово: 125 лет исследования памятника Археологический сборник ГИМ. — Вып. 124. М., 2001; Гнёздово. Результаты комплексных исследований памятников. СПб., 2007).

км. Город пережил пожар и продолжил существование в домонгольский период (возможно, это и был Саксин восточных источников).

На Руси Новгородское («Рюриково») Городище и Гнёздово переживают упадок в XI в., когда продолжается развитие древнерусских городов, в том числе Новгорода и Смоленска.

§ 2. Древнейшие русские города и погосты. Полюдь

Все процессы, определяющие ход древнерусской истории, проходили в городах или исходили из них: именно в городах осуществлялся этнокультурный синтез, сплававший воедино славянские, скандинавские, тюркские и другие этнокультурные элементы. По материалам городских некрополей мы можем наблюдать эти процессы, в городах начиналось осуществление правовых и религиозных реформ. Недаром НПЛ, введение которой относят со времен А.А. Шахматова к Начальному своду, начинается словами: «Временник, еже есть нарицается лѣтописание князей и земля Руския, и како избра богъ страну нашу на послѣднѣ время, и грады почаша бывати по мѣстом» (НПЛ. С. 103). Введение составлено, скорее, в конце древнерусской эпохи в Новгороде, недаром для составителя важны были именно города — прежде всего, Новгород, а не Русская земля, происхождение которой занимало составителя ПВЛ (см. главу II.1).

В древнерусской традиции город, град — это прежде всего укрепленное, «огражденное» поселение (Рабинович 1978). Многочисленные современные определения города как социально-экономического образования предполагают перечисление наиболее существенных его признаков (концентрация ремесла, торговли, администрации, войска, культурных ценностей и т. п.). Очевидно, что полное сочетание всех этих признаков свойственно лишь абстрактной модели города.

Историко-археологические и экономико-географические исследования показывают, что реальные городские признаки — это комплекс функций, который свойствен не столько отдельному городу, сколько городской сети — системе взаимосвязанных поселений (Ильин 1978). Процесс урбанизации, отделения города от деревни, в марксистской историографии традиционно увязывался с процессом классовообразования и сложения государства. Существенно, что для древнерусской деревни эпохи становления городской сети

§ 2. Древнейшие русские города и погосты. Полоудье

свойственны признаки сложной системы экономики, наличие ремесел и промыслов, сближающих деревню с городом (ср.: Південноруське село; Макаров 2007. С. 17–18). В материальной культуре сельских поселений (селищ) присутствуют разноэтничные компоненты, в частности, как степного, так и скандинавского (ср.: Південноруське село: 18, 109; Макаров 2007. С. 270; Макаров 2007а) и хазарского происхождения (Макаров 2007. С. 145–146).

После длительной дискуссии о признаках «настоящего» города исследователи вернулись к постулатам «классической» политэкономии: города являются пунктами концентрации и распределения прибавочного продукта (ср.: Дьяконов, Якобсон 1982. С. 3 и сл.; Куза 1984. С. 3–11; Флёрв 2011). Варяги, согласно летописи, призываются именно в такие пункты (Ладога, Новгород и др.) и получают доступ к распределению прибавочного продукта — его дележу с верхушкой призвавших их племен. Не случайно в этих пунктах находят наряду со скандинавскими вещами, как правило, и клады. Связь становления государства и урбанизации очевидна и по древнерусским письменным источникам: уже Рюрик, по словам летописца, основывает города и раздает уже существующие центры своим «мужам». Олег, согласно «Повести временных лет» (в НПЛ основание городов приписывается Игорю), «нача города ставити и устави дани словѣном, кривичемъ и мери». Создание укрепленных поселений здесь ставится в связь с обложением данью варягам «мира дѣля» (ПВЛ. С. 14), административные функции — с фискальными (Куза 1983). Олег назвал Киев «матерью городов русских», и это не просто летописная калька с греч. «метрополия».

Существование общегосударственной сети поселений во главе с Киевом, отождествляемых с известными по летописи древнерусскими городами — Новгородом, Смоленском, Любечем, Черниговом, Вышгородом, Витичевом, — уже в середине X в. засвидетельствовано Константином Багрянородным (Об управлении империей, глава 9): эти города присылают по днепровскому пути «из варяг в греки» однодеревки для общерусского похода в Византию. Б.А. Рыбаков считал, что на эту же сеть городов, исключая Новгород, опиралось и другое общегосударственное мероприятие — полюдье киевского князя. О сети «верхнерусских» городов свидетельствуют скандинавские средневековые источники, для которых главным центром Руси остается Новгород / Хольмгард, на столичный статус которого указывает формант *-гард* (ср.: Petrukhin 2000), присущий также Киеву — Кенугарду и Константинополю — Миклагарду. Показателен состав сети прочих городов — Смоленск, Полоцк, Суздаль, Ростов, Муром (Древнерусские города 1987), — соотносимый с городами легенды о призвании варягов.

В.Л. Янин при обсуждении проблем урбанизации и формирования городской сети¹⁵² указывал на сложности коммуникации между Новгородом и Киевом, в частности, при поставке однодеревок: значительную часть пути нужно было проходить против течения Волхова, Ловати и Куньи, далее — пользоваться волоками. Едва ли, однако, есть основания сомневаться в регулярном функционировании пути из варяг в греки, причем и в направлении с севера на юг: судя по скандинавским древностям из русских курганов, варяги прибывали на Русь регулярно. На пути «в греки» они нуждались, как и «росы», именно в однодеревках, удобных на волоках и на порогах.

Недаром именно в Восточной Европе закрепилось профессиональное наименование дружин скандинавского происхождения, восходящее к обозначению гребцов, участников походов на гребных судах, — *русь*. Естественно, скандинавы шли по Волхову, а в Ладоге и на Новгородском Городище есть не только скандинавские вещи, но и заклепки для монтажа однодеревок, части судов, в том числе уключины (Ладога, Гнёздово, рис. 16). Это подтверждает правоту Константина Багрянородного, включавшего Новгород и «внешнюю Россию» в систему общерусского сбора однодеревок. Другое дело, что Новгород не входил в систему общерусского полюдья киевского князя — ведь в этом городе, по рассказу Константина, сидел сын Игоря Святослав, видимо, самостоятельно собиравший дань (как позднее Ярослав при Владимире).

В древнерусских источниках становление общегосударственной системы налогообложения и сети поселений, обеспечивающей сбор податей, относится к деятельности княгини Ольги (946–947 гг.), которая, после подавления древлянского восстания, с дружиною дала «уроки и уставы» в Древлянской земле, устроив там «становища и ловища»; затем двинулась к Новгороду, «устави по Мьстѣ повосты (так в Лаврентьевском списке; в НПЛ и других списках ПВЛ — погосты. — В. П.) и дани, по Лузѣ оброки и дани; и ловища (охотничьи угодыя. — В. П.) ее суть по всей земли, знамяня, мѣста и повосты, и сани ее стоять въ Плесковѣ и до сего дне, и по Днепру перевѣсища (охотничьи угодыя для ловли птиц. — В. П.) и по Деснѣ и есть село ее Ольжичи и доселе» (ПВЛ. С. 29).

Как мы видим, с реформой Ольги в летописи связано создание общегосударственной сети пунктов, связанных с княжеской властью, — от городов и сел до охотничьих угодий. Эти локусы не случайно поименованы в лето-

¹⁵² Проблема обсуждалась, в частности, во время защиты диссертации автора в марте 1994 и в отзыве В.Л. Янина.

§ 2. Древнейшие русские города и погосты. Полюдьё

писи наряду с «местами и погостами» — пунктами, где стояла дружина (или княжеская администрация), собирающая дань — «уроки и уставы»: охота (и охотничья добыча) была важной и необходимой привилегией княжеской дружины, которой надо было не только «кормиться» на подвластных землях, но и контролировать пушной промысел и т. п. Недаром первая княжеская усобица, упомянутая в ПВЛ (под 975 г.), началась из-за того, что Лют Свенельдич, выехавший на охоту из Киева, вторгся в угодыя Олега Древлянского и был убит этим князем.

Конфликты в Восточной Европе отражались на распределении восточного серебра: после описанного летописью изгнания варягов в середине IX в. наблюдается кризис в поступлении серебра в Скандинавию (см. о наблюдениях В.М. Потина в главе IV). Кризис в поступлении серебра в Европу наблюдается нумизматами и в середине X в., в эпоху «реформ» Ольги, с восстановлением порядка на Руси усиливается приток монеты в 960-е гг. (ср.: Noonan 2000. P. 392).

Типологическая (и даже генетическая) общность систем сбора дани в раннесредневековых обществах Руси и Скандинавии — «гощение» дружины правителя у подвластных ему людей (др.-рус. полюдьё, др.-сканд. вейцла) — очевидно способствовала «взаимопониманию» руси и славян. Упомянувшиеся археологические свидетельства — цилиндрические пломбы для опечатывания дани, характеризуют традиции сбора дани в городской сети Северной Европы, от Новгорода и Волина до Дублина (глава V.3). Характерна также близость др.-исл. *drot* 'боевая дружина, свита князя' и слав. *drugъ 'друг, дружина'; др.-рус. гость 'гость, чужеземец, иностранный купец' и др.-сканд. рунич. *gestr* 'член дружины'. Характерна и связь этих терминов с семантическим полем договора, дара, обмена и т. п. (см. Гуревич 1970; Иванов 1975. С. 70–73; ср.: Колесов 1986. С. 60–67). Ср. также «гостей» (*hospites*) — людей, сидящих на земле, пожалованной им князем, в раннесредневековой Чехии (Тржештик 1987. С. 128).

Типология полюдьё разработана (Кобищанов 1995), и сходство архаических способов сбора податей действительно представляется поразительным. Это относится к немаловажному для Руси региону Зауралья (древнерусская Югра), где местные князьки («богатыри») обских утров (манси и ханты) отправлялись собирать подати зимой в санях, летом — на лодках. «Когда они проезжали мимо высоких мысков, живший там народ ставил им как богам пенящиеся чаши в жертву и приводил жертвенных животных. Кое-где и сами они делали привалы, чтобы приносить жертвы богам и просить у них «спинную и брюшную силу». Эти привалы продолжались

обыкновенно не менее дня и служили в то же время и отдыхом для уставших гребцов» (Патканов 2003. С. 87). Сцена живо напоминает отдых и жертвоприношения росов, прошедших днепровские пороги, на острове св. Григорий в описании Константина Багрянородного (Об управлении империей, глава 9). Если местные жители не выносили даров пришельцам, они подвергались грабежу. Правда, походы этих князьков были направлены на соседние княжества, а не к данникам «пактиотам»: подвергающиеся осаде (не дававшие откупа) городки становились источником пленников, пушнины и другой добычи. Известен и мотив похода, целью которого было добывание невесты для князя (параллель со сватовством Владимира к Рогнеде в ПВЛ).

Югра не причислена в ПВЛ к народам «иже дань дают Руси» (ПВЛ. С. 10), но Зауралье не было изолировано от процессов, проходивших в Восточной Европе. Об этом свидетельствуют многочисленные находки восточного (иранское серебро), волжско-болгарского (см. также о хазарском ковше из Коцкого городка в главе X) и даже скандинавского происхождения (см. Сокровища Приобья). Конечно, городки обско-угорских князьков — Коцкий, Эмдер (известный по эпосу — см. Зыков, Кокшаров 2001) отличались от древнерусских раннесредневековых поселений, но концентрация и состав сокровищ, связанные с пушной торговлей на международных рынках, объединяют Югру и Русь (Петрухин 2011. С. 222–230).

В 1970-е гг. на «варяжском» семинаре Д.А. Авдусина в МГУ археологические данные о поселениях X в. с некрополями, основой которых были дружинные курганы, — Гнёздово (см. рис. 22, цв. вкл.), Тимерёво, Шестовица и т. п., не известные письменным источникам, были соотнесены с письменными известиями о погостах X в. (см. в статье: Петрухин, Пушкина 1979). Слово «погост» вслед за этимологической работой А.А. Потебни (1883) понималось как 'стан для дружины, собирающей дань, полюдьё' (ср.: Пресняков 1993. С. 309–310). В средневековой Руси погосты превратились в центры сельской округи (нескольких деревень), где рядом с сельской церковью располагалось кладбище — на него было перенесено название «погост». Проблема заключалась в том, что сам термин воспринимался как обозначение пункта, где «гостит» — временно пребывает дружина, но некрополи вокруг упомянутых поселений свидетельствуют, что дружина стояла там постоянно. Суть дела здесь в значении древнерусского термина «гость», относящегося не только к купцам, занятым международной торговлей, сведения о которых обнаруживаются уже в договорах руси с греками: права русских гостей защищал уже договор Олега (ПВЛ. С. 17). Существенно, что гости были членами княжеской дружины наряду с послами («слы» наделялись по

§ 2. Древнейшие русские города и погосты. Полоудье

договору Игоря 944 г. золотыми печатями, гости — серебряными — ПВЛ. С. 24). Естественно, гости останавливались на погостах, будучи участниками контролируемой княжеской властью международной торговли.

С.Б. Веселовский отмечал, что на Смоленщине «большая дорога, в отличие от малых проселочных дорог, называется гостинцем» (Веселовский 2008. С. 35–36). Но «гостьба» не сводилась к торговым мероприятиям — она была связана с перераспределением тех богатств, которые концентрировались в становящейся на Руси городской сети (ср.: Ключевский, т. 1. С. 141; праслав. *gostitva — ‘угощение, званый пир’, вид повинности в польском Поморье — ЭССЯ, вып. 7. С. 66). Более того, слово «гость» в контексте естественного языка означало и явившегося в свой мир чужака: в ПВЛ они упоминаются как раз в связи с конфликтом между мятежными древлянами, убившими князя Игоря, и его вдовой Ольгой, которую их «лучшие мужи» явились сватать за своего князя Мала. Узнав о сватах, Ольга сказала: «добри гостье придоша» (ПВЛ. С. 27). В традиционной славянской (праславянской) культуре концепт «гость» означал и свадебный поезд и сватов; так могли называть и умерших предков, которых зазывали в дом на поминальную трапезу (см. Невская 1993; СД, т. 1. С. 531–533; ЭССЯ, вып. 7. С. 66–69).

Из контекста летописного сообщения очевидно, что «места и погосты» были основаны Ольгой по всей земле: из городов, помимо Киева, названы Новгород и Псков, что, видимо, подчеркивало подвластность Северной Верхней Руси Киеву, из важнейших речных магистралей, на которых стояли места и погосты, — Днепр, Десна, Мета. В.Л. Янин (2004. С. 127–130) обратил внимание на то, что среди этих речных путей не названы Волхов, Ловать, Шелонь. Видимо, эти речные магистрали были давно «освоены» княжеской властью: помимо Новгорода, на Волхове располагались Ладога и Городище; на Ловати также известен Городок — поселение X в.

При обсуждении того, как соотносятся системы полоудья и погостов, В.Л. Янин отметил, что погосты распространены были по преимуществу в Новгородской земле, а кроме того — в Смоленской (судя по документам Смоленской епархии XII в.) и Ростово-Суздальской (летописные свидетельства о погостах, начиная с восстания волхов в 1071 г.). Таким образом, система погостов оказывается распространенной в областях, где некогда жили словене, кривичи и меря — племена, призвавшие варягов. Эта мысль представляется чрезвычайно интересной: действительно, поселения, которые можно связать с деятельностью дружины первых русских князей, — Новгородское Городище, Тимерёво и др. в Верхнем Поволжье, наконец, Гнёздо-во в Верхнем Поднепровье — расположены на землях словен, кривичей и

мери. И Гнёздово, и верхневолжские погосты были центрами «окняжения» окрестных земель. Это видно, в частности, по дальнейшему распространению древнерусских курганов XI–XII вв. по Владимирскому ополью и т. д. Крупнейший древнерусский некрополь в Гнёздове отмечал важнейший для Русского государства пункт на пути из варяг в греки, между Новгородом и Киевом. Но системы погостов и полюдья нельзя признать полностью альтернативными: полюдье с кривичей собирал киевский князь.

Поселения, типологически сходные с Гнёздовом и Тимерёвом и связанные в единую систему — *сеть*, — известны и на севере, и на юге (о чем далее). В.Л. Янин писал, что полюдье как «форма эксплуатации княжеских доминиальных земель» сохраняется и после реформы Ольги в 947 г. (ср.: Янин 2004. С. 127–130). Дело, однако, в том, что общерусское полюдье охватывало отнюдь не только Русскую землю в узком смысле, а и другие славянские земли. Игорь погибает у древлян, видимо, считая себя вправе собрать больше дани с племени, с которым не было традиционных договорных отношений. Эта громоздкая система общерусского полюдья с разъездами княжеских дружин по всем землям, включая, во всяком случае, Верхнее Поднепровье, и была реформирована Ольгой, и эта реформа имела общерусское значение (ср. главу VIII).

Показательно, что древлянская дань при Ольге распределялась между Киевом и Вышгородом, «Ольгиным» градом, куда шла характерная третья часть дани (ср.: НПЛ. С. 113; ПВЛ. С. 29 и выше о *tertiatio*; глава IV.4). Эта взаимосвязь административных и фискальных функций, роль разных городов как подателей и получателей дани (ср. сведения Константина Багрянородного о Витичеве как крепости-пактиоте росов) свидетельствует о сложной и дифференцированной системе древнерусской городской сети в X в. и непосредственной связи ее развития со становлением древнерусской государственности.

Для сопоставления данных письменных источников с археологическими материалами существенно, что главной социальной силой, обеспечивающей отправление и административной, и фискальной функций, была великокняжеская дружина, подчиняющая племенные территории, ходящая в полюдье и на Византию, кормящаяся в подвластных землях и городах, собирающая дань в «становищах» и на погостах. Для эпохи формирования древнерусского государства и становления города характерна сеть поселений, расцвет которых приходится на середину X в. (время общерусского полюдья и реформ Ольги), расположенных на важнейших водных путях и связанных с так называемыми дружинными древностями. Это, прежде все-

§ 2. Древнейшие русские города и погосты. Полюдьё

го, торгово-ремесленные поселения, расположенные рядом с курганными группами, содержащими дружинные погребения (Гнёздово, Шестовица, Тимерёво и др.), и типологически близкие им поселения, некрополи которых неизвестны, как на Городище под Новгородом.

Раскопками выявляется постоянно возрастающее число поселений, которые можно сопоставить по характеру с центрами типа Гнёздова, Тимерёва, Городища. Таковы Городок на Верхней Луге, Городок на Ловати (Горюнова 2007. С. 140–148), поселения и курганы на Десне (Седнев, Кветунь и др. — Зайцев 1975. С. 63–66; Шинаков 1987. С. 135) и других притоках Днепра (Моця 1988. С. 118), городище Супруты на Упе в бассейне Оки (ср.: Мурашева 2008)¹⁵³ и др. Время их функционирования в основном X в., причем Городок на Луге возникает в середине этого столетия и прямо соотносится с деятельностью Ольги (Платонова 1984. С. 174, 178–179; ср.: Мельникова, Петрухин 1986. С. 72–73; данные по синхронным поселениям на юге Руси см. в сборниках: Искоростень 2004; Русь на перехресті світів 2006).

Рядом с этими поселениями уже нет тех обширных «дружинных» кладбищ, которые характерны для Гнёздова, Тимерёва и др. центров, однако показательны общие тенденции в развитии их ремесленной деятельности и направлении их связей (см., в частности, о сходной технологии производства керамики и ножей в Гнёздове и Шестовице (Каменецкая 1988; Воскресенская 2006¹⁵⁴). Так, в бронзолитейном и кузнечном деле на поселениях Ловати и Луги, как и в Гнёздове, ощутимо влияние скандинавских технологий (Ениосова, Сарачева 2006). В целом, об их функциях и связи с деятельностью дружины свидетельствуют находки, сходные с находками из дружинных курганов, — оружие, украшения, монеты (отдельные и в кладах) и т. п.

Очевидно, что население погостов, помимо дружинников, включало «служилых» людей — ремесленников, ремонтировавших ладьи, производивших массовые серии изделий (Авдусин, 1980), керамику и т. д. К ним могли примыкать охотники, бортники и прочие люди, служившие на «ловищах» и «перевесищах» и в других княжеских угодьях. Такую организацию управления в раннесредневековых государствах Восточной и Центральной Европы принято называть служебной организацией: ее формирование

¹⁵³ Ока, как уже говорилось, играла существенную роль в процессе распределения восточного серебра — в функционировании трансконтинентальных коммуникаций с IX в., и эту роль можно считать прогностичной для будущего столичного региона.

¹⁵⁴ Существенно, что технология производства ножей в Искоростене, граде древлян, взятом дружиной Ольги, лишена воздействия скандинавской традиции, характерной для погостов.

связано с размещением дружины в «градах» у западных славян (см. Флоря 1987, 1992).

Вероятно, наиболее ранним свидетельством такой организации, восходящим к IX в., можно считать известие Гардизи о том, что у ар-рус «находится много людей из славян, которые служат (как рабы? — В. П.) им, пока не избавятся от зависимости» (Новосельцев 1965. С. 400; ср.: Göckenijan, Zimonyi 2001. S. 181; Пресняков 1993. С. 292, 319). Эта организация подразумевала, очевидно, поставку и продажу однодеревки руси (в соответствии с «пактом» Игоря). Обмен услугами, «договорные» отношения (напомним, что «росы», согласно Константину Багрянородному, покупают однодеревки у пактиотов славян), характерен для эпохи становления системы государственной эксплуатации (налогообложения — ср. классические работы об обмене дарами и т. п. М. Мосса и А.Я. Гуревича).

Дружина и ее служилые люди стояли и в древнерусских городах: в первую очередь — в Ладоге, а также Новгороде, Киеве, Пскове, Чернигове. В этих городах, за исключением Новгорода, известны и некрополи с дружинными курганами. Однако Гнёздово и сходные с ним поселения отличаются от этих городов, по крайней мере, два признака: во-первых, торгово-ремесленные поселения не упомянуты в летописи; во-вторых, они, в отличие от собственно городов — Ладоги, Киева и др., — прекратили свое существование к началу XI в. (или превратились в сельские поселения или феодальные усадьбы — Петрухин, Пушкина 1979). Многие исследователи (Г.С. Лебедев, В.А. Булкин, И.В. Дубов и др.) связывали их упадок с кризисом Восточной торговли в конце X в. и прекращением притока восточного серебра, погубившего торговые «эмпории» Руси (Булкин, Лебедев 1974; ср.: Ноопан 2000).

Торговые функции действительно свойственны перечисленным поселениям, но не менее, чем «городам». Однако кризис восточной торговли не остановил городского развития Ладоги. Интенсивно развиваются во второй половине X в. Киев, Новгород, Псков и другие города, в которых также пребывали варяги. Б.А. Рыбаков еще в 1960-е гг. предполагал, что поселения, расположенные рядом с древнерусскими городами, были временными лагерями норманнов, которые не могли обосноваться в собственно славянских центрах: под Новгородом они останавливались на Городище, под Смоленском — в Гнёздове, под Киевом — на Угорском (где была временная стоянка Олега).

Однако «норманнский период» ограничивается у Рыбакова лишь временем правления Олега, а «лагеря» на Городище и в Гнёздове существуют до

Рис. 24. Ладейные заклепки (по: Сокровища ойкумены. Великое переселение. М., 2005. С. 116)

конца X в. Тем не менее точка зрения Б.А. Рыбакова интересна тем, что ремесленное производство «лагерей» действительно ориентировано не только на нужды торговли, но, и прежде всего, на потребности дружины и войска в целом. Д.А. Авдусин отмечал специализацию кузнечного ремесла на этих поселениях, связанную с производством массовых изделий — стрел, в том числе древнерусских типов, различных гвоздей и т. п. (Авдусин 1980). Отметим обычную для Гнёздова, Городища под Новгородом, Тимерёва и других поселений находку — ладейные заклепки, уключины, необходимые, в частности, для монтажа монокил, описанного Константином Багрянородным. Наряду с этим производились дорогие вещи, призванные украсить быт дружинных верхов (на Новгородском Городище обнаружены следы златокузнечества — Носов 1990. С. 80), украшения, в том числе скандинавских типов и др. (см. также в главе IV.1).

«Дружинный» инвентарь часто служит индикатором, отличающим пришельцев («находников») из Руси на племенных землях и поселениях: такой экстерриториальный дружинный лагерь открыт возле мерянского Сарского городища (Леонтьев 1988). На белозерском поселении X в. Крутик рядом с веским поселком обнаружены углубленные в землю очаги на временной стоянке людей, пользовавшихся «дружинным» инвентарем (и тиглями, сходными с ладожскими). Такие же очаги известны в Гнёздове и Тимерёве (Голубева, Кочкуркина 1991). Однако классический пример экстерриториальности, который и был, видимо, определяющим для концепции Б.А. Рыбакова, являет Городище под Новгородом, названное в XIX в. «Рюриковым».

Городище с XII в. действительно известно как экстерриториальная резиденция новгородских князей, права которых были ограничены вечевой

республикой. Расположенное в непосредственной близости от Новгорода, Городище воспринималось некоторыми исследователями как предшественник города, в соответствии с древнерусским значением термина *городище* — «заброшенный город». Тогда Новгород — это Новый город, построенный вместо старого. Однако раскопки последних лет показали, что Новгород не просто сменил Городище: в городе открыты напластования середины X в., когда жизнь на Городище продолжалась — столетний перерыв в его жизнедеятельности наступил в конце X в.

Итак, по крайней мере, в X в. Новгород (по предположению В.Л. Янина славянские поселения — предшественники новгородских концов) и Городище сосуществовали. На Городище найдено большое количество скандинавских вещей (хотя основа быта — жилища и керамика — были местными, славянскими). В Новгороде, по наблюдениям М.В. Седовой (ср.: Носов 1990. С. 163; Янссон 1999), скандинавские вещи не столь многочисленны и чаще встречаются на мостовых — «на улице», а не на усадьбах. Это может означать, что скандинавы постоянно обитали на Городище, и оно было экстерриториальной резиденцией русского князя уже в X в.

Источники ничего не знают о Городище в это время. Согласно Константину Багрянородному, Святослав до середины X в. сидел просто в Немогарде — Новгороде. Как уже говорилось, источникам не известны ни Тимерёво, ни Гнёздово. Городище близко по своей материальной культуре этим поселениям, но имеет одно важное отличие: возле Городища нет дружинных курганов, а скандинавский элемент в материалах сопки Поволховья незначителен (сами сопки приписываются новгородским словенам). Это, на наш взгляд, многое объясняет в отношениях Городища и Новгорода: князь с дружиной были там «постояльцами», Святослав сидел там временно — главной резиденцией князя и его семьи в X в. был Киев.

В.Л. Янин отметил, что Новгород и позже рассматривался старшими сыновьями киевских князей «как промежуточный пункт на лестнице политической карьеры, князья-наместники не стремились обзаводиться здесь земельными владениями» (Янин 2004. С. 13). Дружина не жила здесь постоянно и не оставила кладбища, но все же стояла возле вечевоего и своеговольного города. Правда, и новгородцы нуждались в присутствии дружины и князя как в IX, так и в X в. По летописи, они сами требуют себе князя у Святослава в 970 г.; в Новгород идет Владимир с дядькой Добрыней.

Вероятно, этот дуализм древних вечевых властей и князя определил и дуализм поселений — экстерриториальность резиденции вблизи древнерусского города. Более прочно дружина встала, судя по курганным кладбищам,

§ 2. Древнейшие русские города и погосты. Полюдьё

на поселениях Верхнего Поволжья и Приднепровья, контролируя главные государственные магистрали древней Руси. Самое крупное из них, в Гнёздове, располагается в 13 км вниз по течению Днепра от Смоленска — центра кривичей (по летописи). Как и в случае с Городищем, ряд исследователей, начиная с А.А. Спицына и шведского археолога Т. Арне, стремятся усмотреть в Гнёздове древний Смоленск: в самом городе известны напластования лишь второй половины XI в. Этому заключению противоречит, однако, характер археологического материала: в Гнёздове практически нет древностей, которые можно было бы связать с древностями кривичей (длинными курганами), а господствующее положение на погосте занимали не кривичи, а дружинные верхи скандинавского происхождения.

По другой гипотезе, положение Гнёздова было сходным с экстерриториальной резиденцией князя на Городище: Гнёздово противостояло племенному центру — Смоленску, о существовании которого в X в., помимо сведений летописей и Константина Багрянородного, говорят лишь единичные находки (в том числе находки дирхемов на его месте — Петрухин, Пушкина 1979). О «дуализме» руси и славян, сплавливающих из Смоленска и других центров свои долбленки, говорит тот же Константин Багрянородный: в Гнёздове могла останавливаться дружина «россов», собиравшая полюдьё с кривичей (ср.: Рыбаков 1982. С. 325).

Подобный дуализм двух соседних центров усматривал Г.С. Лебедев и в Киеве. Правда, он видит «двойник» Киева не на Угорском, как Б.А. Рыбаков, а на Лысой горе, рядом с которой расположена курганная группа, включающая скандинавские погребения. Поселения на Лысой горе Лебедев отождествил с киевской крепостью Самватас, где, по Константину Багрянородному, собираются однодеревки росов (Лебедев 1985. С. 240–241). Здесь следует отметить, что топоним Самватас имеет отнюдь не «нордическое» происхождение, которое иногда предполагалось (см. комментарий: Константин Багрянородный. С. 315), а указывает скорее на иную этнокультурную группу, также оказавшую немалое влияние на сложение древнерусской культуры. Название Самватас восходит к традиционному еврейскому обозначению пограничного локуса (реки, поселения и т. п.), где обитает иудейская община, и является, видимо, еврейско-хазарским обозначением Киева, стоявшего на правом берегу Днепра, отделявшего город от Хазарии (ср.: Архипов 1995).

Начальная история Киева представляется ныне не менее сложной, чем начало Новгорода: городу предшествовало несколько поселений на горах, в X в. Старокиевская гора была занята дружинным некрополем. Там же, ве-

Рис. 25. Киев в конце IX–X вв. Реконструкция
(по: Сагайдак, Мурашева, Петрухин 2008. С. 106)

роятно, располагался со времен Аскольда и Дира княжеский двор; Подол со времен Олега (880-е гг.) был застроен так, чтобы принимать ладьи (Сагайдак, Мурашева, Петрухин 2008. Рис. 25). Город развивался путем «синойкизма», поглощая ранние поселения и некрополи¹⁵⁵.

Эти обстоятельства развития древнейших городов необходимо принять во внимание при рассмотрении еще одной «пары» поселений на юге Руси. Поселение в Шестовице расположено в 16 км ниже Чернигова по течению Десны на пути в Киев (см. из последних работ — Коваленко, Моця 2010). Как и в Смоленске, в Чернигове нет слоев X в.; зато черниговские курга-

¹⁵⁵ Материалы киевского «дружинного» некрополя II проанализированы В.Н. Зоценко (Зоценко 2010). Исследователь увязывает этот некрополь с поселением X в. на горе Юрковица (Лысая гора), которую П.П. Толочко склонен отождествлять с летописной Хоревницей. Зоценко считает эти археологические памятники остатками экстерриториального дружинного лагеря на северо-западных подходах к Киеву. На южной окраине Киева исследуется также Китаевское городище X в., получившее укрепления в середине этого столетия.

§ 2. Древнейшие русские города и погосты. Полюдьё

ны несомненно свидетельствуют о существовании там городского центра. Г.С. Лебедев (1985. С. 243) считал, что «лагерь» в Шестовице представлял собой княжескую крепость, которая «в известной мере противостояла местной боярско-дружинной землевладельческой знати». Однако «местные» связи черниговских курганов не заслоняют общерусских «дружинных»: князь из знаменитой Черной могилы был сожжен в ладье (см. в главе IX). Что же заставляло, в таком случае, держать дружинный лагерь в окрестностях города?

В материальной культуре и обрядности Левобережья Среднего Днепра очевидны «салтовские» (хазарские) черты. Уже говорилось (глава III) о традиционной связи северянской Черниговщины с Хазарией — тмутараканский князь Мстислав Владимирович «реставрировал» эту связь, заняв Чернигов с хазарами и касогами в 1024 г. В X в., до разгрома Хазарии Святославом и при наличии хазарского населения в Северной земле, эти связи были, видимо, еще опасны для относительно недавно утвердившейся в Киеве княжеской власти — отсюда поселение в Шестовице и целая их система «по Десне» (в Гущине и других местах), контролирующая северянскую территорию (ср. из последних работ: Андрощук 1999; Шинаков 2002. С. 118 и сл.; Енуков 2005. С. 165 и сл.; Коваленко, Моця 2010) (см. рис. 26, цв. вкл.).

Эта система и рассмотренные выше «дуальные» комплексы поселений позволяют отождествить Гнёздово, Тимерёво, Шестовицу и им подобные пункты, связанные с деятельностью княжеской дружины, с системой погостов, развивавшейся на Руси в X в. (ср.: Петрухин, Пушкина 1979). Сеть погостов охватила в X в. всю территорию складывающегося древнерусского государства. Однако к концу X в. большая часть погостов, равно как и часть других поселений, затухает, уступая место русским городам. Этому во многом загадочному явлению исследователи стремились найти достаточно простое объяснение: упадок восточной торговли, изменение водных путей т.п.; наконец, «перенос» города с одного места на другое — из Городища в Новгород, из Гнёздова в Смоленск, из Сарского в Ростов, из Тимерёва в Ярославль и т.п. (наиболее последовательным сторонником «переноса» был И.В. Дубов)¹⁵⁶. Последнее объяснение вступает в очевидное противоречие с данными археологии. Помимо сосуществующих в X в. Городища и Новгорода, Чернигова и Шестовицы, параллельно развивались также Ростов и Сарское: А.Е. Леонтьевым (1987) открыты слои X в. в городе (Leont'ev

¹⁵⁶ Формирование сети городских поселений, в том числе дуальных центров, в недавней статье исследователи связывают с некими «очагами напряжения», протяженность которых колеблется от 2 до 15 км (Булкин, Седых 2010).

2000). Кроме того, Гнёздово и Сарское не исчезли вовсе, а превратились в «феодалные» усадьбы.

Тем не менее неясно, почему упадок одних центров сопровождался расцветом соседних. Представляется, что ключ к этой проблеме дает новгородская история. Жизнь на Городище временно затухает в конце X в. Но, как мы знаем из летописи, уже к началу XI в. князь не жил на Городище: Ярослав в 1015 г. кормит своих варягов прямо в городе — там, на «Поромоне дворе»¹⁵⁷, их настигает месть новгородцев за насилие. Как Ярослав оказался в Новгороде и почему он оставил Городище?

Согласно ПВЛ, сразу после крещения Руси в 988 г. Владимир раздал сыновьям русские города: «посади Вышеслава в Новѣгородѣ, а Изяслава Полотыскѣ, а Святополка Туровѣ, а Ярослава Ростовѣ. Умершю же старѣйшему Вышеславу Новѣгородѣ, посадиша Ярослава Новѣгородѣ, а Бориса Ростовѣ, а Глѣба Муромѣ, Святослава Деревѣхѣ, Всеволода Володимири, Мстислава Тмуторокани» (ПВЛ. С. 54).

Итак, Ярослав оказался в Новгороде после очередной общерусской реформы, проведенной великим киевским князем: вместо «мужей» — посадников, о которых сообщалось в связи с деяниями Рюрика и Олега, в Полоцк, Смоленск, Ростов, Муром садятся княжеские сыновья. За киевским князем закрепляются и недавно обретенные (или обретенные вновь) территории: вместо пришедшего из-за моря Рогволода в Полоцке садится его внук и сын Владимира от Рогнеды Изяслав; вместо никому неизвестного «князя» Туры (возможно, его имя в ПВЛ — этимологическое сближение имени из договоров с греками и топонима Туров) в земле дреговичей (другувитов — «пактиотов россов») княжит Святополк; Святослав садится у древлян; наконец, Мстислав — в разгромленной Хазарии, в Тмутаракани. За собой Владимир оставляет домен — Русскую землю в узком смысле: Киев, Чернигов, Переяславль.

Почему «реформа» привела к угасанию погостов? Вероятно, на Черниговщине с разгромом Хазарии отпала прямая нужда в укрепленном лагере в Шестовице. В Новгороде не нужно было держать дружину на Городище — она стояла в городе с князем. Под Ростовом стоянка дружины известна на Сарском городище: после учреждения в городе княжеского стола Ростов аккумулирует все функции центра округа и связи с международными пу-

¹⁵⁷ Сам летописный термин *Поромонь двор* (НПЛ. С. 174) указывает на то, что варяги стали уже чужестранцами (Поромон двор — сканд. *farmanagardr*, «купеческий двор» — Мельникова 2011. С. 387), чьи дворы пользуются экстерриториальностью, о которой свидетельствует и «Русская правда».

§ 2. Древнейшие русские города и погосты. Полюдь

тами, Сарское становится феодальной усадьбой. Судьба погостов и курганных групп Ярославского Поволжья также, очевидно, связана с княжением Ярослава в Ростове. Князь основывает на реке Которосль при впадении ее в Волгу город, который называет своим именем — Ярославль. Место, как показал М.Н. Тихомиров, выбрано не случайно — Которосль берет начало из озера Неро, где стоит и сам Ростов, княжеская крепость должна была охранять водный путь к Ростову (Тихомиров 1956. С. 415–416). Нужда в погостах, расположенных к северу от новой крепости на берегу Волги, отпала. Не нужен стал и погост в Гнёздове — княжеский стол появился в старом «племенном» центре кривичей.

Таким образом, реформа Владимира пришла на смену старому «уставу» Олега и системе погостов Ольги, регулировавших полюдь: княжеская власть утвердилась собственно в русских городах. Туда, а не на погосты, должны были поступать государственные доходы, там княжеская администрация должна была распределять их. В Новгороде, как убедительно предположил В.Л. Янин на основании находок пломб, опечатавающих собранную дань, на боярских усадьбах конца X — начала XI в., дань собирало местное господствующее сословие (Янин 2001) — бояре, формирующий слой крупных землевладельцев, а не княжеские дружинники. Основной силой, на которую опиралась и от которой во многом зависела княжеская власть, становились горожане — новгородцы и кыяне, а не варяги, как следует из событий эпохи Владимира Святого и Ярослава Мудрого. Погосты долго сохранялись на периферии Древнерусского государства, в том числе и на землях тех неславянских племен, «иже дань дают Руси»: у чуди (ПВЛ. С. 129), у латгалов (летьгола в ПВЛ — ср.: Насонов 2002. С. 76–79; Моора, Лиги 1969. С. 145).

Археологически фиксируемые функции городов и погостов дополняют набор функций, отраженный письменными источниками: это функции ремесленного производства, торговая (преимущественно внешняя), военная (концентрация дружины), этноконсолидирующая. Историки причисляют к городским функциям политическую, административную, феодально-владельческую, культурную, культурную и т. п. (А.М. Сахаров, В.В. Карлов). Естественно, во-первых, функции эти взаимосвязаны и в некоторых случаях нераздельны, во-вторых, полный их набор не присущ каждому городу (Д.А. Авдусин).

Очевидна взаимосвязь и нераздельность административной и политической, а также, особенно в эпоху становления государственности, военной функций для административных центров округ и столиц княжеств. Напро-

тив, одна и та же функция могла выступать дифференцированно в городах и погостах: ремесло и торговля в центре местной округи обслуживали прежде всего ее интересы, на международных магистралях — в первую очередь внешнюю торговлю. Военная функция могла быть преимущественно оборонительной (наличие укреплений) и преимущественно военно-административной (господство над округой). При том, что все функции были необходимы для нормального существования общего социального организма — государства — и представляли в разных поселениях в дифференцированном виде, необходимо поставить вопрос не столько об их абстрактном и полном наборе, сколько об их взаимообусловленности в сети поселений.

Политические взаимосвязи сети поселений в Древней Руси осуществлялись путем дифференциации и иерархизации функций властвования — подчинения, иногда — «компромиссного» сосуществования княжих и «племенных» (вечевых) центров. Собственно в эпоху становления государства вплоть до второй половины X в. великокняжеская власть стремилась подчинить себе старые племенные территории не только путем навязывания «племенным» городам своих посадников, но и насаждением системы погостов — пунктов для сбора дани (полюдь) дружинниками. Несомненная связь перечисленных торгово-ремесленных поселений в Гнёздове, Шестовице, Тимерёве с дружинными курганами, а остатков их торгово-ремесленной деятельности — с обслуживанием дружины позволяет предположительно соотнести эти поселения с главными погостами, центрами регулярного сбора дани.

Расположение великокняжеских погостов вблизи древнейших городов, вероятно, указывает на то, что их социальные силы — дружина — призваны были не только взимать дань, но и противостоять центробежным устремлениям племенной верхушки древнерусских городов — центров местной (племенной) округи. Очевидно, что, помимо политической — военно-административной функции, погосты наделялись функцией сбыта дани на международных рынках (Б.А. Рыбаков). Здесь также возможна дифференциация функций погостов и «племенных» городов как, по преимуществу, центров международных связей и центров местной округи (естественно, речь может идти лишь о преобладании той или иной функции, а не об абсолютном их противопоставлении (см. продолжающуюся дискуссию о соотношении городов и «предгородских» поселений — Носов, Горюнова, Плохов 2005. С. 8–32; Толочко 2010).

Синтез функций осуществлялся в городах, подвластных князю (о его власти свидетельствуют, в частности, обнаруженные там дружинные древ-

§ 2. Древнейшие русские города и погосты. Полюдь

ности и погребения). Это, прежде всего, Киев, Новгород, а также Чернигов, Ладога, Псков (некрополь которого включал дружинные погребения). Города, синтезировавшие различные функции, в том числе и функцию центра местной округи, оказались наиболее прогрессивными образованиями, тогда как погосты прекратили свое существование на основной государственной территории с прекращением общегосударственного полюдья и началом феодальной эксплуатации «волостей», зависимых от городов, где сидели князья и боярская знать (ср. о формировании волостей и городских центров с позиции существования Славиний — неких «догосударственных» образований у восточных славян X в.: Горский 2004). Об этих волостях и говорилось в связи с упоминавшейся следующей раздачей городов своим сыновьям Ярославом Мудрым (в 1054 г.) в «Сказании о Борисе и Глебе»: «Ярослав ... остави ... сыны своя ... Изяслава Киевѣ старейшаго, а Святослава Чърниговѣ, а Всеволода Переяслави, а прокыя по инѣм волостѣм» (Усп. сб.: 62).

Традиционный для формационного подхода показатель отделения города от деревни не столь очевиден для эпохи становления городской сети: существеннее, что крупные городские центры, как и центры, относимые к погостам, возникали на пашнях — как показали раскопки в Новгороде и Гнёздове. С пашенными землями связан также Суздаль (Макаров 2007а: 16). Имя киевских жителей — полян — говорит само за себя, напоминая о том, что славянская земледельческая колонизация была основой для формирования городской сети, освоения международных коммуникаций и прочих процессов, сопровождающих становление государственности.

Древнерусские источники свидетельствуют о превращении к XIII в. погостов в сельские поселения, отличные от городов. Лаврентьевская летопись сетует по поводу татарского разорения в 1237 г.: «и нѣ(с) мѣста... идеже не воеваша на Соуждальской земли, и взяша городов 40 опрочь свободѣ и погостовѣ» (ПСРЛ, т. I, стб. 464). В новгородских грамотах формулировка «кто купць поидеть въ свое сто, а смѣрдъ, поидеть въ свои погостѣ» (ГВНП, № 6, 16) отражает, как показал В.А. Кучкин, разделение городской — сотской организации и сельской системы погостов, к которой «тянут» смерды (Кучкин 2008. С. 409 и сл.).

Глава VIII

Начало русского государства и права. От ряда о призвании князей к «Русской Правде»

Исторический смысл ряда о призвании князей в летописном контексте заключался в том, что на смену «языческому» (вечевому)¹⁵⁸ — родоплеменному праву (или, с новой точки зрения, бесправию — отсутствию «правды») пришла власть русских князей: не словене, кривичи и меря, и даже не «находники» варяги, распоряжались в городах и тянущих к ним волостях, но призванные по ряду князья и их русские мужи (представители дружины — «всей руси»). На смену племенным волостям, об историческом первенстве которых (Новгород прежде Киева) рассуждал еще составитель предисловия к НПЛ (см. главу II) и рассказывалось в летописных сводах: «Словенъ свою волость имѣли, а Кривици свою, а Мере свою; кождо своим родомъ владаше, а Чюдь своимъ родомъ» (НПЛ. С. 106), пришла Русская земля — обозначение государства во главе с князьями «от рода русского» и их дружиной.

Действительно, для того, чтобы править в отдаленных от Новгорода волостях, нужен был целый княжеский род — не случайно легенда о призвании упоминает таинственно исчезающих по утверждению Рюрика в Новгороде братьях — Синеусе у веси на Белоозере и Труворе у кривичей в Изборске. Коллективный (родовой, «братский») сюзеренитет правящей

---

¹⁵⁸ Слово «язык», означало в начальном летописании народ, племя: язычники (поганые) — люди, следующие племенным обычаям, а не универсальной мировой религии — христианству. И.Я. Фроянов (1996) усматривал в обычаях древнерусских городских общин (расправе над князьями и т. п.) наследие дохристианского культа. Ср. схожий взгляд на вече: Петров 2003. К языческому культу в христианский период эти обычаи отношения не имели (ср.: Петрухин 2000 и далее — главу XI).

§ 1. Родовой сюзеренитет Рюриковичей и родоплеменной культ предков

династии над подвластными землями — характерная черта государственности в эпоху раннего средневековья (Назаренко 2009. С. 7–88; ср.: Мисюгин 2009), повлиявшая на представления С.М. Соловьева о «родовом строе» начальной русской государственности.

Представление о несовместимости «родового» и «государственного» строя, очевидная с точки зрения теории формаций, остается самодовлеющим в историографии: власть княжеского рода и даже разделение волостей возводятся к обычному (семейному) праву, хотя обычное право не создавало механизмов власти над разноплеменными объединениями. Да и сам род властителей имел экзогенное варяжское происхождение.

Чтобы удержать в своих руках отдаленные волости, Рюрику, который «нача владѣти единъ» (НПЛ. С. 107), пришлось посылать посадников-дружинников — «мужей» в Ростов, Полоцк (ко «всем кривичам»), в Белоозеро к веси, в Муром на Оку к муроме. Как уже говорилось (глава V), верховья Волги и Западной Двины, с выходом на Днепр оказались в руках новгородского правителя Русской земли. Однако нужно было освоить эти коммуникации в целом — завладеть выходами в морские бассейны Понта и Каспия. Главной магистралью Русской земли был «путь из варяг в греки», где (в отличие от Волги и Дона) не было хазарских городов и крепостей. Тайнственный киевский Самватас был пограничной крепостью, отделенной Днепром от Хазарии (см. главу III). Вероятно, этим путем пользовались уже «росы» Бертинских анналов. Естественным был интерес к этому пути и первого русского князя.

§ 1. Родовой сюзеренитет Рюриковичей и родоплеменной культ предков

Слово «род», обозначающее происхождение («от рода») и любой коллектив сородичей, в том числе *народ*, оказалось самодовлеющим в текстах уже древнерусского периода: оно стало означать и демона, опасного при рождении ребенка («дѣти бѣгають рода»; ср.: Петрухин 2000б), и любую совокупность объектов с родственными чертами. Этнонимы славянских племен — *кривичи*, *вятичи* и т. п. — свидетельствуют о важности родоплеменной памяти для догосударственных объединений: показательно, что популярный в литературе этникон *русичи* неизвестен древнерусской традиции — это *ганакс*, известный лишь из «Слова о полку Игореве», имя «Русь»

воплощало переход от племенной памяти к государственной (ср.: Петрухин 2011. С. 182–191).

В новаторской для своего времени (опубликована в 1960 г.) статье «Культ рода и земли в княжеской среде XI–XIII вв.» В.Л. Комарович отметил «раздвоенность» официальной традиции: князья носили двойные имена — традиционное родовое, дохристианское (в том числе, скандинавские — Рюрик, Олег, Игорь), и христианское — крещальное. Показательно, однако, что православная церковь канонизировала русских князей Бориса, Глеба, Игоря, Владимира именно под традиционными, а не крещальными именами — они также оказались конфессионально нейтральными. Традиционный княжеский культ был христианизирован, причем останки Ярополка и Олега были крещены (и перезахоронены в Десятинной церкви) в 1044 г. вопреки каноническим запретам, видимо, по настоянию самого князя Ярослава Мудрого (Макарий, т. 2. С. 59; см. далее — в главе XI). Княжеский род, включая и умерших членов, стал, таким образом, христианским.

В.Л. Комарович, однако, обнаружил следы «языческого» культа древнерусского княжеского рода в летописном известии о князе Михалке, сыне Юрия Долгорукого, который чуть было не погиб в схватке с половцами в 1169 г.: «Бог отца его молитвою избави его от смерти». Еще С.М. Соловьев в связи с этим отмечал, что Юрий не был канонизирован, и под «богом отца его» Михалко имел в виду... не христианского Бога. Здесь Комарович вспомнил о пресловутых Роде и Рожаницах, которым «ставят трапезу» наряду с языческими богами в древнерусском «Слове некоего христороубца», обличающем «двоеверие».

Ассоциации с язычеством основаны в данном случае на явном (но и традиционном для историографических представлений о двоеверии) недоумении. Дело в том, что фразеологизм «Бог отца моего» имеет вполне отчетливое библейское, точнее — ветхозаветное происхождение: выражает обетование, данное богом роду («лону») Авраама (ср.: «От Бога отца твоего, который и да поможет тебе»: Бытие. 49.25; ср. также: Исход 3.6 и др.). Русская княжеская среда («богоизбранное от варяг княжеское племя» в Каноне кн. Ольге) действительно сохраняла традиционные родовые связи, но Богом отцов русских князей был уже библейский Творец.

Историографическая конструкция Б.А. Рыбакова, объявившего «бога» Рода демиургом и главой славянского пантеона (Рыбаков 1981. С. 438–470), была с энтузиазмом воспринята лишь неоязычниками и отвергнута исследователями славянского язычества (ср.: Клейн 2004. С. 182–196; Петрухин 2000б; см. также о демоническом статусе *рода и рожаниц* в славянских пове-

§ 2. Аскольд и Дир — князья или бояре?

рях о судьбе — Ловмянский 2003. С. 94–95). Тем не менее из представлений о родовом обществе у славян и реликтах этого общества в княжеском (!) роде делается вывод о феноменальном значении «бога Рода» для понимания Древней Руси «как историко-культурного феномена» (Прохоров 2010. С. 95 и сл). Даже генеалогический перечень «Слова о законе и благодати» Илариона воспринимается как похвала *роду* Владимира — «великааго кагана нашаа земли [...] вьнука старааго Игоря, сына же славнааго Святослава» (БЛДР, т. 1. С. 42).

Сам перечень, включающий традиционные три поколения, иногда воспринимается как свидетельство отсутствия Рюрика в официальной княжеской генеалогии. Но речь в «Слове» идет о киевских князьях, Рюрик же правил в Новгороде. Показательно, что здесь не упоминается и Олег, провозгласивший Киев «матерью городов русских».

Очевидно, что Иларион, следовал в «Слове» той византийской традиции, которой следовало и начальное летописание — в Русской земле законным было «единовластие», единовластцами были Владимир и его сын Ярослав. Как раз сложная для начальной русской истории проблема правления княжеского рода (даже гибель Бориса и Глеба) обходилась киевским ритором Иларионом, ибо была непригодной для жанра похвалы князьям-единовластцам. Похвала благородному рождению Владимира — «славный от славныххъ рожся, благороден от благородныххъ» — завершается прежним титулованием: «каганъ нашъ Володимеръ» (БЛДР, т. 1. С. 44).

Претензии на хазарский титул, никак не принадлежавший русским князьям «по рождению», но вождеденный для них со времен Бертинских анналов (см. главу III), обнаруживают, насколько далеки были потомки призванных из-за моря варягов от «родового строя». Для управления «великой и обильной» землей необходим был княжеский род — эта проблема встала остро уже после смерти («по двою лѣту» после призвания) легендарных братьев Рюрика. Став единовластцем, он должен был раздать подвластные города дружинникам — мужам.

§ 2. Аскольд и Дир — князья или бояре?

«И бяста у него два мужа, не племени его, но боярина», — продолжает ПВЛ рассказ о раздаче Рюриком своим городов мужам, не называя поначалу их имен. Мужа (Аскольд и Дир) «испросились» в поход на Царьград «с родом своим» (см. рис. 27, цв. вкл.). Столица Византии — вождеденная цель вар-

варских нашествий, и русь действительно атаковала Царьград еще в июне 860 г. Об этом походе летописцам было известно из Хронографа по Великому изложению, но хронограф относил поход к царствованию Михаила III (842–867 гг.).

Отсюда — разницей в летописных датах похода: главка о начале Русской земли привязывает поход к 852 г., ошибочно посчитав этот год началом царствования Михаила. Описание похода помещено под 866 г. (конец царствования Михаила). Причем составитель ПВЛ явно заменил именами Аскольда и Дира собственно русь, ибо глагол, обозначающий поход, поставлен в единственном, а не в двойственном числе: «Иде Аскольд и Дир на греки» (хронографу неизвестны были имена предводителей похода). Этот разницей послужил источником представлений о нескольких походах руси на Царьград в середине IX в. (см. Творогов 1992).

Как уже предполагалось (глава II), текст об Аскольде и Дире был сконструирован летописцем, знавшим их имена по киевским урочищам — сохранившимся могилам; их имена «всплывают» в ПВЛ лишь в контексте рассказа о захвате ими Киева. Текст НПЛ бессвязен: варяги Аскольд и Дир приходят в Киев неведомо откуда до призвания князей. А.А. Шахматов стремился усмотреть в их войске «полчища» тех скандинавов, которые и были исконной русью, обосновавшейся в Киеве до призвания варяжских князей в Новгород. Но в НПЛ, на которую опирался Шахматов как на Начальный свод, Аскольд и Дир названы варягами, а не русью. Эта безосновательная гипотеза послужила основой для многочисленных дальнейших конструкций, представляющих «Аскольдову Русь» южной (киевской) предшественницей новгородской Русской земли и т. п. (см. во Введении о ранней конструкции Яна Длугоша; ср. многочисленные попытки реконструировать южный Русский каганат IX в. и т. п.).

Зачем летописцу нужно было превращать персонажей, погребенных под киевскими курганами, в «мужей» Рюрика? Уже предполагалось, что династии киевских правителей, захвативших город и расправившихся с Аскольдом и Диром, нужно было изобразить себя легитимными, призванными по ряду князьями, которых признавали бы славяне Среднего Поднепровья, избавителями от хазарской дани (см. далее), поэтому Аскольд и Дир представлялись узурпаторами киевского стола. В недавней работе П.С. Стефанович даже сопоставил (вслед за М.П. Погодиным) поход Аскольда и Дира по пути из варяг в греки с известной в эпоху развитого средневековья практикой «отъезда» бояр от князя-сюзерена (Стефанович 2008. С. 209 и сл.). Правда, сам автор, изучив случаи перемещения бояр в древней Руси, показал, что

§ 2. Аскольд и Дир — князья или бояре?

она не имеет отношения к последующей практике «отъезда», но на специфику пребывания дружины в начальной Русской земле должного внимания не обратил.

Аскольд и Дир ушли от Рюрика не к другому сеньору: ПВЛ увязывает их поход с раздачей мужам Рюрика городов, то есть Аскольда и Дира изображают посадниками русского князя в освоенных ими волостях — эту функцию в захваченном Киеве они не выполнили, став там княжить; поход на греков также закончился неудачей. Рассуждая о «естественном для любого нормального человека» желании иметь свой дом и сохранять с ним связь, Стефанович не делает различия между русскими боярами X и XII вв. (Стефанович 2008. С. 259). Хотя Аскольд и Дир были боярами (?) IX в., но связь «со своим» (заморским!) домом была для них проблематична, как и для «бояр» варяжского происхождения в X в.

Киев не стал «домом» для Аскольда и Дира (что, видимо, облегчило новгородским соперникам расправу над ними) — скорее он стал им некрополем. Но и размещение их «могил» — курганов, да еще княжеских, на киевских горах само по себе свидетельствует о том, что «род» убитых правителей (с которым они пришли из Новгорода) прочно обосновался в Киеве. Это и требовало от новых хозяев положения специального обоснования своих прав (о проблемах «оседания» дружинников варяжского происхождения на землю речь пойдет в главе IX). Эти курганы заставили составителя ПВЛ искать места для Аскольда и Дира в начальной русской истории — приписать им поход на Царьград, отнеся его ко времени после призвания князей в Новгород, а князей превратить в новгородских бояр Рюрика.

Были ли у летописца основания для такой конструкции, за исключением стремления свести легитимный княжеский род к потомкам Рюрика? Прежде всего, летописец понимал, как функционировал путь из варяг в греки, по которому совершали походы русские князья: задействован был практически весь маршрут. Олег в походе 907 г. опирался на северные племена, в первую очередь — на варягов и словен, привлекая подвластных ему южных «федератов» (полян и др.). Для успешного похода на Царьград у Игоря в 941 г. не хватило сил, пока он не послал за варягами в том же 941-м. Стало быть, без Новгорода и заморских варягов в кампании против Византии обойтись было нельзя: это было общерусское государственное предприятие.

Аскольд и Дир потерпели поражение, потому что оторвались от Новгорода, рассчитывая лишь на собственную дружину — русь. Но и эта дружина, по греческим источникам, атаковала Царьград на 200 ладьях. Данное

событие потрясло не только Византию, но и Рим (см. обзор источников — Кузенков 2000). Чтобы собрать и прокормить такое войско, нужно было иметь организацию, задействованную на всем пути из варяг в греки. Уже говорилось (глава III), что венгры, контролировавшие в середине IX в. южнорусские степи и днепровские пороги — самый рискованный для руси пункт на пути в греки, были устремлены к Дунаю (поход 862 г.). Им было не до руси, обосновавшейся в Киеве. Если летописец по традиции учитывал участие Новгорода и варягов в походе 860 г., который он датировал 866 г., то, отсчитав от последней даты сроки, необходимые для сбора войска по пути из варяг в греки, он вычислил дату призвания князей (862 г.), учитывая сбор Аскольда и Дира в Новгороде «по двюю лета» (= 864), время на захват ими Киева и последующий поход (866 г.).

Таковой могла быть конструкция летописца. Исторически ситуация с походом 860 г. далека от ясности: в Киеве нет городских, в том числе дружинных древностей середины IX в. А.А. Шахматов, опираясь на суммарные данные о скандинавских древностях IX–XI вв. на юге Руси, мог предполагать в начале XX в. скандинавскую колонизацию, которую на юге он безосновательно соотносил с распространением изначальной руси, отличной от варягов новгородского Севера. Если соотносить данные археологии с летописными, то появление скандинавских древностей относится к 880-м гг. — эпохе Олега.

§ 3. Вещий Олег: князь или воевода?

А.А. Шахматов назвал летописное повествование о начальном периоде русской истории «Сказаниями о первых русских князьях». Сказания действительно основаны на преданиях, построены в жанре «деяний» (*gesta*), где легенда («сага») и история трудно различимы. В этом отношении второй русский князь, наследник призванного по ряду Рюрика Вещий Олег, который первым воплотил претензии русских князей на хазарские владения, — самая противоречивая фигура начальной русской истории. В «Повести временных лет» он назван князем, родичем призванного в Новгород варяжского князя Рюрика: перед смертью (в ПВЛ — 879 г.) тот передал Олегу княженье и малолетнего сына Игоря «на руки».

В Новгородской первой летописи Олег — всего лишь воевода при взрослом и самостоятельном князе Игоре. Соответственно деяния, связанные с началом русской истории, — захват Киева, покорение окрестных славянских

§ 3. Вещий Олег: князь или воевода?

племен, — приписываются в «Повести временных лет» Олегу (под 882 г.), в Новгородской летописи — Игорю, и относятся к первым десятилетиям X в. Главное историческое деяние Олега — поход на Царьград — в «Повести» описан под 907 г., а в Новгородской летописи отнесен ко времени после похода Игоря на греков и датирован 922 г. Но если поход Игоря, в действительности состоявшийся в 941 г., был упомянут в продолжении византийской хроники Георгия Амартола (откуда и почерпнул сведения о нем летописец), то о триумфе Олега, «щите на вратах Царьграда» и т. п., греческие источники молчат. Лишь смутные намеки на договор, заключенный с греками при Олеге в 911 г. и включенный составителем летописи в «Повесть временных лет», сохранились в позднейшей (конец X в.) византийской «Истории» Льва Диакона.

Наконец, смерть Вещего Олега от коня также описывается по-разному в «Повести», где (под 912 г.) приводится знаменитое предание, приуроченное к Киеву; и в Новгородской летописи, где скороговоркой передан тот же мотив, отнесенный, однако, к Ладогe.

Фольклорные — эпические или даже мифоэпические — истоки летописных преданий о Вещем Олеге давно считаются более или менее очевидными. А.А. Шахматов именовал повествование о захвате Олегом Киева «народной песней» (Шахматов 1908. С. 309). Ср. эпический строй этого пассажа (вообще характерный для «сказаний о первых князьях»): согласно Новгородской летописи (с. 107), Игорь и Олег «начаста воевати, и нальзоста Днѣпръ рѣку и Смолнескъ град. И оттолѣ поидоша вниз по Днепру, и придоша к горам кыевским, и узрѣста городъ Киевъ, и испыташа, кто в немъ княжить; и рѣша «два брата Аскольдъ и Диръ» и т. д. Этот эпический строй с регулярным использованием союза *и* отличает «сказания» от комментариев летописцев и сводчиков и в Новгородской летописи, и в «Повести временных лет».

Очевидное стилистическое единство «сказаний», читавшихся уже в предполагаемом Начальном своде, делает не столь существенным вопрос о возможном влиянии бродячих сюжетов, заимствованных из «варяжских саг» (по гипотезе датского слависта А. Стендер-Петерсена) или античных (византийских) литературных мотивов, на их окончательное оформление¹⁵⁹. Различные книжные и фольклорные мотивы, действительно, могли быть популярны в княжеско-дружинной среде, но, безусловно, насущной была

¹⁵⁹ Наиболее обстоятельное исследование принадлежит Е.А. Рыдзевской (Рыдзевская 1978. С. 173 и сл.). См. также популярную работу: Котляр 1986. С. 56 и сл.

необходимость в сохранении предания (сказаний) — ибо в дописьменный период, к каковому и относилась русская дохристианская история, это предание было обоснованием легитимности княжеской власти. Отсюда — правовой лейтмотив сказаний о первых русских князьях: призвание варягов и Рюрика «по ряду» словенами, кривичами и мерей, «устав» Олега (в НПЛ — Игоря) о дани тем же племенам, которую те должны были платить варяжской дружине князя и т. д.

Этот мотив — мотив легитимности — оказывается основным и для летописцев, обратившихся к преданию со второй половины XI в. Предание претворялось ими в историю, поэтому собственно исследование летописного понимания предания — герменевтика — важнее, чем поиски внешних аналогий (хотя пренебрегать ими нельзя). Это касается уже первых известий об Олеге — воеводе (НПЛ) или князе (ПВЛ).

А.А. Шахматов предполагал, что Олег — воевода в Начальном своде — стал князем в «Повести временных лет», потому что составителю этой летописи был известен договор с греками 911 г., где Олег поименован «великим князем русским», которому к тому же подвластны другие «великие и светлые князи». Это дало возможность составителю отнести Олега к «роду» князя (Рюрика), изобразить его законным наследником и т. д. В действительности аутентичность титулатуры в договоре проблематична, ибо «великий князь» в русской традиции — титул, известный с XII в. В договорах с греками все предводители Руси, очевидно, именовались архонтами (так называл их, в частности, Константин Багрянородный в середине X в.).

Греческий титул «великий архонт» известен на русских княжеских печатях с начала XII в. (ср.: Янин 1970. С. 20 и сл.). Когда и какой переводчик договора 911 г. превратил архонтов в великих князей, сказать трудно (ср.: Малингуди 1996. С. 87). Зато более очевидно положение воеводы при первых русских князьях: самый известный из них — Свенельд, воевода Игоря и Святослава, имевший собственную дружину. Договор Святослава с греками (971 г.) был составлен, согласно формуле, «при Святославѣ, велицѣмъ князи русѣмъ, и при Свѣнальдѣ» (ПВЛ. С. 34). Почти та же формула вкладывается в уста Олега, когда тот притворяется под Киевом купцом, идущим «от Олга и от Игоря княжича» (ПВЛ. С. 14). Особая роль воеводы в эпоху, приближенную ко времени Олега, отмечается и сторонним свидетелем — Ахмедом Ибн Фадланом. Это своеобразное двоевластие, свойственное многим раннесредневековым государствам (в том числе соседней Хазарии), может свидетельствовать о том, что роль Олега при Игоре не была просто следствием искусственной контаминации летописных мотивов.

§ 3. Вещий Олег: князь или воевода?

Сложнее обстоит дело с другой функцией Олега — «кормильца» малолетнего Игоря. Конечно, и «кормильство» — традиционный институт в раннефеодальном обществе: Асмуд был кормильцем князя Святослава Игоревича, Добрыня — Владимира Святославича; Добрыня был дядей князя по матери (уй). В.Л. Комарович (1960. С. 91) предполагал даже, что Ольга — жена Игоря, которую привел княжичу Олег в 903 г., — дочь самого Олега, подобно тому, как Малуша была дочерью Малка Любечанина и т. п. (о предполагаемых в поздних летописных сводах родственных связях и деяниях Олега — см. Котляр 1986. С. 55 и сл.). Но важнее здесь текстологическое наблюдение А.А. Шахматова: в НПЛ Игорь и Олег захватывают Киев вместе, соответственно в летописи употребляется двойственное число; в ПВЛ Олег действует самостоятельно при младенце Игоре, но и здесь однажды употреблено двойственное число — по предположению Шахматова, след текста Начального свода, не устраненный редактором. Стало быть, исходным следует считать текст, сохранившийся в НПЛ, и Игорь уже не был младенцем?

Ситуация с летописными текстами, однако, оказывается не столь однозначной. Дело в том, что в соответствующем пассаже НПЛ, посвященном захвату Киева Олегом и Игорем, употреблено как раз не двойственное, а множественное число («и приидоша к горам киевским» — НПЛ. С. 107). Речь может идти о многоплеменном войске Олега в целом, а не о двух его предводителях. Переписчики летописных текстов, особенно с XIV в., когда двойственное число стало выходить из употребления, могли что-то напутать, так что принимать построение Шахматова приходится с большой осторожностью.

А.А. Шахматов считал, что Олег и Игорь были самостоятельными князьями, Олег изначально правил в Киеве, Игорь — в Новгороде, предания о них — киевское и новгородское — соединил составитель Начального свода, сделавший Олега воеводой. Составитель ПВЛ «реставрировал» его княжеский титул, извлекая из княжеских архивов договор 911 г., где Олег именовался князем; а чтобы объяснить сосуществование двух князей — изобразил Игоря младенцем на руках родича Олега.

Ситуация выглядит еще более сложной, если учесть, что в НПЛ (Начальном своде) и ПВЛ по-разному дается хронология: в Новгородской летописи, как показал Шахматов, дата неудачного похода на греков, инициатором которого был Игорь, — 920 г. — ошибочна, но зато именно она подтверждает самостоятельность и возмужалость Игоря. Составитель ПВЛ исправил дату похода в соответствии с греческим хронографом — 941 г., поход Игоря от-

деляли от договора 30 лет, и очевидной становилась их возрастная разница. Но последний летописец не останавливается в своих хронологических изысканиях: под 911 г. — годом договора — он описывает и смерть Олега, отмечая, что «бысть всѣх лѣтъ княжения его 33». Исследователи давно обратили внимание на это «эпическое» число. Конечно, смерть Олега могла быть искусственно присоединена к реальной дате договора, и последующий расчет даты смерти Рюрика, передавшего княжение Олегу (879 г.), условен, но привлекает внимание то обстоятельство, что и смерть Игоря «присовокуплена» к статье, включающей договор 944 г. Стало быть, лет княжения Игоря было столько же — 33, но столько лет прошло и между договорами, заключенными двумя князьями.

А.А. Шахматов (1940. С. 65 и сл.) показал, что рационализация ранних летописных датировок, даже привязка их к датам греческого хронографа условна. Очевидно, что поход Аскольда и Дира отнесен к 14-му лету царствования Михаила III задним числом. В действительности, если начало Руси (Русской земли) приурочено к началу царствования Михаила, то поход Аскольда и Дира (866 г.) — к концу этого царствования¹⁶⁰. Символическое для начальной Руси (см. главу III) царствование Михаила заставляет вновь обратиться к апокрифическому царствованию его мифологического тезки, которое длилось, согласно «Откровению Мефодия Патарского», 33 года (что соответствует в Священной истории сроку царствования Давида в Иерусалиме и земной жизни Христа).

«Рационалистический» расчет летописца во вставной таблице временных лет «от Адама» отводит на правление Олега 31 год, но учитывает лишь годы княжения в Киеве, тогда как реально князь унаследовал власть от Рюрика «в лето 6387» — в 879 г. — и княжил до своей мифологизированной смерти «в лето 6420» (во время осеннего полюдья 912 г.). До осеннего полюдья «лета 6453» княжил, по летописи, и Игорь: этот сакральный 33-летний цикл отчасти проясняет принципы ранних летописных датировок. Завершение деяний обоих князей связывается в летописи с победоносными походами на Византию — с заключением договоров 911 и 944 гг. Этот ритм начальной русской истории был «задан» известием о первом походе Руси на Царьград, отнесенном летописцем к концу царствования Михаила (866 г.). «Такты» этого ритма совпадали со временем апокрифического правления Михаила — 33 года — отсчитанные летописцем от даты смерти Игоря.

¹⁶⁰ Ср. предположение о «синхронизации времени существования двух держав (империи последнего Аморита и варяго-русского княжества Рюрика)»: Цыб 2011. С. 108.

§ 3. Вещий Олег: князь или воевода?

Иной ритм, очевидно, задавала русской истории и начальному русскому летописанию другая — вполне реальная — византийская традиция: это тридцатилетний срок мирного договора («вечный мир»). Видимо, завершение этого срока подвигло Игоря на поход 941 г. — дата, известная летописцу из Хроники Амартола. Тридцатилетний цикл разделяет не только этот поход и договор Олега, но и определяет время правления Олега в Киеве (882–912 гг.), равно как и «начало» Русской земли под 852 г. (приуроченное к неправильно вычисленному началу царствования Михаила III), отделенное тем же сроком от того времени (882 г.), когда варяги и словене Олега (наряду с «прочими») прозвались русью в Киеве.

Вернемся к этому событию. Согласно «Повести временных лет», в Киеве до вокняжения Олега обосновались «бояре» Рюрика Аскольд и Дир, отпросившиеся у князя в поход на Царьград (в ПВЛ описан под 866 г.). Подойдя с дружиной к Киеву, Олег узнает, что в городе княжат Аскольд и Дир. Князь прячет воинов, притворяется купцом, идущим в греки, и просит Аскольда и Дира выйти к нему из города. Эта «хитрость» Олега обычно относится исследователями к бродячим фольклорным мотивам, но скорее — это реальная деталь раннесредневекового быта: торг проходил вне «города», расположенного на горе, возле гавани. Норманнов, появившихся в Дорсете (789 г.), местный правитель принял за купцов, вышел к ним навстречу из крепости и был убит (см. Мельникова, Петрухин 1990. С. 55). Так же поступает и Олег (Игорь в НПЛ) с Аскольдом и Диром (см. рис. 28, цв. вкл.).

Но в этом традиционном мотиве «хитрости» Олега есть еще одна историческая черта: подплывая к Киевским горам, Олег и Игорь останавливаются на урочище Угорском, где прячут в ладьях своих воинов, — «творящая подугорьскими гостями» (сказано в НПЛ. С. 107). Урочище Угорское упоминается далее в связи с рассказом о миграции угров мимо Киева в «Угорскую землю». Эта угорская (венгерская) тема важна для начального русского летописания, так как она связывает историю руси и днепровских славян с моравской историей о «преложении книг на словенский язык» (ср. в главах II.3 и VI.2). Но Урочище Угорское имеет особое значение и для истории Киева: позднейшие летописные своды (Ипатьевская летопись под 1146 г. и др.) упоминают там «княжий двор» — на этом дворе «все кияне» в 1146 г. «льстиво» целовали крест неугодному им князю Игорю Ольговичу, которого затем предали; призвали другого князя — потомка Мономаха — и, расправившись с Игоревой дружиной, убили. А в 1151 г. в Киеве вообще было два князя, вытеснившие из города самого Юрия Долгорукого: брат

Юрия Вячеслав — в самом городе, а их племянник Изяслав Мстиславич — под Угорским.

Эти известия, конечно, никак не могли повлиять на начальное русское летописание, но они позволяют предположить, что Угорское и в древности могло иметь функции экстерриториальной резиденции князя, вроде известного из начального летописания княжеского «двора теремного», расположенного «вне града» (Каргер 1958. С. 274–275; ср. там же: С. 264–267). Экстерриториальная резиденция нужна была тогда, когда в самом городе сильны были вечевые традиции. Так было в Новгороде, где экстерриториальная резиденция существовала на Городище, так было и в определенные кризисные моменты истории Киева (ср.: Пашуто 1965. С. 40–41).

В связи с этим возникает вопрос, почему с такой легкостью в летописном описании завладевали Киевом сначала Аскольд и Дир, потом Олег и Игорь. Еще М.П. Погодин и А. Куник предполагали, что Аскольд и Дир закрепились в Киеве благодаря договору со славянами, с киевским вечем. Очевидно, таким же образом, а не путем завоевания утверждается в Киеве и Олег (Ловмянский 1985. С. 140–142; ср. там же: С. 158).

Каковы бы ни были реальные отношения Рюрика с Аскольдом и Диром, равно как с Олегом, ясно, что основная идея «Повести временных лет» — зависимость варягов от законной княжеской власти, без поддержки которой они не имеют права пребывать на славянских землях. Еще важнее то обстоятельство, что исторический акт — призвание варяжских князей в Новгород — воспринимается как *прецедент*: право призванного княжеского рода на власть в других славянских городах, пусть и по договору — ряду с их жителями. Деяния первых русских князей Рюрика, Олега, Игоря и Ольги — вплоть до трех Ярославичей, эпическим слогом изложенные в Начальной русской летописи (они имеются в ПВЛ, и в НПЛ), стали такими прецедентами для всего русского средневековья: они приукрашивались и расцвечивались, по-новому интерпретировались в позднейших летописных сводах, особенно в Степенной книге, но в основе их сохранялось древнее предание.

В обоих сводах убийство Аскольда и Дира мотивируется тем, что они, «нѣста князя, ни рода княжа». Но если в «Повести временных лет» эта мотивировка обоснована их принадлежностью к дружине Рюрика, законно призванного князя, то в Новгородской летописи аргументация Игоря остается неясной, так как неясным в этой летописи было и происхождение киевских правителей. Между тем для «Повести временных лет» (в лаврен-

§ 3. Вещий Олег: князь или воевода?

твьевской редакции) это был один из главных вопросов: «кто в Киевѣ нача первѣ княжити».

Показательно, что летописец не конструирует фигуру первого князя, вроде Пршемысла или Пяста, а занимается историческими изысканиями. Он не называет князем Кия — говорит лишь, что тот княжил «в роде своем», в отличие от призванных князей «от рода варяжска» (ср. главу II.2). Это новое *государственное*, а не родоплеменное значение термина *князь* — и соответственно новое понятие *княжеского рода* — оказывается принципиально важным для летописца и отражаемой им древнерусской государственной традиции. Русский княжеский род с Олегом и Игорем возглавляет иерархию, включающую бояр и дружину, которой подчиняются «по ряду» племенные структуры.

Аргументом в пользу искусственности предания о первых киевских князьях в целом, соединения Аскольда и Дира как соправителей, считалось известие тех же летописей о том, что они были похоронены в разных местах. Но сведения о могилах исторических персонажей вообще отличаются некоторой противоречивостью: могила того же Олега упоминается то в Киеве (ПВЛ), то в Ладоге (НПЛ), а по предположению А.А. Шахматова, даже за морем. Однако Олегова могила хорошо известна в Киеве позднейшей киевской летописи XII в. на Щекавице у «Жидовских ворот» (ср.: Ловмянский 1985. С. 135–136; Приселков 1996. С. 78). Так или иначе, наиболее последовательно биография Олега прослежена в версии ПВЛ.

Далее в «Повести временных лет» сказано: «И съде Олегъ, княжа въ Киевѣ, и рече Олегъ: «Се буди мати градомъ русьскимъ». И бѣша у него варязи и словѣни и прочи прозвашася русью» (ПВЛ. С. 14). Русь принесла свое имя на землю, называвшуюся «польской» в соответствии с племенной традицией. Летописец специально указывает на то, что это название распространяется на всю дружину Олега, включавшую уже не только варягов, но и словен (и прочих).

После этого говорится о том, что Олег стал строить города (традиционное занятие князей в понимании летописца) и «устави дани словѣномъ, кривичемъ и мери, и устави варягомъ дань дяти от Новагорода... мира дѣля» (ПВЛ. С. 14). Таким образом, Олег подтверждает своим уставом договор (ряд) с северными племенами. Но сам князь обосновывается на юге, в Киеве, и его усилия направлены на покорение южных племен. Первым делом он подчиняет независимых древлян в правобережье Днепра, а затем обращается против левобережья, входящего в сферу влияния Хазарского

каганата. Олег возлагает «легкую дань» на северян, заповедав им не давать дани хазарам: «Азь имъ противень, а вамъ не чему» (ПВЛ. С. 14).

Два обстоятельства существенны в этом кратком летописном тексте: во-первых, Олег вступает в переговоры о дани со славянскими племенами — заключает с племенами Среднего Поднепровья такой же ряд, как и с племенами севера; во-вторых, здесь впервые говорится о конфликте руси и хазар. Олег присваивает северянскую и радимичскую дань: таким образом русский князь овладевает хазарской податной территорией в Среднем Поднепровье, которая и получает в летописи название «Русская земля» (в узком смысле) — становится княжеским доменом, «части» которого требуют себе все русские князья, претендующие на старшинство в роде со второй половины XI в. Этих сведений о присвоении хазарской дани нет в Новгородской первой летописи, где самостоятельным деянием Олега изображен лишь поход на греков (под 922 г.), и это обстоятельство свидетельствует о том, что составитель «Повести временных лет» руководствовался не только домыслами при описании деяний Олега.

О реакции хазар летопись молчит. Это, видимо, связано с источниками русской летописи: она опиралась, прежде всего, на русские предания и византийский хронограф. Кроме того, как показал А.П. Новосельцев (1990. С. 210–211), Хазария в эти годы была занята борьбой с более близким противником — печенегами (чем, видимо, воспользовался Олег). Удача сопутствовала Олегу и благодаря тому, что венгры с присоединившимся к ним хазарским объединением каваров ушли в 882 г. в поход на запад (до Вены), освободив подступы к Киеву. Однако данные нумизматики указывают на то, что реакция со стороны хазар все же не заставила себя ждать.

Как уже говорилось, в 60-е гг. IX в. наблюдается определенная активизация восточной торговли — усиливается приток восточного серебра в Восточную Европу и Скандинавию, что В.М. Потин (1970. С. 69) связывал с установлением более прочных отношений между варягами и славянами — призванием варягов. Американский нумизмат Т. Нунан (1985. С. 41–50) показал, что в последней четверти IX в. приток монет в Восточную Европу резко сокращается, наступает первый кризис в поступлении восточного серебра; при этом кризис не связан с сокращением эмиссии в Халифате — доступ серебра в Восточную Европу был искусственно приостановлен. Нунан предположил, что кризис в поступлении серебра возник из-за вторжения печенегов. Но приток монет возобновляется в начале X в., когда серебро идет через Волжско-Камскую Болгарию из державы Саманидов в обход Хазарского каганата. Не менее показательны, что тогда же — не ранее первой

§ 4. «Не даны суть словѣномъ прѣ паволочиты»

четверти X в. — первые клады дирхемов появляются в самом Киеве: в IX в. Среднее Поднепровье оказывалось вне сферы русской восточной торговли (Каргер 1958. С. 123–124). Хазария блокирует эту торговлю, монета практически не достигает Среднего Поднепровья.

Тем временем Олег активизирует византийскую политику и заключает (после похода) выгодный торговый договор 911 г. Возможно, легендарный поход Олега на Царьград (907 г.) способствовал улучшению русско-хазарских отношений. Во всяком случае, именно после 907 г. (между 909 и 914 гг.) хазары пропустили русь в грабительский поход на Каспий, против своих мусульманских противников. Исследователи (А.Е. Пресняков, М.И. Артамонов, А.П. Новосельцев, Г.С. Лебедев и др.) давно обратили внимание на взаимосвязь восточных и византийских походов руси — к X в. Русское государство включается в геополитическую систему Евразии. При этом положение руси «меж двух огней» и, одновременно, объектов экспансии — Хазарии и Византии, естественно, не могло быть стабильным: после (инспирированного Хазарией?) похода на Каспий возвращающаяся русь была перебита мусульманской гвардией кагана.

Так или иначе, традиционный путь, которым направлялся в Восточную Европу поток восточного серебра, — через Кавказ и Хазарию — не был восстановлен. Поворот политики Олега к Византии был естествен. На этом повороте князь не мог обойтись без славян.

§ 4. «Не даны суть словѣномъ прѣ паволочиты»

Под 882 г. летописец описал войско Олега, которое явилось из Новгорода в Киев — оно прозвалось русью и состояло из варягов, словен (новгородских) и прочих (новгородских федератов — чуди, мери, кривичей). Это войско, умноженное за счет других славянских племен, одержало победу под стенами Царьграда. Олег и его мужи (представители старшей дружины) должны были приносить клятву при заключении выгодного мирного договора с греками. Они клялись, по словам летописи, «по Рускому закону, Перуном, богомъ своим [...] и Волосомъ, скотьемъ богомъ, и утвердиша миръ» (ПВЛ. С. 17). Далее следует пассаж, смысл которого в контексте Олеговой победы остается неясным: Олег велел шить «парусы паволочиты руси, а словенемъ кропиньныя». Словенские паруса разорвал ветер, и словене сетовали, что

им не даны паруса из драгоценных тканей¹⁶¹. Паволоки — драгоценные ткани — вместе с греческим золотом Олег привез в Киев. Далее, после упоминания небесного знамения — кометы (911 г.) следует текст договора руси с греками.

Очевидно, что мотив парусов связан с противопоставлением княжеской дружины — руси словенам-федератам: предполагается, что и два бога — Перун (упомянутый как «свой бог» руси) и Волос — скотий бог отражали этот дуализм. Скотий бог — бог богатства, но словене, которым «соответствует» Волос в структуре исторической «преамбулы» к договору, получают «бедные» паруса. Вспомним, что ранее летопись утверждала единство варягов и словен, прозававшихся в Киеве русью.

Зачем понадобилось это архаическое, восходящее к временам призвания варяжских князей противопоставление словен и руси? И.Н. Данилевский предположил даже, что это противопоставление носит «вторичный характер» (Данилевский 2004. С. 153), сводя суть мотива к «центонному парафразу» — пророчеству Иезекииля о падении Тира. Представляется, что суть именно во введении противопоставления руси и словен, которое позволяло снизить последующее противопоставление руси христианам — грекам.

Описание осады русью Царьграда под 907 г. — особая источниковедческая проблема. Поход 907 г. неизвестен византийским источникам, в отличие от последующего похода 941 г., совершенного преемником Олега Игорем. Он описан в Хронике Амартола — это описание использовано в ПВЛ¹⁶². Но то же «этикетное» описание было использовано и для характеристики похода Олега: Олег «разбиша многы полаты и пожгоша церкви», пленных «овъхъ посекаху, друга же мучаху, инья же растреляху, а другыя в море вметаху, и ина многа зла творяху русь грекомъ» (ПВЛ. С. 16). Но и здесь летописец находит слова для оправдания злодеяний: «елико же ратнии творять», — завершает он свой рассказ.

Не обошлось при описании войны и без традиционного стереотипа в отношении греков: убоявшись Олега, греки пообещали дань и вынесли ему «брашно и вино», но тот не притронулся к нему, подозревая, что пища отравлена. Греки испугались еще больше: «Нѣсть се Олегъ, но святыи

¹⁶¹ В разных редакциях летописи имеются в виду то паруса из паволок (Лаврентьевская), то из коприны (? — Ипатьевская) — то ли шелка, то ли неумело сшитые (др.-рус. кропати): редакторам летописи неясны были терминология и смысл эпизода (ср.: Рыдзевская 1932. С. 473).

¹⁶² Роль договоров в истории начального летописания — особая проблема; ср.: главу VI.2; Цукерман 2008.

§ 4. «Не даны суть словѣном прѣ паволочиты»

Дмитрей, посланъ на ны от Бога». Греки «льстивы до сего дни», утверждал летописец уже в связи с более поздним походом другого русского князя (Святослава).

Цель приводимой интеллектуальной «игры с отскоком» (бриколаж) очевидна: поставив Русь в центр своего повествования, летописец стремился смикшировать негативные коннотации в отношении даже к дохристианской дружинной Руси¹⁶³.

Легендарный поход Олега на Царьград традиционно считается вполне «историческим», но даже русские источники — единственные свидетельства этого похода — полны видимых противоречий. Его описание помещено в ПВЛ под 907 г., в НПЛ — под 922 г. В новгородской версии в войске Олега названы варяги, поляне, словене и кривичи; в ПВЛ — все племена, подвластные Олегу или даже упомянутые ранее, хотя возглавляют список те же варяги и словене. Нет в обоих списках только руси, хотя значение именно этой дружины и даже самого дружинного имени явственно в обоих текстах. Сначала в обеих летописях говорится, что Олег заповедал побежденным грекам «дань даяти» на «2000 корабль», по 12 гривен на человека. «Повесть временных лет» конкретизирует далее, что дань дается «на ключ» — уключину, то есть на каждого гребца — русина. Упоминание собственно руси появляется в характерном тексте, опять-таки связанном с походом на морских судах — возвращением руси от стен побежденного Царьграда под парусами из паволок.

Но что же такое русь в «сказании»? В описаниях походов на Царьград русь — это войско: в описании Олегова похода (в НПЛ — Игорева) в ПВЛ говорится, что «много зла творяху русь грекомъ, елико же ратнии творять». Показательно, что описания походов на греков Олега и Игоря в обеих летописях стилистически зависят от описания похода 941 г. в хронике Амартола, но «оправдательная» фраза, списывающая злодеяния руси на военное время — «елико же ратнии творять» — принадлежит русскому летописцу (и переводчику Амартола? — ср.: Шахматов 1940. С. 56). Здесь в понятие *русь* включены все участники похода, в том числе словене. Русь же, снабженная драгоценными парусами и противопоставленная словенам, — это княже-

¹⁶³ Понимание подобных культурных механизмов Клодом Леви-Стросом, равно как и предложенное им понимание различий в подходах историков и этнологов, представляется не менее перспективным, чем 50 лет назад, когда вышла «Структурная антропология». «История и этнология выбирают точки зрения, дополнительные по отношению друг к другу: история обобщает данные, относящиеся к сознательным проявлениям общественной жизни, а этнология — к ее подсознательным основам» (Леви-Строс 1983. С. 25).

ская дружина: так противопоставляли русь и славян-данников Константин Багрянородный в середине X в. и восточные авторы.

Кто же такие словене «сказания»: только словене новгородские или все союзники и данники Олега, относящиеся к рядовому воинству? Казалось бы, ответ здесь однозначен: новгородцы (Шахматов 1908. С. 334–335). Обратимся, однако, к описанию войска Олега в ПВЛ: «Иде Олегъ на Греки, Игоря оставив Киевъ, поя же множество варяг, и словень, и чюдъ, и словене, и кривичи, и мерю, и деревляны, и радимичи, и поляны, и сѣверо, и вятичи, и хорваты, и дулѣбы, и тиверци, яже суть толковины: си вси звахуться от грекъ Великая Скуфь (Скифия. — В. П.)» (ПВЛ. С. 16). Бросается в глаза несообразность этого списка: словене упомянуты там дважды. Конечно, список составлялся не очевидцем похода 907 г., а летописцем, но необходимо выяснить, основывался ли составитель списка на механическом сведении в один текст доступной ему информации (ср.: Шахматов 1908. С. 337) или следовал некоей традиции.

Очевидно, что список членится на три части: 1) варяги и словене — они, как свидетельствовал уже «Начальный свод», прозвались в Киеве русью; 2) чудь, словене, кривичи, мера — «новгородская конфедерация», призывавшая варягов; 3) поляне и славянские племена юга восточной Европы. Таким образом, получается, что русь в списке «закамуфлирована» под объединением варягов и словен (а повторение имени *словене* в составе новгородской конфедерации неслучайно) и, стало быть, противопоставлена тем словенам новгородским и другим племенам, которые не входили в состав дружины князя. Кажется очевидным, что русь, как княжеская дружина, сформированная в Новгороде, противопоставляется в первую очередь недавно покоренным славянским племенам юга, которых (или часть которых — ср. космографическое введение) греки звали Великая Скуфь — Великая Скифия. Такому противопоставлению соответствуют данные самой летописи и византийских (и восточных) источников о руси, собирающей дань со славян, прежде всего на юге — от Киева до Смоленска (Константин Багрянородный).

Документ, открытый в княжеском архиве составителем ПВЛ (видимо, самим Нестором), казалось бы, обнаруживает, что «полный» этнический состав воинства и дружины Олега — скорее результат разысканий летописцев, чем аутентичная передача народных преданий. Речь идет о договоре Олега с греками (911 г.). Князь послал своих мужей «построити мира и положить ряд межю русью и грекы». Эти мужи и поименованы в договоре. «Мы от рода рускаго, Карлы, Инегелдъ, Фарлоф, Веремуд, Рулавъ, Гуды,

§ 4. «Не даны суть словѣном прѣ паволочиты»

Руалдъ, Карн, Фрелавъ, Руаръ, Актеву, Труанъ, Лидул, Фостъ, Стемид, иже посланы от Олга, великого князя рускаго, и от всех, иже суть под рукою его, светлых и великих князь, и его великих бояр [...] и от всех иже суть под рукою его сущих руси» (ПВЛ. С. 18). Среди мужей Олега нет людей со словенскими именами, хотя комментаторы этого списка (ср.: Ловмянский 1985. С. 220–222; Сахаров 1980. С. 156–164) предполагают, что доверители, носящие скандинавские имена, могли представлять и «словенских» членов русского княжеского рода — как это было в договоре Игоря с греками 944 г., и даже неких самостоятельных славянских князей.

Последнее маловероятно, так как в тексте того же договора сказано, что светлые князья «сущи» под рукою Олега, как и «вся русь». Существеннее для нас то обстоятельство, что послы Олега клянутся «по закону рускому». Статьи этого закона содержатся в договоре, и исследователи нашли им немало параллелей в обычном праве — славянском, германском и, что характерно, в греческом — византийском (ср. реконструкцию «Закона русского»: Сverdlov 1988; см. также Никольский 2000). Действительно, жизнь и имущество «русина» приравнивается в договоре к жизни и имущественным правам «христианина» — грека: при Олеге впервые осуществляется синтез древнерусского и византийского права, характерный для всего последующего развития русского законодательства (ср.: Живов 1995; Милов 2009). Договор 911 г. при этом имеет одну характерную статью: специально охраняется ладья и перевозимое в ней имущество — если она будет выброшена на берег в «чужой земле», то обычное береговое право не действует, местные жители не могут присвоить себе добро, а обязаны оказать содействие потерпевшему бедствие экипажу (ср.: Литаврин 1999. С. 453 и сл.) (см. рис. 29, цв. вкл.).

Существенно при этом, что «закон русский» имел отношение лишь к нормам уголовного и процессуального характера — торговые нормы регулировались греческим законом. К наиболее парадоксальным (с точки зрения византийского права) можно отнести распространение кровной мести на граждан империи, виновных в убийстве русина. Особое значение для руси ладьи, ее оснастки, и гребцов, получивших специальную дань на «ключ» под самими стенами Царьграда, обнаруживается и в летописном сюжете об оснащении Олегом ладей, возвращающихся из похода, где русь противопоставлена славянам.

В целом очевидно, что составители летописей не могли не учитывать исторических результатов распространения и закрепления названия русь как надплеменного имени, относящегося ко всей Русской земле. Поэтому в

Начальном своде «варязи мужи словене» называются в Киеве русью, а составитель «Повести временных лет» добавляет к варягам и словенам слова «и прочи», в соответствии с собственным (и вполне справедливым для его времени) заключением об общеславянском языке руси, уже включающей и полян («поляне яже ныне зовомая русь», см. главу VI.2). То же заметил и А.А. Шахматов: «Подобно тому, как имя Полян и других племен поглощено именем Руси, также точно Словене новгородские прозвались Варягами; эти самые Варяги, перейдя в Киев, и именно прежде всего они (а не покоренные ими Поляне) назвались Русью» (Шахматов 1908. С. 489). Как видно из текста договора, словене в действительности не назвались варягами, а мужи от рода русского носили скандинавские (варяжские) имена. Народное предание об Олеге свидетельствует и о противоречиях между словенами и русью.

«Повесть временных лет» описывает еще один эпизод похода на греков, где вновь очевиден «дуализм» отношений руси и словен в войске Олега: перед возвращением руси-войска (под разными парусами) был заключен мир, и мужи Олега «по Рускому закону кляшася оружьемъ своим, и Перуном, богомъ своим, и Волосомъ, скотьемъ богом» (ПВЛ. С. 17). «Мужи Олега» в ПВЛ — «варяги, словени и прочие», прозавшиеся русью. В.В. Иванов и В.Н. Топоров (1974. С. 45), противопоставляющие Перуна и Волоса как противников в реконструируемом ими «основном мифе» славянской мифологии, считают, что Перуном клянется дружина князя, Волосом — вся прочая русь.

Однако, при том, что в дальнейшем распределении парусов русь — это и есть княжеская дружина, круг поклонников Волоса может быть определен более точно. Это — словене новгородские, жители русского севера, где и был широко распространен культ Волоса (там же: 55 и сл.), в отличие от Киева, где наследник Олега Игорь со своими мужами клянется только Перуном (при заключении договора 944 г.). Перун — «бог свой» уже для мужей Олега (см. рис. 30, цв. вкл.). Волос — «скотий бог», бог богатства и данников, с которых варяги Олега получали это богатство по «уставу» о дани. Волос не вошел в киевский пантеон князя Владимира, хотя тот и опирался на словен, наряду с варягами, при захвате города. Напротив, Владимир насадил культ Перуна в Новгороде, где его посадник Добрыня поставил над Волховом «кумир» громовника, которому должны были поклоняться «люди новгородские» (см. ПВЛ. С. 37, а также в главе XI).

Думается, что летописный контекст дает достаточно ясное свидетельство тому, что заставило русских князей, и в первую очередь Олега, оставив

§ 5. Был ли Олег Вещим?

Новгород, избрав своей столицей Киев: претензии на наследие Хазарии в Восточной Европе — в том числе на титул кагана — и стремление к господству на пути «из варяг в греки». Восприятие культа громовержца Перуна как дружинного культа божества, которое почиталось верховным у славян уже в VI в. (по свидетельству Прокопия Кесарийского), упрочивало позиции княжеской дружины — руси как господствующего слоя в формирующемся государстве. Но если признать, что Олег был первым, кто оказал предпочтение Перуну, обосновавшись в Киеве и оторвавшись от изначальной столицы в Новгороде, от опоры на словен, то его «мифопоэтическая» смерть от змеи, атрибута Волоса, может выглядеть как некая «расплата» со стороны словенского бога (ср.: Рыбаков 1963. С. 179).

§ 5. Был ли Олег Вещим?

Согласно «Повести временных лет», князь еще до похода на греков спросил «волхвов и кудесников», отчего он умрет, и один из них ответил: от любимого коня. Олег зарекся садиться на коня и лишь на пятое лето после похода вспомнил о нем. Узнав, что конь умер, князь рек: «То ти неправо глаголють волсьви... конь умереть есть, а я живъ». Он находит череп коня, попирает его ногой, и выползшая из черепа змея жалит князя в ногу (см. рис. 31, цв. вкл.). Олега хоронят в Киеве на горе Шекавице. Немотивированность предсказания волхвов становится очевидной в сравнении с традиционным мотивом заклятия, в частности, в сравнении с ближайшей литературной параллелью мотиву смерти Олега — смертью Орвара-Одда в исландской саге (сюжет ее подробно разобран Е.А. Рыдзевской, 1978). Там герой оскорбляет невниманием провидицу, и та произносит заклятие в отмщение.

В ПВЛ коллизия между Олегом и волхвами не упомянута (князь только насмехается над несбывшимся предсказанием), и, читая летопись, можно себе представить, почему выпал этот мотив. Христианин-летописец изобличал языческое волхование как бесовское действо: сам Олег, по летописи, был прозван Вещим после того, как он отказался вкушать отравленные греками приношения (в НПЛ и эта мотивировка отсутствует), так как были люди «погани и невеигласи». Тем более летописец не мог продемонстрировать могущество волхвов. Мотив заклятия, видимо, выпал — и получилось, что сам князь, будучи вещим, знающим судьбу, обращается все же к волхам.

Но и сами волхвы, и атрибуты волхования — конский череп и змея, принесшие смерть Олегу, связываются с культом Волоса-Велеса (Иванов,

Топоров 1974. С. 48–54; Успенский 1982. С. 64–65, 106, 140). В Новгородской летописи и сама смерть Олега была увязана с севером: он умер в Ладогe (где якобы была его могила), змея ужалила князя по пути за море¹⁶⁴. Но в рассказе Новгородской летописи сюжет смерти Олега свернут до одного мотива — укуса змеи; уже поэтому нельзя считать ее текст первоначальным. Создается впечатление, что летописец «отправил» Олега на север и даже за море после совершенного им победоносного похода, последовательно проводя концепцию самостоятельного правления Игоря в Киеве.

Сравнение же летописных текстов, описывающих княжение Игоря и Олега в «Повести временных лет», выявляет их структурное единство. Оба князя гибнут после походов на греков — сразу по заключении договоров. Более того, описание их гибели вводится одними и теми же словами: «и приспѣ осень» — тогда Олег вспомнил о коне, а Игорь собрался в роковой поход на древлян. А.А. Шахматов считал это совпадение простым переносом сведений об Игоре на сведения об Олеге, но дальнейшие тексты не имеют ничего общего по содержанию, а по стилю, очевидно, принадлежат к сказаниям о первых князьях.

Что касается летописного введения «и приспѣ осень», то дело здесь, видимо, не в переносе фразы и даже не только в «формульности», свойственной средневековой литературе. Осень на Руси — время полюдья, объезда князем подвластных племен для сбора дани. Можно понять алчность, погубившую Игоря при сборе дани с древлян: продукты дани сбывались на международных рынках, а договор с греками, включающий торговые статьи, был только что заключен. Смерть Олега осенью, во время осеннего полюдья, после заключения договора с греками, наводит на предположение о том, что и здесь имел место конфликт с подвластными племенами, приобретенный в предании мифологическую концовку: смерть — уход культурного героя. Эту мифоэпическую концовку летописец должен был разоблачить специальным экскурсом — глоссой, посвященной волхованию. Таким образом достигались две цели: Олег лишался сакрального статуса провидца, присвоенного ему язычниками неведгласами, волхвы также оказывались не провидцами, а чародеями, погубившими князя.

¹⁶⁴ Впрочем, мотив рокового змеиного укуса известен и южнославянскому фольклору: *вила* — женское демоническое существо — превращается в змею и жалит пастуха и т. п. Конь же, предвещающий смерть хозяину, — традиционный мотив античной и византийской литературы, от коней Ахилла до примет эпохи Исаака и Алексея Ангелов (ср.: Каждан 1973. С. 108). Так и конь князя Глеба ломает себе ногу, когда князь отправляется навстречу своей мученической смерти.

§ 6. Игорь Старый: князь-волок

Олег — первый исторический правитель Русского государства (ср.: Новосельцев 1991) — имел все основания претендовать на титул кагана и даже на его сакральный статус, судя по прозвищу Вещий, но был при этом самостоятельным и деятельным князем, которому подчинялись прочие князья «от рода русского». Мифологизированная смерть Олега в контексте социального и ритуального противостояния руси (княжеской дружины) и словен может быть соотнесена с ритуализованной смертью его наследника Игоря, казненного восставшими древлянами (об этом пойдет речь в следующем параграфе). Повествование о смерти Вещего Олега — отнюдь не просто заимствованный сюжет, «варяжская сага». Истоки предания — в начальной русской истории.

§ 6. Игорь Старый: князь-волок

Право, правда — одна из начальных и главных тем древнейшей русской истории и соответственно Начальной летописи (ПВЛ). Призванные князья — Рюрик, Синеус и Трувор — должны были «володеть и рядить» по ряду, по праву. Деяния первых русских князей закреплялись в правовых актах — уставе Олега и т. д. В этом отношении фигура Игоря, сына Рюрика, выглядит во многом парадоксальной.

В русской традиции он упоминается уже Иларионом в «Слове о законе и благодати»: «Похвалимъ же и мы /.../ нашего учителя и наставника, великааго кагана нашеа земли Володимера, вънука старааго Игоря, сына же славнааго Святослава, иже в своа лѣта владычествующе, мужьствомъ же и храборьствомъ /.../ крѣпостию поминаются нынѣ и словуть» (Молдован 1984. С. 91–92; БЛДР, т. 1. С. 42). Илариону вторит Новгородская первая летопись: мужающий Игорь «бысть храбор и мудр»; он объявляет самозванцами Аскольда и Дира, княжащих в Киеве, и садится там сам, как законный князь (НПЛ. С. 107). Однако итоги этого княжения, судя по тем же летописям, таковы, что заставляют усомниться в «мудрости и храбрости» Игоря.

«Рассмотрев записанные в летопись предания об Игоре, — писал С.М. Соловьев, — мы видим, что преемник Олега представлен в них князем не деятельным, вождем неотважным. Он не ходит за данью к прежде покоренным племенам, не покоряет новых, дружина его бедна и робка, подобно ему: с большими силами без боя возвращаются они назад из греческого похода, потому что не уверены в своем мужестве и боятся бури. Но к этим чертам Игорева характера в предании прибавлена еще другая — корысто-

любие, недостойное по тогдашним понятиям хорошего вождя дружины, который делил все с нею, а Игорь, отпустив дружину домой, остался почти один у древлян, чтоб взятою еще данью не делиться с дружиною» (Соловьев 1988. С. 143).

Конечно, «храбрость и мужество» князя в летописи — это дань средневековому этикету (Д.С. Лихачев), а не личным достоинствам Игоря. Но дело в том, что и НПЛ, и ПВЛ (где нет «этикетной» характеристики Игоря) подробно описывают несчастья, сопровождающие и неудачный поход на Царьград 941 г., и попытку Игоря собрать дань с древлян — деяния, действительно несопоставимые не только с удачливостью Вещего Олега, но и с шумной славой Святослава. Стало быть, летописцев и ту среду, которая сохранила до конца XI в. предания (сказания) о русских князьях, положенные в основу соответствующих летописных пассажей, интересовала не только «этикетная» слава. Вместе с тем в летописи нет и сурового приговора Игорю, который сближал бы точку зрения летописца с позицией современного историка, как нет и прямого осуждения древлян. Наряду с этим справедливой изображается и месть вдовы князя Ольги восставшим древлянам за убийство Игоря.

От этой «объективности» не остается и следа в позднесредневековую эпоху, время становления самодержавия: в «Степенной книге», включающей «Житие» Ольги, древлянский князь Мал «злое умыслившее» убивает Игоря; месть же Ольги направлена на то, «да престанет дерзость в Рустей земле помышляющих злое на самодержавных; да и прочии не навькнут убивати государствующим ими в Руси, но со страхом да повинуются величю царствия Руския державы начальником» (БЛДР, т. 12. С. 334).

Чтобы понять тот интерес, который сохранялся к деяниям Игоря в начальном летописании и древнерусском обществе, необходимо исследовать контекст — летописный и исторический, в каком-то эти деяния свершились.

Итак, после разгрома под стенами Царьграда в 941 г. Игорь вновь собирает войско; в 944 г. идет на греков, но останавливается на Дунае. Ситуация не свидетельствует об особой робости Игоря — на Дунае во время похода останавливались и Святослав, и Владимир Ярославич (в 1043 г.). Дунай оставался традиционной границей Византии, и, прежде чем начать войну, русский князь, демонстрируя силу, стремился заключить выгодный мирный договор. Естественно, договор Игоря был менее выгодный, чем договор Олега, заключенный после победоносного похода (о котором, впрочем, ничего не знают византийские источники — возможно, он также завершился

не у стен Царьграда)¹⁶⁵. Но для Руси этот договор был совершенно необходимым, так как внешняя (а во многом и внутренняя) политика при Игоре была ориентирована именно на Византию: Константин Багрянородный описывает ежегодный весенний сбор «росами» однодеревков, которые рубят в своих лесах, спускают в Днепр и продают росам их пактиоты-славяне. По Днепру русь отправлялась в Византию с торговыми и другими целями.

Термин «пактиоты», как правило, однозначно воспринимаемый как обозначение данников, — свидетельство односторонней зависимости славян от руси, — нуждается в комментарии, опирающемся на контекст сообщения Константина. Славяне-пактиоты сами собирают однодеревки, а затем продают их росам. Таким образом, зависимость здесь не была односторонней: вероятно, термин «пактиоты» предполагал двусторонние отношения, выплату дани по договору — «пакту», «миру» (ср. выше: о термине «пакт»; см. также Свод 2. С. 279).

Наличие такого договора между славянами и русью, как уже говорилось, можно предполагать и на основании «ряда» легенды о призвании варягов и «устава» Олега. С древлянами, названными среди пактиотов руси, отношения, судя по летописи, были сложнее: их территория не входила в домен князя, Русскую землю; древлянская дань была увеличена Игорем после смерти Олега и отпадения этого племени от Киева. Кроме того, дружина Игоря не получила ожидаемых богатств после не вполне удачного похода на Византию; нужно было кормить призванных для похода варягов и т. д. Это, видимо, и послужило основой коллизии, описанной и НПД, и ПВД, и восходящей, судя по всему, к «сказаниям» о первых русских князьях, предшествовавших составлению первых летописных сводов.

Итак, под 945 г. в летописных текстах значитсѧ: «рекоша дружина Игоревѧ: «Отроци Свенельжи изодѣлиса сѧ оружьемъ и порты, а мы назѧ. Поиди, княже, с нами в дань, да и ты добудеши и мы». И послуша ихъ Игорь, иде в дерева в дань и промышляше къ первой (Свенельдовой. — В. П.) дани, и насиляше имъ и мужи его. Возьмавъ дань, поиде в градъ свой. Идушу же ему въспѧть, размысливъ рече дружинѧ своей: «Идѧте сѧ данью домова, а я възвращюся, похожую и еще». Пусти дружину свою домови, сѧ маломъ же дружины възвратѧся, желая больша имѧнья. Слышавше же древляне, яко опять идеть, сдумавше со князем своимъ Маломъ: «Аще сѧ въвадитъ волк в овцѧ, то выносить все стадо, аще не убьютъ его, то вся ны погубить».

¹⁶⁵ Торговая конъюнктура тоже не благоприятствовала Игорю: цена раба в 944 г. была вдвое ниже цен 911 г.

Рис. 33. Скандинавский наконечник ножен меча из кургана, именовавшегося Игоревой могилой. (по: Сокровища ойкумены. Великое переселение. М., 2005. С. 120)

И послаша к нему, глаголюще: «Пошто идиши опять? Поималъ еси всю дань». И не послуша ихъ Игорь, и вышедше из града Изъкорьстѣня деревлене убиша Игоря и дружину его; бѣ бо их мало. И погребенъ бысть Игорь, и есть могила его у Искорьстѣня града в Деревѣхъ и до сего дне» (ПВЛ. С. 27; ср. анализ текста — Гиппиус 2001) (рис. 32, цв. вкл., рис 33).

Здесь нужно отметить, что описание Игоревой смерти оказалось едва ли не единственным вполне достоверным свидетельством существования древних «сказаний» о первых русских князьях во второй половине X в. Дело в том, что этот мотив стал достоянием не только русской, но и византийской историографии. В «Истории» Льва Диакона (конец X в.) изложена речь послов императора Иоанна Цимисхия к Святославу, обосновавшемуся к 970 г. в Болгарии: император требует, чтобы Святослав покинул страну в соответствии с

давним (944 г.) договором. «Полагаю, — угрожает он, — что ты не забыл о поражении отца твоего Игоря, который, презрев клятвенный договор (очевидно, договор Олега 911 г. — В. П.), приплыл к столице нашей с огромным войском на 10 тысячах судов (поход 941 г. — В. П.), а к Киммерийскому Боспору прибыл едва лишь с десятком лодок, сам став вестником своей беды. Не упоминаю я уж о его (дальнейшей) жалкой судьбе, когда, отправившись в поход на германцев, он был взят ими в плен, привязан к стволам деревьев и разорван надвое» (Лев Диакон VI. 10)¹⁶⁶.

¹⁶⁶ Заслуживает внимания предположение С.А. Иванова о том, что этот мотив казни Игоря мог возникнуть в результате переосмысления информации о смерти князя «в Деревех», хотя сам процесс переосмысления представить довольно сложно, тем более что собственно *древляне* (ср.: *вервианы* / *дервианы* у Константина Багрянородного) не упомянуты византийским историком — они названы германцами. Ср. о вероятном сближении форм

Это послание подтверждает основную канву военной деятельности Игоря и важность для обеих сторон — Руси и Византии — договорных отношений. Поход Игоря 944 г. не упомянут, потому что русь не перешла Дунай и не нарушила границ Византии. Наконец, сразу вслед за походом на Константинополь упомянут гибельный поход на «германцев». Неясно, почему в греческом тексте древляне названы германцами. Возможно, в конце X в. уже не было актуальным характерное для Константина Багрянородного и других ранних историков противопоставление руси и славян. В явной форме его нет у Льва Диакона: в сказании, передаваемом русской летописью, древляне противопоставляют себя руси — дружине Игоря; им приписываются слова — «се князя убихом рускаго» (ПВЛ. С. 27). Вероятно, такого рода противопоставление дошло через информаторов и до Льва Диакона, который и отождествил древлян с германцами как с западными соседями славян и руси.

Однако самым существенным для наблюдений за «жизнью» предания об Игоре является то, что информация о его гибели осенью 944 г. достигла греков не сразу: в конце 40-х гг. X в. Константин Багрянородный еще не знал о смерти князя. Значит, это известие хранилось какое-то время в памяти информаторов византийского историка конца X в. Отличие этой информации от летописного сказания — описание казни Игоря — также обнаруживает «фольклорную» вариативность и вероятные фольклорные истоки предания об Игоре. Наконец, данные Льва Диакона существенно дополняют сказание летописи: Игорь не был убит в стычке, а был взят в плен и казнен.

А.П. Ковалевский обратил внимание на то, что казнь Игоря совпадает с подобными обычаями у тюркских народов — огузов и болгар. Он считал, что «древляне применили к Игорю указанный способ казни согласно действовавшему в то время местному праву, считая киевского князя вором и грабителем, или, как говорили древлянские послы Ольге: «мужа твоего убихом, баше муж твой аки волк восхищая и грабя»» (Ковалевский 1956. С. 52).

Можно продолжить исследование параллелей мотиву казни Игоря: таков, в частности, античный мотив убийства Тесеем «сгибателя сосен» разбойника Синиса, казнившего путников, или мотив казни Александром сатрапа Бесса, провозгласившего себя царем после поражения Дария (Плу-

Германов / Δερβιανοί — у Льва Диакона при общей тенденции этого и других авторов к архаизации этнонимии: Диттен 1988. Лев именует русских тавроскифами, германцы же у него могут означать франков, что в свою очередь напоминает нам об архаизированных летописных *волохах* и т. п.

тарх. Александр, 145). Для русской истории существеннее сходный мотив у датского хрониста XII в. Саксона Грамматика, который приписывает такой же способ казни некоему Редону, «рутенскому (=русскому) пирату». Е.А. Рыдзевская (1978. С. 193–194) предполагала здесь знакомство хрониста с русским преданием, что позволяет нам вернуться к проблеме древнерусского — славянского — обычного права.

Точного соответствия описанному у Льва Диакона ритуалу казни в русских источниках неизвестно: так, ритуал повешения на дереве упомянут в связи с описанием расправы над волхвами в ПВЛ (под 1071 г.). Волхвы (языческие жрецы?) со своими сторонниками во время голода в Ростовской земле отбирали запасы, убивая зажиточных людей; родичи убитых отместили волхвам и уже мертвыми повесили их на дубе. Византийское право предполагало казнь через повешение на месте преступления для разбойника, совершившего убийство (Прохирон 39. 16). Соответствующий обычай имелся и в «законе русском», упомянутом в договоре 911 г. (Малингуди 1996. С. 63, 65). Так позднее расправились и с заговорщиками боярами, из-за навета которых был ослеплен князь Василько Теребовльский.

Больше для исследования конфликта между Игорем и древлянами дает лексика обычного славянского права. Терминология праславянского права стала предметом реконструкции в работах В.В. Иванова и В.Н. Топорова, приведших индоевропейские, в том числе скандинавские параллели, из которых самая существенная — казнь преступника, называемого «волком» (др.-исл. *vargr* — «волк, изгой» сопоставимо со славянским «враг»), на дереве, именуемом «волчьим деревом» (др.-исл. *vargtre*) и т. п. (Иванов 1975; Иванов, Топоров 1978). У славян преступник, в том числе вор, традиционно именовался «волком» — как именуют и Игоря древляне. Ср. в «Сборнике слов и поучений» конца XII — начала XIII в. о разбойнике: «Отъложи вълчью къзнь... и приде яко овъча» и т. п. (СДЯ, вып. 2. С. 165).

Таким образом, известие Льва Диакона о казни Игоря и лексика русской летописи совмещаются в достаточно надежной реконструкции обычного права. Сама речь древлян в передаче летописца напоминает формулы договоров и ранних судебныхников. Ср.: «Аще ся вьвадить волк в овце, то выносить все стадо»; «Аще оутнетъ мечем... то 12 гривне за обиду» (Русская правда. Краткая редакция, ст. 4; ср. также характерное использование союза *аще* в библейских текстах — Законе в высшем смысле слова: Верещагин 1998. С. 149–151) и т. п. А.П. Новосельцев (1986. С. 26) справедливо считает, что

древляне убили Игоря, так как он нарушил договор (ср. выше о «пакте») — собрал дань дважды.

Древлянские речи и далее в летописном сказании продолжают эту правовую тему. Древляне отправляют послов к вдове Игоря Ольге; они говорят княгине: «Мужа твоего убихомъ, бяше бо мужь твой аки волкъ восхищая и грабя, а наши князи добри суть, иже распасли суть Деревьску землю, да поиди за князь нашъ за Малъ».

Противопоставление Игоря-волка древлянским князьям — добрым пастырям напоминает, прежде всего, о библейских образах и евангельских притчах — их образность характерна для всей древнерусской литературы. Ср. слова пророка Иезекииля о неправедных правителях Израиля: «князи его среде его аки волцы восхищающе похищения» (XXII. 27), — цитированные еще Иваном Грозным. Ср. также «Поучение о спасении души» из Хлудовского сборника XIV в.: «аки волци с буюкы (буйный, дикий, жестокий. — В. П.) ходяще грабим чужая именья» (СДЯ, вып. 1. С. 325, и т. п.).

Но В. П. Адрианова-Перетц (1947. С. 96 и сл.) считала слова древлян («аще въвадитъ волк в овце» и т. д.) «древнейшей записью народной половицы». Та же исследовательница отметила очевидную двойственность «волчьих» метафор древнейшей русской литературы: помимо обозначения «воровской» жадности наживы, метафора «волк» могла передавать образ князя-воина и княжеской дружины в походе (отметим, что подобная двойственность свойственна и отношению к «буести» — гордыне, буйству, но одновременно и воинской доблести — ср.: Топорков 2005. С. 78–80; СДЯ, вып. 1. С. 323). Самый известный пример — полоцкий князь Всеслав, былинный Волх: в «Слове о полку Игореве» и русском эпосе он наделен способностью превращаться в волка во время походов; в том же «Слове» воины-куряне «скачють аки серыи вълци в поле, ищучи себе чти (чести. — В. П.), а князю славы» (СПИ. С. 24, ср. ЭСПИ, т. 1. С. 223–226).

Эта связь «волчьей» символики с князем и его боевой дружиной обнаруживает в речи древлян не просто инвективу, а столкновение старого племенного права с зарождающимся государственным — княжеским. Их речь можно считать ссылкой на традиционную правовую основу отношений с князем и расправы с Игорем. Далее Ольге предлагается компенсация за убитого мужа — брак с древлянским князем Малом. Трудно сказать, относится ли такой обычай к реалиям славянского права, или этот эпизод передает традиционный мотив — стремление убийцы овладеть имуществом и женой убитого правителя (ср. «сагу» о Гамлете у Саксона Грамматика).

Ближайшую параллель этому мотиву содержит та же «Повесть временных лет», повествующая о том, как Владимир — будущий креститель Руси — «залезал» жену убитого им брата, киевского князя Ярополка, которая была к тому же беременна. Вероятно, о том что эти деяния не противоречили варварскому праву, свидетельствует признание Владимиром родившегося «от двух отцов» Святополка своим законным сыном. Старшинство его признавали и братья — сыновья Владимира, Борис и Глеб. Во всяком случае, в летописном повествовании сама Ольга внимает речам послов отнюдь не как противоправному акту и даже коварно соглашается на их предложение, но выбирает другой, тоже вполне правовой вариант разрешения конфликта: месть.

§ 7. Ольга. От племенного к государственному праву

Месть Ольги, как показали многие исследования, носила ритуализованный характер: Ольга троекратно мстит древлянам, завершая отмщение возведением кургана над могилой мужа и убийством на тризне 5000 древлян. Четвертая месть — «избыточная» по фольклорным канонам и отсутствующая в Новгородской первой летописи — связана с захватом столицы древлян Искоростеня и, возможно, является вставкой — передает традиционный для средневековой литературы мотив, видимо, заимствованный летописцем из византийского хронографа (см. рис. 34, цв. вкл.).

Все это сказание, расцвеченное диалогами, описаниями обрядов и т. п., содержит характерный мотив, который не привлекал особого внимания исследователей: «кыяне» притворно ропщут, узнав о «благосклонном» приеме Ольгой древлянских сватов; Ольга же, после расправы над первым древлянским посольством, посылает за вторым, более почетным; иначе, говорит княгиня, «не пустать мене людье киевьстии» (ПВЛ. С. 27). Здесь впервые в русском летописании устами самой княгини выставляется активная роль горожан, которые считали себя вправе не пускать на сторону князя, как ранее, в Новгороде, призвали его со стороны. Далее становится ясно, почему киевляне поддержали наследницу князя Игоря, несмотря на нарушение им прав своих данников-пактиотов.

Сказание о смерти Игоря и мести Ольги завершается под 946 г. сухим повествованием о возложении на древлян тяжкой дани и установлении

§ 7. Ольга. От племенного к государственному праву

«уроков» и «уставов». При этом две части дани шла Киеву, третья — в Вышгород самой Ольге, «бе бо Вышегород град Вользин». Эта летописная ремарка свидетельствует о многом: со времени призвания варягов и кормления их в «градах» княжеская власть укрепилась настолько, что к середине X в. появились собственно княжеские города, как Ольгин Вышгород.

Вышгород, наряду с Угорским, оставался оплотом княжеской власти в киевской округе вплоть до XII в. (недаром в некрополе города обнаруживаются скандинавские древности — Зоценко 2009). Здесь же в летописи упомянуто и принадлежащее княгине село Ольжичи на Десне — в земле северян. Видимо, уже с середины X столетия в киевской округе формируются княжеские домениальные владения, собственно феодальная земельная собственность, в пределах «Русской земли» в Среднем Поднепровье — той земли, на совместное владение которой еще долго претендовали представители русского княжеского рода. В домениальный город Вышгород шла треть той древлянской дани, за счет которой кормились также дружины князя и воеводы Свенельда — поэтому две трети шли в саму столицу: Киев, и киевляне участвовали в перераспределении княжеской дани. Сходным образом Ярослав в 1014 г. должен был платить тысячу гривен своим гридям в Новгороде, а две тысячи — посылать отцу в Киев, как делали «вси посадници новгородьстии» (ПВЛ. С. 58). А через двести лет новгородский князь Мстислав, победив чудь, две трети дани дал новгородцам, а треть — «дворянам» (НПЛ. С. 251), служившим князю¹⁶⁷.

В следующем 947 г., не менее лапидарно повествует летопись, Ольга идет к Новгороду, устанавливает дани по рекам Мсте и Луте, видимо, останавливается во Пскове, затем ставит «перевесища» для ловли птиц (определяет охотничьи угодья) по Днепру и Десне и возвращается в Киев. Этот пассаж имеет чрезвычайно малый объем в сравнении со «сказанием» о смерти Игоря и мести Ольги, но полем деятельности княгини здесь является не одна древлянская земля, а вся Русь. Кроме того, эта деятельность по своей сути отличается от полюдья, во время которого погиб Игорь.

Реформа Ольги состояла в повсеместной фиксации правовых норм («уставы») и даней («уроки»), которые отныне взимались (как предполагали Л.В. Черепнин, А.А. Зимин и другие исследователи) не во время наездов кормящейся дружины, а специальными представителями княжеской

---

¹⁶⁷ Древняя традиция *tertiatio* — получения трети доходов с подвластной земли, восходящая к эпохе переселения народов (ср. в главе IV).

администрации (Черепнин 1965. С. 146–152). Таким образом, древлянское восстание и смерть Игоря оказываются стимулом для установления государственных правовых норм от Среднего Поднепровья до Новгородчины. При этом реформе подвергаются и архаическое государственное право (полюдь), и племенные традиционные нормы, послужившие правовым основанием для казни Игоря. Полюдь сохраняется лишь на периферии Русского государства по преимуществу в виде фиксированной дани.

Как уже отмечалось, сама тематика летописных сказаний о русских князьях — от Рюрика до Ярослава — характеризуется определенным структурным единством и соответствующим подбором сюжетов. Призванию варягов предшествует конфликт: насилие, чинимое «находниками» над словенами и другими племенами, изгнание их за море и призвание князей с дружиной-русью на основе договора — ряда. Далее правление Олега начинается с конфликта с узурпаторами — Аскольдом и Диром — и возведения на престол в Киеве законного наследника — Игоря, с последующим «уставом» — урегулированием даннических отношений со славянами.

Этот «устав», видимо, действовал и при Игоре, судя по полюдью у славян-пактиотов, но новый конфликт и гибель князя вызвали не только вполне традиционную ритуализованную месть, но и очередное правовое усовершенствование государства, уже в правление Ольги, и т. д. вплоть до конфликта новгородцев с варягами при Ярославе в 1016 г. После этого конфликта князь кодифицировал традиционное право — дал «Русскую Правду». Л.В. Черепнин обратил внимание на сходство эпизодов с описанием насилия, чинимого варягами перед призванием князей «по ряду», и конфликта 1016 г. и считал, что известия о позднейших событиях повлияли на составление «легенды о призвании» (Черепнин 1948. С. 247–248).

Подобная структура, однако, свойственна многим эпизодам сказаний о первых русских князьях. Описание конфликтной ситуации и последующего юридического исчерпания ее — характерная черта древнерусского права (в том числе в «Русской Правде» и т. п.) и традиционного права вообще. Правовая основа, сохранявшаяся даже во фразеологии «сказаний», была, видимо, и основой для передачи, хранения в памяти преданий о первых князьях.

Для архаического общества, в том числе славянского, был существен именно *casus primus* (Иванов, Топоров 1988; ср.: Зимин 1965), поэтому частное столкновение первого киевского (общерусского) князя с племенной (догосударственной) традицией и его последствия имели для формирующегося государства и его летописания не меньшее значение, чем внешнеполити-

§ 7. Ольга. От племенного к государственному праву

ческая деятельность — выход на мировую арену. Отсюда — значительный объем такого рода текстов, сохранявшихся в памяти нескольких поколений до составления первых летописных сводов XI в. Летопись оказывается *правовым документом* не только потому, что включает договоры с греками (как ПВЛ) или «Русскую Правду» (как НПЛ), завещательные акты и т. п. (ср.: Франклин 2010. С. 312). Сама летописная история оказывается историей правовых прецедентов и неким подобием древнерусской «конституции». Сказания об Игоре дают ясное представление о носителях этой традиции — дружине, ближайшем окружении князя, с которым князь совещается и чьим советам следует. С князем и дружиной заключался ряд еще при Рюрике, дружине платили дань по «уставу» Олега и по «пакту» Игоря — нарушение последнего привело к конфликту, занимающему столь значительное место на страницах «Повести временных лет».

И расправа Олега (и Игоря) над Аскольдом и Диром, и месть Ольги древлянам с их «добрыми князьями», и последующее (978 г.?) убийство Владимиром Рогволода, самостоятельно княжившего в Полоцке, оставляют мало сомнений относительно судеб местных и тем более «племенных» князей: они были уничтожены князьями от русского рода, стремящимися к единовластию. Предположение А.А. Шахматова о том, что древлянский князь Мал был пленен и превращен в дворового слугу (или даже боярина...) Ольги основано лишь на неоправданном сближении имен Мала и Малка Любечанина — отца Ольгиной ключницы Малуши. Но и в том случае, если принимать эту версию судьбы древлянского князя (ср.: Лихачев 1986. С. 124 и сл.), придется заключить, что это была судьба раба — холопа. Хотя должность ключницы при княжеском дворе можно считать достаточно высокой (как впоследствии и должность тиуна), она не отменяла «рабского» статуса, недаром летописец отмечает презрительное отношение княжны Рогнеды к Владимиру как к «робичичу».

Расправа с местными князьями не решала проблем единовластия киевских князей, так как не разрушала еще местных властных структур, восходящих к племенным. Средоточием местной власти становились города, наследовавшие архаичные вечевые традиции племенных центров и государственные традиции содержания — «корма» — князя и его дружины. Ольга попыталась опереться на альтернативную городам сеть поселений — погостов, станов для «гостящей» дружины, куда местными властями свозилась дань. Таким образом, дружине не нужно было самой разбегать в полях, возможности для «насилия» дружинников ограничивались.

Такие поселения с отчетливыми следами пребывания на них дружины и «служебной организации», в основном ремесленников и купцов, обслуживающих дружину (ср.: Флоря 1987), характерны для Руси X в. и по функциям и следам материальной культуры близки упомянутым экстерриториальным княжеским резиденциям — Городищу под Новгородом, Угорскому под Киевом. Возле этих поселений сохранились обширные курганные кладбища — в Верхнем Поволжье, на Черниговщине и самое крупное (около 4 тысяч курганов) — в Верхнем Поднепровье, в Гнёздове под Смоленском. Размеры этого погоста свидетельствуют о важности для всей Руси самого региона: здесь осуществлялся переход по мелким рекам и волокам из Волховского бассейна в Днепровский и на Западную Двину. Гнёздово было центральным пунктом на пути из варяг в греки (см. публикацию материалов из Гнёздова — Путь из варяг в греки, 1996).

Судя по большим курганам, сохранившимся в Гнёздове и Чернигове, там господствовали дружинные верхи, видимо, относящиеся к русскому княжескому роду (см. главу IX), «всей княжье», подвластной некогда Игорю. Там же перераспределялась дань — и, значит, дружинники вступали в регламентированные правом отношения с представителями местных племенных верхов. На погостах, как и в городах, формировался высший слой древнерусской знати — боярство. Но погосты прекращают свое существование к концу X столетия — города пересиливают погосты, сосредоточивают в своих стенах все властные функции (см. главу VII; Петрухин 1995. С. 154 и сл.).

Летописное предание о поездке Ольги в Царьград за крещением идеально вписывается в цикл летописных повествований о добывании благ в чужой стране — за морем (призвание варягов), за Дунаем в Греции (включая обращение славянских князей в Царьград с просьбой прислать учителей). Но более всего это предание соответствует непосредственно связанному с ним рассказу о крещении Руси при внуке Ольги Владимире, точнее — летописной Корсунской легенде. Согласно ей, Владимир взял греческий Корсунь — Херсонес, чтобы заставить греков прислать ему невесту царского рода. Когда его требование было выполнено и царица Анна со священниками прибыла в захваченный город, князь вернул Византии Корсунь как «вено», выкуп за невесту, «переключав» греков. Интересно, что этот сюжет нашел отражение в болгарском фольклоре (Чекова 1993. С. 14), но с определенной смысловой инверсией: благочестивая жена обращает мужа-язычника к благодати, а не язычник добивается обретения культурных благ.

§ 8. Русская правда: княжое или дружинное право?

§ 8. «Русская Правда»: княжое или дружинное право?
(Социальная лексика и этнические связи
Русского государства)

Снижение роли экзогенных факторов — варяжского и хазарского — в процессе становления и усиления Русского государства естественно. Противоестественно, однако, стремление принизить эту роль на ранних этапах становления русской государственности. Договорные отношения славян и руси, равно как и «хазарское наследие» на юге Руси стали важнейшими структурообразующими факторами формирования русского государства.

Славяно-варяжский (В.Т. Пашуто) и славяно-хазарский синтез осуществлялись на восточнославянской почве, основой государственности стали восточнославянские города, но структура господствующего слоя, прежде всего княжеской дружины, навсегда запечатлела следы синтеза. Дружинное название *русь* распространяется на территорию всего государства; княжеским доменом — Русской землей в узком смысле — становится территория, с которой брали дань хазары. Правители государства — включая Владимира Святого и Ярослава Мудрого — наряду с праславянским титулом «князь» носили титул «каган». В дружинной лексике также чередуются славянские, тюркские и скандинавские термины как этнокультурные элементы в материальной культуре.

Более того, эта традиция получила специфически русское развитие в дружинной среде, как в сфере обряда (в том числе погребального, с формированием специфически русских восточноевропейских ритуалов), так и в собственно социальной сфере. Так, слово *варяг*, обозначавшее скандинава, принятого на службу по договору, возникло, очевидно, в древнерусской скандинавоязычной среде — среди собственно руси. Игорь, по летописи, впервые призвал варягов на помощь после неудачного похода руси на греков в 941 г. Видимо, с этого времени словом *варяг* стали обозначать на Руси скандинавов вообще, в отличие от собственно руси, дружины русского князя, имеющей скандинавское происхождение (Мельникова, Петрухин 1994).

Одновременно договорные отношения со славянами, участие в славянской системе полюдья, кормления, «гощения» на погостах не могло не воздействовать на собственно дружинную лексику руси и должно было привести к раннему восприятию славянской социальной терминологии, отраженной, в частности, в летописи. В тексте самой легенды о призвании князей Новгородской первой летописи слова «вся русь» заменены на слова

«дружина многа и предивна». Замена была поздней (относится ко времени составления Новгородской летописи с использованием церковнославянского «предивна»), но восприятие самого термина, судя по традиционному мотиву совещания князя (Игоря, Святослава и т. д.) со своей дружиной, могло быть достаточно ранним.

Дружинники Олега, носящие скандинавские имена, но клянущиеся по русскому закону Перуном и Волосом, названы в этом правовом тексте *мужами*. Ранее, под 882 г., говорится, что мужи Олега (варяги и словене) прозвались в Киеве русью. Мужами названы «слы и гостье» Игоря, заключавшие договор 944 г. В цитированном правовом тексте, связанном со сбором полюдья Игорем, дружина князя Игоря названа мужами, дружинники воеводы Свенельда — отроками: это различие, видимо, не случайно: отроками именовались и дружинники воеводы более позднего времени — Яня Вышатича. Но и сама лексика, выделение мужей и отроков в дружине, весьма архаична и свойственна славянской (праславянской) традиции (Иванов, Топоров 1984). Наконец, в наиболее раннем летописном известии о руси, непосредственно примыкающем к легенде о призвании князей, говорится о том, что у Рюрика были «два мужа, не племени его, но боярина» (Аскольд и Дир — ПВЛ. С. 13).

Само по себе это *муж (княжой муж) / боярин* характерно для древнерусских источников (Ключевский, т. VI: 108–109; Львов 1975. С. 212; Свердлов 1983. С. 199–203). От имени «великих князь и великих бояр» заключается договор 911 г. мужами Олега, «великий князь» Игорь «и князи и бояри его и людье вси рустии» упоминаются в преамбуле договора 944 г.; «бояре и русь вся» — в договоре Святослава с греками 971 г. Насколько аутентичной можно считать эту договорную лексику, и не зависела ли она от работы позднейших переводчиков договоров и т. п. (ср.: Ловмянский 1978; Завадская 1990)?

Само слово *боярин (болярин)* — тюркское заимствование, при этом традиционное возведение его к болгарскому источнику не вполне удовлетворительно, слово имеет более широкие тюркские параллели (Фасмер, т. 1. С. 203–204; Менгес 1979. С. 83–87; Львов 1975. С. 215–217). Когда оно могло быть воспринято славяно-русской средой? Наиболее очевидным тюркское влияние было при Святославе — об этом свидетельствует быт и даже внешний облик князя (тюркская прическа и т. п. в описании Льва Диакона и «Повести временных лет»).

В эпоху Святослава широко распространяются в дружинной среде и другие тюркские обычаи. Это естественно, ибо именно этот князь наибо-

§ 8. Русская правда: княжое или дружинное право?

лее последовательно реализовал давние претензии русских правителей на хазарское наследие, разгромив самый каганат. Но вместе с тем нельзя не напомнить, что русские князья восприняли титул *хакан* еще в IX в. — он сохранялся киевскими князьями вплоть до Ярослава Мудрого. Когда на протяжении первых двух столетий славяно-русско-тюркских контактов был воспринят термин *бояре* для обозначения высшей знати, сказать трудно, но в систему социальной (дружинной) лексики он вписывается по крайней мере в эпоху Святослава. Князь посылает к императору в качестве послов «лучших мужей», в тексте же договора говорится о «боярах и руси всей». Очевидно, что мужи — бояре / бояре относятся к высшей, наиболее приближенной к князю старшей дружине, отроки — к младшей (Ключевский, т. VI: 108–109; Свердлов 1983. С. 44–48). Такое различие старшей и младшей частей, «мужей» и «отроков» в дружине русов проводится уже у Ибн Фадлана, видевшего эту дружину в Болгарии на Волге в 920 / 921 г. (Калинина 1992).

В полном виде иерархия русской дружины описывается в летописи в связи с эпохой князя Владимира; князь «паки творяше людем своимъ: по вся недѣля устави на дворѣ в гридьницѣ пирѣ творити и приходити боляром и гридем, и съцьскимъ, и десяцьским, и нарочитымъ мужем» (ПВЛ. С. 56).

В списке дружинников — «своих людей» Владимира представлены все этнокультурные компоненты, присущие древнерусской дружинной культуре: *бояре*; *гридь* — специализированный термин скандинавского происхождения, обозначающий именно боевую дружину, телохранителей князя (Фасмер, т. 1. С. 458; СлРЯ, вып. 2. С. 389); *сотские*, *десятские*, *нарочитые мужи* — славянская терминология (имеющая и книжные параллели — ср. Завадская 1990). Б.Д. Греков заметил, что *гридь* и *гридница* упоминаются в связи с Киевом единственный раз, при описании пиров Владимира. Историк считал, что эта скандинавская терминология занесена из Новгорода варягами Владимира (Греков 1959. С. 278). Действительно, следующее известие, поминающее гридей, связано с Новгородом, где Ярослав раздает им тысячу гривен, а в Киев отцу посылает две тысячи (ПВЛ. С. 58). Судя по тому, что гриди здесь — дружина сына киевского князя, можно предполагать, что бояре Владимира отличались от гридей, как старшая дружина от младшей: для позднейшей традиции характерно упоминание гридей (гридьбы) вслед за боярами (огнищанами) (ср.: ПСРЛ, т. 1, стб. 380; СлРЯ, вып. 1. С. 389; Насонов 1951. С. 43–44).

Существенно, что при широком наборе дружинных терминов в списке Владимировых «людей» отсутствует сама *русь*, упоминаемая еще в договоре Святослава. Очевидно, что в Киеве и вообще на юге это слово в эпоху Владимира уже имело расширительный смысл: «Русская земля» понималась как хороним уже в договорах с греками Олега и Игоря; в этническом смысле к русским людям, во всяком случае, при Владимире, относились и представители тех племен, которых он поселил в южнорусских городах. Среди них были «мужъ лучшиѣ /.../ от словень, и от кривичь, и от чюди, и от вятичъ /.../ бе бо рать от печенег» (ПВЛ. С. 54). Войско, которое вывел Владимир против печенегов в 992 г., называлось, как и разноплеменные воинства первых русских князей, *русью*, но собственно княжеская дружина, очевидно, должна была описываться уже специализированными терминами.

Несколько иной была ситуация на севере, в Новгороде, о чем можно судить уже по событиям эпохи Ярослава. После того как князь с помощью новгородцев утверждается в Киеве, он дает им «Русскую Правду» (см., впрочем, Толочко 2009 и Заключение). В первой же главе словенин-новгородец уравнивается в правах с русином (ПРП, вып. 1. С. 77): в случае убийства «аще будеть русин, любо гридин, любо купчина, любо ябетник, любо мечник, аще изъгой будеть, либо словенин, то 40 гривен положити на нь». Кого следует понимать под русином?

С.В. Юшков считал, что — горожанина, в отличие от сельского жителя словенина; М.Н. Тихомиров думал, что киевлянин таким образом противопоставлен новгородцу. Понимание первой статьи во многом зависит от того, считать ли перечень социальных рангов, приведенный вслед за поминовением русина, вставкой (ср.: Черепнин 1965. С. 133–134), фрагментом, не имеющим прямого отношения к руси (Ловмянский 1985. С. 202–203), или видеть в этом списке детализацию понятия *русин* (Лебедев 1987). Очевидно, правы А.А. Зимин (ср.: ПРП, вып. 1. С. 86) и Г.С. Лебедев, считающие, что *гридин*, *купчина*, *мечник*, а возможно и *изгой* относятся к собирательному понятию *русин* (ср. «вся русь» и т. п.). Вынесение собирательного понятия в начало списка, как уже говорилось в связи с перечнями этнонимов, вообще характерно для средневековых текстов. Речь, таким образом, идет о княжеской дружине, прежде всего — о княжеской администрации. Те же этнокультурные компоненты, характерные для севера Восточной Европы, присутствуют в списке — скандинавская терминология (см. о слове *ябетник* — Фасмер, т. 4. С. 538–539) сочетается со славянской.

Однако, как верно отмечал еще Л.В. Черепнин (1965. С. 133–134), однозначного противопоставления княжеской киевской дружины новгородцам

§ 8. Русская правда: княжое или дружинное право?

в Русской правде нет: к русинам могли принадлежать и дружинники новгородского происхождения. Это было подтверждено данными новгородских раскопок, интерпретированными В.Л. Яниным. В частности, на одной из цилиндрических деревянных пломб (из напластований 973–1051 гг.), которыми запечатывались мешки с данью, собранной на Новгородчине, наряду с княжеским знаком и мечом была вырезана надпись, поминающая мечника — представителя младшей дружины. Находки пломб на новгородских усадьбах свидетельствуют об активном участии самих новгородцев, прежде всего — боярской знати (в «Правде» Ярославичей упоминается уже тиун боярский) в сборе и распределении дани (Янин 2001).

Более того, о широком значении термина *русин*, означающего отнюдь не только киевского дружинника, свидетельствует то, что и сама «грамота», данная Ярославом новгородцам, называется «Правда руская» (НПЛ. С. 176). Это подтверждало вхождение Новгорода в правовую сферу — и территорию — Русского государства. Об этом вхождении Новгородской земли в Русскую землю в широком смысле свидетельствуют и ранние источники, в том числе Константин Багрянородный, относивший Новгород / Немогард к внешней Руси. К еще более ранней эпохе относится свидетельство «Повести временных лет» об уставе, данном утвердившимся в Киеве Олегом новгородцам, которые должны были платить дань варягам «мира дѣля».

Главной силой, реализующей и сохраняющей эту правовую традицию, была княжеская власть и дружина. Очевидно, что из этого источника активно черпали информацию составители летописи (среди информаторов был упомянутый воевода Янь Вышатич; составитель «Повести временных лет» пользовался также княжеским архивом, откуда он получил тексты договоров с греками).

В процессе утверждения и расширения договорных отношений между русью и славянами — «окняжения» племенных территорий — имя Русь распространилось на подвластные князю земли и воспринималось там, прежде всего, в качестве политонима, чему способствовала исходная социальная окраска слова *русь* как обозначения княжеской дружины. Распространение этого названия одновременно перекрывало и разрушало племенные традиции.

Одновременно русская дружина интенсивно впитывала различные этнокультурные импульсы, прежде всего — славянские, ассимилируясь в славянской (восточноевропейской) среде. При этом на славянскую архаическую (половозрастную) социальную лексику (мужи / отроки и т. п.) наложилась иноязычная (бояре / гриди), основанная на том же различении

старшей и младшей дружины. Показательно, что эти заимствованные социальные термины, воспринятые славяно-русской средой, прочно закрепились в древнерусской традиции: они были необходимы для строительства новых надплеменных государственных отношений настолько же, насколько необходимо было объединяющее все подвластные новому государству структуры имя *Русь*.

Показательно также, что заимствования в сфере социальной лексики и т. п. не зависели прямо от «физического» присутствия носителей той или иной традиции среди представителей заимствующей стороны. Конечно, присутствие норманнов в русской дружине X в. ощутимо несравненно больше, чем присутствие «хазар» (выходцев из степи), но «хазарские» заимствования относились как раз к обозначению высших социальных рангов (каган, бояре), в то время как скандинавские были связаны с младшей дружиной (и дружиной в целом — *русь*). Видимо, хазарская традиция была актуальна для Руси не только в связи с претензиями на хазарское наследие, но и в связи с тем опытом государственного строительства, который позволил хазарам объединить разноэтничные земли (о том, насколько осознанным было стремление к синтезу различных этнокультурных традиций у правителей раннего средневековья, — см., например: Ле Гофф 1992. С. 260).

Отношения участвующих в этнокультурном и государственном синтезе сторон, как мы видели, не сводились к завоеванию и покорению. Для начала русской истории (и в летописном изображении, и в реконструируемых договорных отношениях руси и славян) характерно стремление к праву, правде, исчерпанию конфликтных ситуаций. Недаром «Русская Правда» Ярослава, данная новгородцам после их конфликта с варягами, в первой же главе уравнивает в правах *русина* — княжеского дружинника — и *словенина*: варяги в последующих главах оказываются в положении заморских гостей, нуждающихся в специальной защите. Корпоративное «дружинное» право было переходным от обычного к государственному (ср.: Никольский 2000).

Существеннейшим этапом в этой эволюции древнерусского права является присвоение государственной властью карательных функций родового общества. Более того, можно полагать, что на раннем этапе государственная власть была заинтересована в фиксации традиционного права, как это было на Руси во время неудачной попытки «византийской» правовой реформы при Владимире (996 г.): казнить разбойников было невыгодно — ведь откуп за убийство (вира) поступал в княжескую казну. Можно предположить, что вира за убийство дружинника-русина, упомянутая в 1-й статье «Русской

§ 8. Русская правда: княжое или дружинное право?

Правды», шла самому князю, а не «ближникам» убитого, как в Царьграде, ведь князь и являлся главой дружины.

В противоречивых и исторически изменчивых отношениях с хазарами и варягами (и греками) выкристаллизовывалось в IX–XI вв. самосознание руси — русского народа. Объединению славянских племен, Новгорода и Киева, под эгидой русских (варяжских по происхождению) князей способствовало, очевидно, то обстоятельство, что эти разрозненные и населившие Восточную Европу разными путями племена сохраняли общеславянское самосознание (напомним об общеславянском самоназвании словен новгородских). Эта же общеславянская основа способствовала распространению у восточных славян единого названия *русь*.

Славяне и русь — княжеская дружина — объединились в Среднем Поднепровье против власти Хазарского каганата при Олеге. На славян и русскую дружину опирались Владимир и Ярослав Мудрый в решительные для Руси моменты истории: пришлые варяги становились враждебными чужаками. Наконец, славяне и русь объединялись в совместных походах на греков — внешние и внутренние факторы способствовали их консолидации в единый народ с единым самосознанием.

Можно сказать, что варяги и хазары целиком «реализовали» себя в ранней русской истории, приняв участие в этнокультурном синтезе, который привел к становлению Русского государства и культуры.

Глава IX

Погребальный обряд: племенной и государственный культ

§ 1. Погребальный культ в древнерусском язычестве

Данные письменных памятников, в том числе начальной летописи, о древнерусском язычестве, упоминавшийся сюжет о смерти Олега от коня, пантеон Владимира, как и данные археологии о культовых памятниках, будь то Збручский идол или киевское «капище» (ср.: Клейн 2004) — весьма «отрывочны». Массовый источник по язычеству — погребальные памятники; в дохристианский период — разнообразной формы курганы. Они содержат информацию о целенаправленных и завершённых ритуальных актах древнего коллектива. Кроме того, погребальные памятники (в отличие от остатков поселений, производственных комплексов и т. п.) связаны не только с выполнением некоторых функций внутри коллектива, но специально ориентированы на передачу информации об этом коллективе вовне — от предков к потомкам, то есть являются памятниками в собственном смысле слова.

Многие тысячи погребальных раннесредневековых комплексов исследованы археологически. В крупнейшем древнерусском некрополе в Гнёздове насчитывалось до четырёх тысяч курганов; тысячи курганов были насыпаны под Киевом и Черниговом (многие из них были сnivelированы ещё в древности, в результате роста городской территории и в процессе христианизации); возле Тимерёва и других погостов Верхнего Поволжья; во Владимиро-Суздальском ополье; огромные насыпи — сопки — возводились на Новгородчине. Уже те физические усилия, которые затрачивало

§ 1. Погребальный культ в древнерусском язычестве

древнерусское общество на сооружение курганов — памятников предкам, свидетельствует о важности тех социальных проблем, которые были связаны со смертью сородича (особенно высокопоставленного — вождя, воеводы или князя). Само по себе сооружение надгробного памятника во всяком обществе является залогом связи поколений и, стало быть, единства этого общества — общности предков и потомков (ср.: Арьес 1992). Однако реконструкция конкретных представлений о смерти и посмертной судьбе, свойственных славянской (и древнерусской) дохристианской культуре, предельно затруднена.

Славянскую языческую погребальную обрядность второй половины I тыс. н. э. можно считать явлением парадоксальным: ее характерными (с точки зрения археологии) признаками является, как отмечал еще Л. Нидерле, отсутствие явно выраженных характерных признаков (см. об «обеднении внешних форм культуры у славян» — Щукин 2005. С. 157–158). Погребальный обряд славян сохранил традицию полей погребений раннего железного века, на которую наложилось нивелирующее влияние поздне римской провинциальной культуры. Остатки трупосожжений, совершенных преимущественно на стороне, захоранивались на бескурганых могильниках или под небольшими полусферическими насыпями в ямках, реже — в урнах, практически без сопровождающего инвентаря.

В сравнении с синхронными древностями соседних народов — тюркских, германских, балтских и финно-угорских — славянский погребальный обряд выглядит бедным. Это обстоятельство, однако, не дает оснований для прямолинейных социологических выводов — об отсутствии у славян социальной дифференциации. «Бедность» и «богатство» в данном случае характеризуют не прямо социальную действительность, а погребальный культ; традицию¹⁶⁸, а не просто реальность. Например, отсутствие оружия в славянских погребениях свидетельствует об обычае оставлять оружие с умершим, но, конечно, не об отсутствии вооружения у славян (см. о символическом значении помещения оружия в погребение — Härke 2006).

Эту специфику погребального обряда необходимо учитывать при анализе погребальных древностей соседних народов, в том числе — балтских и финно-угорских. У этих народов, особенно в Литве и Поволжье (мордва, мурома), наличие социальной дифференциации, в том числе воинских погребений, прослеживается по погребальным памятникам на протяжении

¹⁶⁸ Ср. характерное для восточнославянской традиции отношение к умершему как лишенному доли, убогому, «нищему» (ср.: Седякова 2004. С. 43–44; Ловмянский 2003. С. 182).

всего I тыс. н. э. На этом основании делались выводы чуть ли не о процессах классового образования у балтов и финнов, хотя в действительности погребальные и другие почести, воздаваемые родоплеменной знати, были наибольшими в последний период первобытно-общинного строя. Соседи славян — балты и финны не превосходили их, а скорее отставали от славян по уровню социального развития, процессам государствообразования.

«Бедность» инвентаря остается дифференциальным признаком славянских погребений вплоть до X в. (до конца языческого периода), что наглядно проявляется, в частности, когда в одних и тех же некрополях встречаются славянские и «богатые» скандинавские курганы. При этом богатство и бедность инвентаря также не является надежным показателем социального ранга погребенного без учета иных признаков — размеров кургана, количества жертвоприношений и т. п. Остеологические исследования в Гнёздове показали, что малоинвентарные кремации содержали кости принесенных в жертву животных — коня, собаки и птицы. Эта иерархия жертв характеризует скорее ритуал социальных верхов, чем бедных низов, во всяком случае «примыкает» к жертвенному комплексу дружинных курганов (с наборами вооружения, богатым инвентарем и т. п. — Жарнов 1991).

Разумеется, проблемы как этнической, так и социальной интерпретации погребальных памятников должны решаться конкретно, с учетом места погребального памятника в могильнике, могильника — в культурном ареале и т. д. Сам по себе обычай трупосожжения (и вообще погребения) с конем свойствен всем соседям славян, включая финнов, тюрков, «находников»-скандинавов, не говоря уже о «классическом» примере балтов, у которых погребения с конем известны с начала н. э. Обычай сожжения коня вместе с хозяином известен и культуре смоленских длинных курганов, приписываемой кривичам, но развивающейся в традициях восточнобалтской культуры.

Так или иначе, судя по тому, что кости лошади и собаки обнаружены и в безурновых кремациях середины I тыс. н. э. в Подесенье, традиция сожжения с жертвенными животными может быть признана достаточно архаичной, даже балто-славянской (во всяком случае, для древностей первой половины — середины I тыс. н. э. различие славянских и балтских традиций проблематично — Петружин 1995. С. 195–198). Наличие костей лошади и собаки в погребении не свидетельствует прямо о знатности (или богатстве) погребенного: в большинстве индоевропейских традиций эти животные могли не столько отмечать социальный статус, сколько выполнять культо-

§ 2. Язычество и представления о посмертной судьбе

вую функцию — служить проводником умершего на тот свет¹⁶⁹: ср. смерть Вещего Олега от коня и т. п. В частности, в балто-славянской традиции (и индоевропейской ретроспективе) конь связан с божеством загробного мира и «скотным богом» Волосом — Велесом (Вялясом). Впрочем, тот же Волос является и богом богатства, воплощением которого служит скот (Иванов, Топоров 1974; Топоров 1987. С. 17–18; см., в частности, об обрядах сожжения жертвенных животных, в том числе коня: 47–48). Итак, соотношение бедность / богатство в обрядовой сфере неравнозначно этому же соотношению в сфере социальной.

Малая информативность славянского обряда трупосожжения в том виде, в каком он известен по данным археологии, естественно, затрудняет реконструкцию идеологических представлений, связанных с отправлением погребального культа. Недаром И.И. Ляпушкин писал, что «духовная жизнь (славян VIII — первой половины IX в. — В. П.) пока не нашла отражения в известных нам памятниках и остается нам недоступной. Сказать о ней что-либо, кроме того, что славяне в исследуемую пору хоронили покойников по обряду трупосожжения и были язычниками, ничего нельзя» (Ляпушкин 1968. С. 118).

Попытки реконструкции осуществимы, прежде всего, на уровне универсалий — общераспространенных представлений, в данном случае — о кремации как о наиболее «интенсивном» способе устранения трупа. Вместе с тем, как показал С.А. Токарев (1990. С. 153–205), в погребальном культе универсально распространенным было сочетание противоположных устремлений: удалить в иной мир потенциально вредоносного мертвеца и одновременно сохранить вблизи коллектива благодетельного предка, обеспечить возможность контакта с иным миром. С последним устремлением и связано наличие погребальных памятников, могильников и т. п.

§ 2. Язычество и представления о посмертной судьбе

В славянской традиции трупосожжения к этим противоречивым устремлениям можно отнести разные способы обращения с прахом — от простого рассыпания (в традиции балтийских славян) до захоронения в ямке и наиболее «концентрированного» собирания кальцинированных костей в урну.

¹⁶⁹ Ср. также в поздней белорусской традиции связь культа предков — «дедов» — с собаками Ставрой и Гаврой, на могилах которых легендарный языческий князь Бой велел устраивать поминальные пиршества (Шейн 1890. С. 629–630).

При этом в обрядности черняховской и зарубинецкой культур римского времени, а также в позднейших древнерусских некрополях Гнёздова и Киева прослежена последовательность сложения костей в урну, при которой кости черепа оказывались сверху — то есть умерший после кремации как бы восстанавливался в новом теле — сосуде. Ср. антропоморфизацию сосуда в славянских языках — выделение тулова, плечиков, горла (шейки) и т. д.¹⁷⁰ Наиболее яркий пример — распространенная древнерусская загадка-притча, где горшок сравнивается с Адамом и другими персонажами Библии: «Взят от земли, яко же Адам, ввержен в пещеру огненную, яко три отрока» и т. д. (Древнерусская притча: 412–413).

Ближайшая параллель такой антропоморфизации в древнерусских некрополях X в. — обычай надевания на плечики урны шейной гривны в скандинавских кремациях. Этот обычай напоминает о «лицевых» урнах раннего железного века Западной Европы и более далеких обычаях хранить останки в канопах, оссуариях и тому подобных ритуальных «вечных» заменах разлагающегося или уничтоженного кремацией трупа. Другим вариантом взаимосвязи телесного облика человека и урны можно считать различия в размерах погребальных сосудов: больших — для взрослых и малых — для детских кремаций (киевский некрополь — Кирилович 1982. С. 44).

Во многих археологических культурах, где практиковалась кремация с помещением останков в урну, урны (и другие сосуды) часто находились в погребении в перевернутом состоянии. В славянском погребальном обряде, по данным этнографии, принято было переворачивать все предметы, связанные с покойником или похоронами, в том числе посуду: в Полесье и на Русском Севере ставили на могилу перевернутые сосуды, в которых несли за гробом горячие угли. *Переворачивание посуды* и других предметов имело в погребальном обряде предохранительный смысл: очевидно, что обычай переворачивать урну — «восстановленного из праха» мертвеца — преследовал те же предохранительные цели, обнаруживая все ту же двойственность в отношении к умершему.

Н.И. Толстой (1995. С. 213–222) увязывает с обычаем переворачивать посуду другой обычай, исполняемый при «обрядках перехода» у славян, в том числе во время свадьбы и на похоронах, — ритуал *битья посуды*. Очевидно, что этот ритуал «отмечал» изменение жизненного статуса центральной фигуры обряда, хотя мотивировки его различаются (при свадьбе количество

¹⁷⁰ Этимологические изыскания показывают, что слово «череп» в славянских (а также германских, балтийских и др. индоевропейских языках) восходит к обозначению глиняного сосуда: ср. «черепок» и т. п. См. о связи горшка с погребальными обрядами: СД, т. 1. С. 528.

черепков предвещает число детей и т. п.). Обычай бить посуду известен в славянском погребальном обряде (а до того — в культурах полей погребений), начиная с середины I тыс. н. э. На протяжении всего языческого периода он сопровождает ритуал кремации и сохраняется в древнерусских курганах начала II тыс. н. э. (Русанова 1976. С. 44). Сравнивая этот ритуал с противоположным по направленности ритуалом собирания костей в целый горшок — урну, можно предположить, что обычай битья посуды на похоронах вписывался в ту же амплитуду обрядовых колебаний между разрывом связей с умершим и сохранением этих связей.

Судя по всему, «восстановленный из праха» или просто сожженный на кострище под курганом мертвец все же оставался опасным: об этом свидетельствуют обряды дополнительной расправы с ним — *втыкание* в кострище или в урну железных орудий — ножей, серпов и т. п. Те же меры предосторожности предпринимались и при ингумации (Петрухин 1995. С. 201). Обряд втыкания различных предметов был в славянской традиции универсальным средством защиты от нечистой силы (СД, т. 1. С. 458–459), в том числе от ходячего покойника, в тело которого (или рядом с ним) забивали осиновый кол и т. п.

Не менее показательны и обряды, характерные для безурновых кремаций зарубинецкой культуры, когда кости после кремации укладывались в анатомическом порядке или когда могильная яма вырывалась в рост человека (в ареалах, где погребальная обрядность была биритуальной, кремация сосуществовала с ингумацией — Петрухин 1995. С. 201). В собственно славянских древностях обряд укладывания кальцинированных костей в анатомическом порядке известен вплоть до раннего (могильники Подесенья) и развитого средневековья (Польша). При этом кремация производилась на стороне (не на месте захоронения). В могильнике Невярово-сохи кости были вымыты после кремации, а в одном из курганов цветуньского могильника вытянутое с востока на запад скопление костей представляло собой на западном краю круговую выкладку, имитирующую череп; соответственно располагались и украшения (височные кольца, бусы в области шеи и т. п.).

Таким образом, на протяжении длительного периода господства кремации существовали обряды, связанные с ингумацией трупа, во всяком случае, с предварительным расположением трупа на погребальном костре. Так, и при сожжении на месте захоронения существенными оказываются ориентировка (фиксируемая археологически), расположение инвентаря и т. п. Кремации с малочисленным инвентарем и ингумации в ямах с тем же

набором вещей, ориентировкой (кострища древнерусских курганов часто вытянуты с востока на запад) и т. п. свидетельствуют о единстве погребального обряда вне зависимости от способа захоронения — биритуализме (ср.: Каргер 1958. С. 165; Килиевич 1982. С. 44–47; Жарнов 1992).

На биритуальность древнерусских обрядов, приписываемых и дружинным верхам X в., в частности, погребений всадников, указывает одинаковое расположение костей коня в ингумациях и кремациях Среднего Поднепровья (равно как и прочего инвентаря — Блифельд 1955). Более того, и в случае «классических» урновых кремаций устройство могилы очевидно свидетельствует о представлениях, связанных с загробной жизнью прямо под курганом.

Для погребений боршевской культуры VIII–X вв. (Боршево и другие курганные группы) характерен обычай помещения урновых кремаций в деревянные погребальные камеры (окруженные деревянной оградой), куда ставились также сосуды, содержавшие, по-видимому, пищу для погребенных. Здесь покойник или несколько покойников, первоначально удаленных с погребального костра в иной мир, на завершающей стадии обряда, перед насыпанием кургана, «восстанавливались» в новой оболочке (урна), а также снабжались жилищем (камера) и пищей. Деревянные конструкции в виде различного рода камер и оградок сочетаются с трупосожжениями как у восточных, так и у западных славян (Седов 1982. С. 117 и сл.; Цолль-Адамикова 1982). В славяноязычной литературе распространилось обозначение погребальных камер как «домовин» — так в позднейшей восточнославянской традиции от Белоруссии до Забайкалья называли гроб, реже — сруб над могилой (см. ЭССЯ, вып. 5. С. 70–71 — домовина, домовище (СД, т. 1. С. 553–558 — гроб).

При этом и сами домовины подвергались на похоронах действию огня. З.Д. Бессарабова (1973. С. 7) предположила при описании славянских деревянных сооружений, что следы огня связаны с тем, что не успевали остынуть остатки помещенных в домовины кремаций. Однако обожженными оказывались и деревянные камеры, содержащие ингумации — в том числе камерные гробницы Гнёздова и Тимерёва. Более того, при переходе от сожжения к трупоположению в начале XI в. в древней Руси, прежде чем поместить умершего «на горизонт» (поверхность почвы под курганом), на месте погребения разводили костер. Ритуальные костры характерны для земель радимичей, дреговичей (на севере ареала), кривичей и др. В некоторых случаях скелеты, помещенные на ритуальные кострища, были полуобожжены. Обожженной оказывалась, как правило, нижняя часть туловища — кости

§ 2. Язычество и представления о посмертной судьбе

ног, видимо, чтобы покойник «не ходил» — не выходил из могилы (ср.: Седов 1982. С. 154, 162).

Прослойки угля и золы обнаружены в насыпях древлянских курганов над труположениями (Русанова 1960. С. 63–69). По реконструкции обряда, проведенной И.П. Русановой, умершего помещали в небольшое углубление на материке, тут же разводили костер, затем окружали погребение канавкой с оградкой-чостоколом, с внешней стороны также разводили костер, затем насыпали курган.

Исследователи XIX в. отмечали обычай разводить костры на могиле (а также ставить горшки с углями и т. п.), сохранившиеся, в частности, у крестьян Могилевской и Смоленской губерний. Эти обычаи были приурочены к поминальным («родительским») дням. Иногда (в Белоруссии) после похорон сжигали стружки от гроба, солому, на которой лежал покойник (в Смоленской губернии при этом принято было разбивать горшок). Сходные обряды разведения костров были широко известны у восточных и южных славян, приурочивались, как правило, к календарным праздникам (Новый год, Пасха) и носили название «*греть покойников*» — обычай, известный на Руси и в средние века (СД, т. 1. С. 543–544). Исполнители обряда объясняли его смысл тем, что покойники (их души) приходят греться к костру, разведенному возле дома (у ворот) или на кладбище.

Отношение к покойникам, в том числе к благодетельным предкам, всегда было амбивалентным, и обычай греть покойников имел не только умиловательный смысл, позволял установить контакт с предками (ср. русский средневековый обычай в Великий Четверг жечь солому и «кликать мертвых»), но и предохранял от того, чтобы нечистая сила не проникла в мир живых (для этого сжигали мусор у ворот дома на Украине). В некоторых случаях костры жгли специально для того, чтобы нечистые покойники — умершие неестественной смертью — не выходили из могил на землю (чтобы им было тепло в земле). Здесь ритуальный костер по своей функции явно тождествен костру погребальному.

Обычай «греть покойников» часто возводится к дохристианскому обряду трупосожжения, что очевидно находит подтверждение в описанных выше средневековых ритуалах, относящихся к эпохе перехода от кремации к ингумации. Существенно, однако, что ритуальный костер разводили на месте погребения и в эпоху господства кремации, когда сожжение производилось на стороне: такие кострища известны под курганами культуры «Прага — Корчак» (Русанова 1976. С. 43), в более поздних дреговичских курганах на Волыни (Седов 1982. С. 97, 116) и др. Впрочем, как мы видели,

господство кремации не «отменяет» представлений, связанных с ингумацией трупа, и наоборот.

Едва ли можно считать, что обозначение гроба как дома в славянских языках было простым эвфемизмом (как считал М. Фасмер) — результатом табуации. Вероятная общеславянская традиция сооружения погребальных камер свидетельствует о древности представлений о доме-могиле у славян. Впрочем, и само слово «гроб», «могила» (*grobъ) относится к праславянской лексике (ср.: ЭССЯ, вып. 7. С. 132–133; СД, т. 1. С. 553–558) и, стало быть, было распространено у славян в тот период, когда господствовал обычай трупосожжения. Вопрос о том, каким образом в славянской языческой традиции сочетались универсальные представления о кремации как удалении умершего на тот свет и доме-могиле, расположенной вблизи живых, на «этом» свете, можно ставить лишь на основе конкретных текстов, описывающих языческий погребальный обряд. Собственно славянские и иноязычные тексты такого рода весьма немногочисленны, поэтому особое значение имеют германские и балтийские параллели, относящиеся к традициям не только типологически близким, но и родственным.

Древнейшим текстом, детально описывающим обряд трупосожжения, является фрагмент «Записки» арабского дипломата X в. Ахмеда Ибн Фадлана, видевшего кремацию знатного руса в ладье на Волге в 921 / 922 г. Сам обряд сожжения в ладье, как и название русь в IX — начале X в., характерен для скандинавов — варягов (о чем писал еще Нидерле)¹⁷¹. Однако скандинавы не представляли собой изолированной группы в Восточной Европе — как правило, они хоронили своих умерших на общерусских кладбищах (таковы и «большие» курганы с трупосожжениями в ладье в Гнёздове), в их похоронах, очевидно, участвовали и славяне.

Кроме того, сам ритуал погребения в ладье, будучи характерным для скандинавов, был лишь частью ритуально-мифологического комплекса, связанного с представлениями о путешествии в лодке на тот свет и присутщего как скандинавам, так и славянам, а также балтам. Ср. совпадение славянских, балтийских и германских терминов, обозначающих покойника и смерть и восходящих к названию судна, лодки: слав. *навь*, «мертвец»; лтш. *pave*, «смерть»; гот. *paus* и др. (Иванов 1987. С. 9). Это позволяет рассматривать сообщение Ибн Фадлана в широком сравнительно-историческом контексте.

Особое значение данные «Записки» имеют потому, что наряду с «объективным» этнографическим описанием обряда *извне*, глазами стороннего

¹⁷¹ См. подробнее: Петрухин 2011. С. 73–89.

§ 2. Язычество и представления о посмертной судьбе

наблюдателя, арабский автор приводит и интерпретацию обряда *изнутри*, словами одного из русов. На начальной стадии ритуала, пока не будет все приготовлено для похорон, умерший находится во временной могиле. На завершающей стадии тело переносится в ладью на костер и, после жертвоприношения животных (собака, кони, петух и курица), эротических действий с девушкой, согласившейся последовать за умершим, сжигается. Организацией похорон руководит старуха, которую русы именуют «ангел смерти». Ибн Фадлан передает слова, сказанные одним из русов во время кремации: «Вы, арабы, глупы, вы берете самого любимого вами из людей и самого уважаемого вами и оставляете его во прахе, и едят его насекомые и черви, а мы сжигаем его во мгновение ока, так что он немедленно и тотчас входит в рай» (Ковалевский 1956. С. 146). Ветер, раздувающий огонь погребального костра, считается у русов знаком божьей милости: он способствует быстрому перемещению умершего на тот свет¹⁷². После сожжения над кострищем насыпается курган.

В целом обряд и слова руса о назначении кремации соответствуют так называемому завету Одина, переданному исландским автором XIII в. Снорри Стурлуusonом в «Саге об Инглингах». Один, верховный бог скандинавов, изображенный Снорри как первый правитель — культурный герой свеев, «постановил, что всех умерших надо сжигать на костре вместе с их имуществом. Он сказал, что каждый должен прийти в Вальхаллу (загробный чертог Одина — воинский рай скандинавской мифологии. — В. П.) с тем добром, которое было с ним на костре, а пепел надо бросать в море или зарывать в землю, а в память о знатных людях надо насыпать курган» (Снорри Стурлуuson. Круг земной: Сага об Инглингах, VIII). Так, в эвгемерическом описании Снорри, был сожжен и сам Один. «Люди верили тогда, — продолжал Снорри, — что чем выше дым от погребального костра подымается в воздух, тем выше в небе будет тот, кто сжигается» (там же, гл. IX).

Более определенно о вере в путешествие по морю в иной мир свидетельствуют данные Младшей Эдды, составленной тем же Снорри, и легендарных саг о древних временах: они сообщают о погребальном костре, сложенном прямо на корабле, который спускался на воду (похороны бога Бальдра и т. п.). Такова, видимо, дошедшая до средневековых книжников мифопоэти-

---

¹⁷² В украинской быличке после сожжения упыря поднимается «нечистый ветер» (Яворский 1915. С. 363). В знаменитом описании похорон Патрокла (Илиада. XXIII), имеющем множество параллелей в германской, балтийской, славянских и других индоевропейских традициях (см. Топоров 1990), Ахилл обращается с мольбой к ветрам Борею и Зефиру, чтобы они воспламенили костер.

ческая традиция — обряд, зафиксированный археологически и описанный Ибн Фадланом, совершался на суше. Кроме того, необходимо отметить, что для скандинавского погребального обряда на протяжении практически всего железного века в той или иной мере был свойствен биритуализм — сочетание кремации и ингумации. В передаче Снорри биритуализм возник после смерти одного из преемников Одина, Фрейра, которого свеи также почитали как бога. Смерть Фрейра три года скрывали от свеев, поместив его в курган, устроенный как жилище, с дверью и окнами. «Когда все свеи узнали, что Фрейр умер, а благоденствие и мир сохраняются, они решили, что так будет все время, пока Фрейр в Швеции, и не захотели сжигать его» (там же, гл. X). Итак, по мифопоэтическим представлениям о начале обрядовой традиции, перемещение в иной мир связывается с кремацией, залогом же присутствия вблизи живых благодетельного предка (правителя) является его ингумация в доме-могиле под курганом.

Сама обрядовая практика и связанные с ней верования, видимо, отличались большим разнообразием и могли включать в диапазон обрядовых действий, казалось бы, несовместимые устремления. Это относится к погребальным камерам — жилищам, где похороненный снабжался тем не менее транспортными средствами для путешествия в иной мир (взнузданные кони, повозки, иногда даже ладьи), а в равной мере и к ингумациям в ладьях, экипированных для плавания в иной мир, но снабженных и всем необходимым для повседневной жизни. Этим обрядовым комплексам соответствуют представления об умерших, одновременно пребывающих в ином мире и в кургане. Как уже говорилось, такого рода противоречивые представления характерны для верований и обрядовой практики повсюду, в том числе и у славян, на что указывал еще первый исследователь русской похоронной причеты Е.В. Барсов: «Представления о формах загробного существования дwoятся: с одной стороны, представляется, что душа продолжает жить в устроенном для нее домовище, а с другой, как будто она совсем оставляет этот свет и живет в надзвездном мире» (Барсов 1872 / 1997, т. I: 13).

В связи со славянским материалом и «Запиской» Ибн Фадлана наибольший интерес представляют скандинавские данные о соотношении ингумации и кремации в едином обрядовом комплексе. Речь пойдет не о встречающихся у скандинавов и у славян сочетаниях кремации и ингумации под одной курганный насыпью, или частичной кремации, а о последовательности обрядовых действий одного ритуала. Это касается, прежде всего, актуальных верований, связанных с конкретной ситуацией, а не с мифопоэтическим временем основания традиции. Таковы былички о «живых мертвецах» —

§ 2. Язычество и представления о посмертной судьбе

покойниках, имевших при жизни дурной нрав и после смерти встающих из могилы, нападающих на скот и людей в исландских родовых сагах.

Один из таких персонажей — Храпп в «Саге о людях из Лаксдаля» — перед смертью просил похоронить его у дверей дома, чтобы он «лучше мог следить за хозяйством». Когда он обнаружил свой злодейский нрав, его сначала выкопали из могилы возле дома и перенесли «в такое место, где реже всего проходил скот и люди. После этого Храпп почти перестал появляться». Как следует из дальнейшего описания, в новой могиле его завалили грудой камней. Лишь после возобновления бесчинств его снова выкопали из-под этой груды и сожгли, а пепел выбросили в море.

В той же последовательности описывается расправа с живым мертвецом и в «Саге о жителях Эйра». Герой этого сюжета Торольв умер, сидя на стуле — явный признак будущего вампира в сагах (и славянских быличках об упырях; ср.: Яворский 1915. С. 263). Поэтому его вынесли хоронить не через дверь, а через пролом в стене, чтобы мертвец не нашел входа в жилище и не смог вернуться. Такой обряд был известен многим народам Европы, в том числе и на Руси — ср. похороны князя Владимира, вынесенного через проем в разобранной клетке (ПВЛ. С. 58).

Здесь следует обратить внимание на то, что славянские погребальные камеры — «домовины» под курганами — часто имели одну стену разобранной, а в оградке делался проем, но с противоположной целью — чтобы можно было совершить новое захоронение праха (Цолль-Адамикова 1982. С. 84). Впрочем, упомянутая предосторожность при похоронах Торольва, равно как и то, что его могилу завалили камнями, не помогла — он часто возвращался в дом и убивал людей. Тогда его могилу отдалили к берегу моря и окружили изгородью, но и после этого Торольв продолжал нападать на живых. Пришлось прибегнуть к крайней мере и сжечь мертвеца. Но тут, в отличие от «Саги о людях из Лаксдаля», видимо, была совершена ошибка в ритуале, и пепел не был выброшен в море. В результате Торольв напоследок ухитрился напасть на сородичам: корова, нализавшаяся пепла, принесла огромного и буйного быка, который забодал хозяина и после этого исчез (см. о мертвецах в сагах — Петрухин 1995. С. 206–209; Картамышева 2006).

Итак, «завет Одина» в родовых сагах выполнялся не для того, чтобы почтить умершего, а для того, чтобы отправить его подальше на тот свет — такова, очевидно, парадигма обряда кремации. Здесь стадии обряда — ингумация возле жилья, отдаленное погребение под грудой камней и за изгородью, наконец, кремация — отмечали степень отдаления вредоносного покойника от живых.

В традиционной славянской обрядности, направленной против упырей, или в собственно русской, где вредоносные мертвецы, в отличие от благодетельных предков — «родителей», назывались «заложными», и в XIX в. также практиковалось вторичное умерщвление (вбивание осинового кола в труп и т. п.); иногда (при засухе и других стихийных бедствиях, приписываемых козням заложных) — удаление трупа, который выбрасывали в воду, в болото и т. п. Вместе с тем в украинских быличках об упырях (Яворский 1915. С. 262–263, 267) и русских рассказах о мертвецах именно кремация сохраняет свое значение как единственный радикальный способ расправиться с упырем.

В одной из русских сказок умерший колдун, после смерти терроризировавший всю деревню, сам описывает способ, каким можно от него избавиться: «Вот если б кто набрал костер осиновых дров во сто возов да сжег меня на этом, так, может, и сладил бы со мною! Только жечь меня надо умючи; в то время полезут из моей утробы змеи, черви и разные гады, полетят галки, сороки и вороны, их надо ловить да в костер бросать: если хоть один червяк уйдет, тогда ничто не поможет! В том червяке я ускользну!». Когда колдуна вырыли из могилы и положили на костер, народ обступил его со всех сторон с метлами, лопатами, кочергами. Пепел колдуна был развеян по ветру (Афанасьев, № 354).

Полную аналогию этому русскому рассказу мы находим у того же исландца Снорри — в саге о норвежском конунге X в. Харальде Прекрасноволосом (гл. XXV: Снорри Стурлусон. Крут Земной: 55–56). Конунг был очарован финской колдуньей и женился на ней; когда же она умерла, цвет ее лица не изменился, и Харальд три года ждал у ее ложа, не оживет ли она. Мудрый дружинник советует конунгу сменить ее одеяния. «Но как только ее подняли с ложа, смрадом, зловонием и всякого рода тяжелым духом понесло от трупа. Тогда поспешили сложить погребальный костер, и ее сожгли. Все ее тело уже посинело, и повывскакивали из него змеи, ящерицы, лягушки, жабы и всякого рода гады. Так она превратилась в пепел, а конунг снова обрел ум».

Из приведенных текстов видно, что опасность, исходящая от мертвых колдунов, воплощается в разлагающемся трупе, который едят черви и другие «гады». Напомним, что о «негуманности» такого способа погребения, при котором труп едят черви, говорил Ибн Фадлану один из русов — современник конунга Харальда, противопоставляя кремацию ингумации.

Полную параллель такой характеристике представляет древнерусский текст, передающий балтийскую (литовскую) традицию о происхождении

§ 2. Язычество и представления о посмертной судьбе

обычая кремации: речь идет о вставке западнорусского переписчика к древнерусскому переводу «Хроники» Иоанна Малалы (261 — Виленский Хронограф: см. Истрин 1893. С. 317–361), характеризующей языческие обычаи литвы, ятвягов, пруссов и др. Текст детально изучен В.Н. Топоровым и имеет, по мнению этого исследователя, балто-славянские истоки (Топоров 1987. С. 24 и сл.; ср.: Белова, Петрухин 2008. С. 128–135). Согласно этому тексту, трупосожжение ввел культурный герой Совий, который, после ссоры с сыновьями, решил отправиться в иной мир («ад»), но не мог найти там успокоения, пока не был погребен должным образом. Вначале ему «сотворили ложе» и погребли в земле (ср. временную могилу, куда поместили руса на время подготовки к кремации), но наутро покойник жаловался на то, что он изъеден червями и гадами. Тогда его погребли в дереве, но там его донимали пчелы и комары. Наконец, он был сожжен на костре («краде великой»); и наутро он сказал, что спал «как детище в колыбели» (Истрин 1893. С. 359; Топоров 1987. С. 24).

Итак, последовательность погребальных действий и их мотивировка, вне зависимости от злокозненности умершего, совпадают в близких традициях: первоначальное погребение, когда умерший не находит успокоения (нападает на живых), труп едят черви; и последующая кремация с окончательным успокоением умершего в загробном мире. В мифоэпической скандинавской традиции эти фазы обряда разъединены в соответствии с различными мотивировками: стремление помочь умершему достичь иного мира — сожжение (по завету Одина); стремление оставить благодетельного вождя среди живых — ингумация в кургане (похороны Фрейра).

В русской фольклорной (сказочной) традиции подобное «разъединение» обряда можно усмотреть в связи с одним и тем же, притом весьма архаичным, персонажем в русских сказках — Бабой-Ягой. В той или иной степени этот персонаж известен всем славянским народам; уже по своему имени (этимологизируется как «лесная баба») Яга безусловно относится к иному миру, точнее — к границе между своим и иным мирами, «домом» и «лесом» — ее избушка стоит на дороге в тридевятое царство, на опушке леса. Следует еще раз, вслед за В.Я. Проппом, отметить, что этот персонаж можно считать единым лишь в реконструкции, так как русские сказки о Бабе-Яге отчетливо разделяются на разные типы — о благодетельной Яга-дарительнице, помощнице героя, и вредоносной Яге, противнице героя, «воительнице», похитительнице детей. При этом Яга-дарительница в своей избушке, по определению Проппа, «напоминает собой труп в тесном гробу

или специальной клетушке, где хоронят или оставляют умирать» (Пропп 1986. С. 70; СД, т. 5, С. 614).

Характерной чертой описания, на которую мало обращают внимание, является «глиняная морда» Яги, отражающая хтоническую или ингумационную природу ее образа, но вместе с тем напоминающая о «керамических» эквивалентах человека и его черепа. Напротив, Яга-воительница и похительница детей проявляет активность не только в избушке, но и в мире живых, проникает в дом, похищает ребенка, пытается изжарить его в своей печи, но, обманутая ложной неопытностью своей жертвы, сама показывает способ, каким садятся на лопату, чтобы отправиться в печь, и сама оказывается на месте жертвы. Актуальной остается проблема, сформулированная Проппом (1986. С. 98): «проследить соответствие форм сожжения в мифах формам в обряде и установить, почему, как и где явление превращается в свою противоположность, выражающуюся в том, что перемещается объект сожжения: сжигаемые дети заменяются сжиганием сжигателей».

В.Н. Топоров справедливо считал, что «прообразом мотива «изжаривания» героя в сказке и соответствующих действий в ритуале инициации (испытания похищенных детей. — В. П.) следует признать обряд трупосожжения» (Топоров 1987. С. 22). Приводимые им древнеиндийские, хаттские и литовские (Совий) параллели обнаруживают в действиях Яги роль первоурмершей, знающей ритуалы жрицы, наподобие хеттской «старой женщины», собирающей пережженные кости специальным инструментом — лопаткой (или пинцетом: ср., помимо приведенных В.Н. Топоровым примеров, использование лопат при сожжении колдуна в русском рассказе).

Очевидно, что не меньшее отношение к собственно русской традиции имеет и описанная Ибн Фадланом старуха-богатырка, «которую называли ангел смерти»: она руководит устройством погребения на корабле, она же убивает девушек, согласившихся последовать за своим господином, прямо на погребальном сооружении. Надо отметить, что старуха у русов руководит приготовлениями к сожжению, то есть устраивает все для будущего путешествия в иной мир. В принципе ту же функцию выполняет и Яга-дарительница, дающая герою волшебный предмет, указывающий путь в иной мир, и волшебных помощников, известных и по погребальному обряду — коня или птицу (орла). Яга-воительница — противница героя — сама указывает путь в иной (подземный) мир, пытаясь скрыться от расправы. Этот мотив — бегство Яги в иной мир — практически идентичен приведенным мотивам расправы с живыми мертвецами: в одной из сказок героини-победители зацемяют Ягу за волосы в пень, когда же она вырывается и убегает в

§ 2. Язычество и представления о посмертной судьбе

подземное царство, преследуют ее и сжигают на груде осиновых дров (Новиков 1976. С. 142, 159, 169) — ср. сожжение колдуна на осиновых дровах и сожжение Совия в «аду» — подземном царстве.

Параллель сожжения Яги и Совия в подземном мире — не единственная в последовательности действий, связанных с этими персонажами. После попытки погребения в земле Совия хоронят в дереве — Бабу-Ягу в одном из вариантов придавливают под вывороченными корнями осины. Напомним, что осина, осиновый кол — дерево, используемое против вредоносных мертвецов и в обрядах: упыря в русском рассказе следует похоронить в яме из-под вырытой березы. Везти его к могиле должны не кони, а собака и петух, животные — проводники на тот свет, хорошо известные по языческому погребальному обряду. Сказочный мотив защемления в щели пня также можно воспринимать как временное обезвреживание Яги — «лиминальную» (переходную) стадию обряда погребения (Петрухин 1995. С. 213 и сл.).

Показательно, что в сказочных сюжетах о Яге-похитительнице Ягу может заменять колдун или змей (см. Указатель: А 327-К 327-Е 327; ср.: с. 120–121). Саму Ягу героини-победители превращают в змею, затем в лягушку, наконец, в камень (Новиков 1976. С. 172). В этом отношении параллель образам Яги и вредоносных мертвецов, воплощаемым змеей, лягушкой и прочими «гадами», представляет календарный образ «ведьмы», которую сжигают на купальском костре в ночь на Ивана Купалу (СД, т. 2. С. 366–367). По народным верованиям, ведьмы превращались на Купалу в лягушку (сороку и других животных), поэтому в огонь бросают всякую тварь, появившуюся у купальского костра, чаще всего лягушку или жабу. Синонимом «ведьмы» в купальском фольклоре может быть «змея», «змей-летучий», «гад ползучий» и т. п. Другой распространенный мотив купальского фольклора — дерево, на которое забралась ведьма (русалка или другой вредоносный персонаж). Иногда деревце (троицкая березка) сжигалось в качестве купальского «чучела» — замешало «ведьму».

Вообще, мотив дерева объединяет большую часть приведенных фольклорных и обрядовых текстов: похороны руса завершаются возведением столба над курганом. Б.А. Рыбаков сопоставлял избушку на курьих ножках с описанием погребальных обычаев вятичей в ПВЛ: после сожжения на «краде великой» кости собирались в урну, которая ставилась «на столпе на путях». Сказочная изба на столпах — на ножках на пути в иной мир действительно сопоставима с загадочными столпами под урной, но вероятно, что под столпом имелась в виду и домовина — погребальная камера типа боршевских (Рыбаков 1987. С. 41–43). Конструкция избушки Яги, впрочем,

может быть согласована с обоими вариантами реконструкции столпов и вообще показательна с точки зрения предполагаемых стадий погребального обряда.

С этой точки зрения, Баба-Яга — персонаж праславянского мифа и ритуала, проводница в иной мир, образ которой (амбивалентный, как и образ всякого персонажа, связанного со смертью, иным миром) в фольклоре расщепился с упадком языческой обрядности и вырождением обряда трупосожжения. В соответствии со стадиями обряда Яга, предстающая в образе мертвеца в домовине-избушке, оказывается «своим» благотельным покойником (иногда — родственницей героя с материнской стороны — Пропп 1986. С. 107–108), тяготеющим к миру живых, и ассоциирована поэтому с лиминальной стадией обряда, трупоположением. Яга-воительница и похитительница детей, вторгающаяся в мир живых, сжигается — окончательно удаляется в иной мир и ассоциируется в сказке с пережитками кремации.

В структуре реконструируемого ритуала, где могила (курган, домовина) тяготеет к миру живых, стремящихся сохранить связь с благотельными предками, находится на границе между своим и иным миром (как и сказочная изба Яги), а кремация означает перемещение в иной мир, — особое значение, как уже отмечалось, имеет дерево (или его эквивалент в ритуале — столб над курганом руса, урны на столпах) как временное пристанище умершего между фазами трупоположения и кремации. Очевидно, что такое положение дерева как в текстах, описывающих обряд, так и в самом обряде, соответствует представлению о мировом древе, в универсально распространенных космологических моделях соединяющем все зоны космоса, свой и иной миры. Ср. набор животных, связанный с погребальными жертвами и представлениями о преисподней: птица, конь, собака, змея (и другие «гады») составляют «зооморфный код» мирового дерева (в скандинавской традиции — Иггдрасиль, буквально «конь Игга / Одина» — с петухом на вершине и змеями у корней).

Таким образом, умерший не случайно (не в силу некоего эксперимента) проходит все стадии погребального обряда (ср. Совий) — сам обряд представляет собой космологическое описание, согласно которому умерший проходит все зоны космоса, связываемые деревом, на пути из мира живых в загробный: этот путь демонстрируют Совий и Яга. Такого рода словесное космологическое описание, часто приуроченное к отправлению погребального культа, сохранилось и в русской причети, правда, на уровне метафор; наличествует оно также в христианской традиции сорокадневного мытар-

§ 2. Большие курганы Руси и Северной Европы

ства души после смерти или (в связи с загробным миром) в апокрифах типа «Хождения Богородицы по мукам». Главная цель дохристианских космологических описаний такого рода — нейтрализовать действие смерти, нарушающее миропорядок на этом свете, в конечном итоге достичь «нормального» распределения живых и мертвых (предков) между своим и иным мирами и восстановить, таким образом, космический и социальный порядок.

Типологически (и генетически) сходные погребальные обычаи германцев, балтов и славян, сходное отношение к умершему и смерти способствовали процессам этнокультурного синтеза уже в языческую эпоху — становлению древнерусской курганной культуры X в.

§ 2. Большие курганы Руси и Северной Европы

Курганы, как погребальные монументы, призваны были увековечить память об умершем, стало быть, его социальный статус. Но и здесь в догосударственную пору славянского язычества архаичные родоплеменные традиции оставались самодовлеющими: в археологических культурах, восходящих к пражской, в южнорусских землях были распространены полусферические курганные насыпи небольшой высоты (до 1–1,5 м), не демонстрирующие признаков социальной — по величине насыпи (и имущественной — по погребальному инвентарю) — дифференциации.

Более определенными были племенные различия. Длинные курганы псковских и полоцко-смоленских кривичей отличались по обряду от полусферических курганов юга Руси. Впрочем, в основе длинной насыпи также был полусферический («круглый») курган, что, может быть, свидетельствует о единых истоках этой обрядности. Насыпь удлинялась по мере подзащитывания новых кремированных останков, достигала в псковском ареале 100 м и могла содержать десятки захоронений (на Смоленщине длина насыпи колебалась в пределах 10–30 м; см. Седов 1995. С. 211 и сл.). В отличие от длинных курганов новгородские сопки наращивались в высоту (от 2 до 5, иногда до 10 м) в 2, 3 и более приемов, и каждый ярус мог содержать по несколько захоронений. В основании крупных сопок устраивался круг из камней, другой формы каменные выкладки и жглись костры.

При всей монументальности описанных погребений, особенно сопок, располагавшихся вдобавок цепочками на возвышенных местах (см. рис. 35, цв. вкл.), погребальный обряд оставался «бедным», большая часть кремаций вообще была безынвентарной. Правда, и в сопках были обнаружены

кости коней (в отдельных случаях — целый скелет лошади или череп), а также других животных; но это — показатель архаичной балто-славянской традиции (ср. свод материалов — Седов 1970). Каменные конструкции в основании сопок также находят аналогии в балтийском ареале — в курганных древностях северной Литвы и Латвии I тыс. до н. э. — I тыс. н. э., что может свидетельствовать об участии балтов в формировании племенной традиции словен новгородских (ср.: Петренко 1994. С. 114). Это процессы — естественные для эпохи расселения славян в VI–X вв.

В длинных курганах и сопках интерпретаторы обряда обычно видят «семейно-родовые» усыпальницы: в одной насыпи хоронили членов одного рода, возможно, представителей родоплеменной знати. Как бы то ни было, «племенной» погребальный обряд культуры сопок и длинных курганов разительно отличается от того обряда, который формируется в X в. На погостах типа Гнёздова, Тимерёва в Верхнем Поволжье и в «Русской земле» в Среднем Поднепровье, в округе Киева и Чернигова. Здесь очевидны уже и социальные, и имущественные различия в ранге погребенных, и различия в типах обрядов. При том, что господствующей формой памятника остается обычный полусферический курган, а формой обряда — трупосожжение, высота насыпи, размеры и устройство погребального костра сильно варьируют. На этих памятниках обнаруживают все больше ингумаций в просторных камерах, где (в соответствии с описаниями восточных авторов) русский дружинник погребен с конем, а иногда и с женщиной. Открыты также камеры и простые могильные ямы, где умерший погребен головой на запад, а среди «языческих» украшений X в. встречается нательный крест.

При всем кажущемся разнообразии обрядов и даже при формирующихся конфессиональных различиях, отмечающих появление первых христианских погребений, очевидно, что материалы этих некрополей отражают единые тенденции развития древнерусской культуры от Поднепровья до Верхнего Поволжья и Приладожья — тенденции, связанные с деятельностью дружины и ее служебной организации — населения, обслуживающего потребности дружины в городах и на погостах (Петрухин 1995. С. 154 и сл.). Эти тенденции пронизывали не только «дружинную» культуру Руси — те же типы ритуала синхронно развиваются в начальном пункте пути из варяг в греки, в Бирке — шведском городе IX–X вв. «Ансамбль» этих некрополей (термин Г.С. Лебедева) венчали так называемые большие курганы — насыпи, выделяющиеся своими размерами и пышностью обряда. Эти монументальные погребальные памятники (высотой от 2 до 10 м) по обряду близки большим курганам Скандинавии.

§ 2. Большие курганы Руси и Северной Европы

В 1970 г. проф. Д.А. Авдусин предложил автору этой книги в качестве темы курсовой работы исследование специфического ритуала русских больших курганов Гнёздова и Чернигова — остатков жертвоприношения в котлах. В котлах сохранились кости и шкура козлов (или баранов). Д.А. Авдусин указал на параллели жертвенных ритуалов, известные по описаниям Старшей и Младшей Эдды: громовежец Тор во время своих странствий ел мясо козлов, запряженных в его колесницу, кости животных бросал в их шкуры, освящал их молотом, после чего козлы воскресали. Тогда действительно удалось отыскать скандинавские аналогии этому ритуалу, хотя точных соответствий древнерусскому обряду в Скандинавии обнаружено не было (Петрухин 1975)¹⁷³.

С тех пор, благодаря новым исследованиям больших курганов в Скандинавии и — шире — в Северной Европе (включая Англию), а также возможности работать в музеях Скандинавии, удается расширить число параллелей древнерусскому ритуалу. Значительно расширились и возможности его интерпретации.

Сам термин «большие курганы» распространен как в отечественной, так и в североевропейской науке, хотя он лишен строгого терминологического смысла и имеет скорее конкретно-ситуационное значение. Это насыпи размерами (прежде всего высотой) отличающиеся от соседних курганов, входящих в «группу». Как правило, высота больших курганов в Северной и Восточной Европе превышает 2 м, диаметр — 20 м. Иногда большие курганы располагаются на возвышенности, гряде, как в Старой Уппсале (Швеция) (см. рис. 36, цв. вкл.) и других памятниках Скандинавии (Müller-Wille 1992. С. 2–3) или Гнёздове, Болдиных горах в Чернигове (Рыбаков 1949. С. 16) и др. Конструкция монументальных насыпей также, как правило, имеет свои особенности: в Скандинавии в основании кургана над погребением располагается каменная насыпь, «кern». На Руси насыпи также могли сооружаться в два этапа: кострище размещалось на мощной подсыпке, как в Гнёздове, или над погребением возводилась первичная насыпь, как в Черной могиле в Чернигове, затем накрывавшаяся глиняной «шапкой».

---

¹⁷³ С.А. Токарев, рецензировавший тогда нашу работу, отмечал, что котлы — характерная принадлежность североевропейского быта — не свойственны славянской традиционной культуре. Само слово «котел» в славянских языках имеет германское происхождение. Очевидно, скандинавское (норвежское?) происхождение имеет специфическая погребальная традиция, свойственная культуре приладожских курганов в X–XI вв.: там котел устанавливался на ритуальный очаг и моделировал центр загробного жилища.

По конструктивным характеристикам и русские, и скандинавские курганы отличаются от новгородских сопок: попытки сблизить волховские сопки со скандинавскими большими курганами, предпринимавшиеся со времен А.А. Спицына (даже если возводить их традицию к малоисследованным и не связанным с погребениями «курганам тинга» — ср. Еремеев 2007), не вполне убедительны. В скандинавских курганах нет «ярусных» погребений. Уникальной остается «сопковидная насыпь» под Ладогой, где в верхней части кургана покоился воин, погребенный на помосте из ладейных досок, а в основании кургана было совершено трупосожжение (Носов 1985). По составу и богатству инвентаря, равно как и по обряду, большие курганы отличаются и от сопок, и от монументальных насыпей в зоне «балто-славянского» контакта типа большого Беседского кургана под Москвой.

Ситуация с исследованиями больших курганов в Восточной и Северной Европе несхожа. Большинство русских больших курганов было раскопано, а иногда и попросту уничтожено в основном еще до революции. Наилучшим образом исследованы большие курганы Пнёдова (6 документированных насыпей), Чернигова (прежде всего, Черная могила, Гульбище, Безымянный курган, курган № 2 «кладбище в Березках»). Можно предположить, вслед за Б.А. Рыбаковым, что большая часть больших курганов была уничтожена, как курган княжны Черны в самом Чернигове. Также практически ничего не известно о больших курганах у Коростеня, в земле древлян, которых насчитывалось около десятка. В одном из них — высотой в 3 м с труположением — обнаружен скандинавский наконечник меча X в.; другой — высотой около 10 м — содержал трупосожжение; оба кургана именовались «могилами Игоря» (см. Петрухин 1998).

Есть основания полагать также, что собственно княжеские курганы были уничтожены на Руси в древности: в «Повести временных лет» под 1044 г. говорится об эксгумации Олега (могила которого была под Овручем) и Ярополка Святославичей и перезахоронении их в церкви Богородицы (Десятинной). В Киевском некрополе не сохранились известные по летописному преданию могилы Аскольда и Дира, равно как и могила Олега на Щекавице (в «ладожском» предании о смерти этого князя говорится о его могиле в Ладогe; локальная легенда отождествляет ее с одной из волховских сопок). Насыпь единственного раскопанного в Киеве кургана (на «II киевском некрополе» возле гор Юрковица и Щекавица), прозванного «могиликаном», высотой около 2 м была разрушена кладоискательской ямой и содержала большую камерную гробницу с труположением (№ 118 по М.К. Каргеру: Каргер 1958. С. 191–195; Зоценко 2010). Все датируемые древнерус-

ские большие курганы относятся к середине — второй половине X в.¹⁷⁴

В Скандинавии, прежде — всего в Норвегии и Швеции, сохранились многие десятки больших курганов, большая часть которых не раскопана. В Швеции насчитывается около 250 больших курганов, в Норвегии — около 300 (Müller-Wille 1992. С. 8–10). Из них, в частности, не раскопанным остается один из трех самых знаменитых больших королевских курганов Скандинавии — средний курган в Старой Уппсале (Duczko 1993). На о. Адельсё, в королевской усадьбе на острове возле Бирки, раскопан один из 5 больших курганов — Скопинулл (Rydh 1936. С. 104 ff.). В Норвегии раскопаны знаменитые большие курганы с труположениями в кораблях в Осеберге, Гокстаде (рис. 37), Туне в Вестфолле, но исследование некрополя королевской усадьбы в Борре, содержащих 10 больших курганов, продолжается (Myhre 1992).

В Дании были доследованы большие курганы с камерными гробницами в Йеллинге (Krogh 1993) и Маммене (Iversen 1991), но остаются практически не исследованными «королевские» курганы в Лейре (Christensen 1991) и т. д. Вместе с тем, после классической работы по большим курганам Суне Линдквиста (Lindqvist 1936), были предприняты новые исследования, дающие

Рис. 37. Длинный корабль из Гокстада.
(по: From Viking to Crusader.
Paris – Berlin, Copenhagen, 1993. p. 25)

¹⁷⁴ Несколько более поздними можно считать курганы, исследованные Е.Н. Мельник на Вольни (Мельник 1901. С. 479–576). Два больших кургана, один высотой 4 м у Белева, другой высотой 2,7 м у Пересопницы, содержали труположения в «склепах», которые отличались от камерных гробниц Приднепровья, так как были сооружены «на горизонте»; умершие покоились в гробах головой на запад, что, возможно, связано с влиянием христианства, распространившимся в конце X — начале XI в. (см. также в главе XI).

как суммарные сводки по Центральной и Северной Европе (ср.: Müller-Wille 1992; Van de Noort 1993; Петрухин 1998; Еремеев и др. 2010), так и сводки по отдельным североευропейским регионам: Швеции (Hyenstrand 1974; Ljungqvist 2006), Западной и Восточной Норвегии (Myhre 1992). Новые раскопки значительно уточнили и расширили картину формирования той монументальной погребальной традиции, которую представляют большие курганы.

Эта традиция формируется в период миграции (эпоха Великого переселения народов): самый ранний из раскопанных больших курганов Старой Уппсалы датируется 500-ми гг. Новейшими раскопками П. Рамквиста в Хегоме, на севере Швеции (Ramqvist 1992), исследован некрополь с четырьмя большими курганами (один не раскопан); из них курган с камерной гробницей — датируется тем же временем, но курган с котлом-урной относится к 400-м гг. К периоду миграции относится и курганный комплекс в Бергтнеме на севере Норвегии: три больших (нераскопанных) кургана расположены в ряд на гряде, повторяя топографию курганов Старой Уппсалы (Müller-Wille 1992. S. 2–4). Эти открытия важны, в частности, потому, что расширяют ареал формирования традиции: очевидно, что инновации касались не только центра, Средней Швеции или южной Норвегии, где, как предполагается, к периоду миграции относится начало функционирования некрополя Борре, но и периферии, северных окраин (ср.: Myhre 1992. С. 308–313). Кроме того, материалы Хегома обнаруживают то разнообразие погребальных ритуалов, которое остается свойственным большим курганам Скандинавии вплоть до эпохи викингов, до X в.

Оба эти обстоятельства существенны в связи с другими открытиями в одном из самых знаменитых некрополей Северо-Западной Европы — Саттон-Ху. В довоенные годы там было раскопано королевское погребение в ладье под курганом, датируемое первой половиной VII в. Скандинавские археологи, естественно, обращали особое внимание на то, что и сам обряд погребения в ладье, с набором оружия и пиршественной посудой, и некоторые вещи, украшенные в вендельском стиле, имеют аналогии в Средней Швеции, в некрополе самого Венделя и в Вальсгерде, возле Старой Уппсалы, равно как и в других синхронных памятниках. Английские исследователи отмечали, напротив, единичность параллелей в погребальном инвентаре, указывая на «местные» корни королевской династии Восточной Англии.

Последними раскопками М. Карвера в Саттон-Ху исследованы новые большие курганы и другие погребения, значительно расширяющие спектр связей Саттон-Ху с Северной Европой. Среди больших курганов королевского некрополя был доследован второй по величине курган (№ 2), содер-

§ 2. Большие курганы Руси и Северной Европы

жавший погребение в камере под ладьей (сохранилось около 500 заклепок — Carver 1992. С. 355 ff.). Подобный обряд был зафиксирован в «королевской» камерной гробнице в Хедебю (Шлезвиг) и, возможно, в урочище Плакун под Ладогой, где над камерой обнаружены заклепки от сожженной (?) ладьи (или ладейных досок — Назаренко 1985. С. 162, 168). Однако эти погребальные комплексы относятся не к VII в., а к эпохе викингов, к рубежу IX и X вв.

Начало этой погребальной традиции прослеживается на западе Северной Европы, в Восточной Англии. Кроме того, в Саттон-Ху обнаружен и уже упоминавшийся ритуал использования котла (бронзовой чаши) в качестве урны. Котел является обычной и необходимой принадлежностью погребения в ладье — котлы обнаружены в двух курганах Саттон-Ху с ладьями, в шведских погребальных ладьях и т. д. Но в курганах № 5 и № 6 Саттон-Ху бронзовые чаши содержали остатки сожжения, завернутые в одежду (вероятно, сходный ритуал был совершен и в кургане № 7 (Carver 1992. С. 357–359). В Саттон-Ху обнаружены и иные виды погребений под курганами, в том числе ингумация женщины с серебряными украшениями и всадника с набором пиршественной посуды — королевский некрополь «аккумулировал» все разнообразие погребальных традиций Северной Европы. Особо существенными представляются традиции, сохранившиеся на протяжении целых эпох — погребальные ладьи и использование котлов (металлических сосудов) в качестве урны.

Сами по себе металлические сосуды-урны были широко распространены в погребальной практике Скандинавии с позднеримского времени; естественно, дорогие сосуды были характерны для инвентаря богатых могил знати. В контексте королевских некрополей с погребальными ладьями обращают на себя внимание результаты исследования единственного раскопанного большого кургана в Борре (Muhre 1992. S. 303). Там, как и в других курганах Вестфолля, обнаружена погребальная ладья, и данные новых раскопок подтверждают предположение первого исследователя Н. Николайсена о том, что умерший был сожжен, а кости собраны в котел, помещенный в несожженный корабль. Кстати, так же интерпретирован и обряд главного кургана с ладьей в Саттон-Ху: там в погребальной камере не обнаружили труп, центральную ее часть занимала византийская чаша, куда, по предположению Х. Фирка, могли быть сложены несохранившиеся кальцинированные кости (ср., впрочем, обычай эксгумации — вторичного погребения, известный на Руси; см. в главе XI).

Пока трудно сказать, концентрировал ли королевский некрополь в Борре разнотипные обряды, как некрополь в Саттон-Ху. Что касается Швеции,

то большие курганы с кремациями оказываются топографически привязанными к некрополям с погребениями в ладьях. Рядом с курганами Старой Упсалы, содержащими кремации в урнах, расположен некрополь в Вальсърде; рядом с некрополем в Венделе существует большой курган Отгара, где кремированные останки собраны в ведро (Lindqvist 1936). Вообще, для больших курганов Скандинавии так или иначе характерна связь с погребальными ладьями или их символами. Рядом с некрополем, содержащим ингумации в ладьях в Туне (Баделунда), расположен большой курган Анунда (не раскопан): возле кургана — огромная ладьевидная выкладка из камней. То же сочетание большого кургана с ладьевидной выкладкой известно в Швеции в королевском поместье Форнсиггунга (так называемый курган Сигнихильда, в Бирке и т. д. (ср.: Müller-Wille 1992. S. 3–18; Петрухин 1998). Наконец, колоссальная каменная ладья, судя по новейшим реконструкциям, была вписана в ансамбль больших курганов в Йеллинге; каменные ладьи известны и в Лейре и т. д.

Связь больших курганов в королевских поместьях с «родовыми» некрополями вендельской аристократии, похороненной в ладьях, по-видимому, воплощает социальные связи формирующейся королевской власти и государства (ср.: Damell 1993). Ладья в Скандинавии — важнейший социальный и культовый символ: одной из важнейших функций раннесредневековых скандинавских государств была организация морского ополчения — ледунга, когда вся страна делилась на округа, поставляющие корабли. Недаром в главных центрах формирующейся государственности — в Средней Швеции и в Дании — рядом с большими королевскими курганами существуют монументальные каменные ладьи. Королевские курганы Норвегии, как и первый курган Саттон-Ху, сами содержали погребальные ладьи.

Ладейные заклепки обнаружены и в больших курганах Гнёздова (Авдусин 1974) и, как выяснилось при разборке инвентаря для выставки 1996 г., в Черной могиле.

Другим важнейшим социальным и культовым символом «королевской» погребальной обрядности, известным по материалам больших курганов, являются «регалии» — парадное вооружение и пиршественная посуда. Пиршественные наборы воплощали одну из важнейших функций королевской власти в ее отношении к подданным и, прежде всего, к дружине — устройство пиров, кормлений (норвежская вейцла). Погребальная камера корабля в Саттон-Ху вообще была устроена как пиршественная зала. Центром пиршественной залы в североευропейской традиции был котел, висящий над очагом. Картина такой пиршественной залы переносилась и в загробный

§ 2. Большие курганы Руси и Северной Европы

мир, воинский рай — Вальхаллу, где герои Одина сражались, а потом пировали вокруг чудесного котла, в котором варилось мясо вепря Сэхримнира, воскресавшего после каждого пиршества.

Котел, как уже говорилось, мог оказаться и в центре погребального ритуала в качестве урны (при кремации), в том числе в больших курганах. Это особенно существенно для собственно древнерусских больших курганов, так как котлы действительно оказывались в центре их ритуала. Таковы жертвенные котлы из двух больших курганов Гнёздова (рис. 38), а также из Черной могилы и Гульбища (Петрухин 1975). Мы уже видели, однако, что функции котла в погребальном культе были более широкими. Так, в Гнёздове, как и в Скандинавии, котел использовался в качестве урны в двух больших курганах; один котел был завернут в ткань, что напоминает о сходном раннем обряде в Саттон-Ху, другой — в мех (Авдусин 1974).

Умерший получал, таким образом, после кремации вечную телесную оболочку (котел или глиняную урну) и даже одежду — восстанавливался из праха. Рядом с этими котлами располагались кости жертвенных животных. Собственно этому ритуалу и известна ближайшая аналогия в синхронном (X в.) кургане из Меклебуста, Вестланн, Западная Норвегия: там после сожжения воина в ладье кальцинированные кости были собраны в котел (ирландской работы); котел был накрыт умбонами от щитов, а рядом с котлом лежала шкура козла, в которую были завернуты кости свиньи. Кроме того, над котлом была помещена груда оружия из двух мечей, двух копий, топора,

Рис. 38. Котел с головой жертвенного козла. Гнёздовский большой курган
(по: Рыбаков 1949. С. 41)

трех умбонов, трех наконечников стрел, железного стержня и др. (Lorange 1875. S. 153–196).

Подобного рода ритуал размещения вооружения в груде при трупосожжении — своего рода «трофей» — характерен именно для Западной Норвегии (Shetelig 1912). Такой ритуал практиковался и в больших курганах Руси. Б.А. Рыбаков предположил, что на кострище в Черной могиле было три покойника: взрослый воин, женщина (по правую руку от него) и юноша-воин (между ними), положенные головой на запад. На кострище по левую руку от старшего воина обнаружена груда оружия, в том числе два меча второй половины X в.; рукоять одного из них с изогнутым вниз перекрестьем покрыта гравированным по позолоченному серебру узором из растительных завитков с петлевидным обрамлением. В процессе реставрации скипевшейся массы железных вещей выявлены обломки еще не менее трех мечей. Здесь же найдены сабля, копье (всего на кострище обнаружено десять наконечников копий), обрывки кольчуги (всего в Черной могиле найдены три кольчуги с декоративными каймами из медных колец в плетении), остатки деревянного щита с бронзовой обшивкой, прикрепленной железными заклепками. У ног воина были положены два взнузданных коня: найдены кости коней, кольца от удила, две пары стремян округлой формы, два сфероконических шлема. К предметам вооружения относятся боевой топор, стрелы, вероятно, лежавшие в колчане (12 наконечников), от которого сохранились железные накладки, скандинавские однолезвийные боевые ножи-скрамасаксы (2).

В восточной части кострища в ногах покойников находились железный сосуд с пережженными костями барана, бронзовая жаровня с углем, бронзовый сосуд с бараньими астрагалами для игры в бабки. Западную часть кострища занимали железные оковки-обручи и дужки от деревянных ведер (около 12 ведер). К орудиям труда относятся скобель (в груде оружия), долота; у ног женщины лежало 10 серпов, здесь же были кости быка или коровы, зерна злаков. Находки замка и ключей, возможно, связаны с языческим ритуалом «замыкания» покойника на месте погребения. Из женских вещей сохранились височные кольца, обломки костяных гребней, глиняное пряслице, бронзовая и костяная проколки. На кострище найдены также два глиняных горшка, пять ножей, в том числе — с костяными рукоятками; оселки; поясные кольца и бронзовые наконечники пояса; игральные кости; полусферические костяные фигурки для игры; бронзовая бочковидная гирька. Золотая византийская монета из кострища (945–959 гг.) позволяет отнести сооружение кургана к 960-м гг. (рис. 39).

§ 2. Большие курганы Руси и Северной Европы

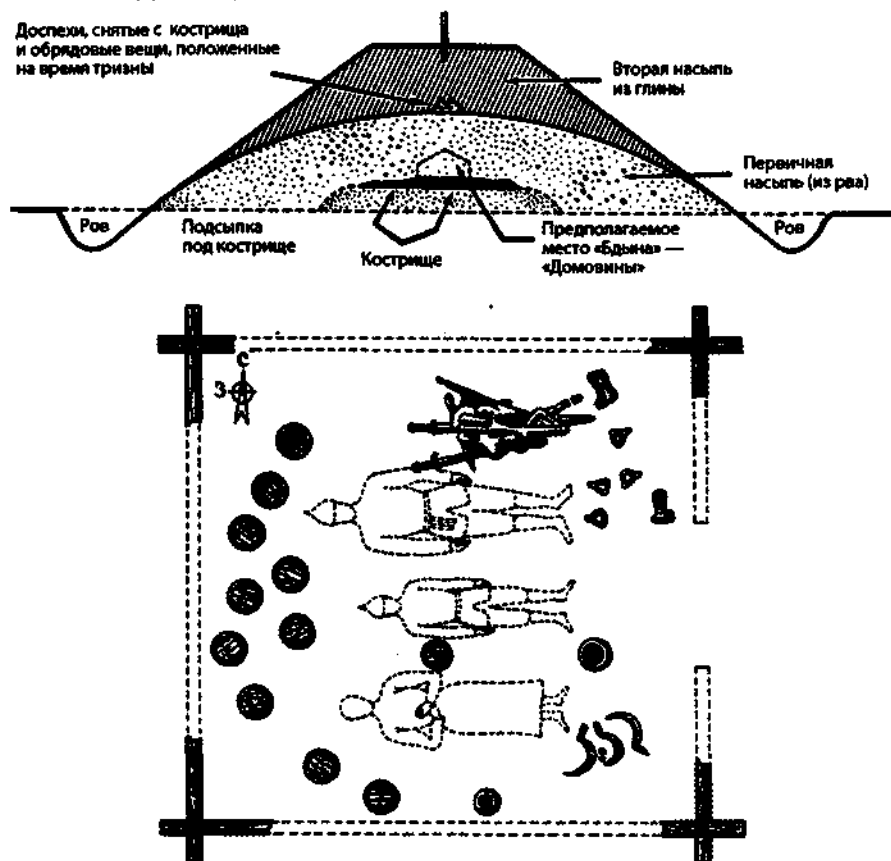

Рис. 39. План кострища Чёрной могилы (по: Рыбаков 1949. С. 26)

После совершения трупосожжения с кострища извлекли оба шлема, кольчуги с прикипевшими к ним костями, два скрамасакса. Затем возвели насыпь высотой около 7 м, на вершине которой сложили останки покойных вместе с доспехами, снятыми с кострища. К ним присоединили два рога-ритона, бронзовую статуэтку скандинавского сидячего божка (рис. 40), железный котел, наполненный пережженными бараными (или козьими) и птичьими костями, поверх которых лежал череп барана — остатки поминального пира. Серебряные оковки рогов (вокруг устья) украшены в технике чеканки, гравировки, позолоты и черни. На оковке одного из них — растительный орнамент «венгерского стиля», на другом — тератологические мотивы и изображение двух лучников (о сюжете — см. в главе X). Вслед за совершением тризны курганную насыпь досыпали до высоты 11 м.

Рис. 40. Сидячий божок из Черной могилы.
ГИМ (по: Сокровища ойкумены.
Великое переселение. М., 2005. С. 91)

Здесь, как и в Меклебусте, жертвенный комплекс представлял собой как бы модель Вальхаллы: в норвежском кургане котел-урна был накрыт умбонами, наподобие кровли Вальхаллы, крытой щитами, по описанию Эдды. Вообще, проблема «трофеев» — происхождения упомянутого обычая укладывать особым образом вооружение на кострище — особая проблема: сложенные в груды конская узда и предметы вооружения известны и в «каганских» комплексах (типа Перещепины) хазарского времени (см. о них в главе III). Большая часть ритуалов и погребального инвентаря русских дружинных курганов имеет ближайшие аналоги в Средней Швеции (хотя в последние годы примечательными становятся норвежские и датские параллели).

В Средней Швеции, в непосредственной близости от Бирки, расположен и большой курган, обнаруживающий особое сходство с большими курганами Гнёздова. Это Скопинтулл — единственный из больших курганов, раскопанный на о. Адельсё, в королевской усадьбе возле Бирки. Курган содержал трупосожжение, произведенное, видимо, в небольшой ладье, как

§ 2. Большие курганы Руси и Северной Европы

и в гнёздовских курганах: кости были собраны в котел-урну, который выполнял также и функции жертвенного котла, но в него были помещены не кости и шкура жертвенного животного, а человеческие волосы. Этот ритуал еще не свидетельствует о человеческом жертвоприношении — возможно, это просто траурный обычай; подобный обычай известен и в более раннем Западном кургане в Старой Уппсале (Lindqvist 1936. S. 342–344; Rydh 1936. S. 113).

Существенно, что инвентарь кургана включал степной поясной набор. Однако для нас важнее то обстоятельство, что аналогичный ритуал был обнаружен в самом богатом кургане могильника Кварнбакен, на Аландских островах: курган содержал парное сожжение в ладье, котел-урну с человеческими волосами и фрагментами черепа и плечевой кости, что позволяет предполагать в данном случае человеческое жертвоприношение (Kivikoski 1963. S. 37–40, 130–131). Оба региона — Средняя Швеция и особенно район озера Меларен, равно как и Аландские острова, — были непосредственно связаны с Восточной Европой, Русью, в частности с Верхним Поднепровьем и Поволжьем.

Изолированными выглядят¹⁷⁵ на первый взгляд два больших кургана у летописного Плеснеска на Волини (Подгорцы), раскопанные в XIX в. Можно предполагать, что они содержали ингумации с западной ориентировкой в камерах (Ливох 2010). По инвентарю и обряду они близки камерным гробницам Среднего Поднепровья, в том числе Киева и Шестовицы. Курганы в Плеснеске объединяет наличие христианских символов (см. в главе XI).

В двух погребальных камерах, из которых исследованы парные погребения, в отличие от близкого по обряду парного камерного погребения в Шестовице, где дружинник обнимает рукой погребенную с ним подругу, вооруженные мечами воины из Плеснеска целомудренно держат погребенных с ними женщин за руку и даже под руку (рис. 41). В инвентарь покойников входят кресты, здесь по христианскому обряду были похоронены супруги¹⁷⁶. Р. Ливох справедливо полагает, что у Плеснеска были похоронены представители власти киевского князя (Ливох 2010. С. 491), недаром в Плеснеске известно огромное (160 га) городище с укреплениями конца X в., синхронными курганам.

¹⁷⁵ Впрочем, число скандинавских находок на территории Волини и Галиции растет в процессе раскопок — см. краткий обзор: Androschuk 2009.

¹⁷⁶ Супружеские узы были зафиксированы В.Б. Ковалевской в аланской катакомбе могильника Мокрая Балка под Кисловодском: там ремешок с прикрепленными амулетами связывал руки погребенных (Ковалевская 1995. С. 136).

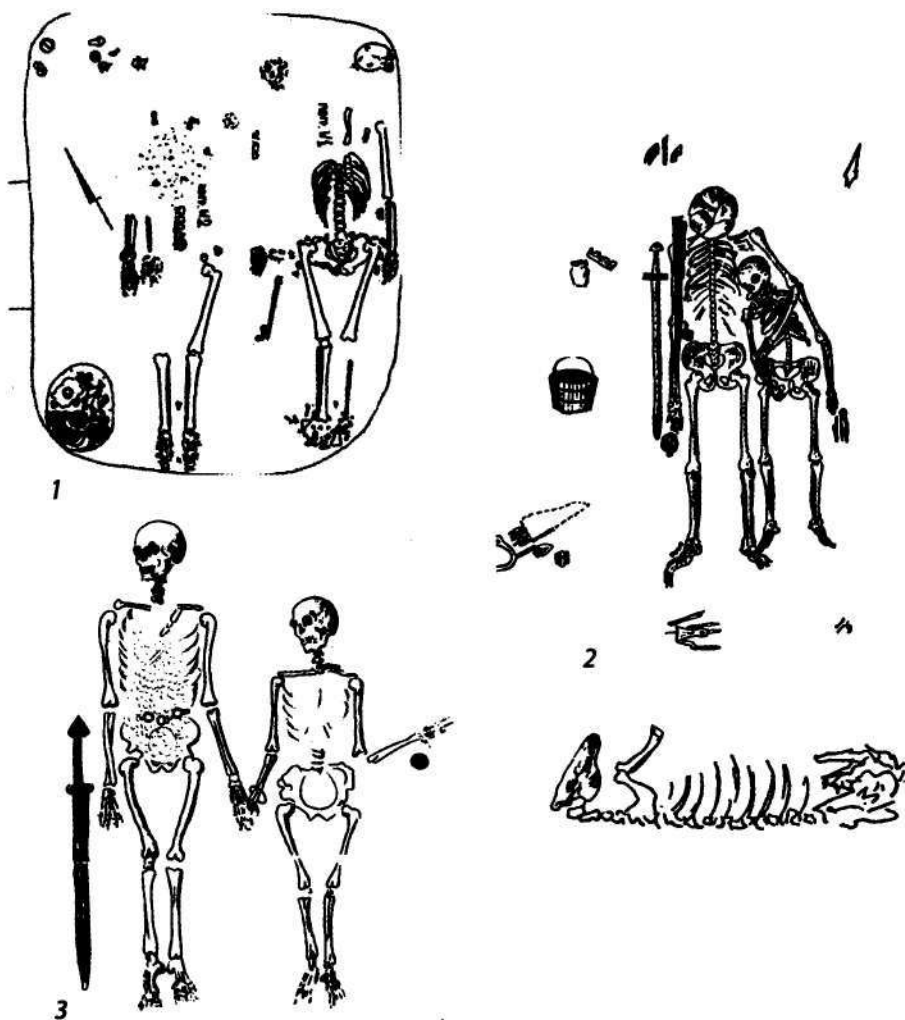

Рис. 41. Парные погребения — сравнительная таблица.

1 — салтовская катакомба (по: Аксенов, Лаптев 2009);

2 — камерная гробница в Шестовице (по: Блительд, 1977);

3 — камерное погребение с крестом из Плеснеска (по: Ливох 2010)

§ 2. Большие курганы Руси и Северной Европы

Появление христианских символов в контексте традиционного «языческого» обряда камерных гробниц характерно для дружинной элиты второй половины X в. (см. подробнее в главе XI). Предметы вооружения не противоречили христианскому ритуалу, как и большая курганная насыпь, принадлежности богатого (включая золотые украшения) костюма — они призваны были демонстрировать социальный статус, а не языческие представления о загробной жизни. Обычай поминальной трапезы — стравы (остатки пищи были обнаружены в ведрах, поставленных в камеры) — также сохранялся после христианизации.

Другое дело — «обол Харона», античный обычай, зафиксированный в больших курганах Плеснеска: мелкие золотые предметы были обнаружены во рту погребенных. Р. Ливох обнаруживает истоки этого обычая в Моравии, где в рот погребенного клали золотые бляшки, в одном случае — византийский солид (Ливох 2010. С. 490). Заметим, что сходный обычай известен в синхронных погребениях с конями у венгров (Барта 1972. С. 178). Впрочем, обол Харона в виде серебряных монет и подражаний sporadически встречается и в древнерусских погребениях (Равдина 1988). Вероятно, представление о плате загробному перевозчику через реку оказалось актуальным для славяно-русской традиции¹⁷⁷, ориентированной на реки как главные средства коммуникации.

В целом обнаруживается широкий спектр связей древнерусских больших курганов с большими курганами Северной Европы как в типологическом, так и в генетическом аспекте. Два важнейших погребальных символа, известных по ритуалу больших курганов — ладья и пиршественный сосуд (котел), характеризуют существеннейшие черты быта начальной Руси, как этот быт описан у Константина Багрянородного и в других синхронных источниках: сбор ладей для общерусского похода по днепровскому пути весной (ср.: скандинавский ледунг) и кормление зимой в землях славянданников. Собственно и само имя *русь* в IX — первой половине X в., как уже говорилось (глава V), означает княжескую дружину, идущую в поход на гребных судах.

Неудивительно поэтому, что большие курганы концентрируются в главном пункте днепровского пути, в Верхнем Поднепровье, в Гнёздове, контролировавшем переход из Верхней, «Внешней» Руси, Новгорода, на Юг, а также в северянской Черниговщине, на покоренном при Олеге Левобережье

¹⁷⁷ В духовных стихах эту функцию мог выполнять сам архангел Михаил (Голубинная книга: 254, 266).

Днепра, и в древлянском Правобережье, у Искоростеня и Овруча. Верхнеднепровские кривичи, северяне и древляне упомянуты как данники руси у Константина Багрянородного. Этой *русью* оставлены многочисленные дружинные курганы в самом Киеве и в перечисленных регионах.

Б.А. Рыбаков (1949) увязывал распространение дружинных курганов на Черниговщине с процессами феодализации — оседания дружинников на землях, где они могли получать «корм». К этим землям, в первую очередь, относится «Русская земля» — в Среднем Поднепровье (ср.: Петрухин 1995. С. 98–101), равно как и Ростово-Суздальское ополье, где присутствие дружинников фиксируется не только давно известными материалами некрополей Ярославского Поволжья, но и на поселениях, которые принято считать «сельскими» (ср. в главе VII, а также Макаров 2007).

Кому же принадлежали большие курганы, возвышающиеся над дружинными некрополями? Большие курганы и в русской, и в западноевропейской традициях принято было называть княжескими, или королевскими. Ныне эта атрибуция представляется скорее, метафорической, чем социологической. Оке Хюенстранд в 1974 г. предложил разделять по формальному признаку просто «большие курганы» — диаметром 20–29 м и «королевские курганы» — диаметром свыше 30 м (Huenstrand 1974. S. 103 ff.). Из 243 больших курганов, по его подсчетам, 47 превышали 30 м в диаметре. На Адельсё самый большой из курганов достигал 50 м в поперечнике, но Скопинтулл в той же королевской усадьбе едва превышал 20 м.

Можно предполагать, что в V–IX вв. усадьбы, отмеченные большими курганами, принадлежали «малым конунгам» (Ambrosiani 1985; Myhre 1992), делившим земли Швеции и Норвегии, но решающими для исторической интерпретации погребальных памятников остаются все же данные письменных источников. Так, определенно королевской чете — конунгу Горму и его жене Тюре — принадлежат большие курганы Йеллинга, как о том свидетельствуют рунические надписи. Но практически синхронный им большой курган в Маммене (дендродата — 970 / 971 г.) уже не может быть королевским: в Дании правил один конунг, сын Горма Харальд.

Вместе с тем ритуал этих курганов с камерными гробницами, использованием христианских символов и другими характерными чертами обнаруживает признаки особой близости, которые невозможно игнорировать. То же обстоятельство отмечал С. Линдквист (Lindqvist 1936) в отношении больших курганов с трупосожжениями в Средней Швеции; то же бросается в глаза и при сопоставлении ладей из Саттон-Ху с вендельскими ладьями и

§ 2. Большие курганы Руси и Северной Европы

другими памятниками (Хедебю¹⁷⁸, Ладога). Д.А. Авдусин (вслед за Б.А. Рыбаковым) обращал внимание и на уникальные черты ритуала — жертвенные котлы — которые объединяют большие курганы Гнёздова и Чернигова; предполагал, что в этих курганах похоронены родственники.

Скандинавская традиция сохранила предания о родственных связях погребенных в больших курганах. Старая Упсала была столицей династии Инглингов, конунгов Свеаланда, предком которой, через Ингви-Фрейра, считался сам Один. К этой династии Снорри Стурлусон (Сага об Инглингах, гл. XLVIII) возводил и династию норвежских конунгов, погребенных в больших курганах с кораблями и в Борре. Конечно, полулегендарные генеалогии, возводящие род правителей прямо к божественным первопредкам — это мифологический мотив, предыстория, а не история. Тем не менее и датская легенда о Скъольдунгах, погребенных в Лейре и возводящих свой род к Одину, и англо-саксонское предание, записанное Бедой (Bede), о королях — потомках Хенгиста и Хорсы, считавших своим предком то же божество, позволяют представить себе тот относительно единый этнокультурный контекст, в котором развивалась и традиция больших курганов, моделирующих Вальхаллу — загробный чертог Одина.

Показательно, что эти генеалогические легенды связаны с другим широко распространенным мифо-эпическим мотивом — переселенческими сказаниями, легендами о прибытии правителей из-за моря (Скъольдунг) и прямо с легендами об их призвании, как в англо-саксонской, так и в древнерусской традициях. Помимо сугубо «типологического» сходства, русскую и англосаксонскую легенды объединяет и единая «формульность» (ср.: «земля наша велика и обильна» — в легенде о призвании варяжских князей // *Terra latta et spatiosa* — в легенде о призвании Хенгиста и Хорсы и т. д.; см. Тиандер 1915).

Согласно легенде о призвании варяжских князей, три брата-правителя салятся в древнерусских городах. Русская раннесредневековая история во многом сводится к распределению городов и их волостей между братьями, принадлежащими единому княжескому роду, осуществляющими «родовой сюзеренитет» над Русской землей. И хотя, по летописи, вплоть до эпохи Святослава на Руси правил один князь, договоры руси с греками Олега 911 и Игоря 944 гг. упоминают нескольких князей («вся княжья») и их доверителей «от рода русского». Большие же курганы насыпались как раз в эпоху

¹⁷⁸ В отличие от Норвегии и Швеции в Дании погребения с ладьями уникальны: кроме Хедебю известно знаменитое трупоположение в ладье в Ладбю. Оба комплекса приписываются датским конунгам, правившим до Горма (Andersen 1985).

Игоря и Святослава. Правда, в Чернигове, на Левобережье при Святославе сидел не князь, а воевода Претич, которому даже приписывают Черную могилу (Лебедев 1985. С. 243). Но князь и воевода в древнейший период русской истории — ближайшие родственники: не случайно Олег при малолетнем Игоре, судя по договору с греками, имел титул князя; не случайно он назвал Аскольда и Дира узурпаторами, поскольку те сами не были князьями и не принадлежали княжескому роду.

Вероятно, поэтому в главных центрах Руси, в Верхнем и Среднем Поднепровье, сидели ближайшие родственники князя — как в Новгороде, а затем и Овруче сидели его сыновья. Очевидно, всему княжескому роду и принадлежали большие древнерусские курганы X в. Кроме того, имена Рюрик (Хрёрек), Олег (Хельги), Игорь (Ингвар) относятся к княжеским и в скандинавской, и в древнерусской традициях (Литвина, Успенский 2006). Это позволяет предполагать не просто «этнокультурные», но и ранние генеалогические связи княжеских родов, практиковавших погребение под большими курганами.

Характерно, что большие курганы сохранились лишь в Верхнем и Среднем Поднепровье — их нет в Поволховье, в том числе возле Новгорода — первой «столицы» Руси. Небольшой скандинавский некрополь IX–X вв. исследован возле Ладоги и приписывается иногда дружине самого Рюрика (Кирпичников 1985), но этот некрополь состоит из небольших насыпей. Доминирующими в историческом ландшафте Поволховья остаются сопки, и это знаменательно. Исследователи этих памятников давно предполагали, что почестей быть погребенным под сопкой удостоивались отнюдь не все члены племени словен, а лишь представители родоплеменной знати. Это была та знать, которая продиктовала «ряд» о призвании варяжских князей. В одной из волховских сопок под Ладогой, в погребении второй половины X в., найдена трапециевидная привеска с княжеским знаком (Петренко 1994. С. 82, 88) — тем же знаком, который отмечал упомянутые деревянные пломбы для опечатывания дани из раскопок в Новгороде (см. в главе VIII). В.Л. Янин предположил, что и эти привески были знаками вирников — сборщиков дани: словенская племенная знать принимала участие в сборе и перераспределении государственных доходов (Янин 2001).

Исследования сопок позволили по-новому поставить вопрос о соотношении памятников погребального культа и святилищ, в том числе знаменитого святилища в Перыни под Новгородом. Автор раскопок в Перыни В.В. Седов (1953) отметил сходство открытого им рва святилища с ровиками, окружавшими насыпи славянских курганов. Исследователь новгородских

§ 2. Большие курганы Руси и Северной Европы

сопок В.Я. Конецкий (1995) показал, что расположение перыньских «святилиц» на возвышенности соответствует традиционному размещению этих гигантских насыпей, также окруженных рвами. В центре этих курганов прослеживаются следы деревянных столбов, что соответствует положению «идола» в Перыни. Если в Перыни (и в других локусах славянского мира — ср.: Ловмянский 2003. С. 185; Кузьмин 1995) действительно обнаружены основания сnivelированных сопок, то они могли принадлежать представителям языческой новгородской знати, чьи погребальные памятники были уничтожены после крещения Руси.

Большие княжеские курганы были хранителями генеалогической — исторической памяти; отправляемые при погребении правителя культовые действия (ср.: Гиндин 1990; Петрухин 2008) заменяли «анонимный» родоплеменной культ предков.

Введение христианства на Руси существенно переориентировало общественное сознание: забота о спасении души индивида требовала внедрения в погребальный культ новых обрядов и символов, о чем пойдет речь в главе XI.

Глава X

Начало русского искусства. Хазарский миф и «Сага о Вёлсунгах» в Приднепровье

История русского искусства начинается со сложением Древнерусского государства, его городской и сельской культуры в X–XI вв. Предшествующий период связан, в первую очередь, с эпохой славянской земледельческой колонизации Восточной Европы в VI–X вв., охватившей земли от Дуная до Поволжья и Верхнего Поволжья и подготовившей основы для формирования государственности. Предыстория русского искусства характеризуется процессами этнокультурного взаимодействия славянской традиции с восточноевропейскими традициями балтских и финских народов лесной полосы Восточной Европы, традициями тюркоязычных (авары, болгары, хазары) и ираноязычных (аланы) жителей степной и лесостепной полосы — с одной стороны, и позднеантичными традициями Причерноморья и Подунавья — с другой.

§ 1. Праславянский период и проблема фигуративного искусства

Дославянский (балто-славянский) период, как и последующий праславянский, характеризуются редкостью сюжетных композиций. Традиции перечисленных народов Восточной Европы подвергались сильному воздействию кельтской (латенской) культуры в доримский период (последние века до н. э.) и провинциально-римской культуры в римский период — первые века н. э.

К уникальным предметам фигуративного искусства следует отнести бронзовую ажурную оковку ножен меча из могильника Гринев в верховьях Днестра (I в. н. э.) с чеканными фигурными изображениями (рис. 42): в пяти прямоугольных рамках помещаются сцены терзания зверем змеи, грифона, целующиеся мужская и женская фигурки — мотив священного брака (см. об этом мотиве далее), животное среди растительных символов, вооруженный всадник. Точных аналогий изделию нет, хотя очевидны параллели в кельтском, германском и провинциально-римском искусстве¹⁷⁹ (см. подробнее о дохристианском искусстве: Петрухин 2007).

Начавшееся с гуннским вторжением конца IV в. Великое переселение народов привело к затуханию традиций римского времени, в том числе и производства эмалей (связанных с традициями римского стеклоделия). Сформировавшийся в гуннскую эпоху в позднеантичных мастерских Боспора и продолжающий сарматские традиции варварский «стиль полихромных изделий» (украшений с многочисленными цветными вставками из драгоценных и полудрагоценных камней, стекла или со сплошной перегородчатой инкрустацией, филигранью) практически не оказал влияния на развитие декоративно-прикладного искусства лесостепи и лесной полосы (если не предполагать его влияние на распространение вещей с эмалями). В гуннскую эпоху господствовал геометрический орнамент, пережитки звериного стиля скифо-сарматской эпохи были редкими.

Период славянского (праславянского) единства характеризуется расселением славян в Цен-

Рис. 42. Оковка ножен меча из могильника Гринев (по: Петрухин 2007. С. 42)

¹⁷⁹ Д.Н. Козак (2008) соотносит культуру Верхнего Приднестровья начала н. э., сочетающую германские и другие традиции региона, с венедами Тацита.

тральной и Восточной Европе в VI–X вв. Археологически прослеживается развитие праславянской — так называемой пражской («Прага — Корчак») культуры VI–VII вв., ставшей основой раннесредневековых древнеславянских культур в Центральной и Восточной Европе.

Одним из центров пражской культуры, где прослеживается развитие ремесла, в том числе ювелирного, стало городище Зимно на Волыни. Там найдены бронзовые и серебряные поясные пряжки, бляшки для украшения пояса разнообразных геометрических («геральдических») форм (византийского происхождения), в том числе прорезные.

Развитое ювелирное искусство пеньковской культуры (близкой пражской и приписываемой антам) характеризуется многочисленными находками бронзовых и серебряных украшений из «кладов». Один из наиболее ярких «кладов» второй половины VII в., содержащий до сотни серебряных изделий, был обнаружен у села Мартыновка на реке Рось (большая часть вещей — в Историческом музее Украины, Киев; часть — в Британском музее, Лондон). «Клад» включал предметы головного убора (налобные венчики, серьги, височные кольца со спиральными концами), восточноевропейские шейные гривны (из медного прута, обтянутого серебром), фибулы, пальчатую и узорную (щиток которой оформлен в виде симметричных зооморфных протом), разнообразные бляшки, накладки, серебряные наушницы и наконечники поясного набора, две серебряные чаши с византийскими клеймами, фрагмент блюда, ложку, девять стилизованных фигурок людей и животных (рис. 43, 44, КГИМ).

Замечательны четыре антропоморфные литые фигурки, схематично передающие «пляшущего» человека с руками, упирающимися в колени и полусогнутыми ногами, массивной головой. Детали переданы чеканкой.

Рис. 43, 44. Фигурки из Мартыновского клада (по: Петрухин 2007. С.47–48)

§ 1. Праславянский период и проблема фигуративного искусства

Волосы — в виде обрамляющего нимба, сохранили следы позолоты, орнаментальная насечка на груди, возможно, передает вышивку рубахи: широкий круг аналогий — аланские антропоморфные амулеты. Литые фигурки «коней» двух видов в зверином стиле, характерном для эпохи Великого переселения в искусстве алан, Аварского каганата и Балкан: оскаленные морды; копыта, проработанные как когти; у фигурки «коня» массивного вида хвост представлен в виде птичьей головки (характерный элемент орнаментации, в том числе и пальчатых фибул). Гривы оформлены чеканным орнаментом, сохранившим (как и пасти с копытами) следы позолоты. Предполагается, что антропоморфные фигурки были центром композиции, по сторонам от них симметрично размещались «кони» (рис. 45, варианты реконструкции по Щегловой).

Композиция, включающая симметричные изображения «коней» и центральную фигуру человека (ср. далее — о приписываемых антам зоо-антропоморфных фибулах), как считают, восходит к скифской древности (В.А. Городцов и др.). Общеευропейским элементом декоративного искусства древней и раннесредневековой эпохи можно считать двусторонние коньковые привески с разнонаправленными конскими головами, известные в скифо-сакских древностях и традициях разных народов Европы — от англо-саксов до поволжских финнов и венгров, еще обитавших в степях Причерноморья (ср.: Петрухин 2011. С. 216–221).

О.А. Щеглова, справедливо усматривает в этой композиции универсальную симметричную схему, но конкретизирует ее содержание для Мартыновских фигурок: композиция, по ее мнению, передает распространенный в средневековом мире библейский мотив Даниила в львином рву. Соответственно

Рис. 45. Композиция фигурок из Мартыновки, варианты реконструкции (по: Щеглова 2010)

«кони» воспринимаются как львы, «пляшущие человечки» — как образ библейского пророка (Щеглова 2010; ср. к приведенным Щегловой иконографическим параллелям — Laszlo 1971. S. 62).

Действительно, в зверином стиле один значимый элемент может определять «породу» зверя: оскаленная пасть должна означать хищника; но как раз для коней этот признак может быть нерелевантным — для северных германцев характерны были ритуальные бои жеребцов и соответствующие мотивы в искусстве. В книге «Языческая Скандинавия» (см. Ellis Davidson 1967. P. 81–110) Х. Эллис Дэвидсон посвятила «танцующим воинам» целую главу, где она рассматривает и мотив битвы жеребцов на плите из Хэтебю, снабженных рогами в стиле, характерном для эпохи великого переселения народов (в том числе — для одной из фигурок из Велестино — Werner 1953. 1:1, 3). Эта «семиотическая» конструкция, известная и по ритуалу из пазырыкских курганов, где кони снабжены рогами оленей, конечно, не имеет отношения к «зоологии»; недаром в публикации броши в виде схожей рогатой фигурки из Северной Италии (Эпоха Меровингов: 562) публикаторы не решились определить зоологический вид копытного — козел или конь.

Многочисленные евразийские параллели мотиву битвы жеребцов собраны Д. Ласло, сопоставляющим этот мотив с распространенным мифом о космической битве воплощений двух начал. К тому же мотиву исследователь относит борьбу двух героев и противостояние двух взнузданных коней на хазарском ковше из Коцкого городка (Laszlo 1971. S. 120–134; ср.: Фоякова 2010, рис. 41, 43), о чем специально см. далее. Центральная фигурка мартыновской композиции — «пляшущий человечек», упирающийся руками в колени, находят параллели в аланских древностях (как и конские фигурки и фигурки львов — ср.: Ковалевская 1995. С. 138–139; Левина 1966, ил. 48, рис. 169). Впрочем, число параллелей расширяется (ср. стелу из Приазовья — Швецов 1980), что естественно для этнокультурной ситуации в евразийской степи и соседних регионах.

Для праславянского лесного региона фигуративное искусство остается «периферийным». При этом образцы декоративного искусства — фибулы — приобретают иногда вычурные формы: при сохранении общей схемы пальчатой фибулы (напоминающей пятерню) центральный луч оформляется в виде антропоморфной маски, боковые — в виде птичьих и других головок (бронзовые фибулы с Пастырского городища), ножка — в виде маски «дракона». Фибула приобретала зооморфные очертания с головой дракона — лапами — отростками и пятилучевым хвостом. Щитки украшались циркульным и спиральным орнаментом. Фибулы с более простыми

щитками, восходящие к двупластинчатым, получили сердцевидные щитки, становились прорезными с симметричными изображениями антропоморфных масок на концах, по сторонам которых — симметричные протомы коней (Пастырское городище, серебро, рис. 46), головки птиц, образующих венец, и т. п.

Попытки соотнести зооантропоморфные образы фибул с персонажами славянской мифологии (Б.А. Рыбаков, В.М. Василенко и др.), даже с универсальными образами вроде «великой богини», «фланкируемой» представителями животного мира, — малоосновательны. Сходные симметрические композиции в русской вышивке XIX–XX вв. относятся к широко распространенным у разных народов мотивам парных коней или птиц у «мирового дерева» (терема или у сходного осевого антропоморфного символа) и не могут возводиться напрямую к «языческой» архаике (использоваться для реконструкции языческих «храмов» и т. п. — ср.: László 1971. С. 134–138; Рыбаков 1981).

Убедительны предположения о принадлежности драгоценных уборов, обнаруженных в «кладах», славянской племенной «элите» (находки этих вещей в контексте погребального обряда единичны). Сформировавшаяся в этот период мода включала разнообразные импульсы, синтезирующие византийское, германское, кочевническое влияние: византийские серьги, фибулы германского (гото-гепидского) происхождения, поясные наборы, характерные для византийцев (мода на «геральдические» пояса сформировалась на Дунае в VI–VII вв., в том числе у авар) и развитые у кочевников, характеризуют эту евразийскую традицию, воспринятую праславянами и свойственную синкретической предгосударственной культуре «варварского общества» в целом.

Собственно славянская традиция воздействовала на культуру лесной полосы. Так, пальчатые фибулы распространялись по традиционным речным коммуникациям до балтского Верхнего Поднепровья и до освоенного теми же балтами бассейна Оки и собственно Прибалтики (см. о возможных

Рис. 46. Фибула из Пастырского городища с симметричной композицией, серебро, ГИМ (по: Петрухин 2007. С.50)

путях этнокультурного взаимодействия носителей пальчатых фибул — в главе I.2, а также Curta 2009; об «интернационализации моды» — Эпоха Меровингов. С. 119, 130–131). Считается, что в Приднепровье, традиции киевской культуры унаследовала так называемая колочинская; в ее ареале известны комплексы, сходные с пеньковскими (в том числе так называемая Гапоновский клад VII в. с парными пальчатыми фибулами, бронзовыми гривнами, с утолщенными и орнаментированными насечками концами; височные кольца со спиральными концами, трапециевидными пластинчатыми привесками, поясными наборами и т. п. — Гавритухин, Обломский 1996). Некоторые элементы убора (помимо лунниц), в частности — пластинчатые головные венчики иногда со спиральными завитками на концах, тисненым или гравированным узором (известны в Мартыновском, Гапоновском и других кладах) доживают до древнерусского времени (к их основе — берестяной, кожаной или матерчатой могли привешиваться височные кольца).

В ранних древнерусских кладах известны и шейные гривны — серебряные и бронзовые, гладкодротовые и фасетированные с петлевидным замком, литые браслеты с расширяющимися концами. Ситуация в Среднем Поднепровье (как и в лесной полосе Восточной Европы) меняется в конце VII — первой половине VIII в., по-видимому, в связи с началом экспансии хазар, что вынудило местное население скрывать свои сокровища в кладах. Состав кладов первой половины VIII в. изменяется: в них нет предметов мужского убора — поясных наборов оружия, женских венчиков и височных колец, появляются характерные серьги со звездовидной или полый привеской. Сохраняется общая схема построения женского убора: серьги и височные кольца по сторонам лица, нагрудные украшения — гривны, бусы, металлические ожерелья, фибулы, наборы браслетов (Рябцева 2005).

Комплекс украшений роменской культуры формировался под влиянием салтовской культуры Хазарского каганата, в меньшей мере — финно-угорских и балтских древностей, а также традиционных византийских дунайских (в том числе позднеаварских и моравских) образцов. Известны литые серьги салтовского типа и «шумящие» финно-угорские привески; ювелирные украшения, изготовленные при помощи сложных технологий (вещи с зернью и др.), считаются византийским импортом. Характерные для роменской культуры и позднейшей «радимичской» семи- или пятилучевые литые псевдозерненные височные кольца также восходят к византийским серьгам, украшенным зернеными «лучами» (предполагают также иранский прототип при византийском посредстве).

§ 1. Праславянский период и проблема фигуративного искусства

Рис. 47. Фигурки из Велестино (по: Werner 1953)

Редкость сюжетных композиций в праславянском искусстве очевидно спровоцировала появление коллекции уникальных изделий, ссылки на которые остаются популярными, в основном благодаря авторитету Й. Вернера (Werner 1953). Это находки 21 фигурки (бронза и белый металл) из Велестино, Фессалия (в северной Греции), передающих антропоморфные и териоморфные образы. Археологический контекст находки неизвестен, и «на первый взгляд», по признанию Вернера, они выглядят как фальсификаты. Однако отсутствие яркой иконографической традиции в ранней славянской культуре (ее «аниконичность») заставляла искать евразийские аналогии для уникальных «находок», которые позволили бы определить их место в славянской культуре. Прежде всего исследователи ссылались на древности

типа Мартыновки, в которых присутствовали зооантропоморфные образы (ср.: Седов 2002. С. 417; Щеглова 2010).

Для интерпретации «культового значения» фигурок из Велестино стали привлекаться параллели едва ли не со всего света (Чаусидис 1994). Й. Вернер указывал на браслеты и гривну одного из персонажей как на характерные атрибуты славянского костюма VII в. и т. п. Специфика иконографии велестинских фигурок при этом не исследовалась. Между тем антропоморфные образы строились с учетом перспективы (рис. 47), что было исключено для средневекового искусства. Для нашей темы среди этих образов существенна фигура, которая держит в руках струнный инструмент (арфу или кифару — см. о славянах-кифаредах в главе I.3). Правда, это обнаженный женский персонаж, демонстрирующий свои атрибуты «роженицы» и младенца, тянущегося к груди (так что Н. Чаусидис распознал в ней мифологический образ «родительницы» — Чаусидис 1994. С. 158–160)¹⁸⁰.

Отсутствие сюжетных композиций в древнем славянском искусстве (его «аниконичность»¹⁸¹) представляет особую проблему: сюжеты черпались в искусстве соседей (о чем см. в следующих параграфах), с христианизацией — в византийской иконографии.

§ 2. Хазарский сюжет и проблемы формирования древнерусского изобразительного искусства в евразийском контексте

Массовыми культовыми памятниками на Руси были курганы, самый крупный из которых — Черная могила под Черниговом (ср. в главе IX), в инвентаре которого обнаружены древнейшие шедевры русского искусства, в том числе оружейного: два меча второй половины X в.; рукоять одного из них с изогнутым вниз перекрестьем покрыта гравированным по позолоченному серебру узором из растительных завитков с петлевидным обрамлением. После совершения трупосожжения, как уже говорилось в главе IX, с кострища извлекли оба шлема и другие предметы вооружения. Затем возвели насыпь высотой около 7 м, на вершине которой сложили остан-

¹⁸⁰ Д.М. Дудко (2009) обнаруживает в орнаменте на шлеме одной из фигурок следы праславянской письменности (VII в.!), объявляя его праславянским солнечным богом и т. д. (в духе сочинений современного неоязычества).

¹⁸¹ О соотношении иконического и аниконического в архаическом искусстве см. Раевский 2006. С. 352–471.

ки покойных вместе с доспехами, снятыми с кострища («трофей»). К ним присоединили два рога-ритона, бронзовую статуэтку скандинавского сидячего божка (рис. 40), железный котел, наполненный пережженными бараньими и птичьими костями. Серебряные оковки рогов (вокруг устья) украшены в технике чеканки, гравировки, позолоты и черни. На оковке одного из них растительный орнамент «венгерского стиля» (аналогия — декор так называемой сабли Карла Великого), на другом — тератологические мотивы и изображение двух лучников. Вслед за совершением тризны курганную насыпь досыпали до высоты 11 м.

Редкие на Руси изобразительные мотивы — зооморфные, в том числе скандинавский звериный стиль, «хватающий зверь» и т. п. и антропоморфные амулеты в виде «валькирий», мотивы человека между двух птиц или животных, обычно включены в орнаментальные композиции. Древнейший в русском искусстве сюжет усматривается в изображениях на оковке большого питьевого рога из жертвенного комплекса кургана Черная могила.

Серебряные оковки малого ритона выполнены в технике чеканки, золочения, растительный орнамент — золоченые переплетенные пальметты на серебряном фоне — близок венгерскому декоративному стилю X в. (рис. 48). На большом ритоне в технике чеканки, золочения, чернения передана многофигурная композиция, центр которой представляет грифон, развернутый по геральдической схеме двуглавого орла (с пальметтой в середине; сходный мотив имеется на зерновой подвеске из гнездовского клада и др.) и другие парные мотивы: два лучника меж

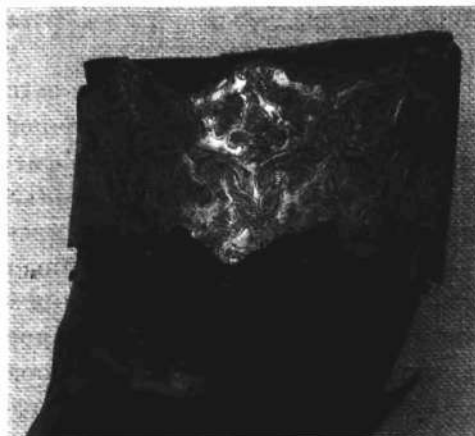

Рис. 48. Малый ритон из Черной могилы (по: Петрухин 2007. С.65)

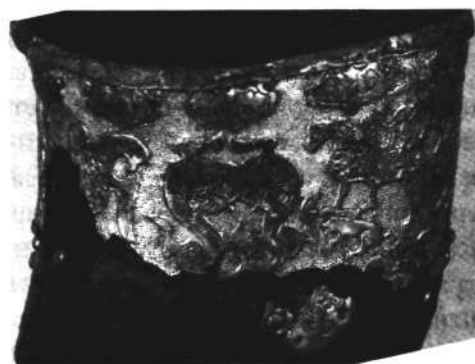

Рис. 49. Большой ритон из Черной могилы (по: Петрухин 2007. С.67)

двух птиц, два терзающих друг друга чудовища с хвостами, сросшимися в пальметту (рис. 49).

Еще И.И. Толстой и Н.П. Кондаков отмечали, что изображения выполнены в традициях «греко-восточного звериного стиля», фон на котором прочеканен в плоском рельефе фигуры зверей и лучников, позолочен и проработан и опущен пуансоном (как на серебряной посуде сасанидского производства: чаши из Афанасьевского клада на Каме, вторая половина VIII — первая половина IX в.). Ободок оковки ритона украшен 10 пальметтами с чернью, воспроизводящими мотивы поясных бляшек, популярные как у степняков, так и у русских дружинников. Грифон изображен вплетенным в растительную вязь, которая связывает его с соседними фигурами — зверя с повернутой к голове грифона оскаленной мордой и орла (характерная черта древнерусского декоративного искусства, сохраняющаяся в тератологических мотивах на более поздних наручах XII в. и др.). Под лапами орла и грифона — изображения мелких животных: в них угадываются зайцы, традиционные жертвы в распространенном в «греко-восточном зверином стиле» мотиве терзания зайца хищной птицей.

В этой тяготеющей к орнаментализму и симметрии композиции обнаруживается характерная асимметрия: грифон «связан» с птицей с одной стороны и с хищным животным — с другой. Этот центральный мотив композиции соответствует универсальному концепту «мирового дерева»: грифон объединяет небо и землю, представленные соответствующими зооморфными персонажами. Лучники располагаются меж двух птиц — пегуха (домашней, земной) и орла (небесный хищник). На первый взгляд птицы и являются мишенями лучников. «Мишени», однако, не поражены стрелами, напротив, три стрелы разлетаются в стороны, одна направлена стреляющему лучнику в голову, повернутую в сторону от мишени (рис. 50).

Б.А. Рыбаков, обративший внимание на мотив поражения лучника своими стрелами, нашел ему параллель в позднейшем русском фольклоре — в былине об Иване Годиновиче, где Кощей, похищающий возлюбленную

Рис. 50. Композиция на большом ритоне из Черной могилы (по: Рыбаков 1949. С.48)

Ивана Анастасию, стреляет во «вра-на», вещую птицу, но стрела попадает в самого злодея. У другого лучника, повернутого затылком к зрителю, отчетливо видна коса; если воспринимать человеческие фигурки как изображение пары — мужчины и женщины, то можно мультиплицировать интерпретации мотива похищения и т. п. (что и сделал Б.А. Рыбаков, предложив античный «календарный» вариант интерпретации — похищение Аидом Персефоны; ср.: Дудко 2009). Однако при первой интерпретации остается необъяснимым отсутствие главного героя — Ивана в композиции. Кроме того, у лучника с косой нет стрел: может быть, как раз выпущенная им стрела поражает другого лучника (рис. 51).

Рис. 51. Лучники на большом ритоне из Черной могилы (по: Петрухин 2007. С.67)

Между тем многофигурные композиции, подобные изображению на оковке ритона, известны на синхронных памятниках, в том числе на византийском сигнальном «роге Легеля»: византийский мастер в резьбе по кости воспроизводит на фризах традиционные для искусства Евразии мотивы охоты (на оленя и льва), терзания (того же оленя хищной птицей), поединков, хищной птицы меж двух грифонов в центре композиции и др. Считается, что сюжетно эти мотивы передают в основном цирковые сцены. Ни стилистически, ни функционально сигнальный рог не представляет аналогии ритону из Черной могилы, но сходство отдельных изобразительных мотивов позволяет в духе «исторической школы» усматривать в нем чуть ли не конкретный образец, неумело скопированный русским мастером эпохи князя Святослава, не сумевшим справиться с композицией (О.А. Щеглова).

Этот мотив стрельбы из лука — так называемый мотив небесной охоты, восходящий, как считается, к «первобытным» евразийским космогоническим мифам об охотнике, преследующем небесного оленя и т. п., находил соответствие в мотиве царской охоты в сасанидском искусстве, которое оказало сильнейшее влияние на искусство евразийской степи, в том числе Хазарии (ср. Даркевич 1976; Маршак 1976). Известные примеры — сцены охоты на льва на серебряном с позолотой ковше из Коцкого Городка (Хан-

Рис. 52. Сцены охоты на льва на серебряном с позолотой ковше из Коцкого Городка (Ханты-Мансийский нац. округ — ГЭ, по: Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981. С. 163)

ты-Мансийский национальный округ — рис. 52); охотничьи сцены на хазарском ковше из могильника Кип-III (Прииртышье), разделенные пальметтами.

На Коцком ковше охотник с волосами, заплетенными в косу, борется с персонажем, волосы которого повязаны лентой (таково описание тюркского кагана у китайского автора VI в. Сюань-Цзана — кагана сопровождает знать с заплетенными волосами — Фоякова 2010. С. 91 и сл.). Смысл противопоставления заключается в популярном у тюрков и хазар мифологическом мотиве «золотой ветви»: у кагана есть сопровитель и соперник из знати, который убивает кагана, если тот состарится и окажется не в состоянии править. Стилистически ковш близок черниговскому ритону и тем, что композиция на ободке разделена пальметтами,

выполненными в стиле салтовских поясных бляшек.

К более раннему времени относится сасанидский серебряный ковш из подгорненских курганов (Подонье, VII в.), на котором охотничьи сцены (лучник, стреляющий во льва, борьба спешившегося героя с медведем) разделены мотивами деревьев (с козлом и оленем, объедающим ветви, музей-заповедник Танаиса, рис. 53). Этот мотив был сопоставлен с мотивом двух лучников на черниговском ритоне: волосы одного из них заплетены в косу. Соответственно сам черниговский мотив стрельбы из лука трактуется не просто как охотничья сцена, а как состязание в стрельбе (Петрухин 1995. С. 170–194). «Простоволодый» лучник очевидно терпит поражение: стрела направлена ему в затылок.

Бликий изобразительный мотив охоты двух лучников на горного козла известен на петроглифах средневекового (тюркского) времени Жалтыракташа: включенный в композицию солярный знак указывает на небесную сферу, прически стрелков различаются (рис. 54). Но композиция в целом отличается от приведенных сцен на сосудах: охотники стреляют в одну, а

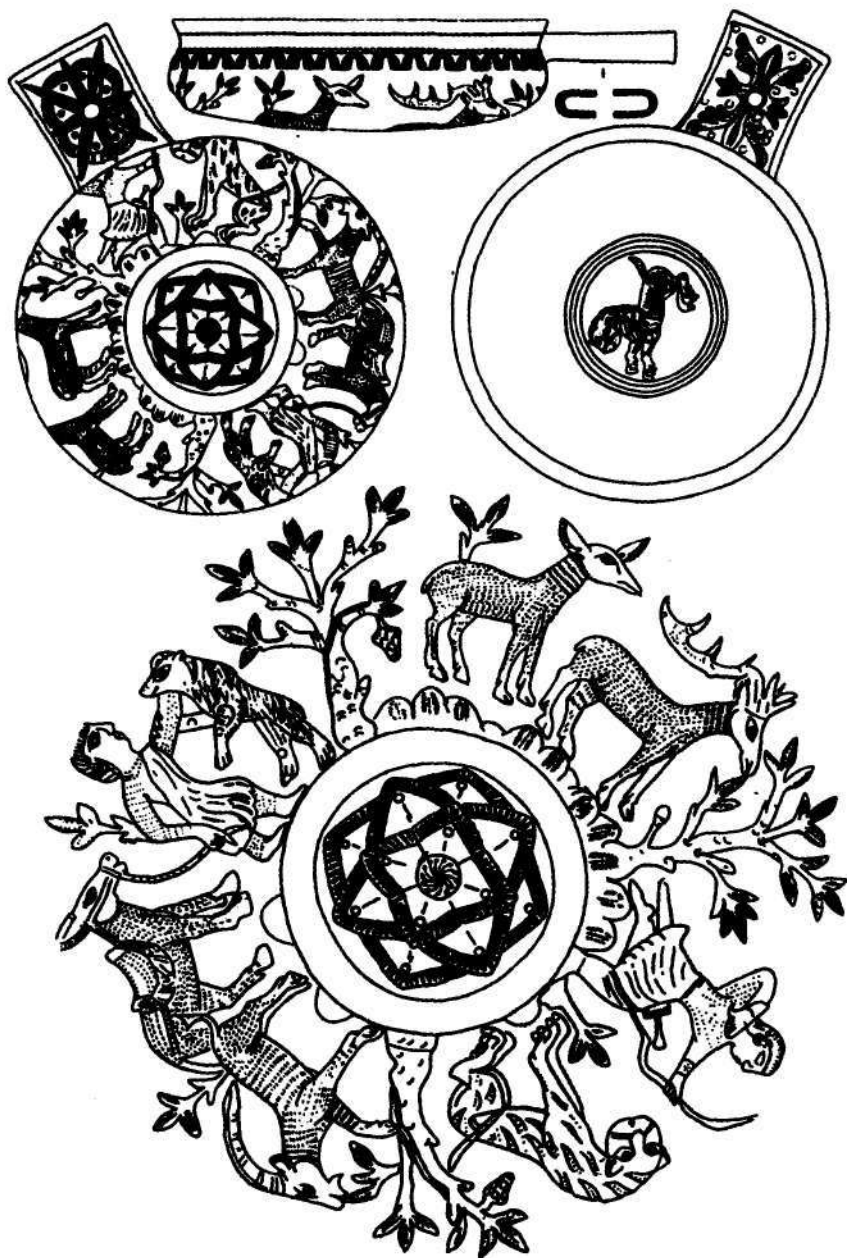

Рис. 53. Сасанидский серебряный ковш из подгорненских курганов (Подонье, VII в., музей-заповедник Танаиса) (по: Флёрова 2001. С. 110)

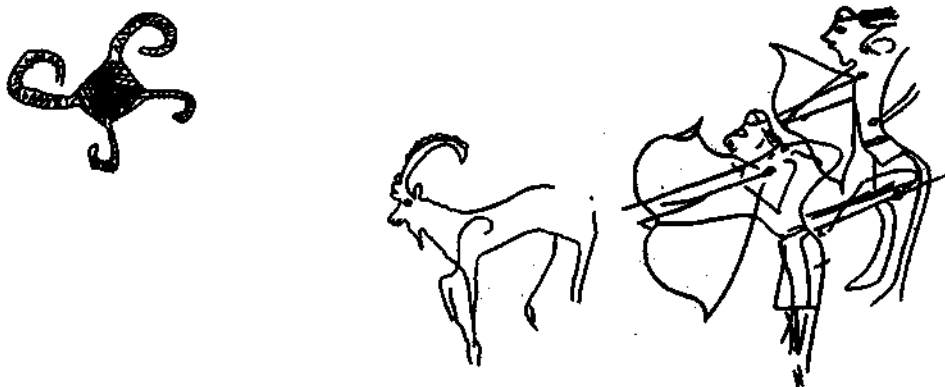

Рис. 54. Петроглифы средневекового (тюркского) времени Жалтырак-Таш (по: Шер Я.А., Советова О.С., Миклашевич Е.А. Исследование петроглифов Жалтырак-Таша (Киргизия) // Древнее искусство Азии. Петроглифы. Кемерово, 1995. С. 84)

не в разные стороны. Вместе с тем мотив состязания — стрельбы известен искусству евразийской степи еще в скифскую эпоху (лучники из Куль-Обы; рис. 55) и имеет параллели в искусстве Ахеменидов (цилиндр из Национальной Библиотеки, Париж), равно как и мотив двух центральных персонажей, различающихся прическами (пектораль из Толстой могилы с двумя скифами, волосы одного из них заплетены в косы). Ближайшая параллель — мотивы хазарских поясных бляшек из погребения в бассейне реки Ингул: на пряжке (в центре) изображен бородатый старец с распущенными волосами, удерживаемыми повязкой; на бляшках — молодцы с волосами, собранными в пучок на затылке (рис. 56; Бокий, Плетнева 1988).

Рис. 55. Скифские лучники. Бляшка из кургана Куль-оба (по: Раевский Д.С. Куль-обские лучники // Советская археология. 1981. №3. С. 45)

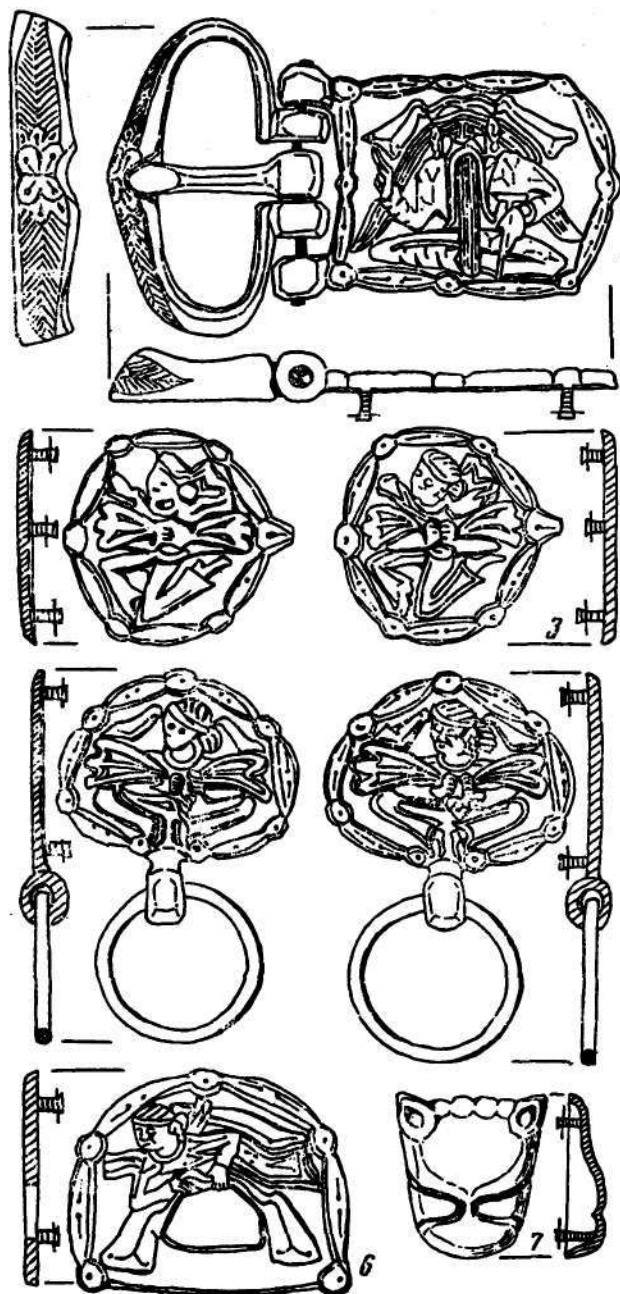

Рис. 56. Поясные бляшки из погребения в бассейне р. Ингул (по: Бокий, Плетнева 1988)

Рис. 57. Изображение на кости (городище Маяки, по: Флёрова 2001. С. 147)

На приведенной выше оковке из Гринева персонажи — «простоволосый» и с косой — объединены не мотивом борьбы, а мотивом объятий — «священного брака». Показательно, что на ахеменидском цилиндре, несущем сюжет поединка «скифских» лучников, переходящего в рукопашный бой, центр композиции отмечен крылатым существом, которое обычно интерпретируется как символ фарна — царской харизмы. Значит, мотив поединка передает победу священного царя, вонзающего меч в своего врага.

Поединок двух воинов оказывается существенным мотивом в искусстве Хазарии (в широком смысле, включая болгарские и другие параллели), если учесть немногочисленность известных до сих пор композиций. В частности, на так называемом реликварии, найденном близ села Маяки, изображен бой двух всадников: копьеносец поражает соперника, роняющего меч. Для понимания композиции в целом важны зооморфные изображения, сопровождающие саму сцену: птица (сокол?) над плечом победителя (ср. иранские представления о фарне в виде птицы) и змея за спиной терпящего поражение (рис. 57). Этот «зооморфный код» напоминает композицию черниговского ритона, где перед лучником с косой изображена хищная птица, за спиной же терпящего поражение — петух (земная домашняя птица). Универсальный космологический смысл подобных сюжетов — противопоставление и борьба небесного верха и земного низа и т. п. — очевиден (Флёрова 2001. С. 147).

Композиция на древнерусском ритоне выглядит более сложной, ибо дублирующая мотив состязания лучников центральная сцена преследования-терзания двуглавым грифоном орла слева и волка — земного зверя — справа как бы инвертирует земную и небесную сферы. Парадоксальным представляется и выбор жертвы — объектов терзания, ибо и орел, и волк, представленный на ритоне в характерной для звериного стиля позе терзаемого животного, должны относиться скорее к терзающим хищникам, а не жертвам. Но не следует забывать при этом об общем сюжете борьбы-состязания (двух воинов, двух лучников: ср. «космическую борьбу» в терминологии Д. Ласло), в котором нет однозначного разделения на «жертву» и «хищника» (ср. мотив борющихся переплетенных хищников на том же ритоне), и о «высокой» тотемной роли волка как предка правящего рода — кагана в тюркских традициях.

Так или иначе, композиция на ритоне являет некую мифопоэтическую драму, в которой мифологический (космологический) «пролог на небесах» прообразует эпическую историю состязания двух лучников и поражение — смерть «кагана» в ритуальном поединке (в соответствии с сюжетом «золотой ветви»). Этим мотивам близок хазарский эпический сюжет жертвоприношения сакрального царя — кагана, описанный у ал-Масуди и др. восточных авторов X в., и явно восходящий к более ранним тюркским мифо-ритуальным сюжетам выбора и жертвенной смерти правителя¹⁸².

---

¹⁸² Petrukhin 2004. Вероятность эпической трактовки мотива состязания двух лучников (борцов и т. п.) подтверждает недавняя находка костяных накладок на седло из Шиловских курганов (VII в., Среднее Поволжье, Ульяновская обл.), несущих многофигурные композиции. Она являет целую батальную сцену, в которой четыре тяжело вооруженных спешившихся копьеносца фланкированы двумя стрелками из лука. Публикаторы находки (Багаудинов, Богачев, Зубов 1998. С. 106–107) усматривают в батальной сцене мотив окружения копейщиков лучниками, но их движение направлено лишь против одного из стрелков (его фигура обломана). Другой, чьи волосы повязаны лентой, кажется, является главным героем композиции. По всей вероятности, ее центральный мотив — охота лучника на медведя, терзающего лань. Если учесть, что и на упомянутом «реликварии» в верхнем ярусе также реконструируется сцена «небесной охоты», то можно полагать, что в целом композиции на «реликварии», Коцком ковше и шиловских накладках седла отражают охотничьи подвиги мифического (мифопоэтического) героя-царя и его борьбу за власть. Отметим, что изобразительный мотив охоты на хищника (чудовище), терзающего добычу, также восходит к скифской, ахеменидской и еще более глубокой месопотамской древности. Сцена иногда трактуется достаточно прямолинейно: в герое-охотнике видят покровителя травоядных («хозяина животных» и т. п.). Учитывая семантику мотива терзания как победы хтонического мира смерти, можно предположить, что победа героя над терзающим зверем означает победу жизни над смертью и т. п.

Рис. 60. Серебряные и золоченые застёжки от кафтана из большого кургана Гульбище (Чернигов, ГИМ) (по: Петрухин 2007. С. 69)

С композицией на ритоне из Чернигова, помимо двух лучников, шилловскую находку объединяет мотив борьбы двух драконов, выполненных в традиционной китайской манере (что напоминает о евразийском контексте истории раннесредневекового искусства и центрально-азиатском происхождении тюрков — хазар). Драконы сопоставимы с грифонами на ритоне, хотя те выполнены в манере византийской — сходные мотивы черпались «варварским» искусством из разных традиций. Зверьки возле лап чудовищ на накладках выполнены в более искусной реалистической манере — это зайцы; сходные композиции проникнуты мотивами терзания, охоты, борьбы.

Использование «хазарского» сюжета для оформления древнерусских княжеских ритуальных сосудов из Чернигова естественно: черниговская

Северская земля в дорусский период платила дань хазарам, Черниговские князья получили в удел хазарские земли (Тмутаракань); наконец, первые русские князья вплоть до Ярослава Мудрого в XI в. претендовали на хазарский «имперский» титул кагана. Русские дружинники восприняли степную моду на хазарские пояса и конскую узду, украшенные салтовскими бляшками, не отказавшись и от украшений скандинавского происхождения (см. в главе III) (см. рис. 58, 59, цв. вкл.).

Показательно, что прямоугольные накладки, украшающие оба ритона и несущие декоративный мотив четырехугольных пальметт, имеют аналогию в декоре пяти парных четырехугольных серебряных и золоченых застёжек от кафтана из соседнего большого кургана Гульбище (рис. 60) (там же обнаружены салтовские бляшки и другие детали кочевнического пояса). Степная «хазарская» традиция была распространена на Левобережье Днепра с волынцевских времен (VIII в.).

Можно заметить, что костюм дружинной элиты синтезировал разные элементы: для мужского костюма, наряду со скандинавскими элементами, украшением оружия и т. п. свойственны были степные пояса, украшения конской узды (вплоть до украшения с личинами южносибирского — минусинского происхождения, о чем свидетельствуют их находки в Новгороде и Гнёздове: рис. 61), кочевническая пика и др. Женский костюм, наряду со скандинавскими скорлупообразными и другими фибулами, мог включать славянские височные кольца и серьги и т. п., изделия византийского происхождения. Можно полагать, что в городских центрах на пути из варяг в греки эти компоненты отражают уже не синкретизм «варварской культуры», а синтез разных воздействий, свойственный становящейся цивилизации¹⁸³.

Рис. 61. Личина южносибирского — минусинского происхождения из Новгорода, Новгородский Музей (по: Древний Новгород: искусство и археология. М., 1985. С. 54)

¹⁸³ См. материалы в каталоге выставки: Путь из варяг в греки и из грек. М., 1996.

§ 3. «Сага о Вёлсунгах» на Руси

Формирующееся древнерусское фигуративное искусство использовало также импульсы из Скандинавии, в том числе скандинавские антропоморфные амулеты и изображения божеств. Таковы упомянутые сидячий идол из Черной могилы, женские статуэтки «валькирий», обнаруженные на новгородском Рюриковом городище (литейная форма для отливки «валькирии» подобной привески найдена в Ладогe) и в Гнёздове.

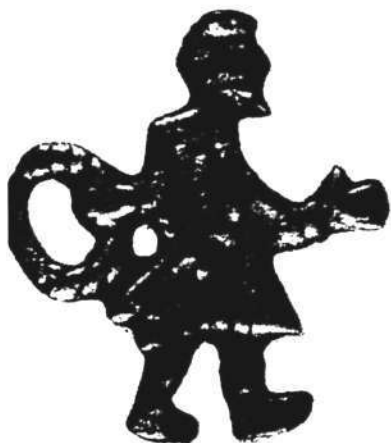

Рис. 62. Фигурка викинга
(по: From Viking to Crusader /
Paris – Berlin, Copenhagen, 1993. p. 295)

Характерны также уникальные фигурки так называемого викинга — рельефные бронзовые отливки, сделанные, видимо, в одной литейной форме. Одна из них была найдена в правобережье Днепра у г. Новый Быхов, другая — на Даугмальском городище в устье Даугавы — Западной Двины, реках так называемого «Восточного пути» (как именовались Русь и Восточная Европа в сагах). Фигурки передают образ шагающего бородастого воина с мечом со скандинавской рукоятью на поясе; с левой рукой, вытянутой вперед, правой — оттянутой назад; в ней воин держит витое кольцо (рис. 62).

Точных аналогий бронзовым фигуркам в Скандинавии (и в других регионах) нет, но мотив воинов, несущих в руке кольцо, характерен для скандинавского искусства, особенно для готландских памятных камней. Культурные сюжеты композиций на готландских памятных стелах (их дата — ок. 800–1000 гг.), передающие сцену триумфального вступления в Вальхаллу павшего героя с кольцом, восходят к римским образцам — изображениям триумфаторов с венками. Героя встречает валькирия с питьевым рогом. Изображения валькирии на камнях стилистически близки литым фигуркам «валькирий» (Петрухин 2011. С. 265–276). В собственно скандинавской традиции, однако, кольца — сакральный предмет, символ нерушимой клятвенной связи («обручения») с вождем, в сценах вступления в Вальхаллу — с владыкой этого воинского рая Одинom: он собирает в своем загробном чертоге дружину павших в бою героев. Этот религиозно-правовой мотив

§ 3. «Сага о Велсунгах» на Руси

известен и древней Руси: в договоре с греками 944 г. «некрещеная Русь полагають щиты своя и мечѣ своѣ наги, *обручь* (курсив мой. — В. П.) своѣ и прочаа оружья, да кленутся о всемъ» (ПВЛ. С. 26).

Вместе с тем восточноевропейские «фигурки викинга», помимо готландских аналогий, имеют в древнескандинавском искусстве более точные параллели и в стилистическом, и в хронологическом отношении. Аналогии мечу (близкого типу Z) на поясе «викингов» обнаруживаются в изображениях на рунических камнях первой половины XI в. в Рамсунде и Гёке (Сёдерманланд, Швеция). В одну группу изобразительных сюжетов с ними входят рунические камни из Древле (Уппланд, Швеция) и др. Их объединяет мотив главного героического деяния Сигурда, пронзающего своим мечом Грамом змея Фафнира. В центре композиции — процветший крест, над которым и совершает свой подвиг Сигурд, а по сторонам верхнего отростка — бегущий человек с протянутой левой рукой и кольцом в правой и женщина с питьевым рогом (Петрухин 2011. С. 273–276, рис. 63).

Традиционно считалось, что персонаж с кольцом — это карлик Андвари, первый владелец золота Нифлунгов: коварный бог Локи вынудил его отдать все богатство, которое карлик спрятал в скале, включая и волшебное кольцо, которым Андвари особенно дорожил. Оно, как и кольцо Одина Драупнир, могло вернуть карлику богатство. Андвари заклил свое богатство. Однако композиция на упомянутом руническом камне из Древле явно связана с самим Сигурдом — новым владельцем кольца и клада, которые он получил, пронзив мечом стерегущего их змея, а не Андвари. «Викинг» также, помимо кольца, имеет на поясе атрибут Сигурда — меч.

Сцена встречи героя с кольцом и женщиной с ритоном на руническом камне связана и с последующи-

Рис. 63. Рунический камень из Древле, Швеция (по: Sven S.F. Jansson. Runes in Sweden. Stockholm, 1987. P. 147)

Рис. 64. Брактеат из Викена и античные параллели (по: Vierck H. *Imitatio imperii und interpretatio Germanica vor der Wikingerzeit// Les pays du Nord et Byzance*. Uppsala. 1981. S. 74)

ми деяниями Сигурда: он дважды овладевает валькирией Брюнхильд, второй раз — приняв облик сватающегося к ней жениха, Гуннара. «Наутро [...] он дал Брюнхильд свадебный дар — то золотое кольцо, что Локи отнял у Андвари, а у нее взял на память другое кольцо» (Младшая Эдда). В более поздней «Саге о Вёлсунгах» (гл. XXI), где кольцо Андвари оказывается уже не браслетом, а обручальным перстнем, Брюнхильд и Сигурд обмениваются кольцами и выпивают вместе кубок, чтобы герой запомнил этот день и познал тайные руны. Очевидно, эта сцена и изображена на руническом камне из Древле.

Мотив женщины, встречающей с ритонем героя, известен не только скандинавскому изобразительному искусству — тем же готландским камням, но и эддической поэзии (и поэзии скальдов): «вином валькирии вождя встречают» («Речи Эйрика») — сцена, также относящаяся к явлению героя в Вальхаллу. Протянутые руки персонажа на руническом камне из Древле и «викингов» с Днепра и Даугавы как бы готовы принять кубок. Не случайно фигурка из Нового Быхова обнаружена в погребении, возможно, в специальном ларце у левой руки погребенного. Предполагалось, что амулет должен был служить «пропуском» в рай.

§ 3. «Сага о Велсунгах» на Руси

Композиция встречи героя на руническом камне из Упланда и готландских камнях имеет аналогии и в скандинавском прикладном искусстве VI–IX вв.: это вотивные золотые пластинки с тисненым изображением встречающихся и обнимающихся пар, среди которых наиболее близки нашему сюжету сцены, где женщина держит в руке ветвь (но не ритон). Эти сцены передают сюжет сакрального брака (*hieros gamos*) — один из универсальных мифо-ритуальных сюжетов, эпическим вариантом которого можно считать и брак героя (в том числе Сигурда) с валькирией.

Ранним вариантом такой композиции оказывается сцена на золотом брактеате V в. из Викена (Норвегия), где держащая ветвь (или деревце) женщина стоит лицом к мужчине, держащим сзади кольцо (Илл. 42). Герой на другой стороне брактеата изображен едущим на коне с копьем (?) и щитом (те же мотивы священного брака и всадника со щитом воспроизведены на упоминавшейся накладке на ножны меча из Гринева). Отдельные мотивы, представленные на брактеате и накладке, могут отражать некий эпический сюжет. В целом отдельные и, казалось бы, изолированные фигурки-амулеты («викинги» и «валькирии», обнаруженные на разных археологических памятниках Восточной Европы) вписываются (благодаря скандинавским аналогиям) в единую «сюжетную» схему.

Присутствие ветви или дерева в композиции священного брака напоминает о традиционном для многих народов Европы свадебном деревце. Правда, это деревце также воплощает мировую ось, как и процветший крест на камне из Древле, но мировое дерево оказывается осью — центром большинства мифологических или эпических сюжетов в архаическую эпоху.

Рис. 65. Сигурд. Резьба церкви в Урнесе (Норвегия) (по: From Viking to Crusader/ Paris – Berlin, Copenhagen, 1993. p. 170)

Рис. 66. Топорик с мотивом пронзаемого змея. ГИМ (по: Петрухин 2007. С. 71)

Между тем женский персонаж на брактеате держит в руке предмет, который должен был восприниматься как символ не менее значимый, чем кольцо в руке мужского партнера. Можно предположить, что это веретено — характерный атрибут божеств (духов) судьбы, скандинавских норн, дис и *валькирий*, каковой была Сигдрива (Брюнхильд) в эпическом сюжете о Вёлсунгах — Нибелунгах (Петрухин 2011. С. 273–276).

Еще одна проблема, которая объединяет рунический камень из Древле и амулеты с «Восточного пути», связана с бытованием сюжетов и даже культовых предметов языческой эпохи в христианизированной Северной и Восточной Европе (христианские импульсы воспринимала и синкретическая культура Даугмале). Эта проблема не сводится к механистически толкуемому феномену «двоеверия»: мотивы «Саги о Вёлсунгах», в первую очередь — подвиги Сигурда, были популярны в христианском искусстве Скандинавии, в том числе в декоре норвежских церквей (рис. 65). Рунический камень из Древле, поставленный сыновьями в честь отца (как гласит надпись), также был христианским памятником, о чем свидетельствует его центральное изображение — крест.

Очевидно, подвиги скандинавского языческого героя Сигурда не считались однозначно противоречащими новой этике у раннесредневековых христиан, как и подвиги его немецкого аналога — Зигфрида из рыцарской и вполне христианской «Песни о Нибелунгах». Существенно при этом, что

§ 4. Збручский идол и славянский пантеон

и новобыховский амулет, и сцены на руническом камне были связаны с погребальным культом, судьбой умершего. Сигурд не мог быть проводником в языческий воинский рай, Вальхаллу — сам главный герой скандинавского эпоса должен был отправиться в преисподнюю, так как он не пал в битве, а был предательски убит. Но Сигурд достиг того, что более всего ценили скандинавы эпохи викингов, — посмертной славы, и его фигура (в том числе «фигурки викинга») стала символической для этого времени крушения традиционных норм (ср.: Гуревич 2009. С. 63–70).

С мотивами саги о Вёлсунгах (которые стали средневековым «бродячим сюжетом», в том числе в немецкой «Песни о Нибелунгах») связан шедевр древнерусского декоративного и кузнечного искусства, датируемый первой половиной XI в. — это так называемый топорик Андрея Боголюбского. По форме топорик — восточный (волжско-болгарский?) чекан, на полях лезвия с одной стороны — распространенный мотив двух птиц у дерева, с другой — скандинавский мотив дракона, пронзенного мечом. Рисунки выполнены в технике платировки медью и золотой наводкой (рис. 66). Очертания пронзенного дракона напомнило исследователям славянскую буквицу А (что вызвало ассоциации с князем Андреем), изображение собственно Сигурда отсутствует (рис. 67). Для христианской Руси характерна десемантизация «языческого» сюжета с исчезновением героя — Сигурда, превращение сюжета в декоративный мотив (в Скандинавии фигура Сигурда сохранялась в сагах и в церковном искусстве, в том числе в резьбе церкви в Урнесе, Норвегия).

Рис. 67. Сигурд, пронзающий змея.
Рунический камень, Швеция
(по: From Viking to Crusader.
Paris – Berlin, Copenhagen, 1993. p. 167)

§ 4. Збручский идол и славянский пантеон

Каменная статуя славянского божества была найдена в реке Збруч, притоке Днестра (рис. 68). Четырехгранный столб из серого известняка высотой 2,67 м увенчан изображением четырехликого и четырехтелого божества под

Рис. 68. Збручский идол
(Краковский музей)
(по: Петрухин 2007. С. 74)

одной шапкой. На одной стороне в технике низкого рельефа изображен женский персонаж, который держит в руке кольцо; на другой — питьевой рог; на третьей — мужской персонаж с саблей у пояса (оружие, не характерное для древних славян, что позволяло усматривать в стилистике идола тюркское влияние) и изображение коня; на четвертой — божество лишено специальных символов. Средний фриз изображает хоровод из двух женских и двух мужских фигур, держащихся за руки. Нижний фриз несет изображения трех фигур, поддерживающих руками верхние ярусы; к свободной от изображений стороне нижнего фриза мог примыкать жертвенник. Идол, вероятно, олицетворял славянский пантеон — высших мужских и женских богов верхнего — небесного мира, духов и людей среднего — земного мира, поддерживающих землю хтонических существ преисподней.

Б.А. Рыбаков обратил внимание на шапку с опушкой — фаллическое завершение идола, и предположил, что идол изображал не четырехглавого Святовита, описания которого известны у балтийских славян в Арконе, а древнерусского Рода (из «Слова Григория», увязываемого с судьбой новорожденного, а не с фаллическим культом). Белозерский идол — гранитная стела высотой около 0,75 м — также имеет шапку; глаза, рот и подбородок намечены рельефом (Новгородский музей). Археологический контекст и датировка прочих находок каменных изваяний неясны (их общую характеристику см.: Седов 1982. С. 261–268; Русанова, Тимощук 1990. С. 11–15). Характерный мотив, связывающий Збручского идола с другими антропоморфными древнерусскими изображениями, — положение рук «высших» персонажей, одна из которых прижата к груди (держит ритон или кольцо), другая протянута к поясу. Сходную позу имеет маленькая фигурка, отлитая из свинца, найденная в

§ 4. Збручский идол и славянский пантеон

Гнёздове (рис. 69). Впрочем, та же поза характерна для раннетюркских монументальных каменных изваяний (ср.: Мурашева 2005; Шер 1966).

Збручский идол воплощал антропоцентричную модель мира раннесредневекового славянства, его «предтечами» в изобразительной традиции можно считать «антские» зооантропоморфные фибулы с осевой антропоморфной фигурой (мировой столп — мировое древо и т. п.). Давно замечено, что и личный убор, начиная с античной эпохи, воплощал «космический» порядок (ср. присутствие лунниц в этом уборе, символов, связанных с представлением о мировом древе). Характерное для средневековой эпохи представление о человеке как о «микрокосме», очевидно, было свойственно и славянам (ср.: Рыбаков 1981; Винокур 1997. С. 113–117).

Место находки Збручского идола давно привлекало внимание исследователей, и в 1960-е гг. было найдено место, где мог стоять идол, — «квадратный каменный фундамент на горе Богит. Специальной экспедицией (И.П. Русанова, Б.А. Тимощук) были исследованы городища на реке Збруч, интерпретированные как языческие святилища эпохи «двоеверия» XI–XIII вв.¹⁸⁴

Параллели монументальной каменной скульптуре известны в *мелкой пластике*, прежде всего — у балтийских славян,

Рис. 69. «Идол» из Гнёздова
(по: Сокровища ойкумены. С. 138)

¹⁸⁴ Дискуссионная статья А. Комара и Н. Хамайко (Комар, Хамайко 2011) возрождает «скептическое» отношение к этой уникальной находке: существуют серьезные основания усматривать в скульптуре произведение романтической эпохи: в первой половине XIX в. создавались не только поэмы, живописующие несохранившуюся языческую древность славян, но и фальсификаты, призванные приукрасить «ничтожество» этой древности (см. Рукописи 2002).

Рис. 70. Жезл из Новгорода
(по: Древний Новгород.
М., 1985, рис. 203)

где обнаружены жезлы с изображением четырехликих (Волин) и трехликих (сопоставимых с Триглавом) персонажей и т. п., соотносимых с описаниями многоголовых идолов в западнославянских храмах и латинских миссионеров. Подобных изображений в древнерусской пластике не обнаружено. Позднейшие аналогии в древнерусской каменной резьбе (в том числе четырехликая капитель из Боголюбова) едва ли могут быть причислены в духе представлений о древнерусском «двоеверии» к явлениям «идеологического синкретизма» (Г.К. Вагнер). К культовой дохристианской скульптуре традиционно относятся деревянные «жезлы», венчаемые мужскими головками, которых сопоставляют с домовыми, но в фольклоре такие изображения домашних духов неизвестны.

Антропоморфные фигурки венчали, впрочем, и рукояти бытовых предметов — такова бронзовая литая рукоять ножа из Новгорода (Новгородский музей), венчаемая сидящим человеком в шапке с опушкой. К изображениям «Перуна» традиционно относят подбоченившуюся фигурку бородатого персонажа, венчающую жезл длиной 17 см (свинцово-оловянистый сплав, литье); но обнаружен этот жезл в слоях середины XII в. (рис. 70). Вероятно, к навершиям, венчающим какой-то «жезл», относится и упомянутая литая фигурка из Гнёздова, и т. п. Использование жезлов и даже оловянных прутьев известно древнерусским книжным памятникам, но лишь в контексте истязания христианских мучеников «палачами» — жезельниками (см. в параграфе 11.1) (см. рис. 71, цв. вкл.).

Отсутствие развитой «языческой» пластики и архитектуры на Руси связано с незавершенностью государственных форм языческого культа: Владимир вынужден был отказаться от своего

§ 4. Збручский идол и славянский пантеон

синкретического пантеона через несколько лет после его утверждения в Киеве. Архаичные формы княжеского культа на Руси соответствовали племенным нормам языческого восточнославянского общества: княжеский погребальный культ должен был заменить культ предков — недаром Ольга заставила восставших в 945 г. древлян участвовать в похоронах убитого ими князя Игоря. Возведенный возле града древлян Искоростеня княжеский курган должен был воплощать власть киевского князя над Деревской землей.

Не случайно Владимир воздвиг первую каменную церковь — Десятинную — прямо на дружинном некрополе: дружинные курганы сменила христианская княжеская усыпальница (см. результаты раскопок: Церква Богородиці Десятинна в Києві. К., 1996; Михайлов 2004). Уже сын Владимира Ярослав Мудрый приказал в 1044 г. эксгумировать останки своих дядьев, убитых во время усобиц 970-х гг., крестить их (вопреки христианскому канону) и перезахоронить в Десятинной церкви. Княжеский род должен быть един и после смерти (см. в главе XI).

Крещение Руси было связано не только и не столько с уничтожением капищ и низвержением кумиров. На рубеже X и XI вв. изменилась вся материальная культура, трансформировались и декоративно-прикладное искусство, и погребальный обряд. Повсюду — в древнерусских городах и на сельских кладбищах — исчезает трупосожжение. Курганный обряд на селе еще сохраняется до конца XI в., но умерших уже хоронят под насыпью на поверхности земли, головой на запад; в городах распространяется обряд погребения в христианских могилах. Монументальные славянские погребальные памятники — сопки не возводятся и сменяются невысокими «жальниками». Характерными предметами культа становятся не ранние кресты из листового серебра, а литые кресты-тельники «скандинавского типа» (неточное обозначение связано с тем, что кресты такого типа с тремя шариками на концах распространяются в XI в. не только на Руси, но и в Скандинавии, сама их форма имеет византийское происхождение).

Исчезает роскошное «языческое» убранство костюма, в том числе украшения в скандинавском зверином стиле. Убор выглядит значительно беднее, чем в X в. Некоторые элементы «языческого» убора при этом десемантизируются. Так, серебряные зерненные скандинавские амулеты-привески — молоточки Тора были включены в одно ожерелье с серебряными бусами и крестом (в составе киевского клада XII в. — рис. 72). Формируется древнерусский поясной набор, элементы которого приникают в Швецию и на Готланд (Михайлов 2005). Сохраняются традиционные славянские типы

Рис. 72. Ожерелье из Киевского клада
(по: Рыбаков Б.А. Русское прикладное искусство X-XIII веков. М., 1970. С. 27)

украшений — шейные гривны, височные кольца, различные привески. Мотивы византийского искусства начинают использоваться для декора традиционных славянских украшений: щиток семилучевого кольца из древлян-ского Искоростеня украшен изображением птицы в византийском стиле. В XI в. наступает новый расцвет декоративно-прикладного искусства как в древнерусском городе, так и в деревне, который иногда связывают с «языческой реакцией» на первый век христианизации (Б.А. Рыбаков).

Глава XI
Выбор веры.
«Язычество» и христианство
в эпоху крещения Руси

Перун уж очень гадок!
Когда его спихнем,
Увидите, порядок
Какой мы заведем!

А.К. Толстой

§ 1. Язычество: святилища и древнерусский пантеон

Особой проблемой в предыстории русского искусства и культуры остается проблема культовых изображений и сооружений.

Связь комплекса украшений с мифологическими представлениями неясна, поскольку в славянской традиции не сохранились собственно мифологические тексты (хотя наделение украшений магическим, прежде всего — апотропейным смыслом относится к универсальным явлениям). Обнаруженные в лесной и лесостепной зонах каменные антропоморфные изваяния — «идолы», как правило, находились вне археологического контекста поселений или святилищ, поэтому не имеют определенной датировки.

Датируемое изваяние — Збручский идол — относится к древнерусскому времени (см. в главе X.4). К культовым сооружениям на поселениях и могильниках римской и праславянской эпох относят так называемые жертвенные ямы: их заполнения — зола, угли, кости животных, обломки посу-

ды — следы жертвенных обрядов. На поселении пражской культуры Корчак (на Волыни) в яме лежали в ряд семь глиняных «хлебцев», лепешек, имитировавших хлеб (такие лепешки, иногда с прочерченными крестами, находят в жилищах возле печей с черняховского времени). Над ямой была устроена конструкция типа шалаша.

Традиция жертвенных ям сохранялась в древней Руси: в Новгороде X в. на незаселенном участке в такой яме стояло семь ковшей, поставленных на ребро; два ковша были перевернуты вверх дном в центре ямы; яма содержала также два куска воска полукруглой формы. В другой яме находились два бычьих черепа и ковш между ними. Третья яма содержала костяк лошади. Череп был отделен и лежал отдельно вместе со свечой и кнутом. Жертвенный комплекс интерпретируется как следы братчины с пиром и поеданием жертвенных животных (В.В. Седов); возможно, пир был связан с освящением застраиваемого участка города.

Ни письменные, ни археологические источники не содержат свидетельств о языческих храмах у восточных славян. Обряды совершались на открытых капищах — святилищах, возле культовых деревьев и т. п. Предполагают, что одно из таких капищ было открыто старыми раскопками В.В. Хвойко в Киеве на Старокиевской горе. Каменная вымостка овальной формы с четырьмя выступами по сторонам света зарисована автором раскопок; возле вымостки — следы возжигания огня и кости жертвенных животных (правда, правильная форма вымостки недостаточно документирована, ее культовый характер подвергается сомнению в современной историографии).

В большей мере документировано культовое сооружение на поселении Шумск (Волынь): слегка углубленное в материк святилище имело крестообразную форму с выступами по сторонам света. В центре располагалась яма с камнями крепления (деревянной статуи — идола?); здесь же располагались зольник (скопление золы и углей, свидетельствующее о многократном разжигании огня), каменные плиты (алтари?), возле которых обнаружены пережженные кости птиц и быка, кремневый наконечник стрелы (громовая стрелка в общеславянской традиции), фрагменты лепной и гончарной посуды IX–X вв. Рядом находился грунтовой могильник с трупосожжениями в ямках без урн, место для кремации. В округе святилища располагались синхронные поселения. Возле культового комплекса исследованы большой наземный дом, полуземлянка и несколько столбовых хозяйственных построек (жилище жреца?).

§ 1. Язычество: святилища и древнерусский пантеон

Предположительно, функциями святилищ наделяются также городища, площадки которых не превышали в диаметре 15 м, то есть не были пригодны для жизни и вряд ли могли использоваться в качестве убежищ (Русанова, Тимошук 1993). Культурный слой на этих городищах практически отсутствует, зато обнаружены каменные вымостки — зольники (следы огня с костями животных и т. п.); костры разжигались также на валах и во рвах. Такие городища-святилища открыты в разных регионах: на Смоленщине, Псковщине, в Припятском Полесье, в украинском Прикарпатье.

Городище IX–X вв. у села Ржавинцы в Прикарпатье (диаметр площадки 23 м) было окружено двумя concentрическими валами с вымостками для разжигания огня и двумя рвами с пологими стенками. Между валами располагались наземные длинные дома с расколотыми костями животных. В центре городища стояла грубо обработанная четырехгранная стела; видимо, она была объектом поклонения, но была сброшена в ров с прекращением культовых действий. Культовые действия могли совершаться и на городищах-убежищах, в том числе, как полагают, в Хотомеле, где вдоль вала был построен длинный общественный дом.

Единственное описание святилища в древнерусской литературе связано с рассказом о выборе веры князем Владимиром под 980 г. «Повесть временных лет» перечисляет идолов, установленных князем на холме возле теремного дворца: список богов возглавлял Перун с серебряной головой и золотыми усами, затем следовали Хорс, Дажьбог, Стрибог, Семаргл и Мокошь (ПВЛ. С. 37); кумиры были из дерева. Это летописное описание языческого капища в целом совпадает с рассказом очевидца — Ибн Фадлана — о приношениях идолам у русских купцов в 920-е гг. в Болгаре на Волге: как только корабли прибывают к пристани, русы несут хлеб, мясо, лук, молоко и набиз (алкогольный напиток) к «длинному, воткнутому в землю бревну, у которого имеется лицо, похожее на лицо человека, а вокруг него маленькие изображения, а позади этих изображений длинные бревна, воткнутые в землю» (Ковалевский 1956. С. 142). Купец обращается к идолам, изображающим главного бога, его жен и детей, с просьбой о помощи в торговле. Если торговля идет успешно, он приносит в жертву овец и коров, развешивая черепа на бревнах, воткнутых возле идолов.

В большей мере это описание напоминает о деревянных статуэтках «божков», обнаруженных в Ладоге. Одна из них сохранила штырь, для того чтобы ее можно было воткнуть в землю или подставку. Аналогичны им новгородские деревянные жезлы с личинами — скульптурными человеческими головками, древнейшая из которых происходит из дохристианского слоя

Рис. 73. «Идол» из Новгорода
(по: Петрухин 2007. С. 76)

X в. (рис. 73). Однако традиция изготовления таких жезлов продолжается в Новгороде в христианский период вплоть до XIII в., поэтому их условно именуют домовыми (низшими духами) — ибо культ богов не мог сохраняться в христианском городе. Капище в Киеве было более монументальным и требовало иных жертвоприношений: летописец свидетельствует (перифразируя библейский текст), что в жертву богам киевляне приносили своих «сыновей и дочерей».

Попытки найти *археологическое* подтверждение существованию капища с шестью кумирами в Киеве, равно как и остатки иных языческих святилиц, представляются ныне не вполне убедительными.

Упомянутый киевский «жертвенник» с четырьмя выступами, раскопанный В.В. Хвойко, приписывался то Перуну, то Святовиту (балтийско-славянскому четырехглавому божеству, которому поклонялись в Арконе на Рюгене), но относился к более раннему времени, чем капище, сооруженное Владимиром. Открытие в 1975 г. в черте «города Владимира» другого «загадочного сооружения»¹⁸⁵ — фрагментов кладки из плинфы, использовавшейся для церковного строительства в домонгольскую эпоху, рва с шестью (или пятью) выступами — «лепестками» и ямы с прослойками золы и костями крупного рогатого скота — позволили «реконструировать» уже целый «комплекс» языческих святилиц. В отличие от недатированного определенно «жертвенника» Хвойки дата рва с выступами относительно ясна: его прорезывает могила конца X в., в заполнении — строительный мусор, свидетельствующий о том, что неподалеку строилась (или была разрушена) церковь.

Значит, археологами могло быть открыто само капище Владимира, где тот поставил кумиры шести богов, главному из которых — Перуну — приносили в жертву быков, как об этом свидетельствовал еще Прокопий Ке-

¹⁸⁵ Так первоначально определили его авторы раскопок (Толочко, Боровский 1979. С. 3–10).

сарийский в отношении почитания громовержца в праславянский период. Капище было уничтожено при крещении, на его месте или рядом построена церковь. Правда, выступов рва могло быть и пять, но и среди богов Владимира оказывался Семаргл, в интерпретации Б.А. Рыбакова — химерическое существо, не заслуживавшее кумира (Рыбаков 1987. С. 430). Тогда становилось возможным, в соответствии с общей схемой Рыбакова, основанной на позднем (не ранее XII в.) поучении против язычников («Слово св. Григория»), интерпретировать жертвенник из раскопок Хвойко как более раннее капище «бога Рода», чей культ якобы предшествовал культу Перуна на Руси и т. д.

В связи с этим нужно вспомнить еще один летописный мотив, который традиционно обсуждается в связи с проблемами древнерусского пантеона. Еще Е.В. Аничков (1914. С. 279; ср.: Ловмянский 2003. С. 96) обратил внимание на то, что в Ипатьевском списке летописи некий волхв, чье явление в Киеве описано под 1071 г., пророчествует от имени *пяти богов*: через пять лет Днепр потечет вспять, а земля Русская «переступит» на землю Греческую (ПСРЛ, 2, стб. 164). Это подвигло самого Аничкова на «отсечение» от богов Владимирова пантеона Мокоши, Б.А. Рыбакова — Симаргла, а М.А. Васильева (1999. С. 112) — на отождествление Хорса и Дажьбога и т. п. Между тем волхование в Киеве явно связано не с пережитками язычества, а с событиями 1068–1069 гг., когда восставшие киевляне грозили князьям, что сожгут город и уйдут в Греческую землю (ПСРЛ, 2, стб. 162–163, ср.: ПВЛ. С. 497). Соответственно и пять богов, на которых ссылался волхв, относились не к богам древнерусского пантеона, а означали пять планет (ср. в славянском переводе Хронике Малалы — Истрин 1994. С. 18) — на их астрологическое расположение и ссылался волхв.

Л.С. Клейн, которому принадлежит критический анализ археологических интерпретаций памятников славянского язычества, с полным основанием предположил, что «столп» из раскопок Хвойко — не более чем спрессованные следы заполнения позднейшей ямы, а все заполнение рва в «капище Владимира» может относиться к строительному мусору. Была уточнена и датировка «жертвенника» — обнаруженные при его исследовании гончарная керамика и стеклянные браслеты относятся к XI–XIII вв., к христианской эпохе; в заполнении «столпа» также обнаружены материалы X–XII вв. Несмотря на это, интерпретатор комплекса Р.С. Орлов настаивает на его «языческом» характере: следы огня, обнаруженные при раскопках «жертвенника», должны свидетельствовать о культе Дажьбога или Хорса; этот культ должен был сохраняться даже после крещения Руси в княжеской

среде, в непосредственной близости от дворца и Десятинной церкви, возле которой Владимир поместил (по летописи) также «языческую» квадригу — трофей, привезенный из Корсуня. Все это объясняется характерным для Руси «двоеверием», постулируемым древнерусскими христианскими книжниками в поучениях против язычества (Орлов 1998).

Стереотип археологических интерпретаций связывает киевские «капища» с другим не менее знаменитым в историографии и уже упоминавшимся памятником славянского язычества — святилищем в Перыни. Поздние новгородские летописи XVII в., в соответствии с общей тенденцией летописания того времени увязывавшие название этого возвышенного урочища на берегу Волхова с Перуном, вдохновили на поиски здесь святилища, основанного Добрыней в 980 г., когда он учредил культ Перуна в Новгороде. Открытие В.В. Седовым в 1951 г. фрагментов рва с ямой — местом «идола» — посередине, казалось бы, оправдали надежды исследователей. Была реконструирована и общая конфигурация рва, которая в плане должна была представлять собой восьмилепестковую розетку. «Лепестки», возможно, выявлялись под впечатлением от «выступов» киевского жертвенника и в свою очередь повлияли на интерпретацию «лепестков» рва в «капище Владимира».

Так или иначе, и восемь лепестков в Перыни, и четыре выступа «жертвенника» в Киеве вполне соотносились с реконструируемым культом Перуна, включавшим символику числа *четыре*, с посвященным громовнику четвергом и т. п. Однако раскопки в Перыни были продолжены — и были обнаружены фрагменты еще двух подобных рвов. Это не обескуражило Б.А. Рыбакова, который вновь применил свою схему и предположил, что первоначально святилище было посвящено Роду и двум рожаницам (духам судьбы новорожденных в переводных греческих сочинениях). Лишь летописный Добрыня в 980 г. в интерпретации Рыбакова заменил культ прежнего бога на княжеский культ Перуна.

Между тем, как уже говорилось в главе IX, сам В.В. Седов отметил сходство открытого им рва с ровиками курганов, а исследователь новгородских сопок В.Я. Конецкий показал, что расположение перыньских «святилищ» на возвышенности соответствует традиционному размещению этих насыпей. В центре курганов прослеживаются остатки деревянных столбов, что соответствует положению «идола» в Перыни¹⁸⁶. Те же позднейшие летописные

¹⁸⁶ Ср. сходную конструкцию «святилища» в Пскове, обнаруженного на языческом некрополе древнерусского города: ровик «святилища» имел также перемилку — вход — на юго-западе, что характерно для ровиков древнерусских курганов (Лабутина 1989. С. 100–108).

§ 1. Язычество: святилища и древнерусский пантеон

легенды, повествующие о Перыни как об обителище *лютото* чародея Перуна, рассказывают, как над телом утопленного бесами в реке Перуна язычники насыпали высокую могилу, которая через три дня провалилась в ад. Этот рассказ как раз отнесен к тому типу урочищ — сопкам, память о которых долго сохранялась в преданиях.

Почему были сnivelированы перыньские сопки, а возможно, и другие курганы (ср.: Ловмянский 2003. С. 126–127), и было ли это связано с распространением христианства — покажут дальнейшие исследования. Сейчас следует отметить, что др.-рус. (и праслав.) *Перынь* — ‘возвышенность, горная местность’, несмотря на семантическую связь с именем самого громовержца Перуна и мифологическую соотнесенность с его местопребыванием на горе — небе, вовсе не означает того, что здесь было святилище. Напротив, «народная этимология» стала основанием для составителей позднейших летописных сводов XVII в., помещавших в Перыни святилище Перуна (Васильев 1999. С. 297 и сл.; ср. фольклорные данные о «Перюньской церкви» — Миллер 1897. С. 146–147).

Проблема определения и интерпретации «культовых мест» — общая проблема археологии. Это относится не только к «открытым» святилищам Киева и Новгорода, но и к храмам, подробно описанным западноевропейскими хронистами в Арконе или в Старой Уппсале и др. Несмотря на многочисленные усилия, более или менее очевидные следы этих культовых сооружений так и не обнаружены (Štupceckí 1994). Археологии, однако, хорошо известны многие тысячи памятников культа — дохристианского и раннехристианского: это многочисленные погребальные памятники — курганы, характерные для всей Руси на протяжении почти всей домонгольской эпохи, воплощавшие, как уже говорилось в связи с описанием сопок, характерный для племенного общества культ предков.

Никаких культовых изображений, идолов и т. п. на «святилищах» не обнаружено (на предполагаемых святилищах в Ганачевке и Звенигороде объектом культа мог быть камень, напоминающий антропоморфную стелу¹⁸⁷). Это может быть связано с их специальным уничтожением, описанным летописью: принявший крещение в Корсуни, Владимир в 988 г. велел ниспровергнуть, изрубить или сжечь деревянные кумиры в Киеве, Перуна же волочить вниз к Днепру и спустить по реке к порогам — за пределы Русской земли. Условия обнаружения редких языческих изваяний на Руси, возможно, свидетельствуют об историчности обряда низвержения в реку

¹⁸⁷ Ср. более раннее святилище, приписываемое «венедам» (Козак 2008. С. 273–275).

языческих кумиров. Это относится к знаменитому Збручскому идолу и менее известному каменному изваянию, обнаруженному при расчистке реки Шексны в округе древнерусского Белоозера (Захаров 2004, рис. 27).

Одним из самых пространных мифологических текстов в славянской традиции является список богов пантеона, установленного князем Владимиром в 980 г. в Киеве, согласно «Повести временных лет». Утвердившись в Киеве и отправив непокорных варягов в Царьград, Владимир учреждает пантеон: «постави кумиры на холму внѣ двора теремнаго: Перуна древяна, а главу его сребрену, а усъ златъ, и Хърса, Дажьбога и Стрибога и Симарьгла и Мокошь. И жряху имъ, нарючюще я боги, и привожаху сыны своя и дъщери, и жряху бѣсомъ, и оскверняху землю требами своими. И осквернися кровьюми земля Руска и холмо-тъ» (ПВЛ. С. 37) (см. рис. 74, цв. вкл.). Описание идольских жертв в летописи — цитата из Псалтири; в Псалме 105 (35–38) избранный народ обличается в том, что смешался с язычниками в Ханаане и служил «истуканам их» (ср. о почитании идолов на высотах — «холмах» — Пс. 77, 58). Для монаха-летописца они не были богами — это были лишь деревянные идола, в которые могли вселиться бесы. Поэтому летописец ничего не рассказывает об этих богах, а русские книжники не пересказывают языческих мифов (для них это — бесовщина). Атрибуты Перуна — серебряная голова и золотой ус также ориентированы на библейский образец описания идолов (ср.: Петрухин 2000. С. 257 и сл; Зубов 2004. С. 243 и сл.).

Аутентичность летописного списка подвергается сомнению со времен А.А. Шахматова (1906): знаменитый исследователь летописных сводов обратил внимание на то, что рассказ о пантеоне и требах в Киеве завершился упоминанием церкви святого Василия, поставленной Владимиром на месте требища по крещении и обещанием летописца вернуться «на преднее» — что обнаруживает вставку в летописный текст. Далее действительно рассказывается об установлении кумира в Новгороде посадником Добрыней, причем в лаврентьевском варианте ПВЛ кумир остается безымянным, а ипатьевская редакция и Новгородская первая летопись (НПЛ. С. 128) свидетельствуют, что Добрыня «постави Перуна кумир». Шахматов колебался при реконструкции первоначального текста: поскольку описания пантеона содержались и в ПВЛ, и в НПЛ, и список богов должен был присутствовать в так называемом Начальном своде 1090-х гг., то реконструкция касалась гипотетического киевского Древнейшего свода 1030-х гг.

Были ли упомянуты имена языческих богов в первоначальном летописном тексте? А.А. Шахматов сомневался в этом, и его сомнения поддержал

Е.В. Аничков (1914. С. 107): писание запрещало помянуть «бесовские» имена языческих богов (Псалом 15, 4). Но Перун упоминался в большей части древних летописных списков, что давало основание для предположения об упоминании Перуна как единственного кумира, поставленного в Киеве и Новгороде при Владимире. Х. Ловмянский (Ловмянский 2003. С. 95) полагал даже, что Владимир учредил в Киеве некий «прототеизм», призванный противостоять монотеистическим религиям, распространяющимся в Восточной Европе: он напоминал в связи с этим о «прамонотеистическом» культе праславян, которые еще в VI в. поклонялись, согласно Прокопию Кесарийскому, «одному богу» — громовержцу (ср. анализ историографии, связанной с представлениями о языческом единобожии, — Клейн 2004. С. 150).

Правда, лингвистический анализ текста показал, что речь у Прокопия шла все же об одном, хотя и главном, из богов (Свод: 183). Политеизм у славян-язычников, в том числе восточных, подтверждается упоминанием, по крайней мере, двух богов, Перуна и Волоса, в аутентичных текстах — договорах руси с греками под 907 и 971 гг. (ПВЛ).

Политеистические коннотации сквозят и в летописном противопоставлении Владимира Соломону, необходимом в историческом контексте грядущего крещения — спасения. Под 980 г., после описания кумиров, поставленных Владимиром в Киеве, летописец перечисляет его детей от разных жен, а затем число наложниц: «а наложниц бѣ у него 300 Вышегородѣ, а 300 в Бѣлѣгородѣ, а 299 на Берестовѣ в селци... И бѣ несyt блуда, приводя к собѣ мужьски жены и дѣвицѣ растыляя. Бѣ бо женолюбець, якоже и Соломанъ: бѣ бо, рече, у Соломана жен 700, а наложниц 300. Мудръ же бѣ, а наконецъ погибе; се же бе невѣголос, а наконецъ обрѣте спасенье» (ПВЛ. С. 37). Действительно, деяния Владимира представляют некую инверсию деяний Соломона, ибо тот сначала обустроивает свою землю и строит Храм, а затем под влиянием языческих жен начинает поклоняться их идолам. Владимир же, приняв крещение, ниспровергает кумиров и вступает в законный брак с «царицей» Анной (для которой и оставлена «вакансия» в списке 999 жен и наложниц).

Отказ князя и бояр от языческих культов — разрушение капища и низвержение кумиров — практически лишало эти культы смысла, так как князь в славянской дохристианской религии был и верховным жрецом. Как жрец, Владимир «учредил» пантеон, который затем сам ниспроверг. Очередное обращение социальных верхов к новому культу, очевидно, было не столь уж необычным для киевлян (тем более что христианская община уже с се-

редины X в. существовала в Киеве). Низвержение кумиров, однако, описывается в летописи как церемониальный государственный акт, символизирующий отказ от прошлого. Когда крещеный князь вернулся в Киев из Корсуня, «повелѣ кумиры испровреци, овы исьщи, а другие огневи предати. Перуна же повелѣ привязати коневѣ къ хвосту и влещи с горы по Боричеву на Ручай, 12 мужа пристави тети жезльемъ. Се же не яко древу чююще, но на поруганье бѣсу [...] Влекому же ему по Ручаю к Днѣпру, плакахуся его невѣрнии людье, еще бо не бяху прияли святаго крещенья». Владимир повелевает спустить Перуна вниз по Днепру и не давать идолу пристать к берегу, пока он не достигнет порогов — покинет пределы Русской земли (ПВЛ. С. 52).

В историографии это действие сравнивается с уничтожением календарных чучел-фетишей типа масленицы и костромы (или кострубоньки — чучела из «коструба», соломы): чучело, воплощающее зиму, смерть и т. п., «почиталось» в течение традиционного календарного праздника, а потом уничтожалось, устраивались его потешные похороны — его разрывали, сжигали или топили в реке. Если сравнивать низвержение Перуна с этими действиями, то, значит, последние «погребальные» почести воздавались Перуну, вопреки интерпретации летописца, не как разукрашенному обрубку дерева, а как божеству (ср.: Васильев 1999. С. 225 и сл.). Действительно, «пускать по воде» в фольклорной традиции означало отправить на «тот свет» (СД, т. 4. С. 354–357), но едва ли плач «неверных» по Перуну можно сравнивать с карнавальным оплакиванием фольклорного Кострубоньки и прочих фетишей.

Трудно сказать, сохранила ли летопись свидетельство первобытного фетишизма в рассказе о наказании — битье Перуна (пережитки подобного фетишизма сохранялись в восточнославянском быту и в отношении к иконописным образам святых покровителей, которых наказывали, если они не справлялись со своими обязанностями покровителей). Скорее описанное в летописи действие следует сопоставлять с традиционными демонстративными актами христианизаторов. Так, немецкий хронист XII в. Гельмольд (II, 12) рассказывает (под 1168 г.), как датский король, захвативший Рюген, велел вытащить «древний идол Святовита, который почитался всем народом славянским, и приказал накинуть ему на шею веревку и тащить его посреди войска на глазах славян и, разломав на куски, бросить в огонь». Это была демонстрация бессилия деревянного истукана перед идолопоклонниками.

В целом, источник как хроники, так и летописи, а стало быть, и того пафоса, с которым низвергал кумиров Владимир (и датский конунг), оче-

виден: это Священная история, Ветхий Завет, деяния пророков и праведных царей. Ср. с летописным зачином деяния праведного библейского царя Асы: «И изрубил Аса истукан ее, и сжег у потока Кедрона» (3-я Царств, 15, 13) и т. п. двенадцать мужей, бьющих жезлами кумира, — напоминают о двенадцати апостолах. Равноапостольной считалась и миссия Владимира, «апостола среди князей», но последующая акция представляется в летописи отражением некоего реального действия. О том, что Перун был пущен по воде, летописец знает из названия отмели у порогов — Перунова рень, отмель, на которую ветер «изверг» Перуна.

Традиционно воспринимавшееся как «этнографическое» летописное описание проводов Перуна (сопоставлявшееся с похоронами масленицы и т. п.) восходит, однако, к книжному «этикетному» образцу. Предание о низвержении верховного божества, очевидно, жило в фольклорной памяти. В позднейших летописях, в частности, упомянут воинский обычай привязывать пленных к хвосту для поругания (так, согласно Никоновской летописи, поступил с пленной литвой Александр Невский). Но в летописном низвержении кумиров присутствует вполне книжный мотив. «Жезленики» упомянуты и в тексте, который послужил основным источником «Повести временных лет» — в «Хронике» Георгия Амартола. В главе 20 «Хроники» приводится эпизод из римской истории, где узурпатор Февралий (Февралий) был схвачен стратигом Маллием: тот «связав врага своего Февроуалия... и нага обнажив... и повеле жезльником бити» со словами: «изиди, Февруарье!» Узурпатор был изгнан и убит — короткий месяц февраль был назван в его память.

Характерно, что в историзованной римской мифологии даже воплощение календарных обрядов превращалось в «исторического» персонажа: февруи — очистительные обряды, проводившиеся в феврале, превратились во врага Рима Февралия (предполагают, что божеством очистительных обрядов был Феврий — Februus, бог преисподней, имевший этрусское происхождение). Неясно, сопровождалась ли эти очистительные обряды уничтожением ритуального чучела или символическим изгнанием раба, как во время сатурналий, но ясно, почему в обряде, равно как и в казнях христиан, принимали участие «жезленики», а число их равнялось 12: таковым было число ликторов, носителей фасций, которые выметали зло во время февруй (Овидий, Фасты, II, 19–24) и обязаны были присутствовать во время казней.

Ясно также и то, почему византийский хронист воспринял это историзованное описание: греческий монах не описывал здесь собственно язы-

ческих, бесовских обрядов. Летописец воспринял эпизод с «жезлами» как этикетный мотив, связанный с поруганием, и включил его в свое описание низвержения древнерусских кумиров. Этим он отделял князя Владимира от «неверных людей», оплакивавших Перуна, но не толковал бесовских обрядов — «выдумок обманщиков» (к чему призывал и Амартол).

Во Владимировом пантеоне нет «варяжских» божеств: варяжская русь, как и словене, судя по договорам с греками, начиная с Олега, клялась славянским громовником Перуном и «скотьим богом» Волосом по «русскому закону» (так клялись и воины Святослава в 971 г.). Дело здесь не только в известной восприимчивости варягов, как и «язычников» вообще, к местным культам — именно от местных богов зависела удача, но и во вполне «прагматической» ориентации на славянские обычаи и язык, необходимые в отношениях как с данниками-славянами, так и с Византией и Халифатом (ср. данные Ибн Хордадбека о том, что переводчиками *ар-рус* уже в IX в. были славяне). Вместе с тем особое значение придается в последнее время тому, что летописный список владимировых богов лишь «окаймлен» собственно славянскими божествами (Перун и Мокошь), прочие же, по наблюдениям В.Н. Топорова (1989) и других исследователей, относятся к иранским (Хорс) или могут рассматриваться как славянские «кальки» с иранского (дающие — простирающие — благо Дажьбог и Стрибог; ср. также давнее сопоставление Симаргла с иранским Сэнмурвом / Симургом — Корш 1908; Ловмянский 2003. С. 97–99).

Включение иранских персонажей в состав Владимирова пантеона демонстрирует, казалось бы, очевидный синкретизм летописного списка богов, имена которых черпались составителями из разных источников. Х. Ловмянский (Ловмянский 2003. С. 100) предполагал, что их имена почерпнул один из составителей летописи — игумен Никон, во время своей ссылки в далекую Тмутаракань. В «Слове о полку Игореве» князь-оборотень Всеслав из Киева ночью дорыскивал «до кур Тмутараканя, великому Хрьсови вльком путь прерыскаше» (БЛДР, 4. С. 264); указывалось, что юго-восточное направление, в котором должен был рыскать волк-оборотень, действительно пересекало путь Хорса-солнца, и Всеслав должен был поспеть в Тмутаракань «до кур» (пения петухов — ср.: Рыбаков 1987. С. 441; Ловмянский 2003. С. 97–98). Однако прямой «перевод» магики-мифологического пространства в историко-географическое едва ли оправдан. Раннесредневековая Тмutorокань, как показали недавние исследования (Чхайдзе 2008), отнюдь не была источником языческого синкретизма, оставаясь под властью хазар по преимуществу греческим и вполне христианским городом.

Для того чтобы объяснить присутствие иранских персонажей в киевском пантеоне, нет необходимости удаляться из Киева в Тмутаракань: иранский этнокультурный компонент был достаточно силен если не в самом Киеве, то в Северной земле, само название которой, очевидно, имеет иранское происхождение; и в салтовской — алано-хазарской культуре, непосредственно влиявшей на развитие Русской земли в Среднем Поднепровье, с которой хазары некогда брали дань. Включение в древнерусский пантеон иранских (славяно-иранских) божеств связано с этим воздействием и, не в последнюю очередь, с хазарским наследием: под контролем Руси оставались Саркел — Белая Вежа на Дону и Тмутаракань на Тамани.

Судя по лингвистическим реконструкциям, основанным на значении теонимов, функции божеств этого синкретического пантеона дублировались и пересекались — Хорс и Дажьбог воплощали солнце, Дажьбог и Стрибог давали и «простирали» благо (бог — праслав. заимствование из иранского со значением «доля, благо» — ср. *богатство* и т. п.). Симаргл, если сопоставлять его с Сэнмурвом / Симургом, вообще выпадал из высшего «божественного» уровня, будучи химерическим существом, собакой с птичьими крыльями, вестником богов, но не персонажем одного с ними «ранга». Это, однако, не дает оснований исключать его из списка богов (ср.: Зубов 2004. С. 245–246). Показательно, что Симаргл замыкает список мужских «божеств» — далее следует единственный женский персонаж пантеона, Мокошь, чье имя определенно связано с представлениями о плодородной влаге, «матери — сырой земле».

Таким образом, находит себе объяснение и место «посредника» Симаргла между небесными (атмосферными) богами и богиней земли. летописный список богов, очевидно, не был конструкцией древнерусского книжника — летописные списки имен (этнонимов, антропонимов) вообще отличались особой точностью передачи традиции и особой структурой, когда список начинался с главного (обобщающего, высшего) персонажа и т. д. (ср. структурный анализ списков — Иванов, Топоров 1965. С. 27–28; ср. также об этнонимах в параграфе 2.3). летописный пантеон представлял, таким образом, подобие древнерусской мифологической *космограммы*.

Проблемой кажется отсутствие в летописном пантеоне, возглавляемом Перуном, Волоса. Эту недостачу стремились восполнить другие (более поздние) средневековые авторы, и А.А. Шахматов (1906) считал сведения проложного жития князя Владимира о низвержении идола Волоса в Почайну, где затем были крещены все киевляне, достойными доверия (ср. позднейшие легенды о Волосовом капище на Оболони — месте выпаса скота, где в

христианские времена была поставлена церковь Власия, и т. п.), а Е.В. Аничков, в свою очередь, предположил, что идол Волоса стоял на Подоле, а не на холме (Горе) с прочими богами (Аничков 1914. С. 311–312). В «житии» Волос, сброшенный прямо в Почайну, опять-таки противопоставляется Перуну, которого велено было с особыми ритуалами «транспортировать» за пороги. Эта реконструкция вписывается в противопоставление Перуна и Волоса в клятвах руси, в более широком смысле — в воссоздаваемый главный сюжет славянской мифологии (основной миф) о громовержце и его змеевидном противнике, воплощении низа, преисподней (Иванов, Топоров 1974. С. 35 и сл.).

Действительно, Перуна и Волоса (а в реконструкции — и Мокошь) можно считать праславянскими богами, как и миф о преследовании небесным громовержцем демона преисподней, обладателя хтонических земных богатств, похитителя плодородия и т. п. Но в языческом культе древней Руси Перун оказывался богом княжеской дружины — руси, а Волос — покровителем «близкого к земле» рядового населения; возможно, в еще более узком смысле — племенным богом словен, которые сохраняли в Новгородской земле определенную политическую и религиозную автономию (может быть, Волос был богом славянских племен в широком смысле, подданных руси — ср.: Аничков 1914. С. 311–313). Поэтому стремящийся к единовластию Владимир, утвердившийся в Киеве при поддержке тех же словен, посылает своего дядьку Добрыню в Новгород, где тот ставит одного кумира над Волховом — идол Перуна. Княжеский культ торжествует над племенным, но торжество это не могло быть полным — «скотий бог» Волос «функционально» не мог быть вытеснен громовником Перуном. Более того, характерный мифологический (позднее — сказочный) мотив отсутствия среди «всех богов» одного (не званного на собрание, пир и т. п.) как бы моделировал «ущербность» Владимирова пантеона на ритуальном уровне.

Волос в лингвистических реконструкциях отождествляется с балтославянским Велесом (Иванов, Топоров 1974), хотя в древнерусских текстах эти имена не встречаются вместе — Велес упомянут не в летописи, а в апокрифическом «Хождении Богородицы по мукам» вместе с Хорсом и Трояном — персонажами, известными и «Слову о полку Игореве». Фольклору это имя (в отличие от имени Волос) неизвестно¹⁸⁸. Имя Велес в фольклорных исследованиях — плод кабинетной мифологии: Е.В. Барсов «реконструиро-

¹⁸⁸ Особую проблему представляют «Велесовы» камни, известные в балто-славянском пограничье (Топоров 1999. С. 290, сноска 23).

§ 1. Язычество: святилища и древнерусский пантеон

вал» фольклорных Велеса и Дажьбога, якобы известных на русском Севере, опираясь как раз на «Слово о полку Игореве» (см. критический анализ: Кримський 1927). Но имя Велес встречается в переводных хронографических произведениях, где оно означает сирийского бога Бела (ср.: Мансика 2005. С. 293–294). Бел, кстати, изображался в виде быка или с головой быка — был «скотским богом» (МС. С. 90).

Последнее обстоятельство заставляет с осторожностью относиться к возможностям отражения славянского (общеславянского) пантеона в «народной топонимии»: ср. многочисленные топонимы с основной *Велес*, в том числе на Балканах, отражения имен Трояна и Триглава и т. п. Впрочем, наличие народных названий, связанных с именами Перуна, Дажьбога, Стрибога и Мокоши, обнаруживает перспективы для поиска общеславянских истоков древнерусского пантеона (ср.: Березович 2007. С. 100; в индоевропейской ретроспективе — Тёга 2005).

Недавние исследования обнаружили новые параллели «Слову» в «отреченной книжности» XVII—XVIII вв. В заговоре из Великоустюжского сборника XVII в. присутствует интересный мотив: «Здуни же, Боже, с небесь ветри своим Святым Духом за святое море Окиян, ко царю ко Трояну» и т. д. А.А. Турилов и А.В. Чернецов (ОЧ: 222, ср. 55–56) отмечают, что имя императора Траяна стало популярно на Руси в XVII в. благодаря тому, что из памятников славянской книжности попало в Синодик. Напомним, что в «Слове о полку Игореве» «земля Трояня» расположена у синего моря; при этом «ветри, Стрибожи внуци, веют с моря стрелами на храбрыя пълкы Игоревы» (БЛДР, 4. С. 256).

Тенденция к умножению богов пантеона, формирующаяся в памятниках средневековой книжности, приводит на исходе средневековья к формированию синкретических списков (ср.: Ловмянский 2003. С. 104 и сл.) вроде пантеона Густынской летописи (ПСРЛ, 40. С. 44). Сходные тенденции характерны и для средневековой польской историографии, влиявшей на русскую; на польских авторов — от Я. Длугоша до М. Бельского — ссылается составитель Густынской летописи. Густынский список возглавляет, по традиции, Перун (Перконос), далее следуют отсутствующий в пантеоне начальной летописи Волос; некий Позвизд, ассоциирующийся с книжным польским Похвистом, атмосферным божеством погоды; Ладо, ассоциирующийся с эллинским Вакхом; Купала, Коляда и т. д. «Идолами» оказываются уже и воплощения календарных обрядов (ср. также о попытках ряда современных исследователей «расширить» этот пантеон — Зубов 1995).

§ 2. Выбор веры

«Выбор веры» в племенном обществе был невозможен. В отличие от христиан «язычники» — последователи племенных культов — не сомневались в «реальности» иноплеменных богов, но они были заведомо враждебны, покровительствовали «чужим» народам и землям. Варяги Олега и Игоря могли клясться Перуном, но не в силу «выбора» и не в силу предпочтения его Одину и Тору, а потому, что он был богом той славянской земли, где они жили, и богом славянского войска, которое возглавляла русская княжеская дружина. Выбор веры стал возможен тогда, когда Русская земля «стала есть» — Русское государство обрело свое место в мире раннесредневековой цивилизации, столкнувшись с соседями — христианами и мусульманами.

Сказание о выборе веры князем Владимиром — прениях с болгарами-мусульманами, немцами-латинянами, хазарскими иудеями, помещенное в «Повести временных лет» под 986 г., по-разному и не без противоречий трактуется в историографии. В первую очередь исследователи обращают внимание на то очевидное обстоятельство, что «выбор веры», или, в более широком смысле, диспут о вере, — это распространенный средневековый исторический и книжный сюжет («литературная фикция» — Ловмянский 2003. С. 223) с византийскими истоками (обнаруженными еще дореволюционным историком церкви Е.Е. Голубинским) и даже предполагаемым иудейским влиянием (летописный сюжет сопоставляется с «выбором веры» хазарским каганом в еврейско-хазарской переписке — прениями иудея с мусульманами и греками).

В этом отношении более существенной для древнерусской книжности была, конечно, кирилло-мефодиевская традиция, в данном случае — прения о вере Константина-Философа с представителями тех же конфессий: мусульманами-агарянами, иудеями в Хазарии, латинянами в Венеции. Недаром произносящий при дворе Владимира завершающую вероучительную речь грек именуется Философом: еще поздними русскими летописцами XV в. он был отождествлен с самим Константином (прямое воздействие на Речь Философа моравской традиции предполагал и А.С. Львов — ср.: Ловмянский 2003. С. 225). Было бы, однако, поспешным сводить сам летописный сюжет «выбора веры» только к византийскому, древнеславянскому или хазарскому литературному влиянию.

Дело в том, что сам сюжет вводится летописцем в реальный исторический контекст. Под 985 г. рассказывается о походе Владимира с Добрыней

§ 2. Выбор веры

на волжских болгар. Поход рисуется победным, Владимир заключает мир с болгарами и возвращается в Киев. И здесь вместо положенных жертв по случаю победы описывается приход болгарских послов: «Придоша болгары вѣры бохъмичѣ, глаголюще, яко: «ты князь еси мудръ и смыслень, не вѣси закона; но вѣруй в законъ нашъ и поклонися Бохъмиту»» (Бохмит — Мухаммед. — В. П.).

Установление договорных отношений с Болгарией Волжско-Камской имеет свое продолжение: болгарские послы проповедуют ислам (веру Бохмита — Мохаммеда, как обозначил ее летописец на греческий манер). Владимир для них действительно не ведает «закона», ибо закон — это Священное Писание, строго регламентированный религиозный культ (что было неотделимо от регламентации «бытового» поведения — ср.: Ловмянский 2003. С. 191 и сл.): только с «людьми писания» (к каковым относились в исламе иудеи и христиане) возможны были правовые договорные отношения — язычники подлежали обращению в «истинную веру», при сопротивлении их ожидал джихад — священная война.

Вопросы Владимира к болгарским послам об их законе соответствуют контексту летописи: язычник Владимир рисуется «побежденным женской похотью» — помимо многочисленных жен ему приписываются сотни наложниц (в этом он уподобляется летописцем библейскому Соломону). Князя прельщает картина мусульманского рая с гуриями, но отвращают обрезание, запрет есть свинину и, особенно, пить вино. Он ссылается на обычай пировать с дружиной: «Руси есть веселие пити...» (см. рис. 75, цв. вкл.) Ссылка на этот обычай — отнюдь не риторическая фигура: пиры с дружиной действительно были важной чертой государственного быта и формой распределения доходов («корма») — недаром урегулированию конфликтов на пирах посвящены и многие статьи древнейшего письменного законодательства, «Русской Правды», а побежденные древляне обязаны были доставлять мед — напитки для тризны по Игорю.

Само посольство болгар соответствует и общеисторическому контексту традиционных внешнеполитических связей Киева в X в.: через Болгар со времен Вещего Олега поступает на Русь (в обход Хазарии) восточное серебро и осуществляются связи с исламским Востоком, среднеазиатской державой Саманидов и Хорезмом. Характерно для летописных прений о вере, что посольство приписывается не неким «абстрактным» агарянам или измайльтянам, но имеет конкретный этноконфессиональный адрес — как и последующие посольства в исследуемом сюжете.

«Потом же, — продолжает летописец, — придоша нѣмцы от Рима, глаголюще: «Придохомъ послании от папежа». И рѣша ему (Владимиру. — В. П.): «Реклъ ти тако папежь. Земля твоя яко и земля наша, а вѣра ваша не яко вѣра наша; вѣра бо наша свѣтъ есть. Кланяемся Богу, иже створилъ небо, и землю, звѣзды, месяцъ, и всяко дыханье, а боги ваши — древо суть». Володимеръ же рече: «Кака заповѣдь ваша?» Они же рѣша: «Пощенье по силе. «Аще кто пьеть или ясть, то все въ славу Божью», — рече учитель нашъ Павел». Рече же Володимеръ нѣмцемъ: «Идѣте опять, яко отцы наши сего не прияли суть»» (ПВЛ. С. 39–40).

Вероятно, что слова «немцы от Рима» отражают ту реальную историческую обстановку, которая сопутствовала времени выбора веры и крещения Руси, когда германские императоры, начиная с Оттона I (962 г.), овладели Римом, подчинили своему влиянию пап (немцы пришли из Рима от папы — «папежа») и вступили в конфликт с Византией: в этом конфликте они стремились заручиться поддержкой Руси. «Папеж» — слово, появившееся с первыми немецкими миссионерами у западных славян в Моравии, и оттуда попало в древнерусский язык.

А.В. Назаренко усматривает в летописном известии о немцах из Рима отражение сведений о посольстве от Оттона II (которое датирует 982 / 983 г.) и даже в самом летописном диалоге с немцами видит намек на неудачную миссию Адальберта, присланного епископом на Русь еще при Ольге в 961 г. Недаром Владимир отсылает послов со словами, что «отцы наши сего не прияли суть». Едва ли можно, впрочем, рассматривать летописный сюжет вне греко-латинской (равно как греко-мусульманской и греко-иудейской) полемики, которая представлена в последующей речи греческого посла — Философа: Философ упрекает латинян, что они «не исправили веры» — причащаются опресноками, а не хлебом и не творят причастия вином.

Не вполне ясно из летописного текста, чего именно «не прияли» предки Владимира — «заповеди» в целом или обычаев поста — «пощенья». В комментариях к этому мотиву предполагалось даже, что речь в первоначальном летописном тексте («Древнейшем своде») вообще не шла о посте, а имелось в виду «потщенье» — сильное усердие в служении Богу; цитата же из Павла была приведена редактором Начального свода, переиначившим исходный смысл фразы. Однако структура самих прений о вере — слов, произносимых послами, — предполагает описание пищевых запретов: они приводятся в речах болгар и иудеев и относятся к числу обязательных объектов полемики с иноверцами в древнерусской литературе. В полемике с

§ 2. Выбор веры

латинянами наиболее остро переживались как раз расхождения в области пищевых запретов и поста¹⁸⁹.

Вообще, требование ритуальной чистоты было свойственно начальному русскому христианству, в том числе княжеским церковным уставам — вопрос о сути Божества (Троице), равно как о добре и зле, по летописи, не затрагивался в прениях о вере при дворе Владимира. Но, скорее, речь в отповеди князя немцам идет все же о латинском «законе» в целом: летописец, естественно, не мог приписать язычнику Владимиру антилатинские аргументы, употреблявшиеся в Речи Философа, поэтому вынужден был глухо сослаться на неприятие латинской веры «отцами». Ответные посольства князя к болгарам, немцам и грекам призваны испытать их «закон», и отсутствие «красоты» в богослужении отворачивает послов, пришедших «в Немцы». Тогда послы идут далее «в Греки» и возвращаются на Русь, пораженные «небесной» красотой греческого богослужения: «не свѣмы, на небѣ ли есмы были, ли на земли» (ПВЛ. С. 49).

Показательно, что летописный маршрут русского посольства не включает Рим — послы не следуют по пути из варяг в греки, а идут напрямую «в Немцы», а затем в Царьград, в чем также можно усматривать отражение в летописи исторических реалий второй половины X в.: послы следуют путем немецких миссионеров. Как уже говорилось, эти реалии погружены в контекст традиционной полемики (доходящей в Речи Философа и последующей «Корсунской легенде» до религиозных наветов в отношении как мусульман, так и латинян), но историческая актуальность самого выбора веры — греческого или латинского обряда, «обретение» веры в Византии или крещение от немецких миссионеров — в начальной истории христианства на Руси и в начале княжения Владимира представляется достаточно очевидной.

Особого внимания заслуживает и конкретно-историческая характеристика иудейского посольства — «жидове козарьстии»: характерно, что это едва ли не единственный случай в древнерусской (и византийской) литературе, когда говорится об иудаизме хазар. Испытание Владимиром их веры сводится в летописи к риторическому и, вместе с тем, важному для выбирающего государственную религию князя вопросу: «То гдѣ есть земля ваша»? Князь (и летописец) не мог не знать, что земля хазар разгромлена его отцом Святославом. Попытка хазарских иудеев объявить, что земля их — «в Еру-

¹⁸⁹ Проблема строгости поста была актуальной для светских властей раннесредневековой Европы в целом, власти не могли отказаться от «варварской» традиции пиров (ср.: Ловмянский 2003. С. 307–308).

салиме», была немедленно разоблачена, и когда те признали, что за грехи Бог «расточил» их по странам, Владимир обвинил их посольство в злонамеренности: «Еда и намъ тоже мыслете прияти?» (мотив злонамеренности иудеев характерен для византийской и древнерусской литературы) (см. рис. 76, цв. вкл.).

Признание иудеев в том, что «их земля» — Иерусалим — «предана хрестяномъ», было воспринято исследователями как свидетельство позднего происхождения всего мотива иудейского посольства. Действительно, Иерусалим был захвачен христианами-крестоносцами в результате Первого крестового похода в 1099 г. Это соображение, однако, не может быть принято по двум причинам. Во-первых, прения о вере включены не только в «Повесть временных лет», но и в Новгородскую первую летопись и, стало быть, имелись уже в Начальном своде 1095 г. Во-вторых, город был отво-еван не у иудеев, а у мусульман. Скорее, в летописных прениях о вере речь идет о традиционных «имперских» притязаниях Византии на Святую землю: в Речи Философа (равно как и в идейно близком Речи «Слове о Законе и Благодати» Илариона) и говорится о том, что иудейской землей завладели «римляне» — ромеи. Греки Византии продолжали считать себя ромеями — гражданами Римской империи. Значит, в мотиве о хазарских иудеях летопись следует ранней традиции, а не конструкции начала XII в.

После открытия письма еврейско-хазарской общины Киева, датируемого X в., представляются очевидными местные киевские истоки летописной традиции о посольстве хазарских иудеев. Иногда считаются даже не случайными слова летописца об иудеях, которые заявляют, что сами «слышали» о приходе болгар и немцев к Владимиру. Это, конечно, свойственный летописным прениям о вере риторический прием, ибо, по летописи, следом за иудеями является Философ, которого присылают греки, и также говорит о дошедших до них слухах. Правда, Философ «слышал» лишь о немецком и болгарском посольствах — тогда Владимир сообщает ему о посольстве иудеев и в ответ выслушивает Речь Философа, содержащую антииудейскую полемику.

Вопреки распространенному мнению активность иудеев не могла сравниться с миссионерской деятельностью латинян и мусульман уже потому, что миссионерство не было свойственно иудейской традиции (что верно отмечал еще В.Н. Татищев), а желающих обратиться в иудаизм необходимо было первым делом предупредить о гонениях, которым подвергается за веру еврейский народ (а не выдавать желаемое за действительное). Мотив рассеяния евреев за грехи присутствует в еврейско-хазарской переписке и

§ 3. «Запона» с «судищем Господним». Крещение Руси и сюжет Страшного суда

других иудейских сочинениях. При этом евреи могли (и даже были обязаны) способствовать распространению так называемых заповедей сыновей Ноя, которым должны были следовать «языки» — потомки библейского праотца (запреты идолопоклонства, богохульства, кровопролития, воровства, прелюбодеяния и т. д.). Но в число этих заповедей не входили собственно иудейские Моисеевы законы, в том числе обрезание и соблюдение субботы. К историческим «реалиям» X в., таким образом, можно относить упоминание в летописи самих «жидов козарьстих», даже их участие в «диспуте» при дворе Владимира, но едва ли их посольство — «миссию».

Речь не идет, конечно, об исторической реальности прений о вере в Киеве накануне крещения Руси (хотя отрицать возможность такого диспута также нет прямых оснований). Можно, однако, утверждать, что «прения о вере» относятся к раннему пласту русской летописной традиции. Д.С. Лихачев реконструировал «Сказание о начальном христианстве на Руси», и эта реконструкция соотносится с шахматовской гипотезой о Древнейшем своде 1039 г., предшествовавшем «Повести временных лет» и Начальному своду.

В целом, историческая информация, содержащаяся в прениях о вере, достаточно достоверно характеризует геополитическую позицию Древней Руси в конце X в., ее положение между Византийской и Германской империями, отношения с Волжской Болгарией и представляемым ею мусульманским Востоком, хазарское наследие и преобладающую ориентацию на Византию. Отношение к различным конфессиям, явленное в летописных речах Владимира, конечно, определялось взглядами летописца и предшествовавших ему русских книжников, основанными на византийских традициях (см. Петрухин 2002, там лит.).

§ 3. «Запона» с «судищем Господним». Крещение Руси и сюжет Страшного суда

Речь Философа — греческого миссионера, явившегося к князю Владимиру, в «Повести временных лет» (под 986 г.) завершается обязательным для катехизации повествованием о грядущем Страшном суде. Однако заключительный акт этой катехизации представлял собой в летописи необычный пример «наглядной агитации»: Философ «показа Володимеру запону, на ней же бѣ написано судище Господне, показываше ему о десну праведныя в весельи предъидуща въ рай, а о шююю грѣшники идуща в муку. Володимеръ

же вздохнувъ, рече: «Добро симъ о десную, горе же симъ о шуюю». Онъ же [Философ] рече: «Аще хочещи о десную съ праведными стати, то крестися». (Вспомним представление о том, что ангел-хранитель стоит справа — одесную от верующего, черт же скрывается слева: принято плевать на него через левое плечо — ошую. — В. П.) Володимеръ же положи на сердци своемъ, рек: «Пожду и еще мало», хотя испытати о всѣх вѣрахъ» (ПВЛ. С. 48). Князь отпустил Философа с честью, дав ему многие дары. Далее следует мотив испытания вер и свидетельство русских бояр, посетивших Царьград, о том, что при греческом богослужении «Бог с человеки пребываетъ». Тогда Владимир решает креститься.

«Наглядная катехизация» — демонстрация заповедей, как показал А. Грабар, уходит в далекое и даже нехристианское прошлое: пророк Мани, основатель манихейства, и его последователи демонстрировали картины Страшного суда с торжествующим добром и наказанным злом, изображением престола судии и т. п. Об оснащении византийских миссионеров свидетельствует относительно позднее (VIII в.) «Житие» св. Панкратия, согласно которому сам апостол Петр дал миссионерам «...весь церковный чин, две книги божественных таинств, два Евангелия, два апостола, которые проповедовал блаженный апостол Павел, два серебряных блюда — дископотира, два креста... и украшения церкви, то есть образ Господа нашего Иисуса

Рис. 77. Терракота Барберини
(по: Грабар А. Император в византийском искусстве. М., 2000. С. 214)

Христа, (изображения) из Ветхого и Нового заветов». «Толкуя все притчи, Панкратий объяснял все, находящееся в Евангелии. <...> Все это он показывал на картинках», в том числе «страсти, крест, погребение, воскресение и [все] до [того] времени, когда Он вознесся в небеса с Горы Елеонской» (Иванов 2003. С. 314–315).

Собственно иконография Страшного суда, каким он изображен в летописном повествовании, складывалась тогда же, когда и начальное русское летописание — в XI в., но и здесь известны значительно более ранние опыты создания подобных композиций, самый

§ 3. «Запона» с «судищем Господним». Крещение Руси и сюжет Страшного суда

известный из которых — так называемая терракота Барберини начала V в. (рис. 77). В верхней части терракотового диска — благословляющий Иисус на престоле с сидящими апостолами; у подножия престола с правой стороны — таблички с монограммами Христа, воплощающие «книги Жизни»; с левой — кнут и сумы, символы наказания. В нижней части терракоты — маленькие фигурки людей, отделенных от престола некоей решетчатой оградой из двух створок — то, что по-древнерусски можно было бы назвать «запоной» или «споной» (преградой — препоной).

По-гречески алтарная преграда и именовалась «решеткой», и в античную эпоху такая решетка действительно отделяла в общественных зданиях — базиликах — помещение для судей. Оно сохранялось в алтарных преградах ранних церквей (базилика IV в. Локриде), что еще раз указывает на связь терракоты Барберини с атрибутами судебного разбирательства. Кроме того, алтарная преграда окаймляла виму (биму) — алтарное пространство перед престолом; в греческой традиции слово «бима» означало не только седалище, кафедру, но и возвышенное место суда (судьи). Очевидно, эта античная традиция воздействовала и на раннюю синагогальную традицию (на биму возводили обвиняемых в ереси), и на манихейскую: специальный праздник Бема был связан с воспоминанием о смерти Мани — для этого воздвигали престол судьи, на котором незримо присутствовал Мани. В христианской традиции вима — место, символизирующее грядущее Второе пришествие.

Мотив Небесного судьи оказывается центральным и для христианской иконографии — Деисуса, в том числе для алтарной преграды Св. Софии Константинопольской: на завесе алтарного кивория, в описании Павла Силенциария (563 г.), Христос изображен передающим Закон (Завет в сюжете *Traditio legis*) апостолам, подобно судье, передающему судебное постановление исполнителям в римской правовой процедуре, происходившей в экседре базилики. Недаром цитированный летописный текст о выборе веры вводится словами, приписанными послам волжских болгар — мусульман: «Ты князь еси мудръ и смыслень, не вѣси закона (курсив мой. — В. П.)». В тексте Начальной летописи «запона» — это не икона, а завеса. Исследователи истории алтарной преграды отмечают, что в XI в. в византийских храмах распространяется монастырский обычай завешивать алтарную часть сплошной завесой, причем задергивание завесы (катапетасмы), по интерпретации византийского канониста Николая Андидского, соотносится с приведением Христа на ночной суд Синедриона, раздвинутая завеса означает утреннее приведение Иисуса на суд Пилата.

И здесь, однако, известны более ранние примеры (помимо приведенного в описании Павла Силенциария) использования золотканых завес, предназначенных для украшения алтарной преграды, в том числе представлявших собой тканые иконы с изображениями Страстей и Воскресения (Сшествия во ад); они упоминаются в латинском источнике IX в., использованном А.М. Лидовым. Исследователь предположил, что подобные вышитые иконы в алтарной преграде были широко распространены и в восточнославянском мире (Лидов 2000. С. 18; см. о тканых завесах как вероятном элементе конструкции преграды — Чукова 2004. С. 27, 38). Правда, источники не сообщают о сюжете Страшного суда в связи с ткаными завесами, но шитые иконы Страстей и особенно Сшествия во ад вплотную подводят и к этому сюжету.

Давно указанной ближайшей параллелью летописному рассказу остается византийская хроника — «Продолжатель Феофана» (IV,15), относящаяся к середине X в. и повествующая о крещении болгарского князя Бориса, которое имело место в 864 г. Как и Владимир, воспитывавшийся христианкой Ольгой, Борис успел познать некоторые основы христианского вероучения благодаря усилиям его благочестивой сестры, вернувшейся из византийского плена, однако закошел в язычестве. Будучи страстным охотником, князь заказал в одном из своих домов «картину», чтобы она услаждала его глаз. Борис заказал ее византийскому монаху-художнику по имени Мефодий, причем велел Мефодию «писать не битву мужей, не убийство зверей и животных, а что сам захочет, с условием только, что эта картина должна вызывать страх и ввергать зрителей в изумление». Ничто не внушает такого страха в переживаемый канун второго тысячелетия христианской эры, знал художник, как Второе пришествие, и потому изобразил именно его, нарисовав, как праведники получают награды за свои труды, а грешники пожинают плоды своих деяний и сурово отсылаются на предстоящее возмездие. Увидел Борис законченную картину, через нее «воспринял в душу страх Божий, приобщился божественных наших таинств и глубокой ночью сподобился божественного крещения».

Показательно, что в позднейшей славянской православной традиции монах Мефодий византийского хрониста соотносится с Мефодием Солунским, как и Философ Начальной русской летописи — с Кириллом (Константином) Философом, миссионерами — первоучителями славян. А.А. Шахматов (вслед за В.Н. Татищевым и др.) считал, что рассказ «Продолжателя Феофана» о крещении Бориса стал источником летописного рассказа. Скорее перед нами распространенный раннесредневековый сюжет. При этом

§ 3. «Запона» с «судищем Господним». Крещение Руси и сюжет Страшного суда

интерес представляет то, какие «наглядные пособия» использовались в приведенных исторических эпизодах при катехизации. Попытку интерпретации летописного текста, как уже говорилось, предпринял миниатюрист, иллюстрировавший Радзивилловскую летопись XV в. и изобразивший икону с Христом, восседающим на престоле с книгой (что вполне соотносится с иконографией Страшного суда), а не «запону», являемую Владимиру. Другой, более поздний интерпретатор, составитель Густынской летописи XVII в., «уточнил» текст «Повести временных лет»: Философ продемонстрировал князю Владимиру «запону златотканую».

Действительно, речь может идти о неких литературных реминисценциях в Начальной летописи, иногда уводящих и современных интерпретаторов достаточно далеко от летописного текста. А.А. Архипов напрямую сопоставил запону Начальной летописи с паргод (мистической завесой) еврейской Книги Еноха и т. п., в контексте предполагаемого им «еврейского измерения древнерусской культуры», поисков хазарского наследия и т. д. Впрочем, это сопоставление закономерно возвращает нас от мистической завесы паргод, перед тронем Господним, к Храмовой завесе (парохет) перед Святой Святых в Иерусалиме, а стало быть, к тексту Начальной летописи.

Собственно в летописном тексте запона, поразившая Владимира, явно соотносится с Храмовой запоной — завесой, о которой рассказывает Владимиру тот же Философ: после распятия «церковная запона раздрася надвое, мертвии всташа мнози, имъ же», — дополняет евангельский текст летопись — [Иисус] «повель в рай ити» (ПВЛ. С. 47; ср.: Матфей, 27. С. 51–52). Связь этого мотива разорванной запоны с темой Страшного суда еще более очевидна в славянском (древнерусском) «Слове о сошествии Иоанна Крестителя во ад», где завеса Храма определенно ассоциируется с разбитыми воротами преисподней — ада, откуда Христос выводит в рай пророков. Сошествие во ад в христианской традиции — прообраз Второго пришествия и Страшного суда, охватывающего весь космос: Сошествие во ад (Воскресение) имелось и среди «картинок», которые демонстрировал св. Панкратий, согласно уже упоминавшемуся Житию.

Можно предполагать, что картина Страшного суда была вышита на запоне, которую демонстрировал Владимиру греческий Философ (см. рис. 78, цв. вкл.), но это не снимает проблемы литературных реминисценций в летописном тексте. Космологическая символика христианского храма, включая символику алтарной преграды (темплон, др.-рус. тябло), царских (святых) врат, открывающих путь в Святой Святых и в Царство небесное (а одновременно и к гробу Господню, который символизировал алтарь), была хорошо

известна древнерусской литературе. Показательно, что уже в древнерусском переводе «Иудейской войны» Иосифа Флавия (XII в.) рассказывается, что вышивка на храмовой завесе (греч. *катапетасма* — др.-рус. *запона*) несла символы четырех космических стихий и «всяко небесное видение», кроме 12 знаков зодиака (Иудейская война, 5.5. 4). Разорванная в миг смерти Иисуса завеса воплощала не только раскрытие адских врат, но и грядущую апокалиптическую гибель и обновление всего творения в день Страшного суда: в толковании Симеона Солунского «Христос проложил путь через завесу плоти, через Него нашли мы вход во Святое» (Шалина 2000. С. 63).

Современные исследователи показали, что на Руси с XI в. распространенным было эсхатологическое толкование божественной литургии в целом, при котором алтарная преграда воспринималась как видимый образ грядущего Суда и Спасения — в этот образ «вписывалась» и летописная запона с «судищем Господним» (см. также Петрухин 2011. С. 161–170, там лит.).

Эсхатологические ожидания усилились во всем христианском мире к концу первого тысячелетия христианской эры: они были актуальны и для Византии X–XI вв., откуда исходила проповедь летописного Философа, — особенно это относилось к мотивам Сошествия во ад и Воскресения из мертвых. Очевидно, князь Владимир не случайно построил в 996 г. Десятинную церковь — первую русскую каменную церковь, аналог Иерусалимского храма, на месте киевского некрополя X в., где были похоронены и язычники, и первые киевские христиане (см. ниже). Сам храм, видимо, был посвящен Успению Богородицы: Успение, естественно связанное с погребальным культом, воспринималось в христианской традиции как перемещение Богоматери к Божьему престолу, «во внутреннейшее за завесу (курсив мой. — В. П.), куда предтечею за нас вошел Иисус», — цитирует в связи с этим апостола Павла (К евреям, 6. С. 19–20) Иоанн Дамаскин.

Десятинная Богородичная церковь призвана была объединить, в соответствии с православным канонам, всех «верных» — живых и мертвых. Там упокоился не только сам князь Владимир; согласно «Повести временных лет», в 1044 г. из языческих курганов были эксгумированы останки его братьев — Олега и Ярополка. Их кости (вопреки запрету Карфагенского собора) были крещены и перезахоронены в Десятинной церкви — князя, таким образом, были «выведены из ада» (см. далее).

Увиденное на запоне Владимир «положи на сердца своем», признав, что хорошо праведникам, тем, что «о десную», и горе тем, что «о шуюю». Фило-

§ 3. «Запона» с «судищем Господним». Крещение Руси и сюжет Страшного суда

соф отвечал князю, что, если он хочет стать с праведными, пусть крестится. Ответ был неожиданным: «Пожду и еще мало».

Ф.И. Буслаев предположил, что задержка князя с крещением произошла не только потому, что ему нужно было время для испытания вер. Он приводит в качестве параллели эпизод с крещением фризского короля Радбода (ум. 719) святым Вульфрамном: король уже ступил одной ногой в купель, но вдруг спросил, где пребывают его предки — между праведниками или в аду? Проповедник вынужден был ответить, что язычники погубили свои души. Радбод (по дьявольскому наущению — добавляет агиограф) отказался креститься, желая разделить загробную участь с сородичами (*Vita Vulframni*: 688; ср.: Гири 1999. С. 193).

Владимира, согласно летописным прениям о вере, особенно интересовала загробная жизнь: о гуриях мусульманского рая он «послушаше сладко», ибо «сам любя жены и блуженье многое». Показательно, что наказание женолюбца известно в раннесредневековой западной традиции: при Людовике Благочестивом в Сен-Галленском монастыре было создано «видение» загробного мира, согласно которому сам Карл Великий должен был претерпевать за женолюбие муки в преддверии ада — некое чудовище терзало там его половые органы. Владимиру было о чем поразмыслить во время катехизации.

В контексте летописи самая пространная из речей послов — греческая Речь Философа, завершающая прения о вере, являет не только «катехизис», проповедь, излагающую основы христианского вероучения для «оглашаемого» — готовящегося принять христианство, но и методологию истории. Ветхозаветные «исторические» события — события «временных лет» — есть прообраз событий новозаветных, когда «исторический» первородный грех человечества был искуплен жертвой Христа, и смысл истории стал заключаться в восприятии всем человечеством — «языцами» — этой спасительной Благой вести (в конкретном историческом воплощении — христианского учения, распространяемого греками). Крещеная Русь переставала быть северным варварским народом — наоборот, именно она выполняла промысел Божий, ибо слово Божие достигло краев ойкумены, о чем писал в первой трети XI в. Иларион. В этом отношении сюжет «выбора веры» составил основу не только начальной истории русского христианства, но и древнерусской истории вообще.

Выбор Руси, как уже отмечалось, был в общем предрешиен: столетие регулярных межгосударственных отношений Руси с Византией на пути «из варяг в греки», осевой магистрали Руси, и крещение в Константинополе

«росов» и их архонтиссы Ольги во многом предопределяли «выбор веры», культурную и государственную ориентацию Руси в целом (см. рис. 79, цв. вкл.). Очевидно, что русских князей (как и крестителя болгар Бориса) устраивала византийская традиция главенства «светского» правителя над церковным владыкой при видимом взаимном дополнении двух властей в самой Византии. Но в самом акте принятия крещения обращают на себя внимание собственно русские традиции: князь принимает решение, созвав «бояр своих и старцев градских» — дружину.

Согласно летописи, бояре побывали сначала у болгар-мусульман и немец-латинян, а затем — у греков. Исламский намаз не приглянулся послам: «Ходихом въ Болгары, смотрихомъ, како ся поклоняють въ храмъ, рекше в ропати (мечети. — В. П.), стояще бес пояса; поклонився сядеть и глядять сѣмо и онамо, яко бѣшенъ и нѣсть веселья в них, но печаль и смрадъ великъ. Нѣсть добръ законъ ихъ». Суровая обрядность латынян также не впечатлила послов: «видѣхомъ въ храмѣхъ многи службы творяща, а красоты не видѣхомъ некояже». Услышав о прибытии русских послов, сам греческий царь велел патриарху отслужить службу в святительских ризах. На этот раз — в отличие от прецедента с язычниками Олега — грекам удалось впечатлить посольство, «показавше красоту церковную»: пораженные красотой их церковной службы, послы советуют князю принять «закон греческий», как сделала его бабка Ольга. «И придохомъ же въ Греки, и ведоша ны, идеже служить Богу своему, и не свѣмы, на небѣ ли есмы были, ли на земли [...] токмо то вѣмы яко онѣдѣ Бог с человекѣи пребываетъ, и есть служба их паче всѣхъ странъ». Действительно, считалось, что во время православной литургии небеса соединяются с землей. Тогда Владимир спрашивает бояр: «Где крещенье приемемъ?» — и получает ответ: «Гдѣ ти любо» (ПВЛ. С. 49).

Это совещание с дружиной (старшей дружиной — боярами) и «старцами градскими» предшествует Корсунской легенде — повествованию, приведенному в «Повести временных лет» под 988 г., о походе Владимира на Херсонес и крещении в этом греческом городе. Вопрос о том, где следует принять крещение, обычно связывают с последующим летописным известием о противоречивых преданиях: «не сведуща право» говорят, что князь крестился в Киеве, Василеве или других местах. Василев — один из городов на Стугне, в системе крепостей, построенных Владимиром после крещения Руси. Город носит крещальное имя самого князя — очевидно, это и повлияло на сложение предания о крещении там Владимира.

Сложнее обстоит дело с Корсунской легендой о крещении Владимира. «Повести временных лет» противоречит «Память и похвала князю Влади-

§ 3. «Запона» с «судищем Господним». Крещение Руси и сюжет Страшного суда

миру» Иакова Мниха, который (без достаточных оснований) отождествляется иногда с монахом Киево-Печерской лавры, упомянутым в летописи под 1074 г. Датировка этого произведения и его соотношение с летописным текстом неясны (предполагается, что в житийной части «Памяти» Иаков использовал летопись; не случайно упомянутые там же Перун и Хорс представляют лишь начало летописного списка Владимировых богов). Вместе с тем «Память» предлагает несколько отличную от летописи последовательность и хронологию событий, отчасти подтверждаемую иными источниками. Так, Владимир действительно вокняжился в Киеве не в 980 г. (по летописи), а в 978 г. Согласно этой хронологии, князь принял крещение в самом Киеве в 987 г.; на следующее лето — ходил на днепровские пороги; на третье лето (989 г.) — взял Корсунь.

Очевидно, предание о крещении князя в Киеве отражало практику упомянутого *prima signatio*, «оглашения» — готовности принять христианство, которую «огласил» Владимир в Киеве после прений о вере и катехизации (Речь Философа). Предполагают, что князь крестился в Киеве собственно на праздник Крещения 6 января 988 г. Более того, учитывая, что эта практика была принята у скандинавов, и ей последовал, согласно исландской саге, норвежский конунг Олав Трюгвасон, принявший оглашение в Византии (накануне на Руси ему было видение того света — Джаксон 1993. С. 147–148), исследователи летописного сюжета (начиная с Е.Е. Голубинского) предположили, что и Владимир принял оглашение под влиянием варягов — христиан, община которых была известна в Киеве с середины X в., до похода на Корсунь. Саги об Олаве повествуют о том, как этот норвежский конунг склонил и «конунга Гардарики» (Руси — «Страны Гардов») — Владимира — к крещению.

И вместе с тем вопрос Владимира к дружине о месте, где следует принять крещение, в летописном контексте мог одновременно означать и иное: Ольга, согласно «Повести временных лет» (и «Памяти и похвале князю Владимиру»), приняла крещение в самом Царьграде. Здесь нельзя не вспомнить о летописном известии, относящемся именно к этому эпизоду: Ольга, согласно известию, была недовольна приемом в Царьграде как унижительным для нее. Не суть важно, насколько была унижена княгиня в действительности — ясно, что крещение в Константинополе так или иначе демонстрировало зависимость вновь обращенного от Византии (на что справедливо указывал еще церковный историк XIX в. митрополит Макарий).

По древнерусским памятникам, Владимир выбрал иной — традиционный для Руси — путь: военную кампанию. Он захватывает Корсунь —

крупнейший византийский город в Крыму, связанный по традиции с апостольской деятельностью Андрея Первозванного. В «Памяти и похвале князю Владимиру» приводится его молитва: «Господи Боже Владыко всѣхъ, сего у тебе прошю: даси ми градъ, да приму и да приведу люди христианы и попы на всю землю, и да научать люди закону христианскому». В захваченном городе князь берет церковную утварь, иконы, мощи священномученика Климента и иных святых, затем просит у царей Константина и Василия сестру в жены, «да бы ся болма на христианский законъ направиль»; императоры дают князю сестру с многими дарами и мощами святых (БЛДР, т. 1. С. 324).

В «Повести временных лет» князь гораздо более агрессивен: он требует у царей сестру Анну в жены, иначе, грозит Владимир, он захватит и Царьград. Эти действия соответствуют принципам русской военной дипломатии X — первой половины XI в.: так и Игорь во время реванша 944 г., и Святослав во время вторжения в Болгарию угрожали грекам походом на Царьград. В Корсунской легенде и проложном житии Владимир, взяв Корсунь, обращается к «царям» с той же угрозой: сестра императоров должна стать женой русского князя, «аще ли не даси, то створю граду твоему, якоже и сему створих» (ПВЛ. С. 50). Но требование руки багрянородной принцессы было беспрецедентным для Руси (предположения о попытках сватовства, якобы предпринятых Ольгой, стремившейся женить своего сына Святослава на византийской принцессе, остаются гипотетическими).

У греков был готов ответ на подобного рода претензии, и Константин Багрянородный в середине X в. поучал своих наследников: «Если когда-либо народ какой-нибудь из этих неверных и нечестивых северных племен попросит о родстве через брак, т.е. либо дочь его получить в жены, либо выдать свою дочь, василевсу ли в жены или сыну василевса, должно тебе отклонить и эту их неразумную просьбу, говоря такие слова: „Об этом деле также страшное заклятие и нерушимый приказ великого и святого Константина начертаны на престоле вселенской церкви христиан святой Софии: никогда василевс ромеев не породнится через брак с народом, приверженным к особым и чуждым обычаям, по сравнению с ромейским устройением, особенно же с иноверным и некрещеным, разве что с одними франками“».

Видимо, военно-дипломатические аргументы Владимира были достаточно сильны, чтобы разрушить ромейскую предубежденность. Цари требуют, чтобы Владимир крестился в обмен на руку их сестры, и князь добивается, таким образом, сразу двух преимуществ: он становится собственником царей и получает крещение как победитель, а не как проситель.

§ 3. «Запона» с «судищем Господним». Крещение Руси и сюжет Страшного суда

В историографии давно было предложено объяснение такому экстраординарному шагу в политике Византии, наиболее убедительно аргументированное польским историком А. Поппэ: власть Василия II (и его соправителя Константина) оказалась под угрозой после мятежа Варды Фоки, который в 987 г. овладел Малой Азией, а к лету 988 г. подошел к Константинополю. Лишь при помощи шеститысячного «росского» корпуса мятежников удалось разбить 13 апреля 989 г. Из скурых сообщений ближайших современников событий — армянского историка Степана Таронита (Асохика) и христианского сирийского автора Яхьи Антиохийского (ок. 1066 г.) следовало, что военную помощь Византия получила после соглашения о браке между Владимиром и Анной и крещения Руси.

Согласно «Истории» Яхьи, мятеж Варды Фоки привел к тому, что Василий II вынужден был «послать к царю русов, — а они его враги, — чтобы просить их помочь ему в настоящем положении. И согласился он на это. И заключили они между собой договор о свойстве, и женился царь русов на сестре царя Василия, после того как он поставил ему условие, чтобы он крестился и весь народ его страны, а они народ великий. И не причисляли себя русы тогда ни к какому закону и не признавали никакой веры. И послал к нему царь Василий впоследствии митрополитов и епископов, и они окрестили царя и всех, кого обнимали его земли, и отправил к нему сестру свою, и она построила многие церкви в земле русов» (Коновалова 1999. С. 232).

Предполагается, что уже летом 987 г. в Киев должно было явиться посольство во главе с митрополитом Феофилактом (вынужденным до того оставить Севастию в захваченной мятежниками Малой Азии) с предложением Владимиру руки принцессы Анны в обмен на крещение и предоставление военной помощи империи. Крещение Владимир, как уже говорилось, мог принять в Киеве на рождественские праздники, включавшие и день Василия Великого (1 января) — святого покровителя императора и новокрещеного князя, принявшего царственное имя «Василий», — и собственно праздник Крещения, до прибытия Анны. Предлагаемая Поппэ дата (6495 мартовский год от сотворения мира) соответствует дате, содержащейся в «Памяти и похвале князю Владимиру». Киевлян могли крестить на Пятидесятницу, что соответствует и традиционной летописной дате крещения Руси в 988 г.

Вопрос заключается в том, что во время военной кампании в Малой Азии другое русское войско — во главе с Владимиром — должно было осаждать византийский Херсонес, взятый летом 989 г. Анджей Поппэ (Поппэ

1989) предложил гипотезу, согласно которой акция русского князя была направлена не против византийских императоров, а против Херсонеса, якобы поддержавшего мятеж, — такая возможность предполагалась еще договором руси с греками 944 г. Город с древними традициями античного полиса не раз пытался проводить независимую от столицы политику.

Возможно, ситуацию с двумя параллельными русскими кампаниями до некоторой степени проясняют упомянутые саги об Олаве Трюггвасоне, где говорится, что норвежский конунг, вдохновленный (как и Владимир) видением загробного мира и повелением ангела, рассказывает о видении Владимиру (в саге — Вальдамару), отправляется из Руси (Гардарики) в Грецию со своим флотом и там принимает приглашение. Варяги и росы не различались в византийской книжности до начала XI в. — возможно, именно этот конунг-викинг со своей дружиной и участвовал в подавлении мятежа (Петрухин 2011. С. 171–175). Согласно «Большой саге об Олаве Трюггвасоне», сам конунг на обратном пути убедил князя креститься и даже призвал из Греции некоего епископа Павла (Палла), но это скорее всего традиционное для поэтики саг преувеличение роли главного героя, оказывавшегося центральной фигурой всех основных событий.

Как уже говорилось, собственно древнерусские источники содержат отличную от «внешних» интерпретацию событий: инициатива там принадлежит самому Владимиру. А.А. Шахматов справедливо писал, что Корсунь заменил для Владимира недостижимую (идеальную) цель военных предприятий первых русских князей — сам Царьград. Зачин летописного описания похода Владимира на Корсунь дословно совпадает с началом описания легендарного похода Олега на Царьград. Мотив женитьбы на царевне в покоренном городе также можно считать «архетипическим» для древнерусской традиции, особенно для преданий о Владимире (ср. его женитьбу на княжне Рогнеде в покоренном Полоцке). Власть над правительницей воплощает власть над покоренной землей, но Владимир добивается от греков иных благ.

Цари ромеев настаивали, что «не достоин христианам выдавать своих женщин замуж за поганых». Если же Владимир крестится, то получит жену и царство небесное. Князь дал обещание, греки же стали собирать в дорогу сестру императоров Анну: Владимир, однако, предупредил, что лишь пришедшие с Анной священники смогут крестить его. Анну пришлось уговаривать, чтобы она отправилась в Русскую землю, иначе русь сотворит много зла грекам. Со слезами та распрощалась с близкими, вступив на корабль. Корсуняне с почетом приняли Анну, усадив ее в «палате». Владимир же вне-

§ 3. «Запона» с «судищем Господним». Крещение Руси и сюжет Страшного суда

запно ослеп. Тогда «царица» отправила к нему послов, велев передать, что если князь хочет исцелиться — пусть примет крещение. Тогда корсунский епископ с царицыными попами крестил князя, и только он возложил руку на его голову — Владимир прозрел. Тогда князь прославил Бога и возгласил, что познал Бога истинного. Это произошло в церкви св. Василия возле царицыной палаты, что стоит до сего дня, подтверждает истинность своих слов летописец (ПВЛ. С. 50) (см. рис. 80, цв. вкл.).

Легенда о крещении Владимира напоминает мотивы житий Георгия Амастридского и Стефана Сурожского, где русские князья, захватившие греческие города, оказываются поражены внезапным недугом и исцеляются после крещения или возвращения разграбленных святынь. Но в агиографической традиции, связанной с Владимиром, этот князь сопоставляется с самим апостолом Павлом, ослепшим после явления ему Иисуса, когда тот собирался устроить гонение против христиан, и обретшим зрение после крещения. Мотив болезни Константина Великого, от которой тот избавился благодаря крещению, приведен у Георгия Амартола; согласно Саге об Олаве Трюгтвасоне и сообщению миссионера Бруно Кверфуртского князь склоняется к христианству благодаря увещаниям благочестивой жены.

Согласно летописной «Корсунской легенде», женившись на прибывшей в город Анне, князь возвращает Корсунь Византии в качестве свадебного дара — вена. Конечно, политическая реальность была более сложной, чем это изображалось летописцем, следующим собственным установкам христианского просвещения. Вместе с тем сама «Корсунская легенда» основывается, конечно, на исторической традиции — предании: с собой и царицей из Корсуни князь взял Настаса Корсунинина, сдавшего ему город во время осады и игравшего затем значительную роль при княжеском дворе; корсунских попов с мощами св. Климента и его ученика Фифа; даже бронзовые статуи и квадригу — трофеи, стоявшие во времена составления летописи за построенной Владимиром церковью Богородицы (Десятинной).

Исследователи, начиная с А.А. Шахматова, полагают, что сама «Корсунская легенда», предание об основании Десятинной церкви и др. были составлены корсунским клиром Десятинной церкви. Христианские святыни, клир, а возможно, и славянские книги, которые Василий II мог прислать с Анной из завоеванной им Болгарии, были необходимы для основания новой церковной организации. Кроме того, удачный поход должен был продемонстрировать языческой Руси силу христианского Бога, к которому обратился ее «оглашенный князь»: дарованные крестом победы над врагом

убедили самого Константина Великого в необходимости обращения Римской империи.

Как бы то ни было — древнерусское представление о крещении как о политическом и культурном *завоевании* Руси имело глубокий исторический смысл.

§ 4. Начало христианизации. Древнейшие кресты-тельники и погребальный обряд

Начальная эпоха распространения христианства на Руси документируется распространением христианских древностей, по преимуществу в дружинных погребальных комплексах (с середины — третьей четверти X в. до официального крещения Руси при Владимире Святославиче в 988 г.) в сети узловых пунктов Древнерусского государства — в городах и на погостах. Автор настоящей книги вместе с исследовательницей Гнёздова Т.А. Пушкиной посвятили этим древностям, крестам-привескам и свечам в погребальных комплексах, специальные работы (Петрухин, Пушкина 2009, там лит.). За прошедшие годы сделаны новые находки, относящиеся как к предыстории русского христианства, так и к начальной стадии христианизации в конце X — начале XI в.

Процессы христианизации вызывают возрастающий интерес в международной науке: особые заслуги в разработке этих проблем принадлежат Й. Штекеру, предложившему типологию крестовидных привесок Северной и Восточной Европы в эпоху викингов (Staecker 1999). Проблема источников миссионерской деятельности — Восток (Византия и Русь) или Запад (Германия и англо-саксы) дискутируется на международных симпозиумах с 1990-х гг. (cf. Petrukhin, Pushkina 1997; Müller-Wille 1998; из относительно недавних работ — Carver 2003). Проблема импульсов христианизации и участия в ней Руси остается, на мой взгляд, наиболее интригующей в этих исследованиях.

К особой категории находок, характеризующих начальные этапы христианизации, относятся монеты (как византийские с христианскими изображениями — их носили как «иконки», так и восточные), на которые нанесли граффити-кресты. Сводку этих находок дал В.Н. Седых (Sedykh 2005) (рис. 81); скандинавский сравнительный материал с граффити (крестами и

§ 4. Начало христианизации. Древнейшие кресты-тельники и погребальный обряд

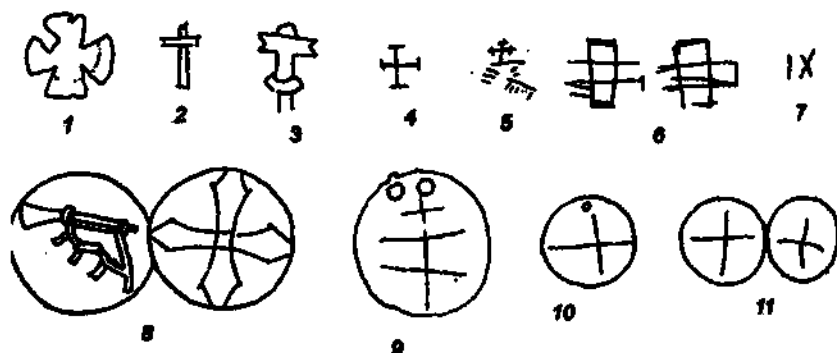

Рис. 81. Монеты (византийские с христианскими изображениями — их носили как «иконки», и восточные), на которые наносили граффити-кресты (по: Sedykh V.N. On the function of coins in graves in early medieval Rus'// Russian History. Vol.32 Nos. 3-4. 2005. Festschrift 2 for Thomas N. Noonan. P. 471-478)

молоточками Тора) приведен в работе Э. Миккельсена (Mikkelsen 2002). Саманидский дирхем с прочерченным изображением четырехлопастного креста обнаружен и среди гнёздовских находок. Потоки монет контролировала и распределяла как на Руси, так и на севере Европы княжеская дружина, религия которой становилась синкретичной на международных путях. Е.А. Мельникова (2001. С. 108, 111) заметила, что на двух восточных монетах из Швеции изображения креста сочетались с руническими надписями — именем громовника Тора.

Схожая конфессиональная ситуация имела место в дохристианской Руси. Русская дружина, заключившая договор с греками в 944 г., была разделена на две части: язычники клялись именем громовника Перуна в Киеве, христианская русь — в церкви Ильи в Константинополе (см. рис. 82, цв. вкл.). Конструкция составителя «Повести временных лет», посчитавшего, что и церковь Ильи в 944 г. располагалась в Киеве, основывалась на современных ему реалиях начала XII в.: по «протоколу» договора, русь должна была клясться христианскими святынями в Константинополе (Малингуди 1996. С. 90). Эту дохристианскую эпоху и можно считать собственно эпохой «двоеверия»: христианские символы часто оказывались результатом «импровизации»; использовались монеты с сакральными изображениями; кресты вырезали из дирхемов и изображали с помощью граффити, причем иногда на бытовых предметах. Таким предметом оказалась костяная рукоять, украшенная граффити в виде молоточка Тора и двух крестов (Пескова 2004. С. 160).

Для начальной стадии христианизации (середина и вторая половина X в.) характерны крестовидные подвески из листового серебра в Гнёздове, Киеве, Тимерёве (Недошивина 1983); в том числе вырезанные из дирхемов. Кроме того, в синхронном погребении «варяжского дитяти» из Киева (№ 110 — Каргер 1958. С. 176) у погребенного на груди располагался диржем с процарапанным крестом и крестовидное навершие балтской булавки (ср.: Зоценко 2010. С. 471). В женском погребении № 459 тимерёвского некрополя, помимо креста, вырезанного из дирхема, обнаружено крестовидное навершие балтской булавки, превращенное в крестовидную подвеску (Фехнер, Недошивина 1987. С. 80). Такая же подвеска обнаружена в Изборске, но не описана В.В. Седовым (Седов 2007, рис. 387, 2).

В течение последних лет география подвесок из листового серебра расширилась: новые происходят с территории Искоростеня (Правобережье Днепра — см. Зоценко, Звіздецький 2006. С. 76, рис. 6.; ср. обзор: Зоценко

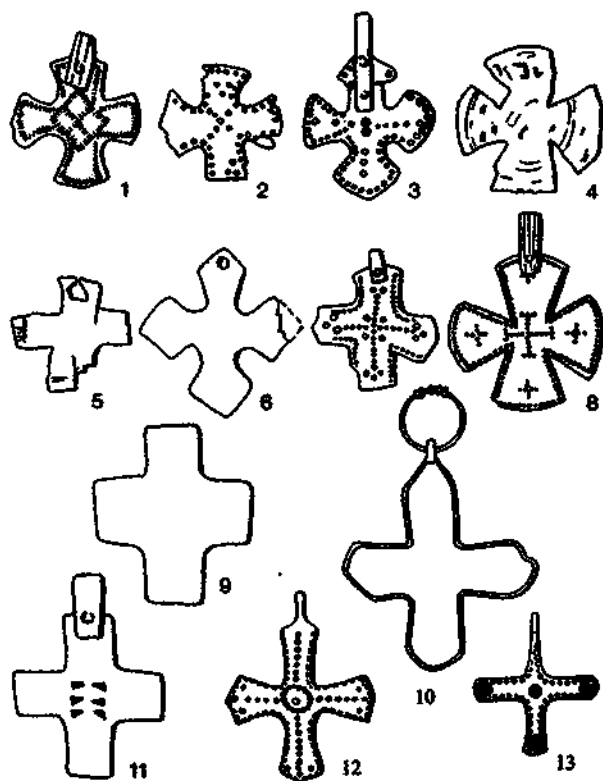

Рис. 83. Кресты из листового серебра (по: Петрухин, Пушкина 2009)

2010. С. 466–467) и из некрополя Пскова (Яковлева 2004. С. 78) (рис. 83).

К этому же начальному периоду и несколько более позднему можно относить кресты-привески так называемого скандинавского типа. А.А. Спицын (Спицын 1905. С. 117), условно поименовавший на основании известных ему аналогий кресты с тремя «шариками» на концах скандинавскими, датировал их XI–XII вв. В настоящее время большее признание получила дата, предложенная М.В. Фехнер (1968): конец X — начало XI–XII в. Однако некоторые новые находки позволяют датировать появление этого типа крестов на Руси более ранним временем, серединой — второй половиной X в. Два серебряных крестика скандинавского типа были найдены в Гнёздове: один — в составе клада, зарытом на территории селища в 50-х гг. X в., второй — на городище, в слоях второй половины — конца X в. (рис. 3.1–2).

А.А. Спицын писал, что крестики скандинавского типа неизвестны среди киевских древностей. В конце 1980-х — начале 2000 гг. три аналогичные привески были обнаружены при раскопках киевских погребений. Первая (серебряная) происходит из женского камерного погребения второй половины X в., вторая (тоже из серебра) найдена в позднем детском погребении, датированном авторами раскопок X в. Бронзовая подвеска-крестик происходит из погребения, которое разрушило совершенное ранее него в конце X — начале XI в. (рис. 84) (Ивакин 2005. С. 287–289; Боровский, Калюк 1993. С. 9). В окрестностях Киева крест скандинавского типа найден на поселении Ходосовка (Готун, Казимир 2010. С. 102, рис. 2, 5). Очевидно ныне и наличие их производства в Киеве, где при раскопках обнаружена бронзовая литейная

Рис. 84. Кресты скандинавского типа. (по: Петрухин, Пушкина 2009)

Рис. 85. Крест скандинавского типа из Саркела (по: Петрухин, Пушкина 2009)

формочка для изготовления привесок из легкоплавкого свинцово-оловянистого сплава (Ениосова, Сарачева 2006. С. 89)¹⁹⁰.

Крест «скандинавского типа» (рис. 85) известен и из старых раскопок в Саркеле. С.А. Плетнева (2006. С. 239) предположила, что этот крест и другие находки христианских древностей из Саркела, взятого войсками Святослава в 960-е гг., свидетельствуют о христианизации населения крепости во второй половине XI в. Датировка, однако, должна быть удревнена с учетом других древнерусских находок: другую крестовидную подвеску Плетнева вообще отнесла (по традиции) к дохристианским амулетам (см. ниже)¹⁹¹.

Фрагмент креста того же типа обнаружен в напластованиях XI — начала XII в. в Изборске (Седов 2007. С. 393, 397). Концентрация крестов «скандинавского типа» в земле радимичей и во Владимиро-Суздальском ополье указывают на интенсивность ранних процессов христианизации в этих важных для Киева регионах (Петрухин 1995. С. 23–239). Вероятно византийское происхождение крестов «скандинавского типа» (находка такого креста известна в Херсонесе).

Упомянутыми (см. главу IX) старыми раскопками в больших курганах Плеснеска обнаружены кресты скандинавского типа, «крестик св. Петра», имеющий аналогии в Скандинавии (тип 1.1.2 по Штекеру — см. Ливох 2010), энколпион-реликварий.

Находки древнейших крестов-реликвариев (энколпионов), произведенных в византийских или болгарских мастерских X–XI вв., относятся на Руси к редким артефактам. К их числу относятся три бронзовых энколпиона с гравированным и литыми изображениями, происходящие из культурного слоя гнёздовского поселения второй половины X — начала XI в. (Асташова 1974, Мурашева 2008; аналогичный энколпион обнаружен в Плеснеске)

¹⁹⁰ Бронзовая литейная форма для производства равноконечных крестов с ложнозерненным орнаментом обнаружена на киевском Подоле; аналогии таким крестам известны в Крыму и Моравии (Хамайко 2010).

¹⁹¹ С территории Хазарии (Краснодарский край?) происходит бронзовый крест «скандинавского типа», переданный в ГИМ (см. «Восточная коллекция», лето 2009. С. 31). Крестовидные подвески Саркела отличаются от тех, которые известны в более ранних салтовских погребениях бассейна Северского Донца (ср. Аксенов 2004). Одна из этих подвесок напоминает обломок крестовидного навершия булавки балтского типа (ср.: там же, рис. 1; Jansson 1995. P. 88, 89). Такой обломок использовался в качестве креста в тимерёвском комплексе, в одном из курганов С.-Петербургской губернии (Ивановский 1896, табл. V, 6). Обнаружены эти навершия в слоях Новгорода (Седова 1981. С. 73–75) и Полоцка (1 экз. — Тарасов 2008. С. 175, рис. 2, 6).

§ 4. Начало христианизации. Древнейшие кресты-тельники и погребальный обряд

(рис. 86); небольшой, не несущий изображений реликварий, обнаруженный в развале постройки первой четверти X в. в Ладоге (Пескова 2004) (рис. 87, а–б). К ранним тельникам относятся также серебряный литой крест (рис. 88) из Углича (слои 950 г. — первая четверть XI в.), дополнительно украшенный гравировкой и чернением (Томсинский 2002). Наконец, каменный поставной крест (рис. 87, б), превращенный в крестик-подвеску, был обнаружен в слоях второй половины X в. в Старой Ладоге (Пескова 2004. С. 161).

Рассмотренные находки демонстрируют роль традиционных центров Руси (Киев, Гнёздово, Ладога, Псков, Плеснеск) и русской дружины (кресты в камерных гробницах) в процессах христианизации. По новым данным, ранняя христианизация охватывала районы Верхнего Поволжья (помимо Тимерёва, об этом свидетельствует находка в Угличе), мятежный по отношению к Киеву древлянский регион правобережья Среднего Днепра (находка в Искоростене) и два новых региона на юго-востоке в бассейне Дона (Саркел / Белая вежа) и юго-западе, на Волыни (будущая Галицкая земля).

Одна категория находок не поддается однозначной интерпретации и датировке в отечественной историографии: круглые подвески с прорезными крестами¹⁹², суммарно датируемые XII–XIII вв., иногда не увязываются с христианским культом (как новгородская находка, которую М.В. Седова именовала «прорезной монетовидной привеской» (Седова

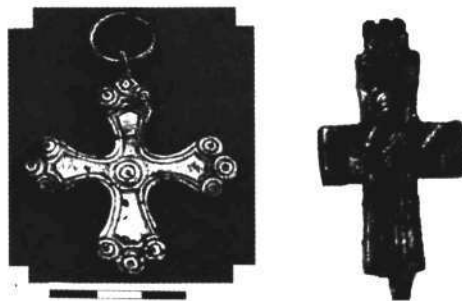

Рис. 86. Плеснеск – Подгорцы. Крест скандинавского типа и реликварий (по: Петрухин, Пушкина 2009. с.163)

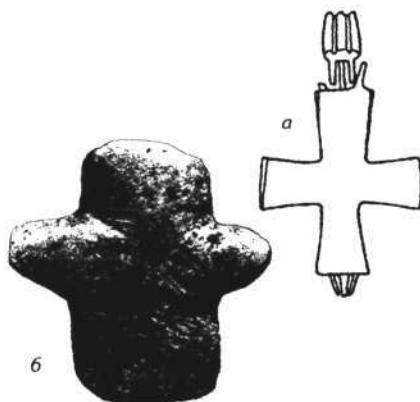

Рис. 87. Каменный крест (б) и реликварий (а) из Ладоги (по: Петрухин, Пушкина 2009. С. 163)

¹⁹² Ср. подборку Н.Г. Недошивиной: Древняя Русь. Быт и культура. М., 1997, табл. 103, 43, 44. Схожие привески отнесены М.В. Седовой к дохристианским древностям (там же: табл. 53, рис. 20, 27).

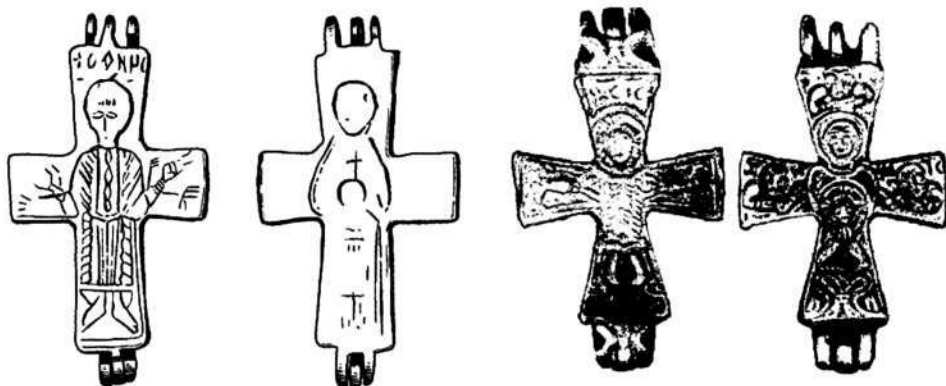

Рис. 88. Энкалпионы из Гнёздова и Углича (по: Петрухин, Пушкина 2009. С.163)

1981, рис. 14,1), и упомянутая находка из Саркела (рис. 89), отнесенная С.А. Плетневой к «саркельским ритуальным предметам». Аналогии им известны в Византии (Davidson 1952, pl. 2090–2092). Аналогичная новгородской прорезная крестовидная привеска обнаружена в Галиче (Населення Прикарпаття, рис. 57, 29). Находка же прорезной привески из камерной гробницы в Плеснеске / Подгорцах (Населення Прикарпаття: 174, рис. 57, 36)¹⁹³ позволяет удревить появление этих христианских амулетов до рубежа X и XI вв.

Существенно, что «комплекты» из крестов скандинавского типа и прорезных встречены в трех разных и важных для становящегося государства регионах, характеризующих пространство ранней христианизации Руси в широком смысле: это Плеснеск / Подгорцы на юго-западе, Саркел на юго-востоке и Монино на Кубенском озере на севере (Макаров 2008. С. 35–38).

Рис. 89. Прорезной крест из Саркела (по: Петрухин, Пушкина 2009. С.163)

Заметим, к дискуссии об участии Руси в христианизации Северной Европы, что большая часть находок крестовидных привесок на Руси и в Скандинавии идентична: неполные аналогии крестам из листовидного серебра указывает Й. Штекер в Англии (Staecker 1999. С. 94–95 тип 1.2.2, равноконечный «греческий» крест, вписанный в круг), и число аналогий можно расширять, ссылаясь на декор круглых фибул с мотивом креста из Вестфалии и т. п.

¹⁹³ Разрозненный инвентарь комплексов (Ливох 2010), оказавшийся в разных музеях, не позволяет определить точную принадлежность привески.

§ 5. Акты крещения и летописная история

(ср. Müller-Wille 2003. С. 456–457; Хамайко 2010). Более редкой и показательной может считаться подвеска в форме перевернутого «креста св. Петра», обнаруженная в Плеснеске (Литвох 2010, рис. 3.3), Шестовице (Петрухин, Пушкина 2009, рис. 2.13), на Городище Тепсень в заполнении «салтовского дома» (Зоценко 2010. С. 471), из погребений на Готланде, в Бирке (968) и в Голдсборо, Англия (Staecker 1999. S. 426; 500; 101, Abb. 37).

С одной стороны крестовидная подвеска раскована под ушко; впрочем, указанная особенность имеет отношение к технологии (производство ушка), ибо в сходной манере со сходным декором производились и привески-молоточки Тора (Staecker 1999. S. 221), которые, по заключению того же Й. Штекера, были характерными языческими символами эпохи христианизации, призванными проивостоять распространению крестов-тельников (Staecker 2003. S. 467–470). О сходстве этих символов в эпоху христианизации уже говорилось. Перечисленные регионы (за исключением хазарского региона салтовской культуры¹⁹⁴) можно считать единым пространством для процессов христианизации, первая волна которой естественно затронула элиту — дружину, представители которой (погребенные в камерных гробницах) носили кресты.

Сам обряд и инвентарь указывают на скандинавское происхождение элиты (ср.: Зоценко 2010. С. 471). Показательна при этом камерная гробница № 117/125, где погребенная скандинавка наряду с парными овальными фибулами и крестом носила славянские «волынцевские» серьги (Зоценко 2010. С. 462–463) (см. рис. 90, цв. вкл.). Христианство воспринималось элитой на пути из варяг в греки, в том числе в Константинополе, где была крещена часть варяжской дружины Игоря и очевиден восточный импульс христианизации (ср.: Staecker 2003. S. 473–478).

§ 5. Акты крещения и летописная история

В современной историографии дискуссионными остаются проблемы христианизации Новгорода. Ранние своды не сообщают подробностей о крещении Новгорода, своды XV в. упоминают Акима Корсунянина как первого епископа, поставленного Владимиром. В литературе популярной остается романтическая формулировка «Иоакимовской летописи», привлеченной

¹⁹⁴ Ср., однако, бронзовый крестик-подвеску с пуансонным орнаментом из хазарского слоя Таматархи (Чхаидзе 2008. С. 219, рис. 125,5) и сходные привески из разных регионов христианского мира (Staecker 1999. С. 100, Тур 1.2.4).

В.Н. Татищевым, о крещении Новгорода «огнем и мечом». Иоакимовская летопись считается большинством исследователей компиляцией местного историка конца XVII в., составленной в период возрождения новгородского летописания при патриархе Иоакиме.

Однако следы пожара в Новгороде, обнаруженные при раскопках и датированные 972–989 гг. н. э., вдохновляют современных исследователей на то, чтобы усматривать исторические реалии за формулировками «Иоакимовской летописи» (Янин 2004. С. 130–144; Мусин 2002. С. 97). В слое пожара была обнаружена бронзовая привеска — крест с так называемым грубым изображением распятия (рис. 9). Крест был отнесен к скандинавским изделиям М.В. Седовой (Седова 1981, рис. 13, 3), В.В. Седов даже предполагал моравское происхождение таких крестов. Аналогии кресту, действительно, имеются и в Швеции (Fulgesang 1997. Р. 39), и на Дунае (Lovag 1999, abb. 28–35) — нельзя игнорировать их вероятное византийское происхождение (Fulgesang 1997. С. 39–41). Новгородский пожар мог иметь отношение к социальным и даже конфессиональным конфликтам последней четверти X в., но вряд ли мог вдохновить составителя предания о крещении новгородцев на расхожую книжную (латинскую) формулу о крещении «огнем и мечом». М.В. Седова предположила, что «крест был утерян вскоре после принятия христианства в Новгороде в 988 г.» (Седова 1981. С. 49).

Напомним, что начальная история христианства на Руси связана с описанным в летописи неканоническим обрядовым актом. «Могилы» (курганы) последних языческих князей были раскопаны в 1044 г. при Ярославе Мудром: «Выгребоша 2 князя, Ярополка и Ольга, сына Святослава, и крестиша кости ею, и положиша я в церкви святыя Богородица» — Десятиной (ПВЛ. С. 67). Неканоничность этого акта Ярослава Мудрого (крещение умерших было запрещено Карфагенским собором) является предметом обсуждения: допускают, что Ярополк и Олег приняли «оглашение» при жизни их бабки Ольги (Макарий: 59). Но возможно, что задачи создания усыпальницы всего княжеского рода имели и более прагматический и специфически «древнерусский» характер: Ярополк и Олег, равно как Борис и Глеб, погибли в распрях между братьями — членами княжеского рода, тех распрей, главным участником (и даже инициатором) которых был победивший и добившийся единовластия в Русской земле Ярослав. Так или иначе, он устранил своих соперников-братьев, но не отменил родового характера княжеской власти на Руси: единственное, что могло сохранять порядок и целостность Русской земли, — это братняя любовь и подчинение старшему брату, киевскому князю; такой «завет» Ярослав, по летописи, оставил сво-

им сыновьям-наследникам. Ярослав «объединил» в усыпальнице Десятиной церкви распадающийся княжеский род — инициаторов и жертв первой усобицы.

Ф.Б. Успенский (Успенский 2001) исследовал скандинавские параллели акту крещения костей умерших правителей. Харальд Синезубый, креститель Дании, перенес прах своего отца Горма из большого кургана в Йеллинге в погребальную камеру под полом сооруженной там церкви¹⁹⁵. Так же, по всей вероятности, поступили с останками неизвестного датского конунга, погребенного в ладье в Ладбю (X в.): богатый инвентарь кургана был не тронут — изъяты лишь останки умершего. Наиболее ранний пример посмертного крещения, видимо, являет королевский некрополь VII в. в Саттон Ху, Восточная Англия: в знаменитом погребении в ладье под курганом не было обнаружено останков короля, хотя его вооружение и прочий инвентарь остались нетронутыми. Предполагалось, что курган представлял собой кенотаф. Курган, однако, принадлежал королю Редвальду (ум. 617), который сохранял «двоеверие» — принял крещение, но не отказался от языческого культа. Его же сыновья стали ревностными христианами (Bede 2, XV) и, видимо, перезахоронили останки отца по христианскому обряду.

Для понимания этой проблемы времен христианизации с наличием языческих предков и сохранением традиционных верований существен факт строительства часовни над языческим франкским кладбищем, характерный для эпохи Меровингов, рассмотренный П. Гири (1999). В VIII в. франкская знать возвела в Рейнской области надгробную часовню Флонгейм на месте старого кладбища франкской знати (включая воинское погребение с мечом) в память о языческих предках и для их «посмертной христианизации» (Гири 1999. С. 193–194).

Но как объяснить неканонический обычай эксгумации и крещения костей на Руси? С.М. Толстая сопоставила обряд эксгумации русских князей в 1044 г. со славянским обычаем «вторичного погребения», распространенным по преимуществу на Балканах: кости предка (чаще всего — череп) изымались из могилы через 5, 7, 10, 12, даже 18 и более лет после первичного погребения, их мыли (что напоминает о «крещении костей» русских князей) и помещали в ту же могилу, часть — поверх нового гроба¹⁹⁶. С.М. Толстая привела и средневековую балканскую параллель — статью 20 Судебника

¹⁹⁵ Останки были изъяты при этом без разрушения кургана; вход в камерную гробницу короля был тщательно заделан. Более того, рядом был возведен курган кенотаф, в котором не было погребальной камеры (см. Роздаль 2001. С. 145–146).

¹⁹⁶ Толстая 1998. Ср. о «втором» погребении в Западной Европе: Арьес 1992. С. 83 и сл.

Стефана Душана (XIV в.), запрещающую экстумацию и сожжение останков (с целью «волхования»), равно как и обычай пронзть труп колом.

Полную параллель сербскому судебнику являют древнерусские «Поучения» Серапиона Владимирского (XIII в.). Владимирский епископ обличал «злые обычаи» современников: «хто буде удавленника или утопленника погребль, не погубите люди сихъ, выгребите» (БЛДР, т. 5. С. 382; см. также Ловмянский 2003. С. 252–253). Речь идет о распространенном у славян обычае обвинять погребенного в земле «заложного» покойника (самоубийцу, не дожившего свой срок на земле) в стихийных бедствиях — засухе или избыточных осадках: его пребывание в могиле нарушает святость земли как одной из космических стихий, поэтому следует удалить его из могилы — освященной земли, сжечь, выбросить труп в болото и т. п.¹⁹⁷ Поэтому «выгреbanие» костей убитых в распрах князей Олега и Ярополка могло производиться не только в благочестивых целях: они традиционно воспринимались как опасные мертвецы. В балканском обряде также совмещаются традиционные для всякого погребального культа черты почитания покойника как предка и стремление обезвредить его как потенциально вредоносного мертвеца — *вампира* (признаком вампира считалась нетленность тела или его части; ср. в главе IX).

Эти повсеместно распространенные представления создают особую проблему для археологии погребального обряда. Археологи часто фиксируют перекопы и нарушение целостности костяков, которое обычно относят за счет грабителей (ограбление могил — широко распространенное занятие, которое запрещалось специальными церковными постановлениями¹⁹⁸). Однако сохранность инвентаря многих потревоженных погребений заставляет предполагать, что речь идет о ритуалах обезвреживания покойника.

В.С. Флёрв проследил эти обычаи («погребальные обряды») на широких пространствах и многочисленных памятниках от Центрального Предкавказья до лесной зоны Восточной Европы в железном веке и средневековье, включая древнерусский могильник г. Желни¹⁹⁹. Яркие примеры по-

¹⁹⁷ См. о соответствующих общеславянских концептах и представлениях в этнолингвистическом словаре «Славянские древности» (СД) под общей ред. Н.И. Толстого, тт. 1–5. М., 1995–2012, в том числе статью «Погребение вторичное» (СД, т. 4. С. 92–95). Ср. также: Мансикка 2005. С. 173–174; Картамышева 2006.

¹⁹⁸ См. о русских средневековых исповедных вопросах, относящихся к разграблению могил: Корогодина 2006. С. 167–168.

¹⁹⁹ Флёрв 2007. С. 159. Существенно, при специальном интересе В.С. Флёрва к аланским погребальным обрядам, что в сарматских курганах джеты-асарской культуры в Восточном Приарале, связанной с Восточной Европой и Северным Кавказом, также прослежена

§ 5. Акты крещения и летописная история

добных обычаев на западе Европы дали недавние исследования в упомянутом некрополе Саттон Ху: в восточной части кладбища рядом с большими «королевскими» курганами обнаружены 23 безынвентарные могилы с ингумациями, лишенные надгробных памятников. В четырех случаях покойники были связаны, в трех случаях — сломана шея; двое были похоронены лицом вниз. Неясно, были ли это следы жертвоприношения или казни (ср.: Ellis Davidson 1992. С. 331–340; Carver 1992. С. 353).

Более «ритуализованным», чем разрушение скелета, способом расправы с вредоносным покойником можно считать распространенный у восточных славян (и других народов Европы) с древнерусской эпохи до «этнографической современности» обычай втыкать в погребение железные предметы — оружие и орудия. Более существенны для нашей проблематики свидетельства «вторичного» почитания останков, которые фиксируются на массовом материале кремаций, когда кальцинированные кости собирались с погребального костра, обмывались и помещались в урну. Прослежены и случаи, когда они размещались в горшке-урне в анатомическом порядке — снизу кости ног, наверху — кости черепа.

Хронологически существенны для данной работы случаи, относящиеся к эпохе христианизации Руси, зафиксированные в некрополях X в. в Киеве и Гнёздове (см. главу IX.1). Истоки этого обычая, как и предполагали исследователи обряда «вторичного погребения», уходят в древность — не только праславянскую (Толстая 1998. С. 122), но и «древнеевропейскую» эпоху культурной общности праславян и прагерманцев — время сложения культуры полей погребальных урн, когда самим сосудам придавали форму человеческого тела (снабжали кремированного покойника новым телом) или жилища — так называемые домковые урны (см. главу IX.1).

На этом тысячелетнем историческом фоне эксперименты с «вторичным погребением» в эпоху христианизации представляются естественными — их устойчивость могла вызвать протест против пережитков «язычества» у позднейших канонистов, но не у первых принявших крещение правителей.

Христианизация как Северной, так и Восточной Европы проводилась государственными властями, которые опирались на вооруженную силу -

---

практика разрушения скелетов (в том числе с отчленением головы и руки — ср.: Левина 1996. С. 73 и сл.). Специальный анализ способов разрушения костяка в аланском катакомбном погребении Верхнего Салтова (№ 93) показал, что костяк погребенной с аланским всадником-военачальником женщины-славянки был разрушен после того, как освободился от мягких тканей: были удалены коленные чашечки (чтобы покойник не ходил! — В. П.), прочие кости ног остались нетронутыми (см. рис. 41.1; Аксенов, Лаптев 2009. С. 251).

дружину, выполнявшую и функции администрации. Для начальной стадии этого процесса, во второй половине X — первой половине XI в. характерны были эксперименты с использованием оригинальных и завезенных христианских символов (монет, крестов, вырезанных из дирхемов или сделанных из крестовидных предметов — балтских булавок, возможно, фризских кувшинов с крестами, обнаруженных в языческих некрополях Ладоги и Скандинавии — ср.: Плохов, Кулакова 2010; Staecker 2003) в контексте традиционного обряда и убора. При этом и сам убор (ожерелья, включавшие кресты-подвески) и даже вооружение в контексте погребального обряда (Подгорцы) лишались традиционной языческой семантики — выступали как символы социального статуса (власти — ср.: Гири 1999)²⁰⁰. Тем же статусом стали наделяться в христианскую эпоху и дружинные камерные гробницы, не случайно Десятинная церковь в Киеве была возведена над одной из таких гробниц (Михайлов 2004).

Начало русской истории неразрывно связано с возведением курганов первых князей (см. об Аскольдовой и Дировой могилах в главе VIII.1); их имена сохранялись в коллективной памяти, что отличало культ князей от анонимного культа предков (ср. их общее наименование «деды» в восточнославянской традиции — СД, т. 2. С. 43–45). Патронимические наименования племен, даже тогда, когда летопись именвала прародителей, как Радима и Вятко у радимичей и вятичей²⁰¹, или упоминала урочища вроде «Киева перевоза», Хоривицы и Щекавицы, не были связаны с реальной генеалогией — культурные герои вроде Вятко оставались в доисторическом прошлом, Кий не оставил династии «Киевичей». Родоплеменной культ предков оттеснялся на уровень «семейных обрядов» со становлением государственности

²⁰⁰ Подобные эксперименты были характерны и для эпохи христианизации на Северном Кавказе. Мовсес Каганкатваци рассказывал, как епископ Израэл, обращая народ савир, на их глазах ломал языческие амулеты, из которых «делал изображения креста Господня» (Ковалевская 1995. С. 137). Ср. схожие тенденции в Западной Европе: богатый инвентарь был характерен для раннесредневековых погребений с крестами — он стал исчезать в IX в. (Müller-Wille 1998. С. 195); этот обычай был окончательно оставлен после григорианских реформ в XI в. (Фоссье 2010. С. 134). Существуют и традиции использования крестов в погребальном обряде, которые можно считать «локальными». Так, золотые равноконечные кресты, вырезанные из фольги (иногда бесосновательно сравниваемые с древнерусскими крестами из листового серебра — ср.: Зоценко 2010. С. 466), нашивались на погребальный плат или саван в области лица или груди. Почти 300 таких крестов найдено в лангобардской Италии (VI–VIII вв.: Эпоха Меровингов: 240–242) и, вероятно, один случай с серебряной накладкой известен в Гвёдове (Каменецкая 1991. С. 148).

²⁰¹ Напомним, что имя *русичи* осталось гапаксом — уникальным словообразованием в «Слове о полку Игореве» (Петрухин 2011. С. 182–192).

§ 5. Акты крещения и летописная история

(см. гипотезу о сnivelированных сопках в главе IX), кардинальные перемены произошли с официальным крещением Руси и в погребальной обрядности: «языческая» кремация — повсюду, включая деревню (см. Макаров 2007. С. 317; Макаров 2008), — сменяется ингумацией, костяки размещают на «дневной» поверхности под курганом головой на запад в соответствии с христианскими эсхатологическими представлениями.

Курганный обряд еще напоминал о монументах, ориентированных на дохристианскую космологию, но к XII в. и этот обряд практически исчезает, заменяется могильными насыпями — эволюция массового обряда свидетельствует о восприятии обращенным народом христианской эсхатологии (Петрухин 1995. С. 239; см. о сходных тенденциях в славянском мире — Ловмянский 2003. С. 252–253, на Западе — Гири 1999) (см. рис. 91, цв. вкл.). С разрушением родоплеменных культов и уничтожением их носителей — элиты (см. о расправе Ольги с древлянами в главе VIII) индивид оказывался вырванным из родовой жизни, гарантировавшей «вечное возвращение» — возрождение предков в лице потомков, проблема посмертной судьбы вставала не только перед князем, увидевшим «запону с судищем господним», но и перед каждым новым христианином, проходившим катехизацию.

Заключение

Начало и конец истории? Древняя Русь и традиции русской культуры

Началу Руси посвящена «Повесть временных лет» с ее главным вопросом: «Откуда есть пошла Руская земля» — недаром ПВЛ принято именовать Начальной летописью. В книге я пытался продемонстрировать, насколько адекватно отражала летопись, составлявшаяся в конце XI — начале XII в., начальную русскую историю.

Для начального летописания характерен мотив призвания культурных героев — варяжских князей (основателей государства) и солунских братьев — создателей славянской письменности. Мотив призвания связан с осмыслением культурных достижений славянства: существования Русской земли, объединившей племена, и использования письменности (в известном летописцу договоре с греками 911 г. (см. в главе VI)).

Возникающие время от времени романтические представления о дохристианском летописании на Руси (вроде летописи Аскольда) в расчет приниматься не могут, но старая шахматовская схема, усматривающая в Новгородской первой летописи следы Начального свода, предшествующего ПВЛ, оставляет проблемы собственно в хронологической точке отсчета начала Руси. Композиционно Начальный свод соответствовал ПВЛ и, очевидно, представлял ее первую редакцию: он включал главные вопросы о начале Руси и космографическое введение, изъятые составителем НПЛ (см. главу II.1). Начало Русской земли новгородец, в соответствии с представлениями XII–XIII вв., соотносил с Киевом в прямом противоречии с используемым им текстом ПВЛ (легенда о призвании варяжской руси). Весь пассаж о начальной Руси, включая поход на Царьград, он датировал 854 г., что

Начало и конец истории? Древняя Русь и традиции русской культуры

сбивало с толку исследователей, насчитывавших несколько походов Руси на Константинополь в середине IX в. вместо одного похода 860 г. (см. Творогов 1992, а также главу IV.1).

В сложном положении с датировкой начала Руси оказался и составитель ПВЛ, ибо из хронографа ему известно было только то, что русь ходила на Царьград в правление Михаила III. Летописец и поместил все русские исторические события в хронологические рамки этого правления, ошибочно отнеся его начало к 852 г., а поход руси — к 866 г. Началом Руси для него было призвание варяжских князей (862 г.), а не поход на Царьград языческой русской дружины, которая «много убийство крестьяномъ створиша» (ПВЛ. С. 13).

Сама фигура Михаила III, однако, вызвала эсхатологические ассоциации в «герменевтическом» построении И.Н. Данилевского (2004. С. 227 и сл.): начало Руси, таким образом, совпадает с концом света, провозвестником которого оказывается архангел Михаил (в книге пророка Даниила — 12.1). Однако цель летописца — переход от космографии к хронографии, собственно летописанию: от начала царствования Михаила, пишет он, «и числа положимъ» (ПВЛ. С. 12). Следующая за 852 г. летописная статья 858 г. повествует о крещении императором Михаилом болгар, вводит в начало христианской истории, но не эсхатологии.

Иное дело — НПЛ: «Временникъ, еже есть нарицается лѣтописание князей и земля Руския, и как избра богъ страну нашу на *последнѣе время*» (НПЛ. С. 103, курсив мой. — В. П.). Повествование о Русской земле и здесь соотносится с историей Византии — «от Михаила цесаря до Александра и Исакия». Как уже говорилось (параграф 2.1), древние героические времена начальной Руси противопоставляются в НПЛ времени упадка — розни князей, господства над Русью «поганных» (татар). Летописец — составитель так называемого Софийского временника, легшего в основу новгородского летописания, под 1204 г. действительно рассказывает о падении Константинополя, захваченного крестоносцами (фрягами): «Тако погыбе царство богахранимаго града Костянтина и земля Грѣчьска въ свадѣ царствѣ, ею же обладают Фрязи» (НПЛ. С. 245–246) — судьба Византии была схожа с судьбой Русской земли. Но для НПЛ Русская земля — это, прежде всего, Русская земля в узком смысле, в Среднем Поднепровье. Недаром вопрос о начале Русской земли эта летопись увязывает с основанием Киева, заменяет «всю русь» Начальной летописи, которую привели с собой варяжские князья из заморья, на «дружину многу»; новгородские словене объявлялись проис-

ходящими «от рода варяжска» (см. главу IV.5), в то время как киевские полые стали именоваться русью.

Насколько новгородцы (НПЛ) отделяли себя от руси и насколько чуждым оставалось им ее дружинное имя, в начале русской истории усвоенное в походе на Киев варягами и словенами Вещего Олега?

Новгородские события 1016 г. проливают свет на эти проблемы: Ярослав кормил в Новгороде варягов, которых перебили не стерпевшие их насилия новгородцы (см. рис. 92., цв. вкл.). В ответ князь расправился с зачинщиками восстания, а в ночь получил из Киева известие о вокняжении Святополка, который начал избивать братьев. Наутро Ярослав собрал новгородское вече на поле и обратился к новгородцам: «Любимая моя и честная дружина, юже вы исъкохъ вчера въ безумии моемъ, не топѣрво ми ихъ златомъ окупитѣ», — призывая новгородцев в поход на Святополка. Те согласились идти с князем, который смог к тысяче уцелевших варягов прибавить три тысячи новгородцев. В битве на Альте Ярослав разбил Святополка, тот бежал «в Печенѣгы», где «злѣ живот свой сконча».

Пространный текст ПВЛ о борьбе Ярослава и Святополка был сокращен и искажен в НПЛ, ибо актуальнее для новгородцев был правовой текст, который был пожалован им после вокняжения Ярослава в Киеве, награждения его войска гривнами. Князь «отпусти ихъ всѣхъ домовъ, и давъ имъ правду, и устав списавъ, тако рекши имъ: «по се грамотѣ ходите, якоже списахъ вамъ, такоже держите». А се есть правда рускаа» (НПЛ. С. 174–176; ср.: Зимин 1999. С. 89–98).

Далее следует текст «Русской Правды» — ее первая статья, проанализированная в главе VIII, где новгородцы («любимая дружина» Ярослава уравнивается в правах с русинами, княжескими дружинниками) объединяются «Русской Правдой»²⁰². В международных договорах новгородцы, как и прочие жители Русской земли, именовались «русинами» (ср.: ГВНП, № 28; Зимин 1999. С. 279). Так же именовались жители Смоленска в договоре 1229 г. с Ригою и Готским берегом. Другая договаривающаяся сторона называлась Немцами («немчичи»); «Латиньскимъ языкомъ» (в соответствии с конфессиональной принадлежностью к римско-латинскому миру — ПРП, вып. 2. С. 58).

²⁰² Текст краткой редакции «Русской Правды» является позднейшей вставкой в текст НПЛ под 1016 г., заменившей и искажившей текст о гибели Святополка Окаянного (Петрухин 2008а. С. 171–172). В последующей статье под 1043 г. объединены сведения ПВЛ о пребывании Ярослава в Киеве (1017–1043 гг.). Вставка основывалась на сохраняющейся традиции о древности новгородского права (ср.: Толочко 2009).

Освоение системы коммуникаций — как физических (реки), так и экономических (распределение серебра) и культурных — освоение славянского языка и обычаев, христианизация освоенных территорий способствовали распространению имени *русь* повсюду, где распространялась власть русских князей (ср.: Ключевский 1987. С. 178) и появлялись русские дружинники.

Имя *Русь* как общее наименование Русской земли, заселенной русскими людьми, русинами сохранилось и после разделения русских земель между Ордой, Литвой, а затем и Польшей (Флоря 1995). Имя *варяги* стало означать чужаков в русской традиции, хазары остались лишь в предыстории христианской Руси.

«Русская Правда» стала основой развития русского средневекового права, как «Повесть временных лет» — основой традиции летописания (ср.: Прохоров 2010. С. 178–193). Крещение Руси и распространение новой христианской культуры предопределило (благодаря обретению «словенской грамоты») фиксацию исторических традиций как в праве, так и в истории (летописании), равно как и сложение «нового» — христианского — народа (см. о «новом народе» во Введении), сохранившего дохристианское имя *русь* (с производными — *русские*, *русины*). Под этим «языческим» именем Руси предстояло выступать и на Страшном суде, среди других «языков», судя по памятникам средневековой иконографии (Петрухин 2011. С. 302–310).

В древнейшем памятнике русской письменности — договоре с греками 911 г. *русь* противопоставлена грекам как «христианам». Уже в договоре 944 г. это противопоставление снимается, ибо среди заключавших договор дружинников уже была крещеная *русь* («и елико их есть не хрещено, да не имуть помощи от Бога, ни от Перуна» — ПВЛ. С. 24). Этот краткий период русской истории — от середины X в. до крещения Руси при Владимире — можно было бы именовать периодом «двоеверия». Владимир еще рассчитывал на поддержку Перуна в своих военных предприятиях, но должен был низвергнуть кумира, когда потребовалось устанавливать нормальные отношения с мировыми цивилизациями, для которых Перун был бесом.

Представление о двоеверии как черте «национального» характера русской культуры, ставшее общим местом культурологических исследований, основывается на ригористическом отношении русских книжников к уровню христианской образованности в средневековой Руси и на святоотеческом наследии, видевшем в язычестве вечного врага христианства (ср.: Живов 1993). Отсутствие мифологических текстов, повествующих о языческих богах, вдохновляли средневековых авторов на поиски бесчисленных богов, подобных богам римского пантеона (к ним причислялись и вполне христи-

анские по происхождению календарные персонажи вроде Коляды или Купалы — см. соответствующие статьи в словаре «Славянские древности»), а национальных «романтиков» — на мистификации от «Краледворской и Зеленогорской рукописей» до «Влесовой книги» и т. п. (см. Рукописи 2002). Память о богах Владимирова пантеона выродилась в представления о мелких демонах вроде волосатика и мокошки (Белова, Петрухин 2008а: 10–28). То русское сословие, без усилий которого невозможно было развитие ни государственности, ни культуры, стало именовать себя крестьянами — христианами, сохранявшими ту *русскую веру*, которую выбрал князь Владимир.

В начальном летописании (XI–XII вв.) доминировала передача исторического (княжеского) предания о происхождении власти, ориентированная на библейскую традицию: мифологизация происхождения первых правителей (обращение к дохристианским мифам) в летописи отсутствовала. Ситуация трансформируется в период становления московского «самодержавства». В XV в. В Новгороде и Москве создаются «две истории Руси» (Я.С. Лурье), каждая из которых основывается на приоритете собственных традиций.

Для Новгорода это исконная власть посадника и веча — в список новгородских посадников включается «древний» Гостомysl, не соотносящийся ни с какими историческими событиями. Тенденциозное переосмысление мотивов начального летописания увязывается со становлением средневековых генеалогий. Московская историографии в «Сказании о князьях Владимирских» (первая четверть XVI в.) «переигрывает» Новгород, превращая новгородского посадника Гостомысла в инициатора призвания великого князя Рюрика «от рода Августа» из Прусской земли: их наследниками считали себя московские князья. «Государственный вымысел» знаменует здесь становление литературы нового времени.

Источники

- Абу Дулаф: Вторая записка Абу Дулафа. М., 1960.
- Адрианова-Перетц 1977: Адрианова-Перетц В. П. (подготовка текстов). Русская демократическая сатира XVII века. М., 1977.
- Афанасьев: Афанасьев А. Н. Народные русские сказки. Т. I–III. М., 1984–1985.
- Барсов 1872/1997. Т. 1: Барсов Е. В. Причитанья северного края. Т. 1. Похоронные причитанья. СПб., 1997.
- Бибиков 2004–2009: Бибиков М. В. Byzantinorossica. Т. III. М., 2004–2009.
- БЛДР: Библиотека литературы Древней Руси. Т. 1–3. СПб., 1997.
- «Великая хроника»: «Великая хроника» о Польше, Руси и их соседях XI–XIII вв. / Под ред. В. Л. Янина. М., 1987.
- Ветхозаветные апокрифы. / Пер. Е. Е. Витковского. М., 2001.
- Видукин: Видукин Корвейский. Деяния саксов / Вступ. ст., пер. и коммент. Г. Э. Санчука. М., 1975.
- Водолазкин 2006: Водолазкин Е. Г. Краткая Хронографическая палея (текст). Выпуск I // ТОДРЛ LVII. СПб., 2006.
- Галл Аноним: Галл Аноним. Хроника. М., 1961.
- Гаркави 2000: Гаркави А. Я. Неизданная версия романа об Александре // Александр Великий в легендах и исследованиях Востока и Запада. М., 2000.
- Гельмольд: Гельмольд. Славянская хроника / Отв. ред. В. Д. Корольюк. М., 1963.
- Герберштейн 1988: Сигизмунд Герберштейн. Записки о Московии / Отв. ред. В. Л. Янин. М., 1988.
- Геродот: Доватур А. И., Каллистов Д. П., Шишова И. А. Народы нашей страны в «Истории» Геродота. М., 1982.
- Голубиная книга: Голубиная книга. Русские народные духовные стихи XI–XIX веков. М., 1991.
- Горелов 2004: Жизнь чудовищ в средние века / Пер. с лат. и статьи Н. Горелова. СПб., 2004.

- ГВНП: Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.-Л., 1949.
- Древнерусская притча: Древнерусская притча. М., 1991.
- Древнерусские города 1987: Древнерусские города в древнескандинавской письменности. Текст, пер., коммент. / Сост. Г.В. Глазырина, Т.Н. Джаксон. М., 1987.
- Джаксон 1993: Джаксон Т.Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе. М., 1993.
- Житие св. Северина: Житие св. Северина / Пер. с лат., вступ. ст. и коммент. А.И. Донченко. СПб., 1998.
- Заходер 1967: Заходер Б.Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Т. II. М. 1967.
- Заходер 1962: Заходер Б.Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Т. I. М. 1962.
- Ибн Хордадбех. Книга путей и стран / Пер. с араб., коммент., исслед. Н. Велихановой. Баку, 1986.
- Иордан: Иордан. О происхождении и деяниях готы / Пер. Е.Ч. Скржинской. М., 1960.
- Исторические песни — Исторические песни. Т. II. М.-Л., 1966.
- Килиевич 1982: Килиевич С.Р. Детинец Киева IX — первой половины XIII веков. Киев, 1982.
- Ковалевский 1956: Ковалевский А.П. Книга Ахмеда Ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921 / 922 гг. Харьков, 1956.
- Козьма: Козьма Пражский. Чешская хроника / Вступ. ст., пер. и коммент. Г.Э. Санчука. М., 1962.
- Коковцов П.К. Еврейско-хазарская переписка в X в. Л., 1932.
- Коновалова 1999: Коновалова И.Г. Восточные источники // Древняя Русь в свете зарубежных источников / Под ред. Е.А. Мельниковой. М., 1999. С. 232.
- Константин Багрянородный: Константин Багрянородный. Об управлении империей / Под ред. Г.Г. Литаврина и А.П. Новосельцева. М., 1991.
- Корейские предания: Корейские предания и легенды из средневековых книг. М., 1980.
- Крижанич 1997: Юрий Крижанич. Политика / Пер. и коммент. А.Л. Гольдберга. М., 1997.
- Круг земной: Снорри Стурлусон. Круг земной. М., 1980.
- Лев Диакон: История / Пер. М.М. Копыленко, отв. ред. Г.Г. Литаврин. М., 1988.
- ЛЕР: Летописец Еллинский и Римский.

Начало и конец истории? Древняя Русь и традиции русской культуры

Лиутпранд: Лиутпранд Кремонский. Антаподосис. Издание подготовил И.В. Дьяконов. М., 2006.

Матвей Меховский. Трактат о двух Сарматиях. М.-Л.: АН СССР, 1936.

Мельникова 2001: Мельникова Е.А. Скандинавские рунические надписи. Новые находки и интерпретации. М., 2001.

Михалон Литвин. О нравах татар, литовцев и москвитян. М., 1994.

Молдован 1984: Молдован А.М. Слово о законе и благодати Илариона. Киев, 1984.

Назаренко 1993: Назаренко А.В. Немецкие латиноязычные источники IX–XI вв. Тексты, перевод, комментарий. М., 1993.

Назаренко 2010: Древняя Русь в свете зарубежных источников: Западно-европейские источники / Сост., пер. и комментарий А.В. Назаренко. М., 2010.

Немецкие анналы: Немецкие анналы и хроники X–XI столетий. М., 2012.

НПЛ: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 2000.

Павел Диакон: Павел Диакон. История лангобардов / Пер. с лат. Ю.Б. Циркина. СПб., 2008.

Петрей 1997: Петр Петрей. История о великом княжестве Московском // О начале войн и смут в Московии / Сост. А. Либерман. М., 1997.

Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Т. 1–2. М., 1994.

ПВЛ: Повесть временных лет. 2-е изд. СПб., 1996.

ПВЦ: Послания из вымышленного царства / Пер. с лат. Н. Горелова. СПб., 2004.

ПРП: Памятники русского права. Т. 1. М., 1952.

Приселков 2002: Приселков М.Д. Троицкая летопись. СПб., 2002.

Продолжатель Феофана. Жизнеописания византийских царей. СПб., 1992.

Прокопий: Прокопий из Кесарии. Война с готами / Пер. с греч. С.П. Кондратьева. М., 1950.

Ранняя русская драматургия: Ранняя русская драматургия: XVII — первая половина XVIII века. М., 1974.

Рождественская 2008: Апокрифы древней Руси / Составление М.В. Рождественской. СПб., 2008.

Рыбаков 2005: Рыбаков В.В. Ратрамн из Корби. Письмо св. Римберту о людях с песьими головами / Пер. с лат., предисловие и примечания В.В. Рыбакова // ДГ. 2003. С. 424–435.

Рыбников: Песни, собранные П.Н. Рыбниковым. Т. 1–2, Петрозаводск, 1989–1990.

Сборник Кирши Данилова: Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым / Изд. подготовили А.П. Евгеньева и Б.Н. Данилов. М., 1977.

Сванидзе 1999: Сванидзе А.А. (составитель). Из ранней истории Шведского народа и государства. Первые описания и законы. М., 1999.

Свод: Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. 1–2. М. 1991–1995.

Синописис: Мечта о русском единстве. Киевский синописис [1674]. М., 2006.

Снорри Стурлусон. Круг земной. М., 1980.

Сократ Схоластик: Сократ Схоластик. Церковная история. М., 1996.

Теган: Теган. Деяния императора Людовика / Пер. с лат. и комментарии А.И. Сидорова. СПб., 2003.

Усп. сб.: Успенский сборник XII–XIII вв. М., 1971.

Флавий Иосиф: Флавий Иосиф. Иудейские древности. Т. 1–2. СПб., 1900 / М., 2004.

Флоря 1981: Сказания о начале славянской письменности. Вступительная статья, перевод и комментарии Б.Н. Флори. М., 1981

Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора (тексты, перевод, комментарий). М., 1980.

Щавелева 2004: Щавелева Н.И. Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша / Под ред. и с дополнениями А.В. Назаренко. М., 2004.

Annales Bertiniani: Annales Bertiniani. Rec.G.Waitz. Hannoverae. 1883.

Beal 1911: Beal S. The life of Hiuen-Tsiang. L., 1911.

Bede: Bede. A history of English Church and people. Harmondsworth, 1986.

Flüsser 1978–80: Flüßer G. Sefer Yosippon. V. 1–2. Jerusalem.

Göckenijan, Zimonyi 2001: Göckenijan H., Zimonyi I. Orientalische Berichte über die Völker Osteuropas und Zentralasiens im Mittelealter. Weisbaden 2001

Lewicki 1977 — Lewicki T. Źródła arabskie do dziejów słowiańszczyzny. T. 2. cz. 2. Wrocław — Wars., 1977.

Thietmar von Merzeburg. Chronik. / Пер.: Титмар Мерзебургский. Хроника / Издание подготовил И.В. Дьяконов. М., 2005.

Vanderkam 1989: The Book of Jubilees, translated by J. C. Vanderkam. Louvain, 1989.

Литература

Ambrosiani 1985: Ambrosiani B. Aristocratic graves and Manors in Early Medieval Sweden // *Archaeology and environment* 4. Umeå, 1985.

Andersen 1985: Andersen H.H. Hendske danske kongegrave og deres historiske baggrund // *Kuml*, 1985.

Androschuk 2009: Androschuk F. The Place of Dereva and Volhynia in Norse-Slav Relations // *Situne die. Annual of Sigtuna research 2009 / Sigtuna 2009*. P. 7–20.

Babić 1997: Babić B. Sloveni severno i zapadno ot Dunava — njihova penetracija i naseobinska stabilizacija na Balkanskim prostorima u svetlosti arheoloških i pisanih istorijskih izvora u periodu VI-IX veka // *Этногенез и этнокультурные контакты славян. Труды VI МКСА. Т. 3. М., 1997. S. 7–20.*

Barford 2008: Barford P.M. Slavs Beyond Justinian's Frontiers // *SSBP № 2 (4) 2008*. P. 21–32.

Benda 1966: Benda K. *Mittelalterlicher Schmuck*. Prag., 1966

Biddle 1970: Biddle M. Winchester and tenth-century town planning in England // *Actes du VIIe Congrès International des Sciences Préhistoriques et Proto-historiques. Rédigé par Jan Filip. Prague 1966. V. 2, Praha, 1970. P. 1150.*

Lincoln 1991: Lincoln Bruce. *Death, War and Sacrifice. Studies in ideology and practice*. Chicago — London, 1991.

Bursche 2005: Bursche A. Rola źródeł nuzmatycznych w studiach nad sytuacją osadniczą i kulturową na ziemiach Polskich u chiłku starožitności // *Archeologia o początkach Słowian. Krakow, 2005.*

Callmer 1995: Callmer J. The influx of oriental beads into Europe during the 8th century A.D. // *Glass beads: Cultural history, Experiment, Analogy. Lejre, 1995.*

Carver 1992: Carver M. The Anglo-Saxon Cemetery at Sutton Hoo: an interim Report // *The Age of Sutton Hoo. 1992.*

Carver 2003: Carver M. (ed.). *The Cross goes North. Process of Conversion in Northern Europe, AD 300–1300*. Woodbridge, 2003.

Čekin 2003: Čekin L.S. Rjurikgrad? // Osteuropa. Zeitschrift für Gegenwartsfragen des Ostens. 53 Jg. 2-3, 2003. S. 206-212.

Christensen 1991: Christensen T. Lejre beyond legend — The archaeological evidence // Journal of Danish Archaeology. 1991. V. 10.

Clarke, Ambrosiani 1995: Clarke H., Ambrosiani B. Towns in the Viking age. L. — N.Y., 1995.

Comşa 1970: Comşa M. Quelques problèmes concernant l'unité et les variantes régionales de la civilisation Slave aux IVe- Xe siècles // Actes du VIIe Congrès International des Csiences Préhistoriques et Protohistoriques. V. 2. Praha, 1970.

Curta 2001: Curta F. The Making of the Slavs: History and Archaeology of the Lower Danube Region. Cambridge — New York, 2001.

Curta 2009: Curta F. A note on the «Slavic» bow fibulae of Werner's class I // Archaeologia Baltica 12. Klaipėda, 2009. P. 124-136.

Daggfeldt 1983: Daggfeldt B. Vikingen — roddaren // Fornvännen 78, 1983. S. 92-94.

Damell 1993: Damell D. About Royal Manors from the Late Iron age in Middle Sweden // Current Swedish archaeology. 1993. Vol. 1.

Davidson 1952: Davidson G.R. The minor objects, Corinth. Vol. XII.

Duczko 1993: Duczko W. (red.). Arkeologi och milijogeollogi i Gamla Uppsala. Uppsala, 1993.

Duczko 2003: Duczko W. The ways things were moving: Staraja Ladoga — Birka — Staré Mesto — Ggadešnica // Słowiane i ich sąsiedzi we wczesnym średniowieczu. Lublin — Warzcawa, 2003. P. 127-132.

Duczko 2004: Duczko W. Viking Rus. Studies on the Presence of Scandinavians in Eastern Europe, Leiden — Boston, 2004.

Eckert 1999: Eckert R. Eine Slawische und Baltische Erdgottheit // SmS. 2. 1999.

Ekbo 1981: Ekbo S. The etymology of Finnish Ruotsi 'Sweden' // Les pays du Nord et Byzance. Uppsala, 1981. P. 143-145.

Ellis Davidson 1967: Ellis Davidson H.R. Pagan Scandinavia. L., 1967.

Ellis Davidson 1992: Ellis Davidson H.R. Human sacrifice in the Late Pagan Period in North West Europe // The Age of Sutton Hoo, 1967. P. 331-340.

Falk 1981: Falk K.-O. Einige Bemerkungen zum Namen Rusi // Les pays du Nord et Byzance, 1981. P. 147-159.

Franklin S. Some apocryphal sources of Kievan Russian Historiography // Oxford Slavonic papers. V. 15, 1982. P. 1-27.

Fulgesang 1997: Fulgesang S.H. A Critical Survey of Theories on Byzantine Influence in Scandinavia // Rom und Byzanz im Norden. Mission und

Литература

Glaubenswechsel im Ostseeraum während des 8–14. Jahrhunderts. Bd. 1, 1997. P. 35–58.

Godłowski 1981: Godłowski K. Okres wędrówek ludów na Pomorzu// *Pomorania antiqua*. T. X. 1981.

Grumlin-Pedersen, Thye 1995: Grumlin-Pedersen O., Thye B.M. (eds.). *The Ship as Symbol in Prehistoric and Medieval Scandinavia*. Copenhagen, 1995.

Hachmann, Kossack, Kuhn 1962: Hachmann R., Kossack G., Kuhn H. *Völker zwischen Germanen und Kelten. Schriftquellen, Bodenfunde und Namengut zur Geschichte des nördlichen Westdeutschlands um Christi Geburt*, Neumünster, 1962.

Harmatta 1996: Harmatta J. *The Wall of Alexander the Great and the Limes Sasanicus // Bulletin of the Asia Institute: Studies in honor of Vladimir A. Livshits. New Series / Volume 10*, 1996.

Härke 2006: Härke H. *Material Culture as Myth: Weapons in Anglo-Saxon Graves // Burial and Society* (ed. by C.K. Jensen and K. H. Nielsen). Aarhus, 2006.

Hedenstierna-Jonson 2009: Hedenstierna-Jonson Sh. *Magyar — Rus — Scandinavia: Cultural Exchange in the early medieval period // Situne die. Annual of Sigtuna research 2009/ Sigtuna, 2009*. P. 47–56.

Hensel 1987: Hensel W. *Słowiańczyzna wczesnośredniowieczna*. Warszawa, 1987.

Hodges 1989: Hodges R. *Dark Age Economics. The origins of towns and trade AD 600–1000*. L., 1989.

Hodges, Whitehouse 1989: Hodges R., Whitehouse D. *Mohammed, Charlemagne and the Origin of Europe*. N.Y., 1989.

Hyenstrand 1974: Hyenstrand A. *Centralbygd-Randbygd. Strukturella, ekonomiska och administrativa huvudlinier i mellansvenskyngrejamalder. Studies in North-European archaeology 5*. Stockholm, 1974.

Iversen 1991: Iversen M. (ed). *Mammen. Grav, kunst og samfund i vikingetid*. Aarhus, 1991.

Jansson 1987: Jansson I. *Communications between Scandinavia and Eastern Europe in the Viking Age. Untersuchungen zu Handel und Verkehr der vor — und frühgeschichtlichen Zeit in Mittel — und Nordeuropa. Teil IV. Der Handel der Karolinger — und Wikingerzeit*. Göttingen. 1987.

Jansson 1995: Jansson I. *Dress Pins of East Baltic Type Made on Gotland // Archaeology East and West of the Baltic*. Ed. by I. Jansson. Stockholm, 1995.

Kaplony 1996: Kaplony A. *Routen, Anschlussrouten, Handelshorizonte im Brief von Hasdai b. Saprut an den hazarischen König // Ibrahim Ibn Ya'qub at-*

Turrushi: Christianity, Islam and Judaism Meet in Central Europe, c. 800–1300 A.D. Praha, 1996. S. 140–168.

Kivikoski 1963: Kivikoski E. Kvarnbacken. Helsinki, 1963.

Klanica 1986: Klanica Z. Počátky slovanského osídlení našich zemí. Praha, 1986.

Kovalev 2005: Kovalev R.K. Creating Khazar Identity through Coins: The Special Issue Dirhams of 837/8 // East Central and Eastern Europe in the Early Middle Ages. Ed. Florin Curta. Ann Arbor, 2005.

Krogh 1993: Krogh K. J. Gaaden om Gorms grav. Bind 1, Kbn, 1993.

Kultura pomorska: Kultura pomorska i kultura grobów kloszowych — razem chi osobno? Warszawa, 1995.

Laszlo 1971: Laszlo Gy. Steppenvölker und Germanen. B., 1971.

Leont'ev 2000: Leont'ev A. Sarskoe et Rostov: deux centres de la Rus' du Nord-Est aux IX-e — XI-e siècles // Les centres proto-urbains Russes entre Scandinavie, Byzance et Orient, ed. M. Kazanski, A. Necessian et C. Zuckerman. Paris, 2000. P. 199–214.

Les centres proto-urbains: Les centres proto-urbains Russes entre Scandinavie, Byzance et Orient. Ed. M. Kazanski, A. Necessian et C. Zuckerman. Paris, 2000.

Lindqvist 1936: Lindqvist S. Uppsala höggar och Ottarshögen. Uppsala, 1936.

Ljungqvist 2006: Ljungqvist J. En hiar atti rikR: Om elit, struktur och ekonomi kring Uppsala och Mälaren under yngre järnålder. Uppsala, 2006.

Lorange 1875: Lorange A. Samlingen af Norske Oldsager i Bergens Museum. Bergen, 1875.

Lovag 1999: Lovag Zs. Mittelalterliche Bronzegegenstände des Ungarischen Nationalmuseums. Budapest, 1999.

Mango 1988/89: Mango C. The tradition of Byzantine Chronography // HUS. Vol. 12–13. Proceedings of International Congress Commemorating the millenium of Christianity of Rus'-Ukraine. Cambr. (Mass.).

Marquart 1903: Marquart J. Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge. Leipzig, 1903.

Měřínský 2002: Měřínský Z. České země od příchodu Slovanů po Velkou Moravu I. Praha, 2002.

Mikkelsen 2002: Mikkelsen E. Handel — misjon — religionsmøter. Impulser fra buddisme, islam og kristendom i Norden 500–1000 e. Kr. // Viking, 2002.

Müller-Wille 1992: Müller-Wille M. Monumentale Grabhügel der Volkerwanderungszeit in Mittel — und Nordeuropa. Bestand und Deutung // Mare Balticum. Beiträge zur Geschichte des Ostseeraums in Mittelalter und Neuzeit. Sigmaringen, 1992.

Литература

Müller-Wille 1998: Müller-Wille M. The Cross as a Symbol of Personal Christian Belief in a Changing Religious World // Larsson L., B. Stjernquist (eds). *The World-View of Prehistoric Man*. Stockholm, 1998. P. 179–200.

Müller-Wille 2003: Müller-Wille M. The Cross goes North: Carolingian Times between Rhine and Elbe // Carver, 2003. P. 441–462.

Müller-Wille 2009: Müller-Wille M. Münzfunde der Frümittelalterlichen Handelssiedlungen von Ribe, Hedeby und Kaupang // Великий Новгород и средневековая Русь. 2009. S. 455–467.

Myhre 1992: Myhre B. The Royal Cemetery at Borre, Vestfold: a Norwegian centre in a European periphery // *The Age of Sutton Hoo*, 1992.

Nagrodzka-Majchrzyk 1978: Nagrodzka-Majchrzyk T. *Geneza miast u dawnych ludów tureckich (VII-XII w.)*. Wrocław — Wars. — Kraków — Gdańsk, 1978.

Noonan 1985: Noonan Th. S. The first major silver crisis in Russia and the Baltic. C. 875-900 // *Hikuin*. 1985. № 11. P. 41–50.

Noonan 1985: Noonan Th. S. The first major silver crisis in Russia and the Baltic. C. 875-900 // *Hikuin*. 1985. № 11. P. 41–50.

Noonan 1987: Noonan Th. S. Khazaria as an intermediary between Islam and Eastern Europe in the second half of the ninth century: the numismatic perspective // *Archivum Eurasiae Medii Aevi*. V [1987]. P. 179–04.

Van de Noort 1993: Van de Noort R. The context of Early Medieval Barrows in Western Europe // *Antiquity*. 1993. V. 67.

Nowakowski 2005: Nowakowski W. *Hic Svebiae finis — Wenetowie na wshód od Tacitowej Swebii* // *Archeologia o początkach Słowian*. Krakow, 2005.

Nylén 1987: Nylén E. Technologie des Schiffbaus und Veränderung der Hafanlagen // *Przegląd Archeologiczny* / Vol. 34. 1987. № 6. S. 283–288.

Petrukhin 2000: Petrukhin V. Les villes *gardar* sur la voie «des Varegues aux Grecs» // *Les centres proto-urbains...* 2000. P. 357–364.

Petrukhin 2004: Petrukhin V. A note on the Sacral Status of the Khazarian Khagan: Tradition and Reality // *Monotheistic Kingship. The medieval Variants*. CEU *Medievalia*. Budapest, 2004. P. 269–275.

Petrukhin, Pushkina 1997: Petrukhin V., Pushkina T. Old Russia: the earliest stages of Christianization // *Rom und Byzanz im Norden. Mission und Glaubenswechsel im Ostseeraum während des 8–14. Jahrhunderts*. Bd. 2. Stuttgart (herausg. von Michael Müller-Wille). 1997. P. 247–258.

Ramqvist 1992: Ramqvist P. Hoegom. The excavations 1949–1984. *Archaeology and environment* 13. Umea — Kiel, 1992.

- Randsborg 1991: Randsborg K. The first millenium AD. In Europe and Mediterranean. Cambridge, 1991.
- Rostovzeff 1933: Rostovzeff M. Some New aspects of Iranian art. The heroic and epic art of Iran // *Seminarium Kondakovianura*. VI. 1933. P. 161–185.
- Rydh 1936: Rydh H. *Förhistoriska undersökningar på Adelsö*. Stockholm, 1936.
- Sahaidak 2005: Sahaidak M. Medieval Kiev from perspective of an Archaeological Study of the Podol District // *Ruthenica*. T. IV., 2005.
- Sedykh 2005: Sedykh V.N. On the funktion of coins in graves in early medieval Rus' // *Russian History*. Vol. 32. Nos. 3–4. 2005. Festschrift 2 for Thomas N. Noonan. P. 471–478.
- Shetelig 1912: Shetelig H. *Vestlanske graver fra jernalderen*. Bergen, 1912.
- Slawen in Deutschland: *Slawen in Deutschland*. Berlin, 1985.
- Šlupecki 1994: Šlupecki L.P. *Slavonic Pagan Sanctuaries*. Warsaw, 1994.
- Staecker 1999: Staecker J. *Rex regum et dominus dominorum*. Stockholm, 1999.
- Staecker 2003: Staecker J. The Cross Goes North: Christian Symbols and Scandinavian Women // *Carver*, 2003. P. 463–482.
- Téra 2005: Téra M. Etymologické souvislosti jmen staroruských pohanských božstev // *Slavia: časopis pro slovanskou filologii*. Ročník 74, sešit 1. 2005. S. 1–24.
- Thulin: Thulin A. The southern origin of the name Rus'. Some remarks // *Les pays du Nord et Byzance*. P. 175–183.
- Thulin 1979: Thulin A. The third tribe of Rus // *Slavia Antiqua*. Tom XXV/1978. Warszawa — Poznań, 1979.
- Treadwell 1993: Treadwell L. Islamic dirhams from the Neble hoard // *Nordisk numismatisk Årsskrift* 1992–93. P. 22–33.
- Vasiliev 1946: Vasiliev AA. *The Russian attack on Constantinople in 860*. Cambridge, Mass. 1946.
- Vikingerne: *Vikingerne i England*. London, 1981.
- Werner 1953: Werner J. *Slawische Bronzfiguren aus Nordgriechenland*. Berlin, 1953.
- Westrem 1998: Westrem S.T. Against Gog and Magog // *Text and territory. Geographical imagination in the European Middle ages* / Philadelphia, 1998. P. 54–75.
- Wood 1987: Wood J. Christians and Pagans in the ninth century Scandinavia // *Christianization of Scandinavia*. 1987. P. 36–67.
- Zuckerman 1995: Zuckerman C. On the date of the Khazar's conversion to Judaism and the Chronology of the Kings of the Rus Oleg and Igor // *Revue des Etudes Byzantines* 53. 1995. P. 237–270.

Литература

Авдусин 1974: Авдусин Д.А. Скандинавские погребения в Гнёздове // ВМУ. 1974. № 1.

Авдусин 1980: Авдусин Д.А. Происхождение древнерусских городов // ВИ. 1980. № 12. С. 24–42.

Авдусин 1988: Авдусин Д. Современный антинорманизм // ВИ. 1988. № 7. С. 23–34.

Авдусин, Мельникова 1985: Авдусин Д.А., Мельникова Е.А. Смоленские грамоты на бересте (из раскопок 1952–68 гг.) // ДГ. 1984. С. 199–211.

Авдусин, Пушкина 1982: Авдусин Д.А., Пушкина Т.А. Гнездово в исследованиях Смоленской экспедиции // ВМУ. Сер. 8. История. 1982. № 1.

Авдусин, Пушкина 1989: Авдусин Д.А., Пушкина Т.А. Три погребальные камеры из Гнёздова // История и культура древнерусского города. М., 1989. С. 190–205.

Авенариус 1993: Авенариус А. Ранние славяне в Среднем Подунавье: автохтонная теория в свете современных исследований // Славяноведение. 1993. № 2. С. 27–41.

Азбелев 2007: Азбелев С.Н. Устная история. СПб., 2007.

Айбабин 1985: Айбабин А. И. Погребение хазарского воина // СА. 1985. № 3. С. 191–205.

Айбабин 1999: Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999.

Аксенов 2004: Аксенов В.С. Крестовидные подвески и проблема распространения христианства среди населения салтовской культуры бассейна Северского Донца // Хазарский альманах. Вып. 2. Харьков, 2004.

Аксенов 2006: Аксенов В.С. Форпост Верхний Салтов // Восточная коллекция. Лето 2006.

Аксенов 1998: Аксенов В.С. Новые находки коньковых подвесок в салтовских захоронениях на Харьковщине // Finno-Ugrica. 1998. № 1(2).

Аксенов, Лаптев 2009: Аксенов В.С., Лаптев А.А. К вопросу о славяно-салтовских контактах // Древности 2009. Харьков, 2009. С. 242–258.

Алешковский 1969: Алешковский М.Х. Первая редакция «Повести временных лет» // Археографический ежегодник за 1967 год. М., 1969.

Алешковский 1971: Алешковский М.Х. Повесть временных лет. М., 1971.

Алимов 2008: Алимов Д.Е. «Переселение» и «крещение»: к проблеме формирования хорватской этничности в Далмации // SSBP. 2008. № 2(4). С. 94–116.

- Амброс 1982: Амброс А.К. О Вознесенском комплексе VIII в. на Днепре — вопрос интерпретации // Древности эпохи великого переселения народов V–VIII вв. М., 1982. С. 204–221.
- Ангелова 1980: Ангелова С. По въпроса за раннославянската култура на юг и север от Дунав през VI–VII в. // Археология. Год. XXII, 4. 1980. С. 1–12.
- Андрощук 1999: Андрощук Ф.О. Нормани і слов'яни у Подесенні. Київ, 1999.
- Аничков 2009: Аничков Е.В. Язычество и Древняя Русь. М., 2009.
- Аржанцева 2007: Аржанцева И.А. Каменные крепости алан // РА. 2007. № 2. С. 75–88.
- Артамонов 1962/2002: Артамонов М.И. История хазар. Изд. 2-е. СПб., 2002.
- Артамонов 1990: Артамонов М.И. Первые страницы русской истории в археологическом освещении // СА. 1990. № 3. С. 271–290.
- Архипов 1995: Архипов А. По ту сторону Самбатигона. Этюды о русско-еврейских культурных, языковых и литературных контактах в X–XVI вв. Berkeley, 1995.
- Арьес 1992: Арьес Ф. Человек перед лицом смерти. М., 1992.
- Асташова 1974: Асташова Н.И. Энколпион из Гнёздова // СА. 1974. № 3.
- Атавин 1996: Атавин А.Г. Погребения VII — начала VIII вв. из Восточного Приазовья // Культуры евразийских степей второй половины I тыс. н. э. Самара, 1996. С. 208–264.
- Афанасьев 2001: Афанасьев Г.Е. Где же археологические свидетельства существования Хазарского государства? // РА. 2001. № 2.
- Багаутдинов, Богачев, Зубов 1998: Багаутдинов Р.С., Богачев А.В., Зубов С.Э. Праболгары на Средней Волге. Самара, 1998.
- Бажан, Каргопольцев 1989: Бажан И.А., Каргопольцев С.Ю. В-образные рифленые пряжки как хронологический индикатор синхронизации // КСИА. Вып. 198. 1989. С. 28–35.
- Баран 1988: Баран В.Д. Давни слов'яни. Київ, 1988.
- Баран 1997: Баран В.Д. Венеди, склавіни та анти у світлі археологічних джерел // Проблемы славянской археологии. Труды VI Международного Конгресса славянской археологии. Т. 1. М., 1997.
- Баран 2006: Баран В. Державотворчі та етнокультурні процеси в період Київської Русі // Слов'янські обрії. Київ, 2006.
- Барац Г.М. Собрание трудов по вопросу о еврейском элементе в памятниках древнерусской письменности. Т. 2,1. Берлин — Париж, 1924–1926.

Литература

Барта 1972: Барта Ч. Погребения с конями у венгров IX–X вв. // Проблемы археологии и древней истории угров. М., 1972. С. 176–188.

Барулин 1996: Барулин А. Н. Мыслию по древу (перевод темного места в «Слове о полку Игореве» // Московский лингвистический журнал. 1996. № 3. С. 46–69.

Бейлис 1961: Бейлис В.М. Ал-Мас'уди о русско-византийских отношениях в 50-х гг. X в. // Международные связи России до XVII в. М., 1961. С. 21–31.

Белова, Петрухин 2008: Белова О.В., Петрухин В.Я. Фольклор и книжность: Миф и исторические реалии. М., 2008.

Березовец, 1965: Березовец Д.Т. Слов'яни и племена салтівської культури // Археологія. 19. Київ, 1965.

Березович 2007: Березович Е.Л. Топонимия народная // Славяноведение 2007. № 6. С. 100–108.

Берлин 1919: Берлин И. Исторические судьбы еврейского народа на территории Русского государства. Пг., 1919.

Бибииков 1998: Бибииков М.В. Историческая литература. СПб., 1998.

Бибииков 2004: Бибииков М.В. Byzantinorossica. Свод византийских свидетельств о Руси. Т. I. М., 2004.

Бибииков, Мельникова, Петрухин 2000: Бибииков М.В., Мельникова Е.А., Петрухин В.Я. Ранние этапы русско-византийских отношений в свете исторической ономастики // ВВ 59 (84). 2000.

Блифельд 1954: Блифельд Д. И. К исторической оценке дружинных погребений в срубных гробницах Среднего Поднепровья IX–X вв. // СА. 1954. Вып. 20.

Блифельд 1977: Блифельд Д. І. Давньоруські пам'ятки Шестовиці. Київ, 1977.

Богуславский 2006: Богуславский О.И. Комплекс памятников у деревни Городище на реке Сяси в системе синхронных древностей (вопросы анализа керамического комплекса) // Славяне и финно-угры. Контактные зоны и взаимодействие культур. СПб., 2006. С. 16–40.

Бодуан 2010: Бодуан П. Становление герцогства Нормандского в Руане: современное состояние проблемы и перспективы сравнительных исследований // Диалог культур и народов средневековой Европы. СПб., 2010. С. 224–238.

Бокий, Плетнева 1988: Бокий Н.М., Плетнева С.А. Захоронение семьи воина-кочевника в бассейне Ингула // СА. 1988. № 2. С. 99–116.

Боровський, Калюк 1993: Боровський Я.Э., Калюк О.П. Дослідження кївського дитинця // Стародавній Київ. Київ, 1993.

- Бродель 2002: Бродель Ф. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II. Ч. 1. М., 2002.
- Бродель 2008: Бродель Ф. Грамматика цивилизаций. М., 2008. С. 503.
- Бугославский 2006: Бугославский С.А. Текстология Древней Руси. Повесть временных лет. СПб., 2006.
- Буданова 2000: Буданова В.П. Варварский мир эпохи великого переселения народов. М., 2000.
- Буланин, Турилов 1998: Буланин Д.М., Турилов А.А. Сказание о Словене и Руссе // СКК. XVII в. Ч. 3. СПб., 1998.
- Булкин, Лебедев 1974: Булкин В.А., Лебедев Г.С. Гнездово и Бирка // Культура средневековой Руси. Л., 1974. С. 11–17.
- Булкин, Седых 2010: Булкин В.А., Седых В.Н. «Что город, то норы; что деревня, то обычай»? Археологический комментарий к проблеме формирования городских центров Древней Руси // Диалог культур и народов средневековой Европы. СПб., 2010. С. 103–112.
- Българите 2001: Българите. Атлас / Обща редакция А. Фол. София, 2001.
- Быков 1974: Быков А.А. Из истории денежного обращения Хазарии в VIII и IX вв. // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. В. III. М., 1974. С. 65 и сл.
- Бычкова 1997: Бычкова М.Е. Римская тема в Русских генеалогических сочинениях XVI–XVII вв. // Рим, Константинополь, Москва. М. 1997.
- Васильев 1999: Васильев М.А. Язычество восточных славян накануне крещения Руси. М., 1999.
- Ведюшкина 2003: Ведюшкина И.В. формы проявления коллективной идентичности в Повести временных лет // Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала нового времени / Отв. ред. Л.П. Репина. М., 2003.
- Ведюшкина 2004: Этногенеалогии в Повести временных лет // ДГ. 2002. М., 2004. С. 52–60.
- Вергей 2005: Вергей В.С. Пражская культура в Беларуси // Archeologia o rosątkach Słowian. Krakow, 2005. С. 487–502.
- Вернадский 1996: Вернадский Г.В. Киевская Русь. Тверь — М., 1996.
- Вернер 1972: Вернер И. К происхождению и распространению антов и склавенос // СА. 1972. № 4.
- Веселовский 2008: Веселовский С.Б. Московское государство XV–XVII вв. М., 2008.

Литература

Вестберг 1908: Вестберг Ф. К анализу восточных источников о Восточной Европе // Журнал Министерства Народного Просвещения. Новая серия. 1908. Март. Ч. XIII–XIV.

Вилкул 2007: Вилкул Т. Толковая Палея и Повесть временных лет. Сюжет о раздѣлении языкъ // Ruthenica. Т. VI. Київ, 2007.

Вилкул 2008: Вилкул Т. Ладога или Новгород? // Paleoslavica, 16, 2008. С. 272–280.

Вилкул 2009: Вилкул Т.Л. Люди и князь в древнерусских летописях XI–XIII вв. М., 2009.

Винников 1995: Винников А.З. Славяне лесостепного Дона в раннем средневековье VIII — начало XI века. Воронеж, 1995.

Винников 1998: Винников А.З. Донские славяне и Хазарский каганат // Скифы. Хазары. Славяне. Древняя Русь. Международная научная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения М.И. Артамонова. Тезисы докладов. СПб., 1998. С. 108–110.

Винников, Плетнева 1998: Винников А.З., Плетнева С.А. На Северных рубежах Хазарского каганата. Маяцкое поселение. Воронеж, 1998.

Винников, Синюк 2003: Винников А.З., Синюк А.Т. Дорогами тысячелетий. Воронеж, 2003.

Винокур 1997: Винокур И. Словянські ювеліри Подністров'я. Кам'янець-Подільський, 1997.

Водов 1989: Водов В. К истории оформления докончаний Новгорода с князьями в XIII в. // История и культура древнерусского города. М., 1989. С. 53–58.

Водолазкин 2008: Водолазкин Е.Г. Всемирная история в литературе древней Руси. СПб., 2008.

Вольфрам 2003: Вольфрам Х. Готы. СПб., 2003.

Воскресенская 2006: Воскресенская Г. Технологические особенности ножей из раскопок Шестовицкого могильника // Русь на перехресті світів (Міжнародні впливи на формування Давньоруської держави). Чернігів, 2006.

Врионис 1999: Врионис С. Славянското общество на Балканите (VI–VII в.). София, 1999.

Вуд 2005: Вуд И. Кинокефалы: кто они? // ДГ. 2003. Мнимые реальности в античных и средневековых текстах. М., 2005. С. 13–36.

Гавритухин 2009: Гавритухин И.О. Понятие пражской культуры // Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Строго света. СПб., 2009. С. 7–25.

- Гавритухин, Обломский 1996: Гавритухин И.О., Обломский А.М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М., 1996.
- Гадло 1979: Гадло А.В. Этническая история Северного Кавказа IV–IX вв. Л., 1979.
- Гадло 1994: Гадло А.В. Этническая история Северного Кавказа X–XIII вв. СПб., 1994.
- Галкина 2002: Галкина Е.С. Тайны русского каганата. М., 2002.
- Гальковский 2000: Гальковский Н.М. Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси. Т. 1–2. М., 2000.
- Гарипзанов И.Х. Каролингское монетное дело и римская имперская традиция. Казань, 2000.
- Гаркави 1874: Гаркави А.Я. Сказания еврейских писателей о хазарах и хазарском царстве. Статья II: Из сочинения неизвестного автора, коего псевдоним Иосиф бен Горион или Иосиппон // Труды Восточного отделения Императорского Русского Археологического общества. Ч. 17. СПб., 1874. С. 292–337.
- Гаспаров 2000: Гаспаров Б.М. Поэтика «Слова о полку Игореве». М., 2000.
- Гау 1999: Гау Э. «Рыжие евреи»: апокалиптика и антисемитизм в Германии в Средние века и раннее Новое время // Вестник еврейского университета. № 2 (20). М. — Иерусалим, 1999. С. 41–61.
- Гендерсон 2006: Гендерсон Э. Библейские разыскания и странствия по России. СПб., 2006.
- Гене 2002: Гене Б. История и историческая культура средневекового Запада / Под ред. И.И. Соколовой. М., 2002.
- Гиндин 1990: Гиндин Л.А. Обряд погребения Агилы (Iord. XLIX, 256–258) и «тризна» Ольги по Игорю // Советское славяноведение. 1990. № 1.
- Гиндин 1990: Гиндин Л.А. Роль Карпат в этногенезе славян // VI Международный конгресс славянской археологии. Тезисы докладов советской делегации. М., 1990. С. 16–20.
- Гири 1999: Гири П. Использование археологических источников в истории религии и культуры // Одиссей 1998. М., 1999. С. 188–203.
- Гиппиус 1997: Гиппиус А.А. К истории сложения текста Новгородской первой летописи // Новгородский сборник. Вып. 6(16). СПб., 1997. С. 40 и сл.
- Гиппиус 1997а: Гиппиус А.А. «Суть люди новгородци от рода варяжска...» (опыт генеалогической реконструкции) // ВЕДС. XIII. Генеалогия как форма исторической памяти. М., 1997.

Литература

Гиппиус 2001: Гиппиус А.А. Рекоша дружина Игореви... К лингвотекстологической стратификации Начальной летописи // *Russian Linguistics* 25. 2001. С. 147–181.

Гиппиус 2002: Гиппиус А.А. О критике текста и новом переводе-реконструкции «Повести временных лет» // *Russian Linguistics* 26. 2002. С. 63–126.

Гиппиус 2006: Гиппиус А.А. Два начала начальной летописи: к истории композиции Повести временных лет // *Вереница литер.* К 60-летию В.М. Живова. М., 2006. С. 56–96.

Гиппиус 2007: Гиппиус А.А. Новгород и Ладога в Повести временных лет // *У истоков русской государственности.* СПб., 2007. С. 217.

Гиппиус 2009: Гиппиус А.А. «До Александра и Исакья»: к вопросу о происхождении младшего извода Новгородской первой летописи // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики.* 2009. № 3. С. 23–24.

Гнёздово. Результаты комплексных исследований памятников. СПб., 2007.

Гнёздово: 125 лет исследования памятника Археологический сборник ГИМ. Вып. 124. М., 2001.

Голб, Прицак 2003: Голб Н., Прицак О. Хазарско-еврейские документы X века. Научная редакция, послесловие и комментарии В.Я. Петрухина. Изд. 2-е испр. и доп. М. — Иерусалим, 2003.

Голубева, Кочкуркина 1991: Голубева Л.А., Кочкуркина С.И. Белозерская весь. Петрозаводск, 1991.

Голубинский 1900: Голубинский Е.Е. История русской церкви. Т. 1. М., 1900.

Горский 2004: Горский А.А. Русь. От славянского расселения до Московского царства. М., 2004.

Горский и др. 2008: Горский А.А., Кучкин В.А., Лукин П.В., Стефанович П.С. Древняя Русь: Очерки политического и социального строя. М., 2008.

Горюнов 1981: Горюнов Е.Л. Ранние этапы истории славян. Л., 1981.

Горюнова 2007: Горюнова В.М. Роль западнославянского элемента в формировании раннегончарного комплекса Северо-Западной Руси // *Северная Русь и народы Балтики.* СПб., 2007. С. 45–89.

Готун, Казимір 2010: Готун І. А., Казимір О.М. Ходосівський археологічний комплекс: вивчення, охорона, експериментальне моделювання // *Проблеми давньоруської та середньовічної археології.* Випуск 1. Київ, 2010. С. 100–108.

Гранберг 2006: Гранберг Ю. Вече в древнерусских письменных источниках: Функции и терминология // *ДГ.* 2004. М., 2006. С. 3–163.

- Греков 1959: Греков Б.Д. Избранные труды. Т. 2. М., 1959.
- Григорьев 2000: Григорьев А.В. Северская земля в VIII — начале XI века по археологическим данным. Тула, 2000.
- Григорьев 2010: Григорьев А.В. Денежно-вещевые клады IX — начала X в. бассейна Средней Оки // Славяно-русское ювелирное дело. СПб., 2010. С. 449–452.
- Грушевський 1994: Грушевський М. Історія України-Руси. Т. 1. Київ, 1994.
- Гумилев 1967: Гумилев Л.Н. Древние тюрки. М., 1967.
- Гумилев 1996: Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. М., 1996.
- Гуревич 1966: Гуревич А.Я. Походы викингов. М., 1966.
- Гуревич 1970: Гуревич А.Я. Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе. М., 1970.
- Гуревич 2009: Гуревич А.Я. Индивид и социум на средневековом Западе. СПб., 2009.
- Данилевский 2004: Данилевский И.Н. Повесть временных лет: герменевтические основы изучения летописных текстов. М., 2004.
- Даркевич 1976: Даркевич В.П. Художественный металл Востока. М., 1976.
- Дворник 2007: Дворник Ф. Идея апостольства в Византии и легенда об апостоле Андрее. СПб., 2007.
- Джаксон 1993: Джаксон Т.Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе. М., 1993.
- Джаксон 2000: Джаксон Т.Н. Четыре норвежских конунга на Руси. М., 2000.
- Джаксон 2001: Джаксон Т.Н. Austr i Götdum: древнерусские топонимы в древнескандинавских источниках. М., 2001.
- Джаксон и др. 2007: Джаксон Т.Н., Калинина Т.М., Коновалова И.Г., Подосинов А.В. «Русская река». Речные пути Восточной Европы в античной и средневековой географии. М., 2007.
- Джонс 2003: Джонс Г. Викинги: потомки Одина и Тора. М., 2003.
- Дзино 2008: Дзино Д. «Становиться славянином», «становиться хорватом»: новые направления в исследовании идентичностей позднеантичного и раннесредневекового Иллирика// SSBP. 2008. № 2 (4). С. 37–58.
- Добровольский, Дубов, Кузьменко 1991: Добровольский И.С., Дубов И.В., Кузьменко Ю.К. Граффити на восточных монетах. Л., 1991.
- Древнерусские княжества X–XIII вв. М., 1975.
- Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965.
- Древнерусское наследие и исторические судьбы восточного славянства. М., 1982.

Литература

Древняя Русь в свете зарубежных источников / Под ред. Е.А. Мельниковой. М., 1999.

Древняя Русь. Город, замок, село. М., 1985.

Древняя Русь: Древняя Русь. Быт и культура. М., 1997.

Дуглас 2003: Дуглас Д.Ч. Норманны: от завоеваний к достижениям. СПб., 2003.

Дудко 2009: Дудко Д.М. Раннеславянское изображение божества с надписью из Фессалии и славяно-аланский образ пляшущего солнечного бога // Хазарский альманах. Т. 8. Киев — Харьков, 2009. С. 171–186.

Дьяконов 1939: Дьяконов А. П. Известия Псевдо-Захарии о древних славянах // ВДИ. 1939. № 4.

Дьяченко 1993: Протоиерей Г. Дьяченко. Полный церковно-славянский словарь. М., 1939.

Евзлин 1999: Евзлин М. О космогонической основе мотива «змея и девы» в связи с мотивом «странствия в подземное царство (на материале русских сказок) // SmS. 2, 1999.

Ениосова 1999: Ениосова Н.В. Ювелирное производство Гнёздова. АКД. М., 1999.

Ениосова, Сарачева 2006: Ениосова Н.В., Сарачева Т.Г. Древнерусские ювелирные инструменты из цветных металлов (результаты химико-технологического исследования) // КСИА. Вып. 220. М., 2006.

Енуков 2005: Енуков В.В. Славяне до Рюриковичей / Курский край. Т. III, Курск, 2005.

Еремеев 2007: Еремеев И.И. Новгородские сопки и большие курганы средней Швеции: проблемы сравнительного исследования // У истоков русской государственности СПб., 2007. С. 240–255.

Еремеев и др. 2010: Еремеев И.И., Янссон И., Сёдерберг С. Курганы в Вибю (Уппланд) и проблема происхождения больших «дружинных» курганов Древней Руси // Диалог культур и народов средневековой Европы. СПб., 2010. С. 206–223.

Еремин 1955: Еремин И.П. Литература древней Руси. М. — Л., 1966.

Ермолова 2006: Ермолова И.Е. Варвары на службе Римской империи // Byzantinoslavica LXIV, 2006.

Жарнов 1991: Жарнов Ю.Э. Животные в погребальном обряде курганов периода становления древнерусского государства // Советская археология. 1991. № 2. С. 76–89.

Жарнов 1992: Жарнов Ю.Э. Погребальный обряд Древней Руси по материалам Гнёздовского некрополя. М.: АКД, 1992.

Живов 1993: Живов В.М. Двоеверие и особый характер русской культурной истории // *Philologia slavica*. К 70-летию академика Н.И. Толстого. М., 1993. С. 50–60.

Живов 1995: Живов В.М. Особенности рецепции византийской культуры в древней Руси // *Ricerche slavistiche* XLII. 1995. С. 3–48.

Живов 1998: Живов В.М. Об этническом и религиозном самосознании Нестора Летописца // *Слово и культура*. Памяти Н.И. Толстого. Т. 2. М., 1998. С. 321–337.

Живов 2000: Живов В.М. *Slavia Christiana* и историко-культурный контекст *Сказания о русской грамоте* // Из истории русской культуры. Т. 1. Древняя Русь. М., 2000. С. 552–585.

Журавлев 1996: Журавлев А.Ф. Материальная культура древних славян по данным праславянской лексики // *Очерки истории культуры славян*. М., 1996. С. 116–144.

Завадская 1990: Завадская С.В. Возможности источниковедческого изучения «праздников» — «пиров» князя Владимира в летописных записях 996 г. // *ВЕДС*. М., 1990. С. 54–56.

Зайцев 2003: Зайцев И.В. Русы и москвиты: взгляд с Востока // *Восточная коллекция*, 2003 (осень).

Залеская и др. 1997: Залеская В.Н., Львова З.А., Маршак Б.И., Соколова И.В., Фоянкова Н.А. *Сокровища хана Кубрата*. СПб., 1997.

Зализняк 2004: Зализняк А.А. *Древненовгородский диалект*. Изд. 2-е. М., 2004.

Захаров 2004: Захаров С.Д. *Древнерусский город Белоозеро*. М., 2004.

Зимин 1965: Зимин А.А. *Феодальная государственность и Русская правда* // *Исторические записки*. В. 67. М., 1965.

Зимин 1974: Зимин А.А. О методике изучения древнерусского летописания // *Известия АН СССР. Серия литературы и языка*. Т. 33. 1974. С. 454–464.

Зимин А.А. *Правда Русская*. М., 1999.

Зоценко 2009: Зоценко В. *Древнерусский Вышгород. Историко-археологический обзор* // *Борисо-Глебский сборник*. Вып. 1. Paris, 2009.

Зоценко 2010: Зоценко В.Н. *Киевский некрополь-II: место в исторической топографии города, типология погребального инвентаря, хронология* // *Славяно-русское ювелирное дело*. СПб., 2010. С. 455–477.

Зоценко, Звіздецький 2006: Зоценко В., Звіздецький Б. Типологія та хронологія артефактів «скандинавського» типу із розкопок Стародавнього Іскоростеня // *Русь на перехресті світів (міжнародні впливи на формування давньоруської держави IX–XI ст.)*. Чернігів, 2006.

Литература

Зубов 1995: Зубов Н.И. Научные фантомы славянского Олимпа // ЖС. 1995. № 3. С. 46–48.

Зубов 1998: Зубов Н.И. О периодизации славянского язычества в древнерусских списках «Слова святого Григория ... о том, како первое погани суще языци кланялися идолом» // ЖС. 1998. № 1. С. 8–10.

Зубов 2004: Зубов М.І. Лінгвотекстологія середньовічних слов'янських по-вчань проти язичництва. Одеса, 2004.

Зыков, Кокшаров 2001: Зыков А.П., Кокшаров С.Ф. Древний Эмдер. Екатеринбург, 2001.

Ивакин 2005: Ивакин Г.Ю. Погребения X — первой половины XI вв. из раскопок Михайловского Златоверхого монастыря (1997–1999) // Русь в IX–XIV веках. Взаимодействие Севера и Юга. М., 2005.

Иванов 1975: Иванов В.В. Реконструкция индоевропейских слов и текстов, отражающих культ волка // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. Т. 34. № 5. 1975. С. 399–408.

Иванов 1975а: Иванов В.В. Происхождение семантического поля славянских слов, обозначающих дар и обмен // Славянское и балканское языкознание. М., 1975. С. 50–78.

Иванов 1987: Иванов В.В. Лингвистические материалы к реконструкции погребальных текстов // БСИ. 1985. С. 3–9.

Иванов 1989: Иванов Вяч. Вс. Латынь и славянские языки. Проблема взаимодействия // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху зрелого феодализма. М., 1989. С. 25–35.

Иванов 1991: Иванов С.А. Откуда начинать этническую историю славян? // Советское славяноведение. 1991. № 5.

Иванов 1998: Иванов С.А. Восприятие пределов империи: от Рима к Византии // Славяне и их соседи. Вып. 8. 1998. С. 4–11.

Иванов 2003: Иванов С.А. Византийское миссионерство: можно ли сделать из «варвара» христианина? М., 2003.

Ивановский 1896: Курганы С.-Петербургской губернии в раскопках Ивановского Л.К. МАР № 20. СПб., 1896.

Иванов, Топоров 1965: Иванов В.В., Топоров В.Н. Славянские языковые моделирующие семиотические системы. М., 1965.

Иванов, Топоров 1974: Иванов В.В., Топоров В.Н. Исследования в области славянских древностей. М., 1974.

Иванов, Топоров 1978: Иванов В.В., Топоров В.Н. О языке древнего славянского права // Славянское языкознание. VIII Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1978. С. 221–240.

Иванов, Топоров 1984: Иванов В.В., Топоров В.Н. К истокам славянской социальной терминологии // Славянское и балканское языкознание. М., 1984. С. 87–98.

Иванов, Топоров 2000: Иванов В.В., Топоров В.Н. О древних славянских этнонимах // Из истории русской культуры. Т. 1. 2000. С. 413–440.

Иванов, Турилов 1996: Иванов С.А., Турилов А.А. Переводная литература у южных и восточных славян в эпоху раннего Средневековья // Очерки истории культуры славян. М., 1996. С. 276–298.

Из истории русской культуры. Древняя Русь. Т. 1. М., 2000.

Иловайский 1996: Иловайский Д.И. Начало Руси. М., 1996.

Ильин 1979: Ильин П.М. Функции городов и развитие сети городских поселений СССР. Киев, 1979.

Йотов 2003: Йотов В. Викингите на Балканите. Варна, 2003.

Искоростень 2004: Стародавній Іскоростень і слов'янські гради VIII–X ст. Київ, 2004.

Исланова 1997: Исланова И.В. Древности V–VIII вв. бассейна верхней Мсты // Этногенез и этнокультурные контакты славян. Труды VI Международного конгресса славянской археологии. Т. 3. М., 1997. С. 77–87.

Исланова 2004: Исланова И.В. Славянское расселение на Валдае и Верхней Волге (история решения вопроса по данным археологии) // Восточная Европа в средневековье. М., 2004. С. 77–91.

История Византии: История Византии. Т. 2. М., 1967.

Истрин 1893: Истрин В.М. Александрия русских хронографов. М., 1893.

Истрин 1897: Истрин В.М. Откровение Мефодия Патарского и апокрифические видения Даниила в византийской и славяно-русской литературах. ЧОИДР. Кн. 2. М., 1897.

Истрин 1922: Истрин В.М. Очерк истории древнерусской литературы. Пг., 1922.

Истрин 1931–32: Истрин В.М. Моравская история славян и история поляно-руси как предполагаемые источники Начальной летописи // Byzantinoslavica. 1931. Т. III. V. 2; 1932. Т. IV. V. 1.

Истрин 1994: Истрин В.М. Хроника Иоанна Малалы в славянском переводе. М., 1994.

Истрин 1920: Истрин В.М. «Хроника Георгия Амартола» в древнем славяно-русском переводе. Т. 1–3. Пг.-Л., 1920–30.

Каждан 1973: Каждан А.П. Книга и писатель в Византии. М., 1973.

Литература

Каинов 2001: Каинов С.Ю. Еще раз о датировке гнёздовского кургана с мечом из раскопок М.Ф.Кусцинского // Гнёздово. 125-летие исследования памятника. Археологический сборник ГИМ. Вып. 124. М., 2001. С. 54–63.

Калинина 1976: Калинина Т.М. Сведения Ибн Хаукаля о походах Руси времен Святослава // ДГ. М. 1975. С. 90–101.

Калинина 1986: Калинина Т.М. Торговые пути Восточной Европы IX в. // История СССР. 1986. № 4. С. 68–82.

Калинина 1988: Калинина Т.М. Восточные источники о принятии христианства на Руси // ВЕДС. 1988. С. 31–33.

Калинина 1992: Калинина Т.М. Термин «ахл ал-байт» («люди дома») в применении к обществу русов у Ибн Фадлана // ВЕДС. 1992. С. 22–23.

Калинина 2000: Калинина Т.М., *Вантит* средневековых арабских писателей: попытки идентификации // ВЕДС. 2000. С. 198–207.

Калинина 2001: Калинина Т.М. Арабские ученые о нашествии норманнов на Севилью в 844 г. // ДГ 1999. М., 2001.

Калинина 2003: Калинина Т.М. Интерпретация некоторых известий о славянах в «Анонимной записке» // ДГ 2001. М., 2003.

Калинина 2004: Калинина Т.М. Генеалогии восточноевропейских народов в историческом сознании средневековых арабских писателей // ДГ 2002. М., 2004. С. 102–113.

Калинина 2010: Калинина Т.М. Амазонки в арабской средневековой литературе // Краеугольный камень: Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран. М., 2010. С. 324–349.

Каменецкая 1988: Каменецкая Е.В. О некоторых типах керамики Гнёздова // СА. 1988. № 1.

Каменецкая 1991: Каменецкая Е.В. Заольшанская курганный группа Гнёздова // Смоленск и Гнёздово. М., 1991. С. 125–175.

Каменский 1996: Каменский А.Б. Судьба и труды историографа Герарда Фридриха Миллера // Миллер. М., 1996.

Каргер 1958: Каргер М.К. Древний Киев. Т. 1. М. Л., 1958.

Кардини 1987: Кардини Ф. Истоки средневекового рыцарства. М., 1987.

Кардини 2007: Кардини Ф. Европа и ислам. История непонимания. М., 2007.

Карнап-Борнхайм и др. 2010: Карнап-Борнхайм К. фон, Хильберг Ф., Кальмринг С., Шульце Й. Хедебю, поселение и порт: старые материалы и новейшие исследования // РА. 2010. № 1.

Карнаухов 2000: Карнаухов Д.В. Мифологема происхождения восточных славян в интерпретации польской просвещенной элиты XVI века // Вестник Евразии. 2000. № 3.

Карпозилос 1988: Карпозилос А. Рос-дромиты и проблема похода Олега против Константинополя // ВВ. Вып. 49. М., 1988.

Картамышева 2006: Картамышева Е.П. Почитание предков в древнескандинавской дохристианской культуре. АКД. М., 2006.

Карышковский 1952: Карышковский П.О. О хронологии русско-византийской войны при Святославе // ВВ. Вып. V. М., 1952. С. 127–138.

Карышковский 1960: Карышковский П.О. Лев Диакон о Тмутараканской Руси // ВВ. Вып. XVIII. 1960. С. 39–51.

Килиевич 1982: Килиевич С.Р. Детинец Киева IX — первой половины XIII веков. Киев, 1982.

Кирпичников 1985: Кирпичников А.Н. Раннесредневековая Ладога (итоги археологических исследований) // Средневековая Ладога. Л., 1985. С. 3–26.

Кирпичников 2003: Кирпичников А.Н. Древности Старой Ладоги в исследованиях Староладожской археологической экспедиции ИИМК РАН // Старая Ладога. Древняя столица Руси. СПб., 2003. С. 43.

Кланица, Тржештик 1991: Кланица З., Тржештик Д. Первые славяне в Среднем Подунавье // Раннефеодальные государства и народности. М., 1991. С. 7–26.

Клейн 2004: Клейн Л.С. Воскрешение Перуна. К реконструкции восточнославянского язычества. СПб., 2004.

Клейн 2008: Клейн Л.С. Спор о варягах. СПб., 2008.

Ключевский: Ключевский В.О. Сочинения в девяти томах. М., 1987–1989.

Кляшторный 2009: Кляшторный С.Г. Ранние свидетельства славяно-тюркских контактов // Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого света. СПб., 2009. С. 203–207.

Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи древней Евразии. СПб., 2005.

Кобищанов 1995: Кобищанов Ю.М. Полюдь: явление отечественной и всемирной истории цивилизаций. М., 1995.

Ковалевская 1995: Ковалевская В.Б. Хронология древностей северо-кавказских алан // Аланы. История и культура. III. Владикавказ, 1995. С. 123–183.

Ковалевская 1998: Ковалевская В.Б. Хронология восточно-европейских древностей V–IX вв. Вып. 1. Каменные бусы Кавказа и Крыма. М., 1998.

Литература

Коваленко, Моця 2010: Коваленко В. П., Моця А. П. Шестовица — южная сестра Рюрикова городища // Диалог культур и народов средневековой Европы. СПб., 2010. С. 91–102.

Коваль 2007: Коваль В. Ю. О древнерусских амулетах змеевиках // КСИА. Вып. 221. 2007. С. 54–63.

Козак 2008: Козак Д. Н. Венеди // Дьяґслово: Збірка праць на пошану П. П. Толочка. Київ, 2008. С. 266–278.

Колесов 1986: Колесов В. В. Мир человека в слове Древней Руси. Л., 1986.

Колесов 1989: Колесов В. В. Древнерусский литературный язык. Л., 1989.

Колода 2007: Колода В. В. Новые данные о контактах славян-руси и населения Хазарского каганата в свете хазаро-арабо-византийских отношений // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. Материалы XII Международной научной конференции. Ростов-на-Дону, 2007.

Колода 2009: Колода В. В. Проблемы градообразования в раннесредневековых контактных зонах (на примере лесостепного региона Северского Донца) // Средневековый город Юго-Восточной Руси. Предпосылки возникновения, эволюция, материальная культура. Курск, 2009. С. 35–43.

Колосовская 1997: Колосовская Ю. К. Народ венетов в свидетельствах древних авторов // Античный мир. Византия. Харьков, 1997. С. 104–113.

Комар 2005: Комар А. В. Исторические предпосылки возникновения легенды о Полянской дани хазарам по археологическим данным // Хазары / Jews and Slavs. V. 16. «Мосты культуры». Иерусалим — Москва, 2005. С. 207–218.

Комар 2006: Комар А. В. Перещепинский комплекс в контексте осиновых проблем истории и культуры кочевников Восточной Европы VII — начала VIII в. // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 5. Донецк, 2006.

Комар, Сухобоков 2000: Комар А. В., Сухобоков О. В. Вооружение и военное дело Хазарского каганата // Восточноевропейский археологический журнал. 2000. № 2(3).

Комар, Хамайко 2011: Комар А., Хамайко Н. Збручский идол: памятник эпохи романтизма? // Ruthenica. Т. X, Київ, 2011. С. 166–216.

Комарович 1960: Комарович В. А. Культ рода и земли в княжеской среде XI–XII вв. // ТОДРЛ. Вып. XVI. С. 84–104.

Конечский 1995: Конечский В. Я. Некоторые аспекты источниковедения и интерпретации комплекса памятников в Перыни под Новгородом // Церковная археология. Материалы Первой всероссийской конференции. Ч. 1. СПб., 1995. С. 80–85.

Конечский 2007: Конечский В.Я. Археология Северо-Запада России в начале XXI века: итоги и перспективы // У истоков русской государственности. СПб., 2007. С. 256–267.

Коновалова 1999: Коновалова И.Г. Восточные источники // Древняя Русь в свете зарубежных источников. М., 1999. С. 169–258.

Коновалова, Перхавко 2000: Коновалова И.Г., Перхавко В.Б. Древняя Русь и Нижнее Подунавье. М., 2000.

Корзухина 1955: Корзухина Г.Ф. К истории Среднего Поднепровья в сер. I тыс. н.э. // СА. 1955. Вып. XXII. С. 61–82.

Корзухина 1954: Корзухина Г.Ф. Русские клады. М.-Л., 1954.

Корогодина 2006: Корогодина М.В. Исповедь в России в XIV–XIX вв. СПб., 2006.

Королюк 1985: Королюк В.Д. Славяне и восточные романцы в эпоху раннего средневековья. М., 1985.

Корш 1908: Корш Ф. Владимировы боги. Харьков, 1908 (отд. оттиск).

Косвен 1947: Косвен М.О. Амазонки: история легенды // СЭ. 1947. № 2. С. 33–59.

Котляр 1986: Котляр Н.Ф. Древняя Русь и Киев в исторических преданиях и легендах. Киев, 1986.

Котляр 2000: Котляр Н.Ф. В тоске по утраченному времени: рецензия на Сборник Русского исторического общества «Антинорманизм» // Средневековая Русь. Вып. 7. М., 2000.

Кримський 1927: Кримський Е.А. «Волосова борода». З учено-кабинетної мітології // Ювілейний збірник на пошану акад. Д. І. Багалія. Київ, 1927. С. 74–91.

Кром 1994: Кром М.М. «Старина» как категория средневекового менталитета // *Mediaevalia Ucrainica: ментальність та історія ідей*. Т. 3. К., 1994. С. 68–85.

Кропоткин 1967: Кропоткин В.В. Экономические связи Восточной Европы в I тыс. н.э. М., 1967.

Кропоткин 1978: Кропоткин В.В. К топографии кладов куфических монет IX в. в Восточной Европе // Древняя Русь и славяне. М., 1978. С. 111–117.

Круглов 2002: Круглов Е.В. Хазары — история только начинается // Хазары. Второй Международный colloquium. М., 2002.

Крюков 1987: Крюков В.Г. Сведения ал-Мас'уди о народе ал-Ифранджа // Письменные памятники Востока. Историко-филологические исследования 1978–1979. М., 1987. С. 64–81.

Литература

- Куза 1983: Куза А. В. Социально-историческая типология древнерусских городов X–XIII вв. // *Русский город*. Вып. 6. М., 1983. С. 4–36.
- Куза 1989: Куза А.В. Малые города Древней Руси. М., 1989.
- Куза 1996: Куза А.В. Древнерусские городища X–XIII вв. М., 1996.
- Кузенков 2003: Кузенков П.В. Поход 860 г. на Константинополь и первое крещение Руси в средневековых письменных источниках // *ДГ*. 2000. М., 2003.
- Кузьмин 1995: Кузьмин С.Л. Крещение и христианизация Новгородской земли: акт и процесс по данным археологии // *Церковная археология...* 1995. С. 87–89.
- Кулешов 2009: Кулешов Вяч. С. К оценке достоверности этимологий слова *русь* // *Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого света*. СПб., 2009. С. 441–459.
- Куник, Розен 1878: Известия ал-Бекри и других авторов о Руси и славянах. Ч. I. (Статьи и разыскания А. Куника и барона В. Розена). СПб., 1878. (Приложение к XXXII).
- Курта 2008: Курта Ф. Археология идентичностей в Восточной Европе (VI — первая половина VII в.) // *SSBP*. 2008. № 2(4). С. 133–154.
- Кучкин 1984: Кучкин В.А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М., 1984.
- Кучкин 2008: Кучкин В.А. Десятские и сотские древней Руси // *Горский и др.* М., 2008.
- Лабутина 1989: Лабутина И.К. Языческое святилище Пскова // *История и культура древнерусского города*. М., 1989. С. 100–108.
- Ладога и ее соседи в эпоху средневековья. СПб., 2002.
- Ларин 1975: Ларин Б.А. Лекции по истории русского литературного языка (X — середина XVII в.). М., 1975.
- Ле Гофф 2000: Ле Гофф Ж. Другое средневековье. Екатеринбург, 2000. С. 184–199.
- Ле Гофф 2007: Ле Гофф Ж. Рождение Европы. М., 2007.
- Ле Гофф 1992: Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. М., 1992.
- Лебедев 1985: Лебедев Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе. Л., 1985.
- Лебедев 1987: Лебедев Г.С. Комментарий к статье I Русской правды Краптовой редакции // *Генезис и развитие феодализма в России*. С. 78–84.
- Лебедев 1994: Лебедев Г.С. Труворово городище и западные форпосты Рюрика (обозначавшаяся проблема) // *Памятники средневековой культуры. Открытия и версии*. Сборник статей к 75-летию В.Д. Белецкого. СПб., 1994. С. 141–145.

- Левина 1996: Левина Л.М. Этнокультурная история Восточного Приаралья. М., 1996.
- Леви-Строс 1983: Леви-Строс К. Структурная антропология. М., 1983.
- Леви-Строс 1994: Леви-Строс К. Первобытное мышление. М., 1994.
- Лелеков 1978: Лелеков Л.А. Искусство Древней Руси и Восток. М., 1978.
- Лелеков 1981: Лелеков Л.А. История некоторых сюжетов древнерусского искусства // Художественное наследие. 1981. № 7. С. 213–225.
- Леонтьев 1986: Леонтьев А.Е. Волжско-Балтийский путь в IX в. // КСИА. Вып. 183. М., 1986.
- Леонтьев 1988: Леонтьев А.Е. Городище Выжегша и происхождение выжегшского клада // Проблемы изучения древнерусской культуры: расселение и этнокультурные процессы на Северо-Востоке Руси. М., 1988.
- Леонтьев 1989: Леонтьев А.Е. Тимерево: проблемы исторической интерпретации археологического памятника // СА. 1989. № 3.
- Леонтьев 1996: Леонтьев А.Е. Археология мери. М., 1996.
- Либерман 2005: Либерман А.С. Германисты в атаке на берсерков // ДГ. 2003. С. 119–131.
- Ливох 2010: Ливох Р. Большие курганы летописного Плеснеска // Славяно-русское ювелирное дело... М., 2010. С. 486–492.
- Лидов 2000: Лидов А.М. Иконостас: Итоги и перспективы исследования // Иконостас: Происхождение — развитие — символика. М., 2000.
- Липатов 1999: Липатов А.В. Историография и поэтика: универсум — этнос — индивидуум — стиль (по материалам польского Средневековья) // Славянские этюды. Сборник к юбилею С.М. Толстой. М., 1999. С. 258–278.
- Литаврин 1999: Литаврин Г.Г. Византия и славяне. СПб., 1999.
- Литаврин 2000: Литаврин Г.Г. Византия, Болгария, Древняя Русь (IX — начало XII в.). СПб., 2000.
- Литвина, Успенский 2006: Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Выбор имени у русских князей в X–XVI вв. М., 2006.
- Лихачев 1947: Лихачев Д.С. Русские летописи. М. — Л., 1947.
- Лихачев 1986: Лихачев Д.С. Исследования по древнерусской литературе. М., 1986.
- Ловмянский 2003: Ловмянский Генрик. Религия славян и ее упадок. СПб., 2003.
- Ловмянский 1978: Ловмянский Х. О происхождении русского боярства // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1978. С. 93–100.
- Ловмянский 1985: Ловмянский Х. Русь и норманны. М., 1985.

Литература

Ловягин 1882: Ловягин Е. Две беседы Святейшего Патриарха Константинопольского Фотия по случаю нашествия росов на Константинополь // Христианское чтение. 1882. Ч. II. С. 423–425, 432–436.

Лопатин 2004: Лопатин Н.В. Новые данные о предыстории Изборска // Восточная Европа в Средневековье. М., 2004. С. 200–206.

Лотман 1988: Лотман Ю.М. В школе поэтического слова: Пушкин, Лермонтов, Гоголь. М., 1988.

Лотман 1996: Лотман Ю.М. Очерки по русской культуре XVIII в. // Из истории русской культуры. Т. IV. М., 1996.

Лукин 2008: Лукин П.В. Вече: социальный состав // Горский и др. 2008.

Лурье 1994: Лурье Я.С. Две истории Руси XV века. СПб., 1994.

Львов 1975: Львов А.С. Лексика Повести временных лет. М., 1975.

Ляпушкин 1968: Ляпушкин И.И. Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства. Л., 1968.

Магомедов М. Г. Образование хазарского каганата. М., 1983.

Макарий: Макарий, митрополит Московский и Коломенский. История русской церкви. Книга вторая. М., 1995.

Макаров 2007: Археология северно-русской деревни X–XIII вв. / Отв. ред. Н.А. Макаров. Т. 1. М., 2007.

Макаров 2007а: Макаров Н.А. Археология Владимиро-Суздальской земли. Материалы научного семинара. М., 2007.

Макаров 2008: Макаров Н.А. Переход от язычества к христианству по материалам новейших исследований селищ и могильников на Севере Руси // Московская Русь: проблемы археологии и истории архитектуры. М., 2008. С. 29–42.

Макаров, Новикова 2002: Макаров Н.А., Новикова Г.Л. Древнейший некрополь летописного Белоозера // Старая Ладога и проблемы археологии Северной Руси. СПб., 2002. С. 119–133.

Макарова 1986: Макарова Т.И. Черневое дело древней Руси. М., 1986.

Макарова 2005: Макарова Т.И. Зарайский клад и проблема наследия в ювелирном деле восточных славян в IX столетии // Русь в IX–XIV вв. Взаимодействие Севера и Юга. М., 2005. С. 126–131.

Макарова, Плетнева 1983: Макарова Т.И., Плетнева С.А. Пояс знатного воина из Саркела // СА. 1983. № 2. С. 62–67.

Максимович 2006: Максимович К.А. К происхождению этнонима Русь в свете исторической лингвистики и древнейших письменных источников // ΚΑΝΙΣΚΙΟΝ: Юбилейный сборник в честь 60-летия профессора И.С. Чичурова. М., 2006.

- Малингуди 1996: Малингуди Я. Терминологическая лексика русско-византийских договоров // *Славяне и их соседи*. 1996. Вып. 6.
- Малингуди 1996–1997: Малингуди Я. Русско-византийские связи в X в. с точки зрения дипломатики // *ВВ*. Т. 56–57. М., 1995–97.
- Малингудис 1987: Малингудис Ф. Славяно-греческий симбиоз в Византии в свете топонимики // *ВВ*. Т. 48. 1987.
- Мансикка 2005: Мансикка В.Й. Религия восточных славян. М., 2005.
- Маразов 1994: Маразов И. Митология на траките. София, 1994.
- Маскаев 1964: Маскаев А.И. Мордовская народная эпическая песня. Саранск, 1964.
- Мачинский 2003: Мачинский Д.А. Ладога — древнейшая столица Руси и ее «ворота в Европу» // *Старая Ладога. Древняя столица Руси*. СПб., 2003.
- Мачинский, Тиханова 1976: Мачинский Д.А., Тиханова М.А. О местах обитания и направлениях движений славян I–VII вв. н. э. // *Acta archaeologica Carpathica*. Tom. XVI. 1976. S. 59–94.
- Мельник 1901: Мельник Е.М. Раскопки в земле лучан, произведенные в 1897 и 1898 гг. // *Труды XI АС*. 1901. Т. 1.
- Мельникова 2003: Мельникова Е.А. Историческая память в устной и письменной традициях (Повесть временных лет и Сага об Инглингах) // *ДГ*. 2001. М., 2003.
- Мельникова 2008: Мельникова Е.А. Укрощение неукротимых: договоры с норманнами как способ их интегрирования в инокультурных обществах // *Древняя Русь: вопросы медиевистики*. 2 (32) июнь 2008. С. 12–26.
- Мельникова 2009: Мельникова Е.А. Ренессанс средневековья? // *Родина*. 2009. № 3–4.
- Мельникова 2011: Мельникова Е.А. Древняя Русь и Скандинавия. М., 2011.
- Мельникова, Никитин, Фомин 1984: Мельникова Е.А., Никитин А.Б., Фомин А.В. Граффити на куфических монетах Петергофского клада начала IX в. // *ДГ* 1982. М., 1984. С. 26–47.
- Мельникова, Петрухин 1989: Мельникова Е.А., Петрухин В.Я. Название «Русь» в этнокультурной истории Древнерусского государства // *ВИ*. 1989. № 8.
- Мельникова, Петрухин 1990: Мельникова Е.А., Петрухин В.Я. Норманны и варяги. Образ викинга на Западе и Востоке Европы // *Славяне и их соседи*. Этнопсихологические стереотипы в средние века. М., 1990.
- Мельникова, Петрухин 1991: «Ряд» легенды о призвании варягов в контексте раннесредневековой дипломатии // *ДГ* 1990. М., 1991. С. 219–229.

Литература

Мельникова, Петрухин 1994: Мельникова Е.А., Петрухин В.Я. Скандинавы на Руси и в Византии в X-XI вв.: к истории названия «варяг» // Славяноведение. 1994. № 2. С. 56–69.

Мельникова, Петрухин 1995: Мельникова Е.А., Петрухин В.Я. Легенда о «призвании варягов» и становление древнерусской историографии // ВИ. 1995. № 2.

Мельникова, Петрухин 1997: Мельникова Е.А., Петрухин В.Я. Русь и чужд // БСИ. 1988–1996. М., 1997.

Мельникова, Петрухин 1991: Мельникова Е.А., Петрухин В.Я. Комментарии // Константин Багрянородный. Об управлении империей. Глава 9. М., 1991. С. 291–332.

Мещерский 1995: Мещерский Н.А. Избранные статьи. СПб., 1995.

Миллер 1897: Миллер В.Ф. Очерки русской народной словесности. Былины. Т. 1. М., 1897.

Миллер 1996: Миллер Г.Ф. Сочинения по истории России / Состав. А.Б. Каменского. М., 1996.

Милов 2009: Милов Л.В. Исследования по истории памятников средневекового права. М., 2009.

Милютенко 2006: Святые князья-мученики Борис и Глеб. Исследование и тексты / Исследование и подготовка текстов Н.И. Милютенко. СПб., 2006.

Минорский 1964: Минорский В.Ф. Куда ездили древние русы? // Восточные источники по истории народов Юго-восточной и Центральной Европы. М., 1964. С. 19–28.

Мисюгин 2009: Мисюгин В.М. Три брата. Серия «Кунсткамера — Архив». Т. II. СПб., 2009.

Михайлов 2003: Михайлов К.А. Скандинавский могильник в урочище Плакун (заметки о хронологии и топографии) // Ладога и ее соседи в эпоху средневековья. СПб., 2003. С. 63–68.

Михайлов 2004: Михайлов К.А. Киевский языческий некрополь и церковь Богородицы Десятинная // Российская археология. 2004. № 1.

Михайлов 2005: Михайлов К.А. Древнерусские наборные пояса в XI–XII вв. // Русь в IX–XIV вв. взаимодействие Севера и Юга. М., 2005. С. 132–144.

Михайлов 2010: Михайлов К.А. Реконструкция укреплений Старокиевского городища // Проблеми давньоруської та середньовічної археології. Випуск 1. Київ, 2010.

Мишин 2002: Мишин Д.Е. Сакалиба: славяне в исламском мире. М., 2002.

Молчанов 1997: Молчанов А.А. Ярл Рёгнвальд Ульвссон и его потомки на Руси (О происхождении ладожско-новгородского посадничьего рода Рого-

вичей-Пурятиничей) // Памятники старины. Концепции. Открытия. Памяти В.Д. Белецкого. СПб., Псков, 1997.

Монгайт А.Л. Рязанская земля. М., 1961.

Моора, Лиги 1969: Моора Х.А., Лиги Х.М. К вопросу о генезисе феодальных отношений у народов Прибалтики // Проблемы возникновения феодализма у народов СССР. М., 1969. С. 118–153.

Моця 1990: Моця О.П. Поховання скандинавів на півдні Київської Русі // Археологія. 1990. № 4.

Моця А.П. Срубные гробницы южной Руси // Проблемы археологии Южной Руси. Киев, 1990.

Моця 2008: Моця А. Южная «Русская земля». Киев — Сумы, 2008.

Мурашева 2005: Мурашева В.В. «Идол из Гнёздова» // Российская археология. 2005. № 1.

Мурашева 2008: Мурашева В.В. Византийские связи Гнёздова (по материалам раскопок пойменной части поселения) // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. II. М., 2008.

Мурашева 2008а: Мурашева В.В. Супрутский клад. М., 2008.

Мусин 2002: Мусин А. Е. Христианизация Новгородской земли в IX–XIV вв. Погребальный обряд и христианские древности. СПб., 2002.

Мыльников 1996: Мыльников А.С. Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы. Этногенетические легенды, догадки, протогипотезы XVI — начала XVIII века. СПб., 1996.

Мюллер 2000: Мюллер Л. Понять Россию: историко-культурные исследования. М., 2000.

Назаренко 1994: Назаренко А.В. Русь и Германия в IX–X вв. // Древнейшие государства Восточной Европы. М., 1994. С. 5–138.

Назаренко 2001: Назаренко А.В. Древняя Русь на международных путях. М., 2001.

Назаренко 2009: Назаренко А.В. Древняя Русь и славяне. М., 2009.

Назаренко 1985: Назаренко В. А. Могильник в урочище Плакун // Средневековая Ладога. Л., 1985.

Населення Прикарпаття: Населення Прикарпаття і Волині за доби розкладу первіснообщинного ладу та в давньоруський час. Київ, 1976.

Насонов 1951/2002: Насонов А.Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М. (Переиздание — Насонов 2002).

Насонов 1969: Насонов А.Н. История русского летописания. М., 1969.

Литература

Нахапетян, Фомин 1994: Нахапетян В.Е., Фомин А.В. Граффити на куфических монетах, обращавшихся в Европе в IX–X вв. // ДГ. 1991. М., 1994. С. 139–208.

Невская 1993: Невская Л.Г. Концепт *гость* в контексте переходных обрядов // Символический язык традиционной культуры. М., 1993. С. 102–114.

Недошивина, 1983: Недошивина Н.Г. Средневековые крестовидные подвески из листового серебра // СА. 1983. № 4. С. 222–225.

Недошивина, Фехнер 1985: Недошивина Н.Г., Фехнер М.В. Погребальный обряд Тимеревского могильника // СА. 1985. № 2. С. 101–115.

Нидерле 1956: Нидерле Л. Славянские древности. М., 1956.

Нидзельницкая, Ильяшенко 2007: Нидзельницкая Л.Ю., Ильяшенко С.М. Раннесредневековое поселение на территории Танаиса // Средневековые древности Дона. Материалы и исследования по археологии Дона / Под ред. Ю.К. Гутуева. М. — Иерусалим, 2007.

Никольский 1930: Никольский Н.К. Повесть временных лет как источник для начального периода русской письменности и культуры. Л., 1930.

Никольский 2000: Никольский С.Л. Развитие права в эпоху становления государственности (Древняя Русь и Скандинавия). АКД. М., 2000.

Новиков 1976: Новиков Н.В. Образы восточнославянской волшебной сказки. М., 1976.

Новосельцев 1990: Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990.

Новосельцев 2000: Новосельцев А.П. Древняя Русь, Кавказ и Закавказье в восточных источниках // ДГ. 1998. М., 2000. С. 264–477.

Новосельцев 1965: Новосельцев А.П. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI–IX вв. // Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 355–419.

Носов 1985: Носов Е.Н. Сопковидная насыпь близ урочища Плакун в Старой Ладоге // Средневековая Ладога. Л., 1985.

Носов 1990: Носов Е.Н. Новгородское (Рюриково) Городище. Л., 1990.

Носов, Горюнова, Плохов 2005: Носов Е.Н., Горюнова В.М., Плохов А.В. Городище под Новгородом и поселения Северного Приильменья. СПб., 2005.

Нунан 2001: Нунан Т.С. Зачем викинги в первый раз прибыли в Россию // Американская русистика. Сост. Дж. Маджеска. Самара, 2001.

Нунан, Ковалев 2002: Нунан Т.С., Ковалев Р.К. Большой клад дирхемов ранней эпохи викингов, найденный в 2000 г. в г. Козельске // Археологические Вести. 2002, № 10. С. 149–161.

Нунан 2004: Нунан Т.С. Торговля Волжской Булгарии с саманидской Средней Азией в X в. // Археология, история, нумизматика, этнография Восточной Европы. СПб., 2004. С. 256–313.

Обломский 2002: Обломский А.М. Днепровское лесостепное Левобережье в поздне римское и гуннское время. М., 2002.

Оболенский Д. Византийское содружество наций. Шесть византийских портретов. М., 1998.

Орлов 1998: Орлов Р.С. Про функціональні призначення київського капища 1908 р. // Історія Русі — України. Київ, 1998. С. 193–208.

ОЧ: Отреченное чтение в России XVII–XVIII вв. / Отв. ред. А.А. Турилов, А.Л. Топорков. М., 2002.

Південноруське село: Південноруське село. За редакцією О.П. Моці, В. П. Коваленка. Київ, 1998.

Панченко 1996: Панченко А.М. Русская культура в канун петровских реформ // Из истории русской культуры. Т. III. М., 1996.

Пархоменко 1924: Пархоменко В.А. У истоков русской государственности. Л., 1924.

Пасхальная хроника: Пасхальная хроника / Пер. с греч. / Вступ. ст., коммент. Л.А. Самуткиной. СПб., 2004.

Патканов 2003: Патканов С.К. Тип остяцкого богатыря по остяцким былинам и героическим сказаниям. Сочинения в 5 т. Т. 5. Тюмень, 2003.

Пашуто 1965: Пашуто В.Т. Особенности структуры Древнерусского государства // Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965.

Пашуто 1974: Пашуто В.Т. Летописная традиция о «племенных княжествах» и варяжский вопрос // Летописи и хроники. 1973 г. М., 1974.

Пескова 2004: Пескова А.А. О древнейшей на Руси христианской реликвии // Ладога и Глеб Лебедев. Восьмые чтения памяти Анны Мачинской. Сб. статей. СПб., 2004. С. 157–183.

Петрашенко 1990: Петрашенко В.А. Волинцевская культура на Правобережном Поднепровье // Проблемы археологии Южной Руси. Киев, 1990. С. 47–50.

Петренко 1994: Петренко В. П. Погребальный обряд населения Северной Руси в VIII–X вв. СПб., 1994.

Петров 2003: Петров А.В. От язычества к святой Руси. Новгородские усабицы. К изучению древнерусского вечевоего уклада. СПб., 2003.

Петрухин 1975: Петрухин В.Я. Ритуальные сосуды из курганов Гнездова и Чернигова // ВМУ. История. № 2.

Литература

Петрухин 1995: Петрухин В.Я. Начало этнокультурной истории Руси IX–XI вв. М., Смоленск.

Петрухин 1998: Петрухин В.Я. Большие курганы Руси и Северной Европы: к проблеме этнокультурных связей в раннесредневековый период // Историческая археология: традиции и перспективы: к 80-летию со дня рождения Д.А. Авдусина. М., 1998. С. 360–369.

Петрухин 2000: Петрухин В.Я. Древняя Русь: Народ. Князь. Религия // Из истории русской культуры. Т. 1. М., 2000.

Петрухин 2000а: Петрухин В.Я. Князь Олег, Хелгу Кембриджского документа и русский княжеский род // ДГ. 1998 г. Памяти чл.-корр. РАН Анатолия Петровича Новосельцева. М., 2000. С. 222–229.

Петрухин 2000б: Петрухин В.Я. «Боги и бесы» русского средневековья: род, рожаницы и проблема древнерусского двоеверия // СБФ. М., 2000.

Петрухин 2001: Петрухин В.Я. К вопросу о сакральном статусе хазарского кагана: традиция и реальность // Славяне и их соседи. Вып. 10. Славяне и кочевой мир. М., 2001. С. 73–78.

Петрухин 2001а: Петрухин В.Я. Гнёздово между Киевом, Биркой и Моравией (некоторые аспекты сравнительного анализа) // Археологический сборник. Гнёздово. 125-летие исследования памятника. ГИМ. М., 2001. С. 116–120.

Петрухин 2002: Петрухин В.Я. Христианство на Руси во второй половине X — первой половине XI в. // Христианство в странах Восточной, Юго-Восточной и Центральной Европы на пороге второго тысячелетия. М., 2002. С. 60–132.

Петрухин 2004: Петрухин В.Я. О «Русском каганате», начальном летописании, поисках и недоразумениях в современной историографии // Славяноведение, 2004. № 4. С. 78–82.

Петрухин 2005: Петрухин В.Я. Русь и Хазария: к оценке исторических взаимосвязей // Хазары / Jews and Slavs. V. 16. «Мосты культуры», Иерусалим — Москва, 2005. С. 69–100.

Петрухин 2007: Петрухин В.Я. Дохристианское искусство: по данным археологических исследований // История русского искусства. Т. 1. М., 2007.

Петрухин 2008: Петрухин В.Я. Становление государств и власть правителя в германо-скандинавских и славянских традициях // Общественная мысль славянских народов в эпоху раннего средневековья. М. С. 81–150.

Петрухин 2008а: Петрухин В.Я. Ярослав Мудрый, Ярославичи и начальное летописание // Ярослав Мудрый и его эпоха / Под ред. И.Н. Данилевского и Е.А. Мельниковой. М., 2008. С. 177–178.

Петрухин 2008б: Петрухин В.Я. «Еврейский след» в ранней истории Киева // Дньєслово: Збірка праць на пошану дійсного члена Національної академії наук України Петра Петровича Толочка з нагоди його 70-річчя. — К.: Корвінпрес, 2008. С. 225–227.

Петрухин 2011: Петрухин В.Я. «Русь и все языки»: аспекты исторических взаимосвязей. М., 2011.

Петрухин, Пушкина 1979: Петрухин В.Я., Пушкина Т.А. К предистории древнерусского города // История СССР. 1979. № 4. С. 100–112.

Петрухин, Пушкина 2009: Петрухин В.Я., Пушкина Т.А. // *Abrahamica*. 2009.

Петрухин, Раевский 2004: Петрухин В.Я., Раевский Д.С. Очерки истории народов России в древности и раннем средневековье. М., 2004.

Пигулевская 1952/2000: Пигулевская Н.В. Имя «рус» в сирийском источнике VI в. н.э. // Академику Б.Д. Грекову ко дню семидесятилетия. Сборник статей. М. С. 42–48 (переиздано: Пигулевская Н.В. Сирийская средневековая историография. СПб., 2000. С. 361–370).

Пигулевская 2000: Пигулевская Н.В. Сирийская средневековая историография. СПб., 2000.

ПЛДР: Памятники литературы древней Руси. XIV — середина XV в. Л., 1981.

Плетнева 2000: Плетнева С.А. Очерки хазарской археологии. М. — Иерусалим, 2000.

Плетнева 2002: Плетнева С.А. Города в Хазарском каганате (к постановке проблемы) // Хазарский альманах. Т. 1. Харьков, 2002.

Плетнева 2006: Плетнева С.А. Древнерусский город в кочевой степи. Воронеж, 2006.

Плохов, Кулькова 2010: Плохов А.В., Кулькова М.А. Новые данные о «фризских» кувшинах Нижнего Поволжья // Славяно-русское ювелирное искусство. СПб., 2010. С. 529.

Попов 1973: Попов А.И. Названия народов СССР. Л., 1973.

Поппэ 1989: Поппэ А. Политический фон крещения Руси (Русско-византийские отношения в 986–989 годах) // Как была крещена Русь. М., 1989. С. 202–240.

Потин 1970: Потин В.М. Русско-скандинавские связи по нумизматическим данным // Исторические связи Скандинавии и России. Л., 1970. С. 64–80.

Пресняков 1993: Пресняков А.Е. Княжое право в Древней Руси. Лекции по русской истории. М., 1993.

Литература

Приймак 2007: Приймак В.В. Путивльське удільне князівство Чернігово-Северищини. Полтава, 2007.

Приходнюк 2005: Приходнюк О.М. Пастирське городище. Київ — Чернівці, 2005.

Приходнюк, 2002: Приходнюк О.М. Восточные славяне и степной мир в период становления Хазарского каганата // Хазарский альманах. Т. 1. Харьков, 2002.

Прокофьев 2007: Прокофьев Р.В. Поселение IX века на левобережье Северского Донца и вопрос о проникновении славян в Нижнее Поволжье // Средневековые древности Дна. Материалы и исследования по археологии Дона. М. — Иерусалим, 2007.

Пропп 1958: Пропп В.Я. Русский героический эпос. М., 1958.

Пропп 1986: Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1986.

Прохоров 2010: Прохоров Г.М. Древняя Русь как историко-культурный феномен. СПб., 2010.

Пряхин и др. 1997/1: Пряхин А.Д., Беседин В.И., Разуваев Ю.Д., Сафонов И.Е., Цыбин М.В. Вантит: Изучение микрорегиона памятников у северной окраины г. Воронежа. Вып. 1. Воронеж, 1997.

Пряхин и др. 1997/2: Пряхин А.Д., Беседин В.И., Разуваев Ю.Д., Сафонов И.Е., Цыбин М.В. Вантит: Изучение микрорегиона памятников у северной окраины г. Воронежа. Вып. 2. Воронеж, 1997.

Пушкина 2007: Пушкина Т.А. Сувениры Аустрвег // У истоков русской государственности. СПб., 2007. С. 325–331.

Рабинович 1978: Рабинович М.Г. Очерки этнографии русского феодального города. М., 1978.

Равдина 1988: Равдина Т.В. Погребения X–XI вв. с монетами на территории Древней Руси. М., 1988.

Раевский 2006: Раевский Д.С. Мир скифской культуры. М., 2006.

Рашев 1994: Рашо Рашев. Аул и град в Българии през VIII–IX в. // Сборник в чест на акад. Димитър Ангелов. София, 1994.

Рашев 2000: Рашев Р. Прабългарите през V–VII век. В. Търново, 2000.

Рашковский 2009: Рашковский Б.Е. Книга Иосиппон как источник по истории славян и некоторых других народов Восточной Европы в исследованиях 1940-х – 1990-х гг. // Славяноведение. 2009. № 2. С. 3–15.

Ромодановская 1994: Ромодановская Е.К. Русская литература на пороге нового времени. Новосибирск, 1994.

Роэсдаль 2001: Роэсдаль Э. Мир викингов. СПб., 2001.

- Рукописи 2002: Рукописи, которых не было: Подделки в области славянского фольклора. Изд. подготовили А.Л. Топорков и др. М., 2002.
- Русанова 1960: Русанова И.П. Территория древлян по археологическим данным // СА. № 1. С. 63–69.
- Русанова 1966: Русанова И.П. Курганы полян X–XII вв. М., 1966.
- Русанова 1976: Русанова И.П. Славянские древности VI–VII вв. М., 1976.
- Русанова 1978: Русанова И.П. О ранней дате памятников пражского типа // Русь и славяне. М., 1978. С. 138–143.
- Русанова, Тимошук 1993: Русанова И.П. Тимошук Б.А. Языческие святилища древних славян. М., 1993.
- Русь на перехресті світів 2006: Русь на перехресті світів (Міжнародні впливи на формування Давньоруської держави). Чернівці, 2006.
- Рыбаков 1949: Рыбаков Б.А. Древности Чернигова // Материалы и исследования по археологии СССР. Вып. 11. М.-Л. С. 14–53.
- Рыбаков 1953: Рыбаков Б.А. Древние русы // Советская археология. 1953. Вып. XVII. С. 23–104.
- Рыбаков 1963: Рыбаков Б.А. Древняя Русь: сказания, былины, летописи. М., 1963.
- Рыбаков 1981: Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. М., 1981.
- Рыбаков 1982: Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1982.
- Рыбаков 1987: Рыбаков Б.А. Язычество древней Руси. М., 1987.
- Рыбаков 2008: Рыбаков В.В. Хроника Адама Бременского и первые христианские миссионеры в Скандинавии. М., 2008.
- Рыдзевская 1978: Рыдзевская Е.А. Древняя Русь и Скандинавия. М., 1978.
- Рябцева 2005: Рябцева С.С. Древнерусский ювелирный убор. СПб., 2005.
- Рябинин, Добушанский 2002: Рябинин Е.А., Добушанский А.В. Любшанское городище в Нижнем Поволжье // Ладога и ее соседи в эпоху средневековья. СПб., 2002.
- Сагайдак, Мурашева, Петрухин 2008: Сагайдак М.А., Мурашева В.В., Петрухин В.Я. К истории градообразования на территории древней Руси // История русского искусства. Т. 1. М., 2008. С. 81–108.
- Саука 1986: Саука Донатас. Литовский фольклор. Вильнюс, 1986.
- Сахаров 1980: Сахаров А.Н. Дипломатия Древней Руси. М., 1980.
- Сванидзе 1995: Сванидзе А.А. (отв. ред.). Элита и этнос средневековья. М., 1995.
- Свердлов 1983: Свердлов М.Б. Генезис и структура феодального общества в Древней Руси. Л., 1983.

Литература

- СГТЯ: Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика / Отв. редактор Э.Р. Тенишев. М., 2001.
- Седакова 2004: Седакова О.А. Поэтика обряда погребальная обрядность восточных и южных славян. М., 2004.
- Седов 1970: Седов В.В. Новгородские сопки. М., 1970.
- Седов 1982: Седов В.В. Восточные славяне в VI–XIII вв. // Археология СССР. М., 1982.
- Седов 1995: Седов В.В. Славяне в раннем средневековье. М., 1995.
- Седов 1999: Седов В.В. Древнерусская народность. М., 1999.
- Седов 2002: Седов В.В. Славяне. Историко-археологическое исследование. М., 2002.
- Седов 2007: Седов В.В. Изборск в раннем средневековье. М., 2007.
- Седова 1981: Седова М.В. Ювелирные изделия древнего Новгорода. М., 1981.
- Седых 2007: Седых В.Н. Рюриково городище и Тимерево: общее и особенное сквозь данные истории и археологии // У истоков русской государственности. СПб., 2007. С. 195–198.
- СКК: Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л. — СПб.
- Славяне 1989: Славяне. Этногенез и этническая история (Междисциплинарный сборник). Л., 1989.
- Славяне 1990: Славяне Юго-Восточной Европы в предгосударственный период. К., 1990.
- Славяне в скандинавы: Славяне и скандинавы. М., 1986.
- Славяне и их соседи: Славяне и их соседи в конце I тыс. до н. э. — первой половине I тыс. н. э. // Археология СССР. М., 1993.
- Славяне и их соседи XIV: Славяне и их соседи: имперская идея в странах Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы. М., 1998.
- Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. Т. I. М., 1989.
- СМ: Славянская мифология. Энциклопедический словарь / Под ред. С.М. Толстой. М., 2002.
- Смирнов 1998: Смирнов Ю.И. Первожителі с единственным топором // БСИ. 1997. М., 1998.
- Сокровища Приобья: Сокровища Приобья. СПб., 1996.
- Соловьев 1996: Соловьев С.М. Сочинения. Книга XIX, дополнительная. М., 1996.
- Соловьев 1958: Соловьев А.В. Византийское имя России // ВВ. В. XII. М., 1958. С. 134–155.

- Спицын 1905: Спицын А.А. Владимирские курганы // ИАК. Вып. 15. СПб., 1905.
- Спицын 1928: Спицын А.А. Древности антов // Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук. Т. 103. Вып. 3. СПб., 1928. С. 492–495.
- Старая Ладога — древняя столица Руси: каталог выставки. СПб., 2003.
- Стефанович 2008: Стефанович П.С. Князь и бояре: клятва верности и право отъезда // Горский и др. 2008.
- Стефанович 2009: Стефанович П.С. «Дружина» в древнейшем русском летописании // Средневековая Русь. Вып. 8. М., 2009.
- Сухобоков 1992: Сухобоков О.В. Дніпровське лісостепове лівобережжя у VIII–XIII ст. Київ, 1992.
- Сухобоков, Юренко 1993: Сухобоков О.В., Юренко С.П. Новое в изучении волынцевских памятников // Славянская археология. 1990. Материалы по археологии России. Вып. 1. М., 1993. С. 121–135.
- Сюзюмов 1940: Сюзюмов М.Я. К вопросу о происхождении слова 'Рѡс, 'Рѡсія, Россия // ВДИ 1940. № 2. С. 122–123.
- Тарасов 2008: Тарасов С.В. Средневековые полоцкие ювелиры // Дньслово. Київ, 2008. С. 172–180.
- Татищев: Татищев В.Н. Собрание сочинений. Т. 1–8. М., 1994–96.
- Творогов 1975: Творогов О.В. Древнерусские хронографы. Л., 1975.
- Творогов 1976: Творогов О.В. Повесть временных лет и Начальный свод // ТОДРЛ. Т. XXX. Л., 1976. С. 3–26.
- Творогов 1979: Творогов О.В. Античные мифы в древнерусской литературе XI–XVI вв. // ТОДРЛ. Т. XXXIII. 1979. С. 3–31.
- Творогов 1992: Творогов О.В. Сколько раз ходили на Константинополь Аскольд и Дир? // Славяноведение. 1992. № 2. С. 54–60.
- Терпиловский 2005: Терпиловский Р.В. Наследие киевской культуры // Archeologia o początkach Słowian. Krakow, 2005.
- Терпиловський 2006: Терпиловський Р. Етнокультурні та соціально-економічні процеси у слов'ян півдня Східної Європи у другій половині I тис. н.е. // Слов'янські обрії. Київ, 2006.
- Тиандер 1915: Тиандер К. Датско-русские исследования. Т. III. Пг., 1915.
- Тимошук, 1990: Б.А. Тимошук. Восточнославянская община VI–X веках. М.
- Тихомиров 1947: Тихомиров М.Н. Происхождение названий «Русь» и «Русская земля» // СЭ. Т. VI–VII. М.-Л., 1947. С. 60–80.
- Тихомиров 1956: Тихомиров М.Н. Древнерусские города. М., 1956.

Литература

- Тихомиров 1968: Тихомиров М.Н. Русская культура X–XVIII вв. М., 1968.
- Тихомиров 1975: Тихомиров М.Н. Древняя Русь. М., 1975.
- Тихомиров 1979: Тихомиров М.Н. Русское летописание. М., 1979.
- Толочко 2009: Краткая редакция *Правды Руской*: происхождение текста. Київ, 2009.
- Толочко 2010: Толочко П.П. Еще раз о проблеме становления древнерусских городов // Диалог культур и народов средневековой Европы. СПб., 2010. С. 86–90.
- Толочко, Боровский 1979: Толочко П.П., Боровский Я.Е. Язичницьке капище в «городі» Володимира // Археологія Києва. Київ, 1979. С. 3–10.
- Толстая 1998: Толстая С.М. Обычай «вторичного погребения» в свете археологии и этнографии // Ученые записки Российского Православного университета. Вып. 4. М., 1998. С. 118–125.
- Толстов 1948: Толстов С.П. Древний Хорезм. М., 1948.
- Толстой 1982: Толстой Н.И. Древняя славянская письменность и становление этнического самосознания у славян // Развитие этнического самосознания у славянских народов в эпоху раннего средневековья. М., 1982. С. 236–249.
- Толстой 1988: Толстой Н.И. История и структура славянских литературных языков. М., 1988.
- Толстой 1993: Толстой Н.И. Этническое самопознание и самосознание Нестора Летописца, автора «Повести временных лет» // Исследования по славянскому историческому языкознанию. М., 1993. С. 4–12.
- Толстой 1995: Толстой Н.И. Язык и народная культура. М., 1995
- Толстой 1996: Толстой Н.И. Язычество древних славян // Очерки истории культуры славян. М., 1996.
- Толстой, Кондаков 1897: Толстой И.И., Кондаков Н.П. Русские древности в памятниках искусства. Вып. 5. СПб., 1897.
- Томпсон 2003: Э.А. Томпсон. Римляне и варвары. Падение Западной империи. М., 2003.
- Томсен 1891/2002: Томсен В. Начало Русского государства // Из истории русской культуры. Т. II. М., 2002.
- Томсинский 2002: Серебряный крестик-энколпион (из раскопок 2001 г. в Угличе) // Ладога и ее соседи в эпоху средневековья. СПб., 2002. С. 263–267.
- Топорков 2005: Топорков А.Л. Заговоры в русской рукописной традиции XV–XVII вв. М., 2005.
- Топоров 1973/1997: Топоров В.Н. О космологических источниках раннеисторических описаний // Труды по знаковым системам. В. 6. Тарту. С. 106–

150 / переиздано: Из работ московского семиотического круга. Сост. Т.М. Николаева. М., 1997. С. 138-170.

Топоров 1984: Топоров В.Н. Oium Иордана (Getica, 27–28) и готско-славянские связи в Северо-Западном Причерноморье // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. М., 1984. С. 128–241.

Топоров 1987: Топоров В.Н. Заметки о похоронной обрядности // БСИ. 1985. М., 1987. С. 10–52.

Топоров 1988: Топоров В.Н. К реконструкции древнейшего состояния праславянского // X Международный съезд славистов. Славянское языкознание. М., 1988. С. 264–292.

Топоров 1990: Топоров В.Н. Конные состязания на похоронах // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Погребальный обряд. М., 1990. С. 12–47.

Топоров 1991: Топоров В.Н. Дунай // МС. М., 1991.

Топоров 1995: Топоров В.Н. Святость и святые в русской духовной культуре. Т. 1. М., 1995.

Топоров 1999: Топоров В.Н. Балтийский элемент в новгородско-псковском ареале (общий взгляд) // Великий Новгород в истории средневековой Европы. К 70-летию В.Л. Янина. М., 1999. С. 276–292.

Тортика 2006: Тортика А.А. Северо-западная Хазария в контексте истории Восточной Европы. Харьков, 2006.

Третьяков 1968: Третьяков П.Н. О древнейших русах и их земле // Славяне и Русь. М., 1968.

Третьяков 1970: Третьяков П.Н. У истоков древнерусской народности. Л., 1970.

Трубачев 2002: Трубачев О.Н. Этногенез и культура древнейших славян. М., 2002.

Трубачев 1976: Трубачев О.Н. Ранние славянские этнонимы — свидетели миграции славян // Советское языкознание. №6. 1976. С. 48–67.

Трубецкой 1995: Трубецкой Н.С. История. Культура. Язык. М., 1975.

Турилов 1985: Турилов А.А. К истории великоморавского наследия в литературах южных и восточных славян // Великая Моравия... М., 1985. С. 253–269.

Успенский 1982: Успенский Б.А. Филологические разыскания в области славянских древностей. М.

Успенский 1994: Успенский Б.А. Избранные труды. Т. 1–2. М., 1994.

Успенский 2002: Успенский Ф.Б. Скандинавы. Варяги. Русь. Историко-филологические очерки. М., 2002.

Литература

Успенский 2001: Успенский Ф.Б. Крещение костей Олега и Ярополка в свете русско-скандинавских культурных взаимосвязей // *Норна у источника судьбы. Сборник статей в честь Елены Александровны Мельниковой*. М., 2001. С. 407–414.

Фасмер 1986–1987: Фасмер М. *Этимологический словарь русского языка*. М., 1986. Т. I–III.

Фехнер, Недошивина 1987: Фехнер М.В., Недошивина Н.Г. Этнокультурная характеристика Тимеревского могильника по материалам погребального инвентаря // *СА*. 1987. № 2. С. 70–89.

Флёров 1996: Флёров В.С. *Раннесредневековые юртообразные жилища Восточной Европы*. М., 1996.

Флёров 2007: Флёров В.С. *Постпогребальные обряды Центрального Предкавказья в I в. до н. э. — IV в. н. э. и Восточной Европы в IV в. до н. э. — XIV в. н. э.* М., 2007.

Флёров 2011: Флёров В.С. «Города» и «замки» Хазарского каганата. М., 2011.

Флёров, Петрухин 2004: Флёров В.С., Петрухин В.Я. *Экспедиция «Хазарский проект» и проблемы сохранения городищ каганата на Нижнем Дону // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2003 г.* Вып. 20. Азов. 2004. С. 172–189.

Флёрова 2001: Флёрова В.Е. *Образы и сюжеты мифологии Хазарии*. М., 2001.

Флоровский 1925: Флоровский Ант. «Князь Рошъ» у пророка Иезекииля (гл. 38–39) // *Сборник в чест на Васил Н. Златарски*. София. 1925. С. 505–520.

Флоря 1982: Флоря Б.Н. *Формирование этнического самосознания раннефеодальной чешской народности // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья*. М., 1982. С. 120–143.

Флоря 1985: Флоря Б. Н. *Сказание о преложении книг на славянский язык. Источники, время и место написания // Byzantinoslavica*. 1985. № 1. С. 121–130.

Флоря 1987: Флоря Б.Н. «Служебная организация» у восточных славян // *Этносоциальная и политическая структура...* М., 1987. С. 142–150.

Флоря 1990: Флоря Б.Н. *Русь и русские в историко-политической концепции Яна Длугоша // Славяне и их соседи. Этнопсихологические стереотипы в средние века*. М., 1990. С. 16–28.

Флоря 1992: Флоря Б.Н. *Некоторые традиции управления в раннефеодальных государствах Центральной и Восточной Европы и их историческая*

- судьба («служебная организация» и проблемы ее эволюции) // Власть и политическая культура в средневековой Европе. М., 1992. С. 135–141.
- Флоря 2009: Флоря Б.Н. Римляне на Балтийском море // Образ Византии. Сборник статей в честь О.С. Поповой. М., 2009.
- Фодор 2002: Фодор Иштван. Венгры в Хазарии // Хазары. Второй международный colloquium. Тезисы. М., 2002. С. 98–101.
- Фомин 1982: Фомин А.В. Начало распространения куфических монет в районе Балтики // КСИА. № 171. М., 1982. С. 16–21.
- Фомин 1988: Фомин А.В. Рунические знаки и тамги на подражаниях куфическим монетам X в. // СА. 1988. № 4. С. 187–199.
- Фомин 1993: Фомин А.В. Топография восточноевропейских кладов с дирхемами конца IX — начала X в. // ВЕДС. Спорные проблемы истории. Тезисы докладов. М., 1993. С. 78–79.
- Фонякова 2010: Фонякова (Чувилло) Н.А. Прикладное искусство Хазарии. Казань, 2010.
- Франклин 2010: Франклин С. Письменность, общество и культура в Древней Руси. СПб. 2010.
- Франклин, Шепард 2000: Франклин С., Шепард Д. Начало Руси. СПб., 2000.
- Хабургаев 1979: Хабургаев Г.А. Этнонимия «Повести временных лет». М., 1979.
- Хамайко 2010: Хамайко Н.В. Древнерусская бронзовая ювелирная форма из раскопок на киевском Подоле // Славяно-русское ювелирное дело. СПб., 2010. С. 420–429.
- Хелимский 2000: Хелимский Е.А. Компаративистика, уралистика. Лекции и статьи. М., 2000.
- Хенсель 1988: Хенсель В. Венеты, вены и их связь с населением Северной Италии и Польши // Древности славян и Руси. М., 1988.
- Цивьян 1999: Цивьян Т.В. Движение и путь в балканской модели мира: исследования по структуре текста. М., 1999.
- Цолль-Адамикова 1982: Цолль-Адамикова Е. Деревянные конструкции в курганах с трупосожжением у восточных и западных славян // СА. 1982. № 4. С. 82–90.
- Цукерман 1996: Цукерман К. Русь, Византия и Хазария в середине X в.: проблемы хронологии // Славяне и их соседи. Греческий и славянский мир в средние века и раннее новое время. М., 1996. С. 69–80.

Литература

Цукерман 1998: Цукерман К. Венгры в стране Лебедии: новая держава на границах Византии и Хазарии ок. 836–889 гг. // *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии*. В. VI. Симферополь. 1998. С. 663–688.

Цукерман 2007: Цукерман К. Два этапа формирования Древнерусского государства // *Славяноведение*. 2001. № 4.

Цукерман 2007: Цукерман К. Перестройка древнейшей русской истории // *У истоков русской государственности*. СПб., 2007. С. 243–352.

Цукерман 2008: Константин Цукерман. О введении византийско-русских договоров в текст Начального свода и возникновении Повести временных лет // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. 3(33). 2008. С. 69–70.

Цукерман 2009: Цукерман К. Наблюдения над сложением древнейших источников летописи // *Борисо-Глебский сборник / Collectanea borisoglebica*. Вып. 1 / Ред. К. Цукерман. Paris, 2009. С. 183–306.

Чаусидис 1994: Чаусидис Н. Митските слики на јужните словени. Скопје, 1994.

Чекин 2000: Чекин Л.С. Безбожные сыны Измаиловы // *Из истории русской культуры*. Т. 1. (Древняя Русь). М., 2000. С. 691–716.

Чекова 1993: Чекова И. Художественное время и пространство в летописном повествовании о княгине Ольге в Царьграде // *Годишник на Софийския университет «св. Климент Охридски»*. Факултет по славянски филологии. Книга 2: Литературознание. Т. 86. 1993. С. 5–26.

Черепнин 1948: Черепнин Л.В. Русские феодальные архивы XIV–XV вв. М.; Л., 1948.

Черепнин 1965: Черепнин Л.В. Общественно-политические отношения в Древней Руси и Русская правда // *Новосельцев А.П. и др. Древнерусское государство...* М., 1965. С. 128–278.

Чичуров 1980: Чичуров И.С. Политическая идеология средневековья. Византия и Русь. М., 1980.

Чукова 2004: Алтарь древнерусского храма конца X — первой трети XIII в. СПб., 2004.

Чхаидзе 2008: Чхаидзе В.Н. Таматарха. Раннесредневековый город на Таманском полуострове. М., 2008.

Шалина 2000: Шалина И.А. Вход в «Святая святых» и византийская алтарная преграда // *Иконостас: Происхождение — развитие — символика / Составитель А.М. Лидов*. М., 2000.

Шахматов 1904: Шахматов А.А. Сказание о призвании варягов // *Известия отделения русского языка и словесности (ИОРЯС)*. Т. IX. Книга 4. 1904.

- Шахматов 1908: Шахматов А.А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908.
- Шахматов 1916: Шахматов А.А. Введение в курс истории русского языка. Пг., 1916.
- Шахматов 1919: Шахматов А.А. Древнейшие судьбы русского племени. Пг., 1919.
- Шахматов 1940: Шахматов А.А. Повесть временных лет и ее источники // Труды отдела древнерусской литературы. Т. IV. 1940. С. 5–150.
- Шахматов 1947: Шахматов А.А. Сборник статей и материалов. М. — Л., 1947.
- Шахматов 2002: Шахматов А.А. История русского летописания. Т. 1, кн. 1. СПб., 2002.
- Шахматов 2003: Шахматов А.А. История русского летописания. Т. 1. Книга 2. СПб., 2003.
- Швецов 1980: Швецов М.Л. Стела V–VII вв. из Приазовья // СА. 1980. № 4. С. 268–269.
- Шейн 1890: Шейн П.И. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края. СПб., Т. 1. Отд. 2, 1890.
- Шер 1966: Шер Я.А. Каменные изваяния Семиречья. М.-Л., 1966.
- Шинаков 1987: Шинаков Е.А. О происхождении раннесредневековых городов в Брянском Подесенье // Труды V МКСА. Т. 1. Вып. 2 б. С. 134–138.
- Шинаков 2002: Шинаков Е.А. Образование Древнерусского государства. Сравнительно-исторический аспект. Брянск, 2002.
- Шрамм 1997: Шрамм Г. Реки Северного Причерноморья. М., 1997.
- Штыхов 1997: Штыхов Г.В. Древнерусская народность: реалии и миф // Этногенез и этнокультурные контакты славян. Труды VI МКСА. Т. 3. М., 1997. С. 376–385.
- Шувалов 2006: Шувалов П.В. Секрет армии Юстиниана. СПб., 2006.
- Шушарин 1997: Шушарин В. П. Ранний этап этнической истории венгров. М.
- Щапов Я.Н. Государство и церковь на Руси. X–XIII вв. М., 1989.
- Щеглова 1987: Щеглова О.А. Салтовские вещи на памятниках волинцевского типа // Археологические памятники эпохи раннего железа Восточно-европейской лесостепи. Воронеж. С. 77–85.
- Щеглова 2009: Щеглова О.А. Волны распространения вещей из Подунавья на северо-восток в VI–VIII вв. как отражение миграций или культурных влияний // Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Строго света. СПб., 2009. С. 39–65.

Литература

Щеглова 2010: Щеглова О.А. Тайна «пляшущих человечков» и «следы невиданных зверей». Антропо- и зооморфные изображения в раннеславянской металлопластике // Славно-русское ювелирное дело и его истоки. СПб., 2010. С. 146–171.

Шукин 1998: Шукин М.Б. Янтарный путь и вены // Проблемы археологии, вып. IV. СПб., 1998.

Шукин 2005: Шукин М.Б. Готский путь. СПб., 2005.

Элиаде 1987: Элиаде М. Космос и история. М., 1987.

Эпоха Меровингов: Эпоха Меровингов — Европа без границ. Археология и история V–VIII вв. Berlin, 2007.

Юрченко 2005: Юрченко А.Г. Войско Чингис-хана в Земле псов // ДГ. 2003. М., 2005. С. 300–316.

Яворский 1915: Яворский Ю.А. Памятники Галицко-русской народной словесности. Пып. 1. Киев, 1915.

Яковлева 2004: Яковлева Е.А. Охранные раскопки на Старовознесенском раскопе в окольном городе Пскова. Открытие камерного захоронения X в. // Археологические открытия 2003 года. М., 2004.

Янин 1956/2009: Янин В. Л. Денежно-весовые системы домонгольской Руси и очерки истории денежной системы средневекового Новгорода. М., 2009.

Янин 1970: Янин В.Л. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. Т. 1. М., 1970.

Янин 1992: Янин В.Л. Древнее славянство и археология Новгорода // ВИ. № 10. С. 37–56.

Янин 2001: Янин В.Л. У истоков новгородской государственности. Великий Новгород, 2001.

Янин 2004: Янин В.Л. Средневековый Новгород. М., 2004.

Янин 2007: Янин В.Л. О начале Новгорода // У истоков русской государственности. СПб., 2007. С. 205–212.

Янин, Алешковский 1971: Янин В.Л., Алешковский М.Х. Происхождение Новгорода (к постановке проблемы) // История СССР. 1971. № 2. С. 32–61.

Янин, Зализняк 1986: Янин В.Л., Зализняк А.А. Новгородские грамоты на бересте из раскопок 1977–1983 годов. М., 1986.

Янин, Зализняк 1993: Янин В.Л., Зализняк А.А. Новгородские грамоты на бересте из раскопок 1984–1989 годов. М., 1993.

Янссон 1999: Янссон И. Скандинавские находки IX–X вв. с Рюрикова городища // Великий Новгород в истории средневековой Европы. М., 1999.

Ярославское Поволжье: Ярославское Поволжье X–XI вв. М.

Список сокращений

- АСЭИ — Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. Т. I–II. М., 1952.
- БСИ — Балто-славянские исследования.
- ВВ — Византийский временник.
- ВДИ — Вестник древней истории.
- ВИ — Вопросы истории.
- ВЕДС — Восточная Европа в древности и средневековье. Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В.Т. Пашуто: Тез. докл. (Мат-лы конф.). М.
- ДГ — Древнейшие государства Восточной Европы (до 1991 г. — Древнейшие государства на территории СССР). М.
- БЛДР — Библиотека литературы Древней Руси.
- ЖС — Живая старина.
- ИОРЯС — Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук. СПб.; Л.
- КСИА — Краткие сообщения Института Археологии.
- МКСА — Международный конгресс славянской археологии.
- НАР — Новое в археологии Киева. Киев, 1981.
- НПЛ — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950.
- ОЧ — Отреченное чтение в России XVII–XVIII вв. М., 2002.
- ПВЛ — Повесть временных лет. Изд. 2-е. СПб., 1996.
- ПКЦ — Памятники Куликовского цикла. СПб., 1998.
- ПСРЛ — Полное собрание русских летописей.
- СА — Советская археология. М.
- СБФ — Славянский и балканский фольклор.
- СД — Этнолингвистический словарь «Славянские древности» / Под общей ред. Н.И. Толстого. Т. 1–5. М., 1995–2012.
- СДЯ — Словарь древнерусского языка XI–XIV вв.

Список сокращений

- СМ — Славянская мифология. Энциклопедический словарь. М., 2002.
СПИ — Слово о полку Игореве // БЛДР. Т. 4. СПб., 1997.
СКК — Словарь книжников и книжности Древней Руси.
СНСП — Сказания о начале славянской письменности. Вступительная статья, перевод и комментарии Б.Н. Флори. М., 1981.
ССК — Словарь средневековой культуры / Под ред. А.Я. Гуревича. М., 2003.
СЭ — Советская этнография. М.
ТОДРЛ — Труды отдела древнерусской литературы.
Усп. сб. — Успенский сборник XII–XIII вв. М., 1971.
ЧОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете. М.
ЭСПИ — Энциклопедия «Слова о полку Игореве». Т. 1–5. СПб., 1995.
ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков. М.
HUS — Harvard Ukrainian Studies.
SmS — Studia mythologica Slavica., Ljubljana.
SSBP — Studia Slavica et Balcanica Petropolitana.

Именной указатель

- Август 8, 12, 18, 20, 133
Адусин Д.А. 6, 8, 137, 232, 235, 237, 243, 307, 321
Адам 64
Адальберт 372
Адам 292
Адам Бременский 104
Адрианова-Перетц В.К. 275
Аксенов В.С. 124, 127, 131
Александр Македонский (Искандер) 12, 13–17, 38, 58, 79, 102, 107, 217
Алексей (Александр) и Исаак Ангелы, имп. 61–62, 79, 268
Алешковский М.Х. 65–66
Амброс А.К. 95, 108
Андрей Боголюбский 149
Андрей Первозванный ап. 19, 77, 191, 384
Андроник ап. 36, 84, 214
Андрощук Ф. 241
Аничков Е.В. 359, 363, 368
Антиох Кантемир 12
Анна кн. 167, 211, 363, 384, 387
Аржанцева И.А. 5, 127
Арне Т. 239
Артамонов М.И. 95, 125, 128
Архинов А.А. 239, 378
Аръес Ф. 289
Аскольд и Дир 61, 71–75, 79, 82, 113, 116–117, 132, 176, 184, 205–206, 219, 222, 249–260, 269, 278–279, 282
Асмуд 255
Афанасьев Г.Е. 126
Баварский географ 118
Байер Г.З. 20, 212, 214
ал-Бакри 103
Баран В.Д. 55
Барац Г.М. 64, 153
Барсов Е.В. 298, 368
Бейлис В.М. 130
Бел, Велес 369
Белинский В.Г. 22
Белова О.В. 7
Березовец Д.Т. 108, 126
Березович Е.Л. 369
Бибииков М.В. 24, 177, 185
Блок М. 10
Болеслав 168
Борис и Глеб 168, 170, 180, 248, 249, 276, 396
Борис кн. Болгарский 378
Бугославский С.А. 59
Булжин В.А. 236
Буслаев Ф.И. 381
Василий I имп. 208
Василий II 385, 387
Васильев М.А. 359, 361, 364
Васильевский В.Г. 80
Ведюшкина И.В. 216, 221
Вернер Й. 331–332
Вернадский Г.В. 93, 97, 101, 140, 144
Веселовский С.Б. 233
Видукинд Корвейский 136
Вилкул Т.Л. 157, 159
Вильгельм Завоеватель 85
Винников А.З. 108, 122–123
Владимир Мономах 60, 83, 151, 170, 180, 184
Владимир Святославич (Святой) (Буладмир) 12–13, 60, 64, 76, 80, 156, 167–168, 211, 238, 242, 249, 266, 276, 280, 281, 286–287, 353, 363, 370, 405
Владимир Ярославич 187, 270
Водолазкин Е.Г. 24

Именной указатель

- Волос, см. также Велес 26, 262, 266–267, 282, 291, 363, 367–368
 Всеслав Полоцкий 275, 366
 Вуд И. 107
 Вятко 13, 400
 Гавритухин И.О. 48
 Галкина Е.С. 126–127
 Галл Аноним 35
 Гаркави А.Я. 216
 Гардизи 236
 Гедеонов С.А. 7, 138
 Гельмольд 364
 Генрих Латвийский 32
 Геракл 23
 Герберштейн С. 17
 Германарих 38
 Геродот 23–24, 30, 68, 99, 103, 107, 154
 Гизель И. 7, 18–19
 Гиндин Л.А. 323
 Гиппиус А.А. 28, 58, 63, 143, 149, 177–178, 272
 Гири П. 381, 397
 Гог (Гог и Магог, Джудж и Маджудж) 17, 100–104, 107
 Гоголь Н.В. 76–77
 Голб Н. 9, 225
 Горн 320, 397
 Горский А.А. 113, 116, 177, 207, 245
 Гостомысл (Гостимысл) 8, 18–19, 141, 406
 Грабар А. 376
 Греков Б.Д. 283
 Григорьев А.П. 109
 Грушевский М. С. 38, 55, 96
 Гуревич А.Я. 165, 197–198, 236, 349
 Дажьбог 359, 366–368
 Данилевский И.Н. 262
 Даркевич В. П. 9, 335
 Джаксон Т.Н. 82, 107, 144, 165, 191, 203
 Длугош Ян 19, 74, 250
 Дмитрий Донской 76, 175
 Добрыня 238, 255, 266, 370
 Дубов И.В. 112, 236, 241
 Дудон Сен-Квентинский 303
 Дучко В. 9, 137, 226
 Дьяконов А.П. 96, 100–101
 Енисосова Н.В. 226, 235
 Енуков В.В. 109, 241
 Еремин И.П. 68
 Жарнов Ю.Э. 290
 Живов В.М. 211, 213, 265, 405
 Журавлев А.Ф. 48
 Зайцев А.К. 17, 235
 Зализняк А.А. 91, 137, 162
 Захаров С.Д. 137, 147–148, 223
 Захария Ритор (Псевдо-Захария) 96–106
 Зимин А.А. 207, 277–278, 284
 Зинислав 168
 Зоценко В.Н. 120, 240
 Зубов Н.И. 369
 Иафет 13, 16, 29, 212, 215, 217, 221
 Ибн Русте, Ибн Руста 117, 223
 Ибн Фадлан Ахмед 254, 283, 296–298, 300–302, 357
 Ибн Хаукал 195
 Ибн Хордадбех 116, 119, 128, 130
 Иван IV Грозный 22, 275
 Иванов Вяч. Вс. 25, 51, 266, 273, 278, 368
 Иванов С.А. 54, 105, 272, 376
 Игорь Рюрикович (Старый) 12, 60, 62, 72, 76, 118, 140, 145, 152, 157, 178–181, 187, 198, 204–206, 209, 251, 255–278, 282, 322, 384
 Иезекииль 214, 275
 Измаил 221
 Изяслав Владимирович 167, 242
 Иларион 11–12, 249, 268–269, 381
 Ильин П.М. 228
 Иловайский Д.И. 7, 93, 97, 127, 138, 140
 Иоаким 395–396
 Иаков Мних 383
 Иоанн Диякон 194
 Иордан 30–31, 38, 54, 92, 95, 96, 166
 Иосиф хазарский царь 121–122, 129
 Иосиф Флавий 380
 Исая 11
 Исланова И.В. 90
 Истрин В.М. 83
 Каинов С.Ю. 120, 144
 Калинина Т.М. 116, 194–195
 Каменецкая Е.В. 235
 Каменский А.Б. 21
 Карвер М. 310, 388
 Каргер М. К. 258, 260
 Картамышева Е.П. 299

- Карл Великий 44, 86, 159, 381
 Карл Простоватый 198
 Кий 46, 59, 69, 73, 75, 79, 259, 400
 Кий, Щек и Хорив 19, 59, 61–62, 69–73, 78, 173, 205
 Кирилл (Константин) и Мефодий 28, 35–36, 80, 88, 155, 183, 207, 210–211, 213, 219
 Кирпичников А.Н. 142
 Клейн Л.С. 8, 21, 137, 151, 197, 248, 288, 359, 363
 Ключевский В.О. 21–22, 25, 107, 151, 170, 171, 223–224, 282, 405
 Кляшторный С.Г. 125, 129
 Кнут Великий 85
 Ковалев Р. 131, 137
 Ковалевский А.П. 273
 Коваленко В.П. 224, 240–241
 Козак Д.Н. 325
 Козьма Пражский 35, 153–154
 Коковцов П.К. 121
 Колода В.В. 125, 130
 Комар А.В. 80, 108, 144, 351
 Комарович В.Л. 248, 255
 Комеч А.И. 6
 Кондаков Н.П. 334
 Конецкий В.Я. 91, 323, 360
 Коновалова И. Г. 80
 Константин (Кирилл) Философ 370
 Константин Багрянородный 6, 8, 43, 114–115, 125, 157, 158, 188, 190, 225, 230, 232, 239, 264, 271–273, 384
 Константин Великий 13, 79, 387–388
 Корзухина Г.Ф. 52, 94
 Костомаров Н. 7
 Котляр Н.Ф. 138, 253
 Кошелев А.Д. 6
 Крижанич Ю. 14, 18
 Кропоткин В.В. 109–111, 132, 192–193
 Круглов Е.В. 131
 Кузенков П.В. 184–186
 Кузьмин А.Г. 207
 Кулешов В. 185
 Куза А.В. 229
 Куник А. 258
 Курта Ф. 39, 43, 53–54, 94
 Кучкин В.А. 171, 245
 Ларин Б.А. 159
 Лебедев Г.С. 6, 144, 223, 236, 239–241, 284, 306
 Ле Гофр Ж. 24, 226, 286
 Лев и Александр имп. 208
 Лев Диакон 47, 185–186, 272, 273–274
 Леви-Строс К. 53, 263
 Леонтьев А.Е. 109–112, 148, 241
 Лидов А.М. 378
 Линдквист С. 309, 320
 Литаврин Г.Г. 6, 116, 198, 265
 Лиутпранд 204
 Лихачев Д.С. 25, 57, 63, 66, 156, 270
 Ловмянский (Ловмянский) Х. 73, 249, 258, 265, 284, 361, 363, 366
 Ломоносов М.В. 7, 8, 21–22, 213
 Лотман Ю.М. 12, 76
 Лукин П.В. 148
 Лурье Я.С. 25, 406
 Людовик Благочестивый 43, 114, 159, 186, 198
 Людовик II 116
 Лют Свенельдич 231
 Ляпушкин И.И. 45, 109, 119, 291
 Маврикий имп. 42
 Макарий 383
 Макаров Н.А. 148, 229, 245, 394, 401
 Мал князь 233, 255, 270–271, 275, 279
 Малингуди Я. 274
 Малк Любечанин 255, 279
 Малуша 255, 279
 Мани 377
 Мансикка В.И. 369
 Маразов И. 9, 100
 Марван 125
 Мартин Бельский 16, 17
 Маркварт Й. 96, 99–102, 117
 Маркс К. 199
 Мартин Турский 28
 ал-Масуди 56, 92, 341
 Мачинский Д.А. 31, 38, 142–143, 147, 161
 Мельникова Е.А. 5, 110–111, 138, 160, 195, 203, 389
 Мефодий 84, 378
 Меховский М. 20
 Микла Селянинович 90
 Миллер Г. 20–21
 Миллюков П.Н. 97

Именной указатель

- Мюллер Л.* 9
Мюллер-Вилле М. 309
Мисюгин В.М. 166, 173
Михаил III 11, 61, 66–67, 78, 88, 144, 155, 173, 183, 187, 208–209, 214, 219, 250, 256–257, 403
Михайлов К.А. 142, 144, 353
Михалон Литвин 77
Мишин Д.Е. 122, 127
Моисей 131
Мокошь 25, 359, 366–367
Молчанов А.А. 177–178
Мондайт А.Л. 95
Мосох (Мешех) 14, 16, 86, 101, 212, 216
Моця А.П. 132, 223, 235
Мстислав Владимирович 168, 172, 241–242
Мстислав (Харальд) Владимирович 135
Мурашова В.В. 133, 144, 193, 235, 351
Мыльников А.С. 12, 14, 17, 86
Мюллер Л. 9, 172
Мюллер-Вилле М. 309–310, 388
Назаренко А.В. 114, 116–118, 130, 168, 226, 247, 372
Насонов А.Н. 170–171, 243
Недошивина Н.Г. 390, 393
Нидерле Л. 15, 32, 51, 96, 289
Низами 17–18, 105
Никифор Фока 47
Никольский С.Л. 286
Новосельцев А.П. 107, 117, 125, 163, 222, 260, 268, 274–275
Ной (сыновья Ноя) 24, 26–29, 36, 64, 75–76, 78, 164, 169, 174, 191, 197, 214
Носов Е.Н. 90, 111, 137, 145, 177–178, 238, 244
Нунан Т. С. 9, 110–112, 119, 130, 132, 192, 196, 224, 260
Нюлен Э. 189
Один (Вотан) 155, 297, 313, 321, 344–345
Олав Трюггвасон 383, 386–387
Олав Святой 165
Олег Великий 72, 75, 82, 88, 118, 120–121, 132, 138, 140–145, 158, 178–179, 181, 189, 196, 198, 206, 209, 211–212, 218–222, 225, 232, 242, 249, 252–272, 282, 287, 291, 322, 382, 386, 404
Олег Древлянский 168, 231, 248, 396–398
Ольга княгиня 152, 230–235, 243, 270, 275–280, 353, 372, 383
Орлов Р.С. 359
Оттон I 372
Оттон II 372
Павел ап. 11, 35–36, 214, 220
Павел Дьякон 104–105
Палемон 20
Панченко А.М. 13
Пацито В.Т. 136, 149, 151, 156, 160, 258, 281
Перхавко В.Б. 80
Перун 25, 262, 266–267, 282, 352, 357–358, 362, 364–368, 370, 383, 389, 405
Петр Болгарский 47
Петр I 12
Пигулевская Н.В. 96–98
Пиккио Р. 9
Платонова Н.И. 235
Плетнева С.А. 6, 99, 123, 125, 128, 130, 392
Погодин М.П. 258
Позвизд (Похвист) 369
Поптэ А. 385–386
Потебня А.А. 232
Потин В.М. 112, 139
Пресняков А.Е. 152, 158, 170, 172, 232
Прицак О. 9, 129, 140
Приск 40
Прокопий Кесарийский 38, 40, 186, 267, 358, 363
Протп В.Я. 77, 301–302
Прохоров Г.М. 405
Псевдо-Кесарий 45
Птоломей 31, 98
Пушкина Т.А. 8, 193, 232, 241, 388
Пушкин А.С. 24
Пшемьсл, Пршемьсл 153–155, 180, 259
Пяст 259
Радбод 381
Радим 13, 400
Рабинович М.Г. 228
Раевский Д.С. 6, 23, 332
Разин Степан 46
Рашковский Б.Е. 86
Редвальд 397
Рогволод 167
Рогнеда 167, 242

- Род, книжный персонаж 248, 350, 359, 360
Рождественская Т.В. 9
Розенкампф А.Г. 188
 Роллон, Рольф 198, 203–204
 Роман I Лакапин 140–141
Ромодановская Е.К. 25
 Ромул (Рим) 12, 58, 79
 Рорик Фрисландский 62, 141–142
 Рос, книжный персонаж 100, 185, 214
Роздаль Э. 152
 Рус, книжный персонаж 15–19, 101
Русанова И.П. 48, 357
Рыбаков Е.А. 15, 71, 80, 92–96, 100, 122, 127, 135, 156, 160, 198, 207, 236–239, 244, 248, 303, 308, 314–315, 320, 329, 334–339, 350, 354, 359, 360, 366
Рыбаков В.В. 104
Рыдзевская Е.А. 151, 157, 262, 267, 273
 Рюрик 19–20, 60, 111–118, 133, 138, 142–147, 157, 175, 193, 222, 242, 247, 249, 250–258, 278, 282
 Рюрик, Синеус и Трувор 155, 160, 173, 246, 269
Рябинин Е.А. 90
Сагайдак М.А. 80, 144, 224, 240
 Саксон Грамматик 275
 Само, правитель славян 104
Сахаров А.Н. 18, 265
 Свенельд 254, 271, 277, 282
Свердлов М.Б. 265, 282
 Святovit 364
 Святополк Изяславич 59, 60, 83, 184
 Святополк Окаянный 166, 168, 242, 276, 404
 Святослав Игоревич 12, 60, 62, 132, 156–158, 181, 226, 238, 254, 283, 373, 384
 Святослав Древлянский 242
Седов В.В. 33, 38, 48, 92–97, 126, 146–147, 189, 322, 360, 396
Седова М.В. 238, 393, 396
Седых В.Н. 223, 388
Сендерович С. 9
 Серапион Владимирский 398
 Сигурд 345–349
 Сим 78
 Сим, Хам, Иафет (Афет) 13, 27–28, 65, 78
 Смаргл (Семаргл) 359, 366
 Сиф 64–65, 169
 Слав, Чех и Лех, книжные персонажи 13–14, 25, 101, 165
 Словен и Рус, книжные персонажи 15–16
Слуцкий Л. 9, 361
Смирнов Ю. И. 80
 Снорри Стурлусон 297
Соболевский А.И. 63
 Совий 301–303
Соловьев С.М. 22, 80, 171, 173–174, 248, 269–270
 Соломон 13, 363
Спицын А.А. 91–93, 308, 391
Станг Х. 96
Стендер-Пересен А. 161, 253
 Степан Таронит 385
Степанов Ц. 9
Стефанович П.С. 177, 250
 Страбон 32–33
 Стрибог 366–367
 Стрыйковский М. 101
Сюзюмов М.Я. 184
 Таргитай 23
Татищев В.Н. 8, 18–20, 28, 79, 374, 396
 Тацит 31, 38
Творогов О.В. 83, 403
Тиандер К. 136, 152, 163, 166
 Титмар Мерзебургский 167, 173
Тиханова М.А. 31
Тихомиров М.Н. 59, 74, 226, 243, 284
Токарев С.А. 291, 307
Толочко П.П. 244
Толстая С.М. 6, 397–399
Толстой И.И. 334
Толстой Н.И. 6, 221, 292
 Томсен В. 188, 202
Топорков А.Л. 275
Топоров В.Н. 6, 25, 48, 52, 68, 164, 266, 278, 291, 301–302, 367–368
 Тор (Донар) 307, 389
Тортика А.А. 127, 140
 Траян (Троян), книжный персонаж 369
Третьяков П.Н. 93
 Триглав 369
Трубачев О.Н. 28, 31, 37, 45
Трубецкой Н.С. 221

Именной указатель

- Турилов А.А. 369
Туры князь 242
Тюштян 154
Успенский Б.А. 268
Успенский Ф.Б. 135, 221, 397
Фальк К.-О. 190
Февральий (Февруарий) 365
Феофан Прокопович 12
Феофил имп. 114, 125, 144, 186
Феофилакт Симокатта 42, 94
Фехнер М.В. 391
Флёров В.С. 5, 95, 128, 130, 225, 227, 398
Флёрова В.Е. 340
Флоря Б.Н. 6, 19, 152, 280, 405
Фоменко А.Т. 18
Фомин А.В. 109–110, 119, 137, 226
Фомин В.В. 18
Фонякова Н.А. 336
Фотий патриарх 184–186, 188
Франклин С. 9, 65, 279
Фрейр 298, 301
Фролянов И.Я. 246
Харальд Прекрасноволосый 300
Харальд Гормссон 320, 397
Харке Г. 9, 289
Хабвургаев 32
Хасдай Ибн Шафрут (ибн Шафрут) 130, 132, 226
Хелимский Е.А. 6, 28
Хельгу (Хельги) 140
Хенгист и Хорса 155, 321
Хензель В. 56
Херрман И. 92
Ходарковский М. 9
Хорс 359, 367, 383
Хюенстранд О. 320
Цивьян Т.В. 46–47
Цолль-Адамикова Х. 299
Цукерман К. 9, 63, 71, 114–117, 120, 139–144, 211
Чаусидис Н. 322
Чекин Л.С. 221
Чехова И. 280
Черепнин Л.В. 156, 277–278, 284
Чернецов А.В. 9, 369
Шафарик П. 31
Шахматов А.А. 24–25, 28, 39, 57–60, 63–65, 68, 73, 78, 80, 83, 95, 96, 146, 151, 156, 169, 176, 179–183, 205–207, 214–215, 252–266, 279, 362, 367, 378, 387
Шепард Дж. 9, 191
Шер Я.А. 351
Шинаков Е.А. 241
Ширинский С.С. 144
Шрамм Г. 39
Штекер Й. 388, 392, 394–395
Шувалов П.В. 51
Шушарин В. П. 118
Щапов Я.Н. 172–173
Щеглова О.А. 52, 108, 327–328
Щукин М.Б. 20, 32–34, 54, 92, 289
Эймунд 165
Элиаде М. 23
Элиис-Дэвидсон Х. 328
Юшков С.В. 284
Юрий Долгорукий 173, 248, 257
Юстиниан 40, 51
Юрченко А.Г. 105
Юшков С.В. 284
Яга 301–304
Ян (Янь) Вышатич 282, 285
Янин В.Л. 137, 145, 161–162, 178, 202, 230, 233–234, 238, 243, 254, 285, 322
Янссон И. 9, 112, 137, 145, 238
Ярополк Святославич 80, 168, 248, 276, 396–398
Ярослав Мудрый (Ярицлейв) 65, 156, 162, 165–173, 179, 211, 219, 245, 248, 277, 281, 283–287, 353, 404
Ярославичи (Изяслав, Святослав, Всеволод) 65–66, 168–174, 245, 258
Ядья Антиохийский 385

Оглавление

Предисловие	5
Введение Наука истории и миф о происхождении народа: потомки Ноя и потомки «змееногой богини»	11
Глава I Начало русской истории. Славяне и летописная предыстория Руси	27
Глава II Начало Русской земли. «Русь и вси языци»	57
Глава III Восточная Европа и конец Великого переселения народов. Варяжская и хазарская дань со славян. Хазары, аланы, венгры и русь	89
Глава IV Легенда о призвании варягов.	134
Глава V Викинги на Западе и варяги на Востоке. Речные дороги, восточное серебро и происхождение имени русь	182
Глава VI Русский язык и начало славянской письменности.	205
Глава VII Начало русских городов	222
Глава VIII Начало русского государства и права. От ряда о призвании князей к «Русской Правде».	246
Глава IX Погребальный обряд: племенной и государственный культ	288

Оглавление

Глава X	Начало русского искусства. Хазарский миф и «Сага о Вёлсунгах» в Приднепровье	324
Глава XI	Выбор веры. «Язычество» и христианство в эпоху крещения Руси.	355
Заключение	Начало и конец истории? Древняя Русь и традиции русской культуры	402
Источники		407
Литература		411
Список сокращений		454
Именной указатель		456

Петрухин Владимир Яковлевич

Русь в IX–X веках.

От призвания варягов до выбора веры

Научное издание

Редактор Ю.В. Щербинина

Корректор Н.Н. Васильева

Компьютерная верстка А. Сильванович

Оформление обложки А. Сильванович

Подписано в печать 11.09.12. Формат 70×100/16.

Усл. печ. л. 37,41+1,29 вкл. Уч.-изд. л. 39,3.

Гарнитура «Миньон». Печать офсетная.

Бумага офсетная. Тираж 500. Заказ М-1066.

Издательство «ФОРУМ»:

101990, Москва—Центр, Колпачный пер., д. 9а,

тел./факс: (495) 625-32-07, 625-52-43;

e-mail: forum.knigi@gmail.com;

www.forum-books.ru

Отдел продаж издательства «ФОРУМ»:

101990, Москва—Центр, Колпачный пер., д. 9а,

тел./факс: (495) 625-32-07, 625-52-43;

e-mail: forum-ir@mail.ru, forum-knigi@mail.ru

Книги издательства «ФОРУМ» также можно приобрести:

Отдел продаж «ИНФРА-М»:

127282, Москва, ул. Полярная, д. 31в,

тел.: (495) 380-05-40, доб. 252; факс: (495) 363-92-12

Отдел «Книга — почтой»:

e-mail: podpiska@infra-m.ru

Отпечатано в полном соответствии с качеством

предоставленного электронного оригинал-макета

в типографии филиала ОАО «ТАТМЕДИА» «ПИК «Идел-Пресс».

420066, г. Казань, ул. Декабристов, 2.

E-mail: idelpress@mail.ru